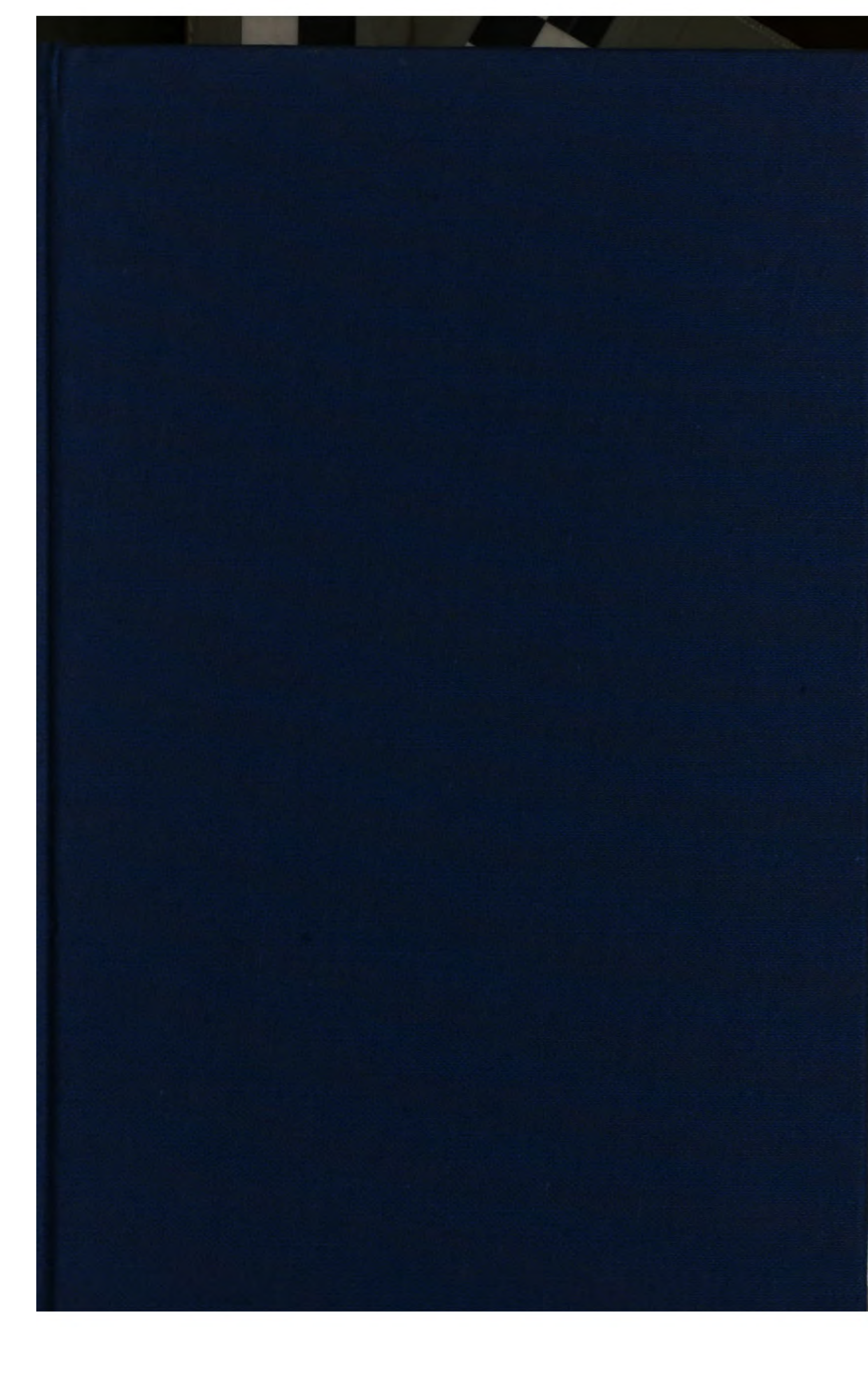
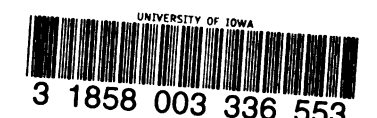

UNIVERSITY OF IOWA
3 1858 003 336 553

SLAVISTIC PRINTINGS AND REPRINTINGS

edited by

C. H. VAN SCHOONEVELD

Indiana University

158/22

1971

MOUTON

THE HAGUE · PARIS

IN COOPERATION WITH EUROPE PRINTING, VADUZ

ОКТЯБРЬ. 1897.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

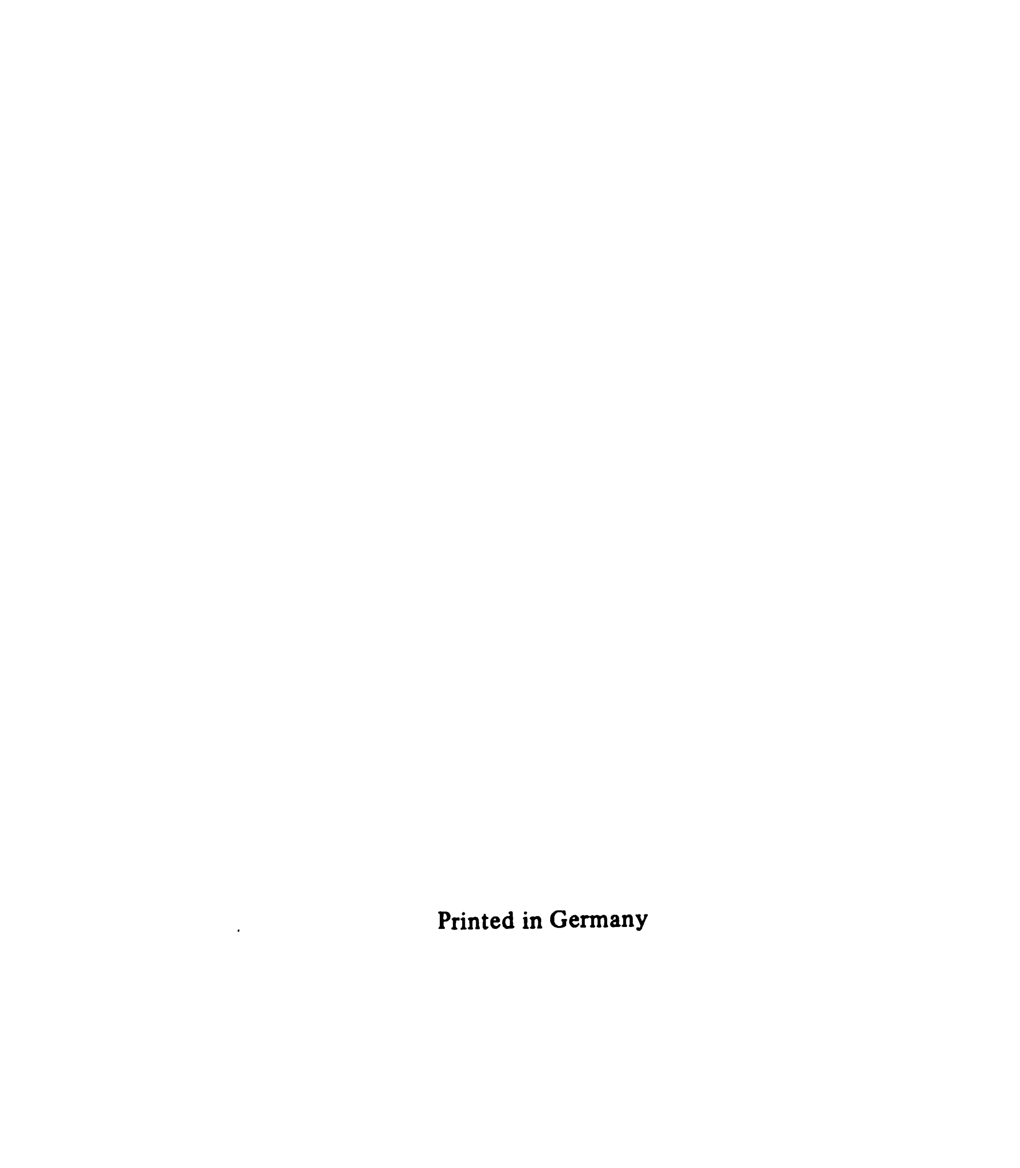
№ 10.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.

1897.

Printed in Germany

СОДЕРЖАНІЕ.

(См. на оборотѣ).

Редакторы П. Быковъ, С. Поповъ.

———

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО.

(Изъ жизни русскихъ въ Америкѣ).

XXII.

Нееловы пріѣхали въ Америку пять лѣтъ тому назадъ. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ внезапно умерла мать Маруси. Нееловъ былъ въ отчаяніи; онъ горячо любилъ жену. Послѣ ея смерти онъ впалъ въ странную апатію и забросилъ все, даже работу надъ своимъ любимымъ изобрѣтеніемъ. Тогда докторъ, лѣчившій мать Маруси, близкій другъ Неелова, сталъ уговаривать ихъ поѣхать за границу. Онъ увѣрялъ, что новыя впечатлѣнія понемногу заживятъ рану. Нееловъ, къ общему удивленію, согласился, но съ тѣмъ, что поѣдетъ только въ Америку, гдѣ попробуетъ ввести свое изобрѣтеніе. Не смотря на то, что Марусѣ приходилось бросить гимназію за годъ до окончанія курса, она была рада поѣздкѣ въ Америку. Она видѣла въ ней средство спасти отца и готова была ѣхать хоть на край свѣта.

Какъ всѣ новички, они попали прежде всего въ Нью-Іоркъ. Кипучая, дѣятельная жизнь Нью-Іорка произвела сильное впечатлѣніе на Неелова и казалась ему самой подходящей средой для практическаго осуществленія его идеи.

Нееловъ думалъ, что основой санитарной науки должно быть оздоровленіе воздуха, которымъ дышетъ городъ; что всѣ попытки разведенія парковъ, расширенія дворовъ, улицъ и т. д. ведутъ слишкомъ медленно къ цѣли, требуютъ неимовѣрныхъ денежныхъ затратъ, и всетаки жилища бѣднаго люда, даже въ богатѣйшихъ столицахъ, пока антигигіеничны до послѣдней степени. Ему казалось, что, если уже муниципалитеты большихъ городовъ признаютъ своей обязанностью удалять нечистоты, снабжать жителей водой, газовымъ и электрическимъ освѣщеніемъ, строить общественныя купальни и прачешныя, то на нихъ болѣе лежитъ еще обязанность доставлять жителямъ чистый, здоровый воздухъ, который поглощается организмомъ ежеминутно, въ огромномъ количествѣ и отъ качества котораго

зависитъ процессъ кровообращенія, т. е. главный очагъ жизни. Ясно, что настоящее городское хозяйство надо еще расширить. Нужно брать чистый воздухъ изъ окрестностей городовъ, съ моря, изъ лѣсовъ и парковъ, накачивать его въ резервуары и посредствомъ трубъ распредѣлять по улицамъ и домамъ. Въ этомъ собственно и состояла главная идея Неелова. Такой чистый воздухъ на его пути, можно было бы нагрѣвать или охлаждать и такимъ образомъ регулировать температуру жилищъ. Онъ много работалъ также и надъ искусственнымъ озонированіемъ воздуха и увлекался успѣшными опытами озонированія морской воды, сдѣланными въ Нью-Іоркѣ, причемъ цѣлые острова гніющихъ отбросовъ были дезинфецированы въ теченіе нѣсколькихъ недѣль простой поливкой. Нееловъ надѣялся, что подобная же обработка воздуха сдѣлаетъ настоящій переворотъ въ санитарномъ состояніи квартиръ небогатаго люда, живущаго въ тѣснотѣ.

Именно Нью-Іоркъ, гдѣ замѣтна сильная тенденція строиться вверхъ, благодаря ограниченности территоріи, представлялся Неелову самымъ подходящимъ мѣстомъ для примѣненія его изобрѣтенія. Глядя на громоздящіеся къ небу дома или бродя по скученнымъ улицамъ Нижняго города, гдѣ задыхаются въ міазмахъ сотни тысячъ людей, Нееловъ мечталъ о томъ днѣ, когда удушливая атмосфера этихъ домовъ замѣнится ароматическимъ лѣснымъ воздухомъ. Тогда жалкія легкія городской бѣдноты вздохнутъ свободно, безцвѣтныя лица оживятся, золотушныя дѣти обратятся въ здоровыхъ, румяныхъ ребятъ.

Многіе американцы заинтересовались его идеей и изыскивали способъ ввести ее въ жизнь. Но, убѣдившись, что скорой выгоды это дѣло не обѣщаетъ, они понемногу охладѣвали и отдалялись отъ Неелова. Общее мнѣніе было, — что городъ долженъ взять подобную антрепризу въ свои руки. Но при необыкновенной сложности общественной жизни въ Америкѣ, гдѣ политика и частные интересы, городское хозяйство и честолюбивыя цѣли представляютъ какой-то спутанный клубокъ безъ начала и конца, могло пройти много лѣтъ прежде, чѣмъ Неелову удалось бы чего нибудь добиться. Онъ неутомимо хлопоталъ нѣсколько лѣтъ, потратилъ за это время свой небольшой капиталъ и, когда ему представился случай получить мѣсто на химическомъ заводѣ въ Новомъ Вавилонѣ, вынужденъ былъ принять его.

Маруся была очень довольна, что имъ удалось найти хорошенькій коттэджъ за городомъ, близъ Новаго Вавилона. Она усердно принялась за хозяйство. Ей хотѣлось, чтобы отецъ пользовался всѣмъ возможнымъ комфортомъ въ тѣ немногіе часы, которые онъ проводилъ дома.

Лѣтомъ, особенно, ихъ коттэджъ былъ прелестенъ. Онъ утопалъ въ зелени. Лужайка, заросшая густой травой, шла отъ веранды и ковромъ растилалась вокругъ всего дома. Нѣжная зелень настурцій и душистаго горошка красиво завивалась по столбамъ террасы. Со всѣхъ сторонъ тяжелыя вѣтви яблонь нагибались къ домику, касаясь крыши и заглядывая въ окно. А вдали темнѣли угрюмыя сосны.

Маруся вставала ранехонько и бѣжала умываться къ колодцу. Освѣженная и бодрая, живо справляла она всѣ утреннія дѣла по хозяйству. У нея была привычка пѣть во время работы: шла ли она съ ведромъ къ колодцу, собирала ли яблоки, полола ли гряды, голосъ ея звучалъ одинаково задушевно и нѣжно. Тихая пѣсенка слышалась то въ домѣ, то въ саду или въ огородѣ. Марусѣ нравилась эта работа на свободѣ, на свѣжемъ воздухѣ, подъ щебетанье птицъ и стрекотанье кузнечиковъ; ей было пріятно сознаніе, что она дѣлаетъ все сама. Жили они очень просто, но во все, даже въ домашнюю работу, Маруся умѣла внести какой то поэтическій оттѣнокъ. Кухня, которая служила вмѣстѣ и столовой, была вся увѣшена картинками «въ фламандскомъ вкусѣ», какъ шутя называла ихъ Маруся. Надъ большимъ обѣденнымъ столомъ, помѣщавшимся въ углу, висѣлъ въ скромной рамкѣ великолѣпный качанъ капусты, окруженный алыми томатами. Подъ нимъ, вокругъ опрокинутой корзины съ разсыпавшимся молодымъ картофелемъ, размѣщены были картинки, изображавшія разныя овощи. Здѣсь краснѣла свекла, тутъ пучекъ редиски, тамъ прозрачный бѣлый сельдерей важничалъ своей стройностью и зеленой кудрявой головкой. Букетъ полевыхъ цвѣтовъ, висѣвшій въ простѣнкѣ между двумя окнами, казался совсѣмъ живымъ. Ромашка, фіалки, львиный зѣвъ, незабудки пестрѣли на темной, буроватой зелени сухихъ травъ и конскаго щавеля. Нѣсколько ягодъ сочной земляники краснѣли между ними.

Окна были задрапированы шитыми полотенцами, а на подоконникахъ стояли горшки гераней и розъ. Русскія красныя чашки и блюда украшали длинныя полки. Створчатый шкапъ во всю стѣну скрывалъ всѣ безпорядки, неизбѣжные въ кухнѣ. По старенькому дощатому полу, чисто вымытому, бѣжали дорожками холщевые половики.

Сегодня Маруся замѣшкалась. Солнце поднялось уже высоко, былъ чудесный лѣтній день, а она не кончила еще обычной субботней уборки дома. Въ короткомъ ситцевомъ платьѣ, съ головой, повязанной по-деревенски краснымъ платочкомъ отъ пыли, съ засученными рукавами, она спѣшно прибирала кухню. На плитѣ большой старинной печи, вдѣланной въ стѣну, шипя и сбѣгая, кипѣлъ супъ и что-то пошевеливалось въ боль-

шихъ и маленькихъ кастрюлькахъ. Вкусный запахъ разносился по кухнѣ и уходилъ въ настежъ открытыя окна.

Въ ту минуту, когда Маруся, кончивъ уборку, принялась мѣсить тѣсто для пирога, раздался стукъ въ дверь. Маруся наскоро вытерла руки и побѣжала отворять. На крыльцѣ стоялъ смуглый, худой парень, лѣтъ 15, весь въ лохмотьяхъ, и просилъ ѣсть. Маруся налила тарелку супа съ мясомъ, отрѣзала большой ломоть хлѣба, усадила парня на крылечкѣ, а сама вернулась въ кухню и стала валять пушистое, нѣжное тѣсто.

Сегодня это былъ уже третій трампъ. Совсѣмъ рано утромъ приходилъ молодой, красивый шотландецъ, пріѣхавшій недавно въ Америку изъ Эдинбурга, гдѣ онъ служилъ приказчикомъ въ одномъ изъ лучшихъ магазиновъ. Онъ наслушался чудесъ о Новомъ свѣтѣ, бросилъ родину и пустился искать счастья. Онъ привезъ съ собой отличныя рекомендательныя письма, которыя носилъ постоянно въ карманѣ, но они плохо кормили его, и приходилось просить милостыню. Странно и жалко было видѣть этого красиваго, сильнаго человѣка, протягивающаго руку за подаяніемъ. Вторымъ пришелъ обычный гость Маруси, посѣщавшій ее нѣсколько разъ въ недѣлю и называвшій ее своимъ «интимнымъ другомъ». Это былъ старикъ-англичанинъ, знававшій лучшіе дни, но теперь торговавшій пуговицами и тесемками. Весь товаръ его помѣщался въ небольшомъ дорожномъ мѣшкѣ и, конечно, не могъ прокормить его. Но старикъ былъ гордъ. «Богъ да благословитъ вашу душу, молодая дѣвушка», говорилъ онъ по окончаніи завтрака, «но я не могу принять отъ васъ милостыню». И потомъ, какъ то особенно подчеркивая, прибавлялъ... «Я ненавижу филантропію». Онъ открывалъ свой мѣшокъ и, отъискавъ въ немъ наперстокъ или игольникъ, дарилъ его Марусѣ на память. И она знала, что не принять его, значило бы оскорбить старика.

Много бродячаго народу проходило мимо ихъ коттэджа. Ивовая аллея лежала какъ разъ между большой дорогой съ одной стороны и полотномъ желѣзной дороги съ другой. Марусю удивляло, что трампы никогда не выпрашивали денегъ. Всѣ просили ѣсть, и Маруся никому не отказывала. Послѣ той ненастной зимней ночи, когда отъ нихъ убѣжалъ бродяга, напомнившій ей Бунина, Маруся дала себѣ слово не отказывать ни одному трампу. Того бродягу она не могла забыть. Особенно въ темныя, бурныя ночи, когда взрывы вѣтра потрясали ихъ домикъ, и она въ страхѣ просыпалась, мысль о несчастномъ скитальцѣ преслѣдовала ее. Вѣтеръ жалобно вылъ въ трубѣ, ставни дрожали и скрипѣли, иногда казалось, что кто-то хочетъ сорвать ихъ, а Маруся напряженно прислушива-

лась, не заскрипятъ-ли шаги на снѣгу. Ей казалось почему-то, что онъ придетъ опять именно въ такую ночь. Она страстно ждала этого оборваннаго, всклокоченнаго бродягу съ страннымъ дикимъ взглядомъ, чтобы отогрѣть его, накормить и успокоить. А за нимъ ей виднѣлось кроткое лицо Бунина съ добрыми, вдумчивыми глазами, и вотъ оба сливались въ одинъ образъ, въ одного человѣка, за котораго у нея болѣло и ныло сердце. Этотъ далекій, одинокій странникъ сдѣлался ей близкимъ и роднымъ.

Маруся защипала пирогъ, поставила его въ печь и вышла на крыльцо. Трампъ кончилъ свой завтракъ и, подавая ей пустую тарелку, сказалъ: «Благодарю васъ, миссъ.» Потомъ онъ потоптался на мѣстѣ, почесалъ за ухомъ и съ смущеннымъ видомъ прибавилъ:—Я весъ оборвался... Нѣтъ-ли у вашего отца старыхъ брюкъ? Они помогли-бы мнѣ найти работу.

Маруся отнеслась къ этой просьбѣ очень серьезно и просто. Она понимала, какую важную роль играетъ въ Америкѣ одежда для человѣка, ищущаго работы. Притомъ-же, несмотря на ея молодость, въ ней начинало складываться какое-то особенное, почти материнское чувство къ этимъ бѣднякамъ.

— Погодите минутку,—сказала она и ушла въ домъ.—Она порылась въ гардеробѣ отца и нашла старую пару.

— Вотъ,—сказала она,—но ихъ нужно прежде починить.

Трампъ покраснѣлъ отъ удовольствія.

— Благодарю васъ, миссъ. Не могу-ли я ихъ отработать?

Маруся подумала.

— Хорошо,—отвѣтила она.—Наколите немного дровъ въ подвалѣ—вы тамъ все найдете—а я пока ихъ починю. Вотъ дверь, потяните ручку кверху.

Трампъ открылъ подъемную дверь у самаго крыльца и нырнулъ въ подвалъ. Скоро послышались удары топора. Маруся сѣла на крыльцо и тоже принялась за работу.

Черезъ нѣсколько минутъ дверь приподнялась и оттуда выглянула голова парня.

— Я кончилъ, миссъ.

— И я кончила,—сказала Маруся.

— Могу я ихъ надѣть внизу, въ подвалѣ, миссъ?

— Конечно.

Онъ опять нырнулъ въ подвалъ и довольно долго не показывался. Маруся сбѣгала въ кухню, взглянула на пирогъ, сидѣвшій въ печкѣ, и вернулась съ веревкой и ножницами: у крыльца до такой степени разросся кудрявый обезьяній апельсинъ (Monkey orange), что тяжелые плоды его падали на дорожку; нужно было его подвязать. Она была занята этой работой, когда изъ подвала выскочилъ трампъ. Лицо его сіяло блаженствомъ.

— Благодарю васъ, миссъ. Это капитальная услуга, миссъ. Я никогда ея не забуду. Прощайте, миссъ.

Все это онъ проговорилъ быстро, въ одинъ духъ, и понесся по дорожкѣ, свистя и подпрыгивая въ какомъ то телячьемъ восторгѣ. У калитки онъ чуть не сшибъ съ ногъ кого-то, но не обратилъ на это вниманія и поскакалъ дальше.

Маруся не вѣрила своимъ глазамъ—у калитки стоялъ высокій человѣкъ, до того похожій на *прежняю* Бунина, что это только и могъ быть самъ Бунинъ. Тѣ же довольно коротко остриженные волосы, маленькая бородка и мягкій взглядъ близорукихъ глазъ. Даже, кажется, тотъ же мѣшковатый сѣрый пиджакъ. Значитъ, тогда, ночью, это былъ не онъ? У нея точно гора съ плечъ свалилась.

Онъ нерѣшительно приближался къ ней. Она пошла къ нему навстрѣчу, по дорожкѣ, и привѣтливо протянула ему обѣ руки.

— Константинъ Сергѣевичъ, это вы, живой, здоровый... Какъ я рада, ахъ, какъ рада и разсказать не умѣю!

Бунинъ молча жалъ ея руки и робко заглядывалъ ей въ глаза. Отъ волненія онъ не могъ говорить.

— Ну, что же вы молчите?—спрашивала Маруся.—Вѣдь вы останетесь у насъ сегодня? Неправда-ли? Папа скоро вернется съ завода, и мы будемъ вмѣстѣ обѣдать. Давно ли вы здѣсь? Пойдемте на веранду, разскажите мнѣ все...

— На веранду?—вырвалось у него.—Нѣтъ, только не на веранду.

Маруся остановилась. Онъ колеблется? Что это значитъ? Изъ подъ низко надвинутаго на лобъ платочка на него сверкнулъ тревожный взглядъ.

— Скажите это вы были, тогда, зимою?..

Онъ опустилъ голову.

— Да, я,—почти прошепталъ онъ.

— Константинъ Сергѣевичъ, какъ же вамъ не стыдно было уйти?—заговорила она порывисто.—Вѣдь мы измучились за васъ, и папа, и я. Особенно я, папа—не вѣрилъ, что это были вы. Уйти въ такую ночь! Вѣдь вы могли замерзнуть, умереть съ голода. Ахъ, это ужасно, ужасно... Даже и теперь вспомнить не могу. Какъ могли вы уйти? Это какое-то непонятное, безжалостное отношеніе къ себѣ и недовѣріе къ людямъ!

— Марья Дмитріевна, — заговорилъ растроганный Бунинъ.—Поймите, мнѣ было страшно совѣстно. Вѣдь я такъ напугалъ васъ! Я долженъ былъ уйти, я не могъ иначе...

— Глупости, глупости, вы не должны были уходить,—зажала уши Маруся.—Ну вотъ, а теперь, въ наказаніе, пойдемте на эту самую веранду и тамъ, на мѣстѣ преступленія, извольте мнѣ все разсказать...

Она взбѣжала на веранду, пододвинула Бунину тростниковую качалку, а сама сѣла въ низкій гамакъ, привязанный въ углу. Смущеніе Бунина начинало проходить. Онъ никакъ не думалъ, что все обойдется такъ легко, и радостно смотрѣлъ на Марусю, милую, простую Марусю въ ситцевомъ платьѣ и красномъ платочкѣ, которая сидѣла и нетерпѣливо покачивалась въ гамакѣ, ожидая разсказа.

— Ну, что же?—сказала она наконецъ, видя что онъ молчитъ.

— Я право не знаю, что и разсказывать. Все это было такъ просто,—заговорилъ, точно оправдываясь, Бунинъ.—То, что случилось со мной, вещь самая обыкновенная. Тысячи рабочихъ послѣ выставки въ Чикаго вытерпѣли то-же. Видите ли, послѣ выставки я остался безъ работы. Въ это время организовалась индустріальная армія, и я присоединился къ ней. Дѣло наше лопнуло—вы, вѣроятно, знаете это по газетамъ—и я остался безъ работы, на большой дорогѣ. Шатался изъ города въ городъ, искалъ работы, голодалъ... Отъ холода и голода немудрено и «озвѣрѣть». Въ этомъ состояніи «озвѣрѣнія» я попалъ какимъ-то невѣроятнымъ образомъ къ вамъ въ коттэджъ. Вотъ и все.

Маруся съ опущенной головой покачивалась въ гамакѣ. Онъ не говорилъ о томъ, что выстрадалъ, но она и безъ словъ все отлично понимала. За послѣднее время столько трамповъ прошло передъ ея глазами, столько разнообразныхъ исторій пришлось ей выслушать, что жизнь бродяги была для нея открытой книгой. Она знала, какія страшныя лишенія выпадаютъ на его долю, какую нравственную пытку онъ терпитъ. Она подняла глаза на Бунина. Онъ измѣнился послѣ Чикаго, поблѣднѣлъ и похудѣлъ. Глаза стали серьезнѣе, но все такіе же добрые. И на нее онъ совсѣмъ не сердится. Все простилъ...

— А что вы теперь дѣлаете, Константинъ Сергѣевичъ?—спросила она, участливо глядя на него.

— О, теперь я устроился совсѣмъ бариномъ, — воскликнулъ улыбаясь Бунинъ,—работаю переводчикомъ въ конторѣ фабрики «Гармонія». Это мѣсто я получилъ, недавно, съ недѣлю тому назадъ. Управляющій случайно узналъ, что я знаю языки и предложилъ мнѣ это мѣсто. А прежде я работалъ нѣсколько недѣль на той же фабрикѣ, прядильщикомъ.

— Нѣсколько недѣль!—воскликнула Маруся. И ни разу не зашли къ намъ!

— Я не могъ... право, я не могъ,—сказалъ Бунинъ.

— А гдѣ же вы были послѣ... послѣ той ночи?

— Въ больницѣ.

— Вы были больны? Ахъ, это ужасно!—Маруся вспых-

нула и закрыла лицо руками. Нѣсколько мгновеній она сидѣла молча.

— Я не знала, Константинъ Сергѣевичъ,—заговорила она опять, отнимая руки отъ взволнованнаго лица,—я не знала, что вы такой гордый. Отчего вы не дали намъ знать?

— Я былъ такъ боленъ, что забылъ обо всѣхъ,—откровенно отвѣчалъ Бунинъ.

Оба смолкли. У Маруси глаза блестѣли какимъ-то страннымъ влажнымъ блескомъ. Казалось вотъ-вотъ слезинка упадетъ съ длинной рѣсницы. Но она сдержалась.

— Знаете-ли, Марья Дмитріевна,—началъ опять Бунинъ,— кто составилъ мнѣ протекцію на фабрикѣ?

— Кто?

— Маленькій Финогенъ, садовникъ мистера Тутля.

— Какъ же вы его узнали? Вы бывали здѣсь?

— Да, нѣсколько разъ и видѣлъ васъ черезъ заборъ.

— И не зашли къ намъ... А я то... Вы не только гордый, вы злой,—съ негодованіемъ сказала Маруся.

— Марья Дмитріевна, если вы поставите себя на мое мѣсто и вникните въ мое положеніе, вы поймете, что я не могъ. Я не хотѣлъ придти къ вамъ нищимъ. Какъ только я немного справился, я пришелъ.

Онъ смотрѣлъ на нее такими кроткими, ласковыми глазами, что она не выдержала.

— Вы правы,—сказала она тихо,—я бы, пожалуй, сдѣлала тоже самое на вашемъ мѣстѣ. Скажите, какимъ образомъ вамъ помогъ Финогенъ?

— Видите-ли,—началъ Бунинъ,—на фабрику теперь попасть очень трудно: каждое утро человѣкъ двѣсти безработныхъ ждетъ у воротъ. Оказалось, что у Финогена родственникъ привратникомъ въ «Гармоніи». Онъ былъ много лѣтъ ткачемъ, но ему оторвало руку машиной, и компанія дала ему мѣсто привратника. Онъ устроилъ мнѣ дѣло черезъ одного формана. Сначала, дня три, я ходилъ учиться, а потомъ меня приняли прядильщикомъ.

— И вы сами пряли? — спросила Маруся. Она представляла себѣ, что прядутъ только женщины.

— Нѣтъ, это совсѣмъ невѣрное названіе. Я долженъ былъ только слѣдить за машиной и надвязывать оборвавшуюся нитку, которая наматывается машиной на веретено. Вы себѣ представьте это: машина на всемъ ходу, штукъ 500 веретенъ кружатся со страшной быстротой передъ глазами, и одинъ человѣкъ, на пространствѣ нѣсколькихъ саженъ, долженъ подмѣтить каждую оборвавшуюся нитку.

— Трудная, должно быть работа, — замѣтила внимательно слушавшая Маруся.

— Не трудная, но страшно дѣйствующая на нервы. Не забудьте, что кругомъ адскій грохотъ машинъ, который не прерывается ни на одинъ мигъ. Притомъ нужно напряженное вниманіе. Чуть не досмотришь — нитка оборвалась и запуталась. Значитъ, всѣ веретена на станкѣ не работаютъ, и фабрикѣ убытокъ. За это, конечно, штрафъ. Особые надсмотрщики строго слѣдятъ, чтобы не было остановокъ. И вотъ, такимъ образомъ мечешься цѣлый день, отъ шести и до шести. Къ вечеру человѣкъ совершенно истощенъ. А главное—непріятно чувствовать себя какой-то ничтожной частицей огромной машины. Обидно какъ-то... Исполняешь роль винтика, до котораго не додумался изобрѣтатель.

— А въ конторѣ легче?—спросила Маруся.

— Гораздо легче, но тоже скучно и однообразно.

Маруся сидѣла задумчиво, подперевъ голову рукой.

— Да,—сказала она послѣ нѣкотораго молчанія,—моя работа, домашняя, несравненно лучше. Зависишь отъ себя, распредѣляешь ее, какъ хочешь, какъ удобнѣе. Сначала я тратила очень много времени, но теперь приспособилась и даже полюбила ее. Я дѣлаю все утромъ, а въ это время дня уже свободна и много рисую. Когда мы жили въ Нью-Іоркѣ, я ходила въ школу живописи.

— Можно взглянуть на ваши рисунки?—спросилъ Бунинъ.

— Конечно, можно. Но они еще плохи. Техника сильно хромаетъ. Пойдемте, они въ той комнатѣ. Маруся встала.

Бунинъ чувствовалъ себя очень хорошо. Онъ не ожидалъ такого радушнаго пріема. Маруся обращается съ нимъ совсѣмъ такъ, какъ прежде, даже ласковѣе и такъ просто относится къ труду. Онъ чувствовалъ, что въ ея глазахъ онъ нисколько не униженъ ролью простого рабочаго.

Онъ остановился у дверей. Да, вотъ та комната! Какъ хорошо онъ ее помнитъ. Она похожа на кабинетъ ученаго, такъ много въ ней книгъ. А вотъ и стѣна, покрытая картинами, которыхъ онъ не могъ разсмотрѣть тогда.

На стѣнѣ висѣло множество дѣтскихъ портретовъ. Наивные и лукавые, серьезные и смѣющіеся глазки смотрѣли на Бунина, какъ живые. Два негритенка съ густыми черными волосами въ мелкихъ кудряхъ выдѣлялись темными пятнами между русыми головками бѣлыхъ. Толстыя, красныя губы, приплюснутый носъ, большіе черные глаза «съ поволокой» и какой-то особенный, мечтательный взглядъ рѣзко отличали ихъ отъ шустрыхъ американскихъ дѣтей.

— Откуда вы набрали столько ребятъ?—спросилъ Бунинъ.

— Я и не думала ихъ набирать, они сами пришли,—засмѣялась Маруся.—Это все дѣти рабочихъ. Я сдѣлала портретъ нашего маленькаго сосѣда, сына кучера м-съ Тутль, и пода-

рила ему. Онъ сталъ имъ хвалиться, и у меня теперь нѣтъ отбоя отъ моделей. Вотъ эти два мальчика, которые стоятъ, вытянувшись, какъ два солдата, пришли первые и просили меня снять съ нихъ портреты. Потомъ слава моя такъ разрослась, что теперь приходится многимъ отказывать. Но для меня это хорошая практика, вѣдь я обыкновенно рисую еще дубликатъ, который даю модели въ награду за сеансы.

— Константинъ Сергѣевичъ,—перебила она себя,—посмотрите, вѣдь это папа идетъ въ концѣ аллеи и съ нимъ еще кто-то, кажется, Красавцевъ, вы его помните? Мнѣ нужно переодѣться. Простите, я въ одну минуту... Вы идите къ нимъ навстрѣчу, я васъ догоню.

Маруся убѣжала. Бунинъ подошелъ къ окну. Странная вещь: съ тѣхъ поръ, какъ онъ увидѣлъ Марусю сегодня, ни разу мысль о Красавцевѣ не пришла ему въ голову. И даже теперь въ немъ не было того остраго чувства, которое охватило его въ огородѣ, когда Финогенъ сообщилъ ему новость о помолвкѣ Маруси съ Красавцевымъ. Кто знаетъ, правда-ли это? Бунинъ видѣлъ въ окно, какъ два человѣка шли по ивовой аллеѣ. Одинъ—высокій, благородный старикъ, отецъ Маруси, симпатичный ему даже въ минуты суровой строгости, какъ въ ту несчастную ночь; другой... Но къ другому у него было такое странное чувство недовѣрія, антипатіи и страха, такое скверное и тяжелое чувство, что онъ усиленно старался побѣдить его и пошелъ къ нимъ на встрѣчу.

XXIII.

Благородный басъ шелъ, помахивая тросточкой и, узнавъ Бунина, удивленно приподнялъ свои густыя брови. «А, Monsieur Бунинъ!»—неопредѣленно протянулъ онъ. Онъ былъ одѣтъ щеголевато до приторности—безукоризненно модный амеканскій покрой платья, безукоризненное бѣлье... Отъ его прежняго небрежно-артистическаго вида не осталось и слѣда. Волосы были коротко подстрижены, и шея казалась некрасивой и непомѣрно-длинной.

Нееловъ крѣпко пожалъ Бунину руку. Въ его серьезномъ и привѣтливомъ взглядѣ Бунинъ не прочелъ никакого вопроса и былъ благодаренъ ему за это. Ему не хотѣлось говорить объ ихъ послѣдней встрѣчѣ при Красавцевѣ.

— Очень радъ васъ видѣть,—сказалъ Нееловъ.—Мы часто о васъ вспоминаемъ. Давно-ли вы въ Новомъ Вавилонѣ?

— Да, ужъ порядочно,—уклончиво отвѣтилъ Бунинъ.—А вы совсѣмъ основались здѣсь?

— Да, до поры, до времени... Не знаю, долго-ли прожи-

вемъ. Меня зовутъ въ Англію. Трудно русскимъ жить въ Америкѣ—неподходящій мы народъ. Изъ насъ всѣхъ, кажется, одинъ только Николай Львовичъ вполнѣ акклиматизировался... Неправда-ли?—обратился онъ къ Красавцеву.

— Да, au fond я ничего не имѣю противъ американцевъ,—заговорилъ Красавцевъ.—Ils ne manquent pas de générosité—ces Yankees. Et puis je fréquente la crême de la societé *).

Красавцевъ важничалъ. Онъ небрежно ронялъ слова и какъ то особенно водилъ носомъ въ воздухѣ. Выразительно прищуривъ глаза, онъ смотрѣлъ вдоль аллеи.

Навстрѣчу имъ шла Маруся. Ея стройная фигура, въ свѣтломъ платьѣ, вся залитая солнцемъ, двигалась впередъ легко и граціозно. Волосы, туго заплетенные въ одну тяжелую косу, придавали ея головкѣ изящную простоту. Она весело улыбалась, и ямочки на ея щекахъ были прелестны. Красавцевъ не спускалъ съ нея глазъ.

— Ты поздно сегодня, папочка,—сказала Маруся, поздоровавшись съ Красавцевымъ и подходя къ отцу.—Вѣрно ты не ожидалъ встрѣтить у насъ такого гостя? Представь себѣ, оказывается, что Константинъ Сергѣевичъ живетъ въ Новомъ Вавилонѣ.

— Да, да, я очень обрадовался, услыхавъ объ этомъ,—сказалъ старикъ.—Сегодня я тотчасъ-же узналъ васъ, Константинъ Сергѣевичъ, а то разъ зимой Маруся приняла одного... одного господина за васъ. Фантазерка она у меня, знаете-ли, художница. Ну что, не правъ-ли я былъ?—говорилъ онъ, ласково гладя дочь по головѣ.

Она взглянула смѣющимися глазами на него, потомъ на Бунина, и сказала:

— Ужъ и не знаю, кто правъ...—Потомъ, быстро перемѣнивъ тонъ въ дѣловой, прибавила.—Папочка: ты, вѣрно, очень голоденъ. Да и всѣ... Пойдемте обѣдать. Я боюсь, что у меня обѣдъ совсѣмъ испортился, столько времени онъ стоитъ и ждетъ, чтобы кто-нибудь сжалился надъ нимъ и съѣлъ его.

— Идемте, идемте, господа, милости просимъ,—сказалъ Неелевъ, отворяя калитку и пропуская гостей впередъ.

— Какая идиллія!—воскликнулъ Красавцевъ, входя на веранду.—Молодая прелестная хозяйка, домикъ въ зелени, ароматъ цвѣтовъ... Sapristi! mais c'est à vous rendre fou?

— Если вы не имѣете ничего противъ, то пройдемте сюда, въ кухню,—сказалъ Неелевъ.—Мы здѣсь обѣдаемъ обыкновенно: Марусѣ удобнѣе подавать.

Всѣ усѣлись за длинный столъ, на которомъ дымился ро-

---

*) У нихъ нѣтъ недостатка въ великодушіи,—у этихъ Янки! При томъ же я вращаюсь въ сливкахъ общества.

зоватый борщъ и манилъ вкуснымъ запахомъ пышный пирогъ съ кашей. Маруся, накинувъ большой кумачевый фартукъ, скрывшій ея свѣтлое платье, хлопотала около стола. Бунину казалось, что онъ никогда въ жизни не ѣлъ такого вкуснаго обѣда. Все нравилось ему въ этомъ маленькомъ домикѣ съ оригинальной полуартистической обстановкой. Онъ сидѣлъ рядомъ съ Нееловымъ и почти не смотрѣлъ на Марусю, но сбоку слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ и любовался ею. Противъ Бунина сидѣлъ Красавцевъ съ видомъ развѣнчаннаго короля. Онъ былъ чѣмъ-то недоволенъ. Вообще съ тѣхъ поръ, какъ Бунинъ не видалъ его, онъ сильно измѣнился. Морщина между бровями легла какъ-будто еще глубже, и во взглядѣ черныхъ глазъ не было прежняго огня. Онъ рѣдко улыбался. «Что-то не похожъ онъ на счастливаго жениха»,—подумалъ Бунинъ и протянулъ свою тарелку Марусѣ, прося еще кусокъ пирога.

— Какъ я рада, что вамъ нравится,—сказала Маруся.

— Да,—замѣтилъ Нееловъ.—Теперь Маруся хорошо стряпаетъ. Но еслибы вы знали, что бывало прежде, когда шла борьба двухъ началъ: хозяйства и живописи. Разъ прихожу я домой и застаю цѣлое наводненіе—кухня полна воды. Оказывается, что Маруся забыла завернуть кранъ, ушла рисовать, а вода текла изъ крана болѣе часа.

— Папа, папа, каяться можно только въ своихъ грѣхахъ, а не въ чужихъ,—весело протестовала Маруся.—А помнишь, какъ разъ ты дѣлалъ опыты, пришла м-съ Тутль, и ты нѣсколько минутъ говорилъ съ ней, не узнавая ея?

Благородный басъ положилъ въ ротъ послѣдній кусокъ пирога и глубоко вздохнулъ.

— Не знаю, je souffre, quand je pense ce que vous avez eu a souffrir *), стряпая этотъ пирогъ,—сказалъ онъ.—Чадъ, руки въ мукѣ! Боже! я-бы никогда не позволилъ своей женѣ стряпать, не позволилъ-бы ея нѣжнымъ рукамъ дотронуться до этой грубой работы.

— Я думаю, что вы, вообще, не позволили-бы вашей женѣ дѣлать то, что она захочетъ,—сказала Маруся съ оттѣнкомъ насмѣшки въ голосѣ. Бунинъ подмѣтилъ, что, когда она говорила съ Красавцевымъ, въ глазахъ ея мелькали какія-то капризныя, задорныя искорки, точно она его поддразнивала.

Благородный басъ сложилъ руки, возвелъ на Марусю взглядъ, полный нѣжнаго упрека, и сказалъ, покачивая головой: «Vous êtes injuste envers moi, mademoiselle. Я думаю, всякій мужчина съ сколько нибудь рыцарскимъ чувствомъ пойметъ меня.

---

*) Я страдаю, когда думаю, сколько вы страдали.

Женщина цвѣтокъ, созданный для нѣги и роскоши. Enfin il y a les cuisinières...

— А развѣ кухарки не женщины?—живо спросила Маруся.

— Мнѣ кажется, ничего не можетъ быть лучше кушанья, сготовленнаго руками любимой женщины,—вдругъ ляпнулъ Бунинъ и страшно покраснѣлъ.

Благородный басъ взглянулъ на него свысока.

— Ah, ça, c'est égoiste,—процѣдилъ онъ нѣсколько презрительно.—А что, М-r Бунинъ, какъ вамъ нравится Америка?—вдругъ перемѣнилъ онъ разговоръ.—Нашли ли вы ту Утопію или Гармонію, или je ne sais quoi, что вы искали?

— Утопіи я не нашелъ, а въ Гармоніи служу,—засмѣялся Бунинъ. Ему было такъ хорошо, что никакія насмѣшки не могли его тронуть.—Что касается Америки, то мы, вѣроятно, познакомились съ ней съ двухъ разныхъ сторонъ. Я слышалъ, что вы пошли въ гору, разбогатѣли? Говорятъ, у васъ уже есть своя консерваторія?

— Да,—важно сказалъ Красавцевъ.—Je ne peux pas me plaindre,—мнѣ удалось положить основаніе классической музыкѣ въ Новомъ Вавилонѣ. Я давалъ уроки пѣнія дочери м-съ Тутль, la comtesse de Chevalier, et ça a fait ma fortune. Вы знакомы съ м-съ Тутль? Une femme superbe—настоящее демократическое величіе. Ah, c'est une grande nation, elle a un avenir!—прибавилъ онъ и многозначительно покачалъ головой.

— Да,—задумчиво протянулъ Нееловъ,—удивительный народъ!

— Vous les admirez, monsieur, n'est ce pas?—живо обернулся къ нему Красавцевъ.

— Не знаю,—сказалъ Нееловъ.—У меня очень сложное чувство къ Америкѣ. Его не опредѣлишь однимъ словомъ. Помню, когда мы приближались къ Нью-Іорку и въ первый разъ увидѣли его чудную гавань, я воскликнулъ: «Это край, благословенный Богомъ!» Но когда я присмотрѣлся, какъ живутъ здѣсь люди, вглядѣлся въ эту безпощадную борьбу за наживу, эту вѣчную войну между людьми, я ужаснулся.

— Здѣсь каждый по своему стремится къ счастью, voilà tout,—проронилъ Красавцевъ.

Какъ человѣкъ, остановившійся на опредѣленной практической цѣли, онъ не любилъ отвлеченныхъ разсужденій. Бунинъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ смотрѣлъ на него. Ему вспомнилось, какъ два года тому назадъ въ Нью-Іоркѣ Красавцевъ самъ разносилъ эту «страну доллара».

— Счастье!—воскликнулъ Дмитрій Петровичъ.—Но въ чемъ видѣть счастье? Взгляните кругомъ, чѣмъ живутъ эти люди? Всѣ ищутъ счастья въ богатствѣ, во власти, въ славѣ.

Каждый борется за себя, каждый съ ожесточеніемъ и яростью готовъ топтать другихъ, лишь бы вскарабкаться повыше! Какая-то живая пирамида давящихъ другъ друга людей. Снизу слышны страшные стоны и крики, но никто не обращаетъ на нихъ вниманія. Всѣ тянутся кверху. Слѣпцы! Они не понимаютъ, что нельзя строить свое счастье на несчастьи другого. Эти стоны и крики отравятъ имъ жизнь!

Старикъ замолчалъ и нервно крошилъ хлѣбъ быстрымъ движеніемъ пальцевъ. Маруся тихонько встала, подала на столъ блюдо съ фруктами и опять сѣла, устремивъ серьезный, вдумчивый взглядъ на отца. Красавцевъ нетерпѣливо игралъ цѣпочкой отъ часовъ.

— Et cependant la vie est courte, il faut en jouire tant bien que mal,—какъ то вяло протянулъ онъ.

— Да, но я именно и хочу доказать, что люди не могутъ наслаждаться жизнью, когда рядомъ съ ними ихъ близкіе, ихъ братья страдаютъ!

Неēловъ всталъ и въ волненіи зашагалъ по комнатѣ.

— Но, насколько мнѣ извѣстно, филантропія въ Америкѣ въ цвѣтущемъ состояніи,—сказалъ благородный басъ.

Бунинъ все время молчалъ,—ему не хотѣлось при Красавцевѣ касаться этихъ вопросовъ,—но тутъ онъ не выдержалъ.

— Да, филантропія образцовая,—замѣтилъ онъ насмѣшливо.—Въ Чикаго, во время кризиса, послѣ выставки, безработныхъ кормили кабаки, которые давали даровую закуску, а на счетъ благотворительныхъ заведеній рабочіе острили, что «ихъ выкуриваютъ оттуда карболкой».

— Да, что филантропія!—махнулъ рукой Неēловъ.—Въ самомъ лучшемъ случаѣ это «замаливаніе» старыхъ и очень крупныхъ грѣховъ противъ того же народа... Не странно-ли, что эти милліоны долларовъ, жертвуемые на университеты, обсерваторіи, высшія техническія школы и проч. и проч. идутъ отъ людей, изъ которыхъ многіе, только благодаря случайности, не попали на скамью подсудимыхъ. Мнѣ нечего упоминать ихъ имена. Газеты полны ими. А еще смѣются надъ Англіей, что она слишкомъ много и нѣжно занимается въ газетахъ каждою мелочью, касающеюся королевы Викторіи! Что же сказать объ нѣжности американскихъ газетъ къ своимъ милліонерамъ? Эти жертвователи и филантропы—воротилы крупнѣйшихъ промышленныхъ синдикатовъ, и на ихъ совѣсти сотни тысячъ раззоренныхъ и много убитыхъ «Пинкертоновскими сыщиками».

— Que'est ce?—вопросительно протянулъ Красавцевъ.

— Неужели вы не слыхали? Въ Америкѣ есть частное войско знаменитаго «Сыскного Агентства» Пинкертона, которое капиталисты нанимаютъ, по 5 долларовъ въ день на человѣка, для усмиренія бунтующихъ рабочихъ. Такъ вотъ, подоб-

ные рыцари индустріи, желая увѣковѣчить свою память, бросають милліоны на учебныя заведенія, гдѣ попечительства, избранныя изъ среды милліонеровъ, ревниво слѣдятъ за правильнымъ направленіемъ въ наукѣ. Конечно, это умный способъ бумировать себя, но тутъ нѣтъ и тѣни филантропіи въ настоящемъ смыслѣ слова. Уже одна эта манера кричать на весь міръ о каждой своей подачкѣ мнѣ просто отвратительна. Сколько тутъ ханжества!

Дмитрій Петровичъ прошелся раза два по комнатѣ и остановился передъ Бунинымъ.

— Я вамъ говорю,—сказалъ онъ,—что и у меня какое-то странное, двойственное чувство къ Америкѣ. Я удивляюсь ей и вмѣстѣ жалѣю ее... Говорятъ, Америка послѣднее слово прогресса... и дѣйствительно, когда подумаешь о природномъ богатствѣ этой страны, о чудесныхъ открытіяхъ въ области техники, передъ ней положительно преклоняешься. Взгляните, какъ величественно стоятъ эти промышленные дворцы, какъ гордо работаютъ гиганты-машины. Но гдѣ-же царь творенія? Гдѣ человѣкъ? А вотъ онъ обливается потомъ въ температурѣ, удобной для машинъ, но убійственной для человѣка, вотъ онъ, этотъ царь, покоряющій себѣ природу. Онъ изо дня въ день, по 12 часовъ поднимаетъ и опускаетъ одинъ и тотъ-же рычагъ. Этимъ ограничивается его дѣятельность, этимъ онъ живетъ! Нечего сказать, хорошо это хваленое автоматическое производство, гдѣ кстати и человѣкъ обращенъ въ автомата. Да, а съ фабрики, гдѣ окна не отворяются, чтобы не испортить машинъ и матеріала, онъ идетъ въ тѣсную крошечную квартиру безъ воздуха и задыхается тамъ ночь, а утромъ опять то же...

Неѣловъ ходилъ большими шагами по комнатѣ и говорилъ, уже не обращаясь ни къ кому особенно. По временамъ онъ проводилъ рукой по лбу, точно хотѣлъ отогнать неотвязныя мысли. Глаза его блестѣли, и Бунину казалось, что они чѣмъ то напоминаютъ глаза Маруси. Но блескъ ихъ нисколько не походилъ на мягкій свѣтъ, который горѣлъ въ ея глазахъ. Во взглядѣ Неѣлова чувствовалось сильное нервное возбужденіе.

— Да, поработили рабочаго на заводѣ или фабрикѣ, обратили въ автомата, и за все это не даютъ даже дышать свѣжимъ воздухомъ! А если кто нибудь начнетъ говорить объ этомъ правѣ каждаго комара, каждой козявки и требуетъ его для человѣка, его называютъ утопистомъ... Эхъ, что и говорить!—Онъ, видимо, вспомнилъ о неудачахъ своего проекта, махнулъ рукой и снова сѣлъ къ столу.

— Да и какое значеніе можетъ имѣть новая идея при капиталистическомъ строѣ,—началъ онъ снова съ горечью въ голосѣ, точно отвѣчая на какую-то невысказанную мысль.—Поло-

жимъ, вы изобрѣли что нибудь полезное для человѣчества. Хорошо. Но отъ кого зависитъ провести его въ жизнь? Отъ капиталиста. Если въ идеѣ вашей есть деньги, онъ беретъ ее, если нѣтъ, погибайте вы себѣ и съ вашей идеей. Да, вотъ какова роль изобрѣтателя,—онъ лишенъ даже возможности отдать свое изобрѣтеніе въ пользу общества. Капиталистъ смотритъ на него съ презрѣніемъ и говоритъ: «Ты—ничто. Вся сила въ деньгахъ. Захочу—куплю, захочу—задушу». Да, именно задушитъ. Развѣ мало изобрѣтеній покупается за грошъ и хоронится, если они опасны для конкуренціи? Капиталистъ всегда и вездѣ слизнетъ пѣнку. Слыхали вы о всемірно извѣстномъ тормозѣ для жел. дорогъ? Онъ придуманъ однимъ рабочимъ и купленъ у него за нѣсколько сотъ долларовъ хозяиномъ, который окрестилъ его своимъ именемъ и нажилъ милліоны. А вотъ еще образчикъ: одинъ знаменитый изобрѣтатель получилъ за свой телефонный патентъ 6 тысячъ долларовъ въ годъ, а черезъ два часа по заключеніи контракта этотъ самый патентъ былъ проданъ за полтора милліона.

Неёловъ замолчалъ и опять зашагалъ по комнатѣ.

— Вотъ вы говорите, Дмитрій Петровичъ,—началъ тихо Бунинъ,—Америка страдаетъ за грѣхи людей... Но вѣдь и здѣсь есть прекрасныя, чистыя души! Только вамъ приходится сталкиваться съ другимъ народомъ. Конечно, это правда, и здѣсь идетъ угнетеніе однихъ другими, какъ во всемъ мірѣ... Но вѣдь это зависитъ отъ общаго строя жизни... А вотъ я жилъ въ другой средѣ, съ бѣднотой, но какихъ людей я встрѣчалъ...

И, совершенно забывъ, что не хотѣлъ говорить при Красавцевѣ о своихъ приключеніяхъ, Бунинъ съ жаромъ началъ разсказывать о разныхъ встрѣчахъ и случаяхъ изъ своей жизни въ Америкѣ. Цѣлой вереницей потянулись въ его памяти знакомыя фигуры. Двумя, тремя характерными штрихами, разсказомъ о выдающемся поступкѣ, объ отношеніи къ людямъ, онъ оживлялъ эти фигуры передъ своими слушателями. Онъ говорилъ объ юношѣ-идеалистѣ Гульдѣ, о семьѣ старика Робертса, о мистикѣ-проповѣдникѣ Чарльзѣ Броунѣ, о товарищахъ своихъ по индустріальной арміи и говорилъ такъ горячо и любовно, вполнѣ поддаваясь естественной склонности человѣка видѣть въ прошломъ только хорошее, что совершенно увлекъ своихъ слушателей. Марусю привела въ положительный восторгъ исторія двухъ дѣвушекъ, взявшихъ поѣздъ. Она слушала съ разгорѣвшимися щеками, не пропуская ни одного слова.

— Нѣтъ, нѣтъ, Дмитрій Петровичъ,—закончилъ Бунинъ,—не произносите приговора ни надъ одной страной въ мірѣ. Вездѣ есть люди, вездѣ пробивается живая струйка...

Благородный басъ подошелъ къ Бунину и съ серьезнымъ видомъ протянулъ ему руку.

— Votre main, M-eur Бунинъ,—сказалъ онъ, и Бунинъ отвѣтилъ крѣпкимъ рукопожатіемъ. У него было радостно на душѣ.

— Дмитрій Петровичъ,—обратился Красавцевъ къ Неелову,—я хотѣлъ предложить вамъ проѣхаться въ слѣдующее воскресенье на Ніагарскій водопадъ. Это совсѣмъ близко отсюда. Часа четыре ѣзды. Можно выѣхать рано утромъ и вернуться къ ночи.

— Ахъ, какая чудная мысль!—воскликнула Маруся, — я давно мечтала объ этомъ. Папочка, милый, поѣдемъ!

— И радъ-бы, да не могу, Маруся: у меня работы по горло недѣли на двѣ. Нужно обязательно ее кончить до поѣздки въ Англію.

— Поѣдемте со мной, Марья Дмитріевна,—сказалъ Красавцевъ.—Въ тонѣ его слышалась мольба.—Хоть за то, что вы такъ подтрунивали надо мной сегодня.

— Хорошо,—живо отвѣтила Маруся,—только съ тѣмъ, чтобы и Константинъ Сергѣевичъ ѣхалъ съ нами. Пожалуйста, Константинъ Сергѣевичъ, поѣдемте. Неужели вамъ не хочется видѣть Ніагару? Говорятъ, это лучшее, что есть въ Америкѣ. Папа, можно намъ ѣхать втроемъ?

— Такъ вотъ ты когда меня спрашиваешь,—засмѣялся Нееловъ.—Сначала сама наприглашала себѣ товарищей, а потомъ—«папа, можно?»

Маруся обняла отца и крѣпко поцѣловала его вмѣсто отвѣта.

— Что-же, ѣдемъ?—спросила она, стоя передъ Бунинымъ и глядя на него живымъ, блестящимъ взоромъ.

— Ѣдемъ,—съ улыбкой отвѣчалъ Бунинъ, невольно подчиняясь приказу жизнерадостныхъ глазокъ.

Громкій звонокъ раздался въ передней, и Маруся, сбросивъ передникъ, побѣжала отворять.

— Какъ вы поживаете, миссъ Мэри? Извините меня, я къ вамъ на минутку по дѣлу. Я не войду; сядемъ здѣсь на верандѣ. Надѣюсь, я не помѣшала вамъ обѣдать,—говорилъ у входныхъ дверей рѣзкій женскій голосъ, который показался Бунину знакомымъ.

— М-съ Тутль,—сказалъ Красавцевъ.—Я пройду на веранду.

Бунина Нееловъ пригласилъ въ кабинетъ. Онъ поставилъ маленькій столикъ у окна, принесъ папку съ эскизами работы Маруси и усадилъ Бунина въ качалку, а самъ взялъ газету и закурилъ сигару.

— Не люблю я эту бабу,—шепнулъ онъ Бунину.

Громкій голосъ м-съ Тутль рѣзко раздавался на верандѣ, и въ кабинетѣ было слышно каждое слово.

— Я перейду прямо къ дѣлу, миссъ Мери, если позволите. Вы, конечно, знаете нашего пастора, м-ра Джонса?

— Того, который ѣздитъ на велосипедѣ?—спросила Маруся.

— Да, многіе судятъ его очень строго за то, что онъ позволяетъ себѣ разныя свѣтскія удовольствія, несвойственныя его сану. Но дѣло не въ томъ. Онъ необыкновенно энергичный человѣкъ и удивительный филантропъ. Какихъ только фокусовъ онъ ни придумалъ, чтобы поддержать свой приходъ, который онъ принялъ совсѣмъ бѣднымъ. Начать съ того, что онъ устроилъ въ своей церкви лимонные митинги, которые привлекаютъ массу дамъ.

— Лимонные митинги?—снова послышался голосъ Маруси.

— Да, м-ръ Джонсъ придумалъ это привлекательное названіе. Это просто собранія, на которыхъ подаютъ чай съ лимономъ, à la russe. Они очень популярны. Потомъ еще одна его выдумка дала блестящіе результаты... я хочу сказать—денежные. Мы устроили живыя картины—«ноги Трильби», съ призомъ. Вы, конечно, знаете эту героиню романа Дюморье... у нея были удивительныя ноги. Вы всетаки, я вижу, не догадываетесь, въ чемъ дѣло! о, это удивительно остроумная выдумка, которая дѣлаетъ честь мистеру Джонсу. Представьте себѣ: изъ подъ занавѣса, приподнятаго на четверть аршина отъ земли, показываются ножки хорошенькихъ прихожанокъ м-ра Джонса. Конечно, не босыя, а въ башмакахъ. Самая красивая нога получила призъ и, представьте, черезъ недѣлю, барышня, получившая призъ, вышла замужъ! Въ другой разъ нѣсколько хорошенькихъ прихожанокъ м-ра Джонса продавали съ аукціоннаго торга свои поцѣлуи. Ахъ, но вѣдь все это такъ невинно и изящно! Въ этомъ году мы никакъ не могли придумать что нибудь совсѣмъ свѣженькое и оригинальное. М-ръ Джонсъ мечталъ устроить искусственное столкновеніе поѣздовъ — вы слышали, какой это имѣло успѣхъ въ Буффало... но это требуетъ большихъ затратъ. Взамѣнъ я предложила устроить живыя картины въ моемъ домѣ и, какъ новинку, мы хотимъ поставить «Свадебный пиръ» вашего художника Маковскаго. Вотъ по этому поводу я и пришла къ вамъ, миссъ Мери. Ваша помощь, какъ художницы, намъ необходима. Насъ смущаютъ нѣкоторыя детали: напр., можно ли замѣнить лебедя гусемъ? Годится ли мебельная матерія на кафтаны бояръ? Можно ли женскіе русскіе уборы замѣнить старинными англійскими? Но обо всѣхъ этихъ мелочахъ мы поговоримъ завтра, я зайду къ вамъ часа въ три, а теперь я воспользуюсь случаемъ и попрошу м-ра Красавцева также принять участіе въ нашемъ благотворительномъ вечерѣ и спѣть что нибудь русское.

— М-съ Туттль, vous n'avez qu'à commander, — отвѣчалъ самымъ любезнымъ тономъ благородный басъ. — Когда назначенъ вашъ вечеръ?

— Въ слѣдующую субботу, ровно черезъ недѣлю.

— Вы можете вполнѣ разсчитывать на меня,—повторилъ Красавцевъ.

— Очень, очень вамъ благодарна. Вы премного меня обяжете. Ахъ, я и забыла сообщить вамъ главное: представьте, у насъ обѣщалъ быть самъ мистеръ Какэсъ. Вы встрѣчали его у насъ, м-ръ Красавцевъ?

— Да, имѣлъ удовольствіе.

— Я непремѣнно познакомлю васъ съ нимъ, миссъ Мэри. Это джентльменъ съ утонченнѣйшими манерами и президентъ нѣсколькихъ филантропическихъ обществъ! Онъ «стоитъ» четыре милліона. Недурно для Новаго Вавилона, неправда-ли? Это одна изъ самыхъ аристократическихъ нашихъ фамилій—сливки сливокъ. И какая доброта! Недавно къ намъ забѣжала больная кошка. Она не могла ничего ѣсть, и мы не знали, что съ ней дѣлать. Я написала м-ру Какэсу — онъ президентъ общества покровительства животнымъ—и, представьте, на другой же день за больной кошкой пріѣхали въ каретѣ и увезли ее. Я была такъ рада и за кошку, и за общество. Такъ до свиданія миссъ Мэри, до свиданія, м-ръ Красавцевъ, я буду на васъ разсчитывать. Надѣюсь, что вы оба будете. Не забудьте, что самъ м-ръ Какэсъ обѣщалъ быть, и м-съ Какэсъ тоже. Они зададутъ тонъ, знаете-ли. До свиданія, до завтра.

Калитка хлопнула, и Бунинъ увидѣлъ, какъ высокая дама въ изящномъ сѣромъ туалетѣ величественно шла по ивовой аллеѣ, направляясь къ большому дому.

XXIV.

Каждое утро, ровно въ пять часовъ, протяжный грубый звукъ, похожій на ревъ звѣря, раздавался по всему Новому Вавилону. Это фабричный свистокъ «Гармоніи» будилъ рабочихъ. Вслѣдъ за нимъ, точно его безобразное эхо, хрипѣли и визжали съ разныхъ сторонъ свистки другихъ фабрикъ. Во всѣхъ домахъ хозяйки начинали суетиться съ завтракомъ. Въ шесть часовъ начиналась работа.

Новый Вавилонъ представлялъ собою типъ американскаго фабричнаго города. Одна Гармонія насчитывала до 5 тысячъ рабочихъ, да кромѣ нея было еще нѣсколько другихъ заводовъ. Неудивительно, что фабричный строй наложилъ особую печать на весь складъ жизни Новаго Вавилона. Все населеніе города было тѣсно связано съ фабрикой: одни работали на

нее, другіе кормили и поили рабочихъ. Фабричный свистокъ поднималъ всѣхъ съ постелей, по свистку всѣ бѣжали на фабрику; въ 12 часовъ ревѣлъ третій свистокъ, и весь городъ наполнялся громкимъ топотомъ, точно шло цѣлое войско; это рабочіе спѣшили обѣдать. По четвертому свистку всѣ неслись обратно на фабрику, и только въ шесть часовъ, когда раздавался послѣдній ревъ, возвѣщавшій окончаніе работъ, фабричные шли тише, усталые и грязные, но довольные, что дневная лямка кончилась. Въ Новомъ Вавилонѣ все жило фабрикой и для нея.

За исключеніемъ улицы Союза,—съ прелестными виллами, утопавшими въ садахъ, гдѣ жила высшая аристократія фабрикъ,—да еще немногихъ старыхъ зданій, весь городъ состоялъ изъ двухъ-этажныхъ домиковъ одного фасона, которые приготовляются по частямъ на заводахъ, пересылаются по желѣзной дорогѣ и въ нѣсколько недѣль выростаютъ на мѣстѣ. Конечно, красоты отъ такихъ зданій ожидать нельзя,—они однообразны и шаблонны до нельзя.

Домъ вдовы Дженкинсъ, у которой Бунинъ нанималъ комнату, стоялъ надъ песчанымъ обрывомъ, на горѣ. Изъ оконъ открывался видъ на весь городъ, ютившійся внизу, въ долинѣ. М-съ Дженкинсъ съ гордостью говорила, что другого такого вида нѣтъ во всемъ городѣ. Эта маленькая, толстая женщина обладала счастливой способностью, свойственной всѣмъ американцамъ, гордиться всѣмъ своимъ. Конечно, болѣе всего она гордилась Америкой, потому что другой такой страны нѣтъ во всемъ мірѣ: потомъ Новымъ Вавилономъ,—вѣдь это самый старый городъ Соединенныхъ Штатовъ—ему 200 лѣтъ! Домомъ своимъ она гордилась потому, что стѣны его, состоявшія изъ двухъ деревянныхъ обшивокъ съ пустотой между ними, были на шесть дюймовъ толще, чѣмъ у сосѣдей; наконецъ, она гордилась своей родней, а особенно двумя нью-іоркскими кузинами, изъ которыхъ одна служила въ модномъ магазинѣ, гдѣ на ней примѣряли платья, а другая изображала третью ногу у трехногаго чуда-женщины на Коней-Айландѣ. Покойный мужъ м-съ Дженкинсъ «былъ необыкновеннымъ дѣльцомъ и велъ свою мясную торговлю, какъ никто». Жильцы не долюбливали м-съ Дженкинсъ за ея болтливость. Когда она попадала на своего конька и начинала разсказывать о доблестяхъ своихъ родственниковъ, краснорѣчіе ея было неистощимо. Она разсказывала не только о родственникахъ, но и объ ихъ друзьяхъ, и объ друзьяхъ этихъ друзей, такъ что въ головѣ слушателя получался какой-то невѣроятный винегретъ изъ именъ бабушекъ, тетушекъ, дядюшекъ, племянницъ, etc. etc. Но, не смотря на эту слабость, она отлично успѣвала справлять одна, безъ прислуги, всѣ дѣла по дому и кормить своихъ жильцовъ,

которыхъ, кромѣ Бунина, у нея было пять человѣкъ. А когда по субботамъ, послѣ уборки, надѣвъ плюшевую тальму и шляпку, нѣсколько смахивавшую на головной уборъ дикаго индѣйца, она величественно выступала по Стэтъ-Стритъ, всякій могъ принять ее за «настоящую леди», конечно съ американской точки зрѣнія.

Въ Новомъ Вавилонѣ не было времени, болѣе оживленнаго, какъ суббота вечеръ. Наканунѣ получалось жалованіе, работа въ субботній день кончалась ранѣе обыкновеннаго, и къ вечеру на главную улицу Новаго Вавилона высыпало все населеніе. Стетъ-Стритъ принимала элегантный видъ. Лавки, въ которыхъ къ субботѣ товаръ подновлялся, да и старый сходилъ за новый, ослѣпительно сіяли электричествомъ. Въ шикарныхъ барышняхъ и кавалерахъ, которые прохаживались по асфальтовому троттуару, нельзя было узнать чумазыхъ рабочихъ и работницъ, недавно вернувшихся съ фабрики. Въ то время, какъ матери дѣлали закупки по хозяйству, а дочери увлекались заманчиво выставленными нарядами, мужчинъ тянулъ другой магнитъ—пивная, гдѣ собирались потолковать о дѣлахъ. Такимъ образомъ, все содѣйствовало правильному распредѣленію только что полученнаго жалованія.

За два мѣсяца, которые Бунинъ, послѣ выхода изъ больницы, прожилъ въ Новомъ Вавилонѣ, онъ сильно скучалъ. Послѣ бродячей жизни, хотя и полной лишеній, но безусловно свободной, монотонность фабричной жизни подавляла его. Ему казалось, что весь городъ обратился въ огромную машину, управляемую повелительнымъ ревомъ парового свистка. Сонъ, аппетитъ, отдыхъ, все подчинялось этому дикому звуку. Онъ начиналъ ощущать въ душѣ нѣчто въ родѣ оскомины. Особенно воскресенья казались ему невыносимыми. Утро онъ сидѣлъ дома и читалъ безконечно длинный воскресный номеръ демократической газеты «Свѣтъ». Мимо оконъ разряженный народъ проходилъ въ церковь — служба по воскресеньямъ шла четыре раза въ день. Всѣ шли съ набожнымъ видомъ, несли въ рукахъ молитвенники, но когда по улицѣ пролеталъ на своемъ велосипедѣ щеголеватый пасторъ Джонсъ, Бунину приходило въ голову, что, вздумай длинноволосый деревенскій попъ въ Россіи прокатиться такимъ образомъ, его, пожалуй, приняли бы за чорта.

Бунина тянуло къ русскимъ. Еще въ Чикаго онъ отправилъ нѣсколько писемъ на родину, и пока получилъ отвѣтъ только отъ своей старушки-матери. Изъ Новаго Вавилона онъ писалъ товарищамъ много и обстоятельно, но никто до сихъ поръ не отвѣчалъ. Отвѣта отъ Белами онъ ужъ давно пересталъ ждать.

Разъ онъ былъ въ театрѣ. Не смотря на то, что онъ копилъ каждый грошъ на платье, которое изъ трампа должно

было обратить его въ равноправнаго гражданина, онъ не могъ устоять противъ искушенія. Его завораживало названіе пьесы: «Мрачнѣйшая Россія» (Darkest Russia). Каждый день, впродолженіи недѣли, когда онъ шелъ на работу и когда возвращался, его преслѣдовали эти нелѣпыя слова. Онъ видѣлъ ихъ всюду, на столбахъ съ объявленіями, въ окнахъ магазиновъ и кабаковъ, въ газетахъ... М-съ Дженкинсъ объяснила ему, что эта пьеса уже четыре года ѣздитъ по Америкѣ и имѣетъ колоссальный успѣхъ. На всѣхъ стѣнахъ, предназначенныхъ для объявленій, были наклеены громадныя литографіи, изображавшія отдѣльныя сцены изъ «Мрачнѣйшей Россіи», а вверху красовался двуглавый орелъ.

Бунинъ сгоралъ отъ нетерпѣнія и любопытства и въ день спектакля забрался въ театръ чуть не первый. У входа его поразили два чучела огромныхъ медвѣдей, стоявшихъ на заднихъ лапахъ и свирѣпо встрѣчавшихъ публику своими оскаленными зубами. Надъ входомъ въ зрительный залъ висѣлъ цѣлый рядъ портретовъ русскихъ государей съ двуглавымъ орломъ надъ ними.

Поднялся занавѣсъ и для Бунина началась настоящая пытка. Все было фальшиво съ начала и до конца, все ходульно и нелѣпо: и героиня, полька-скрипачка, наряженная въ русскій сарафанъ и кокошникъ, играющая польскія пѣсни на улицахъ Петербурга, и «министръ полиціи», похожій на деревяннаго солдатика, выкрашеннаго въ зеленую краску, и страшилища - заговорщики, всклокоченные, съ свирѣпыми лицами, падающіе трусливо ницъ при первомъ залпѣ изъ ружей, и, наконецъ, мегера-мать, жена министра полиціи, приговаривающая къ ссылкѣ въ Сибирь, безъ суда, всѣхъ виноватыхъ и невинныхъ и въ томъ числѣ своего собственнаго сына, случайно попавшаго къ заговорщикамъ. И весь этотъ «мракъ» былъ напущенъ авторомъ только ради того, чтобы выставить удивительную находчивость и мудрость самаго зауряднаго американца изъ Кентуки, который держитъ въ рукахъ всѣ нити интриги и направляетъ правосудіе на настоящій путь.

Публика бѣсилась отъ восторга, а Бунинъ отъ злости. Онъ ушелъ изъ театра въ отвратительномъ настроеніи, вдругъ почувствовавъ себя чужимъ и одинокимъ.

Вотъ въ этомъ то настроеніи Бунинъ рѣшилъ, наконецъ, пойти къ Нееловымъ. Тамъ онъ нашелъ крошечный уголокъ Россіи, этотъ день все перевернулъ. У него точно оттаяла душа.

Черезъ недѣлю послѣ субботы, проведенной у Нееловыхъ, Бунинъ, вернувшись домой, нашелъ изъ Россіи письмо отъ своего лучшаго товарища и друга, который жилъ съ нимъ въ общинѣ. Письмо звало его назадъ, на родину. Его просили

пріѣхать на деньги, собранныя товарищами, на «общественныя деньги».

Онъ долго сидѣлъ въ раздумьи надъ письмомъ и съ волненіемъ нѣсколько разъ перечитывалъ одно мѣсто.

«Трудъ перевоспиталъ тебя, ты сталъ заправскимъ работникомъ... Великое дѣло: теперь не пора-ли вернуться? Не удаляешься-ли ты отъ своей цѣли, не уходитъ-ли она изъ твоихъ глазъ, оставляя тебѣ одну узенькую цѣль—борьбы за личное существованіе. Не сердись же, если я наведу тебя на грустныя размышленія: со стороны многое виднѣе... Гдѣ же выходъ? Выходъ въ тебѣ самомъ. Оглянись на себя безпристрастно. Неужели твоя энергія, не можетъ пригодиться на что-нибудь болѣе полезное, здѣсь, на родинѣ? Людей порядочныхъ, дѣльныхъ, готовыхъ полюбить дѣло и работать для него безъ страха и упрека, такъ мало, а дѣла такъ много! Горе наше въ томъ, что всѣ хорошіе люди ищутъ «чистенькаго мѣстечка», уходятъ отъ практическаго дѣла, а всѣ дѣла остаются въ рукахъ людей, гоняющихся за выгодой и часто нечестныхъ. Пріѣзжай, мы всѣ, твои прежніе товарищи, просимъ тебя. Ты намъ нуженъ, нуженъ, какъ другъ, и нуженъ, какъ работникъ».

Долго сидѣлъ Бунинъ надъ этимъ письмомъ, глубоко задумавшись. Этотъ призывъ съ дальней родины звучалъ такъ тепло и затрогивалъ самое больное мѣсто въ его душѣ. Здѣсь. въ Вавилонѣ, онъ чувствовалъ себя одинокимъ. Онъ не выносилъ своей нелѣпой полу-писарской должности въ конторѣ «Гармоніи». Его снова тянуло къ осмысленному общему дѣлу. Онъ зналъ, что принесетъ пользу. Конечно, онъ по прежнему не знаетъ никакой спеціальности, за то въ Америкѣ онъ научился «брать быка за рога», а это чего-нибудь да стоитъ. Теперь никакая работа его не испугаетъ. Онъ готовъ былъ ѣхать тотчасъ же. Но за послѣднее время въ его жизнь ворвалось что-то новое, не имѣвшее для него прежде никакого значенія. Именно теперь, когда это «новое» удерживало его отъ немедленнаго рѣшенія ѣхать въ Россію, куда онъ стремился всѣмъ существомъ, онъ понялъ, какъ это «новое» захватило его. Этотъ вопросъ нужно было рѣшить.

Бунинъ не замѣтилъ, какъ стемнѣло. Онъ вышелъ на улицу. Народъ шелъ на Статъ - стритъ. Бунинъ свернулъ въ болѣе глухія улицы и черезъ нѣсколько минутъ очутился за городомъ на живописной дорожкѣ, которая бѣжала извилинами по краю глубокаго оврага до самой ивовой аллеи въ имѣніи м-ра Тутля. Сегодня вечеръ у м-съ Тутль, и Маруси нѣтъ дома. «Все равно, прогуляюсь. Зайду къ Финогену, я давно у него не былъ»,—оправдывался передъ собой Бунинъ и зашагалъ впередъ.

Густая вечерняя мгла уже спустилась на землю. Въ кустахъ смолкали понемногу голоса засыпавшихъ птицъ. Глубоко, на днѣ оврага, журчала вода. Вверху оврагъ весь заросъ кустарникомъ, и Бунинъ съ трудомъ пробирался сквозь чащу. Вѣтви хлестали его по лицу и раза два сбросили съ него шляпу. Это мѣсто нравилось ему своею дикостью. На противоположной сторонѣ оврага кое-гдѣ загорались огни, но капризныя ночныя тѣни заволакивали все—и землю, и кусты, и тропинку. Идти становилось трудно. Бунинъ выбрался на большую дорогу и здѣсь пошелъ быстрѣе, — полотно дороги ясно бѣлѣло передъ нимъ. Шумъ города стихалъ. Влѣво, на горѣ возвышался надъ всею мѣстностью, горя тысячами огней, средневѣковый замокъ. Это на фабрикѣ «Гармонія» шла ночная работа, и оттуда доносился однообразный, монотонный гулъ.

Погруженный въ свои думы, Бунинъ не замѣтилъ, какъ дошелъ до поворота въ ивовую аллею.

Здѣсь онъ на мгновеніе остановился въ раздумьи. Зачѣмъ онъ собственно туда идетъ? И, не давъ себѣ никакого отвѣта, онъ опять зашагалъ впередъ. Въ коттеджѣ подъ яблонями не было видно огня. Но большой домъ ярко сіялъ изъ за темныхъ сосенъ. Бунинъ прошелъ черезъ ворота парка и по боковой тропинкѣ пробрался въ огородъ, къ сторожкѣ. Финогенъ какъ разъ въ это время запиралъ ее, собираясь, повидимому, куда то уходить.

— А, мой русскій другъ,—воскликнулъ онъ, разсмотрѣвъ въ темнотѣ Бунина. — Наконецъ-то вы собрались ко мнѣ. А я хотѣлъ пойти посмотрѣть, какъ наши «лорды» веселятся. Не хотите-ли и вы взглянуть? Если мы станемъ у того крайняго окна, подъ жимолостью, насъ никто не замѣтитъ, а намъ будетъ отлично видно. Ужъ очень мнѣ досадно —живыя картины я прозѣвалъ, позвали меня въ кухню помочь повару. А теперь начинаются танцы. Вотъ и музыка заиграла.

Финогенъ взялъ Бунина подъ руку и повелъ его по лугу узенькой тропинкой. Черезъ нѣсколько мгновеній они стояли у послѣдняго, углового окна, подъ кустомъ разросшейся жимолости, совершенно ею скрытые.

Большая зала, помѣщавшаяся въ нижнемъ этажѣ, была полна народомъ. Веселый говоръ вырывался въ отворенныя окна.

— Взгляните, зала-то какая! — шопотомъ заговорилъ Финогенъ.—М-ръ Тутль очень ею гордится. Сегодня утромъ развѣшиваю я цвѣты, а онъ говоритъ мнѣ: «Замѣтьте, Финогенъ, во всей Америкѣ такой залы не сыщешь. Она мнѣ стоила бѣшеныхъ денегъ. Такая зала есть только во дворцѣ французскихъ королей около Парижа, да у меня, м-ра Тутля». Я

чуть не лопнулъ отъ смѣха. Могу себѣ представить, какую рожу скорчили бы французскіе короли, еслибъ знали, что у бывшаго старьевщика, м-ра Тутля, такая же зала, какъ у нихъ.

Зала дѣйствительно была чудная, въ два свѣта, съ бѣлымъ мраморнымъ поломъ и бѣлыми стѣнами, чуть тронутыми нѣжнымъ золотымъ рисункомъ. Гирлянды живыхъ цвѣтовъ спускались съ хоръ и обвивали стройныя колонны. Откуда-то сверху неслись звуки мечтательнаго вальса, и залитыя бриллiантами дамы въ воздушныхъ туалетахъ томно присѣдали подъ его разслабляющiй, медленный ритмъ. Ихъ манеры казались Бунину очень странными. Только для сцены, не для обыкновенной жизни, годились эти дѣланныя улыбки, эти искусственно грацiозныя движенiя, эта напускная важность. Въ одной изъ группъ, окружавшихъ танцующихъ, Бунинъ замѣтилъ молодую женщину поразительной красоты. Она была высока и стройна. Маленькая черноволосая головка съ тяжелымъ узломъ Психеи, проколотымъ золотой стрѣлой, грацiозно покоилась на нѣжной лебединой шеѣ. Глубокiй вырѣзъ бѣлаго платья, падавшаго тяжелыми складками вокругъ ея стройной фигуры, открывалъ прекрасныя плечи. Въ ней было что-то античное.

— Кто она?—спросилъ Бунинъ Финогена.

Тотъ закатился тихимъ смѣшкомъ.

— Самая настоящая, породистая аристократка, отъ старьевщика и прачки. Это молодая графиня, дочь м-ра Тутля. Красавица, нечего говорить. А жеребчикъ, который передъ ней прыгаетъ, молодой м-ръ Какэсъ. А вонъ и самъ м-ръ Какэсъ.— Финогенъ указалъ на краснолицаго господина съ лысой головой, гладкой, какъ мыло. Маленькiй вздернутый носикъ на большомъ кругломъ лицѣ и толстыя отвислыя уши придавали ему смѣшной видъ стараго младенца. Сынъ походилъ на него, какъ двѣ капли воды, и уже начиналъ лысѣть.

— Такъ вотъ они — сливки сливокъ, которыя «даютъ тонъ»,—вспомнились Бунину слова м-съ Тутль. Онъ подумалъ, какъ мало подходитъ Маруся къ этой разряженной, возбужденной толпѣ и сталъ искать ее глазами. Но ни ея, ни Красавцева не было видно.

Въ кустахъ что-то зашуршало. Бунинъ оглянулся. Маленькая дѣтская фигурка дергала Финогена за рукавъ. «М-ръ Финогенъ, васъ зовутъ вертѣть мороженое»,—сказалъ тоненькiй голосокъ.—Сейчасъ, сейчасъ иду, дитя мое, сказалъ Финогенъ.— Ужъ вы извините меня, м-ръ Бунинъ. На свое горе обѣщалъ имъ помочь вертѣть мороженое. А вы не уходите, подождите меня, я скоро вернусь.

Онъ убѣжалъ. Бунинъ постоялъ еще нѣсколько минутъ— онъ надѣялся увидѣть Марусю. Но вдали, въ отворенныя двери

залы, виднѣлась еще цѣлая амфилада комнатъ. Она могла быть гдѣ-нибудь далеко, можетъ быть въ послѣдней.

Одна изъ танцующихъ паръ отдѣлилась и направилась къ окну. Дама, обмахиваясь вѣеромъ, усѣлась на диванчикѣ у самого окна. Она могла его замѣтить.

Бунинъ соскочилъ съ камня, на которомъ стоялъ, неслышными крупными шагами пробѣжалъ по мягкой лужайкѣ и очутился въ сосновой аллеѣ.

Здѣсь было тихо и темно, пахло смолой и лѣтней сыростью. Старыя сосны стояли, не шевелясь. По землѣ разстилались огромныя странныя тѣни, похожія на какія-то чудовищныя лапы.

Бунинъ прошелъ подъ сосны, сѣлъ на низкую дерновую скамью и опять сталъ смотрѣть на домъ м-ра Тутля, гдѣ «буржуазная аристократія» веселилась въ «залѣ французскихъ королей». Танцующія пары мелькали мимо оконъ, и томные звуки вальса лились непрерывно. Изъ темноты домъ казался еще эффектнѣе—бѣлый, весь залитый электрическимъ свѣтомъ, съ верандой, украшенной цвѣтными фонариками... А тамъ, за нимъ, въ вышинѣ, выдѣлялся въ темномъ небѣ еще болѣе темный силуэтъ стариннаго замка съ зубчатыми башнями и безчисленными свѣтящимися окнами. И тамъ не спали еще люди: только тамъ не танцовали, а работали. Оттуда тоже неслись звуки, тупые, невнятные, но съ замѣчательно опредѣленнымъ ритмомъ. Бунинъ зналъ, что этотъ равномѣрный шумъ производитъ два громадныхъ красныхъ гиганта, приводящіе въ движеніе всю фабрику и заглушающіе лязгъ другихъ машинъ. Отъ нихъ дрожитъ земля и сотрясаются стѣны. Но теперь до того мѣста, гдѣ сидѣлъ Бунинъ, всѣ эти совокупные звуки доносились неясно и глухо. Они казались страннымъ, черезчуръ мрачнымъ аккомпаниментомъ къ легкомысленному мотиву вальса, который рвался на лужайку изъ «залы французскихъ королей». На минуту «Гармонія» показалась Бунину «дисгармоніей».—«Рай для машинъ и адъ для людей», говорилъ о ней безрукій привратникъ, искалѣченный однимъ изъ красныхъ гигантовъ. И, не смотря на это, онъ стремился опять въ этотъ адъ. «Лучше бы они отняли у меня мѣсто, и отдали мнѣ руку—я бы опять пошелъ работать», говорилъ онъ. Странное существо человѣкъ! Воображенію Бунина представились длинные ряды выхоленныхъ, самодовольно-щелкающихъ машинъ, а около нихъ худыя, полуодѣтыя фигуры мужчинъ и женщинъ, заботливо, съ неусыпнымъ вниманіемъ, ухаживающихъ за этими чистенькими, звякающими совершенствами. Съ какой тщательностью сдуваютъ они съ машинъ каждую пылинку, не заботясь о томъ, что эта самая густая, волокнистая пыль толстымъ слоемъ покрываетъ ихъ легкія и сокращаетъ ихъ жизнь. «Безобразіе»!—проворчалъ Бунинъ.—

«Лучше и не думать...» Онъ растянулся во всю длину на скамьѣ, закинувъ руки за голову, и сталъ смотрѣть вверхъ.

Надъ верхушками вѣковыхъ сосенъ безконечно темнѣло строгое синее небо и дрожали звѣзды холоднымъ, прерывистымъ свѣтомъ. А вокругъ, въ воздухѣ, на деревьяхъ и кустахъ, носились, точно спустившіяся съ неба звѣздочки, свѣтящіеся жучки. На темной зелени сосенъ эти блестящіе, безпокойные огоньки принимали совсѣмъ фантастическій видъ. Бунинъ подумалъ, что въ Россіи ему никогда не приходилось видѣть такого количества свѣтящихся жучковъ. Онъ лежалъ тихо. Мягкое стрекотаніе кузнечиковъ пріятно раздражало его слухъ. До сихъ поръ онъ его не замѣчалъ, а теперь, лежа на скамьѣ, онъ слышалъ только его. Всѣ другіе, дальніе звуки блѣднѣли...

— Но я люблю васъ, Маруся,—вдругъ рѣзко раздалось совсѣмъ близко отъ него, и онъ мгновенно весь похолодѣлъ и замеръ.—Это былъ голосъ Красавцева. Бунинъ едва узналъ тембръ этого чуднаго голоса,—въ немъ было что-то надтреснутое.

— Какой вы властный, Красавцевъ, — послышался тихій голосъ Маруси.—Какъ вы сказали это «люблю». Развѣ такъ любятъ?

— Итакъ, вы никогда не согласитесь быть моей женой? L'espoir est perdue?—взволнованно спросилъ голосъ Красавцева.

— Нѣтъ, нѣтъ, объ этомъ нечего и говорить,—отвѣчала Маруся.—Мы совсѣмъ не подходящіе люди. И, право, вы ничего не теряете. Вамъ нужна жена свѣтская, которая помогала бы въ вашемъ дѣлѣ, а я гожусь только для простой, тихой жизни.

— Но я люблю васъ... страстно,—снова повторилъ голосъ Красавцева, и въ этомъ голосѣ звучала неотразимая, повелительная сила.

— Не обижайтесь, Николай Львовичъ, если я скажу вамъ правду,—опять совсѣмъ тихо заговорила Маруся.—Ваша любовь пугаетъ меня.

— Но я не способенъ на кисло-сладкое чувство. Я могу любить только сильно, страстно...—нетерпѣливо проговорилъ Красавцевъ.

— Ну а я... я совсѣмъ иначе понимаю это чувство,—заговорила опять Маруся.—Знаете, русскія крестьянки говорятъ иногда «жалѣю», вмѣсто «люблю». Вотъ, мнѣ кажется, это и есть настоящее...

— «Жалость!» —насмѣшливо перебилъ ее Красавцевъ.— Mais cela abaisse l'homme! *)

---

*) Это унижаетъ человѣка.

— Нѣтъ, нѣтъ, не то...—послышался опять голосъ Маруси.—Не умѣю я вамъ это объяснить, хоть сама понимаю. Въ той любви нѣтъ гордости, нѣтъ власти, но есть...—она остановилась, точно подыскивая выраженіе...—есть глубокое сочувствіе. Всей душой сливаешься съ любимымъ человѣкомъ, угадываешь всякое движеніе его души, мучишься его страданіемъ, радуешься его радостью. Право, кажется, жизнь отдала бы за то, чтобы снять съ него все тяжелое и непріятное, беречь его...

Нѣсколько мгновеній оба шли молча. Шаги ихъ удалялись отъ Бунина. Но, когда Маруся опять заговорила какимъ-то особеннымъ, просвѣтленнымъ голосомъ, онъ слышалъ каждое ея слово.

— Знаете, когда любишь такъ, по настоящему, все внѣшнее кажется совсѣмъ неважнымъ. Ничто не можетъ уменьшить этой любви, кто-бы онъ ни былъ, будь онъ даже бѣдный оборванный бродяга! Напротивъ, какъ будто еще сильнѣе любишь его за то, что онъ вынесъ...

— Маруся, вы любите кого-то?—съ болью въ голосѣ, взволнованно прервалъ ее Красавцевъ.

— Не знаю,—едва долетѣло до Бунина.

Онъ сидѣлъ на дерновой скамьѣ, закрывъ лицо руками. Онъ крѣпко сжималъ лобъ и изо всѣхъ силъ удерживался отъ крика восторга, готоваго вырваться изъ его груди. Все существо его было охвачено ликующимъ чувствомъ радости.

Отнявъ руки отъ лица, онъ увидѣлъ, что онѣ влажны. Неужели можно плакать отъ счастья?

XXV.

Поѣздъ мчался къ Ніагарѣ, оставляя за собой равнины и холмы, города и поселки.

Некрасивъ пейзажъ Восточныхъ штатовъ. Рѣденькіе лѣса, выгорѣвшая трава съ сѣроватымъ оттѣнкомъ, небрежно огороженные участки, такъ называемой, «лѣнивой земли — idle land», необработанные, но, очевидно, кому-то принадлежащіе. А между тѣмъ, судя по изрѣдка попадающимся засѣяннымъ полямъ и огородамъ, почва вознаграждаетъ сторицею того, кому удалось приложить къ ней руку. Но развалившіеся заборы, наскоро построенные дома, обращенные къ жел. дорогѣ задними двориками, съ развѣшаннымъ въ воздухѣ трапьемъ, валяющіяся всюду старыя жестянки и грязная бумага говорятъ о странной небрежности хозяевъ. Нѣтъ уюта, нѣтъ красоты въ этихъ жилищахъ, разбросанныхъ то небольшими группами, то въ одиночку. Точно человѣкъ остановился въ нихъ

только на время и каждую минуту готовъ все покинуть и идти дальше искать счастья.

Маруся и Бунинъ ѣхали одни. Въ назначенный часъ они поджидали на вокзалѣ Красавцева, но онъ не явился. Впрочемъ, это нисколько не испортило настроенія оставшейся парочки. Маруся какъ будто затуманилась на минуту—ей стало жаль благороднаго баса, но очень скоро солнечные лучи разогнали туманъ, и глазки ея заблестѣли попрежнему. Въ простенькомъ платьѣ и широкой соломенной шляпѣ, украшенной густымъ вѣнкомъ изъ алыхъ маковъ, съ нѣжнымъ румянцемъ щекъ и улыбающимися красными губками, она казалась сидѣвшему противъ нея Бунину неотразимо привлекательной. Она очень похорошѣла со дня ихъ первой встрѣчи въ Нью-Іоркѣ. Но сегодня лицо у нея было совсѣмъ особенное. Бунинъ иногда боялся смотрѣть ей въ глаза... Рѣшится-ли онъ когда нибудь сказать ей о своей любви?

Послѣднюю ночь Бунинъ совсѣмъ не спалъ. Письмо, звавшее его въ Россію, и случайно услышанный разговоръ Маруси съ Красавцевымъ сильно его взволновали. Но такъ внезапно устроившаяся поѣздка вдвоемъ съ Марусей и ожиданіе увидѣть Ніагару привели Бунина въ самое радужное настроеніе. Онъ сидѣлъ счастливый и успокоенный, поглядывая кругомъ съ довольнымъ видомъ. Теперь отъ него никто уже не сторонился. Приличное платье необыкновенно быстро вернуло ему утерянныя было соціальныя права.

— Какъ некрасивы здѣсь дома,—сказала Маруся.—Помню, въ дѣтствѣ, я точь-въ-точь такіе рисовала: острая крыша, два ряда оконъ, крыльцо. Но я всегда прибавляла кустъ или дерево. А тутъ такъ голо, такъ неуютно, точно бараки... Никогда я этого не ожидала отъ Америки.

— Да, пожалуй, нашъ русскій пейзажъ, съ его бѣдными деревнями и косматыми избами живописнѣе,—замѣтилъ Бунинъ.—Хотя, въ общемъ, эта часть Америки напоминаетъ мнѣ Россію. Тѣ же ширь и просторъ, только здѣсь мѣстность холмистѣе.

— Не знаю, какъ вы, Константинъ Сергѣевичъ, но я, право, полюбила Россію больше съ тѣхъ поръ, какъ мы уѣхали. Не странно-ли это?—сказала Маруся. Все русское здѣсь кажется мнѣ особенно дорогимъ.

— А вамъ-бы хотѣлось вернуться?—спросилъ Бунинъ.

— Очень! Да мы, кажется, скоро и уѣдемъ, только прежде въ Англію. Папу зовутъ въ Лондонъ,—отвѣчала она и вслѣдъ затѣмъ воскликнула, глядя въ окно:—Смотрите, мы подъѣзжаемъ къ хорошенькому городку. Видите тамъ, въ котловинѣ! Ну, что это, весь городокъ испортили противными объявленіями.

Бунинъ выглянулъ изъ окна. Поѣздъ шелъ по высокой на-

сыпи, и изъ вагона видъ городка представлялся какъ-бы съ высоты птичьяго полета, такъ что, главнымъ образомъ, видны были крыши и трубы. Отъ объявленій рябило въ глазахъ. Большая часть ихъ красовалась на крышахъ домовъ, крытыхъ черепицей въ два цвѣта, но многія торчали въ воздухѣ выше крышъ. Объявленія о патентованныхъ лѣкарствахъ преобладали. Тутъ было все, чтобы напомнить человѣку о бренности его тѣла, и излюбленная «Касторія», въ которой, какъ увѣряютъ, нѣтъ ни одной капли касторoваго масла, и пилюли Бичома, съ ихъ обычной присказкой «Смотри въ книгу», и знаменитыя пилюли противъ желчи, «такія маленькія, что желудокъ ихъ не чувствуетъ».

— Неужели они и Ніагару испортятъ объявленіями?—сказалъ Бунинъ.

— Боже сохрани!—въ священномъ ужасѣ воскликнула Маруся.

Бунинъ ошибся. Чѣмъ ближе они подъѣзжали къ Ніагарѣ, тѣмъ рѣже встрѣчались объявленія, точно реклама, устыдившись, спрятала свой длинный языкъ, уступая мѣсто природѣ, которая говоритъ сама за себя. Растительность становилась богаче и ярче. Слѣва уже давно тянулась длинная полоса воды. Это былъ небольшой проливъ, которымъ озеро Онтаріо соединяется съ рѣкой Ніагарой.

Маруся и Бунинъ оба горѣли нетерпѣніемъ. Но вотъ, наконецъ, послѣдняя остановка. Выйдя на станціи и наведя справки, въ какомъ направленіи идти, они вихремъ понеслись по главной улицѣ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на лавки съ сувенирами и на широко открытыя двери ресторановъ, которые, подобно разинутой пасти акулы, готовы поглотить каждаго несчастнаго туриста. Маруся и Бунинъ летѣли впередъ, не останавливаясь. Ихъ манилъ приближавшійся таинственный, рокочущій шумъ, похожій на раскаты грома.

— Вы знаете, Марья Дмитріевна, что Ніагара значитъ «Громъ Водъ» по индѣйски?—спросилъ Бунинъ. — Не правда-ли, индѣйцы придумали удачное названіе? Слышите эти перекаты?

— Да, это вѣрно, очень похоже на громъ, — сказала Маруся, прислушиваясь.—А сначала мнѣ почудился шумъ моря. Но нѣтъ, правда, совсѣмъ какъ громъ. Поскорѣй бы дойти! Такъ ужасно хочется видѣть водопадъ.

Но, еще не дойдя до самаго водопада, они увидѣли чудное зрѣлище. Неожиданно передъ ихъ глазами открылась необъятная движущаяся масса воды. Громадная рѣка бѣшено неслась откуда-то издали. Волны съ безпощадною яростью толпились и перегоняли другъ друга, разбиваясь объ острые, обнажен

ные камни и, опять сливаясь, неслись впередъ еще съ большей быстротой, точно нагоняя потерянное въ борьбѣ время. Между этими бурными, страстно рвавшимися впередъ клубами, спокойный и прекрасный безмятежно лежалъ небольшой зеленый островъ, весь заросшій кудрявыми деревьями.

Маруся и Бунинъ переходили съ берега на Козій Островъ по мостику, который дрожалъ и колебался отъ страшной силы теченія. Маруся невольно протянула руку Бунину и такъ, рука объ руку, точно дѣти, они, молча и медленно, шли впередъ. Клокочущія волны, бурля и пѣнясь, вырывались изъ-подъ моста, красиво перекатывались черезъ дикіе камни, блестя яркой бѣлой пѣной, и исчезали за поворотомъ. Онѣ неслись туда, гдѣ раздавался Громъ Водъ.

Съ острова пахнуло смѣшаннымъ ароматомъ лѣсныхъ цвѣтовъ, зелени и какой-то особенной влажной свѣжести.

— Боже, какъ хорошо! Пить этотъ воздухъ хочется,—воскликнула Маруся и побѣжала по тѣнистой дорожкѣ вправо. Бунинъ летѣлъ за ней, точно у него выросли крылья, и съ плечъ свалился цѣлый десятокъ лѣтъ. Чудное ощущеніе полноты жизни охватило его. Густые каштаны и клены сплелись вѣтвями надъ дорожкой такимъ непроницаемымъ сводомъ, что черезъ него едва проникало солнце. Земля вся поросла короткой сочной травой и мхомъ.

— Константинъ Сергѣичъ, слышите, чувствуете, какъ пахнетъ ландышами?— крикнула, остановившись, запыхавшаяся Маруся. Бунинъ ее догналъ и пошелъ рядомъ съ ней.—Мы потомъ наберемъ ихъ, продолжала она.—А каштаны-то какіе! Я такихъ огромныхъ листьевъ никогда не видала. Не правда-ли, здѣсь все крупнѣе, и клены, и акація... Ну, вотъ и послѣдній поворотъ, вонъ въ концѣ аллеи уже видно синее небо и какой-то странный бѣлый туманъ, точно облако спустилось на землю... Но нѣтъ, это не облако, это брызги отъ воды. А вода-то какъ грохочетъ! Вы меня слышите?—Вдругъ она смолкла въ изумленіи. Они очутились на голой, каменной скалѣ, которая мысомъ выдвинулась изъ подъ цвѣтущаго Козьяго Острова. Маруся восторженно оглянулась на Бунина и что-то ему говорила. Но онъ угадывалъ объ этомъ только по движенію ея губъ, ни одного слова не было слышно. Вокругъ стоялъ адскій грохотъ. Это былъ какой-то оглушительный звуковой хаосъ, въ которомъ въ первыя минуты невозможно было разобраться.

Между высокими, отвѣсными берегами лежало глубокое ущелье, которое образовалось гигантской ступенью на днѣ рѣки. Съ обѣихъ сторонъ Козьяго Острова съ страшной силой неслись громадныя, клокочущія волны. Встрѣтивъ на пути своемъ неожиданный гигантскій уступъ, онѣ ревѣли, бились и, будто съ неистовымъ крикомъ отчаянія, кидались въ пропасть,

разбиваясь въ тысячи мелкимъ брызгъ. Легкая водяная пыль поднималась въ воздухѣ, высоко, высоко, до самыхъ облаковъ, сливалась съ ними и моментами закутывала всю картину прозрачной пеленой.

Но вотъ, веселые лучи солнца заглянули въ эту прозрачную, безцвѣтную дымку и отразились въ ней чудной, цвѣтной полосой, будто сотканной изъ воздуха и искрящихся водяныхъ брызгъ. Въ этой трепещущей, живой радугѣ переливались поразительно нѣжные цвѣта. Вотъ появились рядомъ другая, третья... Нѣсколько минутъ онѣ играли въ воздухѣ... Вдругъ тучки закрыли солнце и радуга исчезла безслѣдно, и опять только бѣлые брызги, точно клубы дыма, поднимаются изъ ущелья «Грома водъ» и несутся къ самому небу. А глубоко, внизу, волны катятся дальше между отвѣсными, скалистыми берегами и исчезають вдали, борясь на пути съ новыми преградами, новыми подводными камнями...

— Взгляните, точно золото льется,—прокричала Маруся Бунину въ самое ухо, указывая влѣво на ту часть водопада, которая называется «Подковой».

Силою теченія въ продолженіе многихъ вѣковъ вода вытачивала скалу и образовала въ уступѣ эту выемку, имѣющую видъ чудовищной подковы. Здѣсь волны скатываются внизъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ и въ одномъ мѣстѣ, почти въ самой серединѣ подковы, сталкиваются, скрещиваются и борятся, прежде чѣмъ исчезаютъ въ пропасти. Въ этомъ мѣстѣ скопляется сразу громадное количество воды, которая кажется густой массой и тяжело падаетъ въ ущелье, подобно зеленовато-золотистому расплавленному металлу. Трудно оторваться отъ волшебной картины Грома Водъ. Чѣмъ больше на нее смотришь, тѣмъ больше хочется смотрѣть. Только первое впечатлѣніе слуха и глазъ кажется какимъ-то обманчивымъ, хаотическимъ. Ревъ и грохотъ, свѣтъ и туманъ такъ поражаютъ чувство, что человѣкъ чувствуетъ себя ошеломленнымъ. Но послѣ, когда мысли и чувства приходятъ въ порядокъ, начинается настоящее наслажденіе чудными, гармоническими звуками паденія воды и поразительными, едва уловимыми—до такой степени они быстро мѣняются—свѣтовыми эффектами.

И Бунинъ наслаждался. Безграничный восторгъ поднимался изъ глубины его души и будилъ въ немъ неожиданныя для него самаго мысли и чувства. Ему казалось, что напряженіе жизни во всемъ его существѣ достигло своей высшей степени. Но онъ сознавалъ, что не одно преклоненіе передъ красотой природы пробудило въ немъ эту силу жизни. Близость любимой дѣвушки и радость дѣлить съ ней эти чудныя ощущенія придавали имъ особенную прелесть.

Они говорили очень мало. Но это и не было нужно. Вы-

разительный взглядъ Маруси былъ полонъ сочувствія и понимания того, что переживалъ Бунинъ.

Они не замѣчали усталости, хотя обѣгали пѣшкомъ всѣ красивыя мѣста, только разъ въ продолженіи всего дня подкрѣпивъ свои силы въ маленькомъ французскомъ ресторанѣ, въ паркѣ. На ихъ счастье народу встрѣчалось очень мало, такъ какъ настоящій сезонъ еще не начался, и они наслаждались безусловной свободой, остерегаясь проводниковъ, которые своими задолбленными тирадами могли нарушить цѣльность впечатлѣнія. На этомъ же основаніи они отказались идти въ знаменитый проходъ подъ водопадомъ и не хотѣли подняться на башню въ триста футовъ вышины. И безъ этихъ искуственно-усиленныхъ ощущеній они не могли наглядѣться на красоту Ніагары и налюбоваться пейзажами, которые безпрестанно измѣнялись отъ различнаго освѣщенія.

По воздушному мосту, перекинутому черезъ рѣку Ніагару на высотѣ 200 футовъ, они перешли на канадскую сторону, въ паркъ королевы Викторіи. Отсюда ясно было видно какъ рѣка Ніагара своими двумя рукавами охватываетъ, точно нѣжными объятіями, кудрявый Козій Островъ.

— Сбѣжимъ внизъ,—сказала Маруся,—оттуда долженъ быть чудный видъ.

Крутая каменистая дорожка шла между душистыми кустами, осыпанными бѣлымъ и розовымъ цвѣтомъ, къ самой водѣ. Маруся и Бунинъ быстро сбѣжали по двумъ первымъ извилинамъ, но потомъ пошли тише—мелкіе осколки дикаго камня той-же формаціи, какъ и скалы вокругъ, рѣзали ноги. Внизу, у самой воды чернѣли громадные, темные камни. Позади, неприступной отвѣсной стѣной, вызвышался берегъ.

Маруся и Бунинъ стояли у самой воды, клокотавшей бурными волнами у ихъ ногъ. Водопадъ на той, противоположной, сторонѣ былъ полонъ величія. Вода падала гигантскими кудрявыми прядями, съ страшной силой ударяясь о камни и разлетаясь въ бѣлыя брызги, которые поднимались въ высь и исчезали въ облакахъ.

Солнце зашло за тучи, и мрачныя тѣни стали заволакивать ущелье. Вода потемнѣла—и что-то зловѣщее слышалось въ таинственномъ рокотѣ Грома Водъ.

— Какой едва замѣтной ниточкой кажется отсюда тотъ огромный мостъ, по которому мы недавно шли,—сказала Маруся.—А тамъ, на самомъ краю обрыва, что это за муха ползетъ?

— Это вагонъ электрической дороги,—отвѣчалъ, смѣясь, Бунинъ.—Да и мы съ вами похожи, вѣроятно, на двухъ букашекъ. Вотъ вамъ и величіе царя природы.

— Да, но вѣдь и этотъ удивительный мостъ, переброшен-

ный через пропасть, построенъ человѣкомъ, и вездѣ здѣсь видна рука человѣка, помогающая природѣ,—серьезно сказала Маруся.

— Ну, вы настоящая дочь изобрѣтателя, Марья Дмитріевна, не дадите человѣка въ обиду,—замѣтилъ Бунинъ.

Долго бродили они по канадской сторонѣ и когда, передъ вечеромъ, часа за два до отхода послѣдняго поѣзда, добрались опять до Козьяго Острова, оба чувствовали себя утомленными. Перейдя черезъ три маленькихъ, но массивныхъ желѣзныхъ мостика, они вышли на послѣдній островъ изъ группы Трехъ Сестеръ, которые казались будто оторвавшимися отъ Козьяго Острова. Этотъ маленькій островокъ весь заросъ можжевельникомъ, который огромными корнями своими цѣплялся за каждый клочекъ земли, слабо покрывавшей каменную глыбу, изъ которой состоялъ островокъ.

Маруся спустилась къ самой водѣ и усѣлась на большомъ камнѣ, подперевъ голову рукой и слѣдя за теченіемъ. Подъ деревомъ стояла удобная скамья изъ вѣтвей можжевельника. Бунинъ помѣстился на ней. Отсюда было видно, какъ волны катились издалека, за много миль, оттуда, гдѣ такъ спокойно, серебристой лентой струилась рѣка между мирными, тихими берегами. Только ближе къ Козьему Острову, гдѣ дно покрыто громадными каменьями, рѣка, встрѣчая препятствія, вдругъ начинаетъ ревѣть и метаться и порывисто несется впередъ, съ страшной силой падая съ громадныхъ ступеней, построенныхъ самой природой.

Бунинъ сидѣлъ молча, смотрѣлъ и слушалъ. Эти безпрерывно несущіяся впередъ волны поднимали въ душѣ его неопредѣленное безпокойство. Онъ прислушивался къ ихъ шуму, и временами ему казалось, что онъ схватываетъ въ нихъ какую то своеобразную гармонію съ страстнымъ безпокойнымъ мотивомъ на верхнихъ нотахъ и мягкимъ, неизмѣримо глубокимъ аккордомъ внизу. Иногда онъ переставалъ слышать верхніе звуки, а слышалъ только таинственный грохотъ, точно выходившій изъ нѣдръ земли. Иногда, напротивъ, ему казалось, что на нѣсколько мгновеній низкій звукъ исчезалъ. Онъ начиналъ фантазировать. Ему представлялось, что этотъ грохотъ и шумъ доносится до него издалека, что это біеніе пульса тѣхъ громадныхъ центровъ человѣческой жизни, гдѣ тоже кипитъ глухая борьба, гдѣ люди всю жизнь бьются и мечутся, какъ эти бѣшеныя волны, до тѣхъ поръ, пока не поглощаются страшной пропастью вѣчности. Странно, какъ много красоты въ этой борьбѣ природы, а та борьба людей между собою, какъ ненормальна, какъ ужасна... Да, правъ Нееловъ: люди слѣпы. Любовь, а не вражда, должна быть основой жизни. И если въ жизнь отдѣльнаго человѣка она вноситъ такую пре-

лесть и полноту, то какой чудодѣйственной силой явится она, когда на ней будутъ покоиться основы человѣческаго общежитія.

Волны шумѣли и неслись мимо, а Бунинъ все думалъ. Да, и всетаки спасибо Америкѣ... Здѣсь совершился въ немъ цѣлый переворотъ, точно жизнь всего міра стала для него яснѣе, душа человѣческая ближе и понятнѣе. Его любовь къ туманному человѣчеству перешла въ любовь къ человѣку. Но всего удивительнѣе то, что не великая Америка съ своимъ несмѣтнымъ богатствомъ, великолѣпными флагами и удивительными учрежденіями произвела въ немъ этотъ нравственный переворотъ, а жизнь и работа среди бѣдняковъ, въ ряды которыхъ онъ сталъ въ тотъ день, когда сбросилъ съ себя барскіе предразсудки. Теперь онъ чувствовалъ себя свободнымъ и сильнымъ, какъ никогда.

Онъ всталъ. Взглядъ его остановился на изящномъ силуэтѣ молодой дѣвушки, низко склонившейся надъ водой. Она старалась достать кустикъ земляники, который по странному капризу природы выросъ въ щели безплоднаго камня, у самой воды. Вдругъ Маруся наклонилась еще ниже и Бунину показалось, что волны касаются ея платья. Страшная мысль какъ молнія пронизала его мозгъ. Она можетъ поскользнуться и упасть. Бурное теченіе подхватитъ ее и закружитъ, и унесетъ туда, въ бездну. Маруси не будетъ, и все, все будетъ кончено! Ужасъ охватилъ его. Обычной нерѣшительности какъ не бывало. Онъ быстро спустился къ ней, и, прежде чѣмъ она успѣла оглянуться, крѣпко охватилъ ея плечи рукой.

— Простите, я боялся, что вы упадете,—сказалъ онъ.

Она не обернулась и не отвѣчала, но сидѣла, не двигаясь, вспыхнувъ, какъ зарево. А онъ все крѣпче и крѣпче прижималъ ее къ себѣ. Страхъ за нее прошелъ, а въ сердцѣ зарождалось смутное предчувствіе чуднаго счастья.

Вдругъ она обернулась и посмотрѣла на него такимъ прелестнымъ, ребяческимъ взглядомъ, который такъ поддразнивалъ и ласкалъ, что онъ не выдержалъ. Чувствуя, что совершаетъ страшное святотатство, онъ схватилъ ея головку обѣими руками и сталъ безъ конца цѣловать ея лобъ, глаза, щеки, смѣющійся ротъ.

— Маруся, голубка моя, любишь ли ты меня, какъ я тебя люблю?—вырвалось у него. А самъ онъ все продолжалъ цѣловать ее и не давалъ ей отвѣчать, а она смѣялась и не могла сказать ни слова. Наконецъ онъ соскользнулъ къ ней, на нижній камень—совсѣмъ плоскій и нисколько не опасный—и сѣлъ рядомъ съ ней. Она перестала смѣяться и смотрѣла ему въ глаза, близко, близко, глубокимъ взглядомъ. Потомъ быстрымъ движеніемъ она крѣпко обняла его шею рукой, довѣрчиво прижалась къ его плечу и совсѣмъ притихла.

У ногъ ихъ по прежнему бурлили и разбивались о камни волны, по прежнему грохоталъ и рвался «Громъ Водъ», но Бунину казалось, что всѣ эти звуки куда то уплываютъ, удаляются. Онъ ясно слышалъ только біеніе маленькаго сердца, которое умѣетъ любить «по настоящему».

XXVI.

Пограничная станція въ Россіи. Берлинскій поѣздъ только что пришелъ. Пассажиры съ шумомъ хлынули въ буфетъ, спѣша занять мѣста.

У одного изъ столиковъ высокій, блѣдный человѣкъ заботливо усаживаетъ молоденькую женщину. Она, съ улыбкой удовольствія, которая образуетъ ямочки на ея щекахъ, сіяющимъ взглядомъ карихъ глазъ слѣдитъ за тѣмъ, какъ онъ хлопочетъ, приноситъ ей чай, печенье, бутерброды.

— Ну, сядь, Костя, успокойся, наконецъ,—говоритъ она.— Ты такъ ухаживаешь за мной, какъ будто я важная дама. Ну, сядь же. Скажи чувствуешь ли ты, что мы дома, въ Россіи? Радъ-ли ты? У меня такъ хорошо на душѣ! А у тебя?

— Не знаю, Маруся, какъ тебѣ сказать,—отвѣчалъ Бунинъ, задумчиво глядя въ ея оживленное личико.—У меня какъ будто совѣсть не чиста. Поѣхалъ за ассоціаціей Белами, да такъ ее и не нашелъ.

— Ну вотъ... Да вѣдь ея же совсѣмъ нѣтъ,—засмѣялась Маруся.

— Всетаки какъ будто дѣла не додѣлалъ, какъ то не ловко передъ самимъ собой... и передъ Россіей...

— Мнѣ кажется лучше придумать что нибудь свое, новое и хорошее, чѣмъ искать то, чего нѣтъ,—живо возразила Маруся.

— Да, это у тебя такой простой, прямой умъ, а у меня умъ «съ закавыками»,—смѣясь отвѣтилъ Бунинъ.

Раздался звонокъ. Маруся и Бунинъ протолкались сквозь толпу и, смѣясь, скрылись въ дверяхъ.

Е. Сомова.

Нѣмецкій крестьянинъ послѣ освобожденія.

I.

При изслѣдованіи нынѣшняго состоянія нѣмецкаго крестьянства необходимо прежде всего обратиться къ аграрной политикѣ начала текущаго столѣтія. Сложная и запутанная законодательная работа по отмѣнѣ крѣпостного права положила первый камень для постройки всего зданія современнаго аграрнаго строя. Такъ называемые законы о регулированіи послужили главными элементами, изъ которыхъ сложилась экономическая обстановка крестьянъ. Освобождены-ли были крестьяне съ землей или безъ нея, безвозмездно или съ выкупомъ, совершался-ли выкупъ посредствомъ денежнаго вознагражденія или же посредствомъ уступки части земли, допускался ли «сносъ» крестьянскихъ дворовъ въ эпоху реформъ или нѣтъ,—все это вопросы первостепенной важности при выясненіи современнаго положенія крестьянской массы; отъ того или иного рѣшенія ихъ въ значительной мѣрѣ зависѣла послѣдующая судьба освобожденнаго населенія. Перейдутъ ли крестьяне съ перваго момента освобожденія въ ряды пролетаріата, будутъ ли они въ состояніи вести самостоятельное земледѣльческое хозяйство, окажется ли ихъ благополучіе прочнымъ и продолжительнымъ или временнымъ и скоротечнымъ,—всѣ эти моменты существеннымъ образомъ обусловливались основнымъ характеромъ «законовъ о регулированіи», а затѣмъ уже зависѣло отъ дальнѣйшей политики правительства, развить ли начала, положенныя въ основу реформы, въ благопріятномъ для крестьянской массы направленіи или же предоставить ее собственнымъ силамъ, полагаясь на всеисцѣляющее дѣйствіе «гармоніи интересовъ».

Освобожденіе крестьянъ въ Германіи представляетъ собою сложный, мучительный процессъ. Оно тянулось больше полувѣка и выразилось въ цѣломъ рядѣ мѣропріятій и узаконеній, нерѣдко противорѣчившихъ другъ другу и распространявшихся на неодинаковыя категоріи населенія. Правительство выступало нерѣшительно, безъ опредѣленной руководящей нити, то и дѣло мѣняя свои взгляды

и подчиняясь вліянію мимолетныхъ теченій. Затѣмъ, не во всѣхъ частяхъ Германіи освобожденіе совершилось на одинаковыхъ началахъ. Каждая территоріальная единица, какъ бы мала она ни была, дѣйствовала совершенно самостоятельно, выработывая свои условія освобожденія, свои методы регулированія быта крестьянъ. Мало того, нерѣдко въ предѣлахъ одного и того же государства упраздненіе крѣпостного права совершалось на разныхъ основаніяхъ. И это понятно. Отдѣльныя единицы, изъ которыхъ сложилась нынѣшняя германская имперія, имѣютъ между собою мало общаго какъ въ историческомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ. Развиваясь при разныхъ физическихъ, этнографическихъ и политическихъ условіяхъ, каждая изъ нихъ имѣетъ свою исторію, расходящуюся съ исторіей другихъ частей Германіи. Поэтому исторія освобожденія крестьянъ въ Германіи по необходимости должна быть исторіей освобожденія крестьянъ въ отдѣльныхъ частяхъ ея. Единственное средство, при помощи котораго можно избавиться отъ разсмотрѣнія каждаго атома германской имперіи въ отдѣльности,—это разбить ея составные элементы на группы, положивъ въ основу дѣленія тотъ признакъ, который больше всего интересуетъ насъ въ данномъ случаѣ, т. е. способъ и степень обезпеченія крестьянъ землею. Исторія отмѣны крѣпостного права въ нѣсколькихъ *типическихъ* государствахъ дастъ намъ болѣе или менѣе удовлетворительное представленіе объ урегулированіи быта крестьянъ во всей Германіи. Такими типами у насъ будутъ: Пруссія, Баварія, Шлезвигъ-Голштейнъ и Мекленбургъ *).

Отличительную особенность Пруссіи въ ряду германскихъ государствъ составляетъ развитіе крупныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ.

Прусскіе помѣщики издавна стремились къ возможно большему расширенію своихъ владѣній, видя въ землѣ не только источникъ богатства, но и средство для достиженія политическаго могущества. Когда земельный фондъ, изъ котораго раздавались лены, сталъ изсякать, то вниманіе дворянъ обратилось на землю крестьянскихъ общинъ—и началась беззастѣнчивая экспропріація крестьянской

---

*) Мы пользовались слѣдующими источниками: G. *Knapp*, Die Bauernbefreiung etc. in den ältern Theilen Preussens. 1887. *Hausmann*, Die Grundentlastung in Bayern. 1892. *G. Hanssen*, Aufhebung der Leibeigenschaft in Schleswig-Holstein. 1861. *Sugenheim*, Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit in Europa. 1861. *Judeich*, Grundentlastung in Deutschland. 1863. *Grossmann*, Grundherreich-bäuerliche Verhältnisse in der Mark Brandenburg. 1890. *Fuchs*, Untergang des Bauernstandes. 1888. *Haun*, Bauer und Gutsherr in Kursachsen. 1892. *Jeller*, Verfassung d. Grossh. Hessen. 1886. *Buchenberger*, Verwaltungsrecht der Landwirtschaft in Baden. 1887. *Ballbrügge*, Landvolk in Mecklenburg. *Paasche*, Die rechteiche u. wirtschaftliche Lage des Bauernstandes in Mecklenburg-Schwerin (Schriften des Vereins für Socialpolitik, т. XXIV, стр. 327 и сл.). *Brownlow*, Slavery and Serfdom in Europe. 1892.

собственности, окончившаяся паденіемъ общинной самостоятельности и водвореніемъ крѣпостного права. Такъ какъ въ ту пору дворянство не занималось хозяйствомъ, а считало единственнымъ подобающимъ для себя занятіемъ военную и придворную службу, то изъ обширныхъ помѣщичьихъ владѣній лишь небольшая часть отводилась подъ собственное, «господское» хозяйство, а все остальное раздавалось въ пользованіе крестьянамъ. Такимъ образомъ, помѣщичьи владѣнія распадались на двѣ части: одна составляла господскую землю въ тѣсномъ смыслѣ, на которой помѣщикъ велъ хозяйство за собственный счетъ; другая же составляла предметъ пользованія крестьянъ, которые воздѣлывали свои участки на свой счетъ и несли извѣстныя обязанности по отношенію къ помѣщику.

Съ XVI столѣтія «жажда земли» со стороны дворянъ принимаетъ нѣсколько иной характеръ: въ то время какъ раньше она выражалась въ расширеніи владѣній, теперь она выражается въ увеличеніи размѣровъ господскаго хозяйства. Съ изобрѣтеніемъ пороха и огнестрѣльнаго оружія рыцарство теряетъ свое значеніе; оно возвращается къ землѣ и принимается за хозяйство *). Открытіе новыхъ странъ, необычайное оживленіе торговыхъ сношеній, быстрый ростъ городовъ, сильное развитіе мануфактуры—все это создало для продуктовъ земледѣлія обширный рынокъ. И вотъ помѣщики вводятъ на своихъ земляхъ крупное земледѣльческое производство, разсчитанное не на свои личныя только потребности (какъ было раньше), а на потребности рынка. Такъ какъ вся территорія была теперь въ сущности подѣлена между помѣщиками (свободныхъ крестьянъ насчитывалась горсть), которымъ принадлежала, по теоріи, «верховная собственность» на землю; такъ какъ экспропріировать уже некого было, то расширеніе помѣщичьяго хозяйства могло происходить не иначе, какъ посредствомъ увеличенія той доли имѣнія, на которой велось господское хозяйство, и соотвѣтственнаго уменьшенія той, на которой сидѣли крестьяне. Такъ называемый сносъ крестьянскихъ дворовъ составляетъ весьма распространенное явленіе въ Пруссіи съ начала новой исторіи. Только въ рѣдкихъ случаяхъ помѣщикъ вознаграждалъ крестьянина за отнятую у него землю и еще рѣже довольствовался онъ присоединеніемъ тѣхъ крестьянскихъ участковъ, которые по той или другой причинѣ покинуты были своими владѣльцами. Обычный же способъ расширенія господскаго хозяйства заключался въ томъ, что крестьяне прогонялись съ насиженныхъ мѣстъ, а ихъ земля присоединялась къ господской экономіи. Подобно тому, какъ въ средніе вѣка крупные землевладѣльцы, пользуясь своей политической силой и царившимъ тогда безправіемъ, лишили крестьянскую

---

*) Мы подробно изобразили этотъ процессъ въ статьѣ: «Судьбы крестьянской общины въ Германіи», Рус. Бог., 1895, 8—10.

массу права *собственности* на землю, такъ теперь, въ началѣ новой исторіи, помѣщики, пользуясь прерогативами «верховныхъ собственниковъ», лишаютъ крестьянъ права *пользованія* землею. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше: число крупныхъ хозяйствъ ростетъ, обезземеленіе крестьянства принимаетъ все большіе размѣры. Послѣ семилѣтней войны, когда разоренные помѣщики съ жадностью набросились на свои хозяйства, начинается настоящая земельная вакханалія. «Жажда земли» достигаетъ въ это время крайнихъ предѣловъ, а утоленіе этой жажды въ сильной степени облегчалось тѣмъ, что масса крестьянскихъ участковъ въ это время лежала впустѣ, покинутая своими владѣльцами, которые либо погибли на войнѣ, либо разбрелись въ разныя стороны во время военныхъ смутъ. Но помѣщики не ограничивались одними опустѣвшими участками; не малое количество крестьянъ прогнано было съ земли. Сносъ крестьянскихъ дворовъ принялъ характеръ настоящей эпидеміи.

Въ началѣ XVIII столѣтія явленіе это привлекаетъ къ себѣ вниманіе правительства. Со всѣхъ концовъ центральные правительственные органы получаютъ одно сообщеніе за другимъ, что помѣщики безпощаднымъ образомъ отнимаютъ у крестьянъ ихъ землю, присоединяютъ ее къ своимъ экономіямъ, а такъ какъ расширеніе хозяйства требуетъ большаго количества рабочихъ рукъ, то увеличивается размѣръ барщины тѣхъ крестьянъ, которые остались на своихъ участкахъ. Такимъ образомъ, одна часть крестьянства совершенно лишалась своего источника къ существованію, а у другой непомѣрная барщина отнимала возможность воздѣлывать собственную землю. Такъ какъ крестьяне были тогда единственными плательщиками податей, то прогрессивное разореніе и обнищаніе массъ не могло не вызвать безпокойства въ правящихъ сферахъ. И вотъ прусскіе короли издаютъ рядъ указовъ, направленныхъ къ охранѣ крестьянскаго землевладѣнія *). Правительство заботилось не о томъ, чтобы гарантировать того или другого крестьянина отъ возможности остаться безъ земли, а о томъ, чтобы *общее число* крестьянскихъ участковъ не уменьшилось. Его заботливость была направлена не на судьбу конкретныхъ людей, а на абстрактную цифру, которая должна была остаться безъ измѣненія. За помѣщикомъ оставляется полная свобода распоряжаться своими крѣпостными, но если онъ кого-либо изъ крестьянъ прогналъ съ земли, то не имѣетъ права присоединить его участокъ къ господской экономіи, а долженъ посадить на его мѣсто другого крестьянина. Словомъ, крестьянская земля не должна терять своего крестьянскаго характера, т. е. способности быть облагаемой госу-

---

*) См. *K. Stadelmann*, Preussens Könige in ihrer Thätigkeit für die Landescultur. (Publicationen aus den preussischen Staatsarchiven). 1878—1882.

дарственными податями, а это въ сущности и составляло единственный предметъ заботъ тогдашняго правительства, заботъ, направленныхъ яко-бы на охрану крестьянскаго землевладѣнія.

Тѣмъ не менѣе аграрная политика прусскихъ королей XVIII столѣтія имѣла большое значеніе для послѣдующихъ судебъ прусскаго крестьянства. Хотя «охранительные» законы не обезпечивали за отдѣльными крестьянами ихъ участковъ, однако общая площадь крестьянской земли не подлежала сокращенію, а это должно было имѣть большое значеніе въ послѣдующую эпоху реформъ, когда рѣчь шла о поземельномъ устройствѣ крестьянъ. Правда, «охранительные» законы дѣйствовали недолго, а практическое значеніе ихъ съуживалось еще тѣмъ, что помѣщики большею частью игнорировали ихъ совершенно безнаказанно. Но важно то, что хищничеству землевладѣльцевъ поставленъ былъ нѣкоторый предѣлъ, въ самый критическій моментъ, когда крестьянству грозила большая опасность: техническія усовершенствованія съ середины XVIII вѣка дали сильный толчокъ развитію крупныхъ хозяйствъ, вызвавшему со стороны помѣщиковъ особенно сильное стремленіе расширить свои экономіи насчетъ крестьянскихъ участковъ.

Законы объ охранѣ крестьянскаго землевладѣнія принадлежатъ къ числу важнѣйшихъ моментовъ аграрной политики до освобожденія; они играли также выдающуюся роль во время самыхъ реформъ. Мы увидимъ ниже, что судьба охранительныхъ законовъ повліяла рѣшительнымъ образомъ на участь крестьянъ въ смыслѣ обезпеченія ихъ землею.

Переходя къ самому освобожденію крестьянъ въ Пруссіи, замѣтимъ прежде всего, что отмѣна крѣпостного права въ этой части Германіи представляла собою долгій процессъ, державшій больше 50 лѣтъ обѣ заинтересованныя стороны въ состояніи неопредѣленности и неизвѣстности. Процессъ этотъ распадается на нѣсколько фазисовъ, не похожихъ одинъ на другой не только по существу, но и по контингенту лицъ, подлежавшихъ реформѣ. Крестьянство въ то время представляло пеструю, разношерстную массу, въ которой различалось множество степеней и оттѣнковъ. Разные слои крестьянскаго населенія стояли въ разныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ и обладали разными правами на свои участки. Эта пестрота отношеній въ связи съ безсистемностью правительственной политики, представлявшей собою ни что иное, какъ рядъ попытокъ между которыми не было внутренней связи, — служитъ причиною чрезвычайной запутанности процесса освобожденія. Въ разные моменты правительственныя распоряженія касались разныхъ классовъ крестьянства, и потому крестьянская реформа не можетъ быть понята безъ знакомства съ внутреннимъ составомъ сельскаго населенія той эпохи.

По степени обезпеченности землею сельское населеніе дѣлилось на три большихъ класса: крестьянъ (Bauern), огородниковъ (Kossäthe)

и кутниковъ (Käthner) или домовниковъ (Häusler). Основная разница между этими разрядами сельскихъ обывателей состояла въ томъ, что крестьянинъ, кромѣ участка земли, который онъ имѣлъ въ индивидуальномъ пользованіи, владѣлъ еще частью земельной площади, составлявшей предметъ общаго пользованія, между тѣмъ какъ огородникъ лишенъ былъ земли второго рода, а кутникъ или домовникъ совсѣмъ не велъ собственнаго хозяйства, имѣя вокругъ своего дома ничтожный клочокъ земли, достаточный только для содержанія коровы. Гораздо важнѣе другое подраздѣленіе крестьянской массы, вытекавшее изъ большаго или меньшаго объема правъ на землю. Въ этомъ отношеніи тоже различались три класса, которые не совпадали съ перечисленными выше разрядами: къ каждому изъ этихъ классовъ могъ принадлежать одинаково и крестьянинъ, и огородникъ, и кутникъ. Первый классъ составляли наслѣдственные арендаторы и наслѣдственные чиншевики, сидѣвшіе на своихъ участкахъ на правахъ наслѣдственнаго владѣнія и обязанные по отношенію къ помѣщику барщиной. Ко второму классу принадлежали ласситы, имѣвшіе право пользованія землею съ извѣстными ограниченіями, установленными въ пользу помѣщика. Ласситы въ свою очередь дѣлились на наслѣдственныхъ и временныхъ, смотря по тому, переходило ли право пользованія землею на наслѣдниковъ или нѣтъ. По отношенію къ помѣщику они обязаны были барщиной и повинностями. Третій классъ составляли крестьяне, владѣвшіе землею на правахъ срочной аренды. Они отличались отъ временныхъ ласситовъ тѣмъ, что отношенія ихъ къ помѣщикамъ опредѣлялись письменными договорами, между тѣмъ какъ положеніе ласситовъ регулировалось обычаемъ. Изъ всѣхъ этихъ классовъ самымъ многочисленнымъ былъ классъ временныхъ ласситовъ.

Что касается отношеній крестьянъ къ помѣщику, то для насъ важны два момента: 1) личная зависимость, выражавшаяся въ томъ, что крестьянинъ не имѣлъ права безъ разрѣшенія помѣщика оставить землю, вступить въ бракъ и учиться ремеслу; 2) барщина, т. е. обязанность воздѣлывать господскую землю съ помощью собственнаго скота, если у него таковой былъ; съ этой точки зрѣнія различались крестьяне упряжеспособные (spannfähige) и неупряжеспособные (nicht spannfähige).

Предыдущаго достаточно для пониманія аграрной политики Пруссіи въ эпоху реформъ.

II.

Выше мы упомянули уже, что процессъ освобожденія крестьянъ въ Пруссіи состоялъ изъ нѣсколькихъ стадій. Послѣ того какъ въ 1807 году отмѣнена была *личная* зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ, правительство приступило къ урегулированію вопроса о повинностяхъ и къ устройству поземельнаго быта крестьянъ. При

этомъ законодательная дѣятельность выразилась въ двухъ попыткахъ. Первая обнимаетъ законы 1811 и 1816 гг., относящіеся къ устройству лясситовъ, и законъ 1821 года, распространяющійся исключительно на собственниковъ, наслѣдственныхъ арендаторовъ и наслѣдственныхъ чиншевиковъ. Вторая попытка, закончившаяся окончательнымъ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса, относится къ 1850 году. Особнякомъ стоятъ государственные крестьяне, освобожденіе которыхъ закончилось уже въ 1808 году.

На этихъ послѣднихъ мы не будемъ долго останавливаться. Скажемъ только, что законами 1777 и 1790 гг. они получили право наслѣдственнаго владѣнія своими участками, а личная зависимость, барщина и повинности остались попрежнему. Въ 1805 году отмѣнена была личная зависимость, барщина и разныя повинности, при чемъ выкупъ производился или деньгами или—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ — уступкою части земли. Наконецъ, реформа завершалась превращеніемъ крестьянъ въ полныхъ собственниковъ, при чемъ въ однихъ мѣстахъ полученіе права собственности зависѣло отъ желанія самихъ крестьянъ, которые должны были уплатить единовременно 100—200 талеровъ, а въ другихъ (въ провинціяхъ В. и З. Пруссія и въ Литвѣ) крестьяне обязаны были стать собственниками и за это не требовалось никакого вознагражденія.

Обращаемся къ исторіи освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ.

Эдиктомъ 9 декабря 1807 года провозглашено было во всей Пруссіи уничтоженіе личной зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ. Но это важное для прусскихъ крестьянъ распоряженіе куплено было слишкомъ дорогою цѣною: помѣщикамъ снова разрѣшенъ сносъ крестьянскихъ дворовъ, хотя и при извѣстныхъ условіяхъ. «Охраны» лишены были, правда, только участки новѣйшаго происхожденія, т. е. занятые крестьянами въ В. Пруссіи послѣ 1752 г., а въ З. Пруссіи послѣ 1774 г. Но, по справедливому замѣчанію проф. Кнаппа, «трудно понять, почему такая доля постигла именно этотъ разрядъ крестьянъ. Нужно полагать, что это просто уступка помѣщикамъ, оправдываемая яко-бы соображеніями общей пользы». Что касается участковъ стараго происхожденія, то хотя они не лишились охраны совершенно, но введены были такія условія, которыя имѣли роковыя послѣдствія для крестьянъ. *Во-первыхъ*, мелкіе крестьянскіе участки дозволено соединять въ болѣе крупные; другими словами, подъ видомъ увеличенія размѣра крестьянскихъ участковъ помѣщикъ могъ часть крестьянъ прогнать съ земли. *Во-вторыхъ*, помѣщику разрѣшалось присоединять крестьянскіе участки къ господскому имѣнію, съ тѣмъ, однако, чтобы онъ, взамѣнъ присоединенной площади, выдѣлилъ крестьянамъ такое же количество земли изъ своего имѣнія. Хотя при этомъ общее количество крестьянской земли не измѣнялось, но тутъ помѣщику предоставлено было право, которое дѣлало положеніе крестьянина въ высшей степени шаткимъ, лишало его увѣренности въ завтрашнемъ

днѣ, передавало результатъ его многолѣтнихъ трудовъ въ руки помѣщика, а сверхъ того представлялся широкій просторъ для злоупотребленій, весьма естественныхъ при царившемъ тогда общемъ безправіи. Такимъ образомъ, въ самый критическій моментъ, когда поколебались исконныя отношенія между помѣщиками и крестьянами, когда первые почувствовали, что недалеко то время, когда будетъ поставленъ на очередь вопросъ объ ихъ земельныхъ правахъ—въ этотъ критическій моментъ правительство, вмѣсто того, чтобы усилить охрану крестьянскаго землевладѣнія, ограничило ее. Само собою разумѣется, что помѣщики воспользовались благопріятными обстоятельствами и пока-что постарались захватить какъ можно больше земли. Земля снесенныхъ дворовъ,—говоритъ авторъ одного анонимнаго сочиненія, вышедшаго въ 1812 году,—присоединена къ господскимъ имѣніямъ, а участки, которые должны были быть созданы изъ крестьянской земли, старались сдѣлать какъ можно больше, такъ что въ остальной части крестьянской площади число «мѣстъ» должно было соотвѣтственно уменьшиться. Этотъ процессъ задерживался только тѣмъ, что у помѣщиковъ не было необходимыхъ капиталовъ, чтобы извлечь всѣ выгоды изъ предоставленныхъ имъ правъ; въ противномъ случаѣ, «почтенный классъ мелкихъ землевладѣльцевъ исчезъ бы окончательно». Съ этимъ отзывомъ вполнѣ согласуется оффиціальное донесеніе, относящееся къ 1816 году. Крестьянская земля, — говорится въ этомъ донесеніи, — уменьшилась на половину, а въ оставшейся части число крестьянскихъ участковъ сильно сократилось. Значительная доля крестьянства исчезла; большинство обратилось въ поденщиковъ, а владѣльцы вновь образовавшихся крупныхъ участковъ обременены непомѣрными поборами. Исключена всякая возможность увеличенія числа мелкихъ крестьянъ и обращенія ихъ въ собственниковъ; рядомъ съ громаднымъ количествомъ поденщиковъ получилось ничтожное число крупныхъ владѣльцевъ, составляющихъ нѣчто среднее между крестьяниномъ и помѣщикомъ.

Такимъ образомъ, первый шагъ къ уничтоженію крѣпостного права ознаменовался обезземеленіемъ множества крестьянъ.

Послѣ упраздненія личной зависимости необходимо было приступить къ урегулированію поземельныхъ отношеній. Это и было сдѣлано закономъ 1811 года, на основаніи котораго всѣ ласситы (какъ наслѣдственные, такъ и временные) и срочные арендаторы подлежали обращенію въ собственниковъ, при чемъ они должны были отдать помѣщику ⅓—½ своей земли, если въ теченіе двухъ лѣтъ между крестьянами и помѣщиками не состоится соглашеніе о выкупѣ земли на другихъ основаніяхъ. Для регулированія достаточно желанія одной стороны, а если подобное желаніе заявлено не будетъ, то регулированіе совершается вмѣшательствомъ правительства.

Крестьяне встрѣтили законъ 1811 года всеобщимъ ликованіемъ.

Со всѣхъ сторонъ посыпались заявленія крестьянъ о желаніи воспользоваться правомъ регулированія. Выкупъ почти вездѣ производился посредствомъ уступки части земли, такъ какъ денегъ у крестьянъ не было. Такимъ образомъ, сдѣлавшись собственниками, крестьяне потеряли половину, а въ лучшемъ случаѣ треть своей земли. А между тѣмъ, по словамъ администраціи Курмарки, лассітъ не могъ существовать и при ³/₄ своего прежняго участка. Ясно, что не малая доля новыхъ собственниковъ осуждена была на скорую гибель. Если законъ, съ одной стороны, предоставилъ всѣмъ желающимъ возможность сдѣлаться собственниками, то съ другой — онъ несомнѣнно способствовалъ увеличенію рядовъ сельскаго пролетаріата. Дѣйствіе закона продолжалось, впрочемъ, лишь до 1815 года, когда регулированіе было пріостановлено, а крестьянамъ дано право входить въ частное соглашеніе съ помѣщиками. Это была уступка помѣщикамъ, требовавшимъ пересмотра закона 1811 года. Результатомъ помѣщичьей агитаціи явилась декларація 1816 года, установившая новыя правила для устройства быта крестьянъ. Этотъ законъ оказалъ наибольшее вліяніе на судьбу прусскаго правительства, такъ какъ онъ дѣйствовалъ въ теченіе 34 лѣтъ, т. е. вплоть до 1850 года.

При сравненіи новаго закона со старымъ прежде всего бросается въ глаза, что контингентъ подлежащихъ регулированію крестьянъ теперь значительно уже, чѣмъ тогда. Дѣйствіе его распространяется только на тѣ крестьянскіе участки, которые въ моментъ его изданія были заняты; слѣдовательно, земли, покинутыя по тѣмъ или другимъ причинамъ, временно или навсегда, остаются на старомъ положеніи. Но и относительно того контингента крестьянъ, на который распространяется дѣйствіе закона, установлены разныя ограниченія. Во-первыхъ, крестьянинъ долженъ быть упряжеспособнымъ; поэтому, многочисленная часть крестьянства, въ томъ числѣ большинство огородниковъ, не говоря уже о кутникахъ, не подлежала регулированію. Во-вторыхъ, крестьянскій участокъ долженъ принадлежать къ числу внесенныхъ въ податные списки; въ силу этого ограниченія законъ не распространялся на тѣ участки, которые выдѣлены были помѣщиками изъ своихъ экономій въ обмѣнъ за присвоенную ими крестьянскую землю, такъ какъ эти участки не вносились въ податные списки. Въ-третьихъ, участокъ долженъ быть стараго происхожденія, т. е. возникновеніе его должно относиться, по крайней мѣрѣ, къ 1763 г. въ Маркахъ и Помераніи, къ 1749 г. въ Силезіи и къ 1774 г. въ З. Пруссіи. Если съ тѣхъ поръ имѣлъ мѣсто перерывъ во владѣніи, потому ли, что участокъ слился съ другимъ, или онъ вошелъ въ составъ господскаго имѣнія, или наконецъ лежалъ впустѣ, то такой участокъ регулированію не подлежалъ. Въ-четвертыхъ, участокъ долженъ принадлежать къ числу тѣхъ, которые ни въ какомъ случаѣ не могли быть отняты у крестьянъ; слѣдовательно, земли, которыя правительство разрѣшило

помѣщику, при извѣстныхъ условіяхъ, соединить съ господскимъ имѣніемъ, не подходили подъ дѣйствіе закона.

Итакъ, громадный контингентъ крестьянъ оставался на прежнемъ положеніи. Мало того, если участокъ удовлетворялъ всѣмъ требованіямъ закона, то для регулированія его необходимо было предложеніе одной изъ сторонъ; но такъ какъ окончательнаго срока для производства операціи назначено не было, то дѣло подвигалось весьма медленно, такъ что еще въ 1848 году не мало крестьянъ, вполнѣ удовлетворявшихъ требованіямъ закона, оставалось при старыхъ условіяхъ. Медленности операціи способствовало еще и то, что выкупъ производился не по опредѣленной, фиксированной нормѣ, какъ это предписано было закономъ 1811 г. (уступка $^1/_3$—$^1/_2$ земли), а по разсчету, производимому въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ *). Хотя такой способъ выкупа самъ по себѣ справедливѣе установленія постоянныхъ и единообразныхъ нормъ, но онъ открывалъ широкій просторъ для проволочекъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда помѣщику почему-либо не желательно было закончить операцію. Какъ бы то ни было, цѣль закона состояла въ томъ, чтобы обратить извѣстную часть крестьянъ въ собственниковъ.

Законъ 1816 г. заключаетъ въ себѣ еще одну весьма важную уступку помѣщикамъ. Въ то время, какъ въ 1811 году возстановлена была «охрана» для всѣхъ *занятыхъ* крестьянскихъ участковъ, пока не окончится операція регулированія, теперь помѣщику дозволено вступать въ соглашеніе съ крестьянами относительно уступки ими своихъ земель. Если мы припомнимъ, что законъ 1816 года далъ помѣщикамъ возможность безъ конца оттягивать дѣло регулированія, то для насъ станетъ яснымъ, что помѣщики получили въ свои руки сильное оружіе, коимъ они могли заставить крестьянъ (въ интересахъ которыхъ было скорѣйшее окончаніе операціи) уступить имъ значительную часть земли и отказаться отъ регулированія на предписываемыхъ закономъ основаніяхъ. Еще хуже обстояло дѣло съ тѣми участками, которые въ моментъ изданія закона лежали впустѣ. И тутъ законъ 1816 года значительно уступаетъ закону 1811 года. § 33 этого послѣдняго гласилъ: «участки, которые во время послѣдней войны или послѣ нея до 1809 г. опустѣли или въ настоящій моментъ не имѣютъ ни хозяевъ, ни другихъ лицъ, могущихъ предъявить на нихъ законныя права, могутъ быть присоединены помѣщиками къ своимъ имѣніямъ». Новый законъ расширяетъ это право помѣщиковъ, отдавая имъ въ жертву не только участки, опустѣвшіе *послѣ* войны 1806 года, но и тѣ, которые по какой бы то ни было причинѣ покинуты были своими владѣльцами еще *до* 1806 года; наконецъ, земли, присвоенныя помѣщиками противозаконно, вопреки существующимъ узаконеніямъ, остаются за

---

*) Помѣщикъ получалъ: 1) вознагражденіе за отмѣну повинностей и 2) 5—$7^1/_2$% съ чистаго дохода регулируемаго участка.

нимъ на-всегда. Такимъ образомъ, тѣ мѣры, которыя Фридрихъ Великій употребилъ для устраненія гибельныхъ послѣдствій семилѣтней войны, не были примѣнены въ XIX стол., и тѣ самые крестьяне, къ содѣйствію которыхъ правительство обратилось въ минуту грозившей отечеству опасности, вознаграждены были за свой патріотизмъ потерей земли.

Такъ какъ законъ 1816 г. распространялся не на всю крестьянскую массу, то возникаетъ вопросъ, какая судьба постигла тѣхъ крестьянъ, которые регулированію не подлежали. Самый законъ 1816 г. не содержитъ на этотъ счетъ никакихъ опредѣленій; но многочисленныя свидѣтельства современниковъ даютъ возможность отвѣтить на поставленный вопросъ. Оказывается, что большая часть крестьянъ этого рода была обезземелена и обратилась въ простыхъ поденщиковъ. Произошло это либо путемъ немедленнаго присвоенія помѣщиками ихъ земель, либо такъ, что помѣщики выжидали смерти пожизненнаго владѣльца и затѣмъ забирали его землю. На это указалъ Летте въ палатѣ депутатовъ 3 февраля 1857 г.; объ этомъ же говорится въ мотивахъ къ закону 1850 года и въ многочисленныхъ донесеніяхъ административныхъ учрежденій, въ которыхъ сосредоточивались операціи по исполненію закона 1816 г. Меньшая часть крестьянъ этого разряда обращена была въ арендаторовъ, и только ничтожная горсть осталась при старыхъ условіяхъ, которыя впослѣдствіи устранены были закономъ 1850 года.

Для крестьянъ-собственниковъ и наслѣдственныхъ чиншевиковъ, на которыхъ не распространялась декларація 1816 года, изданъ былъ спеціальный законъ 1821 г., отмѣнявшій барщину и повинности. По этому закону для регулированія достаточно желанія одной стороны; зато отъ усмотрѣнія противной стороны зависѣло, установить ли денежный выкупъ или земельное вознагражденіе. Такъ какъ инниціатива регулированія обыкновенно исходила отъ крестьянъ, то помѣщики имѣли возможность требовать въ видѣ вознагражденія часть земли, чѣмъ они, конечно, не преминули воспользоваться. Не трудно догадаться, какое вліяніе оказалъ законъ 1821 г. на обезземеленіе крестьянъ съ такъ называемыми лучшими правами на землю.

Такимъ образомъ, начиная съ 1807 г. происходило въ широкихъ размѣрахъ обезземеленіе крестьянской массы, а правительство не только не принимало никакихъ мѣръ, чтобы задержать этотъ процессъ, но, напротивъ, отмѣнило тѣ узаконенія, которыя изданы были раньше въ видахъ охраны крестьянскаго землевладѣнія. Самая крестьянская реформа, направленная къ уничтоженію послѣднихъ слѣдовъ феодализма и вызванная въ сущности чисто фискальными соображеніями, заключала въ себѣ столько уступокъ помѣщикамъ, проводилась такъ нерѣшительно, скрывала въ себѣ столько противорѣчій, что процессъ обезземеленія шелъ своимъ чередомъ. Цѣлыхъ 50 лѣтъ крестьянство находилось въ неопредѣленномъ по-

ложеніи, ожидая рѣшенія своей участи, а тѣмъ временемъ помѣщики, предвидя близкій конецъ своему господству, безнаказанно присвоивали крестьянскія земли. Такъ шло дѣло до 1848 года и только революція заставила правительство нанести послѣдній ударъ крѣпостному праву. Въ то время, какъ въ программѣ городскихъ классовъ первое мѣсто занимали политическія преобразованія, крестьяне требовали прежде всего завершенія аграрной реформы. И это сдѣлано было закономъ 2 марта 1850 года.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что на этотъ разъ правительство отказалось отъ колебаній и ограниченій.[4] Хотя теперь регулированію подлежали и тѣ разряды крестьянъ, которые исключены были декларацiей 1816 г., тѣмъ не менѣе и новый законъ распространялся не на всѣхъ крестьянъ безъ изъятія. Исключенными оказались временные ласситы, участки которыхъ помѣщикамъ не запрещалось присоединять къ своимъ имѣніямъ, когда они по какой-либо причинѣ оставались вакантными. Это изъятіе тѣмъ характернѣе, что временные ласситы составляли большую часть крестьянской массы и, по самому свойству своихъ правъ на землю, могли быть рано или поздно лишены насиженныхъ мѣстъ. Въ судьбѣ этого разряда крестьянъ помѣщики были заинтересованы больше всего: наслѣдственные ласситы мало чѣмъ отличались отъ собственниковъ и помѣщики могли посягать на ихъ права только въ рѣдкихъ случаяхъ; временные же, разъ на нихъ не распространялось дѣйствіе закона, прямо отданы были въ жертву помѣщикамъ, которые по истеченіи извѣстнаго времени могли безъ всякихъ околичностей присвоить ихъ землю. Вообще, законъ 1850 г. обратилъ свое исключительное вниманіе на крестьянъ съ «лучшими» правами—вѣчныхъ чиншевиковъ, наслѣдственныхъ ласситовъ и наслѣдственныхъ арендаторовъ, за которыми земля была въ нѣкоторой степени обезпечена, тогда какъ крестьяне съ «худшими» (ненаслѣдственными) правами, болѣе всѣхъ нуждавшіеся въ защитѣ закона, оставлены были на произволъ судьбы.

Законъ 1850 г. уничтожилъ послѣдніе остатки крестьянскихъ повинностей, замѣнивъ ихъ денежнымъ выкупомъ. Въ этомъ отношеніи новый законъ сохранилъ порядокъ закона 1816 г., окончательно отказавшись отъ вознагражденія помѣщиковъ посредствомъ *обязательной* уступки земли. Хотя правительство приняло нѣкоторыя мѣры, чтобы облегчить крестьянамъ погашеніе выкупныхъ платежей, однако для многихъ они оказались непосильными, вслѣдствіе чего значительная часть крестьянъ вскорѣ потеряла землю. Это показываетъ, что условія, созданныя реформою, далеко нельзя считать удовлетворительными. Если, какъ мы видѣли выше, въ эпоху реформъ процессъ обезземеленія крестьянъ шелъ безостановочно, то и по завершеніи реформы крестьяне, лишенные надлежащей поддержки со стороны правительства въ переходный

моментъ своей жизни, обремененные выкупными платежами, не имѣя кредита, продолжали увеличивать собою ряды пролетаріата *).

Закономъ 1850 года заканчивается крестьянская реформа въ Пруссіи. Послѣдующія узаконенія не имѣютъ уже общаго характера, а направлены на тѣ или другія частности. При этомъ для наступившей послѣ революціи реакціи характерно то, что частныя измѣненія, внесенныя послѣдующими законами, клонились не къ расширенію крестьянскихъ правъ, а, напротивъ, къ ихъ умаленію. Такъ, напр., въ 1853 году установлено было, что, независимо отъ прежнихъ ограниченій, не подлежатъ регулированію и тѣ ласситы, участки которыхъ въ 1811 году не платили государственныхъ податей. Наконецъ, законъ 1857 года установилъ окончательный срокъ для регулированія; если до 31 декабря 1858 года ни одна изъ заинтересованныхъ сторонъ не внесетъ предложенія о регулированіи, то отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ могутъ быть опредѣлены обыкновеннымъ договорнымъ путемъ.

Оглядываясь на исторію крестьянской реформы въ Пруссіи, мы должны обратить вниманіе на три момента, характеризующіе прусскую аграрную политику и оказавшіе наибольшее вліяніе на судьбу крестьянскаго населенія въ этой части Германіи. Во-первыхъ, въ Пруссіи помѣщики съ давнихъ поръ стремились создать на своей землѣ крупное земледѣльческое хозяйство, и это вызвало необыкновенную жажду земли, которая утолялась и могла утоляться исключительно на счетъ крестьянъ. Во-вторыхъ, въ самый критическій моментъ отмѣнена была «охрана» крестьянскаго землевладѣнія, что дало широкій просторъ развитію помѣщичьихъ притязаній. Въ-третьихъ, недостаточность, неполнота и нерѣшительность правительственныхъ распоряженій были причиною того, что множество крестьянъ, лишившись земли, перешло въ ряды пролетаріата. Въ-четвертыхъ, нѣкоторая часть крестьянъ вознаградила помѣщиковъ землею, вслѣдствіе чего земледѣльческій промыселъ не могъ ужъ ихъ обезпечить вполнѣ; тѣ же, которые вознаградили помѣщиковъ деньгами, обременены были слишкомъ высокими платежами, вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ, истощивъ свои средства, необходимыя для поддержанія хозяйства, въ концѣ концовъ должны были отказаться отъ земли. Въ сколько-нибудь сносномъ положеніи оказалась небольшая часть крестьянства, находившаяся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

*) Къ концу 1894 года вознагражденіе помѣщиковъ въ Пруссіи выразилось въ слѣдующихъ цифрахъ:

въ капиталѣ, марокъ.	въ денежной рентѣ, марокъ.	въ землѣ, гектаровъ.
262.910.958	27.494.720	426.216

(*Landwirthschaftliche Jahrbücher*. XXV, Ergänzungsband 2).

Мы увидимъ ниже, что этотъ отзывъ, съ нѣкоторыми варіаціями, можно отнести ко всей Германіи *).

III.

Переходимъ ко второй типической странѣ—къ Баваріи.

На характеристикѣ отношеній баварскихъ крестьянъ къ помѣщикамъ мы не будемъ долго останавливаться, такъ какъ въ общемъ они сходны съ отношеніями, господствовавшими въ Пруссіи. Скажемъ только, что число крѣпостныхъ, владѣвшихъ землею на правѣ собственности, было не велико; большинство имѣло только право пользованія землею на тѣхъ или другихъ условіяхъ. Изъ числа послѣднихъ наслѣдственные владѣльцы составляли половину всего числа крестьянъ въ Нижней Баваріи и $^1/_5$ въ Верхней, пожизненные $^1/_{20}$ въ Нижней и $^3/_{10}$ въ Верхней, а срочные $^1/_4$ въ Нижней и $^1/_{10}$ въ Верхней. Участки, принадлежавшіе наслѣдственнымъ владѣльцамъ, переходили къ помѣщикамъ въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда крестьянинъ умиралъ, не оставивъ наслѣдниковъ, 2) въ случаѣ неисполненія имъ своихъ обязательствъ по отношенію къ помѣщику и 3) когда онъ съ злымъ умысломъ или грубой неосторожностью причинялъ вредъ воздѣлываемой имъ землѣ. Крѣпостные крестьяне всѣхъ разрядовъ обязаны были отбывать барщину и разныя повинности, какъ натуральныя, такъ и денежныя, какъ обыкновенныя, такъ и чрезвычайныя. Изъ чрезвычайныхъ сборовъ особаго вниманія заслуживаютъ пошлины, взимавшіяся помѣщикомъ при переходѣ земли отъ одного владѣльца къ другому. Онѣ сплошь и рядомъ служили предметомъ самой жестокой спекуляціи, доводившей новаго владѣльца до раззоренія. Когда помѣщикъ замѣчалъ, что крестьянинъ имѣетъ сильное желаніе пріобрѣсть землю, то онъ налагалъ на него такія высокія пошлины, что тому приходилось начать хозяйство безъ всякихъ средствъ. Нуждаясь въ деньгахъ для хозяйственныхъ нуждъ и не пользуясь кредитомъ, крестьянинъ, естественно, обращался къ помѣщику, который и ссужалъ его необходимой суммой на короткій срокъ. Когда, по истеченіи срока крестьянинъ оказывался не въ состояніи уплатить свой долгъ, то помѣщикъ прогонялъ его съ земли, чтобы продѣлать ту же операцію съ другимъ. Такіе поборы, постоянно практиковавшіеся помѣщиками, въ связи съ высокими повинностями вообще и тяжелой барщиной, размѣръ которой большею частью былъ неопредѣленный, служили причиною сильной задолженности крестьянъ.

Исходнымъ моментомъ баварскаго аграрнаго законодательства,

---

*) Ср. W. *Löbe*, Abriss der Geschichte der deutschen Landwirtschaft, стр. 73. *M. Sering*, Die preussische Agrar-Konferenz (Schmoller's Jahrbücher, XVIII, 250). G. *Schmoller*, Die amerikanische Konkurrenz etc. (Schmoller's Jahrb., VI, H. 1, стр. 249). G. *Rutland*, Agrarpolitische Versuche, 41.

посягнувшаго на исконные устои крѣпостничества, является начало XIX стол. Но вплоть до самой революціи 1848 года реформы касались только уничтоженія личной зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ и отмѣны повинностей и барщины. Объ измѣненіи же правъ крестьянъ на землю не было рѣчи. Не смотря на то, что какъ правительство, такъ и многіе государственные люди того времени прекрасно сознавали необходимость укрѣпить аграрныя права крестьянъ, однако, никто не рѣшался выступить съ энергичными мѣрами въ этомъ направленіи. Правительство, не находя возможнымъ дѣйствовать противъ помѣщиковъ мѣрами понужденія, ограничилось проведеніемъ реформъ для государственныхъ крестьянъ, надѣясь, что помѣщики послѣдуютъ примѣру казны. Вышло то, чего и слѣдовало ожидать: до самой революціи ничего не было сдѣлано для улучшенія поземельныхъ правъ помѣщичьихъ крестьянъ. Но вотъ наступилъ февраль 1848 г., и то, что не могло быть достигнуто въ теченіе цѣлаго полувѣка, сдѣлано было въ нѣсколько дней.

Февральскія событія въ Мюнхенѣ извѣстны; не менѣе извѣстно впечатлѣніе, произведенное ими во всей странѣ. Со всѣхъ концовъ посыпались петиціи въ палаты и къ королю, заявившему, что «желанія народа всегда находятъ откликъ въ его сердцѣ». Городскіе классы, на ряду съ политическими реформами, измѣненіемъ избирательнаго права, отвѣтственностью министровъ, свободою печати, полнымъ раздѣленіемъ властей, судомъ присяжныхъ и пр., требовали также «освобожденія земли отъ угнетающихъ ее тягостей и отмѣны привилегій, мѣшающихъ благосостоянію народа». А въ петиціяхъ отъ сельскаго населенія, покрытыхъ десятками тысячъ подписей, *на первомъ планѣ* стояло «освобожденіе личности и собственности отъ тяжкаго гнета тирановъ - помѣщиковъ». Въ виду общаго возбужденія медлить нельзя было, и 4 іюня 1848 года появился законъ, которымъ баварскіе крестьяне обращены были въ собственниковъ, административная и судебная власть помѣщиковъ отмѣнена, а натуральныя и денежныя повинности уничтожены, частью безвозмездно, частью съ выкупомъ.

Отличительную особенность Баваріи составляетъ отсутствіе той «жажды земли», которая въ Пруссіи послужила причиною обезземеленія крестьянъ. Въ Баваріи помѣщики не обнаруживали стремленія къ крупному земледѣльческому хозяйству, довольствуясь небольшими экономіями и сборами съ крестьянъ, между которыми распредѣлена была земля. Здѣсь господствовало всеобщее убѣжденіе, что мелкое хозяйство выгоднѣе крупнаго, и правительство, руководясь этимъ взглядомъ, приняло обширныя мѣры съ цѣлью раздробленія крупныхъ участковъ. Въ Баваріи, слѣдовательно, имѣлъ мѣсто процессъ діаметрально противоположный тому, который наблюдался въ Пруссіи: между тѣмъ какъ тамъ развивалось крупное землевладѣніе насчетъ мелкаго, здѣсь, наоборотъ, крупныя имѣнія

раздроблялись. Этимъ основнымъ различіемъ въ хозяйственномъ развитіи Пруссіи и Баваріи объясняется то обстоятельство, что въ первой правительство при проведеніи крестьянской реформы обнаружило сугубую заботливость о крупномъ хозяйствѣ, тогда какъ въ Баваріи дѣло шло только объ обращеніи эмфитевтъ въ полныхъ собственниковъ, безъ уменьшенія ихъ участковъ. Само собою разумѣется, что эта особенность баварской аграрной политики должна была оказать благотворное вліяніе на послѣдующую исторію крестьянства въ этой странѣ.

Нѣсколько своеобразный характеръ имѣла крестьянская реформа въ *Шлезвигъ-Голштейнѣ*. Въ началѣ реформы приняты были мѣры противъ сноса крестьянскихъ дворовъ, такъ что въ этомъ отношеніи аграрная политика Шлезвигъ-Голштейна имѣла значительное преимущество передъ аграрной политикой Пруссіи. Но при устройствѣ ихъ быта крестьяне здѣсь поставлены были въ несравненно худшее положеніе, чѣмъ въ Пруссіи, не говоря уже о Баваріи.

Въ Шлезвигъ-Голштейнѣ крѣпостничество приняло болѣе рѣзкую форму и достигло большаго развитія, чѣмъ въ разсмотрѣнныхъ двухъ государствахъ. Въ то время, какъ въ Баваріи личная зависимость крестьянина отъ помѣщика уже въ началѣ XVIII стол. существовала лишь на бумагѣ, а фактически крѣпостные крестьяне въ отношеніи правъ личности мало чѣмъ отличались отъ свободныхъ,— въ Шлезвигъ-Голштейнѣ крѣпостной человѣкъ стоялъ немногимъ выше раба. Что же касается земельныхъ правъ, то въ Шлезвигъ-Голштейнѣ не было ни крестьянъ-собственниковъ, ни наслѣдственныхъ арендаторовъ, между тѣмъ какъ въ Пруссіи нѣкоторая часть крестьянъ владѣла землею на правѣ собственности и наслѣдственной аренды. Шлезвигскіе и голштейнскіе крестьяне имѣли только право временного пользованія землею, считавшеюся исключительной собственностью помѣщика. Здѣсь не только не могло быть рѣчи объ обязательномъ переходѣ права пользованія землею къ наслѣдникамъ, но и самъ владѣлецъ могъ быть во всякій моментъ удаленъ съ земли. Шлезвигскихъ и голштейнскихъ крестьянъ нельзя было даже назвать срочными арендаторами, потому что время пользованія землею не опредѣлялось никакими сроками, да и вообще между крестьянами и помѣщиками не существовало никакихъ договоровъ. Крѣпостные крестьяне въ Шлезвигъ-Голштейнѣ были «хозяевами впредь до усмотрѣнія» помѣщика. Понятно, что при такомъ положеніи вещей обезземеленіе крестьянъ могло происходить въ большихъ размѣрахъ. Дѣйствительно, съ начала XVIII вѣка, когда въ сѣверной Германіи стали развиваться крупныя земледѣльческія хозяйства, крестьяне массами прогоняются съ земли, и участки ихъ присоединяются къ господскимъ имѣніямъ. Такъ продолжалось до 1804 года, когда правительствомъ установлена была охрана крестьянскаго землевладѣнія въ томъ самомъ видѣ, какъ она существовала въ Пруссіи до начала крестьянской реформы. Такъ какъ

восьмилѣтній срокъ, данный правительствомъ помѣщикамъ для урегулированія ихъ отношеній къ крестьянамъ, кончался въ 1805 году, то «охранительный» законъ могъ еще спасти нѣкоторую часть крестьянъ отъ окончательнаго обезземеленія. Хотя за семь лѣтъ, протекшихъ отъ момента объявленія крестьянской реформы до изданія охранительныхъ законовъ, помѣщики имѣли достаточно времени, чтобы устроить свои земельныя дѣла къ наибольшей для себя выгодѣ, но все же важно то, что въ Шлезвигъ - Голштейнѣ охрана крестьянскаго землевладѣнія введена была именно въ критическій моментъ переходнаго періода, тогда какъ въ Пруссіи въ эпоху реформъ отмѣнены были существовавшіе дотолѣ охранительные законы.

Но здѣсь, какъ и въ Пруссіи, эта охрана имѣла весьма ограниченное значеніе. Не говоря уже о томъ, что она введена была слишкомъ поздно,—она имѣла въ виду не крестьянскую личность, какъ субъекта права, а только крестьянскую землю, какъ объектъ права. Запрещая впредь уменьшать число крестьянскихъ участковъ, т. е. сливать нѣсколько мелкихъ въ одинъ крупный и присоединять крестьянскую землю къ помѣщичьимъ экономіямъ, она не обязывала помѣщика оставлять крестьянъ на своихъ мѣстахъ; онъ могъ не только замѣнить одного крестьянина другимъ, но и посадить на крестьянскій участокъ своего управляющаго, который велъ хозяйство за его счетъ. Законъ запрещалъ обращеніе крестьянскихъ «мѣстъ» въ господскія, — и только. Кто будетъ сидѣть на данномъ крестьянскомъ «мѣстѣ», самостоятельный ли крестьянинъ, или представитель помѣщика, это было безразлично. Это странное на первый взглядъ обстоятельство объясняется тѣмъ, что, устанавливая охрану крестьянскаго землевладѣнія, шлезвигъ - голштейнское правительство такъ же, какъ прусское, имѣло въ виду не столько обезпеченіе крестьянъ, сколько сохраненіе извѣстнаго числа податныхъ участковъ.

Что касается земельныхъ правъ крестьянъ, то въ этомъ отношеніи правительство заботилось не объ обращеніи крестьянъ въ собственниковъ, а только о большемъ или меньшемъ упорядоченіи ихъ быта съ цѣлью придать ихъ положенію болѣе опредѣленный, устойчивый характеръ. Крестьянамъ предоставлено было войти въ соглашеніе съ помѣщиками касательно условій владѣнія землею на будущее время. Помѣщикъ могъ дать своему крестьянину либо право полной собственности, либо право пользованія въ теченіе опредѣленнаго срока, либо, наконецъ, совершенно удалить его съ земли, предоставивъ ему только такъ называемую «стариковскую долю» — нищенскій надѣлъ, не достаточный для веденія собственнаго хозяйства. Такимъ образомъ, судьба крестьянъ находилась въ рукахъ помѣщиковъ. Результатъ получился слѣдующій: большинство крестьянъ обращено въ арендаторовъ на разные сроки, опредѣляемые договорами, меньшинство получило право наслѣдственной

аренды, а маленькая горсть — главнымъ образомъ, казенные крестьяне—сдѣлалась собственниками.

Еще хуже сложились обстоятельство для мекленбургскихъ крестьянъ. Въ Мекленбургѣ крестьяне издавна отданы были въ жертву помѣщикамъ, такъ какъ ни до освобожденія, ни въ моментъ его не существовало ни малѣйшаго намека на охрану крестьянскаго землевладѣнія. Развивая у себя крупное хозяйство для внѣшняго сбыта, мекленбургскіе «рыцари» безпощадно пользовались своимъ будто бы исконнымъ правомъ неограниченной собственности на землю. При освобожденіи же крестьянъ отъ крѣпостной зависимости (въ 1820 г.) исполнились самыя смѣлыя мечты помѣщиковъ. То, къ чему тщетно стремились помѣщики всей Германіи, что составляло предметъ ихъ затаенныхъ надеждъ, совершилось въ Мекленбургѣ однимъ взмахомъ пера: крестьяне стали свободны, но земля цѣликомъ осталась за помѣщиками. Крестьянамъ предоставленъ былъ выборъ: либо остаться при старыхъ условіяхъ, либо сдѣлаться простыми поденщиками. Въ эпоху революціи, когда помѣщиковъ охватилъ страхъ передъ краснымъ призракомъ, а броженіе обнаружилось и среди мекленбургскихъ крестьянъ, изданъ былъ законъ о предоставленіи крестьянамъ правъ наслѣдственной аренды. Но не прошло и двухъ лѣтъ, какъ революціонный законъ былъ отмѣненъ. Въ 1857 году изъ рыцарскихъ крестьянъ до 60% уже принадлежало къ поденщикамъ. Какъ быстро шло до сихъ поръ обезземеленіе рыцарскихъ крестьянъ въ Мекленбургѣ, видно изъ того, что въ 1670 году существовало еще 12000 крестьянскихъ гуфъ, въ 1775 г. имѣлось уже всего 4472, а въ настоящее время не насчитывается и 1200, изъ которыхъ одна половина состоитъ во временной арендѣ, а другая въ наслѣдственной. Въ нѣсколько лучшемъ положеніи находятся казенные крестьяне, составляющіе, впрочемъ, не больше $^{1}/_{5}$ всего числа крестьянъ. Въ 1867 году они обращены были въ наслѣдственныхъ арендаторовъ.

IV.

Отмѣна крѣпостного права является однимъ изъ звеньевъ въ длинной цѣпи мѣропріятій, направленныхъ къ устраненію тѣхъ преградъ и ограниченій, которыя стѣсняли свободную дѣятельность человѣка. Свобода въ духѣ либеральнаго индивидуализма была руководящимъ принципомъ тогдашнихъ государственныхъ людей, шедшихъ въ уровень съ вѣкомъ и примыкавшихъ къ прогрессивному лагерю. Этотъ же принципъ легъ въ основу правительственной политики, стремившейся къ уничтоженію всего, что сколько-нибудь напоминало собою старый режимъ. «Во всѣхъ своихъ дѣлахъ и мѣропріятіяхъ правительство должно руководствоваться тѣмъ правиломъ, что необходимо въ законныхъ предѣлахъ доставить индивидууму возможность свободнаго развитія и примѣненія своихъ силъ

и способностей какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи, и какъ можно скорѣе устранить всѣ существующія въ этомъ отношеніи препятствія». Такъ формулировали прусскіе государственные дѣятели свою profession de foi въ инструкціи отъ 26 декабря 1808 г., и дѣятельность правительства первой половины XIX столѣтія, дѣйствительно, клонилась къ осуществленію принциповъ либерализма. Тогда господствовало убѣжденіе, что стоитъ только освободить человѣка отъ связывающихъ его путъ, стоитъ только предоставить его собственнымъ силамъ—и свободная игра интересовъ, гармонія силъ приведетъ къ всеобщему блаженству. Начала индивидуализма въ духѣ манчестерцевъ и кодекса Юстиніана проводились во всѣхъ областяхъ права и народнаго хозяйства. Еще съ XV стол. началась въ Германіи борьба мѣстныхъ народныхъ правъ съ правомъ римскимъ, стремившимся проводить въ жизнь начала равноправія всѣхъ лицъ и вещей (движимыхъ и недвижимыхъ), свободы завѣщанія, равнаго дѣлежа имущества между наслѣдниками и пр. Борьба эта длилась 4 вѣка съ перемѣннымъ счастьемъ, пока XIX столѣтіе не доставило окончательнаго торжества чужеземнымъ институтамъ, лишеннымъ естественной связи съ народной жизнью. Тотъ же процессъ, но гораздо медленнѣе, совершался въ области экономической политики, стремившейся еще со времени экономнаго Фридриха Вильгельма I преобразовать всѣ отрасли народнаго хозяйства въ духѣ либеральнаго индивидуализма, по теоріи гармоніи интересовъ. Въ сферѣ ремесла и мануфактуры это выразилось въ уничтоженіи цеховыхъ перегородокъ и замкнутости корпорацій и установленіи свободы промысла. Въ сферѣ сельскаго хозяйства духъ свободы воплотился въ образѣ вольнаго крестьянина. «Воля» освободила человѣка отъ рабскаго гнета, сковывавшаго его силы, и устранила институтъ двойной собственности на землю, этотъ специфическій продуктъ средневѣковой германской жизни, шедшій въ разрѣзъ съ ученіями римскихъ юристовъ. Крестьянская реформа, установивъ личную свободу для крестьянской массы, въ то же время освободила землю отъ тяготѣвшихъ на ней стѣсненій и ограниченій, мѣшавшихъ свободному обращенію ея на рынкѣ подобно движимому имуществу. Уже эдикты 1807 и 1811 гг. объявляютъ, что отнынѣ собственникъ земли имѣетъ право ею распоряжаться по своему усмотрѣнію какъ при жизни, такъ и на случай смерти: отчуждать цѣликомъ или частями, дѣлить на какіе угодно и сколько угодно участковъ, завѣщать ее одному изъ наслѣдниковъ или въ равныхъ доляхъ всѣмъ и пр. «Владѣльцы городскихъ и сельскихъ участковъ и имѣній всякаго рода,—говорится въ эдиктѣ 9 октября 1807 года, — имѣютъ право дѣлить ихъ, а также отчуждать частями». Еще рѣшительнѣе высказывается эдиктъ 14 сентября 1811 г.: «всякій землевладѣлецъ безъ исключенія вправѣ распоряжаться своей землею... поэтому онъ можетъ увеличить или уменьшить свое имѣніе или дворъ посредствомъ купли-продажи и

другими законными способами. Свою землю онъ можетъ завѣщать одному или нѣсколькимъ наслѣдникамъ, обмѣнивать, дарить кому угодно, не нуждаясь для этого въ особомъ разрѣшеніи *).

Экономическая политика германскихъ государей въ концѣ XVIII и первой половинѣ XIX стол. сводилась къ водворенію свободы въ сферѣ промышленности, торговли и обращенія. Въ частности—въ области сельскаго хозяйства политика эта выразилась въ реформахъ первой половины текущаго столѣтія, которыя, на ряду съ отмѣной крѣпостного права, клонились къ уничтоженію послѣднихъ слѣдовъ общиннаго землевладѣнія, всякаго рода сервитутовъ, лежавшихъ на землѣ, и къ установленію полной свободы владѣнія, пользованія и распоряженія во всѣхъ видахъ. На эти преобразованія возлагались въ то время большія надежды; онѣ должны были вернуть золотой вѣкъ въ сельскомъ хозяйствѣ. «Неограниченное право распоряженія,—читаемъ мы въ мотивахъ къ закону 1811 г.,—является вѣрнѣйшимъ и лучшимъ средствомъ для охраненія землевладѣльцевъ отъ задолженности, возбужденія въ нихъ продолжительнаго и живого интереса къ введенію на своихъ земляхъ хорошей культуры и всякихъ улучшеній... Не имѣя возможности продавать отдѣльныя части своихъ имѣній, владѣльцы впадаютъ въ долги и истощаютъ почву; пользуясь же свободой отчужденія, они могутъ не задалживаться и лучше воздѣлывать остальную землю... Право отчужденія по частямъ имѣетъ еще одно, болѣе важное преимущество, которое особенно пріятно нашему сердцу: оно даетъ меньшой братіи—кутникамъ, домовникамъ и поденщикамъ—возможность пріобрѣсти собственную землю. Надежда стать собственниками сдѣлаетъ этотъ многочисленный полезный классъ моихъ подданныхъ прилежными, порядочными и бережливыми работниками. Многіе изъ нихъ достигнутъ виднаго положенія въ сельскомъ хозяйствѣ и промышленности. Государство обогатится новымъ драгоцѣннымъ классомъ прилежныхъ собственниковъ, а стремленіе таковыми сдѣлаться дастъ земледѣлію больше рабочихъ рукъ, и трудъ наличныхъ работниковъ станетъ производительнѣе, благодаря большему напряженію силъ» **). Осуществились ли эти розовыя мечты, ожидавшія всеобщаго благоденствія отъ свободной игры силъ,—объ этомъ свидѣтельствуютъ: колоссальный ростъ задолженности земли, сильное измельчаніе крестьянской собственности и чрезвычайное развитіе сельскаго пролетаріата.

Преобразованія правового порядка въ сферѣ сельскаго хозяйства по общему духу своему находились въ полной гармоніи съ крестьянской реформой. Мы видѣли, что при отмѣнѣ крѣпостного

---

*) *Meitzen*, Der Boden und die landwirtschaftlichen Verhältnisse des Preussischen Staates I. 475, 476.

**) Ср. *Max Sering*, Die innere Kolonisation im östlichen Deutschland, 1893, стр. 38—39 (Schriften des Vereins für Socialpolitik. LVI).

права правительство сдѣлало большія уступки помѣщикамъ, вслѣдствіе чего значительная часть сельскаго населенія была обезземелена, а крестьяне-собственники оказались обремененными высокими платежами, поставившими ихъ на первыхъ же порахъ въ невозможность вести сколько нибудь раціональное хозяйство. Можно сказать, что вся крестьянская реформа носила характеръ дворянскій, такъ какъ въ общемъ дворяне выиграли больше, чѣмъ отдали, а за крестьянами было только закрѣплено юридически то, что фактически имъ принадлежало искони,—закрѣплено съ большими урѣзками и ограниченіями, исключавшими всякую мысль о процвѣтаніи крестьянскаго хозяйства. Такой же аристократической окраской отличаются и другія мѣропріятія германскихъ правительствъ въ сферѣ сельскаго хозяйства. Рѣзче всѣхъ въ этомъ отношеніи выступала Пруссія, которая всегда радѣла объ интересахъ крупныхъ землевладѣльцевъ больше, чѣмъ объ интересахъ крестьянъ.

Принципъ свободы обращенія земельной собственности проведенъ былъ невполнѣ послѣдовательно, и эта непослѣдовательность цѣликомъ шла въ пользу крупнаго землевладѣнія. Начать съ того, что для дворянъ сохраненъ былъ институтъ фидеикомисса, шедшій въ разрѣзъ съ началами отчуждаемости и свобододѣлимости, провозглашенными для крестьянской собственности. Та самая свобода отчужденія, отъ которой ждали такихъ благотворныхъ результатовъ какъ въ техническомъ, такъ и въ соціально-политическомъ отношеніи, не была проведена для большей части дворянскаго землевладѣнія. Правда, эдиктъ 9 октября 1807 года допустилъ для фидеикомиссовъ передачу земли на правахъ наслѣдственной аренды,— что противорѣчило установленному тогда же общему принципу, въ силу котораго пріобрѣтеніе земли впредь могло состояться не иначе, какъ на правахъ полной собственности,—но при этомъ допущены были такія ограниченія въ пользу законныхъ наслѣдниковъ и кредиторовъ, что право даже ограниченнаго отчужденія дворянскихъ земель сводилось въ сущности къ нулю. Закономъ 3 марта 1850 г. подобная наслѣдственная аренда была запрещена, а взамѣнъ этого допущена свобода отчужденія отдѣльныхъ участковъ и безъ согласія лицъ, имѣющихъ какое бы то ни было вещное право на землю; но въ этомъ случаѣ требовалось свидѣтельство отъ подлежащихъ учрежденій о томъ, что предполагаемый выдѣлъ участка не причинитъ вреда остальному имѣнію, а такое свидѣтельство должно было выдаваться только въ томъ случаѣ, «если отдѣляемый участокъ имѣетъ ничтожную цѣнность и незначительные размѣры въ сравненіи съ главнымъ имѣніемъ». Кромѣ того, по дѣйствующимъ до сихъ поръ законамъ, если на имѣніи лежитъ ипотечный долгъ, то при отчужденіи какихъ либо частей его послѣднія подлежатъ солидарной отвѣтственности за весь долгъ. Наконецъ, законъ 5 іюня 1852 года разрѣшилъ учрежденіе новыхъ фидеикомиссовъ. Такимъ образомъ, изъ общихъ законовъ, устанавливавшихъ свободу отчужденія

и дѣлимости земли, сдѣланы были изъятія, направленныя противъ раздробленія дворянской собственности и перехода ея изъ рукъ въ руки, а съ тѣмъ вмѣстѣ бережно охранялись интересы нарождавшейся буржуазіи, фигурировавшей въ роли кредиторовъ.

Какое значеніе имѣла эта политика для фидеикомиссовъ, показываютъ слѣдующія цифры, иллюстрирующія ростъ ихъ за послѣдніе годы въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи:

Годы	Общее число вновь возникшихъ фидеикомиссовъ	Среднее число въ годъ
1800—50	72	1,44
1851—70	103	5,15
1871—88	219	12,17

Слѣдовательно, въ періодъ 1851—70 гг. фидеикомиссы росли почти вчетверо, а въ 1871—88 гг. почти вдевятеро быстрѣе, чѣмъ въ первой половинѣ столѣтія. А что фидеикомиссы идутъ главнымъ образомъ въ пользу крупнѣйшаго землевладѣнія, видно изъ того, что изъ всего числа фидеикомиссовъ, существующихъ въ настоящее время,

17,38%	занимаютъ каждый	менѣе 500 гектаровъ,
20,89	» »	отъ 500 до 1000 гектаровъ,
61,39	» »	болѣе 1000 гектаровъ,

т. е. болѣе $^3/_5$ всего числа фидеикомиссовъ представляетъ собою настоящія латифундіи *).

Итакъ, провозгласивъ принципъ свободнаго обращенія земельной собственности, прусское правительство въ то же время позаботилось о сохраненіи крупнаго землевладѣнія. Тамъ, гдѣ дѣло шло о дворянствѣ, идеи свободы и гармоніи интересовъ оставлены были въ сторонѣ; «великіе принципы» примѣнены были только къ крестьянскому землевладѣнію, объ охранѣ котораго отъ дробленія и не думали. Правительство, какъ мы видѣли, ожидало благотворныхъ результатовъ отъ свободы обращенія поземельной собственности, такъ какъ она дастъ возможность безземельнымъ работникамъ сдѣлаться собственниками, а это сулитъ и ростъ производительныхъ силъ, и увеличеніе интенсивности труда, и всякія другія блага для отечества. Но такъ какъ дворянская собственность не подлежитъ свободному обращенію, то фондомъ, изъ котораго будетъ черпаться предметъ вожделѣній «безземельныхъ работниковъ», оказывается исключительно крестьянская земля. Если мы при этомъ вспомнимъ, что высокіе платежи на первыхъ же порахъ свободной жизни лишили крестьянъ денежныхъ рессурсовъ, необходимыхъ для веденія хозяйства, то поймемъ, что безземельнымъ работникамъ вскорѣ дѣ-

*) *M. Sering.* o. c. 42, 43.

ствительно представилась возможность сдѣлаться собственниками, пріобрѣвъ за ничтожныя цѣны крестьянскіе участки. Но еще болѣе широкое поприще открылось для дворянъ и капиталистовъ, не преминувшихъ воспользоваться случаемъ скупить за безцѣнокъ крестьянскую землю. Въ результатѣ оказалось нѣчто діаметрально противоположное ожидавшемуся всеобщему благоденствію: крестьянское землевладѣніе сокращается, а взамѣнъ его ростетъ число парцеллярныхъ участковъ, владѣльцы которыхъ не могутъ существовать безъ постороннихъ заработковъ, и число латифундій, объ опасности которыхъ для отечества кричатъ и самые ревностные охранители *). Словомъ, аграрное законодательство Пруссіи создало юридическія условія для роста крупнаго землевладѣнія и сокращенія мелкаго, крестьянскаго.

То, что происходило въ Пруссіи, имѣло мѣсто съ тѣми или другими варіаціями и въ другихъ германскихъ государствахъ. Разница только въ томъ, что прусское правительство дѣйствовало съ большей послѣдовательностью и неуклонностью, чѣмъ другія государства. Въ этихъ послѣднихъ допущено было много ограниченій, имѣвшихъ въ виду охрану земельной собственности отъ раздробленія. Но по существу политика мелкихъ государствъ не менѣе прусской носитъ аристократическую окраску; и тамъ «великіе принципы свободы и равенства», которыми мотивировались чуть ли не всѣ законодательные акты о крестьянахъ, были въ сущности пустыми звуками, за которыми скрывалась сугубая заботливость о крупномъ землевладѣніи.

Отступленіе отъ началъ либеральнаго индивидуализма сдѣлано было въ корол. Саксоніи, Баваріи, Вюртембергѣ, Саксенъ-Веймарѣ, Баденѣ, Ольденбургѣ и нѣкоторыхъ мелкихъ княжествахъ. Установленныя тамъ ограниченія касаются исключительно свободы раздѣла имѣнія съ цѣлью отчужденія его по частямъ и выражаются: 1) либо въ опредѣленіи минимума, не подлежащаго дальнѣйшему дѣленію, 2) либо въ необходимости разрѣшенія администраціи, 3) либо, наконецъ, въ правѣ учрежденія своего рода заповѣдныхъ имѣній *). Ясно, что эти мѣропріатія способны воспрепятствовать крайнему дробленію крестьянской собственности, но совершенно безсильны защитить ее противъ поглощенія крупнымъ землевладѣ-

---

*) Ниже мы приводимъ статистическія данныя, подтверждающія это заключеніе.

**) *Buchenberger*, Agrarwesen und Agrarpolitik, 1893. *Schlitte*, Zusammenlegung der Grundstücke. *K. Mamroth*, Die Beschränkungen der Parzellirungsfreiheit (Conrad's Jahrbücher, LXIII). *I. Weiss*, Massregeln gegen Bodenzersplitterung (Schmoller's Jahrbücher, XVII). R. *Schreiber*, Güterzertrümmerung etc. in Oberbayern (Schmoller's Jahrb., XVIII). W. *Roscher*, Betrachtungen über die neuen preussischen Gesetze zur Erhaltung des Bauernstandes (Nord und Süd, 1882, H. 66). *Conrad's* Handwörterbuch der Staatswissenschaften, соотв. статьи.

ніемъ; для охраны же крестьянъ отъ послѣдней опасности не принято было никакихъ мѣръ. Если Пруссія открыто покровительствовала крупнымъ собственникамъ, установивъ для нихъ изъятія изъ дѣйствующаго законодательства, то другія германскія государства, не дошедшія до такой явно покровительственной политики, остались индифферентны къ судьбамъ крестьянскаго землевладѣнія. Аграрная политика игнорировала крестьянство въ западной Германіи не менѣе, чѣмъ въ восточной; разница лишь въ томъ, что Пруссія дѣйствовала *положительно*, покровительствуя крупному землевладѣнію, а остальная Германія—*отрицательно*, ничего не предпринимая въ пользу крестьянъ.

V.

Съ средины 50-хъ годовъ наступаетъ затишье въ аграрной политикѣ Германіи. Убѣжденныя, что послѣ описанныхъ реформъ должно наступить царство Божіе на землѣ, правящія сферы считали свою миссію оконченной и почили на лаврахъ. Съ этихъ поръ законодательная дѣятельность въ области сельскаго хозяйства теряетъ свой аграрно-политическій характеръ и направляется исключительно на чисто техническія задачи. Считая, что достигнутый реформами аграрный строй не оставляетъ желать лучшаго, что отнынѣ не требуется никакихъ перемѣнъ ни въ сферѣ распредѣленія поземельной собственности, ни въ юридическомъ положеніи сельскихъ хозяевъ, германскія правительства ограничиваются агрикультурными мѣрами, имѣющими цѣлью поднятіе доходности земли. Оросительныя и осушительныя работы, опытныя станціи, сельско-хозяйственныя выставки, искусственное удобреніе, — вотъ что является теперь предметомъ особыхъ заботъ правительственныхъ сферъ. Нужно, впрочемъ, сказать, что и тутъ правительство обнаружило вялую дѣятельность, предоставляя главныя работы частной иниціативѣ и взявъ на себя лишь общее руководство и высшій контроль.

Такъ прошло около двухъ десятилѣтій, когда въ «деревнѣ» стали наблюдаться какіе-то подозрительные симптомы. Сельское населеніе стало массами покидать родныя пепелища, отправляясь искать счастья за океанъ или уходя въ ближайшіе фабричные центры. Съ разныхъ концовъ стали доноситься жалобы на отсутствіе и дороговизну рабочихъ рукъ, на «угнетенное положеніе» сельскаго хозяйства, на «упадокъ благосостоянія деревни». Правительство въ началѣ довольно хладнокровно относилось къ этимъ жалобамъ, будучи занято «болѣе важными» работами въ области внутренней и внѣшней политики. Но положеніе становилось все серьезнѣе. Повсюду заговорили о сельско-хозяйственномъ кризисѣ, объ упадкѣ доходности земли. Юнкеры съ обычной безцеремонностью завопили о грозящей отечеству опасности. Дошло, наконецъ, до памятныхъ бурныхъ сценъ въ прусской палатѣ, гдѣ вѣрные служители пре-

стола грозили перейти въ формальную оппозицію. Дольше нельзя было оставаться въ бездѣйствіи—и императоръ заявилъ, что нужды сельскихъ хозяевъ всегда близки были его сердцу.

Съ 80-хъ годовъ оживляется законодательная дѣятельность въ интересахъ сельскаго хозяйства. Но теперь, какъ и раньше, предметомъ преимущественныхъ заботъ правительства служитъ крупное землевладѣніе. Всѣ мѣропріятія направлены къ поднятію благосостоянія юнкеровъ, а крестьянство по прежнему стоитъ на заднемъ планѣ. Аграріи развязно выдаютъ себя за представителей всего сельскаго хозяйства, заявляя, что ихъ интересы тождественны съ интересами крестьянъ, что они не столько хлопочутъ о своемъ личномъ благѣ, сколько о благѣ всего средняго сословія. Развѣ они не тѣ же крестьяне? Развѣ и мелкіе землевладѣльцы не страдаютъ отъ упадка цѣнъ и дороговизны рабочихъ рукъ? Правительство вполнѣ согласно съ этими доводами, тѣмъ болѣе, что аграріи кричатъ и требуютъ, а крестьяне безропотно подчиняются судьбѣ, зная по долголѣтнему горькому опыту, что имъ нечего ждать отъ правящихъ сферъ, въ которыхъ верховодятъ, въ сущности, тѣ же юнкеры.

«Не прекращающееся угнетенное состояніе сельскаго хозяйства сильно озабочиваетъ правительство. Оно рѣшилось употребить всѣ пригодныя средства, чтобы помочь этому столь важному для нашихъ экономическихъ отношеній промыслу». Такъ гласила тронная рѣчь, прочитанная при открытіи ландтага въ 1896 году; аналогичнаго содержанія были рѣчи 1894 и 1895 гг. Да и раньше правительство не упускало случая обратить вниманіе общества на то, какъ много оно печется о сельскомъ хозяйствѣ, интересы котораго столь важны въ соціально-политическомъ отношеніи. Въ прошломъ году прусскій министръ земледѣлія составилъ записку, въ которой перечисляетъ мѣропріятія прусскаго правительства, имѣвшія въ виду интересы сельскаго хозяйства *). Этотъ въ высшей степени важный документъ знакомитъ насъ съ характеромъ прусской политики въ крестьянскомъ вопросѣ за послѣдніе годы.

Особое вниманіе правительства привлекалъ вопросъ о низкихъ цѣнахъ на зерновые продукты, оказывающихъ неблагопріятное вліяніе на доходность германскаго земледѣлія. Для искусственнаго поднятія цѣнъ на внутреннемъ рынкѣ принятъ былъ въ послѣднее время рядъ мѣръ. Сюда относятся: биржевая реформа, имѣвшая цѣлью устраненіе многихъ недостатковъ, которые, «какъ давно уже указывалось въ сельско-хозяйственныхъ кругахъ, производили неблагопріятное дѣйствіе на цѣны сельско-хозяйственныхъ продуктовъ»; уничтоженіе такъ назыв. Identitätsnachweis, имѣвшее въ виду «облегченіе вывоза зерна и муки»; устройство зернохрани-

*) Denkschrift über die zur Förderung der Landwirthschaft in der letzten Jahren ergriffenen Massnahmen. Berlin, 1896.

лишь при желѣзно-дорожныхъ станціяхъ и главныхъ узлахъ водяныхъ путей сообщенія съ цѣлью «дать отечественному сельскому хозяйству возможность болѣе благопріятнаго сбыта его продуктовъ и создать лучшія условія для ихъ продажи»; пониженіе желѣзнодорожныхъ тарифовъ на зерно и муку, подвозимыя къ портамъ, «чтобы дать возможность и внутреннимъ округамъ вывозить свой хлѣбъ морскимъ путемъ», и пр., и пр. Спрашивается: въ чьихъ интересахъ приняты были всѣ эти мѣры? Приносятъ ли онѣ какую-либо пользу крестьянскому населенію? Не ограничивается ли ихъ благодѣтельная роль горстью крупныхъ землевладѣльцевъ, производящихъ хлѣбъ не для собственнаго потребленія, а для нуждъ рынка—внутренняго и внѣшняго? Самъ авторъ записки говоритъ, что «для мелкаго крестьянина, производящаго хлѣбъ только для собственнаго потребленія, состояніе цѣнъ имѣетъ второстепенное значеніе» *). А какъ велико число такихъ крестьянъ, которымъ о продажѣ хлѣба и думать нечего?

Мы увидимъ ниже, что для прокормленія семьи собственнымъ хлѣбомъ нѣмецкому крестьянину нужно имѣть не менѣе 5 гектаровъ; это—минимумъ, ниже котораго начинается полуголодное существованіе. По переписи 5 іюня 1882 года **) земледѣльческія хозяйства, не превышающія 5 гектаровъ, составляютъ 76,7% всего числа земледѣльческихъ хозяйствъ. Слѣд., больше $^3/_4$ хозяйствъ еле пропитывается собственнымъ хлѣбомъ, а о продажѣ, тѣмъ болѣе о вывозѣ за границу не можетъ и мечтать. Мѣропріятія, направленныя къ поднятію цѣнъ, имѣютъ значеніе для меньшинства земледѣльческаго населенія. Конечно, нѣмецкій крестьянинъ, владѣющій 5 гектар. земли, вынужденъ для уплаты податей и для другихъ нуждъ продавать нѣкоторое количество хлѣба, такъ что повышеніе цѣнъ ему какъ будто бы выгодно. Но такъ какъ онъ при этомъ продаетъ то, что ему безусловно необходимо для собственнаго пропитанія, то, въ концѣ концовъ, выручая кое-что изъ постороннихъ заработковъ, онъ прикупаетъ ровно столько, сколько раньше продалъ ***). Плюсъ, получаемый имъ въ первомъ случаѣ, уничтожается минусомъ, получаемымъ во второмъ. Болѣе того: при *продажѣ* хлѣба крестьянинъ находится въ стѣсненномъ положеніи и довольствуется цѣнами, которыя предлагаетъ ему мѣстный кулакъ-спекулянтъ и которыя, понятно, ниже рыночныхъ; при *покупкѣ* же онъ платитъ обычныя цѣны, существующія на мѣстномъ рынкѣ; ясно, что при этой операціи минусъ перевѣшиваетъ плюсъ. Обратимъ, затѣмъ, вниманіе еще на то, что въ числѣ хозяйствъ, владѣющихъ не болѣе 5 гект., имѣется множество такихъ, которыя большую часть потребляемаго хлѣба покупаютъ, такъ какъ земель-

*) Denkschrift, стр. 6.
**) Statistik des Deutschen Reichs, Neue Folge, Bd. 5.
***) *Jäger*, Die Agrarfrage der Gegenwart, I, 162.

ный участокъ не даетъ и половины того, что необходимо для прокормленія семьи. Если къ такимъ хозяйствамъ отнести всѣ, имѣющія не больше 2 гектаровъ (проф. Кюнъ *) такіе участки называетъ парцеллярными, т. е. не обезпечивающими семьи безъ постороннихъ заработковъ), то окажется, что изъ 76,68°/₀ не извлекающихъ никакой выгоды изъ высокихъ цѣнъ, 58°/₀ прямо теряютъ отъ нихъ. Можно ли послѣ этого сомнѣваться, что мѣры, направленныя къ поднятію цѣнъ и къ облегченію вывоза хлѣбовъ вообще, лишены серьезнаго значенія для большинства крестьянской массы и имѣютъ въ виду лишь интересы крупныхъ землевладѣльцевъ?

Вторую группу мѣропріятій, на которыя министерство земледѣлія обращаетъ особенное вниманіе читателя, составляетъ реформа налоговъ на водку и сахаръ, разсчитанная на увеличеніе доходности побочныхъ сельско-хозяйственныхъ промысловъ—винокуренія и сахароваренія. Министръ съ чувствомъ удовлетворенія указываетъ на то, что законъ 16 іюня 1895 года оказался весьма благопріятнымъ для сельскихъ хозяевъ, такъ какъ, не смотря на «чрезвычайно сильное» производство, спиртъ поднялся въ цѣнѣ. Кто же отъ этого выигралъ? Ужъ ни въ какомъ случаѣ не потребитель водки. А кому же неизвѣстно, что потребителемъ водки въ Германіи является по премуществу крестьянинъ (особенно въ восточной Германіи), у котораго при недостаточномъ питаніи, суровомъ климатѣ и недоступности для него дорогого пива, водка служитъ единственнымъ средствомъ для укрѣпленія силъ? Но, можетъ быть, производителемъ водки, пожинающимъ плоды ея дороговизны, является никто иной, какъ тотъ же крестьянинъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ намъ та же промысловая перепись 1882 года.

Въ нѣмецкой литературѣ не существуетъ разногласія насчетъ того, что крупное землевладѣніе начинается со 100 гектаровъ. Одинъ изъ крупныхъ авторитетовъ, профессоръ агрономическаго института въ Галле, Кюнъ, причисляетъ къ крестьянскому землевладѣнію хозяйства отъ 2 до 100 гектар., причемъ хозяйства отъ 20 до 100 гектар. не имѣютъ уже чисто крестьянскаго характера, такъ какъ они основаны въ значительной степени на наемномъ трудѣ. Теперь посмотримъ, на какой разрядъ землевладѣльцевъ приходится наибольшее количество винокуренныхъ заводчиковъ.

На 100 лицъ, самостоятельно занимающихся сельскимъ хозяйствомъ, приходится лицъ, занимающихся, кромѣ сельскаго хозяйства, также винокуреніемъ въ видѣ главнаго или подсобнаго промысла:

---

*) *J. Kühn*, Die Getreidezölle in ihrer Bedeutung für den kleinen und mittleren Grundbesitz, 1885.

въ разрядѣ	хозяйствъ	до 2 гектаровъ		0,03	0,11
»	»	»	отъ 2 до 20 гект.	0,15	
»	»	»	отъ 20 до 100 »	0,65	
»	»	»	отъ 100 до 200 »	6,8	10,9
»	»	»	отъ 200 до 500 »	10,0	
»	»	»	отъ 500 до 1000 »	22,3	
»	»	»	болѣе 1000 »	35,5	

Т. е. изъ числа мелкихъ землевладѣльцевъ винокуреніемъ занимается ничтожная часть, тогда какъ изъ числа крупныхъ землевладѣльцевъ винокуреніемъ занимается десятая доля. а въ самомъ высшемъ разрядѣ таковыхъ насчитывается даже больше трети. Ясно, что выгода, получаемая производителями отъ дороговизны водки, львиной долей поступаетъ въ карманы крупныхъ землевладѣльцевъ.

То же самое слѣдуетъ сказать о законѣ 27 мая 1896 года, имѣвшемъ цѣлью «дать сахарной промышленности, посредствомъ повышенія вывозныхъ премій, возможность конкуррировать на всемірномъ рынкѣ». И эта мѣра имѣетъ значеніе только для крупныхъ землевладѣльцевъ, что видно изъ нижеслѣдующихъ цифръ.

На 100 лицъ, самостоятельно занимающихся сельскимъ хозяйствомъ, приходится лицъ, занимающихся кромѣ того сахаровареніемъ:

въ разрядѣ	хозяйствъ	до 2 гектаровъ		0,003	0,006
»	»	»	отъ 2 до 20 гект.	0,005	
»	»	»	отъ 20 до 100 »	0,04	
»	»	»	отъ 100 до 200 »	0,4	0,85
»	»	»	отъ 200 до 500 »	0,8	
»	»	»	отъ 500 до 1000 »	1,8	
»	»	»	выше 1000 »	5,0	

Свеклосахарная промышленность, это излюбленное дѣтище германскаго правительства, гибельнѣе всѣхъ отраслей индустріи дѣйствуетъ на крестьянское землевладѣніе. «Надо думать,—говоритъ проф. Міасковскій,—что свеклосахарная промышленность, стоящая подъ особымъ покровительствомъ государства, сыграетъ въ XIX столѣтіи такую же роль въ обезземеленіи нѣмецкаго крестьянства, какую въ Англіи, въ XV стол., шерстяная промышленность, которая также находилась подъ особымъ покровительствомъ государства, сыграла въ дѣлѣ обращенія крестьянской пашни въ помѣщичьи луга и пастбища» *). Это объясняется тѣмъ, что доходность свеклосахарныхъ заводовъ въ значительной степени зависитъ отъ качества свекловицы, отъ содержанія въ ней сахара, а такъ какъ наилучшая свекловичная культура можетъ быть достигнута только

*) *Aug. Miaskovski*, Agrarpolitische Zeit-und Streitfragen, 63.

самимъ заинтересованнымъ лицомъ, то сахарозаводчики стремятся имѣть собственныя свекловичныя плантаціи и съ этой цѣлью скупаютъ въ большомъ количествѣ крестьянскія земли, предлагая за нихъ неслыханно высокія цѣны. Налогъ на сахаръ еще усилилъ это явленіе, такъ какъ до послѣдняго времени онъ взимался по количеству выработываемой свекловицы *).

«Записка» упоминаетъ еще объ увеличеніи числа земледѣльческихъ и дополнительныхъ школъ, а также о развитіи дѣятельности странствующихъ учителей. Сами по себѣ мѣры эти заслуживаютъ, разумѣется, всякихъ похвалъ, но для крестьянъ онѣ едва ли имѣютъ большое значеніе. Дѣло въ томъ, что, по единогласному утвержденію корреспондентовъ оффиціальнаго прусскаго обслѣдованія **), крестьянскія дѣти дальше сельской народной школы не идутъ, что въ гимназію, земледѣльческое училище, дополнительную школу крестьянскій ребенокъ попадаетъ лишь въ видѣ исключенія, и это происходитъ—опять-таки по единодушному увѣренію корреспондентовъ—оттого, что у крестьянъ нѣтъ средствъ для содержанія дѣтей въ томъ пунктѣ, гдѣ находится учебное заведеніе. Что же касается странствующихъ учителей-агрономовъ, то, по словамъ одного корреспондента, польза отъ ихъ дѣятельности равна нулю, такъ какъ лекціи о значеніи азота въ сельскомъ хозяйствѣ и о т. п. мудреныхъ вещахъ встрѣчаютъ только насмѣшки со стороны неподготовленныхъ слушателей.

Такимъ же характеромъ отличаются и другія мѣропріятія, перечисленныя въ «Запискѣ»; всѣ они носятъ печать особенной заботливости о крупномъ землевладѣніи и индифферентизма къ интересамъ крестьянской массы. Это равнодушіе къ бѣдственному положенію большинства земледѣльческаго населенія проявляется во всей дѣятельности правительства. Въ послѣднее время оно охотно приглашаетъ представителей сельскаго хозяйства на совѣщанія о мѣрахъ къ устраненію сельско-хозяйственнаго кризиса; но этими представителями всегда являются крупные землевладѣльцы и правительству ни разу не пришло въ голову пригласить хоть одного делегата отъ мелкихъ крестьянъ. На извѣстной аграрной конференціи 1894 года присутствовали исключительно аграріи, и не было ни одного крестьянина. Членами совѣщательнаго учрежденія, состоящаго при прусскомъ министерствѣ земледѣлія (такъ наз. Landes-Oekonomie-Kollegium) являются делегаты отъ центральныхъ союзовъ, къ которымъ, какъ извѣстно, принадлежатъ исключительно крупные землевладѣльцы. Наконецъ, въ 1894 году учреждены сельско-хозяйственныя камеры, которыя должны «блюсти интересы сельскаго и лѣсного хозяйства своего округа и съ этой

*) *M. Sering*, назв. соч., стр. 73—74.

**) Ermittelungen über die allgem. Lage der Landwirthschaft in Preussen (Landwirthschaftliche Jahrbücher, XVI, Erg. 2 и 3, 1890—1891).

цѣлью способствовать возникновенію всякихъ учрежденій, направленныхъ на поднятіе положенія сельскаго хозяйства, и въ особенности на развитіе корпоративной организаціи земледѣльческаго класса». Но эти камеры представляютъ собою ничто иное, какъ «юнкерскіе парламенты» (по выраженію Евг. Рихтера), такъ какъ члены ихъ избираются сельскими депутатами окружныхъ сеймовъ; [illegible] принадлежащими къ классу крупныхъ землевладѣльцевъ. Можно ли отъ этихъ камеръ ожидать чего-либо въ интересахъ крестьянъ, когда онѣ состоятъ изъ лицъ, извѣстныхъ своимъ грубымъ эгоизмомъ и преданностью исключительно личнымъ интересамъ? А между тѣмъ эти же камеры распоряжаются тѣми 2 милліонами, которые ежегодно ассигнуются для нуждъ сельскаго хозяйства.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Л. С. Залъ.

КОШАЧЬЯ ДОРОГА.

Г. Зудермана.

Переводъ съ нѣмецкаго.

XV.

Прошло больше трехъ мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ Болеславъ фонъ-Шранденъ покинулъ отцовское гнѣздо. Настала весна. Зацвѣли фіалки и анемоны, канавы поросли травой и крапивой, а съ деревьевъ, при каждомъ дуновеніи вѣтерка, сыпались отцвѣтшіе лепестки. На пашняхъ по отдохнувшей землѣ плуги уже проводили блестящія черныя борозды, заполнявшіяся сѣменами. Послѣ долгаго ряда лѣтъ, это былъ первый мирно начинавшійся годъ; можно было надѣяться, что онъ мирно и кончится. Злой духъ Европы былъ побѣжденъ; какъ Прометей, былъ онъ прикованъ къ пустынной скалѣ среди моря. Сабли начинали ржавѣть, а плугъ и борона снова принялись за свое дѣло.

Въ тихомъ провинціальномъ городкѣ и въ разбросанныхъ по равнинѣ деревняхъ еще ничего не слышали о томъ, что въ мартѣ мѣсяцѣ произошло на берегахъ Средиземнаго моря. Никто ничего не зналъ о внезапно прерванной кадрили на Меттерниховскомъ балу, о гнѣвѣ государей, объ ужасѣ превосходительствъ, о ядовитомъ объясненіи съ бѣжавшимъ бунтовщикомъ, о приготовленіяхъ и кликахъ войны.

Жаворонки въ небѣ призывали къ радостной работѣ, а земля жадно раскрывала свои нѣдра, чтобы принять давно ожидаемыя сѣмена. . . . .

. . . .

Въ одинъ изъ послѣднихъ дней апрѣля по большой дорогѣ, ведшей съ востока въ уѣздный городъ Вартенштейнъ, показался странный поѣздъ, возбудившій удивленіе всюду, гдѣ онъ проѣзжалъ.

Никто не понималъ — солдаты это или работники. Большинство было вооружено, но рядомъ съ ружьемъ на спинѣ у каждаго висѣла лопата, и торчала коса.

Человѣкъ десять или двѣнадцать изъ нихъ ѣхали верхомъ, за ними тащился обозъ, изъ шестнадцати или двадцати телѣгъ, высоко нагруженныхъ мѣшками сѣмянъ и всякаго рода орудіями.

Въ толпѣ было около полутораста человѣкъ. Всѣ шли въ рядъ, по военному. Это были молодые, здоровенные парни, почти всѣ бѣлокурые и сутуловатые, съ широкими, скулистыми лицами, не похожими ни на нѣмцевъ, ни на поляковъ. Они говорили на неизвѣстномъ языкѣ и пѣли неизвѣстныя пѣсни. Но команда, которой они повиновались, и выправка, придававшая твердость и стройность ихъ движеніямъ, были нѣмецкія.

Во главѣ толпы ѣхалъ человѣкъ, котораго они слушали со страхомъ и любовью и приказанія котораго исполняли съ дѣтски-радостной готовностью.

Это былъ Болеславъ, который, съ помощью этого войска, пришелъ завоевывать свои владѣнія. Онъ завербовалъ ихъ на далекомъ литовскомъ востокѣ, на границѣ, тамъ, гдѣ съ именемъ Шрандена не связывали ничего, ни дурнаго, ни хорошаго. Ознакомившись въ теченіе пяти лѣтъ съ языкомъ и обычаями края, онъ навербовалъ себѣ піонеровъ, выбирая такихъ, которые на войнѣ познакомились съ военной дисциплиной, но за то такъ плохо знали нѣмецкій языкъ, что шранденцы не могли ихъ сбить съ толку.

Такимъ образомъ, онъ могъ разсчитывать, что ему не придется раздѣлить судьбу отца, у котораго не хотѣли служить ни рабочіе, ни поденщики. Если-же шранденцы вздумаютъ вступить въ сраженіе съ этими людьми, какъ они однажды сдѣлали съ выписанными отцомъ поляками, то имъ не поздоровится.

Гордо и увѣренно смотрѣлъ онъ въ будущее.

Онъ-бы вернулся раньше, но для того, чтобы привести въ исполненіе широко задуманное дѣло, онъ долженъ былъ дождаться тетушкинаго наслѣдства, которое давало ему необходимыя средства.

Тяжелыя времена остались далеко позади вмѣстѣ съ той январьской ночью, когда онъ, чтобы не подчиниться власти крови, выбѣжалъ на снѣжную, облитую луннымъ свѣтомъ дорогу; въ ушахъ его долго раздавался раздирающій крикъ несчастной женщины, не понимавшей, что съ нимъ случилось.

Прошло много времени пока онъ пересталъ слышать этотъ крикъ и видѣть преслѣдующіе его перепуганные, умоляющіе глаза.

Въ Кенигсбергѣ, куда онъ направился, онъ вздумалъ потребовать возстановленія своихъ попранныхъ правъ. Правда, двери не закрывались передъ нимъ, какъ когда-то пе-

редъ его отцомъ,—крестъ на груди открывалъ имъ всюду,—но учтивое пожиманіе плечъ, съ которымъ ему обѣщали обдумать дѣло, хладнокровное указаніе на инстанціи, черезъ которыя оно должно, будто-бы, пройти, показали ему, что здѣсь ни къ чему не приведетъ его страстное отношеніе къ своей задачѣ. Отцовская корреспонденція, которую онъ хотѣлъ добровольно отдать, чтобы уничтожить все сомнительное и темное въ этомъ дѣлѣ, была снова спрятана, въ ожиданіи болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Кромѣ того, многое, что могло-бы подѣйствовать благопріятно, было уничтожено. Вѣсы потеряли равновѣсіе, наконецъ, тѣнь отца требовала пощады.

Во всякомъ случаѣ, это соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ подѣйствовало на него удивительно отрезвляющимъ образомъ, и его лихорадочное возбужденіе стало понемногу спадать. Онъ встрѣчалъ теперь возраженія и противорѣчія, а не проклятія и дубины. Это успокоило его. Онъ сталъ строить планы и осторожно готовиться къ тому, что требовало отъ него будущее.

Вмѣстѣ съ тѣмъ пали и чары, которыми дикарка такъ долго держала его въ плѣну. Каждый человѣкъ, котораго онъ встрѣчалъ, каждая приходившая ему въ голову мысль все болѣе и болѣе удаляли его отъ нея. Сознаніе того, что онъ поступилъ грубо и безсердечно по отношенію къ ней, постепенно заглохло, и ему стала непонятна та власть, которую она имѣла надъ нимъ.

Иногда только, когда онъ въ сумеркахъ сидѣлъ одинъ въ своей комнатѣ въ гостинницѣ, онъ снова видѣлъ блескъ ея горящихъ глазъ, по тѣлу его пробѣгала дрожь отъ ея близости, и царапина на его нижней губѣ, этотъ огненный знакъ единственнаго женскаго поцѣлуя, когда-либо горѣвшаго на его устахъ, начинала снова горѣть. Ему казалось тогда, что въ томъ мгновеніи заключалось блаженство всей его жизни. Но всѣ эти праздныя мысли сейчасъ-же разсѣивались при свѣтѣ лампы или за работой.

Чтобы успокоить ее насчетъ своего ухода, вѣрнѣе бѣгства, онъ писалъ ей нѣсколько разъ, просилъ отвѣчать и обѣщалъ скоро вернуться.

Однажды пришла отъ нея вѣсть, спокойное, серьезное письмо, написанное твердымъ почеркомъ и съ вѣрнымъ правописаніемъ,—за долгіе годы служенія, не утратилось вліяніе школы стараго священника.

Приближаясь къ роднымъ мѣстамъ, онъ вынулъ изъ кармана листокъ и, сидя въ сѣдлѣ, еще разъ тихо прочелъ строки, которыя невольно заучилъ наизусть:

«Мой милый господинъ!

«Не безпокойтесь обо мнѣ. Мнѣ никто ничего не сдѣ-

лаетъ. Тѣ, внизу, не знаютъ даже, что вы уѣхали. Кромѣ того, они боятся капкановъ, потому что вѣдь имъ никто не сказалъ, что мы ихъ сняли. Для большей безопасности, я каждый вечеръ осматриваю пистолеты и ружья, чтобы все было въ порядкѣ на случай, еслибы они всетаки пришли. Но они не приходятъ. О ранѣ я больше не думаю. Бокельдорфскій лавочникъ далъ мнѣ англійскій пластырь, и все зажило. Слава Богу, теперь прошелъ ледоходъ, и нѣтъ наводненія. Мнѣ пришлось поголодать нѣсколько дней, потому что вода на Ликовскихъ лугахъ стояла высоко, и не было проходу. А къ господину Меркелю я-бы ни за что не пошла, даже еслибы мнѣ пришлось умереть.—Ахъ! дорогой господинъ! Я очень рада, что вы скоро пріѣдете, потому что я совсѣмъ не знаю, зачѣмъ живу съ тѣхъ поръ, какъ не могу вамъ больше служить.—Я часто бѣгаю на Кошачью дорогу и жду васъ. Пожалуйста, не пріѣзжайте ночью, а во вторникъ, не раньше семи часовъ утра, потому что это время я нахожусь по пути въ Бокельдорфъ. Снѣгъ уже стаялъ. Трава начинаетъ зеленѣть, и вчера я уже слышала щебетаніе ласточекъ, которыя строятъ себѣ гнѣздо на дождевомъ желобѣ. Но видать я ихъ не видала. Иногда у меня бываетъ сердцебіеніе и головокруженіе, и ѣмъ я мало. Я думаю, что это происходитъ отъ одиночества. Я очень скучаю безъ васъ. Остаюсь

Ваша покорная слуга
Регина Гакельбергъ.»

Это письмо наполнило его радостью и удовлетвореніемъ; если, съ одной стороны, оно показывало, что она разумно покорилась необходимости, и что его тревога была напрасна, то съ другой—онъ видѣлъ, что она попрежнему была ему вѣрна и принадлежала ему всей душою. Какъ-бы онъ ни былъ радъ сознанію своего освобожденія отъ ея чаръ, ему, тѣмъ не менѣе, не хотѣлось терять этой увѣренности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣра въ спасительное вліяніе Елены получила новую пищу. Вѣдь ея письмо спасло его отъ самого себя въ часы самой страшной опасности, и онъ съ благодарностью носилъ его на груди, хотя и не перечитывалъ съ такимъ удовольствіемъ, какъ письмо Регины.

Когда онъ пріѣхалъ въ столицу, его потянуло въ храмъ чтобы отыскать нишу въ алтарѣ, гдѣ онъ часто стоялъ когда-то передъ ея портретомъ. Но ему пришлось сильно разочароваться...

Теперь-же, при приближеніи къ родинѣ, предъ нимъ всталъ образъ ожидавшей его Регины. Онъ окруженъ былъ такой неизъяснимой прелестью и свѣжестью, точно только въ ней одной и заключалась вся радость свиданія.

Стояло раннее, солнечное утро.

Въ селѣ, близъ Вартенштейна онъ сдѣлалъ со своими рабочими послѣднюю ночевку; онъ хотѣлъ быстро пройдти черезъ уѣздный городъ, чтобы избѣжать празднаго любопытства толпы. Оставалось еще три съ половиной версты до замка, онъ надѣялся добраться до сумерекъ; его сильные рабочіе привыкли къ форсированному маршу.

Когда онъ въѣхалъ въ старыя, обросшія мхомъ городскія ворота, часы на двухъ вартенштейнскихъ башняхъ пробили восемь. Онъ разсчиталъ, что раннимъ утромъ онъ можетъ выѣхать изъ города, не подвергаясь никакимъ разспросамъ. Онъ и не подозрѣвалъ, какой сюрпризъ ему готовился. Сторожъ, вмѣсто того, чтобы его задержать и разспросить, не везетъ-ли онъ какихъ-либо товаровъ, подлежащихъ пошлинѣ, закричалъ наверхъ, къ окну въ башнѣ:

— Звони! Звони! Первые уже пришли!

Затѣмъ онъ сдѣлалъ накараулъ своимъ штыкомъ, а колокола принялись возвѣщать вартенштейнскимъ бюргеромъ о пріѣздѣ Болеслава.

— Что это можетъ значить? — недоумѣвалъ Болеславъ, и его удивленіе возросло, когда, проѣзжая по улицамъ, онъ увидѣлъ возбужденную толпу народа, мужчинъ и женщинъ, махавшихъ ему платками и шапками и встрѣчавшихъ его оглушительными ура.

Его литовцы, видавшіе такія встрѣчи при побѣдоносномъ возвращеніи съ прежнихъ походовъ, приняли эту радость, какъ должное, и отвѣчали по мѣрѣ силъ.

Болеславъ тотчасъ-же понялъ, что тутъ кроется какое-нибудь недоразумѣніе, которое должно очень скоро разъясниться.

При въѣздѣ на базарную площадь, биткомъ набитую народомъ, ему навстрѣчу торжественно вышелъ засѣдатель земскаго суда, въ сопровожденіи городского головы и представителей городской управы. Его львиная грива развѣвалась при утреннемъ вѣтеркѣ. Онъ приложилъ къ сердцу свою бѣлую, костлявую руку и приготовился сказать рѣчь.

Узнавъ быстро спрыгнувшаго съ лошади Болеслава, онъ растерянно отступилъ назадъ; тѣмъ не менѣе, онъ началъ:

— Поздравляю васъ, баронъ фонъ-Шранденъ, вы первый поспѣшили съ своими ратниками...

— Подождите, господинъ засѣдатель,—прервалъ его Болеславъ.—Здѣсь кроется какое-то недоразумѣніе. Эти люди—литовцы, которыхъ я въ Литвѣ нанялъ къ себѣ на работу. Я ѣду въ Шранденъ.

Въ рядахъ городскихъ старшинъ поднялся смѣхъ. Они любили видѣть господина засѣдателя въ глупомъ положеніи, хотябы въ такихъ случаяхъ и самимъ приходилось разыграть комическую роль.

— И вы еще ничего не знаете?—воскликнулъ засѣдатель, сдерживая досаду.

— Я пріѣхалъ съ самой дальней окраины Пруссіи, господинъ засѣдатель.

— Вы еще не слышали о томъ, что Наполеонъ бѣжалъ съ Эльбы, и что король снова призываетъ къ оружію прусскій народъ?

Болеславъ почувствовалъ въ сердцѣ горячій приливъ страха и радости.

Итакъ, міровая исторія взяла себѣ на плечи его ничтожную судьбу и несла ее навстрѣчу неизвѣстному. Его планы были разрушены; дѣло, которому онъ хотѣлъ посвятить свою жизнь, было кончено ранѣе, чѣмъ онъ успѣлъ его начать, но прочь страхъ и сожалѣнія! Отечество призываетъ! Отечество ждетъ его.

— Благодарю васъ, господинъ засѣдатель,—сказалъ онъ, стараясь сдержать біеніе сердца,—благодарю за честь, которую вы оказали мнѣ и шранденцамъ. Мы постараемся оказаться достойными ея и въ двадцать четыре часа быть на мѣстѣ.

Засѣдатель протянулъ ему руку. Болеславъ отступилъ на шагъ и собирался сугубо вернуть нанесенное однажды оскорбленіе. Но онъ спохватился.

— Отечество призываетъ,—сказалъ онъ себѣ,—что значитъ передъ нимъ твоя маленькая ненависть и твоя маленькая любовь!—И онъ схватилъ обиженно опустившуюся было костлявую руку и сильно пожалъ ее.

Тогда онъ узналъ всѣ подробности случившагося. Вчера пришелъ въ Вартенштейнъ, помѣченный 7 апрѣля, королевскій призывъ. Всю ночь напролетъ управа проработала надъ изготовленіемъ сообщеній мѣстнымъ властямъ; ихъ должны были отправить по назначенію нарочными верховыми.

— Въ Шранденъ также?—спросилъ Болеславъ.

— Конечно.

— Могу я прибавить военный приказъ?

— Если вы этого желаете.

Онъ вырвалъ листокъ изъ своей записной книжки и набросалъ слѣдующія строки:

«Въ пять часовъ пополудни все подлежащее военной службѣ населеніе должно быть при полной экипировкѣ на церковной площади для смотра. Часъ отъѣзда будетъ тогда-же назначенъ.

Ф. Шранденъ, капитанъ ландвера.

Мѣстному начальству.»

— А что будетъ съ Региной?—подсказалъ ему тайный голосъ, но онъ не хотѣлъ его слушать. Онъ былъ какъ-бы въ упоеніи. Имъ овладѣла всецѣло горячка дѣятельности.

Прежде всего онъ созвалъ своихъ людей, объяснилъ имъ, что ихъ служба кончилась, и что они должны поспѣшить къ себѣ на родину, чтобы тамъ присоединиться къ своимъ ополченіямъ. Онъ разсчитался съ ними и простился рукопожатіемъ и наилучшими пожеланіями.

Добрые люди, преданные ему отъ всего сердца, поцѣловали край его одежды и простились съ нимъ со слезами на глазахъ. Затѣмъ онъ отправилъ въ надежное мѣсто телѣги, представлявшія не малый капиталъ, сговорился о продажѣ сѣмянъ и съѣстныхъ припасовъ и предложилъ своихъ лошадей въ распоряженіе ремонтной коммиссіи.

Онъ оставилъ себѣ лишь одного коня, того, на которомъ онъ ѣхалъ.

Было три часа дня, когда онъ все покончилъ и направился домой. Онъ увидѣлъ въ окнѣ портного выставленный готовый мундиръ по образцу, предписанному офицерамъ ландвера; такъ какъ онъ былъ ему впору, то, не долго думая, онъ его купилъ.

Такимъ образомъ, онъ могъ встрѣтиться со своими шранденцами, попавшими подъ его начальство инымъ путемъ, чѣмъ онъ это предполагалъ.

Въ то самое время, какъ Болеславъ приближался къ родинѣ, лейтенантъ Меркель бѣгалъ въ сильнѣйшемъ гнѣвномъ возбужденіи взадъ и впередъ по задней комнатѣ Чернаго Орла.

— Я этого не допущу... я не позволю подлецу приказывать мнѣ...—кричалъ онъ отцу, который тщетно старался его успокоить и наливалъ ему стаканъ за стаканомъ лучшаго своего вина.

— Феликсхенъ,—говорилъ онъ умоляюще,—будь же благоразуменъ... если такъ приказалъ король и распорядилось начальство...

— А если честь требуетъ противнаго, отецъ? — воскликнулъ сынъ, закручивая кверху усы. — Я офицеръ, отецъ... у меня честь... и честь мнѣ гововоритъ: лучше умри, лучше дай себя разстрѣлять, чѣмъ дозволить, чтобы сынъ предателя отечества былъ твоимъ начальникомъ!

— Да, вѣдь, если самъ король...—повторилъ старикъ въ отчаяніи.

— Много знаетъ король! Его обманули, сбили съ толку, провели. А я хочу ему открыть глаза, я хочу ему крикнуть: ваше величество, здѣсь тридцать храбрыхъ солдатъ и одинъ истый офицеръ: они всѣ предпочитаютъ...

— Выпей, Феликсхенъ, — прервалъ его старикъ, вытирая выступившій на лбу холодный потъ,—это вино мнѣ самому стоитъ талеръ бутылка. Ты нигдѣ въ мірѣ такого не достанешь.

— Къ чорту твое кислое вино!—закричалъ сынъ, схвативъ

саблею по бутылкѣ.—Я не продамъ своей чести за сребреники Іуды. Мою честь нельзя заставить молчать! Она требуетъ, чтобы я вырвалъ сердце у этой проклятой собаки. И я это сдѣлаю... Нужно же когда-нибудь покончить съ этимъ позоромъ. Нужно вырѣзать и сжечь эту чумную заразу прусскаго офицерства. Я это сдѣлаю. Это такъ-же вѣрно, какъ то, что я храбрый солдать и что я готовъ умереть за свою честь!.. До свиданія, отецъ. Я еще долженъ проститься съ моей нѣжной возлюбленной.

Посвистывая и поднимая и опуская въ тактъ саблю, онъ вышелъ полупьяный на улицу.

Когда, спустя нѣсколько часовъ, Болеславъ въѣхалъ въ село, онъ нашелъ улицы наполненными женщинами и стариками, которые безшумно и боязливо, какъ нечистая совѣсть, сторонились при его приближеніи. Онъ вынулъ свои пистолеты и саблю, предчувствуя, что ему предстоитъ какое-то столкновеніе.

— Если они, надѣвъ мундиры, не перемѣнились, то имъ можетъ придти въ голову застрѣлить меня во фронтѣ, — подумалъ онъ, и грудь его поднялась выше.

Толпа увеличивалась по мѣрѣ его приближенія къ церковной площади. Ему приходилось медленно подвигаться впередъ. То здѣсь, то тамъ раздавался сдержанный смѣхъ или сквозь зубы брошенное ругательство, но въ общемъ царило молчаніе.

Передъ самой церковью, въ какихъ-нибудь двадцати шагахъ отъ паперти, онъ увидѣлъ стоявшіе двумя рядами отряды; на первый взглядъ казалось, что тутъ было пятнадцать или шестнадцать взводовъ.

Передъ фронтомъ ходилъ взадъ и впередъ лейтенантъ Меркель, который подбодрялъ то одного, то другого. Его лицо горѣло, походка была нетверда, раза два его кавалерійская сабля путалась у него между ногъ.

Болеславъ быстро взглянулъ на домъ священника. Окна были завѣшены. Въ саду также никого не было.

Глубоко дыша, въѣхалъ онъ въ середину круга, закрывшагося за нимъ снова.

Онъ стоялъ одинъ противъ всѣхъ шранденскихъ волковъ, но на этотъ разъ онъ стоялъ, какъ начальникъ.

Онъ мгновенно почувствовалъ, что желѣзное спокойствіе, свойственное ему въ минуты сильнѣйшей опасности, и въ этотъ разъ его не покинуло.

— Я еще не выслушалъ вашего рапорта, господинъ лейтенантъ! —крикнулъ онъ грозно.

Ему отвѣтилъ пьяный смѣхъ.

Предчувствіе его не обмануло: они взбунтовались.

Онъ обнажилъ саблю.—Смирно! скомандовалъ онъ.

По рядамъ пробѣжалъ ропотъ. Двое или трое выступили вызывающе изъ ряда.

Лейтенантъ Меркель съ руганью схватилъ саблю и бросился на него.

Слѣдующее мгновеніе должно было рѣшить вопросъ жизни или смерти. Горе ему, если онъ не будетъ дѣйствовать рѣшительно.

Сабли сверкнули, зазвенѣли, и лейтенантъ Меркель съ крикомъ повалился на землю.

Ряды хотѣли разступиться, броситься на него, но они окаменѣли отъ изумленія и страха.

— Смирно!—раздался снова громовой голосъ, и никто больше не посмѣлъ шелохнуться.

Болеславъ лѣвой рукой вытащилъ пистолетъи взвелъ курокъ.

— Воины,—крикнулъ онъ голосомъ, далеко раздавшимся по площади, — вы знаете, что шесть часовъ уже прошло съ того момента, какъ вы стоите подъ военными законами, и что малѣйшая попытка къ возмущенію будетъ вамъ стоить жизни. Относительно того, что произошло, пусть будетъ такъ, какъ будто бы я ничего не видалъ. Но кто отнынѣ не послѣдуетъ тотчасъ-же безпрекословно за мной, тому я тутъ-же всажу пулю въ лобъ.

Истекавшій кровью Феликсъ Меркель пришелъ, между тѣмъ, въ себя и попробовалъ подняться на ноги, но залившая все его лицо кровь помѣшала ему что-либо видѣть, и онъ не понималъ, гдѣ онъ находится.

— Отнимите у него саблю! Свяжите его! — приказалъ Болеславъ.

Ополченцы переглянулись. У нихъ не было веревокъ. Малѣйшее колебаніе могло сдѣлаться снова опаснымъ. Мгновенно рѣшившись, онъ соскочилъ съ лошади, снялъ съ нея узду и протянулъ ремень лѣвому взводному.

— Къ дѣлу! а вы двое помогите ему.

Медленно, съ испуганнымъ и злымъ видомъ, они принялись за дѣло. Лежавшій отбивался руками и ногами и пытался стереть кровь съ лица, но его сопротивленіе было напрасно. Ремни туго обхватили его кисти, а забрызганная пѣной цѣпочка мундштука послужила завязкой.

Между тѣмъ, лошадь Болеслава, почувствовавъ себя свободной, помчалась черезъ испуганную толпу народа и вырвалась на свободу.

Оглянувшись, Болеславъ увидѣлъ раскрытыя настежь церковныя двери; въ замкѣ торчалъ ключъ.

— Снесите его въ церковь!—приказалъ онъ.

Въ эту минуту появился старый кабатчикъ. Онъ громко рыдалъ и ломалъ руки въ отчаяніи.

— Феликсхенъ,—завопилъ онъ,—что они съ тобою дѣлаютъ? Не поддавайся! Зови на помощь! Помогите ему, люди! Я начальство, я этого требую, я это вамъ приказываю.

— Приказывать могу здѣсь только я!—крикнулъ на него Болеславъ.

Тогда онъ измѣнилъ тактику и попробовалъ тронуть сердце суроваго начальника.

— Господинъ капитанъ, пожалѣйте бѣднаго отца. Я васъ когда-то носилъ на рукахъ. Вы тогда были еще маленькимъ, совсѣмъ маленькимъ. Я васъ всегда любилъ... Не правда-ли, добрые люди, мы всегда были готовы отдать жизнь за своего барчука?

Еслибы не его тучность, онъ бы непремѣнно бухнулся Болеславу въ ноги. Когда же онъ увидѣлъ, какъ его сына потащили въ церковь, онъ въ отчаяніи побѣжалъ за нимъ и, пытаясь удержать его, хваталъ его за платье.

— Давайте ключъ!—приказалъ Болеславъ.

Старикъ бросился на паперть и сталъ стучать кулаками въ дубовыя двери.

Взводный въ сопровожденіи товарищей подошелъ къ Болеславу и передалъ ему ключъ.

— Какъ тебя зовутъ?

— Михаилъ Гросіоганъ,—отвѣтилъ вполголоса шранденецъ.

— А васъ двухъ?

— Францъ Малки.

— Эмиль Росперъ.

Онъ записалъ имена.

— Вы трое будете ночью стеречь плѣннаго и отвѣчаете за него головой.

Видя тщетность своего гнѣва, старикъ Меркель понемногу пришелъ въ себя и украдкой, покосившись на Болеслава, проскользнулъ мимо него къ дому священника.

— А вы трое,—продолжалъ Болеславъ,—вы будете сторожить двери ризницы, отъ которой у меня нѣтъ ключа, и позаботитесь о томъ, чтобы никто, кромѣ цирюльника, который ему перевяжетъ рану, не входилъ къ нему. Поняли?

— Слушаемъ!—пробормотали три дрожавшіе отъ бѣшенства голоса.

— А теперь къ дѣлу, ребята! По земскимъ спискамъ Шранденское село должно представить столько-то годныхъ къ службѣ ратниковъ...

И смотръ начался.

XVI.

Когда, два часа спустя, Болеславъ вышелъ изъ праздно стоявшей вокругъ толпы, глазѣвшей на него въ какомъ-то суевѣрномъ страхѣ, на пустую лужайку, онъ почувствовалъ себя какъ бы освободившимся изъ клѣтки голодныхъ звѣрей, которыхъ ему пришлось укрощать. Опасность, повидимому, миновала.

— Если я ихъ сегодня побѣдилъ,—сказалъ онъ себѣ,—то завтра они не посмѣютъ больше роптать.

Онъ выпрямился и потянулся, охваченный радостнымъ сознаніемъ одержанной побѣды.

Оставалось только проститься съ Региной... и всѣ затрудненія были кончены. Передъ нимъ снова разстилался весь міръ... изъ туманной дали его манили звуки трубъ и военные клики.

— Къ Регинѣ!—воскликнулъ онъ, и въ душѣ его поднялась такая безумная радость, что онъ испугался. Чтобы собраться съ силами и укрѣпиться передъ послѣднимъ своимъ, самымъ тяжелымъ дѣломъ, онъ рѣшилъ пройти раньше лѣсомъ, а потомъ выйти на Кошачью дорогу.

Солнце опускалось за верхушки деревьевъ. На свѣжихъ зеленыхъ лужайкахъ лежали длинныя тѣни; изъ канавокъ поднимался запахъ прѣющаго ила. Сосновый лѣсъ стоялъ тихо и молчаливо, какъ и зимою. Изъ-за черныхъ темныхъ стволовъ кое-гдѣ лишь выглядывала свѣтло-зеленая вѣточка.

Онъ растянулся на мху и сталъ смотрѣть на солнечный свѣтъ, раскинувшійся пурпурной сѣнью надъ темной чащей.

Мысленно вернулся онъ къ только что продѣланной смѣлой работѣ. Онъ вспомнилъ занавѣшенныя окна дома священника. Какъ она тщательно охраняла себя отъ его взоровъ. Она, вѣдь, должна была знать, что означало его появленіе въ селѣ. Она должна была знать, что онъ завтра уйдетъ и, можетъ быть, никогда больше не вернется.

Неужели ей не хочется съ нимъ поговорить передъ разлукой? Неужели и сегодня не пробьетъ обѣщанный ему часъ? Къ чему же это письмо, что онъ носилъ на груди, если написавшая его рука отстранялась отъ него. Ея черты совершенно померкли, онѣ не будутъ больше сопровождать его на войну, если она сама не позаботится объ этомъ.

— Если она меня любитъ, то позоветъ меня. Если же не позоветъ, то, значитъ, она для меня потеряна.

Съ этимъ рѣшеніемъ онъ вышелъ изъ лѣса и пошелъ къ рѣкѣ.

Одѣтый свѣжей зеленью паркъ какъ-бы улыбался ему на-

встрѣчу. Верхушки тополей мягко серебрились, а между ними виднѣлся темный плющъ. Какъ прекрасна была родина, давшая ему лишь горе и мученія! Какъ все существо его стремилось къ этой несчастной кучѣ мусора и щебня, гдѣ онъ жилъ, какъ преступникъ! Не была-ли тому причиной женщина, добровольно раздѣлившая его изгнаніе и этою цѣною желавшая создать ему счастіе. Онъ не боялся того, что предстояло. Онъ зналъ, что съ тѣхъ поръ, какъ отечество призвало его, онъ былъ застрахованъ отъ слабости и страсти, отъ которой, впрочемъ, онъ давно чувствовалъ себя свободнымъ. Она снова обратилась въ служанку, какъ и онъ въ господина.

Еще одна, послѣдняя ночь, и проклятіе священника обратится въ пустую болтовню. Что касается ея судьбы, то пусть она сама устраиваетъ ее себѣ. Онъ обезпечилъ ей будущность. Никто не имѣетъ права требовать отъ него большаго. Сегодня онъ хотѣлъ удвоить, утроить подарокъ, чтобы она была независима, какъ богатая вдова... Вѣдь тысячи женщинъ и дѣтей бѣдствовали и голодали, живя подъ градомъ пуль, среди ужасовъ войны. Почему же онъ долженъ мучиться мыслью о томъ, какъ она справится съ своимъ одиночествомъ?

Такимъ образомъ онъ настраивалъ себя на суровость, но сердце его сильно билось...

Когда онъ сталъ подниматься по Кошачьей дорогѣ, онъ увидѣлъ за кустами облитую золотымъ свѣтомъ заходящаго солнца знакомую ему фигуру.

— Регина! —закричалъ онъ.

Но она не двигалась.

— Встрѣчай-же меня!

Приподнявъ слегка плечи, она медленно подошла къ нему. Лѣвую руку она держала на груди.

Онъ взглянулъ на нее и ужаснулся.

— Господи!.. что съ тобой?—проговорилъ онъ, запинаясь.

Она, казалось, совсѣмъ одичала. Платье было разорвано, волосы, такъ пышно вившіеся подъ гребнемъ, снова висѣли опутанными прядами на лбу и на щекахъ. Изъ глубокихъ, темныхъ впадинъ неподвижно и пристально смотрѣли глаза, не смѣя подняться на него.

— Она погибаетъ!—подумалъ онъ невольно,—она умираетъ въ тоскѣ по тебѣ!

Онъ схватилъ ея руку, которая безсильно осталась въ его рукѣ.

— Регина, да говори же, развѣ ты не рада, что я опять здѣсь?

Она съежилась, какъ въ то время, когда еще боялась побоевъ. Онъ провелъ рукой по ея жесткимъ, сухимъ волосамъ.

— Бѣдняжка! — сказалъ онъ, — тебѣ тяжело было одиночество!

Она вздрогнула при его прикосновеніи и продолжала молчать.

— Отчего ты мнѣ не писала, что тебѣ такъ тяжело?

Она покачала головой и робко сказала:

— Это не отъ одиночества, господинъ.

— А отъ чего же?

Она боязливо посмотрѣла на него и молчала.

— Ну?

— Я... я думала... что вы... больше не вернетесь.

— Ахъ, ты, глупое созданіе! да вѣдь я же тебѣ писалъ.

— Да, вы писали: «я, можетъ быть, вернусь черезъ недѣлю». Я стояла у Кошачьей дороги день и ночь, ночь и день, но вы не возвращались. Черезъ три недѣли вы опять писали: «я, можетъ быть, пріѣду черезъ недѣлю»... и опять не пріѣхали. Тогда я подумала, что вы нарочно меня обманываете, чтобы мнѣ было легче перенести. Можетъ быть, вамъ было жалко меня, такъ какъ вы всегда были такъ добры ко мнѣ, хотя я и не заслужила этого, и потому что я... — Она остановилась и на мгновеніе закрыла лицо руками.

— Но твое письмо было такое благоразумное!

— Да, господинъ,—прошептала она,—развѣ я смѣла вамъ написать что-либо другое!

Онъ закусилъ губы и устремилъ взоръ въ зеленую листву. Не предчувствовала-ли она того, что ее ожидаетъ черезъ нѣсколько часовъ?

— Но теперь опять все хорошо, правда? — спросилъ онъ неувѣренно.

Она вскрикнула, опустилась на землю и обняла его колѣни.

— Все хорошо, если вы останетесь, господинъ. Я такъ боюсь, что вы можете опять уйти.

Нѣтъ, она ничего не предчувствовала. Самое трудное оставалось впереди. Ему казалось, что у него въ рукахъ молнія, которою онъ долженъ черезъ минуту убить ее.

Но времени еще было достаточно. Онъ дастъ несчастному, перепуганному созданію нѣсколько часовъ радостнаго свиданія передъ тѣмъ, какъ нанести ему послѣдній, самый тяжелый ударъ. Такимъ образомъ, она могла набраться силъ, чтобы перенести его.

— Встань, Регина,—сказалъ онъ мягко,—будемъ радоваться и не думай о будущемъ.

Они пошли рядомъ черезъ потемнѣвшій садъ, по посыпаннымъ бѣлымъ пескомъ тропинкамъ, выдѣлявшимся, какъ бѣлые ручейки, среди яркой зелени. Весенній запахъ тлѣнія, смѣшанный съ ароматомъ молодыхъ распускающихся растеній,

носился надъ кустарниками, а въ верхушкахъ деревьевъ раздавался робкій шепотъ и щебетаніе.

— Какъ здѣсь все похорошѣло съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ! — воскликнулъ онъ.

— Да, господинъ,—отвѣчала она,—такъ хорошо, какъ еще никогда не было.

— Сразу сдѣлалось такъ? — спросилъ онъ, улыбаясь, и взглянулъ на нее украдкой. Тутъ онъ замѣтилъ глубокія тѣни на ея щекахъ, зардѣвшихся прелестнымъ румянцемъ.

— Она уже начинаетъ оживать, — подумалъ онъ, и ему показалось, что эти часы посланы судьбой, какъ послѣднее прощаніе улетавшаго счастія.

— А ты, видно, все также усердно работала, — сказалъ онъ, силясь говорить тономъ благосклоннаго господина, и указалъ на заботливо разбитыя цвѣточныя клумбы, въ которыхъ цвѣли медвѣжьи ушки и маргаритки.

Она отрывисто и гордо разсмѣялась.

— Я хотѣла, чтобы вы нашли все въ порядкѣ, когда вернетесь.

— А зачѣмъ же ты запустила себя, Регина?

Она стыдливо отвернула ярко вспыхнувшее лицо.

— Сказать правду?—прошептала она.

— Конечно.

— Я думала, что я... умру раньше... и тогда... вѣдь, было бы все равно.

Онъ молчалъ. Въ каждомъ ея словѣ заключалось цѣлое море любви, обливавшее его своими горячими волнами.

Его взорамъ представилась лужайка за замкомъ, мягко спускавшаяся къ парку. На побурѣвшемъ камнѣ стояло подножіе богини Діаны, обломки которой Регина собрала и сложила на травѣ. Торсъ, который оказался ей не подъ силу, лежалъ тутъ же, а голова съ пустыми бѣлыми глазами покоилась сверху. Нѣсколько далѣе чернѣло четырехугольное углубленіе. На этомъ мѣстѣ онъ впервые увидѣлъ ее, когда она собиралась вырыть могилу погубившему ее человѣку, котораго никто другой не хотѣлъ похоронить.

— Я это оставила... себѣ на память, — сказала она, какъ бы оправдываясь и указывая на выброшенные комья земли, начинавшіе покрываться травой.

Они направились къ кустарникамъ, окружавшимъ цѣлой изгородью колючекъ домъ садовника.

— Стеклянную крышу я также поправила, — сказала она.

— Да...а.

Ихъ взоры встрѣтились и снова быстро устремились вдаль.

Домикъ мирно привѣтствовалъ ихъ, а въ его стеклахъ ра-

достно блисталъ затерявшійся лучъ солнца, хотя кругомъ все уже лежало въ тѣни.

Его охватило сладкое чувство чего-то родного и на минуту побѣдило волновавшую его смутную тревогу.

— Поди,—сказалъ онъ,—свари мнѣ что-нибудь къ ужину, я голоденъ и усталъ отъ долгой ѣзды.

Онъ вспомнилъ о своей лошади:—гдѣ-то она теперь?—но черезъ минуту забылъ о ней.

— Приведи себя въ порядокъ,—продолжалъ онъ,—чтобы не быть такой растрепанной.

— Да, господинъ, я все сдѣлаю какъ можно лучше.

Въ сѣняхъ они разстались. Онъ направился въ комнату, она—въ кухню. Съ глубокимъ вздохомъ опустился онъ на диванъ, который заскрипѣлъ и затрещалъ подъ нимъ. Все казалось точно такимъ-же, какимъ онъ покинулъ въ ту ночь... но нѣтъ: занавѣсъ въ углу печки, за которой скрывалась ея постель, исчезла. Портрета бабушки также не доставало. Выстрѣлъ, оцарапавшій плечо Регины, разбилъ и разорвалъ его въ клочки.

Одно окно было открыто. Преслѣдовавшій его сегодня всюду запахъ тлѣющей земли вливался потокомъ въ комнату. Вѣроятно въ этомъ были виноваты сложенныя у дома кучи чернозема. Его безпокойство росло съ каждой минутой.

Онъ больше не могъ вынести одиночества. — Къ чему сокращать ей и себѣ и безъ того короткіе часы?—сказалъ онъ себѣ и хотѣлъ было выйдти въ кухню, но вдругъ увидѣлъ ее раздѣтой у плиты и зашивающей кофту.

Онъ испуганно отшатнулся.

Нѣсколько секундъ спустя она сама пришла, уже одѣтая, открыла ему дверь.

— Что вамъ угодно, господинъ?

— Покажи мнѣ, какъ ты починила крышу,—сказалъ онъ, не найдя ничего другого. Онъ похвалилъ работу, но не осмотрѣлъ ее. Подойдя къ плитѣ, онъ сталъ смотрѣть въ пламя. Почти совсѣмъ стемнѣло, и огонь бросалъ дрожащій свѣтъ на закоптѣлыя стѣны.

— Я помогу тебѣ стряпать,—сказалъ онъ.

— Ахъ, господинъ, вы надо мной смѣетесь! —воскликнула она, но лицо ея засіяло блаженствомъ.

— Какой-же у меня будетъ ужинъ?

— Запасовъ у меня немного господинъ. Яйца, копченая ветчина, свѣжій салатъ,—больше ничего нѣтъ.

— Я буду благодарить Бога...—Онъ во-время остановился. Онъ чуть было не проболтался. Она вѣдь ничего не подозрѣвала и не должна подозрѣвать. Ея счастье должно продлиться до ранняго утра.

— Ну, такъ давай стряпать, — засмѣялся онъ. Горло его сжалось предчувствіемъ и страхомъ...—Я умираю съ голоду.

— Сперва должна вскипѣть вода, господинъ.

— Хорошо... подождемъ. — Онъ опустился на дровяной ящикъ.

— Подойди ближе, Регина. Ты мнѣ все еще не нравишься. Твои волосы...

— Я не успѣла ихъ расчесать, господинъ.

— Такъ расчеши теперь.

Ея глаза застѣнчиво и умоляюще вспыхнули.—При васъ господинъ?—прошептала она.

— Скажите! какая стала вдругъ церемонная.

— Да не потому, господинъ...

— Ну, такъ не ломайся.

Она пошла въ самый дальній уголъ, гдѣ стояла ея постель, и быстрымъ движеніемъ распустила волнистыя, роскошныя косы, закрывшія ее до пятъ. Причесываясь, она замѣтила, съ какимъ удовольствіемъ онъ смотрѣлъ на нее, и, не въ силахъ сдержать своего смущенія и счастья, она опустилась на колѣни передъ постелью, протянула руки и спрятала лицо въ подушки.

Онъ молча ждалъ, чтобы она поднялась. Когда она привела въ порядокъ волосы, она подошла къ плитѣ и стала хлопотать около кастрюль и сковородъ, не поднимая на него глазъ.

— Разскажи мнѣ, Регина... какъ жила ты это время?—спросилъ онъ.

Она покачала головой.

— Въ Бокельдорфѣ все было по прежнему, я никого не видала, кромѣ лавочника и его жены. Въ деревню я не ходила совсѣмъ, даже во время наводненія... но я объ этомъ вамъ писала, я немного поголодала, но это ничего. Да и за послѣднія недѣли пришли казенныя письма изъ Вартенштейна, Кенигсберга и... и еще сегодня одно изъ...

— Хорошо, хорошо, потомъ разскажешь, когда зажжешь огонь... Какое ему дѣло сегодня до всего міра, когда онъ сжигалъ за собой все, связывавшее его съ прошлымъ, и ничего не оставалось изъ того, что онъ пережилъ и выстрадалъ!

Когда ужинъ былъ готовъ, и Регина появилась съ зажженной лампой въ рукахъ, онъ вошелъ въ комнату вмѣстѣ съ нею.

— Ты не поставила прибора для себя?—замѣтилъ онъ.

— А развѣ можно, господинъ?

— Конечно, можно.

— Какого вамъ вина, господинъ?

Онъ тяжело дышалъ.—Никакого!

Они снова сидѣли другъ противъ друга, освѣщенные мирнымъ свѣтомъ лампы, какъ и тогда, зимою, когда снѣгъ сту-

чалъ въ стекла, а буря потрясала крышу. Теперь кругомъ летала серебристая моль, а съ нею въ комнату врывался нѣжный, опьяняющій запахъ. Сквозь молодую листву пробивался свѣтъ восходящей луны.

Онъ отодвинулъ тарелку въ сторону. Кусокъ не шелъ ему въ горло. То, что онъ не пилъ вина, мало помогло. Хмель, котораго онъ избѣгалъ, разливался уже по его жиламъ.

Украдкой взглянувъ на Регину, онъ испугался выраженія ея лица: ея глаза покоились на немъ въ такомъ счастливомъ упоеніи, какъ будто-бы въ его присутствіи для нея не существовали больше ни небо, ни земля. Горе и печаль исчезли съ ея лица. Оно снова округлилось и озарилось цвѣтущей свѣжестью. Никогда онъ еще не замѣчалъ въ ней такой очаровательной мечтательной мягкости, разлитой по всему ея существу, дышавшему жизнью и беззавѣтной любовью.

— Регина,—прошепталъ онъ. Біеніе сердца отдавалось у него въ горлѣ; это было предостереженіе: Берегись, берегись! въ послѣдній разъ она искушаетъ тебя.

— Въ послѣдній разъ...—повторилъ онъ мучительно.—Она умретъ! Она погибнетъ отъ тоски и горя.

Ему показалось, что царапина на его нижней губѣ снова горитъ.

— Возьми ее и убей потомъ; тогда она будетъ избавлена отъ всякаго горя,—подсказалъ ему тайный голосъ.

— Это безуміе—подумалъ онъ, содрогаясь. — Спасайся!—говорилъ онъ себѣ.—Вспомни проклятіе. Сохрани себя чистымъ для отечества!

Онъ искалъ слова, которое могло-бы прервать блаженное очарованіе, но не находилъ его.

Онъ всталъ и подошелъ къ открытому окну, чтобы освѣжить пылающій лобъ.—Говори, дѣлай что-нибудь, прерви молчаніе,—убѣждалъ онъ себя. Ему вспомнились письма, о которыхъ она говорила.

— Дай мнѣ письма,—сказалъ онъ сурово.

Она пошла за кипой бѣлыхъ конвертовъ и сложила ихъ у его прибора. Онъ открылъ первое письмо и уставился въ пустое пространство.

— Не лучше-ли сразу открыть неизбѣжное? Къ чему откладывать извѣстіе о неминуемой разлукѣ?—Но онъ съ ужасомъ оттолкнулъ отъ себя эту мысль.—Пусть она радуется до полночи. Возьми ее, а потомъ...

— Честь имѣю извѣстить барона Болеслава фонъ-Шрандена, что, по его желанію, слѣдствіе по поводу поджога 6 марта 1809 г. замка Шрандена возобновляется. Срокъ назначенъ...

Съ громкимъ смѣхомъ швырнулъ онъ бумагу въ сторону. Пальцы его потянулись за слѣдующимъ письмомъ.

Вдругъ онъ узналъ руку Елены.

Его охватило непріятное чувство. Чего она хотѣла еще? Зачѣмъ она безпокоила его въ этотъ часъ?

«Мой дорогой Болеславъ.

Я не могу дать тебѣ уѣхать на войну, не переговоривъ еще разъ съ тобою. Я прошу и молю тебя: приди сегодня, въ девять часовъ, къ церковной калиткѣ, гдѣ тебя будетъ ждать

Твоя Елена».

— Отчего не тогда, когда еще было время,—проборможалъ онъ.—Въ головѣ его пронеслась мысль, что ангелъ хранитель ему еще разъ протягивалъ спасительную руку, и что было-бы грѣхомъ противъ Бога и всего хорошаго оттолкнуть ее.

— Ты долженъ идти, ты долженъ!—говорилъ онъ себѣ,—или ты недостоинъ той пули, которая теперь отливается для тебя во Франціи.

Не была-ли это воля всеблагого Господа, чтобы дочь явилась въ минуту величайшей опасности и превратила въ благословеніе проклятіе отца.

Онъ взглянулъ на часы. До назначеннаго часа оставалось всего нѣсколько минутъ.

Онъ тяжело поднялся.

— Я долженъ спуститься внизъ,—сказалъ онъ,—мнѣ нужно видѣть одного человѣка.—Онъ старался не смотрѣть на нее, но ея трогательно молящій взглядъ проникъ ему въ самую душу.

— Я скоро... вернусь,—сказалъ онъ, запинаясь.

Она сложила руки и молча встала передъ нимъ.

— Что тебѣ надо?

Она задыхалась:—Господинъ... мнѣ сегодня такъ страшно... мнѣ сегодня... я боюсь... что случится несчастье...

— Съ какихъ поръ ты боишься предчувствій?—попробовалъ онъ пошутить.

— Господинъ, я не знаю... мнѣ что-то сжимаетъ горло... Конечно, это очень глупо... но, пожалуйста... не уходите... не уходите сегодня...

Онъ мягко оттолкнулъ ее. Рука, протянутая, чтобы его удержать, безсильно опустилась.

— Господинъ... пожалуйста... пожалуйста...

Онъ стиснулъ зубы и вышелъ. Онъ шелъ къ своему ангелу хранителю.

XVII.

Въ этотъ самый часъ въ «Черномъ Орлѣ» собрались всѣ свободные шранденцы на прощальную выпивку.

Старикъ Меркель платилъ за всѣхъ.

Онъ стоялъ за своимъ прилавкомъ съ страдальческой, искренней на этотъ разъ, улыбкой и неустанно наполнялъ пустые стаканы.

— Пейте, милые люди,—говорилъ онъ,—не лишайте себя выпивки изъ-за несчастья моего дома. Что-жъ, если разстрѣляютъ, онъ умретъ славной смертью за честь и отечество.

Онъ вытеръ потъ съ лоснившагося лба, а глаза его безпокойно и выжидательно бѣгали отъ одного къ другому.

Растроганные такимъ благородствомъ и великодушіемъ шранденцы мрачно смотрѣли въ кружки. Можетъ быть, имъ было и стыдно, но они сочли-бы преступленіемъ не воспользоваться великодушнымъ порывомъ старика. Они вливали въ себя потоки пива и водки, и каждый зорко слѣдилъ, чтобы сосѣдъ не выпилъ больше его.

Жирная и хитрая служанка, очень похожая на своего хозяина, несла съ полдюжины пѣнившихся кружекъ, принявъ данное шепотомъ приказаніе, потвержденное многозначительнымъ прищуриваніемъ глазъ.

— Если ты увидишь старика Гакельберга, то пригласи его,—закричалъ онъ ей вслѣдъ,—пригласи его. Въ его несчастіи виноватъ тотъ-же подлецъ. Пусть-же и онъ будетъ здѣсь при этихъ печальныхъ обстоятельствахъ.

— О храбрые солдаты,—продолжалъ онъ, вытирая глаза, — пейте, пейте! Вы вѣдь должны забыть, что сегодня вы хороните свою честь. Да, вы болѣе достойны сожалѣнія, нежели мой бѣдный сынъ, потому что ему, по крайней мѣрѣ, посчастливилось умереть за свою честь. Но вамъ, фу! фу! какъ у васъ скверно будетъ на душѣ, когда сынъ предателя, негодяй, котораго проклялъ нашъ многоуважаемый священникъ, поведетъ васъ завтра утромъ въ походъ. «Эй, ты, Борнъ, вычисти-ка мнѣ сапоги! Эй ты, Бишлеръ, подержи-ка мнѣ стремя!» и такъ далѣе.

Оба названные вскочили съ проклятіемъ.

— А вы, всѣ остальные, если онъ вздумаетъ вами помыкать и ругать васъ, то онъ будетъ правъ, на то онъ вамъ начальникъ, а кто осмѣлится ворчать, того немедленно разстрѣляютъ. Такова будетъ ваша судьба, мои бѣдные, милые друзья. Пейте-же и прощайтесь съ солдатской честью. Завтра ни одна собака не приметъ отъ васъ больше и куска хлѣба.

Въ толпѣ прошелъ сдержанный ропотъ, болѣе страшный, чѣмъ крикъ ярости.

Въ эту минуту вошелъ, спотыкаясь, полупьяный по обыкновенію Гакельбергъ, шатавшійся вѣроятно гдѣ нибудь поблизости. Его приняли съ глубокимъ молчаніемъ. Старикъ Меркель торжественно пошелъ ему навстрѣчу, схватилъ за руку и провелъ на почетное мѣсто.

— И ты также, несчастный отецъ,—обратился онъ къ нему

голосомъ, прерывавшимся отъ волненія;—и тебѣ гибель твоего дѣтища разбила сердце. Ты, какъ и я, какъ мы всѣ, лежишь на совѣсти у этого варвара. Садись, достойный жалости человѣкъ, и выпей съ нами глотокъ вина.

Пьяница, привыкшій къ тумакамъ и насмѣшкамъ даже тогда, когда къ нему относились хорошо, не понималъ, что съ нимъ случилось, за что на него обрушилась такая честь. Своими печальными глазами онъ подозрительно оглядывался во всѣ стороны и, казалось, не зналъ, заплакать-ли ему или засмѣяться. Въ нерѣшительности, онъ принялся пить все, что было подъ рукой.

— Посмотрите на него, на несчастную жертву барскаго сластлюбія,—продолжалъ господинъ Меркель,—и не удивляйтесь, что этотъ человѣкъ, лишенный возможности мстить и принужденный ежедневно и ежечасно глотать свое негодованіе, опустился и потерялъ человѣческій образъ. Но и червякъ изгибается, когда на него наступаютъ, и никто не можетъ намъ поставить въ вину, если мы пожелаемъ, чтобы преступникъ не пережилъ завтрашняго дня.

— Убейте его! — завизжалъ столяръ, съ внезапнымъ бѣшенствомъ; ему отвѣтило лишь боязливое эхо; убійство было уже не шуткой для солдатъ, возстававшихъ противъ своего начальника.

Господинъ Меркель пришелъ въ благородное негодованіе.

— Что вы, милые люди, какъ-же можно сейчасъ вести такія безбожныя рѣчи! Я — ваше начальство и не смѣю даже слышать такихъ вещей. Броситься на него, стоя во фронтѣ, при яркомъ свѣтѣ дня, это такое дерзкое дѣло, о которомъ вы и говорить не должны. Въ священномъ писаніи сказано: Любите своихъ враговъ. Но кто намъ можетъ воспретить гнѣвъ, разрѣшающійся ругательствами и проклятіями? Онъ не опасенъ! Итакъ, я желаю, чтобы нашъ врагъ и губитель умеръ въ эту ночь на своей постели, или чтобы онъ исчезъ навсегда, или чтобы его нашли завтра утромъ въ рѣкѣ. Тогда бы мы увидѣли, по крайней мѣрѣ, что Богъ существуетъ и судитъ грѣшниковъ и проклятыхъ. Аминь!

— Аминь!—прорычала толпа, и мозолистыя руки сжались въ кулаки.

— Но этого вѣдь не случится... преступникъ разжирѣетъ и состарится въ этой долинѣ слезъ и печали! Завтра утромъ онъ пріѣдетъ сюда верхомъ и потащитъ моего Феликса на бойню, а также и тѣхъ, кто ворчалъ въ строю. Я буду удивляться, если вы останетесь живы. Вѣдь онъ поклялся все Шранденское село стереть въ порошокъ. Онъ васъ поведетъ, какъ стадо барановъ, а за вами, съ плачемъ и воемъ, побѣгутъ вдовы и сироты.

Раздался такой страшный крикъ ярости, что самъ подстрекатель въ страхѣ отшатнулся.

— Тише, милые люди, тише! Поступайте всегда по закону. Хотя между нами и нѣтъ предателя... мы бы скорѣе откусили себѣ языки, чѣмъ выдали бы кого-нибудь... Гакельбергъ могъ бы намъ спѣть пѣсенку на эту тему, не такъ-ли, милый другъ?.. но кто знаетъ, не подслушиваетъ-ли подъ окномъ самъ господинъ капитанъ?

Пять, шесть головъ прижались къ оконнымъ стекламъ.

— Вы думаете, что онъ на это неспособенъ? О, онъ не остановится ни передъ какой низостью. Но я знаю, что вы думаете и, право, я не могу вамъ это поставить въ вину: если мы его встрѣтимъ въ темную ночь, крадущагося по дорогѣ, то ему не поздоровится.

— Убить его! убить!—рычала толпа.

— Только не кричите все объ убійствѣ, дѣти. У меня уже заболѣли уши. Такія дѣла дѣлаются тихо. Пафъ! выстрѣлъ... пафъ! другой... стрѣляли въ браконьера въ лѣсу. Тамъ вѣдь много оленей, не такъ-ли, Гакельбергъ?

Гакельбергъ засмѣялся и щелкнулъ языкомъ: «Пафъ!»

— Да не сиди, какъ чурбанъ, Гакельбергъ; неужели у тебя рыбья кровь? Развѣ ты забылъ, какъ старикъ баронъ велѣлъ тебя выпороть, такъ что изъ твоей кожи можно было бы вырѣзать ремни?.. Чортъ возьми! какъ ты тогда бѣгалъ и вылъ, пріятно было на тебя смотрѣть!

Гакельбергъ рыгнулъ и зарычалъ.

— Но тогда ты былъ еще охотникомъ, сильнымъ, ловкимъ охотникомъ, и твоя пуля никогда не попадала мимо цѣли. Пей, братъ. Когда-то ты былъ удивительный стрѣлокъ!

— Это я и теперь могу,—залепеталъ столяръ.

— Ха! ха! ха! прости, что я смѣюсь, старикъ. Вѣдь никто даже не знаетъ, куда ты дѣвалъ свое ружье.

— Но... я... зн... а... ю!

— Да и рука твоя не годится уже для прицѣла, а твоя честь и храбрость давно пропали.

Столяръ засмѣялся. Въ глазахъ его сверкнулъ ядовитый огонекъ.

— Что? не хочешь ли ты увѣрить меня, что на свѣтѣ есть еще какая-нибудь честь, когда ты прощаешь гибель своей дочери! Ты позволяешь ея соблазнителю свободно ходить по улицамъ съ нею и спокойно смотришь на то, какъ твоя собственная плоть и кровь тебя презираетъ и отталкиваетъ твою руку?.. неблагодарная, утратившая чувство долга, дочь!

Столяръ вскочилъ и зашатался.

— Не смѣйте никто слѣдовать за мной!—закричалъ онъ, потрясая кулаками.

— Куда ты?

— Никому до этого нѣтъ дѣла.

Не смотря на свой гнѣвъ, шранденцы не могли удержаться отъ смѣха, но Меркель добродушно остановилъ ихъ.

— Оставьте его въ покоѣ,—сказалъ онъ тихо,—онъ пойдетъ выкапывать изъ навоза свое ружье. Но это ничему не поможетъ,—прибавилъ онъ, вздыхая и съ тайнымъ страхомъ поглядывая на дверь.—Онъ не дастся намъ ночью въ руки. А завтра, утромъ, при дневномъ свѣтѣ, когда никто изъ насъ не будетъ въ состояніи защититься, онъ васъ предастъ палачу, какъ и моего сына Феликса, и никто изъ васъ больше не увидитъ Шрандена. Пейте-же, дѣти, и прощайтесь со старикомъ Меркелемъ... Стойте! не идетъ-ли Амалія?—прервалъ онъ свою рѣчь въ радостномъ возбужденіи.

Дверь распахнулась, и служанка, торопливо вбѣжавъ, прошептала ему на ухо принесенное извѣстіе.

Его лицо прояснилось. Онъ сложилъ толстыя руки, какъ на благодарственную молитву.

— Дѣти!—воскликнулъ онъ,—на небѣ есть еще праведный судья! Баронъ въ вашихъ рукахъ.

Шранденцы испустили крикъ радости и повскакали со своихъ мѣстъ.

— Какъ? гдѣ? кто его видѣлъ?

— Разскажи, Амалія!—сказалъ онъ, и въ изнеможеніи опустился на стулъ, какъ человѣкъ, исполнившій свою дневную работу.

Амалія разсказала. Она хотѣла подождать, пока сторожа выпьютъ принесенное ею пиво, и прошлась по освѣщенной луннымъ свѣтомъ дорогѣ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ... Какъ вдругъ она увидѣла въ полѣ человѣка, идущаго съ Кошачьей дороги. Онъ шелъ по направленію къ церкви. На немъ былъ офицерскій мундиръ съ краснымъ воротникомъ и свѣтлыми пуговицами.

— Былъ онъ вооруженъ?—спросилъ одинъ изъ осторожныхъ шранденцовъ.

— Да, сабля такъ и сверкала при лунномъ свѣтѣ.

Это вызвало нѣкоторое раздумье.

— Онъ, вѣроятно, захотѣлъ провѣрить караульныхъ,—сказалъ другой, почесывая затылокъ.

Господинъ Меркель нервно разсмѣялся.

— Съ какихъ поръ на кладбищѣ стоятъ караульные?—воскликнулъ онъ.—Я вамъ скажу, куда онъ идетъ. Онъ идетъ навѣстить своего милаго папашу и хочетъ на его могилѣ поклясться, что отомститъ вамъ за него, какъ только вы попадетесь, какъ солдаты, въ его руки. Радуйтесь и поздравляйте другъ друга.

Въ эту минуту явился союзникъ, на котораго онъ больше уже не расчитывалъ. Старый столяръ влетѣлъ въ дверь, держа въ правой рукѣ ружье, на которомъ еще висѣли грязь и солома. Имъ, казалось, овладѣло буйное помѣшательство. Онъ колотилъ себя въ грудь и, какъ бѣсноватый, бѣгалъ, спотыкаясь.

— У меня нѣтъ чести?—кричалъ онъ.—Я позволю губить свою дочь?! Гдѣ женщина, опозорившая мои сѣдые волосы? Я ей не сдѣлаю гроба. Я ее застрѣлю... я застрѣлю ихъ обоихъ!

— Пойдемте на кладбище!—закричала толпа, чувствовавшая себя подбодренной...

Старый кабатчикъ испугался.

— Не ходите на кладбище, дѣти,—сказалъ онъ быстро.—Во-первыхъ, это мѣсто священное, а во-вторыхъ, онъ можетъ тамъ отъ васъ ускользнуть. Если вы хотите порѣшить съ нимъ мирно—я не знаю, что вы такое задумали, да и не желаю знать,—то я вамъ совѣтую пойдти на Кошачью дорогу. Тамъ, на берегу много кустовъ; правда, они покуда еще негустые, но всетаки вы можете въ нихъ укрыться.

— А если онъ пойдетъ домой черезъ село и по подъемному мосту?—сказалъ тотъ-же осторожный шранденецъ.

Господинъ Меркель нашелся.

— Онъ этого не сдѣлаетъ,—засмѣялся онъ,—ему удобнѣе подняться по Кошачьей дорогѣ.

— Къ Кошачьей дорогѣ!—закричалъ столяръ, стуча прикладомъ ружья по скамейкамъ и столамъ. Толпа двинулась. Господинъ Меркель снабдилъ ихъ столькими бутылками водки, сколько они успѣли въ попыхахъ захватить.

— Берите, дѣти, берите,—говорилъ онъ, — выпейте за вашу честь!

Когда всѣ вышли, онъ отеръ потъ со лба, сложилъ руки и сказалъ съ тревожнымъ вздохомъ:

— Ахъ! Амалія! какъ-бы они только не промахнулись!..

XVIII.

Когда Болеславъ вступилъ на большую дорогу, онъ увидѣлъ въ тѣни церковной ограды женскую фигуру, нерѣшительно обернувшуюся къ нему. Минута, которую онъ ждалъ съ такой тоской всѣ эти восемь лѣтъ, наступила. Но въ его сердцѣ ничего не шевельнулось.

Черные контуры стройной дѣвичьей фигурки рѣзко выдѣлялись при яркомъ свѣтѣ луны. Но плечи показались ему угловатыми, вдоль перетянутой тальи руки слишкомъ прямо спускались къ узкимъ бедрамъ.

Онъ перескочилъ канаву и протянулъ ей обѣ руки.

Она стыдливо-жеманно спрятала свои за спину.

— Не будь такимъ бурнымъ!—пролепетала она.

Онъ остолбенѣлъ. Въ немъ шевельнулось холодное, почти насмѣшливое чувство, котораго онъ устыдился и поборолъ.

— Ты заставила меня долго ждать, Регина!

Она обернулась, и луна освѣтила узкое, безцвѣтное личико, съ капризнымъ, презрительно сморщившимся носикомъ.

— Меня зовутъ Еленой—сказала она; — если ты забылъ мое имя... И надувшись, она повернулась къ нему спиной.

Онъ испугался.

— Прости! — сказалъ онъ, въ смущеніи — это вышло нечаянно.

Это было плохое начало. Она приняла оскорбленный видъ, тѣмъ не менѣе, казалось, готова была снова смилостивиться.

— Уйдемъ отсюда,—сказала она съ мольбой,—я боюсь.

— Чего ты боишься?

— Господи! боюсь кладбища.

Въ немъ опять промелькнуло что-то въ родѣ насмѣшки. Безсознательно онъ сравнивалъ ее съ Региной во всемъ, что она ни дѣлала и ни говорила, и сравненіе было не въ ея пользу.

— Я вѣдь очень боязлива, ты это помнишь, вѣроятно,— продолжала она въ то время, какъ они повернули къ дорогѣ, и сгоряча назначила тебѣ свиданіе именно здѣсь. Вообще я поступила очень необдуманно. И если я не...—Она бросила на него сбоку намѣренно-нѣжный взглядъ, который долженъ былъ докончить ея рѣчь. Онъ хотѣлъ помочь ей перепрыгнуть черезъ канаву, но она слегка вскрикнула и сказала:

— Нѣтъ! нѣтъ!

Неясное чувство разочарованія, постепенно овладѣвшее имъ, смѣнилось изумленіемъ. Она оглядывалась по сторонамъ.

— Здѣсь намъ также оставаться нельзя, — прошептала она. — Я умру со стыда, если люди меня увидятъ съ мужчиной.

— Такъ куда-же намъ спрятаться?

— Это ты долженъ рѣшить самъ.

— Пойдемъ къ лѣсу.

Она подняла руки съ ужасомъ старой дѣвы.

— Куда?—воскликнула она.—Ночью? Съ мужчиной!..

Онъ провелъ рукою по лбу. Неужели онъ дѣйствительно это видѣлъ и слышалъ? Это была Елена? Тотъ геній, на котораго онъ смотрѣлъ, какъ на существо не отъ міра сего? Или онъ самъ былъ виноватъ? Можетъ быть онъ пересталъ понимать языкъ добродѣтели и чистоты? Не повліяла-ли на него дикарка, вселивъ въ него нечистые помыслы?

— Ну, пойдемъ по дорогѣ,—сказалъ онъ.

— А если кто-нибудь пройдетъ?

— Ты же видишь, что никого нѣтъ.

— Но вѣдь можетъ-же кто-нибудь пройти!

На это ничего нельзя было возразить. Воцарилось молчаніе. Затѣмъ онъ сказалъ:

— Не возьмешь-ли ты мою руку?

— Мнѣ такъ свободнѣе!

Нѣкоторое время они молча шли рядомъ. Казалось, что имъ не о чемъ говорить.

— Регина ждетъ!—подумалъ онъ.

— Какъ ты молчаливъ!—сказала Елена, шутливо дернувъ его за рукавъ двумя пальцами, которые лежали на его рукѣ.— Злой человѣкъ! ты, кажется, совсѣмъ меня больше не любишь?

Онъ не осмѣлился сказать: нѣтъ. Она ему осталась вѣрна, она вѣрила восемь лѣтъ его слову. Онъ не могъ допустить, чтобы это слово оказалось ложью. Онъ нерѣшительно пробормоталъ:

— Конечно, конечно!—А она многозначительно вздохнула и сказала:

— Мнѣ разсказывали о тебѣ такъ много дурного, что я совсѣмъ не знаю, что мнѣ думать. Но, вѣдь, это не правда?

— Что такое?—спросилъ онъ устало.

— Ахъ! дѣвушкѣ неприлично и повторить это; такія безнравственныя вещи! Ты, вѣдь, прежде всегда былъ благороднымъ человѣкомъ. Я не могу себѣ представить, чтобы ты такъ измѣнился!

Она попыталась прижаться къ нему слегка. Шелковый голубой мѣшочекъ, который она держала въ рукахъ, упалъ на землю. Они наклонились въ одно и то-же время, и его фуражка слегка задѣла ее за щеку.

— Не надо! — пролепетала она стыдливо и отвернулась отъ него.

— Прошу извиненія! — возразилъ онъ съ большой учтивостью и закусилъ губы.

— Ты мнѣ все же еще не отвѣтилъ,—продолжала она.— Можетъ быть, люди и правду говорятъ о тебѣ. Это было бы очень гадко, и я, бѣдная дѣвушка, значитъ, горько въ тебѣ ошиблась. Папа всегда говорилъ, что ты плохо кончишь.

Она это говорила съ такимъ самоувѣреннымъ, глубокомудрымъ видомъ, что онъ не могъ удержаться отъ смѣха.

Она замѣтила, что взяла невѣрный тонъ, и, глубоко оскорбленная, продолжала:

— Да, ты теперь, конечно, смѣешься надо мною, бѣдною. А я къ тебѣ такъ хорошо отношусь! Я готова была бы отдать жизнь, чтобы не дать тебѣ погибнуть!

— Пожалуйста, не трудись!—возразилъ онъ.

— Нѣтъ, не представляйся хуже, чѣмъ ты есть на самомъ дѣлѣ!—заговорила она вдругъ.—Я знаю, что ты благородный человѣкъ, и если судьба насъ разлучитъ даже на вѣки, я все же всегда, всегда буду тебя любить! О, сколько горькихъ слезъ я уже пролила изъ-за тебя! И каждый вечеръ я за тебя молилась: Господи! Боже мой! сохрани моего дорогого друга юности, дай ему чистую совѣсть и сохрани его отъ грѣха и жажды мести.

— Шранденцы самый подходящій народъ для того, чтобы забыть о мести,—возразилъ онъ.

Она вздернула носикъ.—Шранденцы грубый, неотесанный народъ,—сказала она,—не слѣдуетъ на нихъ обращать вниманія. Мнѣ самой гораздо пріятнѣе жить у тети въ Вартенштейнѣ. Тамъ живешь, по крайней мѣрѣ, среди воспитанныхъ, приличныхъ бюргеровъ, которые знаютъ, что, кланяясь дамѣ, надо снимать шапку. Этого ни одинъ шранденецъ, за исключеніемъ господина Меркеля, не понимаетъ. Ну, и Феликсъ, конечно.—Она глубоко вздохнула.—Но онъ носилъ мундиръ,—прибавила она задумчиво. И вдругъ, какъ будто вспомнивъ событія, происшедшія въ этотъ день, она громко вскрикнула, сложила руки и проговорила:

— О, Болеславъ, Болеславъ!

— Что тебѣ, Елена?

— Болеславъ! какъ ты могъ быть такимъ злымъ! Бѣдный, бѣдный Феликсъ! Я вѣдь ничего не видѣла. Я возилась въ саду. Но потомъ мнѣ разсказали: ты его ударилъ обнаженной саблею по головѣ, такъ что кровь полилась ручьемъ. — Она вздрогнула и замолчала, сдерживая слезы. Потомъ вдругъ выдернула свою руку изъ его руки и перебѣжала на другую сторону дороги.—Иди прочь! я не хочу знать тебя больше,—крикнула она ему, — ты поступилъ дурно и жестоко.

— Этого ты не понимаешь, милая Елена,—возразилъ онъ.

— Онъ былъ нашимъ другомъ дѣтства и игралъ съ нами въ саду. Какъ часто онъ перелѣзалъ заборъ, чтобы достать тебѣ заброшенный мячикъ. Однажды онъ подарилъ тебѣ морскихъ свинокъ. Неужели ты все это забылъ?

— Такъ что, ради морскихъ свинокъ, не правда-ли?..

— О, ты его заперъ въ темной церкви. Папа говоритъ, что ты на это не имѣешь права, что онъ донесетъ на тебя командиру, и тогда тебѣ придется плохо.

Она такъ мало походила на своего отца, что каждое его громовое слово въ ея устахъ превращалось въ пустую болтовню. Неужели его «быть или не быть» зависѣло когда-нибудь отъ этой расходившейся курицы?

Она снова подошла къ нему и граціознымъ движеніемъ оперлась на его руку.

— Но, вѣдь, это не правда, что ты завтра утромъ увезешь его и представишь въ военный судъ, чтобы его осудили на разстрѣляніе? Вѣдь, это ложь, не правда ли? Я этому не вѣрю. Ты не такой дурной!

Онъ сдержалъ нетерпѣливое движеніе.

— Неужели это правда?—сказала она, вытирая глаза.—Но если я тебя очень попрошу, милый Болеславъ, ты, вѣдь, отпустишь его ради меня?

Ея мольба была высказана спокойно, какъ будто дѣло шло о чемъ-то случайномъ, но въ глазахъ, подозрительно на него устремленныхъ, виднѣлся тайный страхъ.

— Милый, милый Болеславъ! — продолжала она горячѣе, причемъ ея рука стала сильно дрожать, — если ты меня еще хоть немного любишь, то ты такъ не разстанешься со мною. Я буду вѣчно носить твой образъ въ своемъ сердцѣ, и если судьба насъ разлучитъ, то я буду молиться и благословлять тебя.

— Прости меня, Елена, — сказалъ онъ, тронутый ея кажущейся искренностью,—если я тебѣ покажусь жестокимъ. Но я ничего не могу сдѣлать. Твоя просьба неисполнима.

Она, казалось, не представляла себѣ даже возможности получить такой отвѣтъ и съ минуту пристально и гнѣвно смотрѣла на него. Затѣмъ она вдругъ расплакалась и, прислонившись къ дереву, закрыла лицо своими худыми руками.

Въ эту минуту вдали раздался выстрѣлъ, эхо котораго медленно прокатилось надъ лѣсомъ.

Елена вскрикнула отъ страха и, ломая руки, зарыдала.

— Навѣрное, стрѣляютъ въ него, потому, что ты, варваръ, приказалъ это. О Боже! Боже! неужели Ты не смилуешься?!

Прислушиваясь по направленію, по которому раздался выстрѣлъ, онъ сталъ ее успокаивать. Не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы этотъ выстрѣлъ былъ направленъ въ Феликса Меркеля. Вѣроятно, стрѣляли въ лѣсу, по ту сторону замка. По всей вѣроятности, какой-нибудь браконьеръ подкараулилъ красную дичь.

Но она рыдала еще сильнѣе.

— Тебѣ, вѣдь, все равно... ты, ты... ты все равно отдашь его на смертную казнь!

Болеслава, котораго ея увеличивающееся отчаяніе стало приводить въ полнѣйшее изумленіе, обѣщалъ ей сдѣлать все возможное, чтобы смягчить участь Феликса. Онъ скажетъ, что Феликсъ былъ въ пьяномъ, безсознательномъ состояніи. Онъ все забудетъ: свою ненависть, свою оскорбленную честь, лишь бы только отвратить несчастье.

Но она не удовлетворилась этимъ. Она внезапно опустилась передъ нимъ на землю и обняла его колѣни:

— Смилуйся! будь благороденъ! спаси его!

— Встань, ради Бога!

— Нѣтъ, я не встану, я буду въ пыли умолять тебя...

— Да развѣ ты не понимаешь, что, если я выставлю его совсѣмъ невиннымъ, то я окажусь самъ виновнымъ въ покушеніи на убійство?

— Что-жъ!—рыдала она;—если ты меня дѣйствительно любишь, то ты можешь принести мнѣ эту маленькую жертву.

Тутъ онъ понялъ, что она пришла сюда не ради него; она дѣйствовала по строго обдуманному плану, чтобы воспользоваться его любовью къ ней для другого.

Такъ вотъ какова была женщина, которой онъ считалъ себя недостойнымъ и о благословеніи которой онъ мечталъ столько времени. Такъ это было то свѣтлое существо, въ которомъ, казалось, соединялось все хорошее и чистое, которое онъ считалъ оскорбленнымъ, когда произносилъ ея имя одновременно съ именемъ Регины!

А Регина! обезчещенная, отверженная Регина! Какъ недосягаемо высоко стояла она надъ этой хитрой добродѣтелью!

Изъ груди его вырвался дикій смѣхъ.

— Отчего ты мнѣ сразу не сказала, что вы влюблены другъ въ друга?

Она вскочила.

— Это клевета!—закричала она.—Я чистая, непорочная дѣвушка!

— Ну... что-же, вы помолвлены?

Она снова стала плакать, хотя не забыла при этомъ стряхнуть съ платья комки глины.

— О Болеславъ!—всхлипывала она,—ты самъ виноватъ! Отчего ты заставилъ меня такъ долго ждать? И отчего ты далъ поводъ людямъ говорить о тебѣ такъ много дурного? Да и сопротивленіе отца, которое побѣдить было-бы невозможно. Что-же оставалось дѣлать мнѣ, бѣдной дѣвушкѣ?

— Пожалуйста, не оправдывайся, это меня не тревожитъ,—отвѣтилъ онъ весело.

— И ты не сердишься на меня?

— О, совсѣмъ нѣтъ!

Молча проводилъ онъ Елену до деревни, простился дружески съ нею и еще разъ обѣщалъ сдѣлать все, что въ его силахъ, чтобы спасти ея жениха.

Она поблагодарила, мило поклонилась и ушла.

Такъ кончилась великая любовь его жизни.

Когда ея узкая тѣнь скрылась за послѣдними домами, изъ души его вырвалось съ дикой радостью имя Регины.

Дорога была свободна, свободна для радостнаго грѣха!

Но, что такое былъ грѣхъ, если то, что называлось добродѣтелью, оказывалось такимъ жалкимъ? Гдѣ-же было зло, когда добро сдѣлалось насмѣшкой надъ добромъ?

— Возьми ее, прижми къ своей груди... не думай о завтрашнемъ днѣ. Пусть она послѣдуетъ за тобой въ сраженіе, пусть надѣнетъ мужское платье, какъ та Леонора Прохаска, которую вся Германія чествуетъ, какъ героиню.

— Регина! Регина!—ликовалъ онъ на бѣгу, протягивая къ ней руки. Онъ бѣжалъ по лугамъ, ярко озаренныхъ луною. Передъ нимъ высокой и темной стѣной стояли кусты.

Она навѣрное на Кошачьей дорогѣ ждетъ его, какъ всегда это дѣлала.

— Регина!—закричалъ онъ черезъ рѣку.

Никто ему не отвѣтилъ. Кругомъ царила глубокая тишина,— только молодые листья ольхи тихо шептались, и шелесть ихъ раздавался, какъ дыханіе полуоткрытыхъ устъ. Съ невидимой рѣки слышался тихій плескъ. Вода стояла низко и разбивалась объ острые камни.

Онъ сталъ подниматься по уступамъ.

— Регина!—закричалъ онъ снова.—Все то-же молчаніе.

Вдругъ онъ замѣтилъ, что почти на самой серединѣ тропинки колеблющіяся перила были переломлены пополамъ. По обѣ стороны висѣли гнилые обломки.

Онъ испуганно нагнулся надъ рѣкой.

На серебряной поверхности рѣки плавно колыхалось тѣло женщины.

XIX.

Покинувъ «Черный Орелъ», шранденцы поспѣшили по домамъ, чтобы какъ можно лучше вооружиться. Половина изъ нихъ не вернулась назадъ, остальные, человѣкъ около двадцати, послѣдовали за хромымъ столяромъ по тропинкѣ, огибающей островъ и ведущей къ Кошачьей дорогѣ. Такъ какъ они соединились лишь у берега рѣки, то никто ихъ не замѣтилъ.

Молча, съ приподнятыми косами и лопатами, пробирались они по мокрой травѣ; одинъ только старый пьяница неустанно болталъ и ворчалъ. Онъ усердно разговаривалъ со своимъ ружьемъ, какъ съ живымъ существомъ, трясъ его и просилъ, чтобы оно ему вѣрно послужило. Отъ времени до времени онъ, какъ-бы цѣлясь, прикладывалъ ружье къ щекѣ и, если замѣчалъ, что пальцы дрожатъ или что въ глазахъ рябило и мелькали искорки, онъ торопливо выпивалъ глотокъ изъ своей бутылки.

Дойдя до Кошачьей дороги, вившейся надъ рѣкою черной, съ свѣтлыми краями лентой, они раздѣлились на двѣ партіи, стараясь безшумно, насколько это позволяло имъ ихъ состояніе, пробираться по оврагу, цѣпляясь за вѣтки ольхъ. Тѣ, у кого были ружья, остались съ столяромъ внизу, на песчаномъ берегу, чтобы застрѣлить Болеслава на Кошачьей дорогѣ, въ случаѣ, если бы ему удалось ускользнуть отъ тѣхъ, которые должны были напасть на него съ косами, пиками и цѣпами.

Минутъ пять все было безмолвно. Въ кустахъ раздавался лишь тихій скрипъ и шелестъ, когда кто-нибудь протягивалъ руку за круговой бутылкой водки.

На островѣ тоже царила мертвая тишина.

Вдругъ сидѣвшій на посту столяръ, глаза котораго отъ водки сдѣлались еще зорче, замѣтилъ, что на противоположномъ берегу изъ кустовъ выдѣлилась темная притаившаяся фигура и медленно и беззвучно направилась къ Кошачьей дорогѣ.

Когда она вышла изъ тѣни, онъ при лунномъ свѣтѣ узналъ свою дочь. Очевидно, она замѣтила убійцъ и шла теперь предупредить барона. Бѣшенство охотника, видѣвшаго, что вѣрная добыча ускользаетъ изъ рукъ, совершенно отуманило его слабый мозгъ.

— Назадъ, мерзавка!—закричалъ онъ.

Она съежилась и пошла дальше, хватаясь за перила.

— Назадъ... Не то я выстрѣлю!

Однимъ прыжкомъ хотѣла она быстро броситься впередъ, но вдругъ раздался выстрѣлъ, и она беззвучно опустилась на перила, которыя разломались пополамъ. Съ высоты Кошачьей дороги тѣло повалилось внизъ въ рѣку, какъ темная, безжизненная масса. Вода высоко брызнула, сверкая, и камни зашумѣли и покатились.

Затѣмъ волны медленно приподняли тѣло; оно заколыхалось, повернулось, и луна ярко освѣтила лицо Регины.

На берегу царила мертвая тишина. Неподвижно, затаивъ дыханіе, смотрѣли всѣ на мертвое лицо внизу, которое своими широко раскрытыми глазами, казалось, грозило и предупреждало о чемъ то. Торчавшій въ рѣкѣ толстый корень зацѣпилъ подолъ ея платья и удержалъ тѣло, такъ что теченіе не могло его увлечь за собою. Волны лишь тихо и осторожно, какъ-бы играя, колыхали его на поверхности.

Молчаніе длилось минутъ десять. Затѣмъ въ кустахъ раздался снова шелестъ и трескъ, и одинъ изъ шранденцовъ, боязливо съежившись, какъ воплощенная нечистая совѣсть, тихо сталъ пробираться домой. За нимъ послѣдовалъ второй, третій, четвертый... и мѣсто несчастія понемногу опустѣло. Старый столяръ, все время безсмысленно смотрѣвшій на свою дочь и

гнѣвно что-то бормотавшій, оглянулся и увидѣлъ, что остался одинъ. Онъ испустилъ дикій крикъ, ружье съ шумнымъ плескомъ упало въ рѣку, и шатаясь, онъ побѣжалъ за остальными.

Кошачья дорога была свободна.

Прошло довольно много времени, пока Болеславъ сообразилъ, что онъ видѣлъ. Ошеломленный смотрѣлъ онъ, то на трупъ, то на сломанныя перила.

— Слѣдовало давно обновить ихъ,—подумалъ онъ, бессмысленно ощупывая обломки.

Затѣмъ, какъ-бы пробудившись отъ сна, онъ спустился по оврагу къ берегу. Тутъ онъ замѣтилъ сломанныя вѣтки и слѣды на влажной землѣ; въ немъ шевельнулось смутное подозрѣніе, которое исчезло съ надеждой, что можетъ-быть не поздно и что ее можно еще вернуть къ жизни.

По торчавшему пню, за который зацѣпилось платье, добрался онъ до тѣла и саблею притянулъ его къ берегу...

Она лежала на пескѣ, и вода стекала съ нея сотнею маленькихъ ручейковъ.

Саблей разрѣзалъ онъ кофту и оторвалъ ее отъ мокраго тѣла; тутъ онъ замѣтилъ кровь и, сорвавъ сорочку, увидѣлъ подъ лѣвой грудью тонкую, блестящую струйку.

Тогда онъ понялъ, что значилъ слышанный имъ выстрѣлъ.

Имъ овладѣло дикое желаніе мести: пойди,—зажги ихъ дома, убивай ихъ, и пусть они тебя убьютъ.

Мало-по-малу настроеніе его смягчилось, онъ опустился около трупа и судорожно зарыдалъ. Такъ лежалъ онъ долго, затѣмъ медленно поднялся, взвалилъ на плечи утопленницу и по слѣдамъ убійцъ понесъ ее по Кошачьей дорогѣ на островъ. Это была не легкая ноша, и онъ три раза падалъ на колѣни подъ ея тяжестью.

У кустовъ, окаймлявшихъ домъ садовника, онъ долженъ былъ опустить ее на землю; онъ боялся, что упадетъ въ обморокъ. Она лежала на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ нашелъ ее безжизненною и окровавленною послѣ похоронъ отца. Какъ и тогда, луна озаряла блѣдное лицо, но на этотъ разъ ей не суждено было больше очнуться.

— Такъ они все-таки тебя убили!—воскликнулъ онъ съ дикимъ смѣхомъ. По спинѣ у него пробѣжала острая боль. Ему казалось, что онъ сойдетъ съ ума, если эти большіе, пристальные, тусклые глаза будутъ продолжать на него смотрѣть.

Забота о покойницѣ привела его снова въ себя; онъ хотѣлъ передъ отъѣздомъ все устроить. Шранденцы, вѣдь, были въ состояніи бросить убитую гдѣ-нибудь въ лѣсу, чтобы скрыть передъ судомъ слѣды преступленія.

Единственный человѣкъ, которому можно было довѣриться,

не смотря на его проклятія и отлученія, былъ старый священникъ: онъ былъ не въ состояніи участвовать въ этихъ безобразіяхъ.

Болеславъ рѣшилъ немедленно разбудить его и привести сюда, чтобы имѣть свидѣтеля, въ случаѣ, еслибы онъ погибъ гдѣнибудь, на войнѣ.

Часы на башнѣ пробили одинадцать, когда онъ дошелъ до деревни. Передъ церковью караульные ходили взадъ и впередъ; все село спало крѣпкимъ сномъ.

Вдругъ въ одной изъ избъ, мимо которыхъ онъ шелъ, послышались громкіе крики, ругань и толкотню

Онъ посмотрѣлъ и увидѣлъ вывѣску столяра Гакельберга: зеленый гробъ, мрачно стоявшій на своихъ столбахъ.

Ему вспомнились причитанія пьяницы.

— Его желаніе исполнится,—подумалъ онъ,—ему прійдется сколотить гробъ своей дочери!

Съ горькимъ чувствомъ рѣшилъ онъ немедленно сообщить старику, если тотъ окажется въ сознательномъ состояніи, о позорной смерти его дочери и потребовать отъ него исполненія обѣщанія.

Онъ вошелъ въ темныя сѣни. Изъ комнаты, по правую сторону раздавался крикъ пьянаго, возбуждавшаго отвращеніе голоса. Къ этому примѣшивалось какое-то шипѣніе и скрежетъ пилы.

Онъ открылъ дверь. Старый столяръ въ изодранной одеждѣ, съ окровавленными руками и шеей, прыгалъ по комнатѣ, бѣдность и грязь которой ярко освѣщались луной. Казалось, что съ нимъ сдѣлалась пляска святого Вита. Всѣ его члены дрожали, ротъ былъ въ пѣнѣ. Глаза безумно блуждали, искаженныя черты лица судорожно подергивались. Въ правой рукѣ онъ держалъ большой рубанокъ, круглую ручку котораго онъ надѣлъ на кисть руки, напрасно силясь удержать его пляшущими пальцами. Онъ кидался, то на столъ, то на стѣны, то на груду опилокъ, валявшихся на полу, и всюду пробовалъ пройдтись инструментомъ.

Онъ столкнулся съ Болеславомъ, охваченнымъ ужаснымъ предчувствіемъ, и принялъ его, казалось, за свою дочь.

— Иди назадъ... убирайся съ Кошачьей дороги... сегодня здѣсь баронъ получитъ то, что ему предназначено, назадъ или... Онъ приложилъ стругъ къ щекѣ, какъ-бы прицѣливаясь, и затѣмъ сталъ опять продолжать работу на краѣ стола.

— Сейчасъ все будетъ готово, милый господинъ... ссс... ссс... еще пара досокъ... ссс... это будетъ красиво полировано... ссс... вотъ видишь, отчего ты не отошла!.. Твой отецъ стрѣлялъ, какъ въ тузъ... ссс... барону сегодня попадетъ въ ребра... ссс... Они для этого нарочно пришли сюда... ура! за всѣхъ!.. Ура за Меркеля! ссс... сойди съ дороги, скотина, за тобой

опять, навѣрное, французы идутъ? Если ты не сойдешь, то... Онъ снова прицѣлился въ Болеслава.

При дрожащимъ свѣтѣ луны, съ своими нетвердыми ногами, качающейся головой и трясущимися руками, онъ походилъ на страшный призракъ.

Потрясенный Болеславъ, прочитавшій ужасную истину въ фантазіяхъ бѣсновавшагося старика, не въ состояніи былъ больше переносить эту картину.

Онъ выбѣжалъ изъ дома и успокоился только тогда, когда деревня осталась далеко позади него и когда тѣни развалинъ скрыли его въ своихъ объятіяхъ.

XX.

Часы на деревенской церкви пробили полночь, когда Болеславъ дошелъ до мѣста, гдѣ его ожидало тѣло убитой.

Луна ушла дальше, дружеская тѣнь скрывала блѣдное лицо, но изъ мрака большіе и тусклые глаза все еще смотрѣли на него съ нѣмой мольбой и съ вопросомъ, на который отвѣта не было ни здѣсь, ни тамъ.

Онъ бросился на колѣни возлѣ нея, и ласково закрылъ ей вѣки.

Только теперь, когда Регина казалась спящей, онъ рѣшился вздохнуть, и къ нему вернулось горестное спокойствіе.

— Ты принадлежишь мнѣ, мнѣ одному,—сказалъ онъ,— ты нераздѣльно моя въ жизни и въ смерти.

Нѣтъ, нѣтъ! Она не сдѣлается добычей шранденскихъ волковъ. Онъ, для котораго она жила и умерла, самъ приготовитъ ей мѣсто послѣдняго успокоенія. Онъ скроетъ ее въ нѣдрахъ матери-сырой земли и прикроетъ травой, чтобы ни одна кощунственная рука никогда не потревожила этого святого мѣста.

Онъ поднялъ тѣло на руки и понесъ на лужайку, надъ которой высоко поднявшаяся луна разстилала свой бѣлый покровъ. Осколки старой статуи Діаны ярко свѣтились на сверкающей росой травѣ. Онъ опустилъ ее на землю и прислонилъ головою къ разбитому подножію. Лицо ея было обращено къ лунѣ, такъ что казалось, что она заснула сидя. Затѣмъ онъ сталъ искать мѣста для могилы.

Его взглядъ упалъ на черное, четыреугольное пятно, которое Регина выбрала для могилы его отца. Какъ живая стояла она передъ его глазами въ своей загорѣлой, дикой, могучей красотѣ. Онъ видѣлъ, какъ однимъ движеніемъ голой ноги она погружала заступъ въ землю. Если бы онъ тогда не помѣшалъ ея работѣ, то онъ былъ бы избавленъ сегодня

отъ своей. Услугу, которую она хотѣла когда то оказать его отцу, она должна была принять сама. Ничего не было легче, какъ расширить яму, которую она тогда начала рыть, не подозрѣвая, что роетъ свою собственную могилу!

Онъ принесъ изъ кухни, гдѣ горѣлъ еще ею разведенный огонь, заступъ и началъ изо всей силы рыть землю. Отъ времени до времени онъ останавливался и смотрѣлъ на нее. Она сидѣла, ярко освѣщенная луною, и, казалось, спокойно смотрѣла на его работу. Какъ-то надъ нею пробѣжала тѣнь отъ тучи, и она какъ будто зашевелилась и приподнялась. Мучительное желаніе не вѣрить совершившемуся, охватывающее всѣхъ въ присутствіи любимаго покойника, овладѣло и имъ. Онъ громко назвалъ ее по имени и бросился къ ней.

Рука ея безжизненно лежала на головѣ Діаны, бѣлѣвшей рядомъ съ нею на травѣ. Онъ не посмѣлъ коснуться ея и, закрывъ лицо руками, тихо вернулся къ своей работѣ.

Когда яма углубилась, онъ опустилъ въ нее лѣсенку и продолжалъ выгребать землю. Деревенскіе часы пробили два, когда онъ окончилъ свою печальную работу. Онъ не могъ положить ее въ гробъ, но чтобы ей не пришлось лежать на черной, сырой землѣ, онъ взялъ съ своей постели, приготовленной ею для него, простыню и двѣ подушки и глубоко въ землѣ постлалъ ей ложе. Насталъ часъ прощанія. Онъ донесъ ее на рукахъ до края могилы и сѣлъ отдохнуть на траву, положивъ ея голову себѣ на колѣни. Никогда еще онъ не имѣлъ возможности такъ разсмотрѣть ее, потому что онъ не смѣлъ подолгу на ней останавливать своего взора. Теперь онъ изучалъ каждую черту мертваго лица, ласкалъ ея блѣдныя щеки и выжималъ воду изъ ея тяжелыхъ кудрей. Холодная дрожь пробѣжала по его тѣлу. Онъ такъ долго держалъ на колѣняхъ покойницу, съ платья которой вода стекала ручьями, что его собственное платье пропиталось сыростью.

— Прощай! — сказалъ онъ, цѣлуя ее въ лобъ. Онъ нагнулся, чтобы поцѣловать ее въ губы, но испуганно отшатнулся...

Затѣмъ онъ положилъ ее на самый край могилы и соскочилъ на верхнюю ступеньку лѣсенки. Медленно и осторожно взялъ онъ ее на руки, спустился съ нею въ яму и положилъ на простыню, а голову поднялъ на мягкія подушки.

Онъ хотѣлъ еще разъ поцѣловать ее, но боялся сойдти съ лѣсенки, стоявшей надъ ея ногами. Онъ ласково погладилъ ея руки, которыя еще могъ достать съ своего мѣста; затѣмъ вылѣзъ изъ могилы и рукояткой заступа вытащилъ за собой лѣсенку.

Тутъ онъ вспомнилъ, что забылъ прикрыть ей лицо, чтобы земля его не запачкала.

— Цвѣты прикроютъ,—подумалъ онъ и пошелъ за ними.

Въ паркѣ росли цѣлыя кучи анемонъ и колокольчиковъ; тутъ-же цвѣли выросшія сами собой фіалки и бѣлыя буквицы.

Онъ сорвалъ все, что могъ найдти во тьмѣ. Анемоны и буквицы закрыли, засыпая, свои чашечки, только фіалки довѣрчиво глядѣли на него своими синими глазками.

Онъ вернулся къ могилѣ съ цѣлой охапкой цвѣтовъ, но когда онъ кинулъ взглядъ на нее, то въ восторгѣ отступилъ назадъ.

Картина была, дѣйствительно, волшебна... Поднявшаяся луна освѣщала край могилы и восточную стѣнку до самого дна. Мягкій свѣтъ ея осѣнилъ голову Регины, въ то время, какъ окровавленное тѣло покоилось во мракѣ. Блѣдное лицо улыбалось ему, какъ-бы во снѣ. Онъ бросилъ цвѣты, опустился на вырытую землю и сталъ смотрѣть на покойницу, произнося надъ нею безмолвную надгробную рѣчь. Мысли вертѣлись и толпились въ его мозгу, какъ во мракѣ блуждавшіе звѣри. Но мало-по-малу буря стала въ немъ утихать и умъ просвѣтляться.

Покрытая позоромъ и грѣхомъ прошла она черезъ міръ и никогда не раскаивалась; казалось, она даже была довольна сознаніемъ совершившагося.

Однажды, въ часы тяжелыхъ мукъ, онъ спрашивалъ себя: животная-ли тупость или демонская злоба дѣлала ея волю такой сильной, а совѣсть такой глухой... и не нашелъ отвѣта.

Теперь, когда было уже поздно, ему все стало ясно.

Нѣтъ, она не была животнымъ и не была демономъ: это былъ могучій и цѣльный человѣкъ. Такія цѣльныя натуры создаются самою природою и, развиваясь безъ помѣхи въ могучую силу, остаются вѣрны этой своей матери природѣ какъ въ дурномъ, такъ и въ хорошемъ. Ему казалось, будто туманъ, отдѣляющій человѣческое бытіе отъ сознанія, разсѣивается, и онъ проникаетъ взоромъ во мракъ безсознательнаго, глубже, чѣмъ вообще это возможно въ другое время. Добро и зло безпорядочно кружилось на поверхности, а въ глубинѣ, въ дремотномъ могуществѣ, покоилось естественное.

— Тому, кого природа богато одарила,—сказалъ онъ себѣ, она даетъ расти въ темной глубинѣ и позволяетъ дерзко тянуться прямо къ свѣту, не смущаясь и не коверкаясь въ туманѣ житейской мудрости и людскихъ заблужденій.

Это отверженное, обезчещенное существо было такимъ цѣльнымъ, богато-одареннымъ человѣкомъ.

— Заслужилъ-ли я эту жертву, я, ради котораго она жила

и умерла?—продолжалъ онъ себя спрашивать.—Былъ-ли я достоинъ той вѣры, съ которой она на меня смотрѣла?

Онъ подвергъ себя строгому суду и приговоръ былъ не въ его пользу.

— Я, конечно, принадлежу къ тѣмъ, которые всю жизнь колеблются между добромъ и зломъ и не могутъ найдти дороги въ туманѣ. То, чего отъ насъ требуетъ природа, кажется намъ грязью и грѣхомъ, а то, чего требуютъ человѣческія постановленія, кажется намъ безцвѣтнымъ и безвкуснымъ. Мы жаждемъ чуждаго намъ благословенія, въ которое не вѣримъ, и дрожимъ отъ чуждаго намъ проклятія, надъ которымъ смѣемся. Когда-то мнѣ казалось позоромъ похоронить отца на этомъ мѣстѣ; теперь я-бы считалъ себя счастливымъ, еслибы это сдѣлалъ тогда. До сихъ поръ я напрягалъ всѣ силы, чтобы удержать отцовское наслѣдство; теперь-же я буду радъ отряхнуть его прахъ отъ своихъ ногъ. Я считалъ французовъ дикими звѣрями, а теперь вижу, что мой собственный родъ задушилъ въ нихъ все человѣческое. Эта женщина казалась мнѣ такой грязной, что мнѣ было противно принять кусокъ хлѣба изъ ея рукъ, а теперь я плачу надъ ея могилой.

Затѣмъ онъ снова спросилъ себя, принадлежитъ-ли ему вполнѣ это тѣло, которымъ онъ такъ свободно распоряжается?.. Имѣетъ-ли онъ право рѣшать свою собственную судьбу? А если его требуетъ отечество?

— Какъ хорошо, что въ этомъ хаосѣ, гдѣ добро и зло, правда и неправда, честь и позоръ такъ тѣсно переплелись между собой, есть еще центръ, вокругъ котораго все это снова приходитъ въ порядокъ; скала, за которую мы можемъ схватиться, утопая, и разбиться о которую есть еще наслажденіе—отечество!

Такъ говорилъ, скрестивъ руки на груди, сынъ предателя отечества.

Тѣмъ временемъ лунный свѣтъ соскользнулъ со стѣны могилы. Мертвое лицо лежало теперь во мракѣ. Оно едва отдѣлялось отъ окружавшей его земли.

— Пора,—сказалъ онъ, оглядываясь.

На востокѣ загорѣлась узкая полоса разсвѣта, голубоватый сумракъ царилъ въ воздухѣ, а въ вѣтвяхъ деревьевъ послышалось сонное щебетаніе просыпавшихся птицъ.

Онъ хотѣлъ бросить цвѣты въ могилу, но остановился, нахмурился и отбросилъ ихъ въ сторону.

— Къ чему эти нѣжности?—выбранилъ онъ себя;—прахъ не долженъ бояться праха.

Онъ схватилъ лопату и, зажмуривъ глаза, сталъ бросать землю на любимое тѣло.

Черезъ четверть часа могила была засыпана, онъ заботливо уда-

лилъ лишнюю землю и разбросанные цвѣты и, когда солнце взошло, то оно тщетно искало-бы мѣста, гдѣ покоилось тѣло Регины.

Надо было найти камень, чтобы отмѣтить священное мѣсто. Взглядъ Болеслава упалъ на голову разбитой статуи, улыбавшейся ему своими пустыми глазами. Онъ взялъ ее и положилъ на дернъ надъ могилой.

— Пусть цѣломудренная Діана будетъ ей памятникомъ,— сказалъ онъ.—Она ея достойна.

Затѣмъ онъ бросился на траву и задремалъ.

Въ шестомъ часу утра онъ вскочилъ и сталъ готовиться къ отъѣзду.

— Они были-бы дураки,—сказалъ онъ себѣ,—если-бы теперь не убили меня.

Онъ зарядилъ свои пистолеты и высвободилъ саблю; онъ дорого продастъ свою жизнь.

Но, перейдя подъемный мостъ, онъ увидѣлъ передъ собой дружескія лица. Это были сыновья долинъ, которые, на пути къ назначенному мѣсту сборища, остановились въ Шранденѣ.

Они столпились вокругъ него и протянули ему руки.

— Мы пришли встать подъ твое начальство,—обратился къ нему Карлъ Энгельбертъ. Мы хотимъ загладить свою вину передъ тобою.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ,— все прощено и забыто.

Затѣмъ онъ подошелъ къ шранденскимъ ополченцамъ, стоявшимъ у церковной паперти; они были блѣдны и растеряны, какъ грѣшники передъ страшнымъ судомъ.

Друзья со страхомъ указывали другъ другу на его окровавленное платье, но никто не рѣшился спросить у него объясненія.

— Приведите заключеннаго,—приказалъ онъ,—и достаньте телѣгу.

Феликса Меркеля привели. Онъ не удостоилъ его и взгляда.

Когда солдаты простились со своими и все было готово къ отъѣзду, старый священникъ выдѣлился изъ окружавшей толпы.

Лицо его было разстроено, руки тряслись. Онъ подошелъ къ Болеславу и тихо сказалъ:

— Я только что узналъ, что Регина умерла сегодня ночью... готовъ отдать ей христіанскій долгъ.

— Благодарю васъ, ваше преподобіе, я ее похоронилъ по язычески,—возразилъ Болеславъ и повернулся къ нему спиной.

Одинъ изъ шранденцовъ, желая угодить, подвелъ къ нему съ низкопоклонной улыбкой пойманнаго имъ коня Болеслава

Онъ вскочилъ въ сѣдло и обнажилъ саблю.

Отрядъ вышелъ изъ деревни по направленію къ лѣсу.

Онъ ни разу не оглянулся.

О дальнѣйшей судьбѣ Болеслава почти ничего неизвѣстно.

Въ виду происшедшаго бунта, начальство нашло болѣе удобнымъ перевести его въ прежній полкъ.

Въ то время, какъ ландверъ восточной Пруссіи стоялъ еще въ старой провинціи, онъ, ко всеобщей зависти, получилъ позволеніе немедленно отправиться на театръ войны.

Говорятъ, онъ палъ при Линьи.

А. К.

На родномъ рубежѣ.

Едва вступилъ я въ свѣжій мракъ долины,
Гдѣ темный боръ въ затишьи полдня спалъ,
Встревожились могучія вершины—
По соснамъ шумъ невнятный пробѣжалъ.
И былъ-ли то отчизны зовъ привѣтный,
Укоръ ли въ чемъ, иль только вѣтра стонъ,
Меня восторгъ наполнилъ беззавѣтный,
Далекихъ лѣтъ возсталъ прекрасный сонъ.
И все, чѣмъ грудь въ разлукѣ наболѣла,
Волна надеждъ, проклятій, жалобъ, слезъ,
Все, что навѣкъ, казалось, догорѣло
И, какъ струна, въ тиши оборвалось,—
Въ нѣмой душѣ все зазвучало снова:
Къ корнямъ стволовъ гигантовъ я припалъ
И, не таясь отъ полдня голубого,
Сѣдой ихъ мохъ со страстью цѣловалъ.
— Привѣтъ тебѣ, о лѣсъ широкошумный,
Привѣтъ тебѣ, рубежъ полей родныхъ!
Свершился сонъ несбыточно-безумный:
Отчизна-мать, я вновь у ногъ твоихъ!
Возьми-жъ меня всего, со всею кровью,
Всѣмъ пыломъ думъ и волею моей!
Пока дышу, клянусь я пѣть съ любовью
Твою лишь скорбь и скорбь твоихъ друзей.
Томясь вдали, въ краю чужомъ, угрюмомъ,
Въ любви къ тебѣ мой стихъ я закалялъ...
И лѣсъ, въ отвѣтъ, съ печально-кроткимъ шумомъ
Мой путь дождемъ колючимъ осыпалъ.

П. Я.

Еще изъ міра отверженныхъ.

IV.

По новому.

Свистокъ надзирателя прервалъ мой сонъ на самомъ интересномъ мѣстѣ. Мнѣ снилось, что я еще гимназистъ, юноша лѣтъ четырнадцати, что въ шумномъ классѣ я сижу одинокій и нелюбимый товарищами. Всѣ глядятъ на меня съ насмѣшкой и явнымъ пренебреженіемъ, хотя причина этой насмѣшливости ускользаетъ отъ моего сознанія. Мнѣ горько, мнѣ безконечно обидно несправедливое отношеніе ко мнѣ товарищей, но я бы всѣмъ пренебрегъ, все бы вынесъ, еслибы за-одно съ ними не былъ и тотъ, въ кого я влюбленъ со всѣмъ пыломъ первой юности, кого считаю недосягаемымъ для себя образцомъ, идеаломъ ума, геройства и талантливости. Но кто собственно этотъ любимый товарищъ? Въ этомъ я не могу дать себѣ отчета: въ его лицѣ есть и черты давно мной забытыя, черты какого-то, дѣйствительно, существовавшаго у меня гимназическаго друга, и черты совсѣмъ новыя, мучительно мнѣ знакомыя. Вотъ профиль строгаго, блѣднаго лица съ насупленными черными бровями... О, почему онъ не хочетъ глядѣть на меня, зачѣмъ отворачивается? Неужели и онъ такъ же ошибочно понимаетъ меня, какъ всѣ, не знаетъ того, что я одинъ разгадалъ его душу, одинъ могу искренно и пламенно любить ее? Подъ вліяніемъ моего пристальнаго, влюбленнаго взгляда юноша вдругъ поворачивается ко мнѣ... Я жду встрѣтить сердитые темные глаза, прочесть гнѣвъ на этомъ строгомъ лицѣ, и вмѣсто того—о, Боже! вижу лицо его все залитымъ слезами... Добрые, любящіе глаза глядятъ съ трогательной мольбою, дрожащія руки протягиваются ко мнѣ...

— Дмитрій!—вскрикиваю я, бросаясь въ его объятія и сразу вспоминая имя.

Но онъ уклоняется, онъ прикладываетъ палецъ къ губамъ, умоляя о молчаніи... Намъ обоимъ грозитъ какая-то страшная бѣда, одинъ звукъ можетъ погубить насъ обоихъ... И я сразу вспоминаю, что мы въ каторжной тюрьмѣ, оба несчастные, всѣми покинутые... Кругомъ ночной мракъ и какая-то высокая каменная стѣна, за ко-

торой живетъ Елена и откуда мы должны похитить ее, чтобы вмѣстѣ бѣжать... Мы тихо крадемся, держась за руки и ежеминутно вздрагивая... И вдругъ яростный смѣхъ раздается сзади, стукъ ключей, бряцанье ружей—все погибло! Мы открыты, узнаны, и некуда дѣться! Я узнаю сердитые голоса Лучезарова, надзирателей, Юхорева...

— Въ карцеръ отвести ихъ! Наручни подать!

И въ ужасѣ я просыпаюсь.

— Вставай на повѣрку, вставай!

Со свисткомъ проходитъ по корридору надзиратель... Я схватываюсь за голову, силясь что то вспомнить—не то очень дурное, не то очень хорошее.

— Да, я вѣдь не одинокъ больше среди этого ужаса! Со мной товарищи...

О, какъ я счастливъ! Какая бодрящая сила разливается внезапно по всѣмъ жиламъ! Прочь сомнѣніе и отчаяніе! Теперь есть у меня цѣль въ жизни, и эта цѣль—облегчить страданія дорогихъ мнѣ людей, только что начинающихъ тяжелое каторжное поприще, людей непривычныхъ, слабыхъ, незакаленныхъ въ испытаніяхъ.

— Дмитрій Петровичъ!— окликаю я Штейнгарта: —вы тоже проснулись уже?

Дмитрій сидитъ на своей постели и нервно, торопливо одѣвается. Но отвѣтить мнѣ онъ не торопится и не то сердито, не то сконфуженно отворачивается въ сторону.

— Куда вы такъ спѣшите?

— А какъ-же... сейчасъ повѣрка.

— Утромъ повѣрка дѣлается въ корридорѣ. Это облегченіе давно уже завоевано... Послѣ свистка двери камеръ отворятъ только черезъ двадцать минутъ. Тогда и успѣемъ накинуть халаты; а затѣмъ, въ виду того, что сегодня нерабочій день, можно будетъ и еще часика полтора соснуть. Ну, какъ вы провели ночь? Что во снѣ видѣли?

— Спалъ плоховато и всевозможную чепуху видѣлъ: Лучезаровъ, будто-бы, учитель латинскаго языка въ нашей гимназіи и поставилъ мнѣ единицу!

— Да, онъ теперь частенько будетъ вамъ сниться.

Послѣ повѣрки мы, однако, не уснули больше и, поваляввшись немного въ постеляхъ, отправились въ камеру Башурова провѣдать, какъ онъ живъ и здоровъ. Мы столкнулись съ нимъ въ корридорѣ—онъ въ свою очередь шелъ навѣстить насъ. Прогуливаясь по корридору, мы стали дѣлиться ночными впечатлѣніями. Валерьянъ жаловался на убійственную атмосферу въ ихъ камерѣ, на процедуру повѣрокъ, на общую тягостность тюремнаго режима, но за то былъ въ большомъ восторгѣ отъ арестантовъ, отъ состава своей камеры.

— Я представлялъ ихъ себѣ гораздо хуже, судя по дорожнымъ

впечатлѣніямъ,—говорилъ онъ:—но тамъ, въ пути, условія жизни до того ненормальны, что собственно и спрашивать многаго съ людей нельзя. Всѣ тамъ чужды другъ другу, сегодня идутъ вмѣстѣ, а завтра пойдутъ розно; трудно даже характеръ человѣка настоящимъ образомъ узнать. Ну, а здѣсь другое дѣло. Люди живутъ вмѣстѣ годами и поневолѣ сдружаются.

— Ну, особенной-то дружбы вы и здѣсь, пожалуй, не увидите,—замѣтилъ я расхолаживающимъ тономъ.—Но кто же больше всего понравился вамъ изъ сожителей?

— Прежде всего, какъ юмористическій элементъ, Карпушка Липатовъ.

— Совѣтую только не поощрять особенно его болтовни, а то онъ сядетъ вамъ на шею, и вы потомъ не отвяжетесь отъ него.

— Ахъ, какой-же вы, право, Иванъ Николаевичъ... Развѣ можно съ людьми не по человѣчески обращаться? Я ужъ и вчера замѣтилъ, что вы съ нимъ очень сурово... Онъ милый, этотъ Карпушка... Представь, Дмитрій, изъ-за чего онъ вчера со всей камерой поссорился. Я просилъ отворить форточку, и староста отворилъ, а онъ всталъ посерединѣ камеры въ позу и протестуетъ: «это вы всѣ, мужичій родъ, въ конюшняхъ воспитывались, такъ вамъ и нуженъ чистый воздухъ, а во мнѣ дворяньская кровь течетъ, мнѣ чистаго воздуху не надо». И такъ потѣшно выговариваетъ онъ эти слова: «дворяньскій», «Двиньскъ» (мѣсто его родины) и проч. Смѣху сколько было надъ нимъ! Въ концѣ концовъ сталъ просить у меня сахару и табаку, но тутъ Юхоревъ (вотъ властный человѣкъ этотъ Юхоревъ!) какъ подымется съ наръ да прикрикнетъ на него... И мой Карпушка въ уголъ тотчасъ-же, въ уголъ на свое мѣсто! Вообще вся камера произвела на меня отрадное впечатлѣніе этой замѣтной выдержкой въ обращеніи, солидностью, разумностью. Просто забываешь, что имѣешь дѣло съ каторгой, а не съ обыкновеннымъ русскимъ народомъ. И какая жажда къ ученью, къ знанію! Представьте, у меня вчера же составилась цѣлая школа, чуть не полъ-камеры учениковъ набралось! Интересно, какъ вы глядите, Иванъ Николаевичъ, на этихъ людей? Мнѣ кажется, теорія Ломброзо возмутительно, въ сущности, бездушная теорія! На самомъ дѣлѣ большинство, нашихъ по крайней мѣрѣ, преступниковъ точь въ точь такіе же, какъ и всѣ русскіе люди, и только случайное какое-нибудь стеченіе обстоятельствъ толкаетъ ихъ на путь преступленія.

— Не торопитесь, во всякомъ случаѣ, Валерьянъ Михайловичъ, съ обобщеніями. Я живу здѣсь вотъ уже два съ половиной года, а ей-Богу же и до сихъ поръ не знаю, что сказать и что думать на этотъ счетъ. Наука, конечно, рѣшитъ когда-нибудь этотъ вопросъ, но пока можно только собирать факты для будущихъ точныхъ выводовъ.

— Я знаю, что мы съ вами не ученый диспутъ ведемъ, но все

же вѣдь очень важны первыя впечатлѣнія. Напр., хотя-бы взять Юхорева. Теперь онъ считается каторжнымъ, бывшимъ разбойникомъ, а разберите-ка суть дѣла, скажите: при другихъ условіяхъ, въ другой странѣ, развѣ онъ не могъ-бы быть вожакомъ какой-нибудь гарибальдійской банды, борющейся за возвышенный принципъ? У него даже и внѣшность-то скорѣе общественнаго протестанта, чѣмъ уголовнаго преступника!

— Внѣшность у него, правда, очень представительная, но все-таки трудно сказать, что было-бы, если бы было... Пока онъ разбойникъ и ничего больше.

— Не совсѣмъ. Вы развѣ не знаете, за что онъ попалъ въ каторгу съ олекминскихъ пріисковъ? Онъ былъ тамъ спиртоносомъ. Конечно, не Богъ знаетъ какое это возвышенное занятіе, но все же и не ужасное какое-нибудь. Казаки хотѣли отнять у него съ товарищами золото, онъ оказалъ смѣлое вооруженное сопротивленіе, никого, впрочемъ, при этомъ не убивъ.

— Такъ. А изъ Россіи онъ за что попалъ въ Якутскую область?

— Его вѣдь общество сослало въ Сибирь, и, если вѣрить его собственному разсказу,—а онъ, кажется, не враль,—общество это состояло изъ порядочныхъ скотовъ. Онъ-же защищалъ интересы бѣдноты. Во всякомъ случаѣ человѣкъ это несомнѣнно замѣчательный. Представь себѣ, Дмитрій, безграмотный въ сущности мужикъ, не больше, а знаетъ наизусть огромную защитительную рѣчь, которую написалъ ему одинъ якутскій-же ссыльный. Юхоревъ долженъ былъ произнести ее на судѣ, но ему не позволили. Рѣчь, дѣйствительно, недурная и очень смѣлая. И какъ энергично, какъ выразительно произноситъ ее этотъ разбойникъ, какъ называетъ его Иванъ Николаевичъ!

Я вспомнилъ, что Юхоревъ и мнѣ собирался нѣсколько разъ прочесть эту рѣчь, но все не выходило подходящаго случая.

— Валерьянъ!..—послышался вдругъ съ другого конца корридора громкій возгласъ легкаго на поминѣ Юхорева:—чаевать ступайте, все готово!

— Сейчасъ, сейчасъ,—откликнулся нѣсколько сконфуженно Башуровъ и поспѣшилъ въ свою камеру.

Штейнгартъ замѣтилъ, что я немного поморщился.

— Вы, повидимому, не долюбливаете этого Юхорева?—спросилъ онъ меня.

— Нисколько. Онъ, безспорно, выдающійся человѣкъ среди шелаевскихъ каторжныхъ, и хоть лично я почти не знаю его, но часто просто любуюсь его энергіей, внѣшностью! Я только посовѣтовалъ-бы вамъ, Дмитрій Петровичъ, такъ какъ вы болѣе близки съ Валерьяномъ Михайловичемъ, посдержать нѣсколько его пылъ и во всякомъ случаѣ порекомендовать ему не допускать большой фамильярности ни съ Юхоревымъ, ни съ кѣмъ другимъ изъ арестантовъ.

— Ну, знаете, трудненько это будетъ сдѣлать. У Валерьяна вообще есть этотъ недостатокъ: то безъ причины завязывать съ людьми слишкомъ дружескія, почти интимныя отношенія, то вдругъ, безъ видимой-же причины, отталкивать ихъ отъ себя. Конечно, не отъ дурного чего нибудь это происходитъ у него, а такъ—отъ молодого легкомыслія... И, кромѣ того, онъ очень самонадѣянъ и самомнителенъ. Вотъ онъ уже прочелъ вамъ сегодня легкую нотацію насчетъ вашего якобы жесткаго отношенія къ людямъ и, вѣроятно, искренно думаетъ про себя, что самъ онъ не таковъ, что онъ способенъ всѣхъ этихъ людей безъ исключенія по-братски любить, прощая имъ всѣ ихъ недостатки. А о томъ онъ и не подумаетъ, что вы уже прожили здѣсь безъ насъ цѣлые годы, и мы застали васъ любимымъ и уважаемымъ всей тюрьмою; мы-же только начинаемъ свое поприще, и кто еще знаетъ, что мы сдѣлаемъ, какъ уживемся съ этимъ народомъ? Къ счастью для Валерьяна, восьмилѣтній срокъ его не такъ великъ; за всѣми скидками и проведеннымъ въ дорогѣ временемъ ему осталось пробыть въ каторгѣ...

— Три года семь мѣсяцевъ,—подсказалъ я:—тоже не маленькій кусочекъ! И его надо сумѣть проглотить.

Послѣ этого мы отправились въ свою камеру тоже пить чай. Было воскресенье, и арестанты весь день то занимались безпробуднымъ спаньемъ, то принимались по двадцати разъ за чаепитіе. Мѣстами перекидывались въ картишки, мѣстами велись вялые разговоры на давно истощенныя темы. Темы нашихъ разговоровъ были неисчерпаемы. Не успѣвъ досыта наговориться объ одномъ предметѣ, мы уже бросались къ другому, третьему и такъ далѣе, до безконечности. Мнѣ приходилось, впрочемъ, въ началѣ больше слушать, такъ какъ, проживъ столько времени вдали отъ живого міра, я сгоралъ нетерпѣніемъ узнать, что произошло въ этомъ мірѣ за годы моего отсутствія. Но едва только удовлетворена было въ общихъ чертахъ моя любознательность, какъ расказчиками овладѣло тоже вполнѣ законное и понятное любопытство относительно подробностей ожидающей ихъ въ Шелайскомъ рудникѣ жизни, и я въ свою очередь изъ слушателя превратился въ разсказчика. Взявшись втроемъ подъ руки и прогуливаясь по корридорамъ тюрьмы, мы весь день провели такимъ образомъ въ самой оживленной бесѣдѣ. Я предложилъ, между прочимъ, товарищамъ вопросъ объ ихъ денежныхъ средствахъ. Оказалось, что и Штейнгартъ, и Башуровъ разсчитывали получать отъ родственниковъ по двадцати рублей ежемѣсячно.

— Это превосходно!—воскликнулъ я въ неподдѣльномъ восторгѣ,—почти столько-же получаю и я... Но, пока я былъ здѣсь одинъ, эти деньги были мнѣ почти ни къ чему, такъ какъ помогать всей тюрьмѣ на такую ничтожную сумму невозможно, а пользоваться ими одному тяжело и непріятно. Теперь, если вы согласитесь, мы устроимъ дѣло такъ, что вся тюрьма будетъ жить въ матеріальномъ отношеніи сносно.

— Развѣ мыслимо при бюджетѣ въ 60 рублей?

— А вотъ вамъ разсчетъ, судите сами. Тюремное населеніе не превышаетъ обыкновенно 120 человѣкъ и въ рѣдкихъ только случаяхъ достигаетъ 150 и больше. Прежде всего арестанты страдаютъ отъ отсутствія табаку. Полтора фунта махорки въ недѣлю совершенно достаточно будетъ для одной камеры, въ качествѣ прибавки къ тому табаку, который арестанты могутъ выписать сами. Считая десять камеръ, мы должны будемъ покупать полтора пуда махорки каждый мѣсяцъ.

— А сколько стоитъ махорка?

— Сорокъ копѣекъ фунтъ. Значитъ, полтора пуда стоютъ двадцать четыре рубля... Это самая крупная статья расхода. Если затѣмъ въ постные дни прибавлять въ котелъ по одному пуду мяса, то баланда, навѣрное, получится великолѣпная. Баранина стоитъ здѣсь 2 р. пудъ. Слѣдовательно, улучшеніе пищи въ постные дни обойдется намъ въ мѣсяцъ (восемь постныхъ дней) въ шестнадцать рублей.

— Такъ мало?

— И значитъ, у насъ останется еще около 20 рублей, на которые мы можемъ имѣть байховый чай, сахаръ и табакъ для себя и дѣлать хоть изрѣдка, въ праздничные дни, прямо роскошные обѣды для всей тюрьмы, прибавляя, напр., по полупуду мяса къ казенному пайку.

— Но позвольте! Что скажетъ на все это Лучезаровъ?

— Ничего. Онъ самъ неоднократно заявлялъ публично, что улучшенія общаго котла закономъ разрѣшаются. Бѣда была только въ томъ, что господа арестанты держатся на этотъ счетъ своего особаго мнѣнія: коммунальными теоріями ихъ не соблазнить и самъ законъ, и ни одного такого благодѣтеля тюрьмы до сихъ поръ не отыскивалось. А богатые люди есть вѣдь и среди нихъ...

— Итакъ, Иванъ Николаевичъ, наша многолюдная артель единогласно избираетъ васъ своимъ старостой. Вы такъ отлично всѣ эти дѣла знаете. Да и съ Шестиглазымъ у васъ установились уже опредѣленныя отношенія.

Я, не споря, принялъ бразды правленія, переговорилъ немедленно съ экономомъ и заказалъ ему табакъ и мясо для ближайшаго постнаго дня. Услыхавъ о нашемъ желаніи кормить на свои деньги всю тюрьму, толстый экономъ хихикнулъ, очевидно, считая меня съ новыми товарищами отчаянными олухами, но противорѣчить ни въ чемъ не сталъ и на другой-же день доставилъ мнѣ пятнадцать фунтовъ махорки.

— Нацальникъ говоритъ,—заявилъ онъ при этомъ, широко улыбаясь,—что никому бъ кромѣ васъ не позволилъ въ тюльмѣ майданъ устлаивать.

— Какъ это майданъ? Развѣ я торговать собираюсь?

— Хи-хи-хи! а все-жъ тепель я майданщикомъ васъ звать буду.

Я обошелъ всѣ камеры и роздалъ старостамъ для дѣлежки по полтора фунта махорки на каждый номеръ. Староста, принимая табакъ, не выразилъ ни большого удивленія, ни особеннаго любопытства. Вернувшись послѣ того на свое мѣсто, я не могъ не наблюдать за тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвело на каждаго изъ сожителей—необычное въ тюремной жизни явленіе. Старичекъ Шемелинъ, нашъ камерный староста, вытеръ тщательно столъ и принялся раскладывать табакъ на шестнадцать кучекъ, точь въ точь такъ же, какъ онъ дѣлалъ это ежедневно съ мясомъ. Я посиѣшилъ шепнуть ему, чтобъ меня съ Штейнгартомъ онъ въ разсчетъ не принималъ. Шемелинъ почтительно выслушалъ и ничего не возразилъ. Двѣ кучки моментально исчезли со стола и ровными щепоточками распредѣлились между остальными четырнадцатью. Затѣмъ старикъ все съ той же дѣловитостью и тщательностью смахнулъ рукой въ какую-то бумажку свою кучку (хотя мнѣ отлично было извѣстно, что онъ не курилъ) и ушелъ съ нею на свое мѣсто, сообщивъ громко камерѣ:

— Разбирайте, ребята!

Но ребята не торопились, и никто изъ присутствовавшихъ даже не пошевельнулся при этомъ возгласѣ, точно и не слышавъ его,—каждый съ достоинствомъ продолжалъ заниматься своимъ дѣломъ. Только тѣ изъ арестантовъ, которые ничего не знали и входили въ камеру прямо со двора, увидѣвъ табакъ, удивленно спрашивали:

— Это что за табакъ?

— Берите по кучкѣ,—коротко отвѣчалъ Шемелинъ, и удивительно, что этого отвѣта оказывалось вполнѣ достаточно, такъ что лишь очень рѣдкіе, менѣе всѣхъ дальновидные, еще послѣ того спрашивали:

— А откуда онъ? Чей?

Большинство принимало этотъ даръ безмолвно, почти равнодушно, словно что-то давно извѣстное, должное и вполнѣ законное. Нѣкоторыя кучки лежали, впрочемъ, до поздняго вечера, и я уже думалъ было, что хозяева этихъ кучекъ и не возьмутъ ихъ, изъ чувства ли гордости, потому-ли, что сами имѣютъ средства и стѣсняются брать наравнѣ съ бѣдняками. Но я напрасно самообольщался: въ концѣ концовъ со стола исчезли рѣшительно всѣ кучки; взяли свою долю и тѣ, которые не курили, и тѣ, которые свободно могли-бы пожертвовать ее въ пользу товарищей *). То же самое происходило и въ другихъ камерахъ. Возможно, конечно, что нѣкоторыми изъ арестантовъ руководило при этомъ опасеніе своимъ отказомъ обидѣть меня съ товарищами.

---

*) Впрочемъ, впослѣдствіи, когда матерьяльное положеніе тюрьмы стало еще стѣсненнѣе, подобное соглашеніе между арестантами установилось само собою, и камерные старосты начали дѣлить нашу махорку только по числу курящихъ. *Прим. авт.*

Въ ближайшій постный день, когда, вмѣсто тошнотворной кашицы съ иллюзіей сала, на столѣ появилась прекрасная баланда съ мясомъ, невольное любопытство опять заставляло насъ съ Штейнгартомъ наблюдать за кобылкой: какъ она отнесется къ этому? что будетъ говорить? Но и тутъ очень долгое время я видѣлъ одно только холодное молчаніе и наружно-небрежное равнодушіе. Многіе, впрочемъ, вполнѣ, повидимому, искренно и не замѣчали даже, что вмѣсто постной пищи ѣдятъ скоромную. Разговоры шли, вѣроятно, въ кухнѣ за нашей спиной, но мы ихъ не слышали и содержанія ихъ не знали. Только гораздо позднѣе стали прорываться вслухъ отдѣльные благодарственные отзывы и то больше со стороны благочестивыхъ и благонамѣренныхъ старичковъ, вродѣ нашего-же Шемелина:

— Кабы не добрые люди, замерли-бы въ этой тюрьмѣ! Безъ табаку, безъ мяса насидѣлись бы... Дай имъ Богъ добраго здоровья благодѣтелямъ нашимъ.

Степень этихъ «благодѣяній» даже раздувалась и преувеличивалась: казывались порой головокружительныя суммы, которыя мы, будто-бы, тратили на тюрьму. Но Иваны и всѣ тѣ, которые считали себя настоящими, профессіональными каторжными, держались въ этомъ отношеніи гордо и независимо, встрѣчая громогласныя похвалы намъ старичковъ если и не презрѣніемъ (табакъ они все же брали, скоромную баланду въ постные дни ѣли), то показнымъ равнодушіемъ. Лишь во время ссоръ между собою, когда терялось всякое самообладаніе, и такіе люди высказывались вслухъ въ томъ-же духѣ и смыслѣ.

— Ты что видалъ-то на свѣтѣ, мараказъ проклятый?—кричалъ верзила Петинъ на маленькаго Лунькова:—ты развѣ въ настоящихъ-то тюрьмахъ жилъ? Въ другомъ развѣ мѣстѣ стали бъ тебя даровымъ табакомъ потчивать, аль мясомъ, какъ борова, откармливать?

— А тебя, небось, стали бъ?

— Сравнялъ меня съ собою, оселъ! Развѣ ты можешь вниманіе отъ такихъ людей заслужить? Нешто въ башкѣ твоеи порожней найдется столько мозгу, сколько у Ивана Николаича аль у Дмитрія Петровича въ одномъ мизинцѣ ноги есть?

Любопытно, конечно, было знать, какъ объясняли себѣ арестанты матеріальную помощь, которую мы имъ оказывали, какіе мотивы предполагали въ нашихъ поступкахъ? Дальнѣйшія событія, которымъ посвящены будущія главы моего описанія, обнаружили, что многіе допускали даже какіе-то эгоистическіе разсчеты съ нашей стороны, думали, что, принимая наши подачки, они этимъ въ свою очередь оказываютъ намъ нѣкоторое благодѣяніе... Крайне удивилъ меня по этому поводу одинъ неглупый въ общемъ арестантъ, послѣ нѣсколькихъ постныхъ дней, случайно прошедшихъ безъ всякихъ улучшеній пищи, спросившій меня:

— А что, Иванъ Николаевичъ, развѣ вся ужъ марка-то у васъ вышла?

— Какая марка?—спросилъ я съ удивленіемъ.

— Да та, по которой *полагается вамъ* мясо и табакъ намъ покупать?

Арестантъ нѣсколько замялся, видя мое удивленное лицо, и я такъ и не понялъ, что онъ разумѣлъ подъ своей маркой.

Новичкамъ предоставлено было Шестиглазымъ нѣсколько дней отдыха, а затѣмъ и ихъ также, какъ меня, назначили въ гору. Вашуровъ и Штейнгартъ, какъ и я нѣкогда, сильно волновались, идя въ рудникъ, пугаясь его и въ то же время нетерпѣливо желая познакомиться съ нимъ. Какъ только мы явились въ свѣтличку, я повелъ ихъ, въ ожиданіи раскомандировки, въ штольню. Съ шумомъ и криками они побѣжали въ темный корридоръ, оставивъ меня позади съ фонаремъ.

Вообще я замѣчалъ нѣкоторую разницу между теперешнимъ настроеніемъ товарищей и тѣмъ, что когда то переживалъ и испытывалъ самъ. Помню, я чувствовалъ себя въ первое время точно затравленнымъ звѣремъ, ежеминутно и отовсюду ожидая обиды, оскорбленій, пугливо и подозрительно глядя на каждаго надзирателя, точно на своего естественнаго врага, и эта подозрительность не совсѣмъ исчезла во мнѣ еще и теперь; и теперь еще я считалъ за лучшее возможно меньше разговаривать и возможно меньше имѣть дѣла со всякимъ, кто представлялъ собой малѣйшее подобіе начальства въ моихъ глазахъ. Исключеніемъ не былъ даже Пѣтушковъ, который самъ напрашивался на пріятельство. Новички, подобно мнѣ, въ первыя минуты пребыванія въ Шелайской тюрьмѣ имѣли подавленный и запуганный видъ, но это длилось недолго: благодаря-ли природному болѣе жизнерадостному характеру (особенно Валерьяна), или же тому обстоятельству, что они явились не въ качествѣ піонеровъ и во всемъ встрѣчали уже подготовленную почву,—только въ настоящую минуту они держались такъ, будто прожили въ Шелайскомъ рудникѣ цѣлые годы, были развязны, непринужденны, говорили свободно и громко не только съ арестантами, но и съ надзирателями, которые, въ свою очередь, запуганные моимъ сдержаннымъ обращеніемъ, отвѣчали имъ охотно, съ видимой даже радостью. Точно какія-то мрачныя чары разсѣялись, долго державшійся ледъ растаялъ и прорвался въ окружающей атмосферѣ... Не скрою: я ловилъ себя въ эти первые дни даже на тайномъ недовольствѣ новичками... Мнѣ все казалось, что вотъ-вотъ послѣдуетъ что-нибудь очень дурное за ихъ нетактичнымъ, какъ мнѣ казалось, черезчуръ свободнымъ поведеніемъ, и я пугливо косился по сторонамъ, точно дикая кошка, выведшая своихъ дѣтенышей изъ логовища на вольный свѣтъ и все оглядывающаяся, не грозитъ-ли имъ какая-либо опасность. Но опасности не грозило никакой, и моя одича-

лая и обледенѣлая душа тоже мало-по-малу оттаявала и расправляла утомленныя крылья...

Едва забрались мы въ глубину штольни и бѣгло осмотрѣли ее, какъ Башуровъ, не раздумывая долго, запѣлъ, такъ что отъ неожиданности я вздрогнулъ:

Стукъ молота отъ вѣка и до вѣка,
Тяжелый звукъ заржавленныхъ оковъ...
Другъ! ты видалъ-ли гнома-человѣка
На днѣ холодныхъ рудниковъ?

Бодрящія ноты молодого, звучнаго тенора огласили мрачныя каменныя стѣны, столько лѣтъ не слыхавшія ничего, кромѣ унылаго бряцанья кандаловъ, монотонныхъ постукиваній молотка да тяжелыхъ вздоховъ измученныхъ, несчастныхъ людей. Сначала нѣсколько испуганно, а затѣмъ радостно отозвалось этимъ бодрымъ звукамъ и мое изболѣвшее сердце: такъ давно не слыхалъ я ни музыки, ни хорошаго пѣнія...

Тамъ міръ иной, міръ горькой, тяжкой доли...—

подхватилъ красивый баритонъ Штейнгарта:

Тамъ царство безконечныхъ мукъ.
Полжизни—день работы и неволи,
Полжизни—ночь суровыхъ вьюгъ.
И мракъ, и смерть тамъ царствуютъ надъ міромъ,
И каждый молота ударъ
Звучитъ затѣмъ, чтобъ пиръ смѣнялся пиромъ *)...

Звуки шли все выше и выше, аккомпанируемые звономъ настоящихъ цѣпей, хватая за душу, звуча горькимъ упрекомъ кому-то, зовя на что-то смѣлое и великое...

— Откуда вы взяли, господа, эти слова и этотъ мотивъ?—полюбопытствовалъ я, когда пѣвцы окончили свой импровизированный дуэтъ.

— Насъ научилъ въ дорогѣ одинъ бродяга-пѣвецъ. Онъ увѣрялъ, будто это каторжный гимнъ, или «карійскій гимнъ», какъ онъ называлъ его.

— Ну, врядъ-ли, господа, настоящій каторжникъ сочинялъ этотъ «гимнъ»: тотъ плохо знаетъ каторгу, кто считаетъ, напр., «заржавленныя оковы» аттрибутомъ особенно тяжкихъ испытаній.

— Какъ такъ?

— А вотъ, сами увидите, заржавѣютъ-ли ваши кандалы при постоянномъ ношеніи. Напротивъ, они будутъ блестѣть, какъ стеклышко! Но, во всякомъ случаѣ, и слова и мотивъ очень недурны,—что правда, то правда... Смотрите, я просто до слезъ тронутъ... Однако, намъ пора и въ свѣтличку.

---

*) Если не ошибаюсь, стихи эти принадлежатъ небезъизвѣстному сибирскому поэту Ф. Филимонову. *Прим. авт.*

Въ свѣтличкѣ раскомандировка рабочихъ была уже почти окончена.

— А, господа бродяги,—привѣтствовалъ насъ Пѣтушковъ,—я ужъ и впрямь думалъ, что вы въ бѣга ударились! Ну, присовѣтуйте, Миколаичъ, куда мнѣ поставить новичковъ. Вѣдь бурить-то имъ, пожалуй, не поглянется? Халудора возьми это буренье!

Новички, однако, выразили желаніе непремѣнно попробовать бурить, и я повелъ ихъ въ верхнюю шахту. Штейнгартъ, какъ и я когда-то, затруднялся въ подъемѣ на гору и то и дѣло испытывалъ одышку; за то Башуровъ шелъ легко и свободно: родомъ крымчакъ, онъ былъ привыченъ къ ходьбѣ по горамъ. Безъ особеннаго труда научился онъ и бурить довольно хорошо, между тѣмъ какъ Дмитрію и это искусство давалось плохо. Онъ то-и-дѣло ударялъ себя молоткомъ по рукѣ, искривлялъ шпуръ и очень огорчался всѣми этими неудачами. Но, когда работа нѣсколько налаживалась, онъ первый начиналъ пѣть подъ дружные удары арестантскихъ молотковъ:

«Стукъ молота отъ вѣка и до вѣка...»

Валерьянъ присоединялся. И когда на темномъ днѣ холоднаго, непривѣтливаго колодца раздавались стройные звуки «каторжнаго гимна», несясь въ вышину, то въ видѣ горькой жалобы, то гнѣвной угрозы, на душѣ становилось и какъ-то жутко, и сладко... Особенно стихъ—

«И мракъ, и смерть тамъ царствуютъ надъ міромъ»—

производилъ сильное впечатлѣніе, вызывая у меня каждый разъ дрожь во всемъ тѣлѣ...

И вдругъ жизнерадостный Валерьянъ переходилъ къ веселой пѣсенкѣ Беранже:

Виномъ сверкаютъ чаши,
Веселье впереди.
Кричатъ подруги наши:
„Фортуна, проходи!“

И, дружно и быстро стуча молотками по бурамъ, мы всѣ подхватывали хоромъ:

— „Стукъ! Стукъ!“—Кто въ гости къ намъ?
„Стукъ! Стукъ!“—Мы Лизу ждемъ.
„Стукъ! Стукъ!“—Фортуна тамъ.
„Стукъ! Стукъ!“—Не отопремъ

Слабому и нервному Штейнгарту буренье, конечно, вскорѣ не «поглянулось», какъ и пророчилъ ему Пѣтушковъ, и онъ промѣнялъ его на должность буроноса. Одышка, разумѣется, скоро прошла, и онъ сдѣлался отличнымъ бѣгуномъ. Это не мѣшало, впрочемъ, Сохатому острить надъ нимъ и называть его не «буроносомъ», а «буреносомъ», разумѣя подъ этимъ, что скорѣе его самого могли носить по сопкѣ вѣтеръ и буря, чѣмъ онъ таскать на плечахъ тяжелыя вязанки буровъ. Много также пищи для остроумія и разнаго рода

шутокъ доставилъ всѣмъ Дмитрій, явившись однажды по окончаніи работъ въ тюрьму и, какъ оказалось при обыскѣ у воротъ, принеся по разсѣянности за пазухой два короткихъ бура... Надзиратель, сдѣлавшій это открытіе, былъ сначала въ недоумѣніи, словно раздумывая, не слѣдовало-ли затѣять по этому поводу слѣдствіе, но скоро и онъ попалъ въ общій веселый тонъ и также началъ хохотать.

— Стѣну хотѣлъ тюремную пробурить, побѣгъ устроить!—острила кобылка, шумно разбѣгаясь по камерамъ.

Нѣкоторое время спустя для Штейнгарта открылось, впрочемъ, болѣе важное занятіе, чѣмъ буренье и ношенье буровъ, занятіе, которое въ глазахъ не только арестантовъ, но и начальства сразу возвысило болѣе чѣмъ вдвое наши прежніе фонды. Разъ, поздно вечеромъ, въ камерѣ нашей загремѣлъ замокъ, дверь распахнулась, сильно перепугавъ сидѣвшихъ въ углу каторжниковъ, и вошедшіе надзиратели пригласили Дмитрія къ внезапно захворавшей женѣ эконома.

— Самъ начальникъ проситъ васъ сходить поглядѣть,—заискивающе говорили они.

Дмитрій проворно одѣлся и ушелъ. Вернулся онъ только два или три часа спустя, не только осмотрѣвъ больную, но и лично приготовивъ для нея съ помощью фельдшера нужныя лѣкарства. Первый случай медицинской практики Штейнгарта оказался очень счастливымъ: больная на другой же день почувствовала себя вполнѣ здоровой, и слава его, какъ замѣчательнаго врача, загремѣла далеко вокругъ. За надзирателями, ихъ женами и дѣтьми сталъ обращаться къ нему и весь шелайскій бомондъ — казацкій есаулъ съ семьей, его помощникъ, Монаховъ, писаря изъ тюремной конторы и, наконецъ, самъ Лучезаровъ, почувствовавшій къ молодому врачу большую симпатію: онъ далъ ему разрѣшеніе, въ присутствіи надзирателей, во всякое время дня и ночи посѣщать больничную аптеку и, по зову больныхъ, выходить, — разумѣется, подъ конвоемъ,—за ворота тюрьмы. Нерѣдко стали вызывать Дмитрія прямо изъ рудника, отрывая отъ работы, а иногда и совсѣмъ не наряжали въ гору въ теченіе цѣлой недѣли. Валомъ повалило къ нему и тюремное населеніе. Пьяница фельдшеръ совсѣмъ какъ-бы остался за штатомъ, и дѣло доходило до того, что онъ только формально освобождалъ арестантовъ отъ работъ или клалъ на больничную койку, въ дѣйствительности же всѣмъ распоряжался Штейнгартъ. Съ теченіемъ времени это начало злить самолюбиваго Землянскаго, и онъ сдѣлался нашимъ отчаяннымъ врагомъ... Но пока что, я отъ души радовался тому, что обстоятельства сложились для Дмитрія такъ благопріятно, и пребываніе въ каторгѣ могло стать для него полезной практической школой при изученіи любимой науки, «пятымъ курсомъ академіи», какъ выражался онъ самъ. Я видѣлъ его добрымъ, повеселѣвшимъ, всецѣло поглощеннымъ своими новыми за-

нятіями, не имѣющимъ даже достаточнаго досуга, чтобы хандрить и мучиться своими личными печалями и страданіями. А это также было великое благо для того, кому предстояло не одинъ годъ провести въ Шелайскомъ рудникѣ!

За розами и лаврами, правда, послѣдовали въ свое время волчцы и терніи, но объ нихъ я разскажу послѣ.

Только поздними вечерами, когда жизнь въ камерѣ затихала и сожители наши уже громко всхрапывали, намъ удавалось по-прежнему бесѣдовать между собой по душѣ, и этимъ бесѣдамъ за полночь конца не было. Лежа на своихъ подстилкахъ и склонившись одинъ къ другому головами, мы шопотомъ разговаривали иногда вплоть до разсвѣта, особенно когда дѣло было наканунѣ праздника и на другой день не предстояло работъ. О чемъ только ни говорили мы въ эти тихія тюремныя ночи...

Однажды рыженькій Жебрейчикъ, одинъ изъ ближайшихъ сосѣдей нашихъ по нарамъ, подошелъ ко мнѣ въ коррядорѣ тюрьмы и таинственно сказалъ:

— А знаете, Иванъ Миколаичъ, что я хочу спросить у васъ: гдѣ вы доставали тѣ книжки, по которымъ сами учились?

— Какъ это самъ учился?

— Да такъ. Я оченно хорошо понимаю теперь, что тѣ-то книжки, которыя вы намъ читали, такъ себѣ, пустяковыя книжки для простого народа, вотъ какъ мы, дураки. Ну, прямо сказать *бѣлыя* книжки, какъ есть бѣлыя—бумага и ничего больше. Для старыхъ бабъ все это да ребятишекъ списано. А вы сами съ товарищами по настоящимъ, по *чернымъ* книгамъ учились... Я это очень хорошо теперь вижу.

— Что вы такое городите? Какія-такія черныя книги?

— Ну, ужъ вы со мной не разговаривайте такъ. Я вѣдь не какой-нибудь Луньковъ али Сахатый... Новóй *) арестантъ съ умомъ, а новóй совсѣмъ, какъ младенецъ... Ну, а я до пятидесяти годовъ дожилъ и тоже что-нибудь смекаю. У меня самого бабушка, прямо скажу вамъ, не таясь, вѣдьма была, вотъ что!

Я поглядѣлъ во всѣ глаза на выжившаго изъ ума старикашку; онъ былъ, по обыкновенію, комично-серьезенъ и величавъ.

— Я вѣдь слышу ваши разговоры... Вы думаете, я сплю ночью-то, а я вовсе не сплю; то есть просто глазъ не смыкаю! И до того вникаю,—ну, прямо сказать, всѣ уши прикладаю къ вашимъ рѣчамъ!

— Это не очень, положимъ, похвально подслушивать; но что жъ такое поняли вы изъ нашихъ разговоровъ?

— А вотъ то и поняли, что у кажнаго изъ васъ свой дьяволъ есть!..

— Дьяволъ? Что за чортъ! Откуда вы взяли это?

*) Новой—иной.

— Значитъ, вотъ взялъ. У васъ вѣдь, ежели не пятое, такъ десятое слово непремѣнно дьяволъ будетъ. Одинъ говоритъ: «Мой дьяволъ такой», а другой отвѣчаетъ: «Нѣтъ, мой дьяволъ такой»!

Я расхохотался, но долго не понималъ смысла этихъ словъ Жебрейчика. Дмитрій, которому я сообщилъ объ этой бесѣдѣ, назвалъ ихъ просто бредомъ сумашедшаго. Но нѣкоторое время спустя онъ сказалъ мнѣ, смѣясь:

— А знаете, я вѣдь понялъ, о какомъ такомъ дьяволѣ говорилъ вамъ Жебреекъ. Во вѣкъ пожалуй не догадаетесь: это—идеалъ!..

V.

«Украденный» манифестъ.

Еще и еще разъ наступала весна... Каждый годъ пробуждаетъ она въ душѣ арестанта забытую сладкую боль, муки надежды и отчаянія.

Всѣ люди живутъ,
Какъ цвѣты цвѣтутъ,—

жалуется тюремная пѣсня, сложенная, по всей вѣроятности, не въ иную какую, а именно въ весеннюю пору:

А моя голова,
Вянетъ, какъ трава!
Куда ни пойду,
Въ бѣду попаду;
Съ кѣмъ веду совѣтъ—
Ни въ комъ правды нѣтъ.
Кину жъ, брошу міръ,
Пойду въ монастырь!

И горькой ироніей надъ самимъ собою, безконечно-трогательной скорбію звучитъ это обѣщаніе пѣвца пойти въ монахи, когда слѣдующія затѣмъ строки пѣсни *), мѣняя не только размѣръ, но и смыслъ стиха, въ отчаяніи раскрывая, такъ сказать, всѣ свои карты, говорятъ:

Ты воспой, воспой, жаворȏночекъ,
Ты воспой весной на проталинкѣ,
На шелкȏвой мягкой травонькѣ!
Ты подай голосъ черезъ темный лѣсъ,
Черезъ темный лѣсъ за Москву рѣку,
За Москву-рѣку въ тюрьму каменну...
Подъ окномъ сидитъ тамъ колодничекъ,
Младъ колодничекъ, ахъ! разбойничекъ.

*) Возможно, конечно, что это и двѣ различныхъ пѣсни, но дѣло въ томъ, что отъ лучшихъ тюремныхъ пѣвцовъ, вродѣ Юхорева, я слышалъ ихъ всегда слитными, безъ малѣйшаго перерыва, и всѣ они утверждали, что это одна пѣсня.

Онъ не годъ сидитъ и не два года,
Онъ сидитъ въ тюрьмѣ ровно восемь лѣтъ.
На девятый годъ сталъ писать,
Сталъ письмо писать къ отцу съ матерью.
Отецъ съ матерью не признался,
Не признались—отказалися:
«Какъ у насъ въ роду воровъ не было,
Воровъ не было ни разбойниковъ».

Лихой пѣсенникъ Ракитинъ прибавлялъ, бывало, къ этой пѣснѣ еще одинъ стихъ, котораго другіе тюремные пѣвцы не знали:

Молода жена слезно всплакалась.

Но на этомъ и онъ останавливался, и тщетно просилъ я его вспомнить хоть смыслъ дальнѣйшихъ стиховъ, о чемъ именно «всплакалась» молодая жена. Впрочемъ, Осиновое Ботало не затруднялось дать собственный отвѣтъ на этотъ вопросъ:

— Эхъ Иванъ Николаевичъ! да о чемъ же другомъ ей, подлой, плакать, какъ не о томъ, что вотъ-молъ воротится, чего добраго, воръ-бродяга, а у нея ужъ другой паренекъ, почище на примѣтѣ есть...

Я самъ уже третью весну встрѣчалъ въ Шелайскомъ рудникѣ и каждый разъ испытывалъ эту особенно сладкую, особенно щемящую боль. Однако, въ этотъ третій разъ, когда опять зазеленѣли окрестныя сопки и изъ глубины ожившей тайги понеслись въ тюрьму живительные весенніе звуки и запахи, въ душѣ моей, долго дремавшей, а теперь разбуженной пріѣздомъ товарищей и бесѣдами съ ними, съ небывалой прежде силой проснулась жажда жизни, воли и счастья... Въ тѣ дни, когда работы у Пальчикова въ кузницѣ было совсѣмъ мало, и я бралъ на себя обязанности буроноса въ одной изъ шахтъ, тамъ во время чаепитія передъ разведеннымъ костромъ я съ жадностью слушалъ безконечные разсказы арестантовъ о побѣгахъ, въ тайникахъ души сочувствуя этимъ безумнымъ мечтамъ объ освобожденіи. Внизу, подъ нашими ногами, разстилалась зеленая, пахучая тайга, полная своихъ чудныхъ тайнъ и приманокъ, обольстительная, молодая, влекущая, а дорогу къ ней преграждали расхаживавшіе съ ружьями въ рукахъ часовые-казаки. Ихъ ставилось, впрочемъ, всего только два человѣка, по сторонамъ колпака; остальные, поставивъ ружья въ козлы, сидѣли подобно намъ, въ отдаленіи, у своего костра, и арестанты часто съ насмѣшкой отзывались объ этихъ стражахъ закона, хвастаясь, что если-бы захотѣли только бѣжать на ура, то «казачишки» не успѣли-бъ и выстрѣла по нимъ дать... Особенно любилъ хвалиться на этотъ счетъ Сохатый, дѣйствительно, извѣстный своими отважными побѣгами.

— Я изъ Иркутской тюрьмы бѣгалъ, не то что отсюда,—горделиво рычалъ онъ, выпучивая свои телячьи глаза.—Тамъ не такіе духи-то стоятъ, не эта деревенщина, а настоящіе солдаты. Мы

со стѣны вчетверомъ, одинъ за другимъ, прыгнули, я первый... Упалъ, вскочилъ на ноги—еще помню, колѣнко здорово объ камень зашибъ!—и прямо на городъ побѣжалъ. Солдатъ и не посмѣлъ стрѣлить, потому дома близко. А пока онъ, духъ окаянный, трелогу подымалъ, свистѣлъ и кричалъ,—глядь и тѣ трое, товарищи-то мои, за мной слѣдомъ... Такъ и убѣжали.

— А всетаки поймали васъ, Петинъ.

— Это ужъ потомъ было, не въ Иркутскѣ даже, а я про то сказываю, какъ мы изъ тюрьмы ловко удрали.

— Теперь, небось, ноги ужъ не такія у васъ рѣзвыя? Вотъ которое уже лѣто сидите здѣсь, да, вѣрно, и будете сидѣть.

Петинъ презрительно фыркнулъ.

— Вы не знаете еще Петина-Сохатаго! Не бѣжитъ онъ,—значитъ, воли его на то еще нѣтъ. А захочетъ—ни одного дня Шестиглазый его не удержитъ.

Одно время мнѣ казалось, что Петинъ и дѣйствительно что-то замышляетъ. Онъ ходилъ сердитый, задумчивый, забросилъ свои тетрадки. А разъ надзиратель (это было въ самыхъ первыхъ числахъ мая), при обыскѣ шахты, нашелъ спрятаннымъ за крѣпями чуть не цѣлый мѣшокъ ржаныхъ сухарей. Въ умѣ начальства сейчасъ же явилась мысль о затѣваемомъ побѣгѣ; казаки сдѣлались осторожнѣе, прибавили постовъ, перестали отпускать арестантовъ даже на одинъ шагъ отъ колпака безъ усиленнаго конвоя. Сухари могли быть, конечно, припасены кѣмъ-либо изъ шпанки и для другихъ, болѣе невинныхъ цѣлей, но Петинъ такъ многозначительно фыркалъ, когда заходила среди арестантовъ рѣчь объ этомъ открытіи, что невольно заставлялъ подозрѣвать себя. Впослѣдствіи онъ даже прямо сознался мнѣ въ дружеской бесѣдѣ, что побѣгъ былъ уже совсѣмъ рѣшеннымъ дѣломъ гораздо раньше, чѣмъ надзиратель нашелъ сухари, но что остановка явилась за товарищами; съ негодованіемъ говорилъ онъ о двухъ-трехъ арестантахъ, пользовавшихся въ тюрьмѣ громкой репутаціей «громилъ» и, однако, въ рѣшительную минуту дрогнувшихъ и отступившихъ.

— А одному бѣжать никакимъ манеромъ нельзя!

— Почему же?

— Да потому, что въ первую-жъ ночь въ лѣсу соннаго захватятъ... Стрема *) вѣдь будетъ. Тутъ ухо надо востро держать. Опять же голодомъ не пойдешь всю дорогу. А какъ безъ товарищей провіантъ будешь добывать?

— А мнѣ кажется, Петинъ, что ужъ если затѣвать побѣгъ, то надо и на голодовку готовымъ быть. Дней десять поголодаете—не помрете, а за это время Богъ знаетъ, куда уйти можно.

— Вишь вы какіе ловкіе! Нѣтъ, я голодать не согласенъ...

*) Облава. Другое значеніе „стремы"—тайное стояніе на караулѣ.
Прим. авт.

— То-то и есть. Правду, значитъ, говоритъ про васъ Луньковъ, что вы дешевый.

— Да я ему, сволочи, голову оторву! Самъ то онъ что такое? Что можетъ онъ понимать въ этихъ дѣлахъ? Вѣчный тюремный житель!

— А вы ужъ не сами-ль, Иванъ Николаевичъ, собираетесь того?...—конфиденціально обратился ко мнѣ разъ Сохатый, скаля зубы:—все спрашиваете да любопытствуете... Что-жъ, я-бъ взялъ, пожалуй, васъ и Штенгора въ товарищи себѣ.

— Какая-жъ бы вамъ отъ насъ польза была? Глаза у насъ у обоихъ плохіе, значитъ, и стрелщики мы были бы плохіе; ноги еще того хуже... Словомъ, мы только помѣхой бы вамъ служили!

— За то у васъ деньжонки есть. Одежу бы могли тоже вольную изъ чихауза достать.

— Ага, вотъ чего вамъ отъ насъ надо! А потомъ возьмете съ насъ то, что вамъ нужно, да при случаѣ и пришьете, пожалуй?

— Вотъ какъ вы обо мнѣ понимаете, Иванъ Николаичъ. Благодаримъ покорно! Нѣтъ, ужъ на Сохатаго положиться можно, какъ на каменную гору! Не было еще случая, чтобъ онъ товарищей своихъ продавалъ. Но вамъ всегда дороже какой-нибудь прохвостъ, сволочь тюремная, которая подлизываться умѣетъ.

И Петинъ серьезно на меня обидѣлся. Впрочемъ, онъ и самъ хорошо понималъ, что я шутя только говорилъ съ нимъ о своемъ участіи въ побѣгѣ; по крайней мѣрѣ, и онъ, и другіе арестанты не разъ говорили про меня и про моихъ товарищей:

— Не намъ вы чета, Миколаичъ, не нашъ братъ. Вамъ надо или помирать въ тюрьмѣ, или законнымъ родомъ выходить изъ нея, не иначе. Потому, какъ вы побѣжите? Да хоть самимъ чортомъ, не то что челдономъ одѣнь васъ, такъ первое же вотрѣчное дитё признаетъ вашу личность. И слова, и обращеніе, все, все вѣдь другое въ васъ!

И, вѣроятно, пріятели-арестанты были на этотъ счетъ правы. Или помереть въ каторгѣ, или дождаться законнаго выхода изъ нея—ничего другого не предстояло намъ...

Весной описываемаго года весь арестантскій міръ не только въ Сибири, но даже и въ Россіи переживалъ небывалое волненіе; произошло въ его жизни событіе, дѣйствительно, неимовѣрной важности. Сначала пошли какіе-то глухіе, отрывочные слухи, исходившіе большею частью изъ довольно мутныхъ и легковѣсныхъ источниковъ. Какой-нибудь Карпушка Липатовъ проходилъ по камерамъ и «боталъ»:

— Ну, хрестьяне православные, слухайте, что вамъ Карпушка скажетъ. Вы вотъ все смѣетесь да смѣетесь надъ Карпушкой, а онъ вамъ такую вѣсточку принесъ, что только рты разинете! Не будетъ теперь и фершалъ со мной много чирикать. Скажу: давай мнѣ, цыганская твоя образина, настоящей хананіи, такой, чтобъ

въ носъ шибала, кости, значитъ, что твой спиртъ, промывала, а не то чтобы какъ...

— Да говори-жъ, рыжая твоя морда, въ чемъ дѣло!

— А въ томъ дѣло, что Государь Амператоръ насъ всѣхъ на волю выпускаетъ.

— Ха-ха-ха! Пошелъ ты ко всѣмъ дьяволамъ, ботало безобразное! Откудова ты знать можешь?

— Нѣтъ, старики,—выдвигалась вдругъ изъ угла какая-нибудь молчавшая до тѣхъ поръ фигура.—Нѣтъ, старики, дуракъ онъ, дуракъ, а говоритъ на этотъ разъ дѣло. Я еще въ Шелай шелъ, какъ по дорогѣ одинъ этапный офицеръ вышелъ къ намъ и говоритъ: «ребята, не печальтесь! скоро вамъ отъ Государя Амператора великая милость выйдетъ». Вотъ что!

— Скоро, братъ ты мой, солнышко взойдетъ, да до той-то поры роса глаза выѣстъ! Давно ужъ сказываютъ про этотъ большой манифестъ, а его все нѣтъ какъ нѣтъ.

— Погоди, синодъ раньше долженъ собраться да указъ составить. Ты, большая башка, какъ думалъ-то? Легкое это дѣло? Сѣлъ къ столу, взялъ бумагу, брехъ-брехъ-брехъ да и готово?

Давно уже происходили подобнаго рода толки и разговоры, но никто не придавалъ имъ большого значенія. Но вотъ однажды, въ серединѣ мая, портной Булановъ пришелъ отъ казацкаго есаула, на семью котораго шилъ, и сообщилъ уже настоящую сенсаціонную новость: вышелъ, наконецъ, манифестъ, тотъ «большой» манифестъ, котораго всѣ столько лѣтъ ждали, но сибирское начальство пока скрываетъ отъ арестантовъ бумагу, потому что напугано неслыханно-огромной милостью и не знаетъ, какъ быть: если выпустить сразу всѣхъ каторжныхъ, то не произойдетъ ли бунта?..

— Что ты гово-ришь?!—внезапно поблѣднѣвъ, произнесъ почти каждый изъ слушателей тихимъ, упавшимъ отъ волненія голосомъ.

Разговоръ происходилъ въ мастерской, гдѣ чинились обувь и арестантская лопоть, но гдѣ, кромѣ мастеровыхъ, присутствовала постоянно куча и посторонняго народа. Сапожники выронили изъ рукъ свои колодки, портные побросали иголки. Всѣ обступили пронырливаго мордвина, всегда улыбавшееся лицо котораго было на этотъ разъ серьезно и почти строго.

— Неужто всѣхъ, братцы, выпустятъ? Да кто тебѣ сказывалъ, Булановъ?

— Сама есаульша. Я, говоритъ, тебѣ, Булашушка, потихоньку отъ барина сказываю, потому оченно строго скрываютъ пока. Обрадуй ты своихъ товарищей-колодниковъ: двѣ трети со всего срока скидывается имъ по манафесту!

— Двѣ трети? Ну, значитъ, все же не сразу выпустятъ?

— Поросячья твоя голова!—зашумѣла внезапно кобылка на разочарованнаго товарища, зашумѣла, словно только-что очнувшись отъ тяжелаго столбняка:—ему этого еще мало!..

— А законную-то треть ты забылъ?—приступилъ къ нему въ числѣ прочихъ и Шматовъ (онъ-же Гнусъ), тяжело, прерывисто дыша по обыкновенію, возбужденно жестикулируя рукой и шевеля длинными тараканьими усами.—Законную-то треть ты забылъ? Она вѣдь не отымется отъ тебя *). Ну, оно и выйдетъ такъ, что при двухъ третяхъ по царскому манафесту всѣ пойдемъ на волю, кромѣ долгосрочныхъ!

Съ бѣшеннымъ весельемъ и стремительной поспѣшностью разсыпались тюремные «вѣстники» по камерамъ, и вскорѣ все тюремное населеніе знало новость и обсуждало ее со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ подробностяхъ. Вернувшись изъ рудника, услышалъ объ ней и я съ товарищами, но мы стали смѣяться надъ легковѣрными. Арестанты слегка обидѣлись. Ни въ комъ, правда, не было еще непоколебимо-твердой увѣренности.

— А вотъ я схожу сейчасъ къ эконому, рѣшилъ Юхоревъ:— прямо вытрясу изъ шепеляваго дьявола правду-матку.

Возвратившись изъ этой рекогносцировки, онъ съ самой забористой руганью обрушился на Буланова и на всѣхъ, кто увѣровалъ было въ его сообщеніе: экономъ клялся и божился, что никакой бумаги Лучезаровымъ ниоткуда не получено, и что все это одна арестантская выдумка. Кобылка повѣсила носы. Когда общее негодованіе было излито на портного, смутившаго общій покой, тюрьма затихла и стала, казалось, вдвое печальнѣе и мрачнѣе, чѣмъ была раньше. Такъ прошелъ день или два.

И вотъ опять началось какое-то шушуканье по угламъ... «Манафестъ», «двѣ трети», «милость»—опять доносились до нашего слуха, не вызывая, впрочемъ, съ нашей стороны большого вниманія. Однако, и мы невольно насторожились, когда Юхоревъ пришелъ разъ отъ эконома и объявилъ:

—А вѣдь точно есть что-то: обманываетъ шельма косноязычная, скрываетъ!

И въ тотъ-же день открыто начали повсюду говорить, будто уже самъ Шестиглазый объявилъ многимъ изъ вольнокомандцевъ о большой милости, о томъ, что на дняхъ въ тюрьмѣ будетъ молебенъ, послѣ котораго и прочитаютъ о двухъ третяхъ.

Что, дѣйствительно, «что-то есть», въ этомъ почти нельзя уже было сомнѣваться; оставалось скептически относиться къ слуху о такой большой сбавкѣ. Впрочемъ, Валерьянъ готовъ былъ уже и двѣ трети принять (тѣмъ болѣе, что и для насъ это была довольно-

---

*) Дѣло въ томъ, что каторжные II и III разрядовъ, осуждаемые срокомъ до 12 лѣтъ включительно въ заводы и крѣпости и за отсутствіемъ послѣднихъ отправляемые обыкновенно въ тѣ-же рудники (пребываніе въ которыхъ считается по закону болѣе тяжкимъ наказаніемъ), пользуются такъ называемой горной скидкой, по 4 мѣсяца съ каждаго года. Каторжные I разряда этой скидки не имѣютъ. *Прим. авт.*

такі лестная перспектива), и только мы съ Штейнгартомъ упорно не поддавались общему оптимизму.

— Возможно-ли это?—говорили мы:—развѣ правительство можетъ рѣшиться сразу и единовременно выпустить на свободу чуть-ли не нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, которыхъ наканунѣ еще считало опасными для общества элементами и держало на цѣпи?

— А почему же и нѣтъ?—возражалъ увлекающійся Башуровъ:—во-первыхъ, и выпущенные, они все же вѣдь останутся въ Сибири, на которую всѣ привыкли глядѣть, какъ на мѣсто стока общественныхъ нечистотъ; ну, а во-вторыхъ, и опасности никакой не будетъ, если позаботиться немедленно дать этому народу работу и кусокъ хлѣба.

— Откуда-же взять столько кусковъ?

— Какъ откуда? А въ тюрьмѣ-то ихъ все равно же нужно кормить? Но вы забываете еще, господа, объ одномъ свойствѣ человѣческой души... Преступная она, а все-же человѣческая... Вѣдь подобная «милость», несомнѣнно, вызвала бы въ людяхъ такой взрывъ энтузіазма, такой высокій подъемъ духа, что—кто знаетъ?—быть можетъ, эти люди могли бы переродиться нравственно... Вы смѣетесь, Иванъ Николаевичъ? Ну, если не совсѣмъ переродиться, то хоть сдѣлаться способными къ нравственному воздѣйствію. Надо только не упустить момента, надо, чтобы правительство и общество позаботились посѣять доброе сѣмя въ этой размягченной почвѣ. Подобнымъ сѣменемъ, мнѣ кажется, прежде всего могло бы явиться довѣріе къ несчастному, отверженному человѣку!

Такого рода теоретическіе споры вели мы по поводу сенсаціоннаго слуха, колеблясь то въ сторону вѣры, то—сомнѣнія.

Бесѣда въ рудникѣ съ Пѣтушковымъ окончательно сбила меня съ толку. Онъ клялся и божился, что самъ, собственными глазами читалъ бумагу, и что въ ней прямо говорится о двухъ третяхъ скидки.

— Я слышалъ вчера,—прибавилъ Пѣтушковъ,—какъ самъ Лучезаровъ говорилъ военному начальнику: «По разсчету, въ тюрьмѣ должно остаться всего семь человѣкъ».

— Значитъ, всетаки останутся? Кто же это?

— Кто-нибудь изъ вѣчныхъ, изъ такихъ, что ужъ вовсе нельзя выпустить...

— А я ужъ думалъ, что и тюрьму упразднятъ, и всѣмъ надзирателямъ отъ мѣста откажутъ.

— Проня и то опустилъ было голову. «Какъ же, говоритъ, теперь инструкція? Для кого-жъ она»? Ну, да я утѣшилъ его: кабы и ни одного арестанта въ тюрьмѣ не осталось, надзиратели-бъ, говорю ему, остались! Другъ дружку-бъ караулили, покамѣсть новую кобылку-бъ не пригнали... Ха-ха-ха! Халудора ихъ побери!

То, что могло грезиться только въ самыхъ безумныхъ снахъ, теперь свершалось на яву! Приходилось и мнѣ признать, наконецъ,

что гласъ народа—подлинно гласъ Божій... И бурная радость охватывала душу, опьяняя ее свѣтлыми надеждами! Кончены долгія муки, развѣяны мрачныя чары... Свобода! Свобода!

Былъ яркій весенній день въ двадцатыхъ числахъ мая, когда назначенъ былъ молебенъ, и отмѣнены по этому случаю работы. Посрединѣ тюремнаго двора уже раннимъ утромъ поставили столъ, накрытый чистой бѣлой скатертью. Экономъ разложилъ на немъ пачки восковыхъ свѣчей. Кобылка толпилась во дворѣ съ радостно сіяющими лицами. Многіе нарядились въ чистыя рубахи и намазали себѣ волосы жиромъ. Не слышалось ни брани, ни обычныхъ ссоръ. Вчера еще заклятые враги—сегодня бесѣдовали мирно и дружелюбно. Юхоревъ съ двумя-тремя изъ своихъ пріятелей, тюремныхъ вожаковъ, расхаживалъ обычной геройской походкой вдоль фасада тюрьмы, и изъ его бесѣды съ ними до моего слуха долетали порой отдѣльныя фразы:

— Я опять на Олекму ударюсь!.. Чорта съ два сталъ я въ Забайкальи жить!.. Тамъ и дѣвки-то, по моему, слаще, и спиртъ крѣпче.

Ко мнѣ тоже подошли мои пріятели Чирокъ и Ногайцевъ, оба торжественно-солидные, слегка улыбающіеся.

— Ну, что, Миколаичъ, дождались и мы праздничка?

—Сонъ, просто сонъ да и на! То-и-дѣло протираешь шары—боязно, какъ бы не проснуться.

— Ну, что-жъ вы теперь, Ногайцевъ, дѣлать станете? на родину вернетесь?

— Возворочусь, безпремѣнно возворочусь. Дѣдушка у меня тамъ... Шибко любилъ меня дѣдушка!

— Какъ же вы жить тамъ станете, чѣмъ?

— Чудной ты, право, о чемъ спрашиваешь... Что-жъ, рукъ у меня, что-ль, нѣту? Аль думаешь, коли я разъ въ жизни одну аль двѣ сволочи убилъ, такъ скучать опять по острогѣ стану? Самъ знаешь, Миколаичъ, что я и въ каторгѣ лодыричать не любилъ. Ну, ежели я жиромъ заплылъ, такъ развѣ это отъ себя? Это болѣзнь. Это нездоровый жиръ; больной я человѣкъ сталъ въ каторгѣ... А дай-ка мнѣ волю да вольную пишшу, я опять настоящимъ человѣкомъ стану!

Чирокъ внимательно вслушивается въ эти рѣчи Ногайцева, и лицо его дѣлается все серьезнѣе и важнѣе.

— Правду это истинную говоритъ Ногайцевъ,—заявляетъ онъ убѣжденнымъ тономъ:—въ тюрьмѣ развѣ можетъ человѣкъ человѣкомъ быть?

— А вы, Чирокъ, ужъ не будете больше черемисовъ давить?—пробую я пошутить и сейчасъ же раскаяваюсь въ своей шуткѣ: лицо его принимаетъ въ высшей степени огорченный видъ.

— Эхъ, Миколаичъ!—онъ снимаетъ шапку и энергично чешетъ себѣ затылокъ, и это «эхъ, Миколаичъ!» звучитъ чѣмъ-то въ родѣ горькаго упрека.

Я невольно вспоминаю разсужденія Валерьяна о благопріятномъ для нравственнаго перерожденія моментѣ: ужъ и въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ-ли въ этихъ разсужденіяхъ нѣкоторой доли правды?..

— Строй-ся!!—раздался вдругъ оглушительный возгласъ надзирателя, и все зашевелилось. Арестанты почти моментально построились въ ряды. Ворота распахнулись, и стройнымъ шагомъ вошла въ нихъ цѣлая рота мѣстныхъ казаковъ съ молодымъ хорунжіемъ впереди. Послышались и для нихъ слова команды, и казаки выстроились направо отъ арестантовъ точь въ точь такими же шеренгами. Очевидно, ожидалась очень внушительная и величественная церемонія.

Надзиратель уже безмолвствовалъ, когда вслѣдъ затѣмъ въ ворота вошли пріѣхавшій изъ завода старикъ-священникъ съ рослымъ, представительнымъ дьякономъ, казацкій есаулъ, толпа надзирателей и конторскихъ писарей и во главѣ ихъ Шестиглазый съ бумагой въ рукахъ, при одномъ видѣ которой сердца въ груди у всѣхъ дрогнули и сладко замерли. Въ заключеніе ввели вольнокомандцевъ-арестантовъ и построили на лѣвомъ крылѣ отдѣльнымъ взводомъ. Все это произошло быстро, съ необыкновенной помпой и величайшимъ порядкомъ.

— Благослови, Вла-ды-ко!—рявкнулъ дородный, плечистый дьяконъ, нарушая внезапно благоговѣйную тишину, и богослуженіе началось. Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, шумно перекрестились широкимъ крестомъ. Не безъ любопытства видѣлъ я, какъ крестились даже и тѣ изъ арестантовъ, которые на словахъ не вѣрили, что называется, ни въ чохъ, ни въ сонъ, пόходя богохульствовали и заявляли себя самыми крайними атеистами. Было-ли это искреннее умиленіе, серьезная готовность возродиться? Вліяло-ли отчасти присутствіе многочисленнаго начальства? Не знаю...

Передъ провозглашеніемъ многолѣтія къ столу торжественно приблизился бравый капитанъ, высоко поднялъ таинственную бумагу, которую все время держалъ въ рукахъ, медлительно развернулъ ее, окинулъ ликующимъ взоромъ строй бритыхъ арестантскихъ головъ и громко произнесъ:

— Такъ вотъ что, братцы, дождались вы великой милости!.. Слушайте бумагу, полученную мной отъ военнаго губернатора.

Если бы муха пролетѣла въ это время по тюремному двору, то, вѣроятно, и этотъ шелестъ былъ бы всѣми услышанъ. Гдѣ-то далеко, за тюремными воротами, кто-то кашлянулъ; высоко въ небѣ прощебетала ласточка...

Читалъ Лучезаровъ громко, необыкновенно отчетливо и выразительно и не только голосомъ, но и взоромъ и жестомъ руки подчеркнулъ слѣдующія слова: «При условіяхъ хорошаго поведенія, искренняго раскаянія и добраго мнѣнія начальства, сроки наказанія арестантовъ, назначенные имъ по суду, могутъ быть уменьшаемы *до двухъ третей*»!

У всѣхъ точно тяжелый камень свалился съ плечъ: теперь уже всѣ собственными ушами слышали то, чему раньше приходилось вѣрить лишь на основаніи толковъ и слуховъ, хотя бы и самыхъ достовѣрныхъ. Кобылка глубоко завздыхала, закрестилась, радостно заколыхалась...

— Слава тебѣ, Господи!—послышались возгласы старичковъ.

Лучезаровъ между тѣмъ продолжалъ чтеніе губернаторской бумаги по пунктамъ, но его никто уже не слушалъ и никто не понималъ.

— Ну, такъ вотъ что: *до двухъ третей* скидывается вамъ!—возгласилъ онъ еще разъ, окончивъ чтеніе и торжественно сложивъ бумагу.

Видимо, бравый капитанъ самъ искренно ликовалъ. Багровокрасное лицо съ длинными желтыми усами казалось на этотъ разъ не грознымъ, а сіяло умиленіемъ... Да и вся внушительная фигура Лучезарова приняла, казалось, меньшіе противъ обыкновеннаго размѣры, превратившись въ фигуру обыкновеннаго смертнаго... Внимательно поглядѣвъ затѣмъ въ обѣ стороны арестантскихъ рядовъ, Шестиглазый быстрыми шагами подошелъ ко мнѣ и, протянувъ бумагу, любезно сказалъ:

— Просмотрите еще разъ и объясните имъ въ камерахъ, если чего, быть можетъ, не поняли.

Это было въ первый разъ, что онъ говорилъ мнѣ безъ всякихъ обиняковъ *вы* при столь оффиціальной обстановкѣ.

Между тѣмъ, священникъ, благообразный старикъ съ длинными бѣлыми волосами, тоже умиленно заговорилъ:

— Такъ вотъ, ребятушки, какая милость вамъ вышла! Можетъ быть, нѣкоторые изъ васъ и не заслужили ея, а и тѣмъ будетъ сброшено двѣ трети срока. Ну, помолимся же еще разъ покрѣпче и потеплѣе!

И снова началось жаркое моленіе.

— Лебята, кто хочетъ свѣци купить, беляте!—кинулся толстый и красный, какъ кирпичъ, экономъ къ рядамъ арестантовъ съ пучкомъ восковыхъ свѣчей въ рукахъ. Ихъ живо расхватали у него (онъ отлично запоминалъ, кто именно). Брали не только благочестивые старички, но и равнодушный къ религіи «молодяжникъ», не только состоятельные люди, но и такіе, за кѣмъ въ конторѣ числилось не больше десяти копѣекъ. Дьяконъ, зараженный общимъ энтузіазмомъ, просто надрывался, провозглашая многолѣтіе, и когда могучій басъ его загремѣлъ «многая лѣта» плѣненнымъ, заключеннымъ, а затѣмъ и ихъ начальникамъ, то арестантскій хоръ рявкнулъ въ отвѣтъ ему такъ искренно, такъ громоподобно, что, вѣроятно, на самыхъ дальнихъ сопкахъ было слышно его; по крайней мѣрѣ, парившій въ небесной синевѣ, въ видѣ маленькой точки, коршунъ тотчасъ же скрылся изъ моихъ глазъ...

Бурной волною текла ликующая кобылка въ корридоръ тюрьмы,

окружая меня и громко требуя, чтобы еще разъ прочитана была драгоцѣнная бумага.

— По гуковкамъ, по гуковкамъ заучимъ! Читай, Миколаичъ, читай!

Мы съ Штейнгартомъ теперь только переглянулись, и я увидалъ, что у насъ одна и та-же мысль лежитъ въ глубинѣ души.

— Стойте, братцы,—обратился я къ толпѣ, едва подавляя собственное волненіе:—тутъ вѣдь крупная ошибка выходитъ, недоразумѣніе... Никакихъ двухъ третей намъ не скидывается, а всего только одна треть, да и та не непремѣнно цѣликомъ и каждому. Могутъ скинуть меньше, могутъ и совсѣмъ ничего не скинуть.

— Что ты говоришь? Смѣешься, что-ли, надъ нами?

— Нисколько не смѣюсь; но и начальникъ, и священникъ, и вы всѣ поняли бумагу не такъ, какъ слѣдуетъ.

За минутой ошеломленнаго молчанія поднялся невообразимый гвалтъ. Раздались взбѣшенные голоса:

— Чего онъ плететъ? Отуманить насъ хочетъ!

— Не слухайте его, братцы! Мы вѣдь сами, своими ушами-то слышали!

— Возьмите у него бумагу, сами читайте. Кто грамотный?

— *Эти* люди всегда смуту сѣютъ, всегда начальство замарать норовятъ!—уловилъ я въ заднихъ рядахъ звонкій голосъ Богодарова, каторжнаго изъ дворянъ, вышедшаго когда-то изъ VI класса иркутской гимназіи, за подлогъ угодившаго въ Среднеколымскъ, а оттуда за убійство въ пьяномъ видѣ—въ Шелайскій рудникъ. Это былъ чахоточный, противъ всего на свѣтѣ озлобленный и страшно самолюбивый человѣкъ, мнившій себя высоко образованнымъ (а на самомъ дѣлѣ не умѣвшій писать грамотно) и глубоко ненавидѣвшій меня, тоже бывшаго дворянина, обладавшаго подлиннымъ образованіемъ.

— Имъ непріятно, что правительство человѣколюбіе такое высказало!..—громко, не стѣсняясь насъ, продолжалъ кричать Богодаровъ, и можно было уловить тамъ и сямъ сочувственное ему мычаніе. Вслѣдъ затѣмъ Богодаровъ куда-то скрылся. Оказалось потомъ, что онъ побѣжалъ докладывать Шестиглазому, что я съ товарищами бунтую арестантовъ, объясняя имъ, что никакихъ двухъ третей нѣтъ и не будетъ, что это обманъ. Онъ самъ потомъ разсказывалъ кобылкѣ, будто Шестиглазый страшно разсердился и закричалъ:

— Скажи ему (т. е. мнѣ), что я до сихъ поръ просвѣщеннымъ человѣкомъ считалъ его, а онъ оказался просто-на-просто... осломъ!

Не знаю, выразился-ли бравый капитанъ такъ рѣзко, но что онъ былъ сильно раздраженъ моимъ противорѣчіемъ общему (и въ томъ числѣ его, Лучеваровскому) мнѣнію, это вполнѣ вѣроятно.

Арестанты, между тѣмъ, продолжали волноваться и шумѣть. Чѣмъ

больше читали имъ бумагу собственные ихъ грамотѣи, тѣмъ сильнѣе укоренялась въ нихъ увѣренность насчетъ двухъ третей. Едва только чтеніе доходило до этихъ строкъ: «При условіяхъ и проч. сроки наказанія арестантовъ, назначенные имъ по суду, могутъ быть уменьшаемы до двухъ третей»,—какъ слушатели приходили тотчасъ же въ неистовый восторгъ и, размахивая руками, съ азартомъ кричали:

— Ну, чего же онъ споритъ? Вѣдь написано тутъ? Мы не глухіе тоже... Аль ужъ дураками насъ вовсе считаютъ? Вотъ они, высокоученые-то, высокоумные... Учились, учились, да и умъ-то ужъ за разумъ зачалъ заходить!

Многіе изъ арестантовъ совсѣмъ даже перестали въ эти дни разговаривать со мною и проходили мимо, не здороваясь, какъ всегда прежде, и отворачивая въ сторону голову, а нѣкоторые, напротивъ, глядѣли нахально въ глаза съ нескрываемымъ выраженіемъ ненависти и презрѣнія. И только сравнительно немногіе сохраняли все время прежнюю теплоту отношеній. Такъ Кузьма Чирокъ говорилъ мнѣ съ добродушной укоризной:

— Посередь чурокъ лѣсныхъ взросъ я, Миколаичъ, и самъ не болѣ, какъ пень пермяцкій... Что люди говорятъ, тому я и вѣрю. Ну, а все же, надо полагать, маху ты на этотъ разъ далъ! Ужъ очень знатко написано въ гумагѣ-то,—я даже понимаю, что двѣ трети, а ты толкуешь—одна треть!

— Послушайте, Чирокъ. Если у меня, положимъ, не будетъ хлѣба, а у васъ я увижу цѣлую краюху, подойду и скажу вамъ попріятельски: «Кузьма, дайте мнѣ хлѣба, уменьшите свою порцію до двухъ третей». Вы сколько же оставите себѣ и сколько мнѣ дадите?

— Ну, я и дамъ тебѣ третью часть, а себѣ двѣ трети оставлю!— не задумываясь, рѣшаетъ Чирокъ.

— Ага! когда дѣло коснулось вашей пользы, вы поняли? Почему же тамъ, гдѣ вамъ невыгодно оставить себѣ двѣ трети, вы оставляете только одну?

Въ сильномъ волненіи заскребъ себѣ Чирокъ и голову, и брюхо.

—Ахъ, Миколаичъ, Миколаичъ. Не раздражай ты моего сердца, замолчи!

Въ числѣ немногихъ другихъ «сурьезныхъ» и бывалыхъ арестантовъ Юхоревъ также ни на іоту не измѣнилъ своего отношенія ко мнѣ съ товарищами. Онъ, какъ всегда, бравировалъ своимъ каторжнымъ презрѣніемъ ко всякаго рода милостямъ.

— А наплевать мнѣ,—говорилъ онъ, тряся, какъ левъ, своей могучей головою:—Дадутъ треть—возьму треть, дадутъ двѣ трети— еще того лучше. А, впрочемъ, на себя самого всего лучше надѣяться!

И, загнувъ крѣпкое словцо, онъ торопливо, по обыкновенію, убѣгалъ легкой походкой по своимъ дѣламъ. Что касается, однако,

смысла бумаги, то я не сомнѣвался, что въ глубинѣ души онъ понималъ его такъ же, какъ всѣ.

По окончаніи одного изъ горячихъ споровъ моихъ съ арестантами, въ которомъ принималъ участіе и дежурившій въ тотъ день надзиратель,—Луньковъ таинственно отозвалъ меня въ сторону и сказалъ:

— Иванъ Николаевичъ, я вполнѣ готовъ вѣрить вамъ. Конечно, куда же супротивъ васъ не только намъ, а и самому Шестиглазому. Но только одно я вамъ посовѣтую: держите про себя, что думаете... Ну, вдругъ до высшаго начальства донесется? Спохватится оно и не дастъ намъ двухъ третей... Намъ же вѣдь лучше, ежели они невѣрно понимаютъ...

И онъ такъ трогательно-умоляюще глядѣлъ на меня, произнося это, что я не въ силахъ былъ даже засмѣяться. Между тѣмъ Лучезаровъ, разсерженный въ первыхъ попыхахъ, началъ, должно быть, размышлять. Когда на одной изъ вечернихъ повѣрокъ кто-то изъ арестантовъ спросилъ его, точно-ли двѣ трети прощаются каторжнымъ, бравый капитанъ отвѣчалъ уже съ нѣкоторымъ смущеніемъ, бросивъ косвенный взглядъ въ мою сторону:

— Я послалъ запросъ завѣдующему каторгой... Въ губернаторской бумагѣ, дѣйствительно, нѣсколько неясныя на этотъ счетъ выраженія... Во всякомъ случаѣ вопросъ очень скоро будетъ разъясненъ.

Пѣтушковъ тоже не разъ затѣвалъ со мной споры въ рудникѣ. Онъ понималъ бумагу, какъ всѣ, въ пользу арестантовъ и полушутя, полусерьезно упрекалъ меня въ самомнѣніи, въ желаніи во всемъ быть не такимъ, какъ другіе.

— Я хорошо знаю, что вы ученые люди, а мы пни таежные; ну, а всетаки, ежели не мы, такъ вѣдь Монаховъ то съ Лучезаровымъ не меньше могутъ понимать... Они тоже чему-нибудь учились... Да чего! самъ завѣдующій, слышно, объяснялъ, что скидывается двѣ трети... Неужто-жъ никто, халудора, такъ-таки никто, кромѣ васъ однихъ, во всей нашей Сибири читать не умѣетъ?

— Не читать не умѣютъ, Ильичъ, а настроились всѣ въ пользу двухъ третей — вотъ такъ и понимаютъ. А вы вотъ что скажите мнѣ: положимъ, вы бы 90 руб. жалованья въ мѣсяцъ получали.

— Охъ, ловко-бъ это, халудора, было!

— Положимъ теперь, что за какую-нибудь провинность вамъ уменьшили бъ это жалованье до двухъ третей. Сколько бъ вы тогда получать стали?

— Раньше, говоришь, было 90? Ну, понятно, осталось бы 60 рублей!

— Ну, вотъ сами видите, что по моему и выходитъ.

— Какъ такъ? Что такое? Гдѣ по твоему, халудора тебя заѣшь? срывался съ мѣста Пѣтушковъ и, продолжая споръ, соглашался

прозакладывать своего любимаго коня Воронка противъ 50 р. съ моей стороны...

Молва о томъ, что трое образованныхъ арестантовъ заумничались, катилась, точно снѣжный комъ, по шелайскимъ окрестностямъ, и скоро объ этомъ знали и говорили даже въ заводѣ. Общественное мнѣніе было не на нашей сторонѣ, и всѣ съ явнымъ злорадствомъ поджидали рѣшенія высшаго начальства, рѣшенія, которое должно было въ конецъ пристыдить и опозорить насъ!

— А что, Иванъ Николаевичъ—шутливо говорилъ мнѣ иногда Штейнгартъ:—вѣдь самая большая непріятность будетъ теперь для насъ, если начальство для смѣха возьметъ да и примѣнитъ къ намъ двѣ трети? Ужъ лучше, пожалуй, въ тюрьмѣ остаться, но за то въ качествѣ побѣдителей?

— Ну, нѣтъ, я несогласенъ,—отвѣчалъ я, тоже шутя: — по моему, лучше провалиться, но двѣ трети получить!

Время, между тѣмъ, шло. Большинство арестантовъ ждало, что выпускать изъ тюрьмы станутъ—самое позднее—нѣсколько дней спустя, а нѣкоторые были разочарованы, когда ихъ не выпустили тотчасъ же послѣ молебна и вечеромъ, какъ всегда, сдѣлали повѣрку, прочитали нарядъ на работы и заперли на замокъ. На другой день кто-то пустилъ слухъ, что изъ богадѣльни въ Александровскомъ заводѣ всѣ арестанты давно уже выпущены, и семидесятилѣтніе богодулы, гуляя по кабакамъ, хвастливо шамкаютъ беззубыми ртами:

— Мы еще загремимъ, братцы!..

Но слухъ этотъ вскорѣ былъ опровергнутъ. Дни шли за днями. Повѣрки, работы, весь строй каторжной жизни продолжался своимъ чередомъ; умиленное настроеніе надзирателей и самого Шестиглазаго смѣнилось прежней важностью и суровостью, и кобылка быстро начала падать духомъ. Втайнѣ она продолжала вѣрить въ двѣ трети, но явно все чаще и чаще слышались голоса:

— Правъ Иванъ Николаевичъ, правъ: — и одной-то трети понюхать намъ не дадутъ! Какой тутъ можетъ быть законъ въ Сибири? Одно слово—шемякинъ судъ!

Въ серединѣ лѣта никто даже и не заговаривалъ больше о манифестѣ. О примѣненіи его не было ни слуху, ни духу. Наконецъ, уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ, разнеслась молва, что въ Зарентуйскомъ рудникѣ двоимъ заключеннымъ объявлена сбавка въ двѣ трети. Кобылка опять взволновалась.

— Въ двѣ трети?!

— Да,—говорили съ увѣренностью вѣстники.

— Да какъ же такъ?..—Если это тотъ Малышевъ, котораго я знаю, такъ ему и оставалось-то всего вѣдь нѣсколько мѣсяцевъ, а судился онъ на двѣнадцать лѣтъ.

— А я Сухопятова знаю,—подхватилъ другой изъ слушателей:— онъ въ одинъ день со мной судился, только мнѣ однимъ годомъ

больше присудили... Значитъ, онъ и такъ ужъ пересидѣлъ, потому и мнѣ на дняхъ, почесть, срокъ выйдетъ!

— Какія жъ это двѣ трети?

— Ну, да, можетъ, не тотъ Сухопятовъ,—а другой.

Но вотъ, въ одинъ прекрасный вечеръ Лучезаровъ прочиталъ на повѣркѣ, что трое арестантовъ, находящихся въ Шелайской вольной командѣ, выходятъ на поселеніе. Про этихъ всѣ уже отлично знали, что одному оставался до поселенія мѣсяцъ, двоимъ по два мѣсяца! Каждая почта стала приносить послѣ того подобныя же скидки арестантамъ, большею частью изъ вольнокомандцевъ, сроки которыхъ и безъ того оканчивались въ самомъ близкомъ будущемъ, а одинъ разъ пришелъ приказъ о годовой скидкѣ арестанту, который наканунѣ совсѣмъ окончилъ свою каторгу!.. Разочарованіе было полнѣйшее. Каторга громко негодовала. Иваны больше чѣмъ когда-либо бравировали, заявляя, что они все равно ни въ какихъ милостяхъ не нуждаются, а мелкая шпана ворчала, что сибирское начальство «украло» у нея двѣ трети.

— Да ужъ одну-бъ то хоть дали полнякомъ, — а то и одной вѣдь не выходитъ!

Рѣшили обратиться за разъясненіями къ Шестиглазому. Бравый капитанъ, какъ ни въ чемъ не бывало, съ превеликимъ апломбомъ отвѣчалъ:

— Мальчишествомъ было думать, что скинутъ цѣлыхъ двѣ трети! Въ бумагѣ, точно, была нѣкоторая неясность, но я тогда же предупреждалъ васъ: не возлагайте слишкомъ большихъ надеждъ, ждите разъясненія.

— Да хоть треть-то будетъ-ли скинута, господинъ начальникъ?

— Треть непремѣнно.—Надо только очереди дождаться. Сразу ко всѣмъ примѣнять манифестъ невозможно, васъ вѣдь тысячи цѣлыя...

Объ этой же физической невозможности говорилъ впослѣдствіи шелайскимъ арестантамъ и самъ завѣдующій каторгой. Но я никогда не понималъ ея, какъ не понимаю и до сихъ поръ. Въ управленіи нерчинской каторги работаютъ цѣлые десятки чиновниковъ всевозможныхъ названій и окладовъ жалованья; между тѣмъ, я думаю, два-три хорошо грамотныхъ и добросовѣстныхъ писарька безъ особеннаго труда могли бы въ одинъ какой-нибудь мѣсяцъ подсчитать по статейнымъ спискамъ сроки и сбросить съ нихъ треть всѣмъ 3000 человѣкъ, находящимся въ нерчинской каторгѣ. Канцелярская же волокита умудряется употреблять на это довольно немудрое дѣло отъ 1 до 2 лѣтъ!..

Жизнь вошла окончательно въ обычную колею. Розовыя иллюзіи разсѣялись. Въ теченіе цѣлаго года, «черезъ часъ по столовой ложкѣ», какъ острили арестанты, объявлялись скидки малосрочнымъ. О долгосрочныхъ, казалось, позабыли совсѣмъ. Конечно, при сбрасываніи одной трети на ихъ плечахъ оставалось все еще доста-

точное число лѣтъ каторги, и торопиться съ объявленіемъ имъ «милости» не было, пожалуй, особенной нужды, но недовольство долгосрочныхъ имѣло и свою небезосновательную причину. Именно они надѣялись (и мнѣ самому надежда эта казалась справедливой), что не только весь срокъ уменьшенъ будетъ на одну треть, но въ такой же мѣрѣ сократится срокъ «испытуемый», подлежащій отсидкѣ въ стѣнахъ тюрьмы и составляющій поэтому самую тяжелую часть каторги. Надежда эта, однако, рушилась, какъ и многія другія надежды, и по прошествіи года Лучезаровъ объявилъ намъ о полученномъ имъ откуда-то разъясненіи, что испытуемые сроки должны остаться точь въ точь такими же, какими были и до манифеста *). Это было одно изъ самыхъ горькихъ «разъясненій» для долгосрочныхъ... Вѣчный, къ которому примѣнили манифестъ, становился 20-лѣтнимъ каторжнымъ, 20-лѣтній 13-лѣтнимъ каторжнымъ, но мало утѣшительно было это сокращеніе въ далекомъ будущемъ, когда въ данный моментъ первому изъ нихъ предстояло по-прежнему отсиживать въ тюрьмѣ одиннадцать, второму—семь лѣтъ съ ошельмованной бритьемъ головой и закованными въ кандалы ногами...

— Украло у насъ манифестъ сибирское начальство!—Шемякинъ судъ!—говорила кобылка, безнадежно махая рукою:—гдѣ наше не пропадало...

Кончая эпопею объ «украденномъ» манифестѣ, прибавлю, что слава о нашей прозорливости, пристыдившей само каторжное начальство, приняла огромные размѣры. Къ счастью для самолюбія всѣхъ, кто спорилъ съ нами насчетъ двухъ третей, разочарованіе совершалось очень медленно, почти цѣлыми годами (Пѣтушковъ, напр., до конца утверждалъ, что изъ сената непремѣнно получится разъясненіе, подтверждающее «двѣ трети»), и имъ было поэтому не такъ зазорно примириться съ своимъ пораженіемъ.

Л. Мельшинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

*) Тюремный срокъ каторжныхъ зависитъ отъ числа лѣтъ всего присужденнаго имъ срока. Такъ, для вѣчныхъ онъ равняется одинадцати годамъ; для осужденныхъ на 16, 17, 18, 19 и 20 лѣтъ—семи годамъ, на 13 14, и 15—пяти годамъ, 10, 11 и 12—тремъ съ половиной и т. д. Каторжные, имѣющіе больше 12 лѣтъ всего срока, считаются *первымъ* или рудниковымъ разрядомъ и не пользуются въ обычное время никакими скидками, кромѣ двухъ мѣсяцевъ съ года за хорошее поведеніе. Каторга же малосрочныхъ, благодаря большой горной сбавкѣ, и въ обычное время сокращается почти на половину. Такимъ образомъ, чѣмъ длиннѣе срокъ каторжнаго, тѣмъ положеніе его хуже во всѣхъ отношеніяхъ.

Прим. авт.

ЖРЕЦЫ.

XXII.

На Невзгодина нашелъ рабочій писательскій стихъ.

Онъ заперся въ своей маленькой, неуютной комнатѣ въ верхнемъ этажѣ меблированнаго дома, подъ громкимъ названіемъ «Севильи» и, казалось, забылъ всѣхъ своихъ знакомыхъ.

Возбужденный, съ приподнятыми нервами и съ повышенной впечатлительностію, онъ писалъ съ утра до поздней ночи, отрываясь отъ письменнаго стола лишь для того, чтобы снова думать о работѣ, захватившей молодого писателя всего.

Невзгодинъ поблѣднѣлъ и осунулся. Его впавшіе, лихорадочно блестѣвшіе глаза придавали сосредоточенно-напряженному выраженію лица видъ нѣсколько помѣшаннаго. Онъ работалъ запоемъ уже вторую недѣлю, но почти не чувствовалъ физической усталости, не замѣчалъ, что дышетъ ужаснымъ воздухомъ, пропитаннымъ ѣдкимъ табачнымъ дымомъ, и, не выпуская изо рта папироски, исписывалъ своимъ твердымъ, размашистымъ почеркомъ листы за листами, отдаваясь во власть творчества съ его радостями и муками.

И какъ много было этихъ мукъ!

По временамъ Невзгодинъ приходилъ просто въ отчаяніе отъ безсилія передать въ яркомъ образѣ или выразить въ вѣщемъ словѣ то, что такъ ясно носилось въ его головѣ и что такъ сильно чувствовалось.

А между тѣмъ, слова, ложившіяся на бумагу, казались блѣдными, безжизненными, совсѣмъ не тѣми, которыя могли удовлетворить художественное чутье сколько-нибудь требовательнаго писателя. Онъ это чувствовалъ.

— Не то, не то! — шепталъ Невзгодинъ, мучительно неудовлетворенный.

Онъ рвалъ начатые листы и нервно ходилъ въ маленькой комнатѣ, точно звѣрь по клѣткѣ, ходилъ минуты и часы, не замѣчая ихъ, пока сцена или выраженіе, которыхъ онъ искалъ, не озаряли его мозга какъ-то внезапно и совсѣмъ не такъ, какъ онъ думалъ.

Тогда счастливый, съ просвѣтленнымъ лицомъ, Невзгодинъ снова садился къ столу и писалъ радостно, быстро и увѣренно, не столько сознавая, сколько чувствуя всѣмъ своимъ существомъ правдивость и жизненность того, что, казалось, такъ неожиданно и такъ легко явилось въ его головѣ.

И сколько передѣлывалъ, переписывалъ, зачеркивалъ и сокращалъ Невзгодинъ, искавшій жизни и правды, изящества формы и точности выраженій. Какъ часто надежда въ немъ смѣнялась сомнѣніемъ, сомнѣніе — надеждой, что онъ не лишенъ дарованія, что можетъ писать и напишетъ вещь куда лучше, чѣмъ «Тоска».

Но, такъ или иначе, а онъ не можетъ не писать.

Не смотря на всѣ муки творчества, не смотря на авторскую неудовлетворенность, онъ испытываетъ великое наслажденіе въ этой работѣ, въ этой жизни жизнью лицъ, созданныхъ обобщеніемъ непосредственныхъ наблюденій. Во время работы ему дороги и близки эти лица, все равно—хороши-ли они или дурны, умны или глупы, лишь бы они были жизненны и иллюстрировали жизнь такою, какою она ему представляется, со всѣми ея ужасами пошлости, лицемѣрія и лжи, которыя онъ чувствуетъ, испытывая неодолимую потребность передать все это на бумагѣ.

Такъ нерѣдко думалъ Невзгодинъ и теперь, и въ Парижѣ, когда началъ свое писательство и послѣ долгихъ колебаній послалъ одно изъ своихъ произведеній въ журналъ, наиболѣе ему симпатичный по направленію.

Извѣщеніе изъ конторы журнала—сухое и лаконическое— о томъ, что его повѣсть принята и будетъ напечатана въ январьской книжкѣ, обрадовало Невзгодина, но далеко не разрѣшило его сомнѣній насчетъ писательскаго таланта. Онъ никому не читалъ своихъ вещей, и когда его жена, въ Парижѣ, какъ-то узнала, что онъ пишетъ повѣсть, то высокомѣрно посовѣтовала ему лучше «бросить эти глупости» и прилежнѣй заниматься химіей. Но онъ не бросалъ и въ одной изъ своихъ повѣстей, незадолго до «расхода» съ женой, нарисовалъ типичную фигуру трезвенной, буржуазной студентки, прототипомъ которой послужила ему супруга.

Когда Невзгодинъ увидалъ въ корректурныхъ листахъ свою «Тоску», онъ въ первыя минуты испыталъ невыразимое чувство радостной удовлетворенности автора, впервые увидавшаго свое произведеніе напечатаннымъ. Онъ не прочелъ, а скорѣе проглотилъ свою повѣсть, и ему казалось, что редакторъ писалъ не просто одобряющіе комплименты начинающему писателю, находя ее свѣжей, интересной и талантливой въ своемъ письмѣ, полученномъ одновременно съ корректурой. И Невзгодину нравилась въ печати его «Тоска» послѣ перваго

чтенія, хотя и далеко не такъ, какъ въ то время, когда онъ ее писалъ, переживая самъ настроеніе, приписанное герою повѣсти. Тогда это настроеніе и тоскливый пессимизмъ, скрывающій подъ собою жажду идеала, во имя котораго стоило бы бороться, казались ему значительнѣе, оригинальнѣе и свѣжѣе, и онъ думалъ, что затрогиваетъ что-то новое, чего раньше не говорилось, что его «Тоска» откроетъ многимъ истинныя причины недовольства жизнью.

Но когда въ тотъ же вечеръ Невзгодинъ принялся читать свою повѣсть для правки, внимательно, строку за строкой, вчитываясь въ каждое слово, то впечатлѣніе получилось другое. Авторъ рѣшительно былъ смущенъ и недоволенъ. Образы казались ему теперь недостаточно выпуклыми, характеры — неопредѣленными, общій тонъ приподнятымъ, идея повѣсти далеко не новой, а форма небрежной и требующей отдѣлки.

Двѣ-три сцены во всей повѣсти еще ничего себѣ; въ нихъ чувствовалась жизнь, но въ общемъ... Господи! Какъ это все несовершенно и неинтересно, какъ не похоже на то, чего онъ ожидалъ и что въ повѣсти было ему такъ дорого, такъ близко.

А вдобавокъ ко всему редакторъ обвелъ нѣсколько мѣстъ краснымъ карандашемъ и въ письмѣ пишетъ, что онѣ невозможны въ цензурномъ отношеніи; ихъ надо исключить совсѣмъ.

У Невзгодина явилось желаніе передѣлать всю повѣсть. Но необходимо было вернуть корректуры черезъ день, и авторъ могъ только исправить слогъ, сократить длинноты; онъ послалъ свое дѣтище, почти что чувствуя къ нему ненависть.

Сравнивая свою «Тоску» съ тѣми произведеніями, которыя печатаются въ журналахъ, Невзгодинъ находилъ ее не хуже другихъ, но когда онъ вспоминалъ мастеровъ слова, какъ Левъ Толстой, ничтожность его «Тоски» казалась ему очевидной, и въ эти минуты онъ сожалѣлъ, что она будетъ напечатана.

«И какъ же ее разругаютъ!»

«Но не всѣмъ-же быть Толстыми или Шекспирами. Тогда никому и писать нельзя. И, наконецъ, редакторъ не первый встрѣчный, а извѣстный писатель. Не станетъ же онъ хвалить окончательно плохую вещь? Быть можетъ, я слишкомъ требовательный къ себѣ авторъ и не могу отнестись къ своей работѣ безпристрастно?»

Такъ утѣшалъ себя Невзгодинъ.

И неудачная въ глазахъ его работа вызвала въ немъ желаніе написать что-нибудь лучшее. Что-то въ немъ говорило, что онъ можетъ это сдѣлать — надо только упорно работать надъ своими вещами, отдѣлывать ихъ, добиваться правды и жизни...

Невзгодина потянуло къ писанію. Онъ сталъ пересматри-

вать свои рукописи, и одна изъ нихъ показалась ему стоющей переработки. Тема интересная.

Невзгодинъ принялся было передѣлывать написанный разсказъ, но вмѣсто того сталъ писать заново. И новый совсѣмъ не походилъ на прежній.

Наконецъ, разсказъ былъ оконченъ вчернѣ, и Невзгодинъ сталъ переписывать рукопись. И снова исправлялъ и передѣлывалъ.

Въ это время, какъ-то утромъ корридорный подалъ Невзгодину письмо.

Оно было отъ Маргариты Васильевны. Она передавала приглашеніе Аносовой участвовать въ литературномъ чтеніи и просила поскорѣй съѣздить къ Аглаѣ Петровнѣ за рекомендательнымъ письмомъ къ Измайловой и побывать у богатой купчихи. Въ припискѣ Маргарита Васильевна пеняла, что Невзгодинъ совсѣмъ ее забылъ.

Невзгодинъ былъ раздраженъ, что его отрываютъ отъ работы, и довольно сухо отвѣтилъ, что онъ, конечно, на литературномъ вечерѣ участвовать не будетъ и удивляется, съ чего это «великолѣпная вдова» зоветъ читать начинающаго писателя. Что же касается до визита къ Измайловой, то онъ поѣдетъ къ ней черезъ недѣлю. Раньше невозможно.

Въ концѣ третьей недѣли затворничества Невзгодина, разсказъ окончательно переписанъ два раза четкимъ красивымъ почеркомъ на четвертушкахъ парижской синей бумаги и почти безъ помарокъ. Авторъ перечитываетъ рукопись. Ему кажется, что вышло недурно.

Радостный и веселый, словно-бы онъ внезапно отдѣлался отъ какой-то болѣзни или освободился отъ гнетущаго обязательства, онъ бережно прячетъ рукопись и отъ чаръ фантазіи возвращается въ міръ дѣйствительности. Онъ забываетъ всѣхъ своихъ героевъ, съ которыми жилъ въ теченіе трехъ недѣль, словно до нихъ ему нѣтъ ужъ болѣе дѣла, и только теперь чувствуетъ, какъ онъ разбитъ и утомленъ послѣ долгой, непрерывной работы. Спина болитъ, нервы болѣзненно напряжены. И онъ доволенъ, какъ ребенокъ, что работа кончена, и жаждетъ отдыха, развлеченія. Ему снова хочется знать, что дѣлается на свѣтѣ, и видѣть людей.

Только теперь Невзгодинъ обратилъ вниманіе на обстановку, въ которой онъ работалъ, не замѣчая ея... Въ его комнатѣ грязь была невозможная. Повсюду пыль. Воздухъ спертый, пропитанный табакомъ. Письменный столъ заваленъ окурками... На полу соръ и листы разорванной бумаги. Кровать не убрана...

«Скорѣе вонъ, на воздухъ!»—рѣшилъ Невзгодинъ, удивляясь, какъ онъ могъ не замѣчать всего этого свинства.

Онъ надавилъ пуговку звонка. Прошло добрыхъ пять минутъ, пока явился корридорный Петръ, молодой человѣкъ меланхолическаго вида, въ засаленномъ сюртукѣ.

— Ну, Петръ, окончилъ работу! — весело воскликнулъ Невзгодинъ. — Теперь можете прибрать. Видите, какая вездѣ гадость.

— То-то грязновато. Да вѣдь вы сами приказывали не мѣшать. Я и не мѣшалъ. И осмѣлюсь спросить, много вы получите за эти ваши сочиненія?

— За то, что теперь написалъ?

— Такъ точно-съ.

— Да думаю, рублей триста дадутъ.

— Это за писанье-то?—недовѣрчиво протянулъ Петръ.

— Да.

— Такъ я бы, Василій Васильичъ, на вашемъ мѣстѣ все сидѣлъ-бы да писалъ. Деньжищъ-то за годъ сколько!

— Попали-бы въ сумасшедшій домъ, Петръ! — засмѣялся Невзгодинъ.—Я вотъ три недѣли работалъ, и то спина болитъ. Почистите-ка мнѣ ботинки да принесите воды.

Петръ вышелъ и скоро вернулся съ водой и налилъ ее въ умывальникъ.

— Когда я уйду, вы ужъ, пожалуйста, хорошенько уберите комнату, Петръ!—говорилъ Невзгодинъ, умываясь.

— Форменно уберу, какъ слѣдуетъ къ празднику.

— Къ какому?

— А вы, видно, баринъ, за работой и забыли, что сегодня сочельникъ!

— И впрямь забылъ...

— А кушать сегодня дома будете?.. Уже пятый часъ, а вы не обѣдали.

— Сегодня я вашей дряни не буду ѣсть. Сегодня я кутну, Петръ, и пообѣдаю гдѣ-нибудь въ порядочномъ трактирѣ по случаю окончанія работы... А что же ботинки?

Петръ взялъ ботинки изъ-подъ кровати, обтеръ пыль и проговорилъ:

— Чищены, Василій Васильичъ... Блестятъ... Такъ вы говорите—триста рублей?

— Другіе и больше получаютъ...

— За такую легкую работу? Сиди, да пиши?

— Попробуйте-ка... А у меня былъ кто-нибудь за это время?

— Только вчера одна дама спрашивала. Не допустилъ, какъ вы приказывали. Сказалъ: сочиняютъ, молъ.

— Спасибо, что не пустили, только впередъ говорите просто, что занятъ... А карточки дама не оставила?

— Нѣтъ-съ. Если опять придутъ, принимать?

— Примите.

Невзгодинъ кончилъ мыться и, утирая лицо, кинулъ вопросъ:

— А дама старая или молодая?

— Средственная, но только очень видная. И фасонисто одѣтая.

— Худощавая? Блондинка? — спрашивалъ Невзгодинъ, предполагая, что заходила Маргарита Васильевна.

— Нѣтъ-съ. Въ полной комплекціи, какъ слѣдуетъ, и брунетистая... Съ пинснетомъ...

— Странно. Кто-бы могъ быть?

Петръ, любившій таки поболтать, стоялъ у притолоки и посматривалъ, какъ Невзгодинъ одѣвается.

Онъ недовѣрчиво усмѣхнулся словамъ Невзгодина и промолвилъ:

— Очень даже бельфамистая дама, Василій Васильичъ.

И, помолчавъ, прибавилъ увѣренно:

— Онѣ безпремѣнно въ скорости придутъ.

— Почему вы думаете?

На длинноносомъ, прыщеватомъ лицѣ долговязаго коррндорнаго мелькнула тонкая улыбка, и онъ значительно отвѣтилъ:

— Хоть я и необразованнаго званія человѣкъ, а кое-что, слава Богу, могу понимать, Василій Васильичъ. Барыня очень настоятельно желала васъ видѣть и выспрашивала, когда вы можете принять и вообще—по какой причинѣ не принимаете и здоровы-ли. Обстоятельно выспросила.

— Что-жъ вы сказали?

— Сказалъ: никуда, молъ, не выходитъ и все сочиняетъ, а когда примутъ, неизвѣстно. Какъ, молъ, окончатъ сочинять.

— А она?

— Усмѣхнулась. Ежели безъ васъ придутъ, какъ обнадежить, Василій Васильичъ?

— Скажите, что завтра утромъ до двѣнадцати я дома.

— Слушаю-съ. А изъ пятьдесятъ второго номера актерка сбѣжала!—доложилъ Петръ, почему-то сообщавшій Невзгодину обо всѣхъ событіяхъ въ «Севильѣ».

— Какъ сбѣжала?

— Очень просто.

— Въ чемъ же это ваше «очень просто»?

— За два мѣсяца не заплатила и... тю-тю. Довольно даже ловко... и съ чемоданами. А хозяинъ озлился—бѣда! Ищи-ка, сдѣлай одолженіе! — говорилъ Петръ, повидимому, сочувствовавшій «актеркѣ», помогая Василію Васильевичу надѣть пальто.

— —

XXIII.

Съ видомъ счастливаго школьника, вырвавшагося на свободу, вышелъ Невзгодинъ изъ своей грязной комнаты.

Ему было какъ-то весело и легко послѣ усидчивой работы. Впереди предстояла близкая получка гонорара, а пятьдесятъ рублей, бывшіе у него въ карманѣ, и незаложенные золотые часы вполнѣ поддерживали бодрое настроеніе духа такого богемы по натурѣ, какимъ былъ Невзгодинъ. Онъ глядѣлъ на будущее безъ страха и боязни и не особенно думалъ о какихъ-нибудь постоянныхъ занятіяхъ, надѣясь, что писательство, если пойдетъ удачно, его прокормитъ... Много-ли ему надо?

Онъ беззаботно насвистывалъ какой-то мотивъ, предвкушая удовольствіе побыть на людяхъ, какъ вдругъ изъ-за поворота корридора показалась высокая, плотная женская фигура и шла прямо на него.

— Та самая, что были вчера! — не безъ торжества шепнулъ Петръ, слѣдовавшій сзади.

Невзгодинъ остановился, пересталъ свистать и вглядывался въ приближавшуюся барыню, которая такъ очаровала Петра.

Въ полутьмѣ корридора онъ не могъ разглядѣть ея лица, но въ ея высокой полноватой фигурѣ и особенно въ походкѣ, слегка переваливающейся, было что-то близко знакомое.

— Вы меня не узнали, Невзгодинъ? — произнесла дама, приблизившись къ нему и протягивая съ товарищескою безцеремонностію руку въ черной лайкѣ...—Окончили сочинять, какъ выражается вашъ Лепорелло? Надѣюсь, пожертвуете мнѣ нѣсколько минутъ. Я къ вамъ по дѣлу и очень рада васъ видѣть!—мягко прибавила она.

Съ первыхъ же звуковъ этого твердаго, увѣреннаго и нѣсколько рѣзковатаго голоса, въ которомъ едва слышна была веселая, покровительственно-ироническая нотка, Невзгодинъ узналъ свою жену.

Онъ не испытывалъ ни малѣйшаго непріязненнаго чувства при видѣ этой, когда-то очень близкой ему женщины, съ которой такъ легкомысленно сошелся, плѣнившись, подъ вліяніемъ хандры и одиночества на чужбинѣ, ея разсудительностію, практичностію, упорнымъ трудолюбіемъ въ занятіяхъ наукой и—главное—здоровой, свѣжей красотой, вызывающей своей кажущейся невозмутимостью. Онъ, въ свою очередь, тоже радъ былъ увидать жену, съ которой, благодаря ея такту и уму, разошелся такъ хорошо и такъ основательно, безъ сценъ, безъ взаимныхъ упрековъ, послѣ короткаго супружества, показавшаго, какъ чужды они другъ другу по характеру, взглядамъ, уму, привычкамъ.

Невзгодинъ раздражался бывало и ѣдко подсмѣивался, когда она донимала его поученіями объ умѣренности и аккуратности, но никогда не обвинялъ ее серьезно и не чувствовалъ ненависти, понимая упрямое упорство ея сильнаго характера, съ какимъ она хотѣла подчинить себѣ мужа, разсчитывая сдѣлать изъ него такого же трезвеннаго, уравновѣшеннаго человѣка, какимъ была сама. Онъ скучалъ съ ней, но не могъ ее не уважать за послѣдовательность. Онъ зналъ, что и она считала замужество ошибкой, мѣшающей ея занятіямъ, и былъ благодаренъ ей за правдивость, съ какою она въ этомъ призналась, ни на минуту не представляясь жертвой.

Очутившись теперь лицомъ къ лицу съ женой, Невзгодинъ оставался въ прежнемъ веселомъ настроеніи. Только къ этому настроенію прибавилось что-то иронически-добродушное и вмѣстѣ съ тѣмъ любопытное, точно онъ ждалъ, что жена, какъ бывало въ Парижѣ, сдѣлаетъ ему какой-нибудь выговоръ съ соотвѣтственнымъ научнымъ объясненіемъ.

Невзгодинъ крѣпко пожалъ руку жены и съ изысканною любезностію джентльмена отвѣтилъ:

— Къ вашимъ услугамъ, Марья Ивановна... И сколько угодно минутъ... Я только-что окончилъ сочинять и совершенно свободенъ. И я, право, радъ васъ видѣть, но только не въ этой темнотѣ. Неугодно-ли ко мнѣ въ комнату... Только извините... Вы найдете въ ней безпорядокъ, и она еще не убрана.

— Такъ поздно и не убрана? Вы тотъ же богема?

— Тотъ же... Работалъ...

— Развѣ работа мѣшаетъ порядку? — слегка усмѣхнулась Марья Ивановна.

Невзгодинъ отворилъ двери. Оба, и мужъ и жена, съ любопытствомъ взглянули другъ на друга прежде, чѣмъ войти въ комнату.

Такая же, какъ и была, свѣжая, здоровая и румяная, съ тѣми же правильными, нѣсколько рѣзкими чертами красиваго лица римской матроны изъ русскихъ купчихъ, побывавшей парижской студенткой. То же самодовольно-увѣренное выраженіе въ карихъ глазахъ подъ соболиными бровями, глядѣвшихъ черезъ pince-nez на прямомъ крупномъ носѣ, что придавало лицу еще болѣе серьезный и въ то же время нѣсколько вызывающій видъ. И одѣта она была съ обычной умышленной скромностью, не лишенной своеобразнаго кокетства: черная шерстяная юбка, черная хорошо сидѣвшая жакетка, опушенная чернымъ мѣхомъ, черное боа, черныя перчатки и черная шапочка на головѣ.

«Еще болѣе раздобрѣла, не смотря на усердное занятіе наукой!» — подумалъ Невзгодинъ, замѣтивъ пополнѣвшій бюстъ.

и не безъ любопытства и не безъ нѣкотораго смущенія ждалъ, что будетъ, когда аккуратная до педантизма его чистеха жена войдетъ въ комнату, въ которой дѣйствительно была невозможная грязь.

И дѣйствительно, только-что Марья Ивановна вошла въ комнату, какъ на ея лицѣ выразился ужасъ, и она воскликнула:

— Да вѣдь это нѣчто невѣроятное... Тутъ цѣлыя недѣли не убирали...

— Вродѣ этого, Марья Ивановна!—виновато промолвилъ Невзгодинъ.

— И вы могли жить въ такомъ свинствѣ?

— Какъ видите... Даже не замѣчалъ... Увлекся работой... Да вы присядьте, Марья Ивановна... Вотъ сюда...

Невзгодинъ бросился снимать со стула бумаги.

Марья Ивановна подобрала юбку и осторожно присѣла, продолжая съ брезгливымъ видомъ озирать комнату.

Невзгодинъ хотѣлъ снимать пальто, но жена его остановила:

— Не снимайте, Невзгодинъ... Я сейчасъ ухожу, и васъ не хочу держать въ этой клоакѣ.

Онъ присѣлъ въ пальто.

— Посмотрите на себя, какъ вы осунулись и поблѣднѣли, Невзгодинъ, — продожала Марья Ивановна. — Живя такъ, вы схватите чахотку... Вѣдь это безобразіе... Видно, что некому за вами присмотрѣть... И долго вы сочиняли?..

— Три недѣли.

— И никуда не выходили! Работали по русски—запоемъ?

— Запоемъ.

— Безобразіе! Вамъ жизнь, что-ли, надоѣла?

— Пока нѣтъ еще.

— Такъ не дѣлайте такихъ опытовъ надъ собой и не живите по азіатски. У васъ отъ одного табачнаго дыма можно задохнуться. А какой разводъ микробовъ! Какъ вамъ не стыдно, Невзгодинъ? Кажется, образованный человѣкъ и...

Марья Ивановна вдругъ остановилась и засмѣялась.

— Да что-жъ это я? Пришла къ вамъ по дѣлу, а вмѣсто этого читаю вамъ нотаціи...

— Читайте, не стѣсняйтесь, Марья Ивановна. Я стою ихъ!—весело проговорилъ Невзгодинъ.

— Все равно, безполезно... Васъ не передѣлаешь... Но, безъ шутокъ, такъ жить вѣдь нельзя... Видъ у васъ совсѣмъ скверный...

— Я думаю перебраться отсюда.

— Обязательно. И знаете-ли что, Невзгодинъ?

— Что, Марья Ивановна?

— Вамъ нужна нянька, которая смотрѣла-бы за вами...

Ну, конечно, нянька женщина. Если я поселюсь въ Москвѣ и найму квартиру, милости просимъ ко мнѣ жильцомъ. Я охотно буду смотрѣть за вами... Право, говорю серьезно.

— А я такъ же серьезно благодарю васъ и готовъ быть вашимъ жильцомъ, Марья Ивановна, если только долго усижу въ Москвѣ...

— Ну, а мое дѣло въ двухъ словахъ. Я пришла просить васъ...

— Развода?—подсказалъ Невзгодинъ.

— Онъ мнѣ пока еще не нуженъ. Быть можетъ, нуженъ вамъ?

Въ словахъ ея звучала любопытная нотка.

— И мнѣ, слава Богу, не требуется...

— Больше глупости не повторите?

— Постараюсь.

— Мнѣ нуженъ видъ на жительство. Я, конечно, могла написать вамъ объ этомъ, но мнѣ хотѣлось повидать васъ... У насъ вѣдь нѣтъ другъ къ другу... ненависти... Не такъ-ли? И мы, я думаю, можемъ продолжать знакомство...

— Еще-бы... На какой срокъ вамъ нуженъ видъ?

— На годъ, на два, какъ знаете. Пока меня прописали по заграничному паспорту, но полиція требуетъ видъ отъ васъ.

Невзгодинъ обѣщалъ достать его послѣ праздниковъ.

— Куда прикажете доставать?

— Въ меблированныя комнаты Семенова, на Дѣвичьемъ полѣ, въ Тихомъ переулкѣ... Я тамъ остановилась. Близко къ клиникамъ. Я пріѣхала сюда держать экзамены. Пока я лишь французская докторесса.

— Давно вы пріѣхали?

— Три дня тому назадъ.

— И уже начали заниматься?

— Съ завтрашняго дня начну. Если захотите зайти, помните, что я могу васъ принять только утромъ, по воскресеньямъ. Остальное время я буду заниматься и ходить въ клиники... Ну, а вы... химію бросили?

— Нѣтъ.

— Говорятъ, ваша повѣсть скоро появится.

— Въ январѣ.

— Любопытно будетъ прочесть. Непремѣнно прочту послѣ экзаменовъ... А еще говорятъ...

Марья Ивановна насмѣшливо усмѣхнулась...

— Что еще говорятъ?..

— Будто вы снова увлечены Зарѣчной...

— Вранье, Марья Ивановна...

— И я не повѣрила... Вы неспособны увлекаться серьезно... Ну, однако, идемте...

Марья Ивановна встала, но прежде, чѣмъ выйти изъ комнаты, отворила форточку.

— Вы все та-же, Марья Ивановна?—усмѣхнулся Невзгодинъ.

— Какая?

— Любите порядокъ и живете по строгому росписанію.

— Еще-бы. Да и поздно мѣняться. И вы такой-же...

— Какой?

— Неосновательный...

Они вмѣстѣ вышли на подъѣздъ.

XXIV.

Погода была отличная. Только что выпалъ снѣгъ и блестѣлъ подъ солнцемъ. Морозъ былъ не сильный.

Невзгодинъ съ наслажденіемъ вдыхалъ свѣжій воздухъ, словно-бы опьяненный имъ.

— Вы куда, Марья Ивановна? Не прикажете-ли подвести васъ?

— Послѣ сидѣнья да ѣхать? Вы съума сошли, Невзгодинъ! Вамъ необходимо прогуляться. Мнѣ надо къ шести часамъ быть на Арбатѣ, у тети. А вамъ въ какую сторону?

— Къ Тѣстову обѣдать...

— Богаты, что-ли?

— Положимъ, не богатъ, но послѣ обѣдовъ въ «Севильѣ» хочется побаловать себя...

— И транжирить деньги? Все тотъ-же. Намъ по дорогѣ... Пойдемте пѣшкомъ.

И она, было, направилась. Невзгодинъ ее остановилъ:

— Марья Ивановна! Прокатимся лучше въ санкахъ. Дорога отличная и...

— И что еще?

— Признаться, я дьявольски хочу ѣсть.

— Отсюда не далеко. Вамъ полезно пройтись. Идемте!—властно почти приказала Марья Ивановна.

— Идемте!—покорно произнесъ Невзгодинъ.

Скоро они вышли на Кузнецкій мостъ. Тамъ было много народу, и особенно кидалась въ глаза предпраздничная суета. У всѣхъ почти были покупки въ рукахъ.

На тротуарѣ было тѣсновато. Невзгодинъ предложилъ женѣ руку.

Они пошли теперь скорѣе, рука объ руку, оба веселые и оживленные, посматривая на пѣшеходовъ, на богатыя купеческія закладки, на витрины магазиновъ и мѣняясь отрывочными фразами.

Невзгодинъ невольно вспомнилъ, какъ вскорѣ послѣ супружества они также гуляли по воскресеньямъ по парижскимъ бульварамъ или гдѣ-нибудь за городомъ, но тогда ихъ прогулки обыкновенно кончались спорами и взаимными колкостями.

А теперь они такъ мирно бесѣдуютъ, что со стороны можно подумать, что гуляютъ влюбленные. Вотъ что значитъ быть мужемъ и женой только по названію!

Невзгодинъ улыбнулся.

— Вы чего смѣетесь?

— Вспомнилъ, Марья Ивановна, какъ мы гуляли съ вами въ Парижѣ.

— Для васъ это очень непріятныя воспоминанія? Признайтесь?

— Какъ видите, во мнѣ не осталось злого чувства... А вы какъ обо мнѣ вспоминали, Марья Ивановна. Лихомъ? Или никакъ не вспоминали?

— Напротивъ, часто и всегда какъ о порядочномъ человѣкѣ, которому только не слѣдуетъ никогда жениться... Вотъ и обмѣнялись признаніями!—засмѣялась Марья Ивановна.

У пассажа Попова экипажи ѣхали шагомъ. Въ маленькихъ санкахъ, запряженныхъ тысячнымъ рысакомъ, сидѣла Аносова. Она увидала Невзгодина съ женой и смотрѣла на обоихъ во всѣ глаза, изумленная и взбѣшенная, точно ей нанесена была какая-то обида.

Невзгодинъ взглянулъ на нее. Она отвела глаза въ сторону.

— Глядите, Марья Ивановна, на московскую красавицу, Аносову. Вонъ она на своемъ рысакѣ. Трудно сказать, кто лучше: великолѣпная вдова или рысакъ.

— Она стала еще красивѣе, чѣмъ была въ Бретани, когда я ее видѣла.

— Прелесть... Эта бѣлая шапочка такъ идетъ къ ней.

— Вы съ ней продолжаете знакомство?

— Разъ встрѣтился. У нея еще не былъ. Собираюсь съ визитомъ. Кстати, и дѣло есть.

Они подходили къ театру.

— До свиданія, Невзгодинъ,—проговорила Марья Ивановна, высвобождая руку. Намъ дальше не по пути.

Невзгодину вдругъ пришла мысль пригласить жену обѣдать. Все не такъ скучно, чѣмъ одному, и вдобавокъ онъ распроситъ о парижскихъ знакомыхъ. Къ тому-же, онъ зналъ, что Марья Ивановна любила хорошо покушать, но была слишкомъ скупа, чтобъ позволить себѣ такую роскошь.

Невзгодинъ спросилъ:

— Вы къ теткѣ обѣдать, Марья Ивановна?

— Да, къ шести часамъ... Надѣюсь, не опоздала? Безъ двадцати шесть!—облегченно проговорила она, взглянувъ на часы. Прощайте, Невзгодинъ.

Но онъ пошелъ рядомъ съ ней.

— Нѣтъ, позвольте... У меня къ вамъ просьба!

— Какая?

— Сдѣлайте мнѣ честь, примите мое приглашеніе пообѣдать вмѣстѣ у Тѣстова?

Марья Ивановна изумленно вглянула на Нéвзгодина.

— Съ чего вамъ вдругъ пришла въ голову такая дикая фантазія?—строго спросила она, пытливо взглядывая на Невзгодина.

Но видъ у него былъ самый добродушный.

— Что-жъ тутъ дикаго? Мнѣ просто хочется пообѣдать вмѣстѣ, порасспросить о парижскихъ знакомыхъ и выпить бокалъ шампанскаго не за ваше здоровье—вы и такъ цвѣтете!—а въ благодарность...

— За то, что мы такъ скоро разошлись?—перебила молодая женщина.

— И не сдѣлались врагами...

— Вы по прежнему сумасшедшій и мотыга!.. Но вѣдь вамъ будетъ скучно со мной... Пожалуй, мы къ концу обѣда побранимся...

— Едва-ли... Вѣдь послѣ обѣда мы разойдемся въ разныя стороны.

— Или вы, какъ писатель, хотите изучить меня. Такъ вѣдь довольно, кажется, изучили?..

— Это ужъ мое дѣло.

— И наконецъ, я обѣщала тетѣ...

— Пошлемъ посыльнаго.

Марья Ивановна все еще колебалась.

Хорошо изучившій ее Невзгодинъ сказалъ:

— Или вы боитесь, что скажутъ ваши тети и дяди, если узнаютъ, что вы обѣдали въ сочельникъ съ мужемъ, котораго бросили, и котораго ваши родные считаютъ, конечно, за самого безпутнаго человѣка въ подлунной.

— Я никого и ничего не боюсь... Идемте обѣдать!—рѣшительно проговорила Марья Ивановна.

Они повернули и пошли подъ руку черезъ площадь.

— Вотъ спасибо, что не отказали, Марья Ивановна.

— Но только я обѣдаю съ вами съ условіемъ...

— Заранѣе принимаю какія угодно.

— Мы будемъ обѣдать скромно... Вы не будете бросать даромъ деньги.

«Все та-же скупость. Даже чужія деньги жалѣетъ!»—подумалъ Невзгодинъ и отвѣтилъ:

— Будьте покойны.

— И я вамъ не позволю много пить...

— Буду послушенъ, какъ овечка, Марья Ивановна.

Черезъ нѣсколько минутъ Невзгодинъ съ женою сидѣли въ общей залѣ ресторана, за небольшимъ столомъ, у окна, другъ противъ друга, на маленькихъ бархатныхъ диванчикахъ, какъ, бывало, сидѣли въ Парижѣ, обѣдая по воскресеньямъ, въ короткіе медовые мѣсяцы ихъ супружества, въ дешевыхъ ресторанахъ.

Безъ мѣховой жакетки, простоволосая, съ тяжелой темно-каштановой косой, собранной на темени, безъ завитушекъ спереди, гладко зачесаная назадъ, Марья Ивановна выглядѣла моложавѣе и менѣе полной, въ своемъ черномъ, обшитомъ у ворота бѣлымъ кружевомъ, платьѣ, тонкая ткань котораго плотно облегала ея роскошный бюстъ. И ея румяное лицо, съ легкимъ пушкомъ на полноватой, слегка приподнятой губѣ, подъ которой сверкали крупные зубы, и съ родинкой на рѣзко очерченномъ подбородкѣ, и вся ея крѣпкая, плотная, хорошо сложенная фигура дышала могучимъ здоровьемъ и физической крѣпостью женщины, заботящейся о томъ сохраненіи силы, красоты и свѣжести тѣла, которое французы мѣтко называютъ: «soigner la bête». Не даромъ же Марья Ивановна научилась въ Парижѣ ежедневно обливаться холодной водой, дѣлать гимнастику, ѣздить на велосипедѣ и вообще культивировать въ себѣ здоровое животное по всѣмъ правиламъ гигіены и физическаго воспитанія.

Она строго и нѣсколько изумленно посматривала сквозь стекла своего pince-nez въ золотой оправѣ то на улыбающагося, веселаго Невзгодина, предвкушавшаго удовольствіе дернуть нѣсколько рюмокъ водки и вкусно закусить, то на половыхъ, которые то и дѣло носили и ставили на столъ передъ ними тарелки, тарелочки, сковородки и банки со всевозможными закусками. И хотя у Марьи Ивановны текли слюнки при видѣ свѣжей икры, бѣлорыбицы, семги, осетровой тежки, грибовъ, запеканокъ и всякихъ другихъ русскихъ снѣдей, которыхъ она, коренная москвичка, воспитанная у богатой тетки, такъ долго не видѣла въ Парижѣ, тѣмъ не менѣе ее возмущала эта «непроизводительная трата денегъ», какъ она называла всякое мотовство.

— Невзгодинъ!—проговорила она, наконецъ, тихо и значительно.

Эта манера называть мужа по фамиліи, манера, давно усвоенная Марьей Ивановной и прежде раздражавшая Невзгодина, какъ напускная претензія на студенческую безцеремонность, и этотъ внушительный тонъ цензора добрыхъ нравовъ

не только не сердили теперь Невзгодина, а, напротивъ, возбуждали въ немъ еще большую веселость.

И онъ, будто не догадываясь въ чемъ дѣло, съ самымъ невиннымъ видомъ спросилъ, какъ, бывало, спрашивалъ прежде, называя и тогда жену Марьей Ивановной, но только спросилъ безъ прежней иронической нотки въ голосѣ, а добродушно:

— Что прикажете, строжайшая Марья Ивановна?

— А наши условія? Зачѣмъ вы велѣли подать все это?— тихо сказала Марья Ивановна, указывая взглядомъ на закуски.

— Зачѣмъ? А для того, чтобы вы непремѣнно отвѣдали этихъ прелестей русской жизни! — смѣясь отвѣчалъ Невзгодинъ.—Не будьте же строги и успокойтесь за мой карманъ.,. Все это не дорого стоитъ... Да еслибы и дорого?.. Развѣ вы не доставите мнѣ удовольствія угостить васъ? Съ чего вамъ угодно начать? Позвольте положить вамъ свѣжей икры. Вы прежде ее обожали, Марья Ивановна. А передъ закуской крошечную рюмочку зубровки...

Невзгодинъ угощалъ съ такой подкупающей любезностію, что Марья Ивановна перестала протестовать и даже милостиво разрѣшила Невзгодину налить ей зубровки. Чокнувшись съ мужемъ, она выпила крохотную рюмку водки по-мужски, залпомъ и не поморщившись, и принялась закусывать.

Внутренно очень довольная этимъ неожиданнымъ обѣдомъ съ «безпутнымъ человѣкомъ», но все еще нѣсколько натянутая—чопорная и преувеличенно-серьезная—словно-бы боящаяся, что половые и два-три господина, бывшіе въ залѣ, примутъ ее за непорядочную женщину,—Марья Ивановна ѣла необыкновенно вкусно, не спѣша, видимо наслаждаясь ѣдой, но стараясь, впрочемъ, не обнаружить своей, рѣдкой вообще у женщинъ, страстишки къ чревоугодію, которую она, благодаря скупости и правиламъ режима, всегда обуздывала, не давая ей воли.

«Но изрѣдка можно себѣ позволить!»

И въ спокойныхъ глазахъ Марьи Ивановны загорался даже плотоядный огонекъ, когда она облюбовывала что-нибудь, особенно ей нравящееся, и съ умышленной медлительностію, чтобъ не выказать неприличной жадности, накладывала на тарелочку.

А Невзгодинъ не особенно заботился о корректности и, страшно проголодавшійся, набросился на закуски и, не смотря на строго укоряющіе взгляды жены, выпилъ очень быстро нѣсколько рюмокъ водки. Онъ любилъ иногда выпить и, какъ онъ выражался, «посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ».

Послѣ нѣсколькихъ рюмокъ онъ нисколько не захмѣлѣлъ, а почувствовалъ себя бодрѣе и словно бы воспріимчивѣе, испытывая то нѣсколько возбужденное и пріятное состояніе, когда

человѣка вдругъ охватываетъ приливъ откровенности и ему хочется сказать что-то особенное, хорошее и значительное, но для этого необходимо только выпить еще одну, другую рюмку, и тогда будетъ все отлично.

И Невзгодинъ потянулся къ одной изъ многихъ бутылокъ водки, стоявшихъ на столѣ.

Быстрымъ увѣреннымъ движеніемъ Марья Ивановна схватила своей розоватой, мягкой рукой съ коротко остриженными ногтями маленькую, почти женскую руку Невзгодина, державшую горлышко пузатаго графинчика, и рѣшительно проговорила:

— Довольно, Невзгодинъ!

— Я хотѣлъ только еще одну рюмку, Марья Ивановна!— виновато промолвилъ Невзгодинъ.

— Что за распущенность! Вы и такъ много пили.

— Всего четыре рюмки.

— Неправда, шесть.

— Вы считали?—весело и добродушно спросилъ Невзгодинъ.

— Считала...

Марья Ивановна не отнимала руки. Невзгодинъ чувствовалъ ея силу и теплоту.

— И больше не позволите?

— Не позволю. Вѣдь вамъ такъ вредно пить... И безъ того вы ведете совсѣмъ ненормальную жизнь, и если будете еще пить...

— Я не пью... Изрѣдка только. А если вообще дѣлать только то, что не вредно, то можно умереть съ тоски... Неправда ли, Марья Ивановна?

— Неправда. И я васъ прошу, не пейте больше! — настойчиво повторила молодая докторша.

— Это вашъ капризъ?

— Я не капризна.

— Боязнь, что я буду пьянъ?.. Можете быть увѣрены, что я при дамахъ не напиваюсь.

— Не то.

— Такъ что же?

— Просто... просто искреннее желаніе остановить ближняго отъ безумія.

Она проговорила эти слова мягко, почти нѣжно, и, слегка краснѣя, торопливо отдернула руку.

— Спасибо за ваше участіе. Искренно тронутъ и больше не буду. Поцѣловалъ-бы въ знакъ благодарности вашу руку, но здѣсь нельзя.

И Невзгодинъ приказалъ половому убрать всѣ бутылки съ водкой.

— Довольны моимъ послушаніемъ, Марья Ивановна?

— Еслибъ я была увѣрена, что вы можете быть всегда такимъ, какъ сегодня, то...

Она усмѣхнулась, не докончивъ фразы.

— То что же?

— Я, пожалуй, пожалѣла-бы, что мы разошлись.

— А такъ какъ вы не увѣрены, то и не жалѣете! — весело воскликнулъ Невзгодинъ.

За обѣдомъ Марья Ивановна отдавала честь подаваемымъ блюдамъ и запивала ѣду, по парижской привычкѣ, краснымъ виномъ. Она снова прочла маленькую нотацію Невзгодину, предупреждая его, какъ врачъ, что онъ быстро сгоритъ, какъ свѣчка, если радикально не измѣнитъ образа жизни.

— Я вамъ серьезно это говорю, Невзгодинъ. Нельзя распускать себя.

И она предписывала ему подробности строгаго режима: раннее вставаніе, холодные души, моціонъ, шесть часовъ занятій умственнымъ трудомъ... И—главное—поменьше эксцессовъ.. вы понимаете? Она затруднилась только предписать одно изъ условій режима: спокойный бракъ, вслѣдствіе рѣшительной непригодности Невзгодина къ тихой семейной жизни, но всетаки дала нѣсколько предостереженій относительно вреднаго вліянія на организмъ сильныхъ любовныхъ увлеченій...

— Впрочемъ, по счастью, на нихъ вы неспособны!— заключила Марья Ивановна свою лекцію.

Невзгодинъ слушалъ, потягивая тепловатый кло-де-вужо, и былъ нѣсколько тронутъ такой заботливостью Марьи Ивановны. Все, что она говорила,—и такъ авторитетно,—было несомнѣнно умно, справедливо, но давно ему извѣстно и... скучно. И Невзгодинъ невольно припомнилъ ту пору супружества, когда, спасаясь отъ научныхъ нравоученій жены, сбѣгалъ отъ нея на цѣлые дни.

Обрадовавшись, что лекція окончена, Невзгодинъ охотно обѣщалъ исправиться и сталъ разспрашивать о парижскихъ знакомыхъ, о томъ, какъ Марья Ивановна думаетъ устроиться...

Марья Ивановна сообщила о парижскихъ знакомыхъ и потомъ стала разсказывать о своихъ планахъ и надеждахъ.

По окончаніи экзаменовъ весною она уѣдетъ на мѣсяцъ, другой въ Крымъ отдохнуть и къ осени вернется въ Москву и займется практикой. Она изберетъ спеціальностью — женскія болѣзни и надѣется, что практика у нея будетъ, благодаря родству и знакомству среди богатаго купечества. Она тогда устроитъ себѣ уютную квартиру, сдѣлаетъ хорошую обстановку и будетъ вполнѣ довольна своей судьбой.

— Я вѣдь не гоняюсь за чѣмъ-то особеннымъ, какъ вы,

Невзгодинъ. Мой идеалъ — разумное, покойное, буржуазное счастіе. И я завоюю его! — увѣренно прибавила Марья Ивановна.

— Но для полноты режима благополучія вы забыли одно...

— Что?

— Мужа... но, разумѣется, не такого, какимъ оказался вашъ покорный слуга.

— Пока еще не собираюсь искать его...

— Но послѣ экзаменовъ, когда устроитесь?

— Съ удовольствіемъ выйду замужъ, если найду основательнаго, спокойнаго человѣка, съ которымъ можно жить безъ ссоръ, безъ волненій, которыя такъ портятъ жизнь, мѣшая занятіямъ и раздражая нервы. Только трудно найти такого подходящаго человѣка, который на супружество смотрѣлъ-бы такъ же трезво, какъ я.

Невзгодинъ хорошо зналъ, какъ смотритъ на супружество Марья Ивановна. Онъ зналъ, что ей нуженъ «основательный человѣкъ», главнымъ образомъ, «для режима», чтобы Марья Ивановна была всегда въ уравновѣшенномъ состояніи. Не даромъ же она какъ-то высказывала, что для счастья здоровой, нормальной женщины гораздо пригоднѣе здоровый и даже глупый мужъ, чѣмъ, хотя бы геніальный, но нервный и безпокойный.

И онъ замѣтилъ:

— Но зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, связывать себя непремѣнно бракомъ, Марья Ивановна?

— Я тоже предпочла бы не выходить замужъ и не жить со своимъ избранникомъ вмѣстѣ.

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— А въ томъ, что это повредило бы моей репутаціи и практикѣ.

«Все та же добросовѣстно-откровенная женщина!» — подумалъ Невзгодинъ.

Когда половой разлилъ холодное шампанское по бокаламъ, Марья Ивановна, къ удивленію Невзгодина, не сдѣлала никакого замѣчанія насчетъ «непроизводительнаго расхода», вѣроятно, потому, что очень любила это вино.

— За ваше благополучіе, Марья Ивановна! Отъ души вамъ желаю найти основательнаго мужа и благодарю васъ за то, что своимъ присутствіемъ вы доказали, что не поминаете меня лихомъ! — проговорилъ Невзгодинъ, поднимая бокалъ.

— А вамъ, Невзгодинъ, желаю побольше благоразумія... Помните, что здоровье легко растерять, такъ не губите его!.. А на счетъ лиха я ужъ говорила... За вами его нѣтъ!

Они чокнулись. Марья Ивановна выпила сразу цѣлый бокалъ. Невзгодинъ налилъ ей другой. Она не протестовала.

Слегка заалѣвшая, съ блестѣвшими глазами отъ выпитаго вина, она сдѣлалась проще, оживленнѣе и интереснѣе, не напуская на себя чопорности и серьезности и не стараясь говорить только умныя вещи. Ея докторская степенность умалилась, и въ ней заговорила женщина.

Она теперь даже не прочь была пококетничать съ «безпутнымъ человѣкомъ», испытывая чувство обиды и досады за то, что онъ, повидимому, совершенно равнодушенъ къ ней, какъ къ женщинѣ, а вѣдь прежде она только и нравилась ему, какъ любовница. Потому только онъ и женился на ней. Она это отлично понимала. Не даромъ же они днемъ постоянно ссорились, ни въ чемъ не сходясь другъ съ другомъ, и безмолвно мирились только вечеромъ въ горячихъ поцѣлуяхъ. И какъ онъ тогда былъ нѣженъ!

«Теперь, наоборотъ, онъ не споритъ, не лѣзетъ со своими мнѣніями, но за то и основательно позабылъ объ ея ласкахъ,—неблагодарное животное».

Такія мысли совсѣмъ неожиданно пришли въ слегка возбужденную голову Марьи Ивановны, и она не могла не признаться самой себѣ, что была бы довольна, еслибъ снова понравилась Невзгодину.

Къ чему же она разыскала его и приходила къ нему? Не для того только, разумѣется, чтобы поговорить о видѣ. Объ этомъ можно было бы и написать. Неужели онъ не догадывается, а еще умный человѣкъ.

«Легкомысленный»—заключила про себя Марья Ивановна и тихо вздохнула.

А «легкомысленный человѣкъ» рѣшительно «не догадывался» ни о чемъ, хотя и не считалъ себя дуракомъ.

Но еще съ тѣхъ поръ, какъ бутылка краснаго вина стала пуста, онъ вдругъ нашелъ, что Марья Ивановна гораздо интереснѣе теперь, чѣмъ показалась ему давеча въ полутемной комнатѣ. «Такое же красивое животное, какъ и была!»—думалъ онъ, посматривая, повидимому, добродушно-веселымъ взглядомъ на жену. И въ его не совсѣмъ свѣжую голову тоже совсѣмъ неожиданно врывались воспоминанія изъ той поры супружества, которое онъ называлъ «скотоподобнымъ счастьемъ» и которое теперь казалось ему потеряннымъ раемъ. Въ головѣ немножко шумѣло, въ виски стучало, онъ незамѣтно скашивалъ глаза на лифъ, на шею, на руки и...

— Не разрѣшите-ли, Марья Ивановна, еще бутылку шампанскаго?—спросилъ онъ съ невиннымъ видомъ человѣка, нисколько не виновнаго въ грѣховныхъ мысляхъ.

— Нѣтъ, не надо... не надо, Невзгодинъ. И то у меня чуть-чуть кружится голова. Вы заразили меня своимъ безуміемъ!—тихо смѣясь, промолвила Марья Ивановна.

— А это безуміе развѣ такъ вредно?

— Конечно, вредно!—значительно кинула докторша.

И, помолчавъ, сказала:

— Потребуйте счетъ, Невзгодинъ. Пора намъ и разстаться.

— Что вы?—испуганно воскликнулъ Невзгодинъ.—Неужели вы въ самомъ дѣлѣ хотите уходить? Не уходите... Посидите... прошу васъ!—почти умоляюще шепталъ Невзгодинъ.

— Зачѣмъ?

И Марья Ивановна посмотрѣла на Невзгодина ласково-удивленнымъ взглядомъ. Глядѣлъ на нее и Невзгодинъ жадными, внезапно поглупѣвшими глазами. Взгляды ихъ встрѣтились, улыбающіеся, томные, и не отрывались другъ отъ друга. И оба внезапно примолкли.

Невзгодинъ накинулъ салфетку на протянутую на столѣ руку жены и крѣпко сжималъ ея горячіе мягкіе пальцы, припоминая въ то же время ту сцену изъ «Войны и мира», когда Курагинъ въ ложѣ смотритъ на оголенныя плечи Эленъ, и оба, безъ словъ, понимаютъ другъ друга.

Прошла секунда, другая. Оба отвели глаза и вздохнули.

И словно-бы осѣненный внезапной мыслью, Невзгодинъ вдругъ шепнулъ:

— Знаете-ли что, Марья Ивановна!.. Поѣдемте кататься на тройкѣ... Вечеръ дивный!

— Будемъ безумствовать до конца. Ѣдемъ! —отвѣтила тихо Марья Ивановна.

— Но вы безъ шубы... Вамъ не будетъ холодно?

— Ничего, я холода не боюсь. Если прозябну, заѣдемте къ вамъ... А то заѣзжать въ кабаки дорого. Можно?

— Еще бы!..

— Кстати, я посмотрю, хорошо ли у васъ прибрана комната.

Невзгодинъ нетерпѣливо потребовалъ счетъ и на радостяхъ далъ половымъ три рубля.

Черезъ пять минутъ Невзгодинъ съ женой ѣхали за городъ. Въ Петровскомъ паркѣ Невзгодинъ все повторялъ, что Марья Ивановна обворожительна. Они цѣловались на морозѣ и скоро вернулись въ «Севилью». Поднимаясь по лѣстницѣ, Марья Ивановна предусмотрительно опустила вуаль. Но никто ихъ не видалъ. И швейцаръ, и коррндорный сладко спали.

Около полуночи Невзгодинъ привезъ на извощикѣ жену домой, въ Тихій переулокъ.

У подъѣзда Марья Ивановна протянула Невзгодину руку.

— Не проводить-ли васъ наверхъ? — любезно предложилъ онъ.

— Лишнее!—отрѣзала жена.—Васъ можетъ увидать прислуга.

Невзгодинъ засмѣялся.

— Чему вы?—строго спросила Марья Ивановна.

— Забавное положеніе: жена боится, что ее увидять съ мужемъ.

— Ничего нѣтъ забавнаго. Я не желаю рисковать репутаціей.

— Репутаціей жены, разошедшейся съ мужемъ?

— Именно. Ну, прощайте. Не забудьте поскорѣй прислать видъ на жительство и, лучше бы, постоянный, а то вы еще уѣдете куда-нибудь—ищи васъ. Если пожелаете видѣть меня, я не буду заниматься съ десяти до двѣнадцати утромъ, по воскресеньямъ!—нетерпѣливо говорила Марья Ивановна дѣловитымъ, почти сухимъ тономъ.

И, наскоро пожавши руку Невзгодина, она скрылась въ дверяхъ подъѣзда.

Невзгодинъ усмѣхнулся — далеко не добродушно—и этому тону, и этой формѣ прощанья женщины, только-что бывшей пламенной жрицей любви.

«Прогрессируетъ въ своемъ стремленіи быть настоящей женщиной конца вѣка»,—подумалъ Невзгодинъ и усѣлся въ сани.

Онъ ѣхалъ домой усталый, въ подавленномъ состояніи хандры и апатіи, ощущая только теперь эти послѣдствія долгаго сидѣнья за работой. Онъ былъ словно бы весь разбитъ. Въ груди ныло, въ головѣ сверлило. Онъ чувствовалъ полное физическое и нравственное утомленіе. На душѣ было уныло и безнадежно.

«Она права. Надо перемѣнить образъ жизни, иначе станешь неврастеникомъ!» — разсуждалъ Невзгодинъ, испытывая какой-то мнительный страхъ передъ призракомъ болѣзни.

Вспоминая о неожиданной встрѣчѣ съ женой, онъ не разъ мысленно повторялъ, что они оба порядочные-таки скоты, и снова удивлялся, какъ онъ могъ жениться на Марьѣ Ивановнѣ и прожить съ ней шесть мѣсяцевъ.

Не смотря, однако, на мрачное настроеніе, въ головѣ Невзгодина смутно мелькалъ остовъ новаго разсказа, герой котораго мужъ — тайный любовникъ антипатичной жены. И въ этихъ неясныхъ зачаткахъ будущаго произведенія, авторъ былъ безпощаденъ и къ себѣ, и къ женѣ.

Усталый и сонный поднялся Невзгодинъ въ свой номеръ, быстро раздѣлся и, бросившись въ постель, почувствовалъ неизъяснимое наслажденіе отдыха и черезъ минуту заснулъ, какъ убитый.

XXV.

Невзгодинъ проснулся поздно—въ одиннадцать часовъ.

Солнечные лучи весело заглядывали въ окно съ неопущенной шторой, заливая свѣтомъ маленькую комнату, имѣвшую нѣсколько упорядоченный видъ, благодаря вчерашнему посѣщенію Марьи Ивановны. Послѣ долгаго, крѣпкаго сна. Невзгодинъ снова чувствовалъ себя здоровымъ, бодрымъ и жизнерадостнымъ.

Одно только обстоятельство нѣсколько омрачало его настроеніе это то, что сегодня праздникъ, и всѣ кассы ссудъ заперты.

А между тѣмъ эти учрежденія весьма интересовали начинающаго писателя, такъ какъ въ его бумажникѣ должно было остаться очень мало денегъ изъ тѣхъ пятидесяти рублей, которые были у него вчера утромъ и, казалось, вполнѣ обезпечивали Невзгодина до полученія гонорара за «Тоску».

Но вчерашнія обильныя закуски, обѣдъ съ краснымъ виномъ и шампанскимъ, тройка, возвышенные «на чай» и фрукты, часть которыхъ еще и теперь красуется на столѣ, какъ живое доказательство легкомыслія Невзгодина и его чрезмѣрнаго представленія объ аппетитѣ жены — все это, прикинутое въ умѣ, не оставляло ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что въ бумажникѣ много, много если есть пять, шесть рублей, и что, такимъ образомъ, финансовый кризисъ засталъ Невзгодина врасплохъ, именно въ такой день, когда поздравленія съ праздникомъ неминуемы и дома, и внѣ его, а ссудныя кассы бездѣйствуютъ.

А Невзгодинъ еще собирался сегодня побывать у Зарѣчной, у «великолѣпной вдовы» и еще кое у кого изъ знакомыхъ, а извощики тоже дерутъ праздничныя цѣны.

Лежа въ постели и куря папиросу за папиросой, Невзгодинъ раздумывалъ объ устройствѣ финансовой операціи съ часами, помимо кредитныхъ учрежденій, какъ увидалъ въ зеркало, что въ двери его номера осторожно высунулась сперва рыжая голова, а затѣмъ показалась и вся долговязая, неуклюжая фигура коридорнаго Петра.

Петръ былъ въ черномъ праздничномъ сюртукѣ, въ голубомъ галстукѣ, сильно напомаженъ, выбритъ и слегка выпивши.

Онъ уже давно обошелъ жильцовъ всѣхъ своихъ номеровъ,—которыхъ онъ, впрочемъ, не особенно баловалъ своими услугами, объясняя, что ему не разорваться, и потому, вѣроятно, предпочиталъ не приходить вовсе на звонки,—и нѣсколько разъ подходилъ къ номеру Невзгодина и отходилъ, нѣсколько обиженный тѣмъ, что Невзгодинъ «дрыхнетъ, какъ

зарѣзанный» и, такимъ образомъ, нельзя подвести итоги собранной контрибуціи. Нетерпѣніе Петра объяснялось еще и тѣмъ, что на Невзгодина онъ сильно надѣялся. Не даромъ же онъ можетъ такъ, зря, и такія деньжищи зарабатывать. Сиди да пиши. Очень даже легко!

— Добраго утра, баринъ. Съ праздникомъ Рождества Христова честь имѣю поздравить, Василій Васильичъ! — торжественно проговорилъ Петръ, принимая соотвѣтствующій торжественный видъ.

Онъ поставилъ надиво вычищенныя ботинки у кровати, сложилъ платье на стулъ и, нѣсколько спуская съ себя торжественности, продолжалъ:

— Долго изволили почивать сегодня, Василій Васильичъ... Я ужъ, было, подумалъ: не случилось-ли чего съ вами, что вы такъ долго не звоните, и зашелъ... По нашему каторжному званію во все приходится вникать, Василій Васильичъ, чтобы не быть изъ-за жильца въ отвѣтѣ... Тоже вотъ въ прошломъ году, на масляницѣ, одинъ жилецъ — въ сто сорокъ пятомъ жилъ — долго не вставалъ... Вхожу — номерокъ ихъ тоже не запертъ былъ—и, что же вы думаете? жилецъ мертвый... То есть такая паскудная должность, что и не обсказать, Василій Васильичъ. Вы вотъ сочиняете и большія деньги за сочиненія берете. Сочинили бы, какъ корридорнымъ въ нумерахъ жить... Одинъ на десять нумеровъ, а жалованье отъ хозяина... одно только названіе, что жалованье...

Появленіе Петра вызвало на лицѣ Невзгодина веселую улыбку, разрѣшивъ сомнѣнія о финансовой комбинаціи, и, когда Петръ окончилъ свои меланхолическія изліянія, Невзгодинъ попросилъ его подать со стола бумажникъ.

Петръ бережно, словно бы несъ большую драгоцѣнность, подалъ его и деликатно отступилъ на нѣсколько шаговъ.

Открывши бумажникъ, Невзгодинъ не безъ сожалѣнія убѣдился, что его предположенія оправдались: тамъ было ровно пять рублей.

— Вотъ вамъ, Петръ! — проговорилъ онъ, отдавая корридорному трехрублевую бумажку съ беззаботнымъ видомъ человѣка, въ бумажникѣ котораго есть-таки еще порядочное количество денежныхъ знаковъ.

— Чувствительно благодаренъ, Василій Васильичъ... Извольте вставать, а я тѣмъ временемъ самоваръ и газеты подамъ.

— Постойте, Петръ. Не можете ли вы...

Невзгодинъ на секунду запнулся.

— Что прикажете, Василій Васильичъ?

— Заложить сейчасъ же часы!

Хотя Петръ въ качествѣ корридорнаго и привыкъ къ са-

мымъ неожиданнымъ требованіямъ жильцовъ, тѣмъ не менѣе въ первую минуту былъ нѣсколько озадаченъ.

Въ самомъ дѣлѣ, господинъ можетъ легко заработать большія деньжищи, далъ, не поморщившись, три рубля, на столѣ стоятъ фрукты, и вдругъ: «не можете-ли заложить часы?»

— Это насчетъ какихъ часовъ вы изволите упоминать, Василій Васильичъ?—спросилъ, наконецъ, осторожно Петръ.

— А насчетъ этихъ самыхъ! — пояснилъ съ веселымъ видомъ Невзгодинъ, указывая на золотые, купленные въ Парижѣ, часы, лежавшіе на столикѣ у кровати... Они стоятъ около ста рублей. Мнѣ нужно пятьдесятъ и немедленно!

Петръ нѣсколько мгновеній пристально смотрѣлъ на часы.

— Есть у меня, Василій Васильичъ, одинъ знакомый человѣкъ, который даетъ деньги подъ закладъ, но только теперь, по случаю праздника, не найти его дома... Вотъ еслибы вчера...

— Вчера мнѣ не нужно было...

«Бельфамистая видно порастрясла»,—подумалъ Петръ.

— Это конечно-съ. Еслибы вчера явилась потребность, то и въ ломбартѣ бы взяли. Очень просто. Развѣ у нашего швейцара спытать? У него должны быть деньги, у собаки!— не безъ завистливой нотки въ голосѣ говорилъ Петръ, соображая, не можетъ-ли и онъ самъ тутъ поживиться.—Его должность не то, что моя... Его должность доходная. Каждый идетъ мимо, смотришь и дастъ гривенникъ. Только, Василій Васильичъ, онъ, подлецъ, пожалуй, большой процентъ попроситъ. Упользуется, шельма, по случаю, что какъ праздникъ, такъ негдѣ достать.

— Пусть беретъ. Мнѣ не надолго. Недѣли на двѣ... А тамъ я получу деньги...

— Сколько прикажете давать проценту? Если спроситъ, скажемъ, пять рублей... Не много-ли будетъ, Василій Васильичъ?

— Давайте хоть десять, только достаньте денегъ.

Петръ взялъ часы и вышелъ.

Невзгодинъ быстро вскочилъ съ постели и занялся своимъ туалетомъ.

Парижскій редингогъ былъ бережно разложенъ на кровати, а пока Невзгодинъ, тщательно вымытый, съ расчесанной короткой бородкой, съ густыми каштановыми волосами, стоявшими «ежиками», надѣлъ рабочую блузу и, присѣвши къ столу, сталъ было читать какую-то книгу, поминутно оборачиваясь къ двери.

Наконецъ дверь открылась, вошелъ Петръ съ значительнымъ видомъ и, подавая Невзгодину толстую пачку мелкихъ и порядочно таки засаленныхъ бумажекъ, проговорилъ:

— Насилу уломалъ дурака, Василій Васильичъ. Ужъ, можно сказать, постарался для васъ.

— Спасибо, Петръ.

— Но только, Василій Васильичъ, какъ его ни усовѣщивалъ, а меньше какъ восемь рублей за три недѣли проценту не согласенъ, собака! Народъ нынче, сами понимаете, какой, Василій Васильичъ! — говорилъ Петръ и ругалъ народъ словно-бы изъ потребности выгородить себя изъ этого дѣла, на которомъ онъ, однако, заработалъ два рубля, выговоривъ ихъ отъ собаки-швейцара.

Невзгодинъ обрадованно сосчиталъ деньги, далъ Петру за хлопоты рубль и, спрятавши сорокъ девять рублей, значительно поднявшихъ температуру его веселости, въ бумажникъ, остановилъ Петра, начавшаго было снова разговоръ о положеніи корридорныхъ, покорнѣйшей просьбой подать самоваръ, принести газеты и потомъ сказать, когда будетъ двѣнадцать часовъ.

— Въ одинъ секундъ, Василій Васильичъ!

Минутъ черезъ пятнадцать, составлявшихъ по счету Петра одну секунду, самоваръ былъ поданъ, газеты принесены, а самъ Петръ уже начиналъ заплетать языкомъ.

Лѣниво отхлебывая чай и попыхивая дымкомъ папиросы, Невзгодинъ просматривалъ газеты, наполненныя сегодня почти одними такъ называемыми рождественскими разсказами.

Невзгодинъ сперва пробѣжалъ телеграммы. Узнавши изъ нихъ, между прочимъ, весьма важное извѣстіе о томъ, что у австрійской императрицы ichias—болѣзнь сѣдалищнаго нерва, какъ значилось въ выноскѣ—и что она поэтому въ Неаполь не поѣдетъ,— Невзгодинъ въ качествѣ писателя, которому, быть можетъ, самому придется писать рождественскіе разсказы, прочиталъ два такіе разсказа, подписанные извѣстными литературными фамиліями, украшающими обложки почти всѣхъ журналовъ обѣихъ столицъ.

Помимо подзаголовка: «святочный разсказъ», спеціально рождественское въ нихъ заключалось въ томъ, что дѣйствіе происходило наканунѣ Рождества, и что былъ несчастный, бездомный малютка и добрый господинъ почтеннаго возраста, пригласившій на елку несчастнаго малютку, найденнаго на улицѣ. «А вьюга такъ и завывала. А морозъ все крѣпчалъ и крѣпчалъ».

И Невзгодинъ далъ себѣ слово не только не писать, но и не читать никогда больше рождественскихъ разсказовъ, въ которыхъ несчастныя малютки обязательно бываютъ счастливыми, ѣдятъ виноградъ и яблоки въ теплой залѣ добраго господина въ то время, какъ «вьюга такъ и завывала, а морозъ все крѣпчалъ и крѣпчалъ».

И, словно-бы въ доказательство того, какъ безсовѣстно лгутъ авторы святочныхъ разсказовъ на погоду въ вечеръ сочельника, Невзгодинъ вспомнилъ прелестный вчерашній вечеръ, вспомнилъ и, признаться, слегка пожалѣлъ, что не «завывала вьюга». Тогда Марья Ивановна не согласилась-бы ѣхать на тройкѣ, и онъ, быть можетъ, зналъ-бы, который теперь часъ.

Невзгодинъ заглянулъ въ хронику, и вдругъ выраженіе изумленія застыло на его лицѣ, когда онъ читалъ въ «Ежедневномъ Вѣстникѣ» слѣдующее короткое извѣстіе:

«Въ ночь съ 24 на 25 декабря, приватъ доцентъ московскаго университета Л. Н. Перелѣсовъ, проживавшій Арбатской части, 2 участка, въ домѣ купца первой гильдіи Семенова, въ квартирѣ титулярнаго совѣтника Овцына, выстрѣломъ изъ револьвера нанесъ себѣ смертельную рану въ високъ. Смерть, вѣроятно, была мгновенная. Хозяева, немедленно послѣ выстрѣла прибѣжавшіе въ комнату своего квартиранта, нашли его на полу уже безъ признаковъ жизни. Никакой записки, объясняющей причины самоубійства, не оказалось».

Невзгодинъ зналъ Перелѣсова. Лѣтъ пять тому назадъ онъ познакомился съ нимъ въ одномъ домѣ, гдѣ Перелѣсовъ давалъ уроки, и одно время довольно часто съ нимъ встрѣчался.

Перелѣсовъ не особенно нравился Невзгодину. Несомнѣнно много трудившійся и много знавшій, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка мало талантливаго, скрытнаго и непомѣрныхъ претензій, скрываемыхъ подъ видомъ привѣтливости и даже искательности въ сношеніяхъ съ людьми. Невзгодинъ считалъ его неискреннимъ и безпринципнымъ человѣкомъ. Затѣмъ, по возвращеніи изъ Парижа, Невзгодинъ встрѣтился съ Перелѣсовымъ на юбилеѣ Косицкаго и ему показалось, что Перелѣсовъ, не смотря на видимое добродушіе, озлобленный человѣкъ. Это чувствовалось въ его жалобахъ на то, что ему не даютъ каѳедры, и вообще на свое положеніе. Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ тогда говорилъ Невзгодину, что надѣется, что все это скоро кончится, и онъ, наконецъ, выйдетъ на дорогу. Но вообще Перелѣсовъ далеко не производилъ впечатлѣнія человѣка, способнаго на самоубійство.

Все это припомнилось теперь Невзгодину. Онъ сталъ прочитывать замѣтки о самоубійствѣ Перелѣсова въ другихъ газетахъ. Въ одной были, между прочимъ, слѣдующія таинственныя строчки: «Мы слышали, будто самоубійство Л. Н. Перелѣсова имѣетъ связь съ неприличной статьей, появившейся вслѣдъ за юбилеемъ А. М. Косицкаго». Въ другой сообщалось, что къ Перелѣсову рано утромъ, въ день самоубійства заходилъ какой-то молодой человѣкъ, плохо одѣтый, и что послѣ его короткаго визита Перелѣсовъ, блѣдный и «не похожій на себя», по выраженію кухарки, куда-то поспѣшно ушелъ и

вскорѣ вернулся уже успокоенный. Около полудня онъ вошелъ на кухню и, давши ей два письма, просилъ немедленно снести на почту и отправить заказными. Письма были городскія, но кому адресованы, кухарка не знаетъ. Затѣмъ она въ этотъ день видѣла покойнаго, когда подавала въ его комнату обѣдъ и вечеромъ самоваръ. Ничего особеннаго она въ покойномъ не замѣтила, только удивилась, что за обѣдомъ онъ почти ничего не ѣлъ.

Замѣтка репортера оканчивалась выраженіемъ пожеланія, чтобы «былъ пролитъ свѣтъ на это загадочное самоубійство молодого, полнаго силъ и здоровья, талантливаго ученаго».

«Во всемъ этомъ, дѣйствительно, кроется какая-то драма!» — подумалъ Невзгодинъ и скоро вышелъ изъ дому.

XXVI.

Первый визитъ его былъ къ Маргаритѣ Васильевнѣ.

Щегольски одѣтая, разряженная и вся словно сіявшая весельемъ, отворила двери Катя и, казалось, была изумлена при видѣ гостя.

Невзгодинъ это замѣтилъ.

— Здравствуйте, Катя. Не ждали видно меня?.. Что Маргарита Васильевна принимаетъ?—говорилъ онъ, входя въ двери.

— Здравствуйте, Василій Васильичъ... Я дѣйствительно думала, что васъ нѣтъ въ Москвѣ... Такъ долго у насъ не были... А нашихъ никого нѣтъ дома. Баринъ уѣхалъ съ визитами, а барыня въ Петербургѣ.. Я думала: вы знаете!—прибавила съ лукавой улыбкой горничная.

— Ничего не знаю. Давно уѣхала?

— Третьяго дня съ курьерскимъ.

— И на долго? Не знаете?

— Послѣ завтра обѣщали быть.

— Ну, передайте карточки и позвольте васъ поздравить съ праздникомъ!—сказалъ Невзгодинъ, отдавая двѣ карточки и рублевую бумажку.

Катя поблагодарила и, отворяя двери, спросила:

— Когда-же будете у насъ, Василій Васильичъ?.. Послѣ завтра?.. Я такъ и скажу барынѣ.

— Ничего не говорите. Я навѣрное не могу сказать, когда буду.

— Что такъ? Отчего вы перестали ходить къ намъ, Василій Васильичъ?—съ напускною наивностью спрашивала Катя, повидимому, совершенно сбитая съ толку въ своихъ предположеніяхъ.

Невзгодинъ пристально взглянулъ на эту бойкую московскую «субретку» и, смѣясь, отвѣтилъ:

— Я вовсе не переставалъ ходить, какъ видите.

— Но васъ такъ давно не было, баринъ.

— А не было меня давно оттого, что я былъ занятъ,— ужъ если вамъ такъ хочется это знать, Катя, и вы не боитесь скоро состариться. Знаете поговорку?—насмѣшливо прибавилъ онъ, отворяя двери подъѣзда.

Катя лукаво усмѣхнулась и, выйдя за двери, оставалась съ минуту на морозѣ, но за то слышала, какъ Невзгодинъ приказалъ извозчику ѣхать на Новую Басманную въ домъ Аносовой.

— Знаешь?

— Еще-бы не знать. Всякій знаетъ домъ Аносихи! — отвѣтилъ извозчикъ, трогая лошадь.

Проѣзжая по Мясницкой, Невзгодинъ взглянулъ на почтамтскіе часы. Было безъ десяти минутъ два.

«Не рано для визита!»—подумалъ онъ.

Вотъ наконецъ и красивый «аносовскій» особнякъ, построенный отцомъ Аносовой для своей любимицы «Глуши».

— Въѣзжай во дворъ!

Извозчикъ стеганулъ лошадку и бойко подкатилъ къ подъѣзду. Невдалекѣ стояла карета съ русскимъ «англичаниномъ» на козлахъ и нѣсколько собственныхъ саней съ породистыми лошадьми. Были и извозчики.

«Вѣрно купечество поздравляетъ!»—рѣшилъ Невзгодинъ, входя въ растворившіяся двери.

— Пожалуйте, принимаютъ. Честь имѣю съ праздникомъ поздравить!—привѣтливо говорилъ молодой лакей въ новомъ ливрейномъ полуфракѣ и въ штиблетахъ до колѣнъ.

Невзгодинъ сунулъ лакею рублевую бумажку, оправился передъ зеркаломъ и поднялся во второй этажъ.

На площадкѣ его встрѣтилъ другой ливрейный лакей, постарше, видимо выдержанный и благообразный. Почтительно поклонившись, онъ отворилъ двери въ залу и проговорилъ съ изысканной любезностью:

— Пожалуйте въ большую гостинную.

«Точно идешь къ какой-нибудь маркизѣ Ларошфуко!»— усмѣхнулся про себя Невзгодинъ и вошелъ въ большую, отдѣланную мраморомъ бѣлую, въ два свѣта, залу.

«А вотъ и маркизъ»...

Дѣйствительно, изъ-за портрьеры, въ глубинѣ залы, вышелъ, сѣменя тонкими ножками въ бѣлыхъ штанахъ, маленькій, сухенькій, сморщенный старичокъ въ красномъ, расшитомъ золотомъ, мундирѣ, въ красной лентѣ, звѣздахъ и орденахъ, съ треуголкой, украшенной бѣлымъ плюмажемъ, въ рукѣ.

А на порогѣ гостинной, словно-бы въ красной рамкѣ изъ портрьеръ, вся въ бѣломъ шелку, ослѣпительно красивая,

Аглая Петровна говорила своимъ низкимъ, слегка пѣвучимъ голосомъ, въ шутливо-кокетливомъ тонѣ:

— Еще разъ спасибо, милый князь, что вспомнили вдову-сироту.

Въ эту минуту Аносова увидала Невзгодина, и кровь прилила къ ея щекамъ отъ радостнаго волненія и отъ стыда за только что сказанную фразу. Въ присутствіи Невзгодина она вдругъ почувствовала ея пошловатость и дурной тонъ.

Князь между тѣмъ вернулся, припалъ къ рукѣ Аглаи Петровны и, наконецъ, произнесъ сладкимъ тоненькимъ тенорkомъ:

— Развѣ можно забыть такую божественную красавицу! Я всегда ухожу отъ васъ, потерявши здѣсь бѣдное свое старое сердце и грущу, что не могу, подобно Фаусту, вернуть своей молодости... До свиданія, очаровательная Аглая Петровна!

И сіятельный «Фаустъ» въ почтительномъ поклонѣ низко склонилъ свою голую, какъ колѣно, голову и, повернувшись, засѣменилъ бодрѣй, стараясь держаться прямо.

Аносова уже успѣла справиться съ собою. Равнодушно взглянувъ на Невзгодина, она сдѣлала нѣсколько шаговъ къ нему навстрѣчу. Онъ поклонился.

— Наконецъ, удостоили...

Аглая Петровна произнесла эти два слова умышленно небрежнымъ, слегка насмѣшливымъ тономъ, словно-бы желая подчеркнуть, что посѣщеніе Невзгодина ей беразлично...

А между тѣмъ въ эти мгновенія она испытывала какое-то особенно хорошее, давно ей невѣдомое чувство, совсѣмъ не похожее на мучительную страсть.

Ея сердце точно охватило тепломъ, и все кругомъ стало свѣтлѣй. Ей казалось, что она сдѣлалась мягче, отзывчивѣе, просвѣтленнѣе и вдругъ словно-бы обрѣла давно потерянную вѣру въ людей—вотъ въ этомъ худощавомъ, невидномъ молодомъ человѣкѣ съ нервнымъ, болѣзненнымъ лицомъ и смѣющимися глазами, которому нѣтъ никакого дѣла до ея милліоновъ, и онъ стоитъ передъ ней независимый и свободный.

Аглая Петровна уже не питала досады на Невзгодина. Напротивъ! Ей такъ хотѣлось, такъ неудержимо хотѣлось, чтобы онъ сталъ ея другомъ, братомъ, чтобы понялъ, что она не такая ужъ безсердечная «представительница капитала», какой онъ ее считаетъ, и чтобы относился къ ней хорошо и не сторонился бы ея, какъ теперь, а приходилъ бы запросто поговорить, почитать вдвоемъ...

И, захваченная этимъ настроеніемъ, Аглая Петровна уже не боролась съ нимъ, а свободно отдалась ему.

Она крѣпко, сердечно, не скрывая радостнаго чувства, пожала Невзгодину руку и вдругъ заговорила порывисто, тороп-

ливо и взволнованно, понижая почти до шопота голосъ и глядя довѣрчиво и мягко своими большими бархатными глазами въ острые, улыбающіеся глаза Невзгодина.

— Какъ я рада васъ видѣть, еслибъ вы знали! Вѣдь я ждала, ждала васъ, Василій Васильичъ, и, признаюсь, сердилась на васъ за то, что вы пренебрегли моимъ зовомъ, помните, на юбилеѣ Косицкаго? Вѣрьте, я не лгу и не кокетничаю съ вами. Мнѣ такъ хотѣлось по пріятельски поговорить съ вами, поспорить, послушать умнаго, хорошаго человѣка, для котораго я не мѣшокъ съ деньгами, не богатая купчиха Аносова, а просто человѣкъ. Вѣдь я совсѣмъ одинока со своими милліонами!—съ грустной ноткой въ голосѣ прибавила она.— А вы не ѣхали, и какъ нарочно, пришли съ визитомъ сегодня, когда гости, и нельзя поговорить, какъ—помните?—мы говорили на морскомъ берегу въ Бретани... Стыдно вамъ, Василій Васильичъ!

И этотъ горячій, дружескій тонъ послѣ перваго момента почти равнодушной встрѣчи, и это исканіе духовнаго общенія, и эти, казалось, искреннія похвалы, все это сперва изумило, а потомъ тронуло и даже нѣсколько «оболванило» Невзгодина, лишивъ его въ эти минуты обычной въ немъ способности анализа и безстрастнаго наблюденія.

Ему вдругъ показалось, что онъ былъ, пожалуй, не совсѣмъ правъ въ своихъ поспѣшныхъ заключеніяхъ объ этой «великолѣпной вдовѣ», когда называлъ ее сквалыгой, восторгающейся Шелли и обсчитывающей рабочихъ. И, незамѣтно поддаваясь обычному даже и у неглупыхъ мужчинъ искушенію — вѣрить и извинять многое женщинамъ (особенно, когда онѣ не дурны собой), которыя находятъ ихъ необыкновенно умными и интересными, — онъ уже считалъ себя нѣсколько виноватымъ, что такъ поспѣшно осуждалъ Аглаю Петровну прежде, чѣмъ внимательнѣе приглядѣться къ ней. Конечно, она типичная современная «капиталистка», но въ ней, быть можетъ, по временамъ и говоритъ возмущенная совѣсть и она, дѣйствительно, одинока со своими милліонами.

Такъ думалъ Невзгодинъ, слушая Аглаю Петровну.

И, значительно смягченный и ея особеннымъ вниманіемъ, и ея чарующей красотой, почти извиняясь, отвѣтилъ:

— Я все время былъ занятъ... Увлекся работой... Писалъ.

— Знаю...

— Какъ?

— Узнавала. И похудѣли же вы, бѣдный. Ну, идемъ въ гостиную. Только не уходите скоро. Гости разойдутся, и мы поболтаемъ... Не правда-ли?

— Съ удовольствіемъ.

Она позвала лакея и велѣла больше никого не принимать.

Аглая Петровна вошла въ гостиную вмѣстѣ съ Невгодинымъ, оживленная и веселая, и громко произнесла, обращаясь къ гостямъ:

— Василій Васильичъ Невгодинъ!

Тотъ сдѣлалъ общій поклонъ и, увидавъ профессора Косицкаго и еще двухъ знакомыхъ, обмѣнялся съ ними рукопожатіями и хотѣлъ-было присѣсть, какъ хозяйка его подозвала и подвела къ единственной дамѣ, бывшей тутъ среди мужчинъ во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ,—къ пожилой, изящно одѣтой, дородной брюнеткѣ лѣтъ за сорокъ, сохранившей еще слѣды замѣчательной красоты на своемъ умномъ, энергичномъ, смугломъ лицѣ съ большими красивыми, темными глазами.

— Рекомендую тебѣ, Даша, это тотъ самый невозможный спорщикъ, о которомъ я тебѣ говорила... Мы познакомились съ Василіемъ Васильевичемъ въ Бретани... Моя кузина, Дарья Михайловна Чулкова.

Невгодинъ въ первый разъ увидалъ эту извѣстную въ Москвѣ богачку и щедрую благотворительницу, которую зналъ по фамиліи и по ея репутаціи умной и скромной женщины, умѣвшей толково и умно тратить часть своихъ средствъ на разныя добрыя дѣла и при этомъ безъ шума и безъ треска, не ради того, чтобы о ней говорили и объ ея пожертвованіяхъ печатали въ газетахъ.

Невгодинъ слышалъ, что нѣсколько школъ было обязано ей своимъ существованіемъ и много молодыхъ людей, благодаря ей, получали образованіе. Слышалъ онъ и о помощи, которую оказывала Чулкова и многимъ «пострадавшимъ» и ихъ семьямъ. И самъ Невгодинъ, благодаря Чулковой, не былъ исключенъ изъ университета въ числѣ другихъ бѣдняковъ за невзносъ платы.

Онъ все это припомнилъ, когда Чулкова, указавъ на свободное кресло около себя, заговорила съ нимъ, разспрашивая о жизни русскихъ студентовъ и студентокъ въ Парижѣ.

Разговоръ въ гостинной шелъ лѣниво. Общество было разношерстное. Нѣсколько представителей купеческой аристократіи, два профессора, юный поэтъ изъ декадентовъ, баритонъ изъ Петербурга и высокій бравый полковникъ изъ остзейскихъ нѣмцевъ, объяснявшій хозяйкѣ, что онъ коренной москвичъ.

О самоубійствѣ Перелѣсова не говорили ни слова. Это удивило Невгодина,—онъ зналъ, какъ Москва любитъ посудачить и особенно по такому поводу. И какъ только Чулкова уѣхала, пригласивъ Невгодина когда-нибудь запросто пріѣхать прямо къ обѣду, онъ подсѣлъ къ Косицкому и спросилъ:

— Вы не знаете ли, Андрей Михайловичъ, отчего застрѣлился Перелѣсовъ?

Косицкій боязливо взглянулъ на Аглаю Петровну, сидѣвшую близко.

— Помилосердствуйте, Василій Васильичъ... Развѣ вы не знаете?—воскликнула она.

— То-то не знаю... Читалъ только въ газетахъ...

— А у меня съ утра только и разговоровъ, что объ этой ужасной исторіи... Я слышала ее безчисленное число разъ.

— Но всетаки разрѣшите и мнѣ узнать, а Андрею Михайловичу—разсказать.

— Разрѣшаю, но только пересяду подальше отъ васъ, господа!—проговорила Аносова, вставая, и присѣла около полковника.

— Это очень грустная и поучительная исторія! — сказалъ въ видѣ предисловія старый профессоръ. — Прежде этого не бывало!—прибавилъ онъ.

И Косицкій разсказалъ, что сегодня утромъ Зарѣчный получилъ письмо, написанное Перелѣсовымъ въ день самоубійства. Въ этомъ письмѣ несчастный сообщалъ, что авторомъ пасквильной статьи былъ онъ и такъ какъ, не смотря на принятыя имъ мѣры скрыть слѣды своего авторства, оно открылось, то онъ рѣшилъ не жить, чтобъ не видать заслуженнаго презрѣнія порядочныхъ людей...

— По крайней мѣрѣ, искупилъ свою вину... По нынѣшнимъ временамъ это рѣдкость!—замѣтилъ взволнованный разсказомъ Невзгодинъ.—А какъ же открылось его авторство?

— И это онъ объяснилъ въ своемъ длинномъ и обстоятельномъ предсмертномъ письмѣ. Дѣло въ томъ, что вчера утромъ приходилъ одинъ молодой человѣкъ, его родственникъ и разсказалъ, что факторъ типографіи газеты, въ которой помѣщенъ пасквиль, называетъ его авторомъ, и что слухи эти уже ходятъ... Да. Письмо производитъ потрясающее впечатлѣніе... Перелѣсовъ проситъ Зарѣчнаго простить ему хотя за то, что подлость не достигла цѣли, а цѣль была — занять его мѣсто. Но мертвые срама не имутъ, а живые...

Косицкій сердито покачалъ головой и продолжалъ:

— Не онъ додумался до этой гадости. Его подбили. Несчастный, проклиная, назвалъ того, кто посовѣтовалъ ему высмѣять и мой юбилей, и меня, и коллегъ, обѣщая профессуру, а потомъ, недовольный статьей, самъ же издѣвался. Перелѣсовъ и этому человѣку написалъ письмо.

— Кто же онъ?

— Найденовъ!—тихо проговорилъ Косицкій.—Такой умный, талантливый ученый и...

Старикъ не докончилъ и сталъ собираться.

Скоро всѣ гости ушли.

— Ну, пойдемте, я вамъ покажу свою клѣтушку, Василій

Васильичъ!—сказала Аглая Петровна.—Ужъ если вы будете меня описывать, то непремѣнно въ ней... Тамъ я провожу большую часть своего времени.

Когда Невзгодинъ вошелъ въ «клѣтушку», онъ былъ удивленъ и вкусомъ Аглаи Петровны, и особенно подборомъ книгъ.

Онъ просидѣлъ у Аносовой около часу и болѣе слушалъ, чѣмъ говорилъ. Сегодня она показалась ему не такою, какъ въ Бретани, и Невзгодину не хотѣлось вѣрить, что эта женщина, говорившая, казалось, такъ искренно о неудовлетворенности жизни, понимавшая, такъ тонко художественныя творенія, цитировавшая на память Байрона и Шелли, въ то же время могла быть... кулакомъ.

Но какъ бы то ни было, а Невзгодинъ былъ крайне заинтересованъ Аглаей Петровной.

«Вѣдь она такой любопытный типъ для изученія!» — думалъ онъ, любуясь чарующей красотой этого типа.

И Невзгодинъ ушелъ, обѣщая побывать на дняхъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

К. Станюковичъ.

Среди ночи и льда.

Норвежская полярная экспедицiя 1893—96 гг.

Фритьофа Нансена.

ГЛАВА X.

Выступленiе.

Вторникъ, 26-го февраля 1895 г. Наконецъ наступилъ день, великiй день, когда мы должны отправиться въ путь. Прошедшая недѣля протекла въ неустанной работѣ, въ окончанiи послѣднихъ приготовленiй. Мы должны были выступить 20, но откладывали со дня на день, такъ какъ постоянно нужно было что-нибудь исправить. Дни и ночи мы только и думали о томъ, какъ бы чего-ни будь не забыть. О, это не прекращающееся душевное возбужденiе, не допускающее ни на одну минуту сложить съ себя отвѣтственность и дать волю своимъ мыслямъ, предаться мечтамъ о будущемъ! Нервы напряжены съ момента пробужденiя до поздней ночи. Мнѣ слишкомъ хорошо извѣстно такое состоянiе, всегда овладѣвавшее мною, когда рѣшенiе было окончательно принято, и отступленiе было уже отрѣзано. Но никогда еще оно не было такъ отрѣзано, какъ теперь! Послѣднiя ночи я ни разу не ложился ранѣе 3½ или 4½ часовъ утра. Не только намъ нужно было позаботиться о разныхъ предметахъ, которые мы должны были взять съ собою, но такъ какъ мы покидаемъ судно, то нужно было передать отвѣтственность въ другiя руки и позаботиться о томъ, чтобы ничего не было забыто относительно остающихся. Научныя наблюденiя должны и въ наше отсутствiе производиться такъ же, какъ они производятся теперь и т. д. Такъ наступилъ послѣднiй вечеръ, который мы должны были провести на Fram, и, конечно, состоялся прощальный пиръ. Съ какимъ-то особеннымъ грустнымъ чувствомъ мы припоминали все, что было пережито нами на суднѣ, и эти воспоминанiя примѣшивались къ нашимъ надеждамъ и вѣрѣ въ будущее. Я оставался до ранняго утра, такъ какъ нужно было еще написать письма и оставить привѣтъ роднѣ на случай, если произойдетъ что-нибудь непредвидѣнное. Свердрупу, которому я

передавалъ управленіе экспедиціей, я написалъ слѣдующую инструкцію:

«Капитану Отто Свердрупу
Командиру Fram.

«Оставляя Fram и предпринимая въ сопровожденіи Іогансена путешествіе къ сѣверу, если возможно, до полюса и оттуда на Шпицбергенъ, по всей вѣроятности черезъ землю Франца-Іосифа, я передаю вамъ начальство надъ остающеюся частью экспедиціи. Съ того дня, какъ я оставлю Fram, власть, которою я пользовался, перейдетъ къ вамъ въ тѣхъ же размѣрахъ, и всѣ остальные должны безусловно повиноваться вамъ или тому, кого вы уполномочите быть ихъ руководителемъ. Я считаю лишнимъ отдавать вамъ приказанія относительно того, какъ нужно поступать при разныхъ условіяхъ, даже еслибы можно было сдѣлать это. Я убѣжденъ, что вы сами будете знать, какъ слѣдуетъ поступать при трудныхъ обстоятельствахъ, и знаю, что могу вполнѣ довѣрить вамъ Fram. Главная цѣль экспедиціи проникнуть черезъ неизвѣстное полярное море отъ Новосибирскихъ острововъ къ сѣверу отъ земли Франца-Іосифа и далѣе въ Атлантическій океанъ до Шпицбергена или Гренландіи. Важнѣйшая часть этой задачи, по моему мнѣнію, уже выполнена; остальное будетъ сдѣлано, когда экспедиція проникнетъ далѣе къ западу. Для увеличенія результатовъ экспедиціи я дѣлаю попытку проникнуть на собакахъ еще на сѣверъ.

«Вашей задачей будетъ благополучно довести домой людей, оставленныхъ на ваше попеченіе, не подвергая ихъ никакой ненужной опасности ни ради судна, ни ради груза или результатовъ экспедиціи. Никто не знаетъ, какъ много пройдетъ времени, прежде, чѣмъ Fram попадетъ въ открытыя воды. У васъ есть запасъ провіанта на многіе годы; но, если по какой либо причинѣ плаваніе продлится слишкомъ долго, или же если здоровье экипажа начнетъ портиться, или же вслѣдствіе какихъ либо другихъ основаній вы найдете нужнымъ оставить судно, то тутъ не должно быть никакихъ колебаній. Что касается времени года и маршрута, то вы сами лучше всего рѣшите этотъ вопросъ. Еслибы понадобилось пристать къ берегу, то я нахожу, что это выгодно сдѣлать на землѣ Францъ-Іосифа и Шпицбергенѣ. Еслибы по моемъ и Іогансена возвращеніи были организованы розыски экспедиціи, то они направятся прежде всего въ эти мѣста. Но гдѣ бы она ни высадилась, вы должны возможно чаще ставить на возвышенностяхъ и выдающихся вершинахъ бросающіеся въ глаза знаки и оставлять краткія свѣдѣнія объ томъ, что произошло, и куда вы направились. Чтобы эти значки легко было отличить, то на разстояніи четырехъ метровъ отъ большой вѣхи, въ направленіи магнитнаго сѣвернаго полюса, поставьте вторую, маленькую. Мы такъ часто обсуждали вопросъ о томъ, какъ всего лучше снарядить экспедицію, на случай еслибы пришлось покинуть Fram, что я считаю лишнимъ

возвращаться къ этому теперь. Я знаю, что вы позаботитесь захватить нужное количество каяковъ, саней, лыжъ и др. предметовъ снаряженія, а также постараетесь все привести въ порядокъ и держать наготовѣ. Въ другомъ мѣстѣ я даю вамъ указанія относительно провіанта, который я считаю наиболѣе цѣлесообразнымъ для такого путешествія, а также относительно необходимаго количества его на каждаго человѣка.

«Я знаю также, что вы все приготовите къ тому, чтобы можно было оставить Fram въ самый кратчайшій срокъ, въ случаѣ если произойдетъ пожаръ или напоръ льда причинитъ поврежденія. Если возможно, слѣдуетъ устроить въ безопасномъ мѣстѣ на льду складъ запасовъ и т. п., какъ это было сдѣлано у насъ въ послѣднее время. Всѣ необходимые предметы, которые не могутъ храниться на льду, должны быть сложены на суднѣ, но такъ, чтобы при всякихъ обстоятельствахъ можно было легко ихъ достать. Какъ вамъ извѣстно, въ складѣ находятся теперь только концентрированные запасы для санныхъ путешествій, но такъ какъ возможно, что вы еще долго не двинетесь дальше, то было бы очень желательно сохранить какъ можно больше такихъ запасовъ консервированнаго мяса, рыбы и овощей. Я бы совѣтовалъ держать наготовѣ на льду запасъ этихъ предметовъ на случай, еслибы наступили тревожныя времена. Если Fram отнесетъ теченіемъ слишкомъ далеко къ сѣверу отъ Шпицбергена, и онъ попадетъ въ теченія у восточныхъ береговъ Гренландіи, то тутъ могутъ быть разныя случайности, о которыхъ въ данную минуту трудно составить себѣ представленіе.

«Но еслибы вы были вынуждены покинуть Fram и повернуть къ материку, то я бы посовѣтовалъ вамъ непремѣнно ставить вѣхи (съ подробными указаніями куда вы отправляетесь и т. д.) вездѣ, гдѣ вы будете проходить, такъ какъ возможно, что туда будутъ направлены розыски экспедиціи. Вы сами лучше всего рѣшите, обсудивъ всѣ обстоятельства, должны-ли вы въ такомъ случаѣ попытаться достигнуть Исландіи (которая лежитъ всего ближе, и которую вы могли-бы достигнуть, слѣдуя по краю льдовъ въ первой половинѣ лѣта) или-же датскихъ колоній, находящихся къ западу отъ мыса Фаруэлль.

«Въ числѣ предметовъ, которые вы должны захватить съ собою, кромѣ необходимаго провіанта, въ случаѣ необходимости оставить Fram, я бы отмѣтилъ оружіе и всѣ предметы вооруженія, всѣ научные записи и дневники, а также всѣ коллекціи, если онѣ не слишкомъ тяжелы, а если тяжелы, то небольшіе образцы, взятые изъ нихъ, затѣмъ фотографіи, ареометръ Эдермана, при помощи котораго сдѣлано большинство опредѣленій удѣльнаго вѣса морской воды и, само собою разумѣется, всѣ журналы и замѣтки, представляющія какой-либо интересъ. Я оставляю здѣсь дневники и письма, которыя особенно поручаю вамъ и прошу передать Евѣ, въ случаѣ

если я не вернусь, или если, противъ всѣхъ ожиданій, вы раньше насъ вернетесь домой. Гансенъ и Блессингъ, какъ вамъ извѣстно, берутъ на себя научную часть и коллекціи, вы же сами будете наблюдать за промѣромъ и за тѣмъ, чтобы онъ производился такъ часто, какъ только дозволяетъ это состояніе веревки лота. Я считалъ бы въ особенности желательнымъ, чтобъ промѣръ производился, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ черезъ каждыя 60 морскихъ миль, а если чаще, то еще лучше. Если же глубина оказалась бы меньше и измѣнчивѣе, чѣмъ теперь, то я полагаю лишнимъ напоминать вамъ, что промѣры въ такомъ случаѣ должны производиться какъ можно чаще.

«Такъ какъ экипажъ судна вообще невеликъ, а теперь еще уменьшится съ уходомъ двухъ человѣкъ, то каждому изъ оставшихся придется, вѣроятно, работать больше, но я увѣренъ, что вы будете освобождать людей, когда это будетъ возможно, чтобы они помогали при производствѣ научныхъ наблюденій.

Прошу васъ также наблюдать, чтобы каждые десять дней (1, 10 и 20 каждаго мѣсяцъ) производилось буреніе льда и измѣреніе его толщи такимъ точно образомъ, какъ это дѣлалось до сихъ поръ. Эти работы большею частью производилъ Гендриксенъ, и на него можно положиться.

«Въ заключеніе желаю вамъ и всѣмъ, кто теперь остается на вашей отвѣтственности, самаго лучшаго успѣха. Пусть мы встрѣтимся въ Норвегіи, все равно на этомъ суднѣ или безъ него!

Преданный вамъ

Фритіофъ Нансенъ.

25 февраля 1895 г.».

Наконецъ, мозгъ могъ отдохнуть, работа начиналась для ногъ и рукъ. Сегодня утромъ все уже было готово къ выступленію. Пять товарищей, Свердрупъ, Гансенъ, Блессингъ, Гендриксенъ и Могштадъ вывели насъ на дорогу и захватили съ собою сани и палатку. Четверо саней были приготовлены, собаки запряжены, затѣмъ мы передъ самымъ выступленіемъ позавтракали и, выпивъ по бутылкѣ мальцэкстракта, сказали послѣднее сердечное прости остающимся. Мы собрались въ путь во время снѣжной мятели.

Я шелъ впереди первыхъ саней, вмѣстѣ съ «Квикъ»; за нами, при крикахъ ура, хлопаніи бичомъ и лаѣ собакъ, слѣдовали однѣ сани за другими. Въ то же время съ палубы судна намъ отвѣчали прощальнымъ салютомъ. Сани грузно подвигались впередъ; медленно взбирались онѣ на холмъ и наконецъ совсѣмъ остановились, когда подъемъ сдѣлался слишкомъ крутымъ, такъ что мы всѣ должны были помогать, потому что одному человѣку было ихъ не втащить; но по ровному пространству мы полетѣли, какъ вихрь, такъ что спутникамъ нашимъ на лыжахъ довольно трудно было слѣдовать за санями. Я долженъ былъ держаться изо всѣхъ силъ, чтобы не запутаться ногами въ постромкѣ, когда сани меня пота-

шили. Тотчасъ же затѣмъ прибѣжалъ Могштадъ съ крикомъ, что во время ѣзды у однѣхъ саней оторвались перекладины, соединяющія вертикальныя подпорки полозьевъ. Сани со всѣмъ тяжелымъ грузомъ съ размаху ударились объ стоящій торчкомъ кусокъ льда, который разломалъ одну за другой всѣ три перекладины и кромѣ того еще одну или двѣ вертикальныя подпорки полозьевъ. Больше ничего не оставалось дѣлать, какъ вернуться назадъ на судно, чтобы исправить сани и сдѣлать ихъ еще прочнѣе въ видахъ предупрежденія повторенія такихъ случаевъ.

Сани снова разгрузили и втащили на судно, чтобы исправить. Итакъ, мы опять проводимъ вечеръ здѣсь. Но я всетаки радъ, что этотъ случай произошелъ именно теперь, было бы хуже, если-бы это случилось нѣсколькими днями позднѣе. Я возьму теперь вмѣсто четырехъ—шесть саней, чтобы можно было уменьшить грузъ, и онѣ могли бы легче двигаться по неровностямъ почвы. Я положу кромѣ того внизу, подъ перекладинами саней, широкую доску, которая должна будетъ защищать ихъ отъ остріевъ льда. Такъ какъ для обереженія времени лучше всѣ эти мелочи хорошенько исправить до отъѣзда, то мы, вѣроятно, раньше послѣзавтра не будемъ готовы къ выступленію.

Мнѣ было очень странно снова очутиться на суднѣ, послѣ того какъ я уже простился навсегда, какъ мнѣ казалось, съ своею прежнею обстановкой. Когда я взошелъ на корму, то увидѣлъ, что пушки лежатъ въ снѣгу; одна изъ нихъ свалилась, другая же, вслѣдствіе салютныхъ выстрѣловъ, отскочила далеко назадъ. На бизани еще развѣвался красно-черный флагъ.

Я нахожусь въ превосходномъ настроеніи. Сани, повидимому, легко скользятъ, хотя нагружены на 50 килограммъ болѣе, чѣмъ это предполагалось раньше (общій вѣсъ приблизительно 1100 килограммъ), и все имѣетъ многообѣщающій видъ. Намъ придется подождать еще нѣсколько дней, такъ какъ весь день дуетъ юговосточный вѣтеръ, который, по всей вѣроятности, быстро подвинетъ насъ къ сѣверу.

Вчера мы находились подъ 83°47' сѣв. широты, а сегодня уже 83°50'.

Въ четвергъ, 28-го февраля, мы снова пустились въ путь со своими шестью санями. Свердрупъ, Гансенъ, Блессингъ, Гендриксенъ и Могштадъ сопровождали насъ, а другіе также прошли съ нами нѣкоторое разстояніе. Мы нашли, однако, что наши собаки не такъ хорошо везутъ, какъ мы ожидали, и я пришелъ поэтому къ заключенію, что съ такимъ грузомъ мы будемъ очень медленно подвигаться впередъ. Такъ какъ мы находились недалеко отъ судна, то я рѣшилъ снять нѣсколько мѣшковъ съ провіантомъ для собакъ и оставить ихъ; потомъ кто-нибудь возьметъ ихъ обратно на судно.

Когда мы въ 4 часа послѣ обѣда остановились, то нашъ годо-

метръ *) или измѣритель пути показывалъ, что мы удалились едва на шесть километровъ отъ Fram. Мы провели въ палаткѣ пріятный вечеръ вмѣстѣ со своими друзьями, которые хотѣли вернуться только на другой день. Къ моему удивленію, былъ изготовленъ пуншъ и произнесены тосты въ честь тѣхъ, кто оставался, и тѣхъ, кто уходилъ. Только около 11 часовъ вечера заползли мы въ свои спальные мѣшки.

На суднѣ была въ этотъ вечеръ устроена въ честь насъ большая иллюминація. На верхушкѣ бизани была повѣшена электрическая лампа, и въ первый разъ электрическій свѣтъ освѣщалъ своими лучами ледяныя массы полярнаго моря. Зажжены были также факелы, на разныхъ мѣстахъ льдинъ вокругъ Fram былъ сожженъ фейерверкъ въ видѣ огненныхъ колесъ и т. п., что производило блестящее впечатлѣніе. Свердрупъ распорядился, чтобы вплоть до его возвращенія каждый вечеръ зажигался на бизани фонарь или электрическій свѣтъ. Такое распоряженіе было сдѣлано на случай непогоды: снѣгъ могъ бы замести слѣды и тогда легко можно было бы сбиться съ пути и не найти дороги къ судну. Подобный свѣтъ видѣнъ на большомъ разстояніи на гладкой равнинѣ, а если взобраться на высокую льдину, то можно увидать его на разстояніи нѣсколькихъ миль.

Я опасался, что собаки, когда ихъ спустятъ, повернутъ назадъ къ Fram и поэтому приготовилъ два стальныхъ каната, къ которымъ на небольшомъ разстояніи были прикрѣплены короткіе ремни, такъ что мы могли привязать собакъ къ нимъ между двумя санями. Однако, нѣсколько собакъ вырвалось, но онѣ, повидимому, не думали уходить отъ насъ и своихъ товарищей. Ночью, конечно, вокругъ палатки раздавался жалобный вой, который многимъ изъ насъ помѣшалъ спать.

На слѣдующее утро (пятница 1-го марта) одинъ изъ нашихъ спутниковъ долженъ былъ сварить кофе и провозился съ этимъ три часа. Онъ даже не могъ справиться съ кухоннымъ аппаратомъ. Мы позавтракали вмѣстѣ очень пріятно и только въ 11½ часовъ отправились дальше. Наши пять товарищей провожали насъ еще нѣсколько часовъ и затѣмъ въ тотъ же вечеръ повернули назадъ на Fram.

«Это было въ высшей степени пріятное прощаніе,—записалъ я въ своемъ дневникѣ, но всетаки тяжело разставаться, даже подъ 84° и понятно, что при этомъ въ глазахъ многихъ блеснула слеза.»

Послѣднее, о чемъ меня спросилъ Свердрупъ, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда мы готовились разстаться, было—намѣренъ-ли я отправиться къ южному полюсу по возвращеніи домой? Если да,

---

*) Этотъ аппаратъ былъ сдѣланъ передъ самымъ нашимъ выступленіемъ изъ стараго анемометра. Мы прикрѣпили его за послѣдними санями и онъ довольно вѣрно указывалъ пройденное разстояніе.

то онъ надѣется, что я подожду его возвращенія. Затѣмъ онъ просилъ меня поклониться отъ него женѣ и ребенку.

Наконецъ, мы съ Іогансеномъ отправились. Мы подвигались очень медленно, когда остались одни, со своими шестью санями, тѣмъ болѣе, что сани задерживались на дорогѣ разными неровностями и трещинами, притомъ-же и ледъ становился хуже. Такъ какъ дни были очень коротки, и солнце еще не стояло надъ горизонтомъ, то послѣ обѣда трудно было подвигаться въ темнотѣ, и поэтому мы довольно рано расположились на ночлегъ.

Среда, 6-го марта. Мы снова находимся на Fram и въ третій разъ начинаемъ путешествіе, теперь надѣюсь, что это будетъ въ послѣдній.

Въ субботу, 2-го марта, мы продолжали свой путь съ шестью санями, послѣ того, какъ я, изслѣдовавъ ледъ на сѣверѣ, нашелъ его довольно проходимымъ. Мы подвигались впередъ очень медленно, намъ приходилось проходить одинъ путь по нѣсколько разъ, потому что сани всюду задерживались и надо было имъ помогать. Я убѣдился въ концѣ концовъ, что мы, такимъ образомъ, никогда далеко не уйдемъ и поэтому рѣшилъ остановиться и тщательно осмотрѣть ледъ на сѣверѣ и тогда уже обсудить дѣло. Послѣ того, какъ мы привязали собакъ, я отправился въ путь, а Іогансенъ принялся разбивать палатку и кормить собакъ. Собаки получали кормъ черезъ 24 часа и именно вечеромъ, по окончаніи дневной работы.

Пройдя нѣкоторое разстояніе, я очутился на прекрасной равнинѣ, гдѣ можно было хорошо двигаться впередъ. До сихъ поръ все было въ порядкѣ, но только нужно было облегчить грузъ и уменьшить число саней. Безъ сомнѣнія было-бы самое лучшее вернуться на Fram и произвести дальнѣйшія измѣненія въ саняхъ, которыя мы хотимъ взять съ собою, и еще больше укрѣпить ихъ, чтобы увеличить ихъ прочность.

Конечно, мы могли какъ нибудь подвигаться къ сѣверу; грузъ уменьшался бы постепенно съ теченіемъ времени, но это было бы слишкомъ долго и собаки пришли бы въ изнеможеніе раньше, чѣмъ грузъ уменьшится въ достаточной степени. Собакамъ было ночью слишкомъ холодно и мы слышали какъ нѣкоторые изъ нихъ выли почти всю ночь. Но если мы хотимъ уменьшить грузъ, разсчитывая, что тогда путешествіе наше будетъ короче, то пожалуй намъ лучше будетъ подождать и выступить нѣсколько позднѣе. Мы могли бы тогда лучше воспользоваться своимъ временемъ, такъ какъ дни будутъ свѣтлѣе, холодъ меньше и вслѣдствіе этого санный путь сдѣлается лучше. Мы провели еще одну ночь въ палаткѣ, въ которую залѣзли съ трудомъ, потому что наши шубы плотно замерзли, такъ же какъ и наши спальные мѣшки.

На слѣдующее утро (воскресенье, 3-го марта) мы порѣшили вернуться на Fram. Я впрегъ двойную упряжку собакъ въ сани, и онѣ такъ помчались черезъ ледяные холмы и другія неровности,

что въ нѣсколько часовъ мы прошли то самое разстояніе, на которое передъ тѣмъ ушло три дня. Преимущество легкой нагрузки такимъ образомъ было ясно.

Приближаясь къ Fram, я увидалъ, къ своему великому изумленію, верхній край солнца на югѣ, надъ льдомъ; это было въ первый разъ въ этомъ году. Я совсѣмъ не ждалъ солнца, но вслѣдствіе сильнаго преломленія лучей, вызваннаго низкою температурой, его стало видно раньше. Первое извѣстіе, которое я узналъ отъ вышедшихъ ко мнѣ навстрѣчу, было то, что Гансенъ передъ тѣмъ послѣ обѣда произвелъ наблюденія и нашелъ 84°4′ сѣв. широты.

Несомнѣнно, для меня было большимъ удовольствіемъ вытянуть еще разъ свои члены на софѣ, въ салонѣ Fram, утолять жажду вкуснымъ лимонадомъ и вкушать цивилизованный обѣдъ. Послѣ обѣда Гансенъ и Нордаль вернулись къ Іогансену съ моими санями, чтобы составить ему компанію на ночь. Когда я уходилъ, то мы сговорились, что онъ отправится назадъ какъ можетъ, а я пошлю ему подкрѣпленія.

Собаки не теряли времени и уже черезъ часъ и двадцать минуть подвезли обоихъ посланныхъ къ палаткѣ Іогансена. Вечеромъ всѣ трое устроили у себя такой же большой праздникъ въ честь солнца и 84°, какъ и мы на суднѣ.

На слѣдующее утро мы отправились втроемъ за санями. Когда же мы повернули назадъ къ судну, то собаки повезли лучше и мы бы скоро достигли судна, еслибъ во льду не образовалась длинная канава, конца которой не было видно, она задержала наше движеніе; въ концѣ концовъ мы бросили сани, а сами, вмѣстѣ съ собаками, прошли черезъ канаву по плавающимъ кускамъ льда. Вчера мы два раза пробовали провезти сани, но въ канавѣ замѣтно было нѣкоторое движеніе, а новый ледъ былъ такъ тонокъ, что мы не рѣшались ему довѣриться. Но сегодня вечеромъ намъ удалось наконецъ привезти сани на судно и теперь мы снова готовимся къ путешествію, будемъ надѣяться, что въ послѣдній разъ.

Если мы можемъ, какъ я разсчитываю, совершить свое путешествіе въ наивозможно короткій срокъ, употребивъ для этого легкія сани, и будемъ мчаться такъ быстро, какъ только дозволятъ это наши ноги и лыжи, то не будемъ въ проигрышѣ; въ томъ случаѣ конечно, если не встрѣтимъ на пути слишкомъ много ледяныхъ холмовъ и канавъ во льду. Я взвѣсилъ всѣхъ собакъ и пришелъ къ заключенію, что если мы будемъ кормить ихъ собачьимъ же мясомъ, то можемъ пробыть въ пути приблизительно около 50 дней; но такъ какъ кромѣ того у насъ хватитъ провіанта для собакъ приблизительно на 30 дней, то значитъ мы можемъ разсчитывать на 80 дней путешествія съ собаками, и надо полагать, что въ этотъ срокъ можно будетъ кое чего достигнуть. Затѣмъ у насъ хватитъ провіанта еще на 100 дней, для насъ самихъ. Такъ будетъ,

если мы возьмемъ съ собою трое саней съ грузомъ около 220 килограммъ на каждыя и по девяти собакъ на каждыя; тогда дѣло пойдетъ.

Снова мы горячо принялись за приготовленія и исправленія. Между тѣмъ ледъ началъ слегка двигаться; онъ раскололся и во многихъ мѣстахъ образовались трещины. 8-го марта я записалъ: «Трещина, образовавшаяся въ наше отсутствіе въ большой льдинѣ у штирборда, превратилась въ широкую канаву, которая видимо распространяется въ новообразованномъ льду къ сѣверу и югу до самаго горизонта.

«Просто смѣшно, что лодка съ керосиновымъ двигателемъ всегда оказывается въ критическомъ положеніи, гдѣ бы она ни находилась. Трещина какъ разъ образовалась подъ лодкой, такъ что сегодня утромъ мы увидѣли, что она виситъ кормою въ водѣ. Мы рѣшили разломать эту лодку и передѣлать ея вязовыя доски въ санные полозья. Это будетъ концомъ лодки».

Среда, 13-го марта, 84° сѣв. широты, 101°55′ восточной долготы. Время прошло въ приготовленіяхъ; теперь все въ порядкѣ. Трое саней стоятъ готовыя на льду. Ради предосторожности мы сдѣлали сегодня пробу и запрягли собакъ въ нагруженныя сани; собаки потащили ихъ такъ легко, какъ только можно, завтра мы въ послѣдній разъ выступаемъ, со свѣжими силами. Такъ какъ солнце теперь уже стоитъ на небѣ, то у насъ по крайней мѣрѣ есть увѣренность, что впереди еще болѣе свѣтлые дни.

Сегодня вечеромъ состоялся большой прощальный пиръ и было сказано много сердечныхъ рѣчей, завтра мы выйдемъ возможно рано, разумѣется если ночныя грезы насъ не задержатъ.

Сегодня ночью я прибавилъ къ моимъ инструкціямъ Свердрупу еще слѣдующее:

«P. S. Въ предшествующихъ инструкціяхъ, написанныхъ мною на скоро въ ночь на 25-го февраля, я забылъ упомянуть еще кое что. Но ограничусь слѣдующимъ замѣчаніемъ: если вы увидите неизвѣстную страну, то, разумѣется, все должно быть сдѣлано, чтобы опредѣлить ея положеніе и изслѣдовать, насколько это дозволятъ обстоятельства. Если Fram можетъ подойти къ этой странѣ и, по вашему мнѣнію, судну не будетъ угрожать опасность, то все, что вы сдѣлаете для изслѣдованія мѣстности, будетъ представлять громадный интересъ, каждый камешекъ, лишай или мохъ, каждое животное, отъ самаго большого до самаго маленькаго, будетъ имѣть громадное значеніе. Надо фотографировать и составить точное описаніе всего, а также объѣздить насколько возможно дальше страну, чтобы опредѣлить ея береговую линію, величину и т. д. Но все это слѣдуетъ предпринимать лишь въ томъ случаѣ, если не грозитъ никакая опасность. Когда Fram плыветъ во льдахъ, то само собою разумѣется можно предпринимать только короткія экскурсіи, такъ какъ можетъ случиться, что участникамъ такой экспедиціи

———

будетъ очень трудно добраться до своего судна. Еслибы Fram остался стоять болѣе долгое время на одномъ мѣстѣ, то подобныя экскурсіи слѣдуетъ предпринимать всетаки съ большою осторожностью и не дѣлать ихъ очень продолжительными, потому что неизвѣстно, когда судно снова поплыветъ, а для всѣхъ участвующихъ было бы очень непріятно, еслибы экипажъ Fram еще болѣе уменьшился.

Мы такъ часто говорили съ вами о научныхъ изслѣдованіяхъ, что я не считаю нужнымъ упоминать здѣсь объ этомъ. Я увѣренъ, что вы сдѣлаете все, что въ вашихъ силахъ, для того, чтобы экспедиція вернулась съ наивозможно болѣе богатымъ научнымъ матеріаломъ, насколько это допустятъ обстоятельства. Еще разъ примите мои сердечныя пожеланія лучшаго успѣха и до будущаго свиданія.

Неизмѣнно преданный вамъ Фритіофъ Нансенъ.

Fram 13-го марта 1895.

Прежде, чѣмъ навсегда оставить Fram, я хочу вкратцѣ описать на какого рода снаряженіи экспедиціи мы остановились въ концѣ концовъ, признавъ его наиболѣе подходящимъ для нашей цѣли.

Я говорилъ уже о двухъ каякахъ (3,7 метровъ длины и 73 сантиметра ширины; каякъ Іогансена былъ глубиною въ 30 сант., мой—въ 38), выстроенныхъ нами въ теченіи зимы. Мы должны были взять ихъ съ собой, на случай, еслибы намъ встрѣтилась канавы и лужи, которыя могли-бы насъ задержать, и еслибы намъ пришлось переплывать черезъ открытое море. Раньше я предполагалъ взять вмѣсто этихъ каяковъ готовые парусинные лодочные чехлы, надѣть ихъ на сани, такъ чтобы въ самое короткое время можно было приготовить такое судно, которое въ состояніи было бы перевезти насъ черезъ канавы и небольшіе промежутки открытаго моря. Но я отказался отъ этой мысли и рѣшилъ взять каякъ—судно, съ которымъ я умѣлъ справляться и которое могло оказать намъ во многихъ случаяхъ важныя услуги. Даже еслибъ мы въ состояніи были изготовить для саней такое одѣяніе, изъ котораго можно было бы въ короткій срокъ сдѣлать лодку, то все же это было бы дольше, чѣмъ просто спустить каякъ на воду. Кромѣ того, на такомъ суднѣ было бы трудно грести и много времени было бы потеряно, еслибы нужно было проѣзжать черезъ большія пространства открытой воды, напримѣръ, вдоль земли Франца-Іосифа или оттуда прямо на Шпицбергенъ. Единственное соображеніе, говорящее въ пользу такого превращенія саней въ лодки, это экономія тяжести. Но это не такъ важно, какъ казалось, потому что чехлы вѣсили бы почти столько же, сколько и каяки, остовъ которыхъ вѣсилъ лишь 8 килограммъ. Но кое-что мы выигрывали въ томъ отношеніи, что каяки, положенные на сани, могли служить для храненія груза, тогда какъ въ противномъ случаѣ намъ нужно было бы помѣстить провіантъ и инструменты въ мѣшки изъ толстой па-

русины; теперь же мы могли уложить ихъ въ мѣшки изъ тонкой матеріи и сложить въ каякъ. Нашъ провіантъ, такимъ образомъ, могъ сохраняться въ сухомъ мѣстѣ и былъ огражденъ отъ всякой опасности, какъ со стороны собакъ, такъ и со стороны острыхъ льдинъ. Наконецъ каякъ, что очень важно, со своею совершенно непроницаемою для воды палубою, въ высшей степени пригоденъ для морскихъ путешествій, такъ какъ въ немъ можно ѣхать во всякую погоду, а также удивительно удобенъ для охоты и рыбной ловли. Трудно было бы построить болѣе удобное судно во всѣхъ этихъ отношеніяхъ. Сани, приготовленныя для экспедиціи, были выстроены по образцу гренландскихъ саней и по формѣ напоминали приблизительно норвежскіе «ski kjölke»—низенькія ручныя сани, на широкихъ, похожихъ на наши обыкновенныя лыжи, полозьяхъ. Вмѣсто широкихъ гладкихъ полозьевъ, которыя мы употребляли въ Гренландіи, я приказалъ сдѣлать полозья, нижній край которыхъ былъ округленъ, какъ въ ручныхъ саняхъ въ Остердаленѣ. Какъ оказалось, эти округленные полозья скользили очень легко и облегчали поворотъ длинныхъ саней. Это было очень важно въ пловучихъ льдахъ, гдѣ неровности почвы заставляютъ часто описывать кривыя линіи. Полозья были обиты тонкимъ пластомъ накладного серебра, вполнѣ цѣлесообразнаго въ данномъ случаѣ, такъ какѣ оно всегда остается чистымъ и гладкимъ и не ржавѣетъ. Подъ этою обшивкой мы помѣстили другіе, тонкіе, свободные и хорошо просмоленные полозья изъ клена. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ усовершенствованій сани сдѣлались нѣсколько тяжелѣе, чѣмъ я думалъ, но за то они ни разу не испортились дорогой и не задержали насъ въ пути, что врядъ ли наблюдалось въ другихъ санныхъ экспедиціяхъ.

Я уже много разъ говорилъ о нашей одеждѣ и сдѣланныхъ въ этомъ отношеніи опытахъ. Хотя мы и пришли къ заключенію, что наши волчьи шубы слишкомъ теплы для дороги, но мы всетаки взяли ихъ съ собою и надѣли на себя во время нашего перваго выступленія. Однако мы скоро убѣдились, что онѣ черезъ чуръ теплы и вызываютъ сильную испарину. Всасывая въ себя всѣ испаренія нашего тѣла, эта одежда становилась очень тяжелой и значительно увеличивала вѣсъ нашей ноши. Когда мы вернулись послѣ трехдневнаго отсутствія на судно, то шубы эти были такъ мокры, что ихъ пришлось долгое время просушивать передъ печкой въ салонѣ. Къ этому присоединялось еще другое неудобство: если мы ихъ снимали на холодѣ, послѣ того какъ проносили нѣкоторое время, то онѣ такъ замерзали, что ихъ очень трудно было снова надѣть. Вслѣдствіе всего этого, я не очень-то былъ расположенъ въ пользу этого одѣянія и въ концѣ концовъ рѣшилъ оставаться въ своей шерстяной одеждѣ, которая, какъ я думалъ, давала свободный выходъ испаринѣ. Іогансенъ послѣдовалъ моему примѣру.

Нашъ костюмъ, такимъ образомъ, состоялъ изъ слѣдующихъ принадлежностей: на верхнюю часть туловища мы надѣли двѣ

шерстяныя (Iегера) рубашки, на которыя я надѣлъ еще сверху куртку изъ верблюжьей шерсти и такъ называемую исландскую шерстяную куртку. Вмѣсто исландской куртки Іогансенъ носилъ толстую фризовую куртку, которую на суднѣ называютъ «Anorak». Эта куртка имѣетъ капюшонъ, которымъ можно закрывать лицо, какъ это дѣлаютъ эскимосы. На ногахъ у насъ были надѣты снизу шерстяные кальсоны и сверху охотничьи фризовыя панталоны и фризовые же гамаши. Чтобы предохранить себя отъ вѣтра и снѣговой пыли, мы надѣли такъ называемое «вѣтряное одѣяніе», сдѣланное изъ плотнаго, но тонкаго сукна и натягиваемое черезъ голову; оно состояло изъ панталонъ и куртки, снабженной капюшономъ, какъ у эскимосовъ.

Важную часть костюма составляетъ одежда ногъ. Я предпочелъ вмѣсто длинныхъ чулокъ надѣть носки и свободные гамаши, такъ какъ ночью, во время сна, ихъ можно высушивать у себя на груди. Я убѣдился также, что самымъ подходящимъ одѣяніемъ для насъ во время путешествій, когда приходится постоянно идти по снѣгу и при низкой температурѣ, являются финскіе башмаки, но они должны быть сдѣланы изъ кожи задней ноги оленя. Такіе башмаки теплы и прочны, а также всегда остаются гибкими и удобно снимаются и надѣваются. Но съ ними надо обращаться очень заботливо, иначе они скоро портятся и надо стараться просушивать ихъ, насколько это возможно, ночью, во время сна. Если погода солнечная и сухая, то лучше всего вывѣсить ихъ на вѣтру на палкѣ передъ палаткой и вывернуть ихъ на изнанку, чтобы мѣхъ скорѣе просохъ. Если пренебречь этою предосторожностью, то волосы мѣха скоро начинаютъ выпадать. При сильномъ холодѣ, который мы испытывали во время первой части нашего путешествія, невозможно было высушивать ихъ подобнымъ образомъ, и намъ ничего другого не оставалось, какъ ночью просушивать ихъ на ногахъ, тщательно очистивъ предварительно снѣгъ и всякую сырость. Для позднѣе ожидаемой болѣе мягкой погоды мы запаслись кожаными башмаками, вродѣ лапландскихъ, употребляемыхъ лопарями лѣтомъ. Эти башмаки были сдѣланы изъ наполовину выдѣланной бычачьей кожи съ подошвами изъ тюленьяго мѣха. Пропитанные смѣсью дегтя и сала, такіе башмаки становятся непромокаемыми и особенно удобны въ сырую погоду. Вначалѣ пути мы выстилали внутренность своихъ финскихъ башмаковъ альпійскою травой, запасъ которой взяли съ собой. Если наполнить башмаки такою травой и всунуть туда ноги, какъ это дѣлаютъ финны, то они сохраняются сухими и теплыми, такъ какъ трава вбираетъ въ себя всю сырость. Къ ночи надо траву вытащить изъ башмаковъ и хорошенько расщипать пальцами, чтобы она не сбивалась; затѣмъ эту траву кладутъ на грудь или въ панталоны, и такимъ образомъ она высыхаетъ во время сна. Къ утру она становится довольно сухой и снова можетъ быть засунута въ башмаки. Однако, трава эта изнашивается постепенно и поэтому,

отправляясь въ длинное путешествіе, надо брать ея большой запасъ.

Мы имѣли съ собою также носки изъ овечьей шерсти и человѣческаго волоса, которые также теплы, какъ и прочны. Затѣмъ у насъ были фризовые онучи, которые мы носили во время послѣдней части нашего пути, когда снѣгъ былъ мокрый.

На рукахъ у насъ были надѣты рукавицы изъ волчьяго мѣха и обыкновенныя шерстяныя перчатки. Съ перчатками надо производить точно такой же процессъ высушиванія, какъ съ башмаками, и вообще, во всѣхъ отношеніяхъ, единственнымъ источникомъ тепла служитъ теплота тѣла злополучнаго человѣка и ею то и приходится пользоваться во всѣхъ случаяхъ для просушки отдѣльныхъ частей одежды. Намъ приходилось проводить ночи въ мокрыхъ компрессахъ только для того, чтобы днемъ было удобнѣе.

На головахъ у насъ были войлочныя шляпы, защищавшія глаза отъ ослѣпительнаго свѣта и менѣе проницаемыя для вѣтра, нежели обыкновенныя шерстяныя шапки. Кромѣ того мы надѣвали обыкновенно одинъ или два шерстяныхъ капюшона и такимъ образомъ могли регулировать тепло, что было для насъ довольно важно.

Вначалѣ я имѣлъ намѣреніе употребить легкіе спальные мѣшки изъ мѣха молодого оленя, но они оказались недостаточно теплы, и я долженъ былъ поступить такъ, какъ поступалъ въ Гренландіи, т. е. употреблять двойной спальный мѣшокъ изъ мѣха взрослаго оленя. Такимъ путемъ достигается увеличеніе тепла вслѣдствіе того, что одинъ спящій согрѣваетъ другого, и хотя высказаны были предположенія, что спящіе могутъ мѣшать другъ другу, но я самъ этого не испыталъ.

Нѣчто, по моему мнѣнію безусловно необходимое въ такой экспедиціи на саняхъ, это—палатка. Даже если она сдѣлана изъ тонкой, непрочной матеріи, то и въ такомъ случаѣ она доставляетъ столько удобства и такое убѣжище, что незначительное увеличеніе вѣса вооруженія экспедиціи при этомъ вознаграждается съ лихвою. Палатки, заказанныя мною для экспедиціи, сдѣланы были изъ сырцоваго шелка и были очень легки; основаніе у нихъ было четырехугольное, а верхушка острая. Палатка укрѣплена была на одной единственной палкѣ по срединѣ и разставлялась совершенно такъ, какъ наши высокія палатки. Большинство нашихъ палатокъ имѣли полъ изъ довольно толстой бумажной матеріи. При первомъ выступленіи мы взяли съ собою одну палатку подобнаго рода, разсчитанную на четырехъ человѣкъ и вѣсомъ въ 3¼ килограмма. Устройство пола увеличиваетъ преимущества такой палатки, такъ какъ она становится прочнѣе и ее легче разобрать, а также она становится менѣе проницаемой для вѣтра. Вся палатка, боковыя стѣны и полъ сшиты вмѣстѣ и составляютъ одинъ кусокъ, въ которомъ есть лишь одно отверстіе—маленькая щель для пролѣзанія внутрь. Но за то такое устройство представляетъ ту невыгоду, что

при пролѣзаніи почти невозможно не втащить съ собою въ палатку нѣкоторое количество снѣга на ногахъ, который ночью таетъ отъ теплоты тѣла, и полъ палатки, впитавъ въ себя сырость, увеличиваетъ ея вѣсъ. Поэтому то я и отказался отъ мысли брать съ собою палатку подобнаго рода и взялъ другую, приблизительно такихъ же размѣровъ и также изъ сырцоваго шелка, но безъ дна. Постановка этой палатки требовала дольше времени, но всетаки разница была невелика. Стѣнки ея удерживались колышками, которые мы тщательно забивали кругомъ снѣгомъ, чтобы вѣтеръ не могъ проникать въ палатку Когда это было сдѣлано, то одинъ изъ насъ пролѣзалъ черезъ отверстіе во внутрь и посредствомъ палки выпрямлялъ палатку. Палатка вѣсила, вмѣстѣ съ 16-ю колышками, только 1,4 килограмма и продержалась все путешествіе до осени 1895 года; она служила для насъ всегда пріятнымъ убѣжищемъ.

Кухонный аппаратъ, которымъ мы пользовались, имѣлъ то преимущество, что нуждался въ очень небольшомъ количествѣ горючаго матеріала. Мы могли въ короткій срокъ не только сварить кушанье, но и добыть изрядное количество воды для питья, такъ что утромъ и вечеромъ могли пить сколько хотѣли. Аппаратъ состоялъ изъ кухоннаго котла и двухъ сосудовъ для таянія снѣга.

Что касается горючаго матеріала, то я выбралъ керосинъ. Спиртъ, употреблявшійся прежними арктическими экспедиціями, имѣетъ различныя преимущества, главное горятъ легко; но важная невыгода заключается въ томъ, что въ сравненіи со своимъ вѣсомъ онъ развиваетъ меньше тепла, чѣмъ керосинъ, когда послѣдній совершенно сгораетъ, какъ въ нашихъ лампахъ. Такъ какъ я опасался, что керосинъ можетъ замерзнуть, то вначалѣ подумалъ о газовомъ маслѣ, но оставилъ эту мысль, потому что масло это быстро испаряется и сохранять его трудно и кромѣ того оно легко взрываетъ. Съ нашимъ керосиномъ, впрочемъ, мы не испытали никакихъ затрудненій изъ-за холода; мы взяли съ собою 20 литровъ, которыхъ намъ хватило на 120 дней, при чемъ мы могли два раза въ день приготовлять для себя горячую пищу и всегда имѣли воду въ избыткѣ.

Лыжъ мы взяли съ собою нѣсколько паръ, имѣя въ виду, что онѣ будутъ ломаться по неровной поверхности пловучаго льда, и кромѣ того въ лѣтнее время, когда снѣгъ сдѣлается мокрымъ и зернистымъ, онѣ будутъ скоро изнашиваться. Наши лыжи были очень гибки и легко скользили; онѣ были сдѣланы большею частью изъ клена, какъ и наши сани, а также изъ березоваго лѣса, и хорошо пропитаны смѣсью дегтя, стеарина и сала.

Мы должны были, разумѣется, взять съ собою огнестрѣльное оружіе, потому что разсчитывали до извѣстной степени прокармливаться охотой. Лучшимъ оружіемъ для такихъ путешествій служитъ безъ сомнѣнія винтовка, но такъ какъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, намъ придется пересѣкать большія снѣжныя пространства, гдѣ

крупной дичи встрѣчается немного, и, съ другой стороны, мы могли разсчитывать на пролетающихъ надъ нами птицъ, то я находилъ также полезными дробовики. Мы остановились поэтому на томъ же самомъ вооруженіи, какое у насъ было въ Гренландіи,и взяли съ собою двѣ двухстволки, причемъ одинъ стволъ (калибръ 20) заряжался дробью, другой-же—пулей (экспрессъ, калибръ 360). Нашъ запасъ состоялъ приблизительно изъ 180 пулевыхъ и 150 дробяныхъ патроновъ.

Изъ инструментовъ, которые могли бы намъ служить для опредѣленія нашего мѣстонахожденія и для измѣренія, у насъ былъ взятъ маленькій легкій теодолитъ, спеціально устроенный для нашихъ цѣлей и вѣсившій вмѣстѣ съ ящикомъ, который я велѣлъ сдѣлать какъ штативъ, только 6 килограммъ. Далѣе у насъ были еще: карманный секстантъ, легкій компасъ изъ аллюминія и еще два другихъ компаса. Для метеорологическихъ наблюденій у насъ были два анероида, два минимальныхъ термометра и три ртутныхъ термометра. Кромѣ того мы взяли хорошую подзорную трубу изъ аллюминія и фотографическій аппаратъ.

Самую важную и, пожалуй, самую трудную часть снаряженія санной экспедиціи составляетъ продовольствіе. Я уже говорилъ во введеніи, что лучшимъ средствомъ противъ цынги и другихъ заболѣваній является цѣлесообразный выборъ пищевыхъ средствъ, тщательное ихъ приготовленіе и стерилизація въ обезпеченіе отъ порчи. Въ такой санной экспедиціи, гдѣ надо въ особенности принимать во вниманіе вѣсъ груза, врядъ-ли возможно брать съ собою другого рода провіантъ, кромѣ такого, вѣсъ котораго можетъ быть до послѣдней степени уменьшенъ тщательнымъ и полнымъ высушиваніемъ. Такъ какъ мясо и рыба въ сухомъ видѣ перевариваются не такъ легко, то важно брать ихъ въ порошкѣ; высушенная масса при этомъ такъ измельчается, что становится легко переваримой и вполнѣ усвоивается организмомъ. Прежде всего мясо быка очищалось отъ всякаго жира, сухожилій и т. д. и затѣмъ въ совершенно свѣжемъ видѣ высушивалось наивозможно быстрѣе, затѣмъ перемалывалось и смѣшивалось съ почечнымъ жиромъ въ той же пропорціи, какъ и обыкновенный пеммиканъ. Это пищевое средство, давно уже употреблявшееся въ санныхъ экспедиціяхъ, справедливо пользуется большою извѣстностью. Если оно хорошо приготовлено, какъ это было у насъ, то представляетъ очень питательное и легко перевариваемое кушанье *). Однако не

*) Я приготовилъ также большое количество пеммикана, состоявшаго изъ равной части мясного порошка и растительнаго жира (изъ кокосовыхъ орѣховъ), но это оказалось плохою выдумкой. Даже собаки отказывались отъ этого угощенія, попробовавъ его одинъ или два раза. Быть можетъ это можно объяснить тѣмъ, что растительный жиръ трудно переваривается и содержитъ кислоты, раздражающія слизистую оболочку желудка и горла.

слѣдуетъ слишкомъ полагаться на то, что это совершенно безвредное средство, такъ какъ оно также можетъ принести ущербъ здоровью, если недостаточно тщательно приготовлено, т. е. если высушиваніе совершалось медленно и не вполнѣ.

Другое пищевое средство, которому мы придавали большое значеніе, была рыбная мука Ваага. Она приготовлена хорошо и сохраняется великолѣпно. Сваренная въ водѣ и смѣшанная съ масломъ и мукой или сушенымъ картофелемъ, она представляетъ весьма вкусное кушанье. Далѣе надо также имѣть въ виду, чтобы пищевые матеріалы можно было употреблять безъ предварительной варки. Въ случаѣ, еслибы по какимъ нибудь причинамъ горючій матеріалъ былъ потерянъ или израсходованъ, мы очутились бы въ очень плохомъ положеніи, еслибы не подготовились къ этому заранѣе и не захватили съ собою такого провіанта, который можно употреблять въ невареномъ видѣ. Для сбереженія топлива важно также, чтобы кушанье не нужно было варить, а только разогрѣвать. Мука, взятая нами съ собою, была уже раньше приготовлена, такъ что ее можно было прямо употреблять въ пищу; если-же мы варили ее, то получалось хорошее теплое кушанье. Мы взяли также сушеный вареный картофель, гороховый супъ, шоколадъ и т. д. Нашъ хлѣбъ состоялъ частью изъ тщательно высушеннаго пшеничнаго хлѣба, частью изъ алевронатнаго хлѣба, приготовленнаго по моему предписанію изъ пшеничнаго хлѣба, смѣшаннаго съ 30-ю процентами алевроната (растительнаго бѣлка). Кромѣ того, у насъ былъ съ собою значительный запасъ (39 кило) масла, которое я приказалъ предварительно хорошенько выбить, чтобы удалить изъ него всю воду. Такимъ путемъ мы не только сберегли вѣсъ, но и масло на морозѣ не было такъ твердо. Въ общемъ наши запасы провіанта дозволяли намъ очень разнообразить нашу пищу, и мы не были осуждены на вѣчное однообразіе въ пропитаніи, на которое такъ много жаловались прежнія санныя экспедиціи. Притомъ мы постоянно ощущали голодъ, и наши обѣды казались намъ необыкновенно вкусными.

Наша аптечка состояла изъ маленькаго мѣшка, въ которомъ заключались самыя необходимыя средства: шины, бинты, простые и гипсовые на случай перелома костей, слабительныя пилюли, опійная настойка на случай разстройства желудка, которымъ мы впрочемъ ни разу не страдали; хлороформъ, на случай еслибы понадобилась ампутація вслѣдствіе отмороженія, двѣ маленькія сткляночки кокаиноваго раствора на случай снѣжной слѣпоты (также не были употреблены), зубныя капли, карболовая кислота, іодоформенная марля, пара кривыхъ иголокъ и немного шелку для сшиванія ранъ, скальпель, два операціонныхъ пинцета (тоже на случай операціи) и еще нѣкоторые другіе предметы. По счастью, намъ не пришлось употреблять своей аптечки и только бинты и бандажи пригодились намъ зимой 1895—96 года вмѣсто фитилей

для вашихъ лампъ, въ которыхъ горѣла ворвань. Но всего лучше для этой цѣли оказался пластырь Николайзена, котораго у насъ былъ цѣлый запасъ на случай перелома ключицы. Мы тщательно соскоблили слой воска съ этого пластыря, причемъ оказалось, что онъ превосходно годится для конопаченія каяковъ, въ которыхъ оказалась течь.

XI.

Отбытіе.

Наконецъ, 14-го марта, утромъ, при громѣ салютныхъ выстрѣловъ, мы въ третій разъ простились съ судномъ и, обмѣнявшись сердечными пожеланіями съ остающимися, отправились въ путь. Насъ провожали немного, но Свердрупъ скоро вернулся, такъ какъ хотѣлъ поспѣть къ обѣду на судно. На вершинѣ ледяного холма мы простились; Fram былъ за нами, и я помню, что я еще простоялъ нѣсколько времени на мѣстѣ, смотря вслѣдъ Свердрупу, который не спѣша возвращался домой на лыжахъ. Я почти склоненъ былъ желать вернуться съ нимъ, чтобы опять очутиться въ уютномъ тепломъ салонѣ. Я зналъ очень хорошо, что пройдетъ много времени прежде, чѣмъ мы снова получимъ возможность спать и обѣдать подъ удобнымъ кровомъ. Но всетаки никто изъ насъ не думалъ тогда, что въ дѣйствительности это продлится такъ долго. Мы вообще думали, что экспедиція или увѣнчается успѣхомъ и мы вернемся въ томъ же году или... она не удастся совсѣмъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ Свердрупъ оставилъ насъ, простился съ нами и Могштадъ. Онъ хотѣлъ было остаться съ нами до слѣдующаго дня, но его тяжелыя панталоны изъ волчьяго мѣха, по его словамъ, совершенно отсырѣли отъ пота, такъ, что онъ долженъ былъ вернуться на судно, чтобы просушить ихъ передъ огнемъ. Съ нами остались только Скоттъ Гансенъ, Гендриксенъ и Петерсенъ, которые, обливаясь потомъ, продолжали идти, неся за спиною свои тяжелые мѣшки. Имъ было довольно таки трудно поспѣвать за нами на гладкомъ льду; мы скоро подвигались впередъ. Но когда мы дошли до ледяного холма, то сани наши совершенно остановились и намъ пришлось втаскивать ихъ. На одномъ мѣстѣ поверхность ледяныхъ гребней была такова, что намъ пришлось пронести сани на рукахъ изрядное разстояніе. Послѣ того, какъ удалось, наконецъ, съ большими усиліями преодолѣть препятствія, Педеръ замѣтилъ Іогансену, покачивая головой, что намъ вѣроятно не разъ придется встрѣчать такія препятствія и много надо будетъ потратить усилій прежде, чѣмъ мы столько съѣдимъ изъ нашего груза, что облегчимъ сани и онѣ будутъ легко двигаться. Въ этотъ

самый моментъ мы снова подошли къ плохому льду, простиравшемуся на большое пространство, и Педеръ еще больше встревожился за насъ. Но къ вечеру условія льда перемѣнились къ лучшему и мы стали подвигаться быстрѣе. Когда мы около шести часовъ остановились, то измѣритель пути показывалъ 11 километровъ, что было недурно для перваго дня путешествія. Мы провели пріятный вечеръ въ своей палаткѣ, достаточно большой, чтобы вмѣстить насъ пятерыхъ. Петерсенъ, уставшій и согрѣвшійся во время пути, теперь дрожалъ и жаловался на холодъ, пока мы связывали и кормили собакъ и ставили палатку. Онъ нашелъ, однако, нашу стоянку довольно сносной, когда усѣлся въ палаткѣ въ своемъ тепломъ платьѣ изъ волчьяго мѣха и поставилъ передъ собою горшокъ дымящагося шоколада. Держа въ одной рукѣ кусокъ масла, а въ другой кусокъ черстваго хлѣба, онъ воскликнулъ: «Ну, теперь я точно принцъ!» Онъ такъ просилъ, чтобъ мы взяли его съ собою въ экспедицію; онъ говорилъ, что будетъ готовить намъ кушанье, будетъ намъ полезенъ, какъ жестянникъ и кузнецъ, и потомъ, вѣдь такъ было бы пріятно путешествовать втроемъ! Я высказалъ ему свое сожалѣніе, что не могу взять болѣе одного спутника. Онъ вслѣдствіе этого нѣсколько дней проходилъ съ грустнымъ видомъ, но нашелъ утѣшеніе въ томъ, что, по крайней мѣрѣ, проводилъ насъ часть пути и теперь оставался одинъ среди огромнаго пустыннаго моря, чѣмъ, по его словамъ, немногіе могутъ похвалиться.

Товарищи не захватили съ собою спальныхъ мѣшковъ и поэтому выстроили себѣ изъ снѣга удобный маленькій шалашъ, куда заползли въ своихъ мѣховыхъ одеждахъ и гдѣ провели ночь довольно хорошо. Я рано проснулся на слѣдующее утро, но когда выползъ изъ палатки, то увидалъ, что кто-то былъ на ногахъ раньше меня; это былъ Педеръ, проснувшійся отъ холода и теперь прогуливавшійся взадъ и впередъ, чтобы разогрѣть свои окоченѣвшіе члены. «Я теперь попробовалъ, какъ это спать въ снѣгу, сказалъ онъ мнѣ; никогда не думалъ, чтобы это было возможно, однако, это оказалось вовсе не такъ уже плохо». Ему видимо не хотѣлось сознаться, что онъ озябъ и что его разбудилъ холодъ. Въ послѣдній разъ мы вмѣстѣ позавтракали, затѣмъ были приготовлены сани и запряжены собаки; еще одно пожатіе руки и, безъ многословнаго прощанія, мы пустились въ путь.

Педеръ печально качалъ головой, когда мы наконецъ двинулись. Пройдя нѣкоторое разстояніе, я обернулся и увидалъ, что онъ стоитъ на ледяномъ холмѣ. Онъ все еще смотрѣлъ намъ вслѣдъ, и навѣрное онъ думалъ тогда, что въ послѣдній разъ разговаривалъ съ нами.

Мы нашли большія пространства гладкаго льду и поэтому быстро подвигались впередъ, удаляясь отъ нашихъ товарищей все дальше въ область неизвѣстнаго, гдѣ мы должны были пространствовать долгіе мѣсяцы. Такелажъ Fram давно уже скрылся за краемъ

льдовъ. Часто намъ приходилось наталкиваться на нагромоздившіяся гряды неровнаго льда, гдѣ приходилось подталкивать сани, а иногда даже переносить ихъ. Иной разъ случалось, что сани опрокидывались и приходилось ихъ поднимать съ большими усиліями. Нѣсколько утомленные этою трудною работой, мы остановились къ шести часамъ вечера, пройдя въ теченіи дня приблизительно около 9-ти километровъ. Конечно, это было не то, на что я разсчитывалъ, но мы надѣялись, что сани постепенно станутъ легче, а ледъ лучше. Въ началѣ какъ будто это такъ и было.

Въ воскресенье, 17-го марта, я записалъ въ своемъ дневникѣ: «Ледъ, повидимому, становился ровнѣе, чѣмъ дальше мы подвигаемся къ сѣверу; однако, вчера мы всетаки наткнулись на канаву, которая заставила насъ сдѣлать большой обходъ *). Къ $5^1/_2$ часамъ пополудни, мы уже прошли около 9 километровъ. Такъ какъ мы нашли удобное мѣсто для остановки и собаки устали, то рѣшили отдохнуть. Самая низкая температура ночью—42,8° С.».

Въ слѣдующіе дни ледъ былъ гладкій все время, такъ что мы могли проходить часто до 15 километровъ въ день. Случалось однако, что насъ что нибудь задерживало; такъ, остріе льдины прорвало однажды дыру въ мѣшкѣ съ рыбною мукой, такъ что все драгоцѣнное содержимое мѣшка высыпалось и мы потратили болѣе часа на то, чтобы его собрать и исправить поврежденіе. Потомъ сломался нашъ измѣритель пути, застрявшій между двумя неровными льдинами, и понадобилось нѣсколько часовъ, чтобы его починить. Мы подвигались все дальше къ сѣверу по огромной ледяной равнинѣ, которая, казалось, простиралась до самаго полюса. Иногда приходилось переѣзжать черезъ такія мѣста, гдѣ ледъ былъ особенно трудно проходимъ, вслѣдствіе высокихъ холмовъ, такъ что казалось, будто это холмистая земля, покрытая снѣгомъ; но это несомнѣнно былъ очень старый ледъ, который на своемъ пути изъ сибирскаго ледяного моря къ восточнымъ берегамъ Гренландіи много лѣтъ уже носился въ полярномъ морѣ и, подвергаясь изъ года въ годъ сильнымъ напорамъ, образовалъ высокіе груды и холмы. Эти послѣдніе, по мѣрѣ своего образованія, лѣтомъ подвергались таянію подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, а зимою снова покрывались толстымъ слоемъ снѣга, такъ что теперь они приняли форму, гораздо болѣе напоминающую айсберги, нежели нагромоздившійся морской ледъ.

Въ среду, 20-го марта, я записалъ въ своемъ дневникѣ: «Снова

*) По многимъ причинамъ не слѣдовало переѣзжать канавы въ каякахъ при такой низкой температурѣ. Не говоря уже о томъ, что вода въ этихъ расщелинахъ почти всегда была покрыта большимъ или меньшимъ слоемъ льда, каяки послѣ такого переѣзда непремѣнно сдѣлались бы тяжелѣе, такъ какъ они всетаки не были абсолютно непроницаемы для воды и проникшая въ нихъ вода тотчасъ бы замерзла, у насъ же тогда не было никакихъ средствъ удалить этотъ образовавшійся ледъ.

прекрасная погода для путешествія и великолѣпный солнечный закатъ, но всетаки нѣсколько холодно по ночамъ въ нашихъ спальныхъ мѣшкахъ (41°—42° С.). Ледъ, повидимому, все болѣе утолщается, чѣмъ далѣе мы подвигаемся. Если такъ будетъ и дальше, то все пойдетъ какъ по маслу».

Въ этотъ день мы потеряли свой измѣритель пути, и такъ какъ открыли эту потерю лишь спустя нѣкоторое время и я не зналъ, какъ далеко намъ нужно возвращаться, чтобы найти его, то и рѣшили, что искать его не стоитъ. Въ тотъ же день произошелъ еще несчастный случай: одна изъ собакъ такъ заболѣла, что не могла больше тащить сани, и мы должны были ее распречь и пустить бѣжать на свободѣ. Только позднѣе мы увидали, что ея нѣтъ съ нами, она осталась на мѣстѣ нашей стоянки, когда мы утромъ выступили, и я долженъ былъ вернуться за нею на лыжахъ, что насъ очень задержало.

Четвергъ, 21-го марта, утромъ, въ 9 часовъ—42° С. (минимумъ ночью—44° С.). Ясная, великолѣпная погода, такая же, какъ была всѣ эти дни, превосходная для ходьбы, но по ночамъ нѣсколько холодно, ртуть замерзла. При такой температурѣ сидѣть внутри палатки и чинить финскіе башмаки, конечно, не составляетъ удовольствія.

Пятница, 22-го марта. Великолѣпная погода, дорога становится все лучше. Мѣстами встрѣчается нагроможденный ледъ, но вездѣ проходимъ. Вчера мы пробыли съ 11½ часовъ утра до 8½ вечера въ пути и вѣроятно прошли 22 километра. Мы должны находиться подъ 85° с. ш. Единственную непріятность составляетъ холодъ. Наша одежда все болѣе становится похожа на ледяной панцырь днемъ, а ночью на мокрые бандажи; то же самое и наши шерстяныя одѣяла. Спальный мѣшокъ вслѣдствіе сырости, которая покрываетъ мѣхъ внутри и замерзаетъ, становится все тяжелѣе. Погода все такая же свѣтлая. Мы теперь мечтаемъ о какой-нибудь перемѣнѣ, объ облачной погодѣ и нѣсколько болѣе мягкой температурѣ. Ночью температура была—42,7° С. По наблюденію, сдѣланному мною утромъ, широта въ этотъ день была 85° 9.

Суббота, 23-го марта. Мы были заняты осмотромъ и подвязываніемъ груза на саняхъ, починкой мѣшковъ и т. п. работой, нешуточной при такой низкой температурѣ; поэтому не могли выступить въ путь раньше 3 часовъ. Мы продержались въ пути до 9 часовъ вечера, причемъ сдѣлали остановку посреди самаго скверного льда, какой только намъ случалось встрѣчать въ послѣднее время. Мы прошли однако довольно большія пространства, въ этотъ день сдѣлали приблизительно около 15 километровъ. Солнце не переставало ярко свѣтить, но сѣверовосточный вѣтеръ еще усилился, что было не особенно пріятно. Вчера вечеромъ мы подошли къ замерзшей большой лужѣ. Вѣроятно тутъ ледъ образовался недавно, такъ какъ онъ былъ еще очень тонокъ. Просто удивительно,

что въ это время года могутъ образовываться подобныя лужи. Съ этого момента ровный ледъ, по которому такъ пріятно было идти, пришелъ къ концу и намъ часто приходилось бороться съ большими препятствіями.

Въ воскресенье 24-го марта я писалъ въ дневникѣ:

«Ледъ не хорошъ. Вчера день былъ трудный, но мы всетаки подвинулись нѣсколько впередъ, боюсь, однако, что не больше 15 километровъ. Постоянное подниманіе тяжело нагруженныхъ саней не очень то способствуетъ улучшенію настроенія духа, но быть можетъ опять вернутся хорошія времена; холодъ также чувствителенъ и все такой же, но вчера онъ еще увеличился подъ вліяніемъ сильнаго сѣверовосточнаго вѣтра; мы сдѣлали остановку въ 8½ часовъ вечера. Замѣтно уже, что дни становятся длиннѣе и солнце закатывается позднѣе, дня черезъ два мы будемъ любоваться полуночнымъ солнцемъ.

Вчера вечеромъ мы убили больную собаку; трудновато было снять съ нея шкуру. Это первая собака, которую пришлось убить, потомъ это не разъ повторялось. Это была самая непріятная задача, какая только выпадала на нашу долю, въ особенности въ началѣ, когда было такъ холодно Когда мы разрѣзали первую убитую собаку на куски и раздѣлили ихъ между ея товарищами, то нѣкоторыя изъ нихъ предпочли голодать всю ночь и не притронулись къ мясу. Но съ теченіемъ времени, когда изнуреніе достигло большей степени, собаки стали менѣе разборчивы и пріучились къ этой пищѣ, хотя мы потомъ уже не давали себѣ труда сдирать шкуру съ убитаго животнаго, а отдавали его на съѣденіе вмѣстѣ съ кожей и шерстью.

На слѣдующій день ледъ былъ нѣсколько лучше, но вообще всетаки плохъ и мы все сильнѣе утомлялись отъ постояннаго напряженія силъ, такъ какъ приходилось помогать собакамъ поднимать сани, когда онѣ падали, и перетаскивать ихъ и даже переносить черезъ ледяные холмы и другія неровности почвы. Иногда вечеромъ намъ такъ хотѣлось спать, что у насъ глаза закрывались и мы засыпали въ пути Голова у меня склонялась и я засыпалъ, но, споткнувшись, вдругъ просыпался. Лишь только мы находили за какимъ нибудь холмомъ или ледянымъ хребтомъ подходящее мѣсто для стоянки, нѣсколько защищенное отъ вѣтра, мы останавливались. Пока Іогансенъ заботился о собакахъ, я обыкновенно долженъ былъ устанавливать палатку, наполнять льдомъ нашъ кухонный аппаратъ, разжигать горѣлку и какъ можно скорѣе приготовлять ужинъ, состоявшій обыкновенно одинъ день изъ пеммикана и сушенаго картофеля, другой — изъ рыбной муки съ пшеничною мукой и масломъ. На третій день мы ѣли гороховый, бобовый или чечевичный супъ съ хлѣбомъ и пеммиканомъ. Іогансенъ предпочиталъ пеммиканъ, а я рыбную муку, но съ теченіемъ времени и онъ присоединился къ моему мнѣнію.

Когда Іогансенъ кончалъ кормить собакъ, мы приступали къ переносу нашихъ мѣшковъ съ провизіей для завтрака и ужина и другими предметами; затѣмъ мы расправляли наши спальные мѣшки, тщательно закупоривали отверстіе палатки, послѣ чего заползали въ мѣшокъ, чтобы наша одежда оттаяла. Нельзя сказать, чтобы это была пріятная работа. Въ теченіе дня испаренія тѣла скоплялись на одеждѣ и, замерзая, образовывали настоящій ледяной панцырь, твердый и неподвижный; при всякомъ же нашемъ движеніи слышался ясный трескъ. Платье мое сдѣлалось такимъ твердымъ, что рукавъ, во время ходьбы, натеръ мнѣ глубокую рану на ручномъ суставѣ, къ тому же присоединился морозъ, и рана становилась все глубже, проникая почти до самой кости; я попробовалъ защищать ее бинтами, но она зажила лишь поздно лѣтомъ; рубецъ же останется у меня, вѣроятно, на всю жизнь. Когда мы вечеромъ лежали въ своихъ спальныхъ мѣшкахъ, то платье наше постепенно начинало таять, и на этотъ процессъ уходило довольно большое количество нашей теплоты. Мы прижимались другъ къ другу какъ можно ближе и лежали такимъ образомъ часъ, полтора, стуча зубами, пока, наконецъ, у насъ появлялось ощущеніе теплоты въ тѣлѣ. Наконецъ, наша одежда дѣлалась мокрой и гибкой, но утромъ, черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ мы вылѣзали изъ мѣшка, она снова замерзала и твердѣла. О сухомъ платьѣ не могло быть и рѣчи, пока было такъ холодно, такъ какъ испаренія все болѣе и болѣе скоплялись въ нашей одеждѣ.

Такъ мерзли мы, дрожа отъ холода въ своихъ мѣшкахъ, дожидаясь пока будетъ готовъ ужинъ. Такъ какъ я былъ поваръ, то и долженъ былъ бодрствовать и наблюдать за варкой кушанья. Наконецъ ужинъ былъ готовъ; онъ всегда казался очень вкуснымъ, это были самыя пріятныя минуты нашего существованія, о которыхъ мы мечтали цѣлый день. Но иногда мы бывали такъ утомлены, что у насъ глаза закрывались сами собой, и мы засыпали, поднося ложку ко рту. Рука безжизненно опускалась, и кушанье, находившееся въ ложкѣ, проливалось на мѣшокъ. Послѣ ѣды мы доставляли себѣ обыкновенно удовольствіе пить воду, настолько горячую, насколько возможно было проглотить; въ ней распущенъ молочный порошокъ. Это напоминало вкусомъ кипяченое молоко и дѣйствовало на насъ живительно; намъ казалось, что этотъ напитокъ проникаетъ до самыхъ кончиковъ пальцевъ. Послѣ того мы старались какъ можно глубже засѣсть въ спальный мѣшокъ, ближе придвинуться другъ къ другу и, плотнѣе закрывъ клапанъ надъ головой, предаться наконецъ сну праведныхъ. Но даже во снѣ мы продолжали свое странствованіе на сѣверъ, мучились съ санями и понукали собакъ. Часто я слышалъ, какъ Іогансенъ во снѣ звалъ собакъ и кричалъ: «Да будешь ли ты двигаться впередъ, дьяволъ? Пр... пр... вы, чертовскія собаки!.. Черти васъ побери и вмѣстѣ съ санями!...»—пока, наконецъ, я не засыпалъ снова.

Мы оба чувствовали себя очень пріятно въ спальномъ мѣшкѣ, когда въ тѣлѣ накапливалось достаточное количество теплоты. Однако, все же мы согрѣвались не скоро, и однажды ночью, когда я проснулся, у меня оказались всѣ концы пальцевъ отмороженными на обѣихъ рукахъ.

Утромъ я долженъ былъ въ качествѣ повара вставать первый и изготовлять завтракъ, на что у меня уходило около часа времени. Обыкновенно завтракъ состоялъ одинъ день изъ шоколада, бутербродовъ и пеммикана, другой—изъ овсянки или смѣси изъ муки, воды и масла, вродѣ нашего домашняго масляного супа. Къ этому у насъ было молоко, приготовленное изъ молочнаго порошка и воды. Когда завтракъ былъ готовъ, я будилъ Іогансена; мы садились въ своемъ спальномъ мѣшкѣ, разстилали одно изъ шерстяныхъ одѣялъ вмѣсто скатерти и принимались за ѣду. Покончивъ съ завтракомъ, мы писали свои дневники и затѣмъ уже должны были подумывать о выступленіи. Но часто мы бывали очень утомлены и я многое готовъ былъ бы отдать за возможность снова залѣзть въ мѣшокъ и проспать тамъ цѣлыя сутки. Мнѣ казалось тогда, что это величайшее наслажденіе на свѣтѣ, но надо было идти на сѣверъ, все на сѣверъ!

Покончивъ со своимъ туалетомъ, мы отправлялись опять на холодъ, чтобы приготовить сани, распустить упряжь собакъ, запречь ихъ и какъ можно скорѣе пуститься въ путь. Ахъ, какъ мы тосковали въ эти тяжелые дни по нашимъ теплымъ волчьимъ шубамъ, которыя остались на Fram! Я шелъ впереди, отыскивая дорогу черезъ неровный ледъ; затѣмъ слѣдовали сани съ моимъ каякомъ. Собаки скоро научились слѣдовать за нами, но при каждой неровности почвы останавливались. Если же не удавалось заставить ихъ понуканіями потащить сани и преодолѣть препятствіе, то приходилось возвращаться и тогда уже, смотря по обстоятельствамъ, приходилось или помогать имъ или стегать ихъ кнутомъ. Іогансенъ слѣдовалъ съ двумя другими санями и то звалъ собакъ, убѣждая ихъ тащить, какъ слѣдуетъ, то стегалъ ихъ, то помогалъ имъ самъ протащить сани черезъ ледяной хребетъ. Безъ сомнѣнія, мы поступали жестоко съ бѣдными животными, и я до сихъ поръ часто вспоминаю объ этомъ съ отвращеніемъ. И теперь я безъ содроганія не могу вспоминать о томъ, какъ мы безжалостно били собакъ толстыми палками, когда онѣ останавливались, не будучи въ состояніи идти далѣе отъ сильнаго истощенія. Сердце должно было бы кровью обливаться при такомъ зрѣлищѣ, но взоры наши были обращены впередъ, и мы становились все болѣе жестокосердыми. Намъ надо было подвигаться во чтобы то ни стало. И передъ этой цѣлью все должно было отступать на задній планъ. Печальная сторона всѣхъ подобныхъ экспедицій состоитъ въ томъ, что приходится систематически заглушать въ себѣ лучшія чувства и давать развиваться только черствому эгоизму. Когда я вспоминаю обо всѣхъ

этихъ великолѣпныхъ животныхъ, которыя безропотно трудились для насъ, пока въ состояніи были шевелить хотя однимъ мускуломъ, никогда не получая благодарности, даже рѣдко слыша ласковое слово и ежедневно извиваясь подъ ударами кнута, пока не наступало полное истощеніе, и они уже не въ состояніи были двигаться, и смерть являлась для нихъ избавительницей; когда я думаю о томъ, что эти собаки, одна за другой, покинуты были нами въ ледяныхъ пустыняхъ, бывшихъ свидѣтелями ихъ вѣрности и самоотверженія,—я испытываю горькіе упреки совѣсти!

Мы тратили много времени на то, чтобы вечеромъ разбивать палатку, кормить собакъ, варить кушанье и т. д., а утромъ снова готовиться къ выступленію, такъ что день всегда оказывался слишкомъ коротокъ, и у насъ оставалось мало времени, послѣ хорошаго дневного перехода, на отдыхъ и сонъ. Но такъ какъ ночи становились все свѣтлѣе, то намъ уже не нужно было непремѣнно придерживаться дневныхъ часовъ, и мы могли дѣлать остановку въ пути, когда вздумается, днемъ или ночью, чтобы выспаться, въ чемъ и мы и собаки очень нуждались. Мы оставались обыкновенно въ пути отъ девяти до десяти часовъ. Въ серединѣ дня обыкновенно останавливались и подкрѣпляли себя пищей, большею частью ѣли хлѣбъ съ масломъ, пеммиканомъ или паштетомъ изъ печенки. Однако, эти обѣды составляли для насъ тяжелое испытаніе. Мы старались отыскать защищенное мѣсто и иногда даже закутывались въ шерстяныя одѣяла, но, тѣмъ не менѣе, вѣтеръ пронизывалъ насъ насквозь, когда мы сидѣли на саняхъ и ѣли свой обѣдъ. Иногда мы растягивали на льду спальный мѣшокъ, брали свою ѣду и влѣзали туда, но и при такихъ условіяхъ намъ не удавалось оттаять нашу пищу и платье. Когда холодъ былъ слишкомъ силенъ, мы ходили, чтобы согрѣться, и ѣли на ходу. Затѣмъ приходилось исполнять не очень пріятную обязанность, распутывать упряжь собакъ, и мы были рады, когда могли снова отправиться въ путь.

Большинство арктическихъ путешественниковъ, предпринимавшихъ санныя экспедиціи, жаловались на такъ называемую арктическую жажду, которая признавалась почти неизбѣжнымъ зломъ во время странствованій по снѣжнымъ пустынямъ и еще усиливалась отъ употребленія снѣга въ пищу. Я приготовился къ этому испытанію, съ которымъ отчасти и самъ познакомился во время перехода черезъ Гренландію, и запасся двумя гуттаперчевыми фляжками, которыя мы каждое утро наполняли водой изъ своего кухоннаго аппарата и въ теченіе дня защищали отъ дѣйствія холода, пряча ихъ у себя на груди. Но, къ своему великому удивленію, я вскорѣ убѣдился, что могу идти цѣлый день, ни разу не прибѣгая къ фляжкѣ. Чѣмъ дальше, тѣмъ рѣже являлась потребность пить въ теченіе дня и, наконецъ, я совсѣмъ пересталъ брать съ собою воду. Если появлялось чувство жажды, то довольно было взять въ ротъ кусо-

чекъ льда изъ прѣсной воды, который легко было найти вездѣ, и жажда тотчасъ же исчезала. Мы въ значительной степени обязаны нашему превосходному кухонному аппарату тѣмъ, что были избавлены отъ этого страданія, принадлежащаго къ числу величайшихъ непріятностей санныхъ экспедицій. При помощи этого аппарата и при самой незначительной затратѣ горючаго матеріала, мы въ состояніи были каждое утро добывать столько воды, что могли напиваться вволю. Большею частью даже оставалось еще немного воды, которую мы должны были выливать, въ особенности это случалось вечеромъ.

Пятница, 29-го марта. Мученія наши продолжаются, а дѣло подвигается очень медленно. Ледъ не совсѣмъ таковъ, какъ я ожидалъ въ началѣ. Часто встрѣчаются громадные ледяные гребни ужаснаго вида, отнимающіе у насъ много времени. Приходится отыскивать дорогу и дѣлать большій или меньшій обходъ. Отъ этого собаки утомляются и становится невозможно идти дальше. И къ этому еще безконечное распутываніе возжей, образующихъ какіе-то адскія закручиванія и узлы, которые становится все труднѣе и труднѣе распутывать. Собаки постоянно перепрыгивали другъ черезъ друга и только что мы успѣвали распутать возжи, какъ уже онѣ опять перепутывались. То вдругъ какая нибудь ледяная глыба останавливала сани. Собаки выли отъ нетерпѣнія, такъ какъ не могли слѣдовать за своими товарищами, находящимися впереди. Случалось, что какая нибудь собака перекусывала постромки и убѣгала, иногда въ сопровожденіи другихъ. Приходилось ихъ ловить и снова связывать постромки, такъ какъ не было времени починить ихъ, какъ слѣдуетъ. Такъ подвигаемся мы черезъ неровный ледъ, останавливаясь, по крайней мѣрѣ, черезъ каждые полтора часа, чтобы распутывать постромки.

Вчера мы вышли въ $8^1/_2$ часовъ утра и остановились около пяти часовъ пополудни. Послѣ обѣда сѣверовосточный вѣтеръ, дувшій все время, сталъ сильнѣе, небо заволокло. Мы порадовались, видя въ этомъ признакъ вѣроятной перемѣны вѣтра и температуры. И не думаю, чтобъ мы ошиблись. Вчера вечеромъ дѣйствительно температура поднялась до—34° С, и мы провели въ спальномъ мѣшкѣ прекрасную ночь, какой давно не проводили. Но теперь, въ тотъ моментъ, когда я приготовляю завтракъ, я вижу, что снова стало свѣтло, и солнечные лучи проникаютъ черезъ стѣны палатки.

Ледъ, на которомъ мы теперь находимся, повидимому, состоитъ, главнымъ образомъ, изъ стараго льда, но всетаки намъ случалось проходить иногда довольно большія пространства неровнаго молодого льда, давно уже нагромоздившагося на старомъ льду. Я не могу объяснить себѣ этого иначе, какъ тѣмъ, что ледъ этотъ происходитъ изъ большихъ озеръ, которыя здѣсь раньше образова-

лись. Мы много разъ проходили такія озера, покрытыя гладкимъ слоемъ льда.

Въ этотъ день я вычислилъ въ полдень высоту меридіана, оказалось, что мы находимся не выше 85°—30′ сѣв. широты. Для меня это было непонятно, такъ какъ я думалъ, что мы приблизительно должны находиться подъ 86° широты, и поэтому я рѣшилъ, что въ наблюденіяхъ была невѣрность.

Суббота, 30 марта. Вчера былъ несчастливый день. Сначала мы встрѣтили много неровнаго льда и должны были сдѣлать большой обходъ, чтобы миновать это пространство, такъ что дневной переходъ не далъ большихъ результатовъ, хотя мы довольно долго оставались въ пути. Но къ концу пути мы, послѣ значительныхъ усилій, добрались до пространства, покрытаго хорошимъ плоскимъ старымъ и толстымъ льдомъ, хотя мѣстами и попадались бугры и снѣжные сугробы. Потомъ опять насъ задержали ледяные хребты самаго худшаго сорта, образовавшіеся вслѣдствіе нагроможденія ледяныхъ глыбъ. Послѣдній хребетъ былъ худшій изъ всѣхъ, тѣмъ болѣе, что передъ нимъ въ толстомъ льду образовалась расщелина. Когда первыя сани попробовали проѣхать черезъ эту расщелину, то всѣ собаки попадали туда и пришлось ихъ вытаскивать, причемъ одна изъ нихъ выскользнула изъ упряжи и убѣжала. Слѣдующія сани совсѣмъ провалились въ расщелину, но по счастью онѣ не пострадали, хотя легко могли бы разбиться. Мы должны были совершенно разгрузить сани, чтобы поднять ихъ, а затѣмъ снова нагрузить, что заняло много времени. Потомъ слѣдовала возня съ переправой собакъ. Съ третьими санями дѣло пошло лучше, и послѣ того, какъ мы прошли нѣкоторое разстояніе, къ намъ присоединилась и наша бѣглая собака. Наконецъ мы достигли мѣста для стоянки, поставили палатку и увидали, что термометръ показываетъ—43° С. Распутываніе постромокъ мерзлыми голыми руками, на которыхъ почти не осталось кожи—очень трудная работа. Наконецъ, мы залѣзли въ свой спальный мѣшокъ; возлѣ насъ находился нашъ другъ «Примусъ» *), который, въ довершеніе неудачъ, ни за что не хотѣлъ горѣть. Я осмотрѣлъ весь аппаратъ, но не нашелъ никакой погрѣшности; однако, Іогансенъ долженъ былъ встать и принести инструменты и резервную горѣлку, въ то время, какъ я разсматривалъ кухонный аппаратъ. Въ концѣ концовъ намъ удалось разжечь аппаратъ, и къ пяти часамъ утра былъ готовъ гороховый супъ, который намъ очень пришелся по вкусу.

Въ три часа пополудни я всталъ, чтобы опять приняться за

*) Находившаяся у насъ горѣлка «Примусъ» состояла изъ керосиноваго резервуара, въ который накачивался воздухъ посредствомъ маленькаго насоса. Вгоняемый такимъ путемъ въ трубку керосинъ разогрѣвался отъ собственнаго пламени и превращался въ газъ, который превосходно горитъ и развиваетъ большую теплоту.

варку. Слава Богу, что въ мѣшкѣ тепло и уютно, а то подобный образъ жизни былъ бы совершенно невыносимъ.

Воскресенье, 31 марта. Вчера, наконецъ, наступила давно желанная перемѣна погоды, подулъ южный вѣтеръ, и температура повысилась. Сегодня утромъ термометръ показывалъ—30° С., что мы можемъ привѣтствовать, какъ настоящую лѣтнюю погоду. Мы выступили съ облегченнымъ сердцемъ по хорошему льду и при вѣтрѣ, дующемъ намъ въ спину. Мы пошли довольно быстрыми шагами впередъ и все шло хорошо, какъ вдругъ, какъ разъ передъ первыми санями, раскрылась расщелина. Съ большими усиліями удалось намъ перетащить черезъ нее сани, но въ то время, какъ мы ее переходили во второй разъ, чтобы захватить и остальныя сани, подъ Іогансеномъ обломился большой кусокъ льда, и онъ обѣими ногами провалился въ воду. Несчастная случайность! Расщелина становилась все шире, и я бѣгалъ вдоль нея взадъ и впередъ, тщетно отыскивая гдѣ бы можно было перейти, между тѣмъ какъ на другой сторонѣ оставались двое саней и вымокшій насквозь Іогансенъ. Мы не могли спустить на воду каяки, потому что вслѣдствіе толчковъ и паденій саней въ нихъ образовались дыры, и они въ данную минуту не годились къ употребленію. Хорошее утѣшеніе въ виду наступающей ночи! Я на одной сторонѣ, вмѣстѣ съ палаткой, а Іогансенъ, вѣроятно, совсѣмъ замерзшій, на другой! Наконецъ, сдѣлавъ длинный обходъ, я нашелъ мѣсто, гдѣ намъ удалось перетащить сани; но, разумѣется, о дальнѣйшемъ путешествіи не могло быть и рѣчи: ноги Іогансена представляли одну общую ледяную массу, и панталоны его такъ изорвались, что требовали неотложной починки.

XII.

Тяжелая борьба.

Вторникъ, 2-го апрѣля. Во время такого путешествія приходится преодолѣвать много препятствій разнаго рода. Хуже всего были пожалуй тѣ безчисленныя мелочи, о которыхъ надо было заботиться передъ выступленіемъ. Хотя въ понедѣльникъ вечеромъ я всталъ около семи часовъ, чтобы приготовить завтракъ, но было уже два часа, когда мы оставили нашу стоянку. Надо было съизнова прикрѣпить грузъ на саняхъ Іогансена, такъ какъ мы уже израсходовали содержимое одного мѣшка подъ каякомъ, и его надо было замѣнить мѣшкомъ съ хлѣбомъ; другую же лодочную подушку надо было зашить, потому что изъ нея вываливался пеммиканъ; затѣмъ сани, съ которыхъ былъ взятъ мѣшокъ съ хлѣбомъ, снова нужно было обвязать канатомъ, и такъ какъ они были развязаны, то мы и воспользовались этимъ, чтобы взять оттуда запасъ картофеля.

Во время этихъ занятій, мы замѣтили дыру въ мѣшкѣ съ рыбною мукой. Едва мы ее зашили, какъ увидали, что надо починить еще одинъ большой мѣшокъ. Когда мы потомъ развязали картофельный мѣшокъ, то и въ немъ нашли дыру, которую надо было зачинить. Затѣмъ приходилось опять распутывать постромки и съ каждымъ разомъ становилось все труднѣе распутывать узлы и перекручиванія покрытаго льдомъ каната. Іогансенъ торопился и кончилъ до завтрака починку своихъ панталонъ. Между тѣмъ южный вѣтеръ превратился въ такой, какой мы называли на суднѣ «мельничнымъ вѣтромъ», т. е. онъ дулъ со скоростью шести-семи метровъ въ секунду. Мы двигались съ помощью этого вѣтра среди снѣжной мятели, сначала все шло прекрасно, но потомъ стали попадаться одна ледяная цѣпь за другой и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Около 8—9 часовъ утра мы сдѣлали продолжительный привалъ для обѣда, найдя защищенное мѣсто на подвѣтренной сторонѣ одного ледяного хребта. Мы растянули спальный мѣшокъ и залѣзли въ него со своимъ кушаньемъ въ рукахъ, но я былъ такъ утомленъ, что такъ и заснулъ держа его въ рукѣ.

Мнѣ снилось, что я въ Норвегіи и посѣщаю въ Фридрихсгальдѣ людей, которыхъ вижу первый разъ въ жизни; но они были любезны и привѣтливы. Это былъ первый день Рождества, и меня привели въ большую пустую комнату, гдѣ мы должны были обѣдать. Тамъ было такъ холодно, что я дрожалъ, но на столѣ уже стояли дымящіяся горячія блюда и между прочимъ великолѣпный жирный гусь. О, какъ я обрадовался этому гусю! Затѣмъ стали приходить и другіе гости, и я могъ видѣть ихъ въ окно. Желая выйти, чтобы ихъ привѣтствовать, я споткнулся и упалъ въ глубокій снѣгъ. Какъ это могло случиться въ столовой—я не знаю. Хозяина это позабавило, и онъ разсмѣялся — а я проснулся, дрожа отъ холода въ своемъ спальномъ мѣшкѣ, на плавучемъ льду далеко на сѣверѣ. О, какимъ несчастнымъ я себя почувствовалъ тогда! Мы встали, молча собрали свои вещи и отправились; остановились только въ 4 часа пополудни. Все мнѣ казалось печальнымъ и унылымъ, и прошло довольно много времени, прежде чѣмъ улеглось это чувство. Чего бы я не далъ за такой обѣдъ, какой мнѣ приснился, или хотя бы только за одинъ часъ въ такой столовой, какъ ни было тамъ холодно. Ахъ, этотъ вѣтеръ, онъ пронизываетъ насъ насквозь.

Ледяные гребни и замерзшія канавы, съ нагроможденными на нихъ ледяными глыбами становились все хуже, и приходилось отчаянно трудиться, чтобы проложить себѣ дорогу черезъ такія ледяныя возвышенности. Лыжи употреблять нельзя, такъ какъ между нагроможденными ледяными глыбами слишкомъ мало снѣга. При такой пасмурной погодѣ, когда все кругомъ одинаково бѣло, нельзя замѣтить неровностей или впадинъ, особливо потому, что промежутки между грудами льда покрыты тонкимъ обманчивымъ слоемъ снѣга, такъ что легко провалиться въ расщелину или яму, и надо

почитать себя счастливымъ, если не поломаешь себѣ ноги при этомъ. Чтобы найти дорогу, надо заходить впередъ на большое разстояніе и искать то въ одномъ, то въ другомъ направленіи, а когда дорога найдена, надо возвращаться за санями, такъ что одинъ и тотъ же путь приходится проходить много разъ. Когда мы вчера остановились, я былъ совершенно истомленъ. Самое худшее было то, что мы опоздали завести свои часы. Іогансена часы остановились, но мои еще тикали и, по счастью, продолжали идти, когда я ихъ завелъ. Въ полдень—31,5° С. Ясная погода, юговосточный вѣтеръ (4 метра въ секунду).

Ледъ становится все хуже, и я начинаю сомнѣваться, благоразумно-ли продолжать идти къ сѣверу.

Среда, 3-го апрѣля. Мы вышли вчера послѣ обѣда около трехъ часовъ. Снѣгъ послѣ юговосточнаго вѣтра, продолжавшагося весь день, находился въ прекрасномъ состояніи, ледъ былъ довольно проходимъ, и все обѣщало хорошій путь. Однако, вслѣдъ за плоскимъ льдомъ, на которомъ изрѣдка лишь попадался старый бугристый ледъ, опять появились очень неровныя мѣста, перерѣзанныя открытыми водяными потоками и усаженныя ледяными гребнями. Ледъ, однако, не сталъ лучше съ теченіемъ времени и въ полночь или, вѣрнѣе, сегодня утромъ насъ задержалъ очень плохой ледъ и только что замерзшая канава, покрытая такимъ тонкимъ льдомъ, который насъ совсѣмъ не могъ выдержать. Такъ какъ намъ пришлось бы дѣлать очень большой обходъ, то мы и рѣшили сдѣлать остановку. Здѣсь мы убили «Руссена», вторую собаку. Мясо ея было раздѣлено на 26 порцій, но 8 собакъ не хотѣли его ѣсть, такъ что пришлось ихъ кормить пеммиканомъ. Ледъ передъ нами выглядитъ не особенно заманчиво; ледяныя цѣпи могутъ довести до отчаянія, и, повидимому, нѣтъ никакой надежды на перемѣну къ лучшему. Въ полдень я всталъ, чтобы измѣрить высоту меридіана; мы находимся подъ 85° 54′ сѣв. широты. Удивительно, что мы такъ мало подвинулись; страдаемъ мы много, но успѣхи наши невелики. Я серьезно начинаю сомнѣваться, слѣдуетъ-ли идти дальше къ сѣверу. До земли Франца-Іосифа разстояніе втрое больше того, которое мы уже прошли. Каковъ ледъ въ томъ направленіи? Мы едва-ли можемъ расчитывать, что онъ лучше здѣшняго, и что мы скорѣе будемъ подвигаться впередъ. Кромѣ того, намъ неизвѣстны ни форма, ни протяженіе страны, и, быть можетъ, насъ тамъ ожидаютъ значительныя задержки. Возможно также, что мы тамъ не скоро встрѣтимъ дичь.

Я уже давно пришелъ къ убѣжденію, что невозможно достигнуть полюса или даже его непосредственнаго сосѣдства по такому льду и съ такимъ количествомъ собакъ. Еслибъ хотя ихъ у насъ было больше! Чего бы я не далъ теперь, чтобы имѣть оленекскихъ собакъ. Рано или поздно мы должны вернуться. А такъ какъ это составляетъ лишь вопросъ времени, то не лучше-ли было бы вернуться

черезъ землю Франца-Іосифа, нежели странствовать по пловучимъ льдамъ? Мы имѣли теперь время изучить этотъ вопросъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, до самого полюса все будетъ то же самое.

12 часовъ утра—29,4° C, ясная погода, восточный вѣтеръ—1 метръ скорости; 12 часовъ ночи—34° C; ясно и тихо.

Для меня становилось все большею и большею загадкой, почему мы такъ мало подвигаемся къ сѣверу. Я не разъ высчитывалъ наши переходы и всегда приходилъ къ одному и тому же заключенію, что мы должны были бы далеко перейти 86°, конечно при томъ условіи, чтобы ледъ оставался въ покоѣ. Однако мнѣ скоро стало ясно, что ледъ двигается къ югу, и мы, увлекаемые его своенравными движеніями, управляемыми волею вѣтровъ и теченія, должны бороться со своимъ худшимъ врагомъ.

Пятница, 5 го апрѣля. Начали свое путешествіе вчера въ 3 часа утра. Ледъ былъ плохъ, расщелины да гряды, такъ что мы плохо подвигались впередъ. Эти канавы съ надвигающимися на обѣихъ сторонахъ ледяными грядами, приводятъ насъ въ отчаяніе; мы какъ будто идемъ по пространству, покрытому огромными обвалами, и это вызываетъ постоянныя остановки. Сначала я теряю время на отыскиваніе дороги, затѣмъ на прохожденіе по ней, при этомъ, для разнообразія, иногда падаешь въ воду, какъ это случилось со мною вчера два раза. Если мнѣ приходится плохо при отыскиваніи дороги и перетаскиваніи своихъ саней черезъ неровныя мѣста, то и Іогансену, которому надо наблюдать за двумя санями, бываетъ не лучше. Довольно таки трудно съ однѣми санями пробираться по ледянымъ глыбамъ, не говоря уже о ледяныхъ грядахъ, но онъ—мужественный парень и никогда не отступаетъ. Вчера, во время одного перехода, онъ снова упалъ въ воду и вымокъ до колѣнъ; я передъ тѣмъ только проѣхалъ это мѣсто на лыжахъ и не замѣтилъ, что ледъ слабъ. Іогансенъ пошелъ вслѣдъ за мною безъ лыжъ и шелъ возлѣ саней, какъ вдругъ ледъ подъ нимъ подался, и онъ провалился. Къ счастью, ему удалось схватиться за сани, и собаки, продолжавшія идти, вытащили его. Подобная ванна представляетъ не очень большое удовольствіе въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ возможности ни перемѣнить платье, ни высушить его; приходится идти точно въ ледяномъ панцырѣ, пока одежда не растаетъ и не высохнетъ подъ вліяніемъ теплоты тѣла, что не такъ-то легко совершается при такой температурѣ.

Вчера утромъ я произвелъ наблюденія надъ уклоненіями компаса и опредѣленіемъ долготы и сегодня все утро занимался въ мѣшкѣ вычисленіями, чтобы съ точностью опредѣлить наше мѣстонахожденіе. Я нашелъ, что вчера широта была 86° 2,8′. Это очень мало, но ничего не подѣлаешь! Наши несчастныя собаки тоже не могутъ сдѣлать больше, чѣмъ онѣ дѣлаютъ, и я ежедневно вздыхаю о оленекскихъ собакахъ.

Я все больше и больше прихожу къ заключенію, что мы должны

повернуть раньше назначеннаго нами времени *). Мы находимся, вѣроятно, на разстояніи приблизительно 280 морскихъ миль (410 километровъ) отъ земли Петерманна (на самомъ дѣлѣ оказалось болѣе 360 морскихъ миль (670 километровъ) до мыса Флигели), но, вѣроятно, намъ будетъ очень трудно пройдти это разстояніе. Вопросъ заключается лишь въ томъ, должны-ли мы попробовать достигнуть во чтобы то ни стало 87° сѣв. широты? Я сомнѣваюсь, удастся-ли намъ это, если только ледъ не станетъ лучше.

Суббота, 6-го апрѣля. 2 часа утра—24,2°С. Ледъ все становится хуже. Вчера онъ довелъ насъ почти до отчаянія, и когда мы сегодня утромъ остановились, то я почти рѣшилъ вернуться. Я хочу, однако, попытаться еще одинъ день идти дальше, чтобы видѣть, дѣйствительно-ли ледъ по направленію къ сѣверу такъ плохъ, какъ это кажется съ вершины ледяного хребта въ 10 метровъ высоты, позади котораго мы устроили свой лагерь. Вчера мы прошли едва нѣсколько километровъ. Канавы, ледяные гребни и шероховатый ледъ, точно безконечная морена изъ ледяныхъ валуновъ, и при этомъ необходимость поднимать сани при каждой неровности— всего этого достаточно было бы, чтобъ утомить и богатырей! Странный этотъ изломанный ледъ; большею частью онъ не очень плотенъ и какъ будто только недавно нагромоздился; онъ частью покрытъ тонкимъ рыхлымъ слоемъ снѣга, въ который можно внезапно проваливаться. И такъ ледъ тянется на цѣлыя мили къ сѣверу. Тамъ и сямъ попадаются старыя льдины съ холмами, вершины которыхъ округлились подъ дѣйствіямъ солнечныхъ лучей, и которыя часто состоятъ изъ очень толстаго льда.

Понедѣльникъ, 8-го апрѣля. Нѣтъ, ледъ все становится хуже а мы дальше не подвигаемся; одна гряда слѣдуетъ за другой, и приходится идти по ледянымъ валунамъ. Мы вышли сегодня утромъ около двухъ часовъ и оставались въ пути такъ долго, какъ только могли, причемъ пришлось почти все время нести сани; въ концѣ концовъ это было невыносимо. Я прошелъ довольно далеко впередъ на лыжахъ, но нигдѣ, даже съ вершины самыхъ высокихъ холмовъ, не замѣтилъ ничего, кромѣ такого же неровнаго льда. Настоящій хаосъ ледяныхъ глыбъ, простирающійся до самаго горизонта. Нѣтъ никакого смысла пробираться дальше; мы тратимъ драгоцѣнное время и не достигаемъ ничего.

Я рѣшилъ поэтому повернуть и направить курсъ на мысъ Флигели.

На самой сѣверной нашей стоянкѣ мы устроили себѣ праздничный обѣдъ изъ пеммикана, хлѣба, масла, сухого шоколода, пареной брусники и теплаго молочнаго питья. Довольные и сытые залѣзли мы въ свой милый мѣшокъ. Я сегодня вычислилъ высоту

---

*) Оставляя судно, я рѣшилъ идти на сѣверъ въ теченіе 30 дней и поэтому взялъ съ собою корму для собакъ только на это время.

меридіана и вижу что мы находимся приблизительно подъ 86° 10 сѣв. широты. Въ 8½ часовъ утра—32° С.

Вторникъ, 9 апрѣля. Вчера мы выступили въ обратный путь. Мы ждали, что встрѣтимъ такой же непроходимый ледъ, но, къ великому нашему изумленію, попали на довольно хорошую почву, которая даже все улучшалась, такъ что мы продолжали идти до утра съ небольшими остановками. Мы, разумѣется, встрѣтили на пути ледяные хребты, но проходить ихъ было не трудно, такъ что мы хорошо подвигались впередъ. Вышли вчера около 2-хъ часовъ пополудни и находились въ пути до часу утра.

Четвергъ, 11-го апрѣля. Все лучше и лучше, вчера не видѣлъ ничего, кромѣ прекрасной плоской поверхности льда, лишь мѣстами перерѣзанной хребтами, легко проходимыми, и нѣсколькими канавами, покрытыми тонкимъ льдомъ, которыя причинили намъ нѣсколько больше затрудненій. Но эти канавы простирались приблизительно въ томъ же направленіи, какъ нашъ курсъ, такъ что мы могли идти вдоль ихъ краевъ. Но, въ концѣ концовъ, намъ пришлось таки перейти черезъ нихъ и это намъ удалось, хотя ледъ гнулся подъ нашими ногами и санями больше, чѣмъ это было намъ желательно. Къ концу дня мы встрѣтили канаву, которую хотѣли пройти такимъ же точно образомъ. Первыя сани проѣхали благополучно на другую сторону, но съ другими было не такъ. Едва только собаки, бѣжавшія впереди, достигли опаснаго мѣста, гдѣ ледъ былъ всего тоньше, и на немъ проступала вода, какъ тотчасъ же пріостановились и стали осторожно погружать въ воду лапы; въ этотъ моментъ одна изъ нихъ провалилась. Разбрызгивая воду, она старалась выкарабкаться, но ледъ сталъ опускаться подъ тяжестью другихъ собакъ и саней. Я потащилъ собакъ и сани назадъ, и мнѣ удалось ихъ благополучно доставить на твердый ледъ. Мы еще разъ попробовали перейти въ другомъ мѣстѣ, причемъ я сначала проѣхалъ на лыжахъ и тогда пустилъ собакъ, между тѣмъ какъ Іогансенъ подталкивалъ сзади. Однако результатъ былъ не лучше: «Суггенъ» провалилась, и намъ снова пришлось вернуться. Сдѣлавъ большой обходъ, намъ, уже очень утомленнымъ, удалось наконецъ перетащить сани. Мы нашли также хорошее мѣсто для остановки, гдѣ провели ночь тепло и удобно, и я бы сказалъ даже, что провели самое пріятное утро (говоря вскользь: въ починкахъ), какое только выпало на нашу долю въ теченіе нашего пути. Мы выступили въ пять часовъ утра и остановились въ шесть послѣ обѣда. Я думаю, что вчера, во время дневного перехода, мы прошли самое большое разстояніе за все время нашего путешествія. Въ 2 часа пополудни температура—27,6° С.

Суббота, 13 го апрѣля. Въ теченіе трехъ дней мы встрѣчали только хорошій ледъ; если такъ будетъ и дальше, мы совершимъ обратный путь скорѣе, нежели я думалъ. Я не могу объяснить

себѣ такого внезапнаго измѣненія льда. Можно-ли допустить, что мы движемся въ одномъ направленіи съ ледяными гребнями и неровностями и теперь идемъ вдоль нихъ, вмѣсто того, чтобы идти поперекъ? Канавы, встрѣчаемыя нами, повидимому, указываютъ на это; онѣ идутъ какъ разъ соотвѣтственно нашему курсу. Вчера приключилось несчастье,—мы допустили свои часы остановиться; промежутокъ времени отъ предшествующаго вечера, когда мы залѣзли въ мѣшокъ, до остановки вчера вечеромъ, былъ слишкомъ продолжителенъ. Само собою разумѣется, мы снова завели часы; но единственное, что я могу теперь сдѣлать для опредѣленія средняго гринвичскаго времени, это—вычислить время и широту и затѣмъ приблизительно опредѣлить разстояніе отъ того мѣста, откуда мы повернули назадъ 8-го апрѣля, гдѣ я произвелъ послѣднее наблюденіе для опредѣленія долготы. При такомъ способѣ дѣйствій ошибка врядъ-ли можетъ быть велика. Я убѣжденъ, что мы въ общемъ проходили ежедневно не менѣе 22 километровъ въ теченіе послѣднихъ трехъ дней и такимъ образомъ прошли 67 километровъ по направленію къ югу. Вчера во время остановки была убита «Барбара». Убиваніе собакъ далеко не составляетъ пріятности. Ясная погода; въ $6^1/_2$ часовъ утра—30° С.; южный вѣтеръ, скорость 2—3 метра.

14-го апрѣля. Пасха. Вчера намъ не повезло съ канавами; онѣ заставили насъ значительно уклониться отъ нашего курса. Въ особенности одна изъ нихъ, очень непріятная, задержала насъ. Пройдя довольно большое разстояніе вдоль этой канавы, тщетно отыскивая мѣсто для перехода, я рѣшилъ, что при данныхъ условіяхъ лучше будетъ, если мы раскинемъ свою палатку и проведемъ праздничнымъ образомъ канунъ Пасхи. Кромѣ того, я хотѣлъ вычислить широту и долготу, а также отклоненіе компаса, такъ какъ намъ было очень важно какъ можно скорѣе узнать настоящее время. Когда палатка была поставлена, я залѣзъ въ мѣшокъ, между тѣмъ какъ Іогансенъ возился съ собаками. Однако даже при температурѣ свыше—30° С, всетаки не особенно пріятно сидѣть въ замерзшемъ мѣшкѣ и, чувствуя какъ постепенно оттаиваютъ платье и башмаки, дѣлать вычисленія и выкладывать логариѳмы ноющими отъ мороза пальцами. Это очень медленная работа, такъ что я долженъ былъ употребить первый день Пасхи, чтобы довести вычисленіе до конца, и потому мы до вечера никуда не двинемся. Мы отпраздновали этотъ вечеръ слѣдующимъ обѣдомъ: горячее молочное питье, кушанье изъ рыбной муки, пареная брусника и грогъ изъ лимоннаго сока, т. е. лепешки лимоннаго сока, распущенныя въ подслащенной горячей водѣ. Это въ полномъ смыслѣ великолѣпный обѣдъ. Насытившись, мы около двухъ часовъ заползли подъ свои одѣяла.

Я провѣрялъ сдѣланныя раньше наблюденія широты и долготы, чтобы убѣдиться нѣтъ-ли въ нихъ ошибки. Я нашелъ, что

мы должны были вчера находиться южнѣе 86°5', такъ какъ, согласно нашимъ вычисленіямъ, предположивъ, что мы прошли за послѣдніе три дня 67 километровъ, мы достигли до 85° и около 50'. Я могу объяснить себѣ это только тѣмъ, что мы быстро уносимся на сѣверъ, что очень хорошо было бы для Fram, но не такъ хорошо для насъ. Вѣтеръ послѣдніе дни былъ южный. Я предполагаю, что мы находимся подъ 86° восточной долготы, и вычислилъ время на этомъ основаніи. Для разнообразія небо было сегодня обложено тучами, однако, къ вечеру, когда мы ѣли свой второй завтракъ, солнце снова привѣтливо свѣтило сквозь стѣнки палатки. Іогансенъ чинилъ сегодня платья, въ то время какъ я занимался наблюденіями и опредѣлялъ нашъ курсъ. Еще ни разу не было такой мягкой и пріятной температуры. 10 часовъ вечера—25,6° С.

Вторникъ, 16-го апрѣля. Когда мы вчера утромъ, около часа, собирались выступить, «Барро» улизнулъ, прежде чѣмъ мы запрягли его; собака увидѣла, что мы уже надѣли упряжь на ея товарищей, и, зная, что за этимъ воспослѣдуетъ, поспѣшила скрыться. Такъ какъ я не желалъ потерять лучшей собаки изъ своей своры, то это насъ задержало. Я кричалъ и звалъ, обыскивая всѣ холмы, но ничего не увидалъ, кромѣ ледяныхъ цѣпей, тянувшихся одна за другой до самаго горизонта, гдѣ они исчезали, освѣщенныя полуночнымъ солнцемъ на далекомъ сѣверѣ. Ледяной міръ дремалъ, окутанный яркимъ, холоднымъ утреннимъ свѣтомъ. Мы должны были отправиться безъ собаки, но, къ своей величайшей радости, я увидалъ ее позади насъ на нашемъ пути; я уже думалъ, что мнѣ никогда больше не придется видѣть своего вѣрнаго пса. Собака видимо стыдилась своего поступка; она подошла къ намъ и остановилась, смотря на меня умоляющимъ взоромъ въ то время, какъ я надѣвалъ на нее сбрую. Я хотѣлъ ее отстегать, но былъ обезоруженъ ея взглядомъ.

Мы нашли ледъ вездѣ проходимымъ, хотя и не вездѣ плоскимъ, и довольно хорошо подвигались впередъ; однако, кое-какіе ледяные хребты заставили насъ таки уклониться отъ нашего курса на западъ. Утромъ я вдругъ открылъ, что я гдѣ-то оставилъ компасъ, который вынулъ для наблюденій, и такъ какъ мы не могли безъ него обойтись, то я долженъ былъ вернуться и искать его. Я нашелъ его, но возвращеніе назадъ составило нелегкую работу и впервые я страдалъ отъ жары, такъ какъ солнце жгло невыносимо. Дойдя наконецъ до саней, я почувствовалъ нѣкоторую слабость. Іогансенъ сидѣлъ на кочкѣ и спалъ на солнцѣ, наслаждаясь тепломъ. Затѣмъ мы отправились дальше, но отъ свѣта и тепла были сонливы и вялы, такъ что двигались очень медленно. Въ десять часовъ утра мы сдѣлали остановку. Производя потомъ метеорологическія наблюденія, я былъ не мало удивленъ, что температура показываетъ—26,2° С. Мы раскинули палатку

на палящемъ солнцѣ, и скоро внутри ея стало очень хорошо и тепло. Мы приготовили обильный пасхальный обѣдъ, котораго хватило и на другой день. По моимъ разсчетамъ разстояніе, пройденное нами въ вечеръ кануна Пасхи и вчера, должно приблизительно равняться 22 километрамъ, значитъ, въ общемъ мы уже прошли 96 километровъ обратнаго пути.

Среда, 17-го апрѣля.—28° С. Вчерашній дневной переходъ, безъ сомнѣнія, былъ самый длинный: мы выступили въ 7½ часовъ утра и сдѣлали привалъ около 9 часовъ вечера, отдохнувъ всего какихъ-нибудь 2 часа въ спальномъ мѣшкѣ, во время обѣда. Поверхность льда была такова, что я бы никогда не назвалъ ее хорошей въ прежнее время; она была въ высшей степени неровной и состояла изъ сдавленнаго вверхъ новаго льда и болѣе старыхъ закругленныхъ хребтовъ; ледяныя цѣпи тянулись въ разныхъ мѣстахъ, но, къ счастью, вездѣ можно было пройти, такъ какъ канавы нигдѣ не преграждали дороги. Снѣгъ лежалъ неплотно на неровностяхъ льда, но всетаки собаки могли тащить вездѣ безъ нашей помощи, и мы не имѣли причинъ на нихъ жаловаться. Здѣсь, гдѣ мы сдѣлали остановку, ледъ похожъ, повидимому, на тотъ, который находится вокругъ Fram; мы почти уже дошли до той области, гдѣ онъ долженъ подвергаться дѣйствію теченія. Я увѣренъ, что мы прошли вчера 30 километровъ, такъ что все пространство, пройденное нами, достигаетъ уже 126 километровъ.

Погода великолѣпная, холодъ уже не настолько силенъ, чтобы доставлять непріятность, и кромѣ того, все время ясная солнечная погода безъ вѣтра. Мы уже странствуемъ по льду больше мѣсяца, но еще ни разу нигдѣ насъ не задержала дурная погода. Все время свѣтило солнце, за исключеніемъ двухъ дней, да и въ эти дни оно всетаки проглядывало по временамъ. Существованіе становится пріятнѣе, холодъ миновалъ и мы идемъ все дальше на встрѣчу солнцу и теплу. Теперь уже не составляетъ испытанія для насъ вставать утромъ, чтобы идти дальше, варить кушанье и затѣмъ, забравшись въ мѣшокъ, мечтать о счастливомъ будущемъ, когда мы вернемся. Вернемся?...

Сегодня мнѣ пришлось заняться портняжною работой, такъ какъ мои панталоны пришли въ полную негодность. Теперь, при 28° С намъ уже кажется совсѣмъ не холодно сидѣть и шить, тогда какъ прежде, при—40° С, далеко не было пріятно шевелить иглой.

Пятница, 19-го апрѣля. У насъ осталось корму для собакъ только на два или на три дня, однако, я надѣюсь, что мнѣ удастся растянуть его на дольше и затѣмъ я воспользуюсь сначала худшими собаками, какъ кормомъ для другихъ. Вчера мы убили «Перпетуума». Это умерщвленіе животныхъ и въ особенности самый процессъ его представляетъ для насъ нѣчто ужасное, но что же

дѣлать? Мы до сихъ поръ употребляли для этой цѣли ножъ, но это вовсе не удобный способъ и поэтому мы рѣшили примѣнить новый методъ, удавленіе. Мы увели собаку за холмъ, чтобы другія не увидали того, что должно было случиться, затѣмъ надѣли ей петлю на шею и стали тянуть что есть силы съ двухъ сторонъ, но безъ успѣха. Наши руки отъ холода потеряли всякую чувствительность и намъ ничего другого не оставалось, какъ опять прибѣгнуть къ ножу. Это было ужасно! Конечно, лучше и гуманнѣе было бы пристрѣливать собакъ, но мы не хотѣли тратить на нихъ свой драгоцѣнный запасъ патроновъ; быть можетъ, наступитъ время, когда они будутъ намъ очень нужны.

Вчерашнія наблюденія указываютъ, что мы спустились до 81°57,8° сѣв. широты, причемъ долгота должна быть 79°26'. Это вполнѣ совпадаетъ съ нашимъ расчетомъ, такъ какъ со времени послѣдняго наблюденія, произведеннаго 13-го апрѣля, мы прошли 82 километра, какъ разъ столько, сколько я предполагалъ.

Все такой же ясный солнечный свѣтъ, какъ днемъ, такъ и ночью. Вчера подулъ сѣверный вѣтеръ, дуетъ и сегодня, но намъ онъ не очень мѣшалъ, потому что дулъ намъ въ спину. Температура, которая держится теперь между 20° и 30° ниже нуля, можетъ быть названа только пріятной. Это безъ сомнѣнія большое для насъ счастье, такъ какъ, будь теплѣе, канавы дольше оставались бы открытыми. Мое самое большое желаніе достигнуть земли раньше, чѣмъ канавы сдѣлаются очень плохи. Что мы тогда предпримемъ—будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ.

Воскресенье, 21-го апрѣля. Третьяго дня мы вышли въ четыре часа утра и остановились ночью, чтобы поѣсть. Отдыхъ во время обѣда, когда мы залѣзаемъ, забравъ ѣду, въ свой тихій и уютный мѣшокъ, въ особенности пріятенъ. Выспавшись хорошенько, мы опять отправились въ путь, но скоро насъ задержала самая отвратительная канава, какую только мы встрѣчали на своемъ пути. Я пошелъ вдоль нея, чтобы гдѣ-нибудь найти переходъ, но вездѣ встрѣчалъ только скверный, изломанный ледъ. Канава вездѣ была одинаково широка и непроходима и вездѣ переполнена смерзшимися глыбами и рыхлымъ льдомъ, ясно указывающими, что ледъ здѣсь довольно долго находился въ движеніи подъ вліяніемъ непрекращающихся напоровъ. Объ этихъ напорахъ можно было судить по множеству новообразованныхъ хребтовъ и трещинъ, расходящихся во всѣ стороны. Наконецъ, мнѣ удалось найти переходъ; но когда я привелъ на это мѣсто, сдѣлавъ большой обходъ, нашъ караванъ, то увидалъ, что канава за это время уже успѣла измѣнить свой видъ, и поэтому не рѣшился переходить черезъ нее. Хотя я прошелъ впередъ по возможности далеко, но нигдѣ не видѣлъ ничего, кромѣ той же самой отвратительной канавы, наполненной кусками льда и съ возвышающимися по обѣимъ сторонамъ ледяными хребтами. Во многихъ мѣстахъ куски льда были перемѣшаны съ иломъ и

въ одномъ мѣстѣ цѣлая льдина, сдавленная вверхъ, была совершенно темнокоричнѣваго цвѣта. Однако, я не могъ подойти къ ней ближе, чтобы опредѣлить, зависитъ-ли эта окраска отъ ила или отъ органической массы. Высота этой гряды мѣстами достигала 8 метровъ. Здѣсь мнѣ представлялся хорошій случай наблюдать, какъ эти старыя гряды, раскалываясь во многихъ направленіяхъ, принимаютъ форму айсберговъ съ крутыми, плоскими поверхностями. Во время путешествія мнѣ часто случалось встрѣчать массивные высокіе холмы съ такими же гладкими боками, имѣющіе большую окружность и очень напоминавшіе острова, покрытые снѣгомъ.

Въ концѣ концовъ я вынужденъ былъ вернуться, не выполнивъ своей миссіи. Досаднѣе всего было, что по другую сторону канавы я видѣлъ прекрасный ровный ледъ, простирающійся далеко на югъ, а мы вынуждены были остановиться тутъ и ждать. Я уже примирился съ этимъ, какъ вдругъ, подходя къ мѣсту нашей прежней остановки, совсѣмъ по близости, нашелъ довольно хорошій переходъ. Мы пошли по льду, который крошился подъ нашими ногами, и достигли другого берега, когда уже было шесть часовъ утра. Однако мы прошли всетаки еще нѣкоторое разстояніе по прекрасному гладкому льду, но собаки утомились, тѣмъ болѣе, что онѣ оставались безъ пищи 48 часовъ.

Слѣдуя дальше, мы наткнулись на громадный кусокъ балки, вертикально выступающій надъ поверхностью льда. Насколько я могъ опредѣлить, это была сибирская лиственница, вѣроятно давно уже приподнятая вверхъ напоромъ льда. Еслибъ мы могли ее взять съ собой, то сколько обѣдовъ могли бы состряпать, употребивъ ее какъ топливо! Но она была слишкомъ тяжела. Вырѣзавъ на ней надпись: «F. N. H. 1. 85°30'», мы продолжали свой путь.

Передъ нами все разстилается ледяная равнина, и я радуюсь этому. Мчаться по гладкой поверхности на лыжахъ — это такое было бы наслажденіе! Земля и родина приближаются, и въ то время, какъ мы мчимся по этой равнинѣ, мысли мои устремляются туда, на югъ, ко всему, что прекрасно. Шесть часовъ утра: —30° С.

Понедѣльникъ, 22 апрѣля. Мы сдѣлали хорошіе успѣхи въ прошлые дни, но вчерашній день все превзошелъ. Я полагаю, что мы прошли въ теченіе дня 37 километровъ, но, для вѣрности, я буду считать, что мы въ эти два дня сдѣлали 60 километровъ. Собаки однако начинаютъ уставать, и время уже сдѣлать привалъ. Онѣ нетерпѣливо ждутъ кормленія и такъ какъ все охотнѣе и охотнѣе ѣдятъ собачье мясо, то обыкновенно бросаются точно волки на дымящіеся куски, которые мы кидаемъ имъ вмѣстѣ съ шерстью и кожей. Только «Квикъ» и «Барнетъ» не притрогиваются къ мясу, пока оно теплое, но за то съ жадностью съѣдаютъ его, какъ только оно замерзнетъ. Въ полночь—33,2° С.

Пятница, 26-го апрѣля: —31,5° С. Максимумъ температуры

—35,7° С. Вчера утромъ я былъ не мало удивленъ, замѣтивъ на снѣгу слѣды какого-то звѣря. Это была лисица, явившаяся сюда приблизительно съ юго-запада и удалявшаяся на востокъ. Слѣды были совсѣмъ свѣжіе. Но что могла тутъ дѣлать лисица, среди этого дикаго моря? Пометъ, оставленный ею на дорогѣ, указывалъ, что она не оставалась всетаки безъ пищи. Нѣтъ-ли тутъ по близости земли? Невольно я сталъ смотрѣть, не увижу ли ее, но погода была пасмурная весь вчерашній день, и мы, быть можетъ, дѣйствительно находились по близости земли, не подозрѣвая этого. Можно также допустить, что лисица отправилась по слѣду медвѣдя. Во всякомъ случаѣ замѣчательно, что мы встрѣчаемъ теплокровное млекопитающее подъ 85° широты! Пройдя немного, мы наткнулись на второй слѣдъ лисицы, который шелъ приблизительно въ томъ же направленіи, какъ и первый, вдоль извилинъ канавы, задержавшей насъ. Непонятно, гдѣ эти животныя могли находить пищу тутъ на льду, но я предполагаю, что они могли найти въ открытой канавѣ какихъ-нибудь ракообразныхъ и т. п. животныхъ. Но почему эти животныя оставили берегъ и явились сюда — это составляло загадку. Или эти лисицы заблудились? Мнѣ это кажется мало вѣроятнымъ. Я усердно ищу, не увидимъ-ли мы сегодня слѣдъ какого-нибудь медвѣдя; это бы меня особенно порадовало, такъ какъ изъ этого можно было бы заключить, что мы снова приближаемся къ обитаемымъ областямъ. Я проложилъ нашъ курсъ на картѣ и вычислилъ, что мы за четыре послѣдніе дня прошли 111 километровъ, что не слишкомъ много. Такимъ образомъ, до земли Петермана, если она дѣйствительно тамъ находится, гдѣ показываетъ Пайеръ, не очень многимъ больше 223 километровъ. Вчера я долженъ былъ произвести наблюденія, но была пасмурная погода.

Къ концу нашего вчерашняго пути мы снова встрѣтили множество канавъ и ледяныхъ хребтовъ. На совсѣмъ новыхъ хребтахъ можно найти огромные куски льда изъ прѣсной воды, поднятые на высоту. Ледъ былъ весь пропитанъ иломъ и грубымъ пескомъ, издали эти куски казались совсѣмъ темнокоричневыми и легко могли быть приняты за скалы. Это, конечно, рѣчной ледъ, по всей вѣроятности онъ занесенъ изъ Сибири. Далѣе къ сѣверу я часто видалъ огромные куски такого льда и даже подъ 86° широты находилъ илъ на льду.

Воскресенье, 28-го апрѣля. И вчера мы прошли довольно много. Я кладу 30 километровъ. Мы выступили послѣ обѣда въ 3½ часа и шли до утра. Земля приближается и наступаетъ такое время когда мы можемъ надѣяться увидѣть ее на горизонтѣ. О, какъ я тоскую по землѣ, какъ мнѣ хочется имѣть подъ ногами наконецъ что нибудь, кромѣ льда и снѣга, не говоря уже о томъ, что и взоры увидятъ тогда что-нибудь другое. Вчера мы опять видѣли слѣдъ лисицы въ томъ же направленіи, какъ и первые слѣды.

Вчера дошла очередь до «Гулена». Собака, казалось, дошла до крайней степени изнуренія; она шаталась и падала и лежала смирно, не шевелясь, когда мы положили ее на сани. Мы передъ этимъ уже рѣшили покончить съ нею въ этотъ день. Бѣдное животное! Вѣрное и преданное, оно работало для насъ до конца и въ благодарность за это мы его убиваемъ, когда оно уже не въ состояніи больше работать, и отдаемъ его въ пищу другимъ. Собака родилась 13-го декабря 1893 года на Fram и, какъ настоящее дитя полярной ночи, никогда ничего не видала, кромѣ льда и снѣга.

Понедѣльникъ, 29-го апрѣля. —20° С. Вчера, пройдя небольшое разстояніе, мы были задержаны открытою водой, открытымъ моремъ или каналомъ. Мы шли нѣкоторое время вдоль этой канавы, какъ вдругъ ледъ, на сравнительно узкомъ мѣстѣ, быстро началъ сдвигаться. Въ нѣсколько минутъ ледъ нагромоздился передъ нашими глазами и мы прошли на другую сторону по шумящей ледяной цѣпи, которая гремѣла и трещала подъ нашими ногами. Надо было торопиться, если мы не желали быть застигнутыми надвигавшимися ледяными глыбами, и поэтому собаки и сани быстро устремились на другую сторону. Лыжа Іогансена чуть чуть не была ущемлена ледяными грядами въ ту минуту, какъ онъ помогалъ проѣхать послѣднимъ санямъ. Когда мы наконецъ очутились на другой сторонѣ канавы, то день уже далеко подвинулся. Конечно, такая работа давала намъ право на прибавочную порцію мясного шоколада.

Какъ ни досадно было, что насъ задержала канава на плоскомъ прекрасномъ льду, мы испытали особенное чувство, увидѣвъ открытую воду и отраженіе солнца на ряби, произведенной вѣтромъ на ея поверхности. Послѣ такого продолжительнаго времени снова открытая вода и сверкающія волны! Мысли устремляются къ родинѣ и солнцу. Напрасно высматривалъ я, не увижу ли гдѣ нибудь въ водѣ голову тюленя или медвѣдя на берегу канавы. Собаки обезсилѣли и уже трудно было заставить ихъ двигаться впередъ. «Баронетъ» былъ совсѣмъ готовъ, и мы его убили сегодня вечеромъ. Изъ другихъ собакъ многія также дошли до истощенія. Даже «Баро», моя лучшая собака, начинаетъ уставать; о «Квикъ» уже и говорить нечего; пожалуй надо быть пощедрѣе на пищу. Вѣтеръ отъ юго-востока повернулъ къ востоку, и я, употребляя любимое выраженіе Петерсена, ожидалъ, что начнется «настоящій дьявольскій вѣтеръ». Удивляюсь, что температура еще такъ низка. Въ продолженіе долгаго времени я наблюдалъ на южномъ и юго-западномъ горизонтѣ темное скопленіе облаковъ и думалъ, что оно означаетъ близость земли, но теперь эти облака начали подниматься вверхъ и приближаться къ намъ. Когда мы послѣ обѣда залѣзли въ мѣшокъ, то все небо уже покрылось тучами, и когда мы опять продолжали свое путеше-

ствіе, то замѣтили, что дѣйствительно начался «дьявольскій вѣтеръ».

Вчера мы снова замѣтили слѣдъ лисицы, почти сглаженный снѣгомъ и въ томъ же направленіи, какъ и прежніе. Это уже четвертый слѣдъ, замѣченный нами. То, что мы встрѣчаемъ такъ много слѣдовъ, заставляетъ меня серьезно думать, что земля близко, и я ожидаю ее увидѣть каждую минуту, хотя быть можетъ и придется подождать еще нѣсколько дней *).

Вторникъ, 30-го апрѣля,—21,4 С. Вчера былъ непріятный день. Начался онъ солнечнымъ сіяніемъ; было тихо (20° С) и передъ нами, въ сверкающихъ лучахъ солнца, разстилались большія пространства прекраснаго плоскаго льда; казалось, все обѣщало успѣшное путешествіе. Но, о горе! Мы не подумали объ отвратительныхъ, темныхъ расщелинахъ, пересѣкавшихъ нашу дорогу и сдѣлавшихъ намъ жизнь настоящимъ бременемъ. Снѣгъ поплотнѣлъ подъ вліяніемъ вѣтра, и дорога была такъ хороша, что мы быстро подвигались впередъ. Но вдругъ передъ нами оказалась канава открытой воды, преграждавшая дорогу. Пройдя небольшое разстояніе, мы нашли, наконецъ, мѣсто для перехода. Черезъ нѣкоторое время мы снова наткнулись на канаву, простиравшуюся приблизительно въ томъ же направленіи. Сдѣлавъ довольно большой обходъ, мы благополучно перешли ее, безъ другихъ приключеній, кромѣ того, что три собаки провалились въ воду; также было и съ третьей канавой, но четвертая оказалась намъ не подъ силу. Она было очень широка. Мы прошли вдоль нея довольно большое разстояніе въ западномъ направленіи, не найдя, однако, подходящаго мѣста для перехода. Затѣмъ я одинъ пробѣжалъ дальше еще четыре километра, съ цѣлью изслѣдовать мѣстность, но долженъ былъ вернуться къ Іогансену и санямъ, не найдя переправы. Это безплодная работа слѣдовать за канавой, идущей подъ прямымъ угломъ къ нашему курсу; лучше будетъ, если мы остановимся и займемся приготовленіемъ вкуснаго супу изъ пеммикана, а затѣмъ заляжемъ спать въ надеждѣ на лучшія времена. Погода тихая, такъ что новыя канавы не будутъ образовываться, а когда мы достигнемъ земли, пусть образуются канавы, сколько угодно. Если же обстоятельства измѣнятся къ лучшему, то намъ ничего больше не останется, какъ исправить наши каяки. Въ своемъ теперешнемъ видѣ они не годятся для плаванія, потому что въ нихъ много дыръ, образовавшихся при постоянныхъ перекидываніяхъ саней.

Здѣсь я долженъ объяснить, почему такъ долго откладывалась починка каяковъ: отчасти потому, что эта работа заняла бы много времени, а оно было драгоцѣнно, пока дѣло шло объ томъ,

---

*) На самомъ же дѣлѣ ждать пришлось почти три мѣсяца, пока не наступило это чудо (24 Іюня 1895).

чтобы достигнуть земли прежде, чѣмъ ледъ станетъ непроходимымъ; отчасти же потому, что при температурѣ, которую мы досихъ поръ имѣли, трудно было бы исполнить эту работу, какъ слѣдуетъ; потому, наконецъ, что, при дальнѣйшемъ слѣдованіи на саняхъ, цѣлости каяковъ грозили новыя опасности. Притомъ же мнѣ не хотѣлось переправляться на каякѣ черезъ канавы, покрытыя молодымъ, болѣе или менѣе толстымъ льдомъ, который могъ повредить каяки. Да и вода, проникающая въ каяки, тотчасъ замерзала бы, удалить ее было бы трудно, а между тѣмъ она, при каждой переправѣ черезъ канаву, увеличивала бы вѣсъ нашего груза. Было поэтому несомнѣнно выгоднѣе обходить канавы даже далекимъ кружнымъ путемъ, чѣмъ подвергаться трудностямъ и случайностямъ, сопряженнымъ съ употребленіемъ каяковъ.

Въ дневникѣ своемъ мы въ этотъ день записали: «Собаки напали вчера вечеромъ на одинъ изъ нашихъ драгоцѣнныхъ мѣшковъ съ пеммиканомъ, оторвали одинъ уголъ и съѣли часть содержимаго, къ счастью, немного. До сихъ поръ онѣ не покушались на нашъ провіантъ; но голодъ даетъ имъ себя знать все сильнѣе, и природа могущественнѣе дисциплины.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Народно-хозяйственные наброски.

Продолжительность рабочаго дня на русскихъ фабрикахъ и заводахъ.

XXXIX.

Законъ 2 іюня 1897 г. нормируетъ продолжительность рабочаго времени на русскихъ фабрикахъ и заводахъ. По словамъ автора статьи въ «Вѣстникѣ Финансовъ», комментирующей этотъ законъ, задача послѣдняго «сводилась къ ограниченію права фабриканта ставить непосильныя условія продолжительности и распредѣленія работы, могущія пагубно отразиться на здоровьѣ рабочаго». «Новымъ закономъ устраненіе чрезмѣрной продолжительности рабочаго времени достигнуто безъ лишенія фабриканта возможности вести производство непрерывно и безъ воспрещенія рабочему работать въ любое время дня и ночи: законъ ограничиваетъ лишь опредѣленными нормами включеніе, по усмотрѣнію фабриканта, въ договорѣ найма рабочаго произвольныя условія продолжительности и распредѣленія рабочаго времени» (1897 г. № 26 стр. 850—51). Нормы продолжительности рабочаго времени закономъ 2 іюня приняты, какъ извѣстно, слѣдующія. Для рабочихъ, занятыхъ исключительно днемъ, рабочее время не должно превышать 11½ ч. въ сутки, а по субботамъ и въ кануны двунадесятыхъ праздниковъ — 10 ч.=67½ ч. въ недѣлю. Ночнымъ временемъ считается при работѣ одною смѣною время отъ 10 ч. вечера до 5 утра (7 часовъ), а при работѣ двумя и болѣе смѣнами — отъ 10 ч. вечера до 4 ч. утра (6 часовъ). Поэтому, по новому закону «заведеніе при одномъ комплектѣ рабочихъ не въ состояніи будетъ идти вообще болѣе 11½ ч. въ сутки; при двухъ комплектахъ рабочихъ, число часовъ дѣйствія заведенія въ сутки будетъ находиться въ зависимости отъ того, составлены ли оба комплекта исключительно изъ взрослыхъ мужчинъ, или же въ составъ ихъ войдутъ также женщины, подростки и малолѣтніе. Въ первомъ случаѣ, т. е. когда всѣ рабочіе — взрослые мужчины, заведеніе можетъ дѣйствовать не болѣе 21½ ч. въ сутки (67½ дневныхъ+60 ночныхъ=127½ часовъ въ недѣлю). Второй случай, т. е. когда въ числѣ рабочихъ есть женщины, подростки и малолѣтніе, можетъ быть разрѣшенъ слѣдующимъ обра-

зомъ. Если всѣхъ женщинъ, подростковъ и малолѣтнихъ помѣстить въ одинъ комплектъ, а другой составить исключительно изъ взрослыхъ мужчинъ, то заведеніе можетъ дѣйствовать такъ же, какъ и при составленіи обоихъ комплектовъ изъ однихъ только взрослыхъ мужчинъ ($21^1/_2$ ч. въ сутки и $127^1/_2$ ч. въ недѣлю). При трехъ и болѣе комплектахъ (т. е. при рабочемъ днѣ въ 8 и менѣе часовъ), очевидно, возможно дѣйствіе заведенія въ теченіе круглыхъ сутокъ» (*тамъ же*). Наконецъ, еще одинъ оффиціозный комментарій, имѣющій большую важность. Законъ «ясно опредѣляетъ, что рабочее время даннаго рабочаго есть то время, которымъ по договору располагаетъ фабрикантъ, и которымъ не можетъ располагать по своему усмотрѣнію рабочій; онъ устранитъ тѣ недоразумѣнія, которыя случались раньше при опредѣленіи рабочаго времени. Такъ, напр., практика показываетъ, что фабриканты иногда склонны понимать подъ рабочимъ временемъ собственно время дѣйствительной работы, не смотря на то, что они не разрѣшаютъ рабочему отлучаться изъ заведенія» (*тамъ же*).

Насколько велика будетъ дѣйствительная жизненная сила новаго закона, покажетъ будущее. Всякія гаданія на этотъ счетъ являются еще пока черезчуръ преждевременными, особенно въ виду возможности весьма разнообразныхъ «особыхъ соглашеній» между фабрикантомъ и рабочимъ, соглашеній, для которыхъ широкое поле открываетъ тотъ же законъ. Кто можетъ предугадать, кто можетъ придумать изворотливость фабричныхъ администрацій для его обхода, и насколько онъ дѣйствительно будетъ примѣняться на практикѣ? Qui vivra verra. Во всякомъ же случаѣ, теперь наступилъ такой моментъ, когда представляется особенно интереснымъ ознакомиться съ тѣми размѣрами рабочаго дня, которые практикуются у насъ въ настоящее время, и регулировать которые призванъ законъ 2 іюня.

До сихъ поръ имѣлись только одни оффиціальныя данныя по этому предмету въ департаментѣ торговли и мануфактуръ, которыми и пользовались въ литературѣ. На основаніи ихъ составлены были статьи о рабочемъ днѣ: г. Я. Михайловскаго въ Колумбійскомъ сборникѣ «Фабрично-заводская промышленность и торговля Россіи» (Спб. 1893 г.), v. Keussler'а въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften Конрада («Arbeitzeit», стр. 779—784), въ Recueil des rapports sur les conditions du travail dans les pays étrangers, adressés au ministre des affaires étrangères (выпускъ о Россіи, стр. 69—80, Paris Nancy 1890—91 г.). Но эти данныя при сличеніи ихъ съ новѣйшими, о которыхъ сейчасъ будемъ говорить, являются значительно устарѣлыми и, во всякомъ случаѣ, неточными. Поэтому, понятенъ тотъ выдающійся интересъ, который имѣетъ новое изданіе министерства финансовъ: «Продолжительность рабочаго дня и заработная плата рабочихъ въ 20 наиболѣе промышленныхъ губерніяхъ Европейской Россіи» (Спб. 1896 г.), составленная по до-

несеніямъ старшихъ фабричныхъ инспекторовъ. При всѣхъ своихъ несовершенствахъ матеріалъ, сообщаемый этимъ изданіемъ, проливаетъ не малый свѣтъ на нынѣшніе размѣры рабочаго дня, по крайней мѣрѣ, въ нашихъ главнѣйшихъ промышленныхъ центрахъ.

Прежде всего, однако, два слова объ этихъ «несовершенствахъ». Во-первыхъ, какъ упомянуто, онъ сообщаетъ данныя не о всѣхъ губерніяхъ даже одной Европейской Россіи, а лишь о двадцати «наиболѣе промышленныхъ». Далѣе, детальность и степень разработки свѣдѣній о величинѣ рабочаго дня въ сборникѣ весьма различна для разныхъ губерній. Наконецъ, данныя сообщаются не по одинаковой программѣ. Въ то время, какъ для однѣхъ губерній мы имѣемъ разработанныя цифры по отдѣльнымъ промышленнымъ заведеніямъ, для другихъ даются лишь цифры по производствамъ; наконецъ, въ-третьихъ, для замѣны цифръ употребляются разныя болѣе или менѣе неопредѣленныя выраженія въ родѣ—«почти всѣ», «по большей части» и т. п. Послѣдніе два изъ перечисленныхъ недостатковъ матеріала дѣлаютъ невозможнымъ *точное цифровое* сравненіе размѣровъ рабочаго дня даже въ предѣлахъ упомянутыхъ 20 губерній. Поэтому приходится довольствоваться лишь сравненіями приблизительными, болѣе общими, какъ читатель сейчасъ самъ убѣдится. Можно указать еще и на другіе дефекты названнаго изданія. Такъ, о рабочемъ днѣ женщинъ, подростковъ мужского и женскаго пола и дѣтей свѣдѣнія сообщаются лишь изъ *одной* губерніи; наличность, въ отдѣльныхъ промышленныхъ заведеніяхъ исключительно большихъ или исключительно малыхъ размѣровъ рабочаго дня взрослыхъ мужчинъ на фабрикахъ также указаны, повидимому, далеко не во всѣхъ губерніяхъ съ надлежащей полнотой; нѣкоторыя классификаціи рабочаго дня по цѣлымъ часамъ («отъ 9 до 10, отъ 10 до 11» и т. д.), очевидно, грѣшатъ извѣстными натяжками, такъ какъ повсюду имѣются размѣры рабочаго дня въ $9^1/_2$, $10^1/_2$ часовъ и т. д.; исправить эти натяжки не представляется никакой возможности.

Не смотря, однако, на все сказанное, сгруппированныя департаментомъ торговли и мануфактуръ донесенія старшихъ фабричныхъ инспекторовъ даже въ этомъ видѣ имѣютъ большой современный интересъ. Въ послѣдующемъ мы и постараемся извлечь изъ нихъ все то, что можетъ хоть до извѣстной степени освѣтить вопросъ о длинѣ рабочаго дня у насъ наканунѣ введенія въ дѣйствіе закона 2 іюня.

I.

Упомянутые 20 губерній довольно разбросаны географически и принадлежатъ къ слѣдующимъ полосамъ европейской Россіи. Двѣ изъ нихъ входятъ въ составъ привислянскаго края (Варшавская и Петроковская), семь — московской промышленной области

(Владимірская, Московская, Костромская, Нижегородская, Рязанская, Тверская и Ярославская), одна—пріозерной полосы (С.-Петербургская), двѣ — прибалтійской (Лифляндская и Эстляндская), три—сѣверо-западной (Виленская, Ковенская и Гродненская), три—юго-западной (Кіевская, Подольская и Волынская), одна—малороссійской области (Харьковская) и одна—новороссійской (Херсонская).

Господствующіе размѣры рабочаго дня замѣтно отличаются между собой по указаннымъ естественнымъ областямъ. Менѣе продолжительный рабочій день встрѣчается на югѣ, юго-западѣ, въ привислянскихъ и прибалтійскихъ губерніяхъ, болѣе продолжительный—въ губерніяхъ сѣверо-западныхъ и наибольшій—въ московской промышленной полосѣ и въ губерніи Петербургской.

Въ самомъ дѣлѣ, раздѣляя господствующія нормы рабочаго дня (*чистой* работы, не считая перерывовъ) на три категоріи: 1) менѣе 12 ч., 2) отъ 12 до 13 и 3) 13 и болѣе часовъ, получаемъ слѣдующее распредѣленіе промышленныхъ заведеній и названій производствъ по этимъ большимъ группамъ.

Къ первой изъ нихъ (съ наименьшими размѣрами рабочаго дня) принадлежитъ:

въ Херсонской губерніи—*большая часть* фабрикъ и заводовъ;

въ Харьковской губерніи—*всѣ* фабрики, не имѣющія смѣнныхъ работъ; (въ обѣихъ губерніяхъ вторая категорія заведеній весьма малочисленна—въ Херсонской—всего 7, а въ Харьковской—только 75, которыя работаютъ круглыя сутки двумя смѣнами (12+12) и сахарные заводы въ лѣтній сезонъ);

въ Кіевской губ.—*большинство* фабрикъ (11—12 ч.);

въ Волынской губ.—*почти всѣ* фабрики (11—12);

въ Подольской губ. — *весьма крупная часть* фабрикъ (всѣ онѣ распредѣляются между двумя первыми группами);

въ Лифляндской губ.—80,6% фабрикъ, т. е. $^4/_5$ всего ихъ числа (во второй 18,0%);

въ Эстляндской губ. — 4 названія производствъ и 3 фабрики другихъ названій (большая часть принадлежитъ ко второй группѣ);

въ Петроковской губ,—44,8% фабрикъ (во второй группѣ 43,0%) и, наконецъ, въ Варшавской губ. — 87,3% названій производствъ т. е. безъ малаго $^9/_{10}$ (во второй—11,1%).

Такимъ образомъ, изъ этихъ данныхъ видно, что почти во всѣхъ названныхъ губерніяхъ рабочій день менѣе 12 часовъ господствуетъ въ подавляющемъ числѣ фабричныхъ заведеній, или названій производствъ. Такъ какъ въ этой группѣ встрѣчаются лишь единичныя указанія на размѣры рабочаго дня болѣе $11^1/_2$ часовъ, тогда какъ такіе размѣры встрѣчаются въ ней почти всегда, то можно видѣть, что для огромнаго большинства рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ упомянутыхъ мѣстностей едва-ли произойдутъ какія-либо измѣненія въ количествѣ суточнаго рабочаго времени и послѣ введенія въ дѣйствіе закона 2 іюня.

Съ другой стороны, рабочій день менѣе 12 ч. (чистой работы) распространенъ значительно менѣе почти во всѣхъ прочихъ губерніяхъ. Въ Виленской и Ковенской онъ практикуется съ небольшимъ лишь въ 1/3 производствъ (35,8%), въ Гродненской—въ 31,3 % фабрикъ и заводовъ. Изъ губерній, входящихъ въ составъ московской промышленной полосы, только въ одной Тверской такая норма рабочаго дня встрѣчается въ довольно большомъ количествѣ заведеній (42,3%) (въ ущербъ 12—13 часовому дню, который находимъ лишь въ 30,8% фабрикъ); во всѣхъ же остальныхъ—въ гораздо меньшемъ числѣ случаевъ: въ Ярославской—въ 30,0% названій производствъ, въ Рязанской—въ 28,5%, въ Московской—въ 26,5% фабрикъ, во Владимірской—въ 16,0% фабрикъ, въ Нижегородской—въ 7,8% названій производствъ, а въ Костромской—всего на 7 фабрикахъ. Наконецъ, въ С.-Петербургской менѣе 12 часовъ работаютъ менѣе чѣмъ въ ¼ части фабрикъ (23,6%)*).

Въ только что названныхъ областяхъ промышленнымъ заведеніямъ предстоитъ, очевидно, гораздо болѣе приспособляться къ условіямъ, создаваемымъ для производства новымъ закономъ.

Это же выясняется и изъ сравненія данныхъ о рабочемъ днѣ третьей категоріи (наибольшей продолжительности)—въ 13 и болѣе часовъ. Положеніе упомянутыхъ губерній въ данномъ случаѣ, какъ и слѣдуетъ ожидать, является обратнымъ тому, которое мы видѣли выше. На югѣ, юго-западѣ, въ прибалтійскомъ и привислянскомъ краяхъ эти размѣры рабочаго дня наблюдаются сравнительно въ рѣдкихъ случаяхъ. Въ Харьковской и Подольской губерніяхъ указаній на нихъ мы не встрѣчаемъ совсѣмъ; въ Херсонской они показаны лишь на 7 фабрикахъ, въ Кіевской—въ пяти названіяхъ производствъ, въ Волынской—въ двухъ, въ Эстляндской—въ одномъ и въ 5 фабрикахъ, принадлежащихъ къ другимъ родамъ производствъ, въ Лифляндской—въ 1,4% фабрикъ, въ Варшавской—въ 1,6% названій производствъ, наконецъ, только въ одной Петроковской нѣсколько чаще—въ 12,2% фабрикъ.

Не смотря на то, что мы поневолѣ принуждены сравнивать столь несоизмѣримыя величины, какъ «фабрика» и «названіе производства», и что мы рѣшительно поставлены въ невозможность привести ихъ къ одному общему критерію (напр., къ числу рабочихъ, подчиняющихся тому или другому числу рабочаго дня) по свойству матеріала, приведенныя данныя все-же могутъ свидѣтельствовать о томъ, что наиболѣе продолжительный рабочій день встрѣчается въ упомянутыхъ мѣстностяхъ значительно рѣже, чѣмъ въ остальныхъ.

Такъ, изъ губерній сѣверо-запада въ Виленской и Ковенской онъ наблюдается болѣе, чѣмъ въ 1/5 названій производствъ (21,6%);

---

*) Сверхъ того упомянуто, что 324 заведенія (37,6%) работаетъ отъ 10 до 14 часовъ, причемъ нѣтъ никакой возможности разнести эту цифру по соотвѣтственнымъ группамъ.

сверхъ того тамъ же показаны еще 2 ихъ рода, въ которыхъ рабочій день простирается отъ 11 до 18 ч. въ сутки чистой работы, въ Гродненской—еще чаще: болѣе чѣмъ ½ фабрикъ (34,5%) и, кромѣ того, еще въ двухъ названіяхъ производствъ. Изъ губерній, входящихъ въ составъ Московской промышленной полосы, эти размѣры рабочаго дня практикуются въ Тверской—въ 27,4% фабрикъ, Рязанской—въ 31,0% названій производствъ, въ Московской—въ 36,5% фабрикъ, во Владимірской—въ 39,1% фабрикъ и, кромѣ того, въ 4-хъ названіяхъ производствъ, въ Нижегородской—въ 41,8% названій производствъ, а въ Костромской даже «наиболѣе часто» (13—13½ ч.). Только въ Ярославской и, *можетъ быть*, въ С.-Петербургской губерніяхъ эти размѣры рабочаго дня встрѣчаются сравнительно рѣже (6,0% названій производствъ, въ первой и 7,7% фабрикъ во второй) *).

Наконецъ, промежуточные размѣры рабочаго дня (12 ч. и болѣе, но менѣе 13 ч.) чаще всего получаютъ особенное распространеніе въ областяхъ второй группы, т. е. тамъ-же, гдѣ чаще встрѣчается и наиболѣе продолжительный рабочій день. Въ губерніяхъ московской промышленной области рѣже всего наблюдается онъ въ Тверской губ., гдѣ всетаки чаще его придерживается почти третья часть фабрикъ (30,3%). Въ прочихъ величина эта значительно повышается: во Владимірской и Московской—37,0%, въ Рязанской—40,5% названій производствъ, въ Нижегородской половина всего числа названій (50,4%), а въ Ярославской—даже почти двѣ трети ихъ (64,0%). Въ Петербургской губерніи, такой рабочій день встрѣчается въ 31,1%; весьма близки соотвѣтственныя цифры для сѣверо-запада (28,6% въ Виленской и Ковенской губ. и 34,2%—въ Гродненской). Нельзя составить опредѣленнаго представленія объ относительной распространенности его въ губ. Костромской, гдѣ онъ встрѣчается на 52 фабрикахъ и еще сверхъ того въ двухъ родахъ производствъ.

Что касается до областей первой группы, то тамъ, какъ уже было упомянуто, имѣются указанія на то, что 12—13 часовой день практикуется на *большей части* фабрикъ въ губерніи, Эстляндской и почти въ половинѣ фабрикъ (43 %) въ губерніи Петроковской. Въ другихъ, поскольку позволяетъ судить объ этомъ нашъ матеріалъ, распространеніе его—значительно слабѣе: въ Варшавской всего 11,1% названій производствъ, въ Лифляндской—18,0% фабрикъ, въ Харьковской—только при суточныхъ двусмѣнныхъ работахъ и при лѣтнихъ работахъ на сахарныхъ заводахъ, въ Херсонской всего на 7 фабрикахъ. О юго-западныхъ губер-

*) Сюда, однако, не присчитаны упомянутыя выше 37,5% заведеній, рабочій день которыхъ колеблется между 10 и 14 часами. Надо потому думать, что 13 часовой и выше день можетъ быть и здѣсь въ распространеніи больше, чѣмъ то указано.

ніяхъ точнаго представленія, какъ указано, въ этомъ случаѣ составить нельзя *).

Переходя къ болѣе детальному опредѣленію рабочаго дня, насколько о томъ даетъ свѣдѣнія нашъ матеріалъ, мы прежде всего замѣчаемъ, что, по словамъ старшаго фабричнаго инспектора Лифляндской губ., «разнообразіе продолжительности рабочаго времени на фабрикахъ не можетъ быть поставлено въ зависимость отъ свойства производства, такъ какъ это разнообразіе замѣчается и на однородныхъ фабрикахъ и заводахъ». Въ подтвержденіе приводится небольшая табличка, изъ которой оказывается, что въ предѣлахъ одной только названной губерніи рабочій день на фабрикахъ волокнистыхъ веществъ колеблется между 10 и 13 ч., а въ 6 другихъ родахъ производствъ — между 10 до 12 ч. включительно. Но если сравнивать продолжительность рабочаго времени не по группамъ, въ которыя соединены близкія производства, а по отдѣльнымъ фабрикамъ и заводамъ совершенно однороднымъ, то получается и еще большее разнообразіе чистаго рабочаго времени (напр., на бумагодѣлательныхъ фабрикахъ имѣется три размѣра продолжительности рабочаго дня въ предѣлахъ 10—12 ч., на лѣсопильняхъ пять размѣровъ между 10 и 12 ч. 45 м. и т. п.) (стр. 84—85). Если такъ обстоитъ дѣло въ одной губерніи, то, выходя за ея границы, находимъ безконечное разнообразіе величинъ рабочаго дня въ тождественныхъ производствахъ. Вслѣдствіе этого въ послѣдующемъ мы не пріурочиваемъ извѣстной продолжительности рабочаго времени къ тѣмъ или другимъ производствамъ, такъ какъ это невозможно, равно какъ и невозможно получить хоть какое-нибудь представленіе по нашему матеріалу о какихъ-либо причинахъ, обусловливающихъ упомянутое разнообразіе. Мы постараемся лишь указать на характерныя отступленія отъ среднихъ размѣровъ рабочаго дня, очерченныхъ выше въ общихъ чертахъ.

Короткій рабочій день—менѣе 9 часовъ практикуется у насъ, конечно, лишь въ единичныхъ, исключительныхъ случаяхъ. Чаще другихъ наблюдается онъ въ губерніи Тверской. Здѣсь мы встрѣчаемъ 2 спичечныхъ фабрики и 1 стеклянный заводъ, работающіе по 6 ч., 1 спичечную фабрику и спиртоочистительный заводъ—по 7 часовъ, 1 заводъ (?)—$7^1/_2$ ч., 6 фабрикъ и заводовъ (2 стеклянныхъ, 1 крахмальная и писчебумажная и даже 2 пенькопрядильныхъ)— по 8 ч. и 2 спичечныхъ фабрики—по $8^3/_4$ ч. Въ Ярославской нѣкоторыя группы рабочихъ работаютъ 6—8 въ свинцовобѣлильномъ производствѣ; въ Нижегородской—въ подбирныхъ заведеніяхъ—8 ч., въ Петроковской—столько-же на одной маслобойнѣ и на одной мельницѣ, въ Варшавской—на 3 винокурняхъ отъ 7 до $8^1/_2$ ч., въ одномъ ткацкомъ отдѣленіи тюлевыхъ зана-

---

*) Въ Кіевской и Волынской губ. не отграниченъ 11 часовой день отъ $11^1/_2$ часового и 12-ти часового.

вѣсей—8 ч. и на одной прядильнѣ—8½ ч. Наконецъ, въ Кіевской губ. на стеклянныхъ заводахъ наблюдается «нерѣдко» 8—9 часовой день, въ Московской—тоже на 7 фабрикахъ (2 хлопчатобумажныхъ, 1 шелковой, 1 льняной, 1 по обработкѣ металловъ и 2 по обработкѣ минеральныхъ веществъ), а въ Эстляндской на сельско-хозяйственныхъ винокуренныхъ заводахъ—7—10 час. Вотъ и всѣ указанія, которыя мы имѣемъ на случаи короткаго рабочаго дня *).

Девятичасовой день практикуется, прежде всего, при 18-часовой двухсмѣнной работѣ, встрѣчающейся чаще всего въ губерніи Владимірской (20 льно- и бумаго-ткацкихъ и прядильныхъ механическихъ заведеній) и рѣже: въ 4 заведеніяхъ (?) Костромской губ., въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ бумагопрядильнаго и льнопрядильнаго производствъ Рязанской губ., на 2 бумагопрядильняхъ С.-Петербургской губерніи и на 2 джуто-пеньковыхъ фабрикахъ Петроковской. При денной работѣ эта норма рабочаго дня встрѣчается еще рѣже—въ 6 заводахъ Тверской губ. (винокуренныхъ, крахмальномъ и свѣчныхъ), въ зеркальномъ и салотопенномъ производствахъ и, кромѣ того, въ 4 заведеніяхъ (2 винокуренныхъ, пивоваренномъ и кружевномъ) Варшавской губ., и въ канатномъ (кромѣ лѣтней работы) Рязанской.—Рабочій день въ 9½ часовъ наблюдается на 3 фабрикахъ (суконная, шерстоткацкая и крахмальная) Гродненской губерніи, на 1 спиртоочистительномъ заводѣ Эстляндской, на 1 пенькопрядильнѣ Тверской и на 1 механическомъ заводѣ Херсонской губ. Кромѣ того, въ Московской губ. въ 18 фабрикахъ (изъ нихъ 13—волокнистыхъ веществъ, 3 по обработкѣ питательныхъ, 1 по обработкѣ животныхъ продуктовъ и 1 бумагодѣлательная) работаютъ отъ 9 до 10 часовъ.

Изъ этого подробнаго перечня тѣхъ промышленныхъ заведеній, въ которыхъ работа длится менѣе 10 ч. въ сутки, можно видѣть прежде всего, что эти случаи сравнительно весьма немногочисленны, носятъ исключительный характеръ, а затѣмъ, что ихъ невозможно пріурочить ни къ какимъ-либо родамъ производства, ни къ какой-либо полосѣ или мѣстности. Съ одной стороны, намъ встрѣтились и фабрики волокнистыхъ веществъ, и механическій заводъ, и заведенія по обработкѣ животныхъ и питательныхъ, минеральныхъ продуктовъ, дерева и проч. Съ другой—названныя фабрики

*) Въ нѣкоторыхъ производствахъ, въ зависимости отъ техническихъ условій и отъ примитивнаго устройства заводовъ, работы происходятъ безъ правильнаго распредѣленія рабочаго времени, вслѣдствіе чего иногда является даже невозможнымъ установить точно размѣры рабочаго дня. Чаще всего упоминается о такихъ случаяхъ въ производствахъ стеклянномъ и винокуренномъ, иногда въ булочномъ, пивоваренномъ, кирпичномъ и въ мукомольномъ дѣлѣ (сообщенія изъ Виленской и Ковенской губ. стр. 20, Волынской стр. 52, Костромской стр. 74, Петроковской - стр. 127).

находятся и въ Московской полосѣ, и въ Привислянья, и въ прибалтійскихъ губерніяхъ, и на сѣверо и юго-западѣ, и на югѣ, и въ Петербургской губерніи. Надо предположить, что не общія техническія и не общія мѣстныя, а просто индивидуальныя условія того или другого промышленнаго заведенія диктуютъ фабриканту необходимость устанавливать короткій размѣръ рабочаго дня.

Съ подобнымъ же явленіемъ встрѣчаемся мы и при знакомствѣ со спискомъ фабрикъ, въ которыхъ наблюдается максимальный рабочій день.

Въ Варшавской губ. болѣе 13 ч. не работаютъ ни въ какихъ производствахъ; въ Петроковской—только въ 0,3% фабрикъ (всѣ—волокнистыхъ веществъ) встрѣчается 14 часовой день, и въ 0,3% (изъ нихъ 50% волокнистыхъ, названій остальныхъ не указано) работаютъ болѣе 14 часовъ. Въ Харьковской и Подольской губ. не указано ни одного фабричнаго заведенія, гдѣ рабочій день превышалъ-бы 12 ч. чистой работы; въ Херсонской только на 3 заводахъ (мукомольномъ, салотопенномъ и черепичномъ) работаютъ 13½—14 часовъ; въ Волынской только въ лѣсопильняхъ рабочій день равняется 13½ часамъ, въ Кіевской—въ 2 пивоварняхъ—13½, въ 5 лѣсопильняхъ и нѣкоторыхъ кирпичныхъ—до 14 часовъ; въ Эстляндской губ. только на фабрикахъ волокнистыхъ веществъ, на 1 кирпичномъ и на 2 пивоваренныхъ заводахъ рабочій день равняется 13½—14 часамъ, а въ Лифляндской—онъ нигдѣ не превышаетъ 13 часовъ, да и этого предѣла онъ достигаетъ всего на 2 бумагопрядильняхъ.

Гораздо чаще мы встрѣчаемся съ чрезмѣрной продолжительностью рабочаго дня въ другихъ полосахъ—на сѣверо-западѣ, въ Петербургской губерніи и особенно часто—въ московской промышленной области.

Въ Гродненской губ. на 27 фабрикахъ работаютъ 13½—14 часовъ, (17 фабрикъ волокнистыхъ веществъ, 6 винокуренъ, табачная фабрика, лѣсопильный и кирпичный заводы) и, кромѣ того, на одной суконной фабрикѣ работа длится 12½—14½ часовъ; въ Виленской и Ковенской губ. въ пивоваренномъ производствѣ—до 13½ ч.; въ С.-Петербургской губерніи на 18 хлопчатобумажныхъ фабрикахъ—12½—13½ ч., на одной 14 ч., на 4 канатныхъ и 39 кирпичныхъ заводахъ—13—14 ч., на «фабрикахъ фарфоровыхъ цвѣтовъ и проч. издѣлій (?), на мелкихъ фабрикахъ (?) и въ крупныхъ слесарныхъ, кузнечныхъ, столярныхъ, сапожныхъ и т. п. мастерскихъ» (всего 324 заведенія)—10—14 ч. Изъ губерній подмосковныхъ эти размѣры рабочаго дня встрѣчаются рѣже въ Ярославской и Нижегородской губерніяхъ (суконныя фабрики, работающія двумя смѣнами 13½ и 7½ ч.—въ первой и въ производствѣ ножей, ремесленныхъ инструментовъ, въ скорняжномъ и овчинномъ производствахъ—во второй); въ Костромской работа въ 13—13½ ч. наблюдается «наиболѣе часто», а на 1 лѣсопильнѣ

и въ 1 аппретурномъ заведеніи она достигаетъ 14—14½ ч.; в многихъ фабрикахъ волокнистыхъ веществъ и въ кожевенном производствѣ (лѣтомъ) въ Рязанской губ.—13—14½ ч.; на 3 фа брикахъ волокнистыхъ веществъ, на 2 иконостасныхъ, на 2 кир пичныхъ и на одномъ кожевенномъ заводахъ Тверской губ.— 13½—14 ч. Наибольшія-же цифры даютъ въ этомъ случаѣ Влади мірская и Московская губерніи. Въ первой изъ нихъ рабочій ден достигаетъ до 13½ и 14 часовъ на 50 фабрикахъ волокнистых веществъ *) и на одномъ чугунно-литейномъ заводѣ, а во второ отъ 13 до 14 часовъ работаютъ 288 фабрикъ, изъ которыхъ 16 фабрикъ волокнистыхъ веществъ, а 121 принадлежитъ къ 7 весьм разнообразнымъ родамъ производствъ.

Наконецъ, еще болѣе продолжительный рабочій день, какъ уже упомянуто, совсѣмъ не указанъ въ Привисляньи, въ прибалтійском краѣ, въ южныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ. Исключеніе состав ляютъ мелкіе сельско-хозяйственные винокуренные заводы въ Во лынской губерніи, работающіе безъ правильныхъ смѣнъ отъ 10 до 15 часовъ, и одинъ пивоваренный заводъ въ Эстляндской губерні (16 ч.). Не показаны эти размѣры рабочаго дня и въ Петербург ской губерніи.—Встрѣчаются они на сѣверо-западѣ; въ Виленско и Ковенской губерніи: на кирпичныхъ заводахъ работа длится 12—15, въ булочномъ и пекарномъ производствахъ—10—16 ч въ винокуренномъ и на 1 молотобойномъ заводѣ—до 18 ч. чисто работы; въ Гродненской губ.—на одной винокурнѣ-пивоварнѣ— 13—16 ч., а на другой 16½ ч. Значительно чаще наблюдаются эт размѣры въ московской области. На лѣсопильняхъ Рязанской губ.— 12—15 ч., тамъ-же въ спичечномъ производствѣ 15 ч., а въ ро гожномъ—даже 18 часовъ чистой работы; во Владимірской губ.— въ бумагоотбѣльномъ, ручномъ полотняномъ и шубно-овчинномъ (Шуй скій у.) производствахъ—15 ч., въ Московской—103 фабрики ра ботаютъ 14—15 часовъ, (75 волокнистыхъ веществъ и 28 принад лежащихъ къ семи проч. родамъ производствъ), 15 фабрикъ— 15—16 часовъ (11 волокнистыхъ, 3 другихъ родовъ), 4 фабрики— 16—17 ч. (всѣ волокнистыхъ веществъ) и 4 фабрики 17—18 ча совъ чистой работы (хлопчатобумажныя). Причитывая 1—2 часа въ день на перерывы при работѣ, видимъ, что общая продолжи тельность времени, проводимаго рабочимъ при работѣ, равняется 19—20 часамъ въ сутки.

Можно замѣтить, что производства волокнистыхъ веществъ, бу лочное, винокуренное, рогожное встрѣчаются чаще другихъ въ этомъ перечнѣ фабрикъ съ максимальнымъ рабочимъ днемъ. Но рядомъ съ этимъ въ немъ находятся и всѣ прочіе крупные роды произ водствъ, на которые послѣднія дѣлятся русской фабрично-заводской статистикой, хотя и участвуютъ въ немъ меньшимъ числомъ пред-

*) На 43 изъ нихъ—показано 12—14.

ставителей. Очевидно, и въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло гораздо болѣе съ индивидуальными условіями тѣхъ или другихъ промышленныхъ единицъ, позволяющими фабрикантамъ послѣдовательнѣе удовлетворять своимъ инстинктамъ извѣстнаго рода, чѣмъ съ какими-либо условіями мѣста или техники производства.—По поводу приведеннаго перечня должно было-бы быть выражено живѣйшее негодованіе, еслибы негодованіе могло чему-либо помочь въ смыслѣ измѣненій отношеній капитала и труда...

Ознакомившись съ обоими крайними предѣлами рабочаго дня по мѣстностямъ и производствамъ, мы не будемъ перечислять его размѣры по тѣмъ-же признакамъ въ предѣлахъ отъ 10 до 13 часовъ, такъ какъ эти размѣры практикуются во всѣхъ указанныхъ областяхъ и во всѣхъ родахъ производства.

Остается прибавить, что приведенныя данныя не слѣдуетъ разсматривать, какъ вполнѣ точныя. Путемъ сверхурочныхъ работъ, «особыхъ соглашеній», сокращеній перерывовъ между работами и т. п., указанныя нормы рабочаго дня значительно повышаются еще болѣе, что, вѣроятно, практикуется довольно часто. Вотъ что, напр., сообщается изъ Лифляндской губерніи: «на многихъ заводахъ работаютъ сверхъ установленнаго времени, якобы по особому соглашенію, которое достигается весьма просто, такъ какъ рабочій, не соглашающійся продлить работу на часъ или на два, увольняется съ предупрежденіемъ за 14 дней (avis защитникамъ широкаго права «особыхъ соглашеній» послѣ введенія въ дѣйствіе закона 2 іюня). «Напримѣръ, въ Ригѣ на одной резиновой мануфактурѣ показаное въ росписаніи рабочее время составляетъ только $10^1/_2$ часовъ, на дѣлѣ-же это время увеличивается часто до 15 часовъ» (стр. 86). Или вотъ другое сообщеніе изъ Костромской губерніи: «въ красильныхъ, отбѣльныхъ и аппретурныхъ для бумажныхъ тканей отдѣленіяхъ и заведеніяхъ дѣйствительный рабочій день оказывается въ большинствѣ случаевъ больше $13^1/_2$ часовъ, такъ какъ на время полагающагося, по правиламъ внутренняго распорядка, завтрака или вечерняго чая машины не останавливаются, почему рабочіе, съѣдая свой завтракъ или выпивая чай за работой, дѣйствительнаго отдыха не имѣютъ. На нѣкоторыхъ фабрикахъ для большинства рабочихъ продолжительность рабочаго дня по этой причинѣ равняется $14^1/_2$ часамъ, ибо рабочіе имѣютъ 1 часъ на завтракъ, но отдыхомъ не пользуются, продолжая во время завтрака работать. Кромѣ того, продолжительность денной въ одну смѣну работы увеличивается еще практикуемою въ экстренныхъ случаяхъ особою сверхурочною работою; такая работа кончается вмѣсто 8 ч. вечера въ 12 часовъ ночи, вслѣдствіе чего рабочій день оказывается уже равнымъ $17^1/_2$ часамъ, причемъ рабочіе за лишніе 4 часа сверхъ сдѣльной платы получаютъ по 10 коп.» (стр. 75).— Аналогичныхъ сообщеній можно изъ нашего матеріала привести

еще нѣсколько, и они показываютъ, что упомянутое явленіе имѣетъ большую распространенность.

Самый размѣръ перерывовъ представляетъ величайшее разнообразіе въ однихъ и тѣхъ-же производствахъ въ разныхъ мѣстностяхъ и колеблется значительно даже въ предѣлахъ однѣхъ и тѣхъ-же областей. Чаще всего встрѣчаются перерывы въ 1½ — 2 часа въ день. На это количество времени надо увеличить всѣ приведенные выше размѣры рабочаго дня, чтобы понять, какую часть сутокъ посвящаетъ фабрикѣ рабочій. Колебанія указанной величины бываютъ весьма велики — отъ ½ до 5 ч. (напр. для выжигалъ въ свинцово-бѣлильномъ производствѣ Ярославской губ.), даже до 6 ч. (напр., на лѣсопильныхъ и паточныхъ заводахъ тамъ-же). Въ 6 названіяхъ производствъ въ Московской губерніи съ 9—10 часовымъ рабочимъ днемъ перерывы колеблются отъ ½ ч. до 3 часовъ, въ 11 названіяхъ тамъ-же, въ которыхъ работаютъ 11—12 ч., отъ ½ ч. до 2 ч. и т. п. Но не представляется никакой возможности установить какую-бы то ни было закономѣрность въ этихъ колебаніяхъ. Личныя соображенія администраціи фабрикъ, повидимому, играютъ и здѣсь главнѣйшую роль, «Продолжительность промежутковъ не только не пропорціональна продолжительности рабочаго времени, сообщается изъ Лифляндской губерніи, но скорѣе обратно пропорціональна ей. На двухъ фабрикахъ, работающихъ по 13 часовъ, дается только по одному часовому промежутку. На лѣсопильныхъ заводахъ, въ томъ заводѣ, гдѣ работаютъ 10 ч., промежутки составляютъ въ общей сложности 2 часа; въ тѣхъ, въ которыхъ работаютъ отъ 10½ до 11 ч., отдыхъ уменьшается до 1 ч., 45 м., а въ другихъ—до 1½ часа; на тѣхъ-же лѣсопильныхъ заводахъ, на которыхъ работаютъ 11 часовъ, имѣется только одинъ перерывъ работы на обѣдъ, продолжительностью въ 1 часъ. На нѣкоторыхъ фабрикахъ, на которыхъ не требуется отъ рабочаго безостановочной работы, ему предоставляется завтракать и полдничать въ свободныя минуты, безъ назначенія для этого спеціальнаго времени» (стр. 87).

Необходимо при этомъ отмѣтить, что въ иныхъ случаяхъ перерывы даже отсутствуютъ совершенно, причемъ часы чистой работы слѣдуютъ непрерывно одинъ за другимъ до послѣдняго. Такъ изъ Виленской и Ковенской губерній сообщается, что на молотобойномъ заводѣ при 17 — 18 часовомъ днѣ правильныхъ перерывовъ не установлено—рабочіе отдыхаютъ, пока грѣются пакеты; въ Лифляндской губерніи въ одномъ маслобойномъ заведеніи при 12 часовомъ рабочемъ днѣ перерывовъ не полагается; въ Подольской губерніи то-же наблюдается на двухъ паровыхъ мельницахъ при 12 час. днѣ; въ Эстляндской губерніи—на сельско хозяйственныхъ винокурняхъ при 7—10 часовомъ днѣ; въ Тверской на 7 винокурняхъ съ 9—11 часами работы, въ нѣсколькихъ (?) другихъ съ 9—12 часами и въ одной бумагопрядильнѣ съ 11 часами труда въ сутки.

Наконецъ, что касается до рабочаго дня женщинъ, подростковъ и дѣтей, то свѣдѣнія о немъ имѣются лишь изъ одной Ярославской губ. Женщины работаютъ тамъ почти всегда 12 ч. съ перерывами въ 1—4 часа; въ льнопрядильномъ и льноотбѣльномъ производствахъ эта норма повышается до 12¾ ч. при 1¾ ч. на отдыхъ; ниже женскій рабочій день на бумагопрядильняхъ (8—10 ч. съ 4—5 ч. отдыха) и въ бумаготкацкихъ заведеніяхъ (9—10 съ 4½—5 ч отдыха). *). Подростки муж. и жен. пола работаютъ отъ 9 до 12¾ часовъ съ перерывами въ 1¾—6 час. Минимальный рабочій день ихъ встрѣчается въ бумагопрядильныхъ, бумаготкацкихъ, валеносапожныхъ и винокурныхъ заведеніяхъ (9—10), а максимальный въ производствахъ волокнистыхъ веществъ, фарфоровомъ, спичечномъ, химическомъ, аптекарскомъ и мыловаренномъ (12—12³/₄). Приведенныя названія производствъ располагаются и здѣсь внѣ какого-либо опредѣленнаго порядка. Рабочій день дѣтей въ бумагопрядильняхъ, бумаготкацкихъ, льнопрядильняхъ, льноткацкихъ, типографіяхъ, линовальныхъ и переплетныхъ заведеніяхъ равняется 8 ч. при 4 ч. отдыха, въ фарфоровыхъ заводахъ—8 ч. при 2 ч. отдыха, а въ нѣкоторыхъ бумагопрядильняхъ—6 ч. при отсутствіи перерывовъ.

При наличности законодательныхъ ограниченій продолжительности труда женщинъ, подростковъ и дѣтей, фабричной инспекціи, конечно, бываетъ затруднительнѣе быть освѣдомленной о разнаго рода обходахъ закона въ смыслѣ удлиненія рабочаго дня этихъ категорій рабочихъ, обходахъ, которые бываютъ возможны на фабрикахъ (напр., такъ называемая въ Англіи Relayssystem и т. п.).

II.

Ночныя работы сравнительно рѣдко практикуются въ Петербургской губерніи и въ сѣверо-западныхъ. Такъ, въ Гродненской онѣ иногда вводятся временно при большихъ заказахъ на суконныхъ фабрикахъ, не считая нѣкоторыхъ лѣсопиленъ, мукомоленъ и винокуренъ. Мало распространены онѣ и въ привислянскихъ губ.: въ Варшавской—на 8,9% фабрикъ съ 29,5% рабочихъ, а въ Петроковской лишь на 4,9% фабрикъ съ 20.9% рабочихъ, изъ которыхъ только нѣсколько больше четверти (26,0%) участвуютъ въ ночныхъ смѣнахъ. Чаще наблюдаются онѣ въ нѣкоторыхъ подмосковныхъ губерніяхъ (въ Тверской—15,0% фабрикъ съ 51,0% рабочихъ, изъ которыхъ болѣе ⁴/₅ (41,8%) ночныхъ, въ Костромской 46,0% фабрикъ съ 51% рабочихъ, въ Рязанской—30 9% фабрикъ съ 62 0% рабочихъ, въ Ярославской—28,1% фабрикъ съ 63,7% рабочихъ) Наконецъ, еще чаще практикуются ночныя работы на юго-западѣ

*) Въ Лифляндской губерніи «на нѣкоторыхъ фабрикахъ женщины кончаютъ работу получасомъ раньше мужчинъ».

и отчасти на югѣ: въ Харьковской на 20,6% съ 59,0% рабочихъ (изъ нихъ до 45% ночныхъ), въ Кіевской — на 36,9% фабрикъ съ 73,2% рабочихъ (изъ нихъ 39,6% ночныхъ), въ Волынской—38,0% фабрикъ съ 74,4% рабочихъ, а въ Подольской—даже 92,3% рабочихъ, изъ которыхъ 40,1% ночныхъ. Такимъ образомъ, примѣненіе ночныхъ работъ происходитъ болѣе другихъ мѣстностей въ двухъ областяхъ: въ районѣ развитія производства волокнистыхъ веществъ—и въ районѣ развитія сахарной промышленности. И въ самомъ дѣлѣ: въ губерніяхъ Владимірской, Московской, Костромской работы эти чаще встрѣчаются на текстильныхъ фабрикахъ, а въ губерніяхъ Кіевской и Харьковской—на сахарныхъ заводахъ. Изъ другихъ производствъ ихъ практикуютъ чаще другихъ: мукомольное (Кіевская, Нижегородская, Харьковская, Херсонская), винокуренное и пивоваренное (Нижегородская, Лифляндская, Харьковская, Херсонская), химическое (Херсонская, Лифляндская), иногда—механическое (Лифляндская) и нѣк. друг. На одномъ крупномъ вагонномъ заводѣ въ послѣдней изъ названныхъ губерній «въ нѣкоторыхъ мастерскихъ идутъ работы днемъ и ночью почти круглый годъ; таковы, напр., кузница и др. При этомъ ночные рабочіе не смѣняются, какъ это принято въ другихъ мѣстахъ, гдѣ рабочій, проработавшій недѣлю или двѣ ночью, переходитъ въ дневную смѣну. На вагонномъ заводѣ круглый годъ только ночью въ кузницѣ работаютъ одни и тѣ-же рабочіе, что вызываетъ между ними крайнее неудовольствіе».—«Въ остальныхъ заводахъ ночныя работы производятся, какъ и излишніе часы, по особому соглашенію. Бываетъ, что рабочій, проработавшій цѣлый день, остается работать и цѣлую ночь по особому соглашенію, которое, однако, послѣдовало только потому, что въ случаѣ отказа со стороны рабочаго, его немедленно предупредили-бы объ увольненіи черезъ двѣ недѣли» (стр. 88—89).

Производительность ночныхъ работъ сравнительно слаба. Такъ, нѣкоторые директора хлопчатобумажныхъ мануфактуръ Петербургской губерніи заявляли фабричной инспекціи, «что, кажется, эти мануфактуры съ самаго начала ихъ дѣйствія не работали ночью, такъ какъ владѣльцы ихъ всегда считали ночную работу вредной для здоровья рабочихъ и мало выгодной для самихъ владѣльцевъ (выработка % на 30 менѣе дневной, и качество товара настолько плохо, что товаръ перваго сорта совсѣмъ нельзя работать ночью») (стр. 214). Въ Варшавской губерніи «ночная работа въ большинствѣ случаевъ обходится на 50% дороже дневной по количеству изготовленныхъ издѣлій и значительно уступаетъ дневной въ качествѣ» (стр. 13). И т. п.

Въ силу этого, сокращенія и даже отмѣны ночныхъ работъ встрѣчаются нерѣдко. Представляетъ немалый интересъ прослѣдить результаты этихъ мѣръ для производительности ночныхъ работъ.

Во Владимірской губерніи случаи частичнаго перехода разныхъ

издѣлій фабрикъ съ 24 часовъ работы въ сутки на 18 часовую и обратно и случаи переходовъ отъ суточной къ дневной и обратно—часты. Кромѣ того, тамъ на крупныхъ фабрикахъ работа часто идетъ параллельно въ однородныхъ отдѣленіяхъ и по 24, и по 18 ч. въ сутки. Изъ наблюденій надъ комбинаціями этихъ сроковъ получены, напр., слѣдующія данныя о производительности ночного труда. 1) Отмѣна ночныхъ работъ въ ватерномъ отдѣлѣ одной бумагопрядильни сократила рабочее время на 25%, а выработку—всего на 22,3%; слѣдовательно, продуктивность работы на единицу времени возрасла на 2,7%. 2) На другой фабрикѣ та-же мѣра дала въ результатѣ возрастаніе продуктивности труда на 3%. 3) На одной льнопрядильнѣ при переходѣ лѣтомъ на денную работу вырабатывается въ часъ на 9,5% болѣе, чѣмъ зимой при суточной. 4) При замѣнѣ въ 1895 г. суточной работы на одной бумаготкацкой на 11½ часовой денной, производительность на единицу времени возрасла—для легкихъ сортовъ ткани на 12,2%, а для тяжелыхъ—на 7,5%, въ среднемъ—около 10%. 5) Переходъ одной ткацкой фабрики съ 13 часовой денной работы на суточную отразился увеличеніемъ продуктивности труда всего на 50% въ то время, какъ рабочее время увеличилось на 85%. 6) По отзывамъ нѣкоторыхъ директоровъ (преимущественно англичанъ) прядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ, гдѣ ведутся параллельно суточныя и 18 часовыя работы, они предпочитаютъ 12 и 18 часовую работу 24 часовой, такъ какъ первая поднимаетъ производительность въ единицу времени на 4—5% для бумагопрядильныхъ и на 7—8% для ткацкихъ.

Изъ Московской губерніи сообщается о трехъ случаяхъ перехода крупныхъ мануфактуръ съ 24 часовой на 18 ч., причемъ въ одной выработка уменьшилась пропорціонально уменьшенію времени, а въ двухъ—значительно меньше (при сокращеніи рабочаго времени на 25%, выработка уменьшилась въ одномъ всего на 13%, а въ другомъ—даже на 10%). Въ четвертомъ случаѣ время уменьшено было съ 24 ч. на 13, а выработка *не* уменьшилась (на этой фабрикѣ было, впрочемъ, увеличено число машинъ и рабочихъ).

Въ Нижегородской губерніи два механическіе завода отмѣнили съ 1885 года ночныя работы (кромѣ котельщиковъ) съ 1 января по открытіе навигаціи. Въ результатѣ «уменьшенія производительности этихъ заводовъ не произошло, ибо соотвѣтственно увеличено производство» (?).

Въ пенькопрядильномъ отдѣленіи одной канатной фабрики въ Херсонской губерніи съ марта 1896 г. двухсмѣнная суточная работа замѣнена 11 часовой односмѣнной денной, послѣдствіемъ было сокращеніе выработки всего на 39%.

По даннымъ одной мануфактуры въ Эстляндской губерніи, произведевъ разсчетъ, изъ котораго оказывается, что «при суточной

24 часовой работѣ производительность ниже, чѣмъ при дневной $13^1/_2$ часовой *), а именно при данномъ числѣ веретенъ, рабочихъ, часовъ и нумерѣ пряжи—при 24 часовой работѣ въ часъ вырабатывалось 12,4 пуда пряжи, а при $13^1/_2$ часовой денной—13,1 пудовъ; 2) успѣшность собственно ночной работы, по сравненію съ денной, можетъ быть видна изъ слѣдующаго: за 6 мѣсяцевъ вырабатывалось въ одинъ ночной часъ 11,6 пуд. пряжи, а въ одинъ денной—13,1 пуд. Иначе говоря, денная работа успѣшнѣе ночной на 8,8%. Это правило хорошо извѣстно всѣмъ управленіямъ прядильныхъ заведеній, которыя практически установили для денной работы прибавку до 10% къ расцѣнкѣ заработной платы за ночную. Общеизвѣстное дурное *качество* ночной работы еще болѣе понижаетъ выгодность ночного труда» (стр. 191).

III.

Наконецъ, въ нашемъ матеріалѣ имѣется не мало драгоцѣнныхъ свѣдѣній о результатахъ сокращенія размѣровъ рабочаго дня. Случаевъ такихъ, оказывается, было всетаки не мало въ предѣлахъ указанныхъ 20 губерній, причемъ они распространялись или на всѣхъ рабочихъ фабрики, или на отдѣльныя группы ихъ. Не представляется нужнымъ настаивать на важности вопроса о томъ, возможно-ли сократить господствующія нормы числа рабочихъ часовъ въ сутки безъ уменьшенія заработка рабочихъ и продуктивности фабрики. Данныя фабричной инспекціи проливаютъ на его разрѣшеніе значительный свѣтъ.

Производительная способность рабочей силы, говорили мы въ другомъ мѣстѣ **), находится въ обратномъ отношеніи ко времени ея дѣятельности. При уменьшеніи числа рабочихъ часовъ въ сутки то, что потеряно во времени, можно въ извѣстныхъ предѣлахъ выиграть въ проявленіи силы. По словамъ Маркса, сокращеніе рабочаго времени повышаетъ напряженность рабочей силы, «плотнѣе наполняетъ поры рабочаго времени», заставляетъ рабочаго «конденсировать» свой трудъ. Болѣе интенсивный часъ, напр., десятичасового рабочаго дня содержитъ столько же, или даже болѣе, труда, т. е. израсходованной рабочей силы, сколько содержалъ болѣе «пористый» часъ 12 часового рабочаго дня.

Въ доказательство этихъ соображеній въ нашемъ матеріалѣ можно найти изрядное число весьма цѣнныхъ новыхъ данныхъ изъ практики нашей индустріи.

Упомянутые случаи сокращенія рабочаго времени встрѣчаются почти во всѣхъ названныхъ полосахъ. Изъ привислянскихъ губерній—въ Варшавской насчитывается ихъ пять. Въ одномъ (ткацкое отдѣленіе кружевной фабрики) введеніе 3-хъ смѣнной работы

*) Даже при такомъ огромномъ рабочемъ днѣ.
**) «Трудъ». Спб. 1897 стр. 312.

по 8 ч. послѣдовало еще настолько недавно, что результаты этого опыта еще не успѣли выясниться. Въ другомъ (шерстопрядильн.) введеніе 9¼ час. работы съ 1894 г. вмѣсто прежнихъ 11¼ (съ улучшеніемъ, однако, машинъ) способствовало увеличенію цифры выработки съ 6962,9 пуд. пряжи въ 1892/3 г. на 12.725,0 пуд. въ 1895/6 г., но заработокъ рабочихъ въ этомъ случаѣ понизился. Болѣе рѣшительные результаты достигнуты въ остальныхъ трехъ случаяхъ: при сокращеніи рабочаго дня съ 11½ ч. въ 1885 г. на 10¾ ч. на одной фабрикѣ шелковыхъ лентъ и съ $13^1/_2$ ч. въ 1891 г. на $11^1/_2$ на одномъ водочномъ заводѣ—ни заработокъ рабочихъ, ни количество выработанныхъ товаровъ не измѣнились. Наконецъ, на одной фабрикѣ гнутой мебели съ увеличеніемъ рабочаго времени лѣтомъ на 30% (13 час. противъ зимней 10 ч.) заработокъ рабочихъ повышается гораздо менѣе—всего на 17% («силы человѣка не даютъ увеличить производительность труда пропорціонально увеличенію времени, и дополнительная производительность оказывается менѣе на 40% съ лишнимъ, не говоря о томъ, что такое напряженіе губительно отзывается на здоровьѣ человѣка»).

Изъ Петроковской губерніи сообщается, что тамъ года 2—3 назадъ продолжительность фабричной работы была значительно больше. Съ половины 1895 г. тамъ замѣчается наклонность уменьшать рабочее время вслѣдствіе застоя въ промышленности, особенно въ шерстопрядильномъ дѣлѣ, въ которомъ почти всѣ фабрики сократили работу на 1, 2, даже 3 часа. Большинство промышленниковъ, однако, жалуется, что, вопреки ожиданіямъ, уменьшенія выработки не послѣдовало, что приписывается увеличившейся энергіи и усердію рабочихъ, стремящихся достичь обычнаго уровня своего заработка (стр. 128). Приводятся далѣе три фабрики, сократившія еще въ 1892—3 годахъ число часовъ чистой работы съ 13 на 12 съ увеличеніемъ рабочей платы на 6—8%; въ одной изъ нихъ выработка увеличилась на 4%, а заработокъ рабочихъ поднялся въ иныхъ случаяхъ до 12%; въ двухъ другихъ выработка нѣсколько уменьшилась, но заработокъ значительно увеличился, между прочимъ, и вслѣдствіе увеличенія скорости движенія машинъ.—Столь-же удачные результаты даетъ опыты перехода одной фабрики бичевокъ и джутовыхъ мѣшковъ съ двухсмѣнной 24-часовой на двухсмѣнную-же 18-часовую работу (обѣ стороны имѣютъ выгоды, улучшеніе дѣла распространялось во всѣхъ отдѣленіяхъ, замѣчается успѣхъ въ отношеніи равномѣрности производства, доброкачественности работы» и т. д.); предполагается перейти даже къ 16-часовой двухсмѣнной работѣ (стр. 132—35).

Не мало аналогичныхъ случаевъ *) замѣчается и въ губерніяхъ Московской промышленной полосы.

---

*) Во всѣхъ приводимымъ случаяхъ расцѣнки работъ оставались неизмѣнными.

Во Владимірской—самый крупный опытъ въ этомъ смыслѣ произведенъ въ разныхъ отдѣленіяхъ одной крупной мануфактуры: съ Пасхи 1894 г. рабочій день сокращенъ съ 13 и 12½ час. на 11 ч. чистой работы. Продуктивность труда при этомъ возросла— у сортировщиковъ хлопка на 13,6% *), у мотальщицъ пряжи на 8%, у плисорѣзовъ на 15%; у денныхъ рабочихъ отбѣльно-красильной фабрики **) увеличеніе производительности не выразилось ощутительно, но отразилось на улучшеніи качества товаровъ; на другой отбѣльной фабрикѣ она возросла на 15—20%; на механическомъ заводѣ производительность не уменьшилась; въ кочегарняхъ всѣхъ фабрикъ потребовалось увеличеніе числа рабочихъ всего на 10%, при сокращеніи рабочаго времени на цѣлую треть (33%). Заработокъ рабочихъ въ двухъ случаяхъ сократился, но лишь на 3—4%, въ двухъ остался безъ измѣненія, а въ одномъ даже увеличился на 2,8%.—Въ той же губерніи—на одной бумагопрядильной сокращеніе рабочаго дня съ 13½ на 12¼ ч. сопровождалось возрастаніемъ продуктивности на 2,2%; на одной бумагопрядильной (съ 13 на 12 въ 1894 г.)—на 3% и увеличеніемъ заработка ткачей на 5½%; на одной льноткацкой (съ 13 на 12 въ 1893 г.)—сокращеніемъ прежняго заработка рабочихъ. На ткацкихъ фабрикахъ г. Шуи работали до 1889 г. двумя смѣнами 24 ч., съ 1889 г. одной смѣной—13 ч., а съ 1 Января 1893 г.—12 ч.; въ результатѣ, при сокращеніи рабочаго времени на 7,7% заработокъ понизился лишь на 4,7%, продуктивность работы въ 1 единицу времени возросла на 3½.

Въ Московской губерніи указаны 13 случаевъ сокращенія рабочаго времени (въ 9 фабрикахъ волокнистыхъ веществъ и на 4-хъ машиностроительныхъ заводахъ) съ 13½ на 12½ ч. (одинъ случай), съ 13½ на 12 (одинъ случай), съ 13 на 12 (два случая), съ 12 на 11 (пять) съ 11½—11 на 10 (три) и съ 13 часовъ одной смѣной на 18 час. двумя смѣнами (одинъ); при этомъ только въ одномъ послѣднемъ случаѣ заработная плата была увеличена на 25%, во всѣхъ-же остальныхъ—оставлена безъ измѣненій. Въ результатѣ на 11 фабрикахъ какъ выработка, такъ и заработокъ рабочихъ сохранили свои прежніе размѣры (въ одной—обѣ величины вначалѣ нѣсколько сократились, но затѣмъ быстро возросли до обычныхъ нормъ); въ одной бумаготкацкой, при возвышеніи часовой производительности на 5%, заработокъ нѣсколько понизился ***), а въ одной ковровой фабрикѣ заработокъ и выработка одновременно поднялись. Ни о какихъ техническихъ усовершенствованіяхъ, которыя

*) Была, однако, произведена реорганизація способа перевозки хлопка.

**) Здѣсь были произведены техническія усовершенствованія.

***) Именно на той, въ которой рабочій день смѣны былъ пониженъ сразу на 4 часа (съ 13 ч. на 9 ч.), хотя, какъ указано, плата была даже повышена на 25%.

сопровождали бы указанное сокращеніе рабочаго дня на этихъ фабрикахъ, не упоминается.

Въ Костромской губерніи на одной бумаготкацкой фабрикѣ производился постепенный переходъ съ дневной $13^1/_2$ часовой работы на двухсмѣнную 18-ти часовую, причемъ разцѣнки сдѣльной платы были повышены на $20^0/_0$; въ результатѣ указаннаго сокращенія рабочаго времени на $33^0/_0$ было пониженіе заработка только на $9^0/_0$, т. е. производительность труда возрасла на $4^0/_0$. Когда было писано это сообщеніе, на фабрикѣ работала такимъ образомъ только половина станковъ. Можно думать, что заработокъ повысится и снова достигнетъ прежней нормы, когда реформа закончится, и рабочіе приспособятся къ новымъ условіямъ работы.

Въ Нижегородской губерніи отмѣчено сокращеніе въ 1896 г. рабочаго дня съ 13 на 12¼—12 ч. на трехъ металлическихъ заводахъ при неизмѣняемой заработной платѣ, причемъ какъ выработка товаровъ, такъ и заработокъ рабочихъ остались безъ измѣненія.

Въ Рязанской губ. владѣлецъ одного металлическаго завода, открытаго въ іюлѣ 1895 г. съ $10^1/_2$ часовымъ днемъ, перешелъ въ концѣ августа того же года на трехсмѣнную суточную работу, т. е. уменьшилъ рабочій день до 8 часовъ. «При этомъ интенсивность труда его рабочихъ увеличилась, и денной заработокъ остался почти безъ измѣненія» (стр. 151).

Въ Тверской губерніи на одной текстильной фабрикѣ суточная двухсмѣнная (12 ч.+12 ч.) работа замѣнена 22-часовой двухсмѣнной (11+11 ч.); вслѣдствіе этого, не смотря на сокращеніе рабочаго времени на 8⅓%, въ прядильномъ отдѣленіи производительность мюльнаго веретена и заработокъ рабочаго уменьшились всего только на 3,8%—4,95%, а въ ткацкомъ производительность станка и заработокъ—на 2,35%—5,43%.—На одной писчебумажной фабрикѣ (тамъ же) вмѣсто суточной двухсмѣнной работы введена была трехсмѣнная, т. е. рабочій день сократился съ 12 на 8 часовъ, т. е. на цѣлую треть, не смотря на это количество вырабатываемаго товара увеличилось на 11,92% и «не взирая на то, что число рабочихъ пришлось увеличить на 18,52%, заработокъ послѣднихъ уменьшился всего на 5 коп. въ мѣсяцъ, а заработную плату пришлось увеличить только на ¼ коп. на 1 пудъ» (стр. 165). Затѣмъ съ декабря 1895 г. сокращенъ рабочій день въ пак-камерѣ той-же фабрики съ 11 часовъ работы на $9^1/_2$ ч. въ сутки; послѣдствіемъ этого было увеличеніе средняго мѣсячнаго заработка взрослыхъ женщинъ на 4,98%; а дѣвушекъ подростковъ на 5,68%. Результатъ сокращенія рабочаго дня на этой фабрикѣ до 8 ч. «позволяетъ допустить, что онъ представляется даже выгоднымъ для фабрики, ибо при незначительной надбавкѣ заработной платы въ $^1/_4$ коп. на пудъ даетъ возможность увеличить производство почти на 12%» (стр. 165).

Въ Ярославской губерніи одна крупная мануфактура перешла

съ Пасхи 1891 г. съ 13½ на 13-часовую работу, а въ октябрѣ 1894 г.—съ 13 на 12 часовую. Въ началѣ замѣчено было нѣкоторое пониженіе продуктивности труда и заработка рабочихъ, но скоро и одна, и другой поднялись до прежняго уровня — рабочіе быстро приспособились къ новымъ условіямъ работы. Наблюдается увеличеніе вниманія рабочаго при процессѣ производства и уменьшеніе количества бракованаго товара.

Въ С.-Петербургской губерніи указано 17 случаевъ сокращенія рабочаго дня (на 10 фабрикахъ волокнистыхъ веществъ, на двухъ механическихъ, двухъ водочныхъ заводахъ, на резиновой и конфектной фабрикахъ и на одной маслобойнѣ) въ 90 годахъ (четырнадцать случаевъ), въ 80 (два случая) и въ 1877 г. (одинъ); на полчаса (пять случаевъ), на часъ (семь), на три часа (два), на 3½ часа (одинъ) и даже на 4 (съ 13 ч. на 9 ч.—одинъ случай); въ одномъ случаѣ были отмѣнены воскресныя работы. При этомъ плата нигдѣ не была понижена. Въ результатѣ выработка фабрикъ *ни въ одномъ случаѣ* не уменьшилась, а въ одномъ увеличилась на 5%; заработокъ рабочихъ въ одномъ случаѣ понизился на 24,6% (при сокращеніи рабочаго времени въ гораздо большемъ отношеніи—на 34,8%), въ 14 остался безъ измѣненія, а въ двухъ даже повысился. Слѣдовательно, продуктивность труда вездѣ увеличилась. Возвращеніе къ старымъ размѣрамъ рабочаго дня вызвало на одной бумагопрядильнѣ «общую забастовку, прекращенную полицейскими мѣрами» (стр. 209). На другой бумагопрядильнѣ желаніе администраціи фабрики вслѣдствіе сокращенія заказовъ вернуться къ прежнему порядку вызываетъ въ рабочихъ требованіе увеличить въ этомъ случаѣ и заработную плату на 25% (стр. 212). По мнѣнію директоровъ одного машиностроительнаго завода, «10-часовой рабочій день есть тотъ максимумъ работы на механическихъ заводахъ, который могутъ дать человѣческія силы» (стр. 210). Администрація одной бумагопрядильни, въ которой введена была въ 1895 г. по случаю полученія большихъ заказовъ 18-часовая двухсмѣнная работа, пришла къ убѣжденію, что 9-часовой рабочій день есть наилучшая форма труда для этого рода фабричныхъ заведеній» (стр. 212).

Въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ (Виленская, Ковенская, Гродненская) случаевъ сокращенія рабочаго времени не указано.

Въ одной фабрикѣ (спеціальность не указана) Лифляндской губерніи результаты уменьшенія въ 1896 г. числа рабочихъ часовъ на 5 въ недѣлю были слѣдующіе: производительность средняго рабочаго не уменьшилась, а лучшіе рабочіе стали производить больше, и только у очень немногихъ производительность нѣсколько уменьшилась; заработокъ во всѣхъ отдѣленіяхъ фабрики — у лучшихъ увеличился, у среднихъ и нѣсколько ниже среднихъ—не измѣнился. Администрація замѣтила, что даже поденные рабочіе исполняютъ при уменьшенномъ рабочемъ днѣ столько же работы, сколько и

прежде (стр. 89). На одной холщевой мануфактурѣ въ той же губерніи въ 1887 г. рабочій день былъ сокращенъ на 1 часъ; производительность рабочаго вслѣдствіе этого не уменьшилась.

Въ Эстляндской губ. аналогичныхъ случаевъ не наблюдалось.

Въ Кіевской губерніи былъ произведенъ на Дитятковской писчебумажной фабрикѣ опытъ введенія 8 часового дня (суточная двухсмѣнная работа замѣнена трехсмѣнной). Однако, при этомъ сокращена была и рабочая плата на 5% *). Понятно, что въ самомъ началѣ, пока рабочіе еще не приспособились къ новому режиму, пока производительность ихъ труда соотвѣтственно еще не возросла, на что всегда требуется нѣкоторый періодъ, заработокъ ихъ значительно уменьшился. Поэтому «рабочіе были недовольны уменьшеніемъ заработной платы; кромѣ того оказался недостатокъ въ рабочихъ (для организованія третьей смѣны), такъ какъ фабрика расположена въ глухомъ мѣстѣ, вдали отъ крупныхъ поселеній. Все это привело къ тому, что вскорѣ по введеніи трехъ смѣнъ (съ весны 1895 г.) пришлось ихъ оставить только въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ фабрики» (стр. 72).

Съ гораздо большимъ успѣхомъ произвело то же Дитятковское Товарищество аналогичный опытъ на двухъ своихъ бумажныхъ заводахъ въ Волынской губ. (Заславскаго уѣзда). Вмѣсто двухсмѣнной чистой $11^1/_2$-часовой установлена была трехсмѣнная 8-часовая. При этомъ, однако, плата понижена не была. Въ результатѣ выработка фабрики *не* понизилась, слѣдовательно, продуктивность труда возросла почти на 25%. Заработокъ рабочихъ не измѣнился, ибо плата выдается поденно, а не сдѣльно. Расходы фабрики увеличились на незначительную величину — на оплату труда лишнихъ 10 рабочихъ. Въ той же губерніи въ паточныхъ отдѣленіяхъ свеклосахарныхъ заводовъ иногда практикуется трехсмѣнная 8-часовая работа вмѣсто прежней двухсмѣнной 12-часовой при одномъ и томъ же числѣ рабочихъ. «По отзыву директоровъ заводовъ, такое распредѣленіе работъ значительно облегчаетъ трудъ рабочихъ, хотя свою производительность (по выраженію рабочихъ — «спорость» работы) они должны увеличить на цѣлую треть» (стр. 54).

О Подольской губерніи лаконично сообщается, что «нѣкоторое сокращеніе рабочаго дня съ 13 и 12 часовъ на 12—$11^1/_2$ часовъ произведено вслѣдствіе убѣжденій фабричной инспекціи» (стр. 143). На какихъ фабрикахъ инспекція обнаружила такую дѣятельность и каковы были результаты этихъ сокращеній — остается, къ сожалѣнію, неизвѣстнымъ.

Въ Харьковской губерніи такихъ случаевъ не было.

Наконецъ, въ Херсонской губерніи рабочій день былъ уменьшенъ до $9^1/_2$ часовъ на одномъ механическомъ заводѣ съ 400 ра-

---

*) По газетнымъ сообщеніямъ, тамъ сверхъ того было еще увеличено количество рабочихъ дней въ году съ 270 на 285.

бочими. «Въ виду того, что заработокъ и жалованіе рабочихъ этого завода таковы же, какъ и на заводахъ, работающихъ по 10½—11 часовъ, можно считать, что производительность труда увеличилась» (стр. 181).

Слѣдуетъ ли прибавлять что либо къ приведеннымъ сообщеніямъ? Вѣдь они такъ наглядно показываютъ, что уменьшеніе нашего чрезмѣрнаго рабочаго дня, даже введеніе 8-часового дня (какъ свидѣтельствуетъ опытъ въ Волынской губ.) не только дѣлаетъ нѣсколько болѣе сноснымъ существованіе рабочаго, но способствуетъ подъему продуктивности его труда и не сокращаетъ количества вырабатываемыхъ фабрикою товаровъ. Вѣроятно же всѣ эти соображенія вполнѣ подтверждены практикой, если даже Лодзинское отдѣленіе общества для содѣйствія промышленности года 1½—2 назадъ составило записку (разосланную русскимъ крупнымъ фабрикантамъ и заводчикамъ), въ которой собранъ обширный матерьялъ, доказывающій выгоды сокращенія у насъ рабочаго дня. Надъ этимъ вопросомъ не мѣшало бы больше всего поработать и проявить въ этомъ дѣлѣ болѣе сознательной иниціативы особенно владѣльцамъ фабрикъ и заводовъ при-московскаго района, въ которомъ, какъ мы выше видѣли, рабочій день достигаетъ особенно крупныхъ размѣровъ.

Н. Карышевъ.

Низшія сельско-хозяйственныя школы и ихъ задача.

Къ 1896 году въ Россіи числилось 48 низшихъ общихъ сельскохозяйственныхъ школъ 1-го и 2-го разряда (кромѣ спеціальныхъ школъ по отдѣльнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, какъ напр. по садоводству, пчеловодству, молочному хозяйству и т. п.). Изъ этихъ 48 школъ 6 содержатся исключительно на средства правительства (5—въ вѣдѣніи министерства земледѣлія и 1—министерства народнаго просвѣщенія); 26 школъ (или 54% ихъ общаго числа) содержатся земствами или общественными учрежденіями; 2—существуютъ на средства сельско-хозяйственныхъ обществъ и 14 устроены частными землевладѣльцами. Почти всѣ школы субсидируются правительствомъ (за исключеніемъ двухъ—Уральской, содержимой на средства уральскаго войска, и Михайловской, частновладѣльческой).

Низшія сельско-хозяйственныя школы являются у насъ заведе-

ніями сравнительно новыми. Если не считать Альтъ-Сатенской школы (курляндскаго дворянства), открытой въ 1867 году, имѣющей двухгодичный курсъ и нѣкоторыя особенности въ своей организаціи, то открытіе школъ началось съ 1880 года. Въ первое десятилѣтіе съ 1880 по 1889 открыто было 17 школъ, съ 1890 по 1895 годъ—31 школа.

Всѣ эти школы открыты на основаніи нормальнаго положенія о низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ 27-го Декабря 1883 года (школы, открытыя раньше Нормальнаго Положенія, съ 1884 года преобразованы по нему). Нормальное положеніе заключаетъ въ себѣ общія основанія организаціи школъ и настолько сходно съ положеніемъ о Маріинской школѣ для рабочихъ, учрежденной въ 1875 году въ имѣніи г. Ребиндеръ въ Курской губ. для нуждъ этого имѣнія, что можно думать, что это послѣднее и послужило образцомъ для составленія нормальнаго положенія. Уставы отдѣльныхъ школъ очень сходны между собою, отличаясь только нѣкоторыми частностями въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Нужно сказать, что бывшее министерство государственныхъ имуществъ не стѣсняло излишней регламентаціей жизнь низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ, предоставивъ, вполнѣ основательно, выработку деталей самимъ школамъ, согласно указаніямъ опыта.

Общею цѣлью всѣхъ низшихъ (общихъ) сельско-хозяйственныхъ школъ ставится *распространеніе въ народѣ основныхъ познаній по сельскому хозяйству* вообще и по отдѣльнымъ отраслямъ его, а также и по необходимымъ для сельскаго хозяйства ремесламъ (главнымъ образомъ плотнично-столярному и кузнечно-слесарному). Сообразно съ этими цѣлями распредѣлены учебныя занятія и практическія работы учениковъ. Учебный курсъ въ спеціальныхъ классахъ школы продолжается три года и раздѣляется на три класса; кромѣ того, имѣется еще одногодичный или двухгодичный приготовительный классъ, въ которомъ проходится курсъ двухклассныхъ сельскихъ училищъ; въ самой школѣ повторяются съ нѣкоторыми дополненіями общеобразовательные предметы и, кромѣ того, проходятся необходимыя для земледѣльца основныя свѣдѣнія изъ естественныхъ наукъ, земледѣліе, скотоводство и главнѣйшіе законы, относящіеся до крестьянскаго быта. Половина школьнаго времени учениковъ (6 зимнихъ мѣсяцевъ) назначена на учебныя, классныя занятія, а другая половина (6 лѣтнихъ мѣсяцевъ) — на практическія работы; въ дѣйствительности работами занята большая часть времени, такъ какъ и въ теченіе зимняго, учебнаго періода, ученики работаютъ въ мастерскихъ и по хозяйству отъ 4 до 5 часовъ въ день; если же исключить зимнія каникулы (отъ 20-го декабря до 10-го января) и экзамены, то классныя занятія продолжаются не болѣе 5-и мѣсяцевъ. При всѣхъ школахъ существуютъ хозяйства, въ большинствѣ случаевъ не отдѣленныя отъ школъ, при чемъ ученики являются главною, а иногда почти

исключительною рабочею силою; только при немногихъ школахъ хозяйства нѣсколько обособлены въ видѣ фермъ. Школы, устроенныя при имѣніяхъ, большею частью не имѣютъ отдѣльнаго участка и ученики практикуются на работахъ въ общемъ хозяйствѣ, являясь въ немъ существенною подсобною рабочею силою. При всѣхъ почти школахъ существуютъ мастерскія (преимущественно столярная и кузнечно-слесарная), имѣющія учебный характеръ. Таковы въ общихъ чертахъ настоящее состояніе и организація низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ.

Въ настоящее время большинство школъ этого рода дали уже нѣсколько выпусковъ; нѣкоторыя изъ нихъ существуютъ болѣе 10 лѣтъ, такъ что отчасти уже можно судить какъ о томъ, насколько эти школы достигаютъ своей цѣли служить разсадниками въ народѣ сельско-хозяйственныхъ знаній, такъ и о томъ, какія необходимы существенныя измѣненія и поправки въ ихъ организаціи для лучшаго достиженія поставленной для нихъ цѣли. Для выясненія разныхъ вопросовъ, возникшихъ изъ практики низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ, и въ виду собранія необходимыхъ для этого свѣдѣній, департаметомъ земледѣлія была выработана и разослана въ 1894 году по всѣмъ школамъ программа вопросовъ по низшему сельско-хозяйственному образованію; по полученіи и разработкѣ поступившихъ затѣмъ многочисленныхъ отвѣтовъ на вопросы, въ январѣ 1895-го года при департаментѣ земледѣлія было организовано особое совѣщаніе по низшему сельскохозяйственному образованію изъ попечителей, управляющихъ и преподователей этихъ школъ подъ предсѣдательствомъ директора департамента, покойнаго П. А. Костычева. Совѣщаніе это затронуло и отчасти выяснило очень много интересныхъ вопросовъ, касающихся низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ; на немъ было констатировано, что школы эти служатъ преимущественно для удовлетворенія потребностей частныхъ хозяйствъ, подготовляя для нихъ мелкихъ служащихъ, и оставляютъ совершенно безъ удовлетворенія крестьянское и даже мелкое частновладѣльческое хозяйство; было высказано, что регламентація всѣхъ подробностей устройства школъ и закрѣпленіе ихъ законодательнымъ путемъ являются нежелательными, такъ какъ, только не стѣсняясь опредѣленными рамками, въ которыя невозможно ввести школьное дѣло, особенно у насъ въ Россіи, при крайнемъ разнообразіи условій,—можно создать и удовлетворительно поставить низшее сельско-хозяйственное образованіе.

Въ виду лучшаго достиженія школами своихъ задачъ были проектированы при нѣкоторыхъ изъ школъ дополнительныя отдѣленія (педагогическое, ремесленное и общественно-служебное), которыя, открывая питомцамъ этихъ школъ болѣе широкое поле дѣятельности, способствовали-бы разнообразными путями проведенію въ народъ сельскохозяйственныхъ знаній. Вопросъ объ измѣ-

неніи нормальнаго положенія о низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ подлежалъ разсмотрѣнію послѣдней сессіи сельско-хозяйственнаго совѣта, однако, обсужденіе его не состоялось и отложено до слѣдующей сессіи.

Въ виду всего этого пріобрѣтаютъ особый интересъ и значеніе фактическія данныя, освѣщающія направленіе и значеніе низшихъ сельскохозяйственныхъ школъ и показывающія, насколько онѣ выполняютъ свою задачу.

Судить объ этомъ лучше всего по характеру и направленію дѣятельности учениковъ, выпускаемыхъ этими школами. Съ этою цѣлью нами въ 1896-мъ году были разосланы по всѣмъ общимъ низшимъ сельскохозяйственнымъ школамъ 1-го и 2-го разряда, имѣвшимъ уже выпуски учениковъ, просьбы сообщить свѣдѣнія о ихъ дѣятельности по приложенной формѣ. Изъ 26 школъ, имѣвшихъ уже выпуски, по 21 школѣ получены отвѣты. Общіе итоги сообщенныхъ данныхъ таковы.

Въ 21 школѣ окончило курсъ, со времени открытія, 942 ученика. Если изъ этого числа исключить умершихъ, отбывающихъ воинскую повинность, находящихся безъ мѣстъ и тѣхъ, о которыхъ не имѣется свѣдѣній, — всего 191 человѣкъ—то останется 751 ученикъ, которые по роду дѣятельности распредѣлятся такъ:

Служатъ въ имѣніяхъ	523	или	69,6%
Хозяйничаютъ у себя	72	»	9,6%
На земской и общественной агроном. службѣ	60	»	8%
Учительствуютъ	53	»	7,1%
Въ писаряхъ	18	»	2,4%
Служатъ внѣ связи съ сельскимъ хозяйствомъ	13	»	1,7%
Занимаются мастерствомъ	9	»	1,2%
Продолжаютъ образованіе	3	»	0,4%
Итого	751	или	100%

Слѣдовательно, агрономической дѣятельностью вообще занимаются 87,2% учениковъ, при чемъ большинство служатъ въ частныхъ имѣніяхъ — 69,6% и только сравнительно небольшое число хозяйничаетъ у себя—9,6% и состоитъ на земской агрономической службѣ — 8%; изъ другихъ профессій наибольшій процентъ приходится на учительскую дѣятельность—7,1%. Раздѣливъ всѣ школы на три группы: 1) казенныя, 2) земскія и 3) частныя, мы найдемъ, что въ разныхъ группахъ относительное распредѣленіе учениковъ по занятіямъ будетъ различно: въ девяти частныхъ школахъ изъ 359 окончившихъ учениковъ служатъ въ имѣніяхъ 293 или 81,6%; если же исключить отсюда Воздвиженскую школу, хотя и учрежденную въ частномъ имѣніи, но совершенно не подходящую къ типу частновладѣльческихъ школъ, такъ какъ попечитель и учредитель школы Н. Н. Неплюевъ задается

цѣлью образовать изъ окончившихъ курсъ учениковъ особое «Христіанское Трудовое братство», то процентъ служащихъ въ частныхъ имѣніяхъ повысится до 89,7%; у себя хозяйничаютъ—5%; учительствуютъ 1,6%; на земской агрономической службѣ—1% и на остальныхъ должностяхъ 2,7%. 190 учениковъ семи земскихъ школъ распредѣляются по роду дѣятельности иначе, а именно: въ частныхъ имѣніяхъ служатъ 132 ученика или 69,4%, на земской агрономической службѣ — 8,4%; у себя хозяйничаютъ 9,4%; учительствуютъ 8,4% и на остальныхъ должностяхъ—4,4%. Изъ 202-хъ учениковъ пяти казенныхъ школъ служатъ въ имѣніяхъ 98 учениковъ или 48,5%; на земской агрономической службѣ 19,8%; у себя хозяйничаютъ 10,9%, учительствуютъ—8,4% и на прочихъ должностяхъ—12,4%.

Такимъ образомъ принадлежность школы къ тому или иному разряду оказываетъ значительное вліяніе на направленіе и характеръ дѣятельности ея питомцевъ: относительное число учениковъ, посвящающихъ себя общественной дѣятельности и даже хозяйничающихъ у себя въ земскихъ и казенныхъ школахъ почти въ десять разъ превышаетъ таковое же число учениковъ частныхъ школъ; конечно, на это вліяютъ и чисто мѣстныя условія, — такъ напримѣръ, не смотря на то, что общій процентъ служащихъ въ имѣніяхъ въ земскихъ школахъ гораздо меньше, чѣмъ въ частныхъ,—въ Конь-Колодезской земской школѣ, находящейся въ Воронежской губерніи, съ развитымъ частнымъ землевладѣніемъ,—онъ достигаетъ такой же величины (86,4%), какъ и въ школахъ, устроенныхъ при имѣніяхъ; но за то въ Уральской школѣ, находящейся въ Уральской области, гдѣ почти совершенно отсутствуетъ частное землевладѣніе, въ имѣніяхъ служатъ только 7,4% окончившихъ курсъ учениковъ. Въ нѣкоторыхъ изъ частновладѣльческихъ школъ, напр., въ Мошногородищенской, всѣ ученики безъ исключенія идутъ на службу въ имѣнія.

Изъ приводимыхъ цифровыхъ данныхъ видно, что въ настоящее время низшія сельско-хозяйныя школы являются учрежденіями, преимущественно поставляющими въ частныя имѣнія приказчиковъ; явленіе это, вполнѣ нормальное въ школахъ частновладѣльческихъ, хотя и субсидируемыхъ правительствомъ (12 частныхъ школъ въ 1895 году пользовались отъ казны ежегоднымъ пособіемъ въ 34.000 руб.), не можетъ быть признано таковымъ въ школахъ казенныхъ и земскихъ, учрежденныхъ и содержимыхъ на общественныя и правительственныя средства. Учрежденіе и содержаніе этихъ школъ стоитъ не дешево; такъ первоначальныя затраты на обзаведеніе колеблятся отъ 4.075 руб. (Остаховская школа) до 147.767 руб. (Уральская школа), при ежегодныхъ расходахъ отъ 3.000 руб. (Некрасовская школа) до 21.250 руб. (Конь-Колодезская школа). Годовой расходъ казны въ 1895-мъ году на 5 казенныхъ школъ былъ равенъ 38.444 р. 30 к.; на пособіе 24-мъ

земскимъ и общественнымъ школамъ—91.600 руб. *), расходъ же земствъ на земскія школы обыкновенно превосходитъ сумму правительственнаго пособія имъ. Отъ такихъ весьма значительныхъ затратъ собственно крестьянское хозяйство получаетъ весьма мало, во всякомъ случаѣ гораздо меньше того, на что крестьяне могли бы расчитывать, какъ плательщики земскихъ налоговъ, на которые устроены и содержатся земскія школы. Одностороннее, въ значительной степени, направленіе дѣятельности питомцевъ сельскохозяйственныхъ школъ для удовлетворенія нуждъ частныхъ хозяйствъ не отвѣчаетъ, по моему мнѣнію, и основной задачѣ школъ: *распространять сельскохозяйственныя знанія въ народѣ*, такъ какъ служащій въ имѣніи приказчикъ можетъ выполнять эту задачу въ очень слабой степени или даже совсѣмъ не можетъ выполнять ее.

Между тѣмъ низшая сельскохозяйственная школа есть школа крестьянская по преимуществу; изъ 1.746 учениковъ, находившихся въ 1895-мъ году во всѣхъ низшихъ общихъ сельскохозяйственныхъ школахъ, крестьянъ было 1.114 или 63,8%, мѣщанъ 12,9% и на долю остальныхъ сословій приходилось 23,3%. Составъ же учениковъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ школъ исключительно крестьянскій, напр. въ Остаховской школѣ изъ 19 учениковъ—крестьянъ 18, въ Большесельской изъ 27—крестьянъ 24, въ Мензелинской изъ 43 учениковъ—крестьянъ 40, въ Александро-Нартасской изъ 69—крестьянъ 59. Въ Зайсанской и Каракалинской школахъ всѣ ученики крестьяне. Для огромнаго большинства крестьянскихъ дѣтей, прошедшихъ начальную школу, низшая сельско-хозяйственная школа является единственно доступною школою высшаго типа, дающею извѣстное законченное образованіе профессіональнаго характера. Во время пребыванія въ ней ученикъ-крестьянинъ, живя въ трудовой обстановкѣ, не удаляется отъ крестьянства и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаетъ извѣстную сумму теоретическихъ и практическихъ знаній, которыми онъ могъ бы быть очень полезенъ своему обществу, еслибы ему удалось стать въ благопріятныя для этого условія.

Однако расчитывать, что ученикъ по окончаніи курса школы возвратится въ свою крестьянскую семью и примется за свое хозяйство—нельзя. Изъ приводимыхъ выше цифръ видно, что число «хозяйничающихъ у себя» меньше одной десятой части общаго числа учениковъ, о дѣятельности которыхъ имѣются свѣдѣнія (9,6%); съ полною увѣренностью можно сказать, что въ эту рубрику попали или дѣти мелкихъ землевладѣльцевъ, или наиболѣе за-

---

*) Всѣ цифры относительно стоимости содержанія школъ взяты мною изъ изданій министерства земледѣлія: «Сельскохозяйственное образованіе въ Россіи въ концѣ 1894-го года» и «Сельскохозяйственныя учебныя заведенія, подвѣдомственныя Департаменту Земледѣлія въ концѣ 1895-го года»

зажиточныхъ крестьянъ, владѣющихъ отдѣльными участками земли, и слѣдовательно тоже подходящіе къ разряду частныхъ землевладѣльцевъ, но такія лица изъ крестьянъ составляютъ исключеніе; обыкновенный же крестьянинъ по окончаніи курса не возвратится въ свою семью и не примется за свое хозяйство, потому что экономическія условія средняго крестьянскаго хозяйства таковы, что о какихъ нибудь агрономическихъ улучшеніяхъ въ нихъ, сопряженныхъ даже съ небольшими затратами, нельзя и думать, а главное, каждый изъ учениковъ, служа по найму, заработаетъ гораздо больше, чѣмъ оставаясь въ своемъ хозяйствѣ, и потому свои же домашніе первые пошлютъ его на заработокъ, такъ какъ при этомъ онъ можетъ быть болѣе полезенъ семьѣ. Я лично знаю, что только въ силу этихъ причинъ ученики, связанные со своими семьями, имѣющіе склонность къ крестьянской трудовой жизни, шли на десятирублевое жалованье, половину котораго отдавали своей семьѣ. Такимъ образомъ не въ условіяхъ школьной жизни и школьнаго обученія, а въ существующихъ условіяхъ крестьянской жизни лежитъ причина того, что ученики по окончаніи курса въ школѣ не возвращаются въ свою крестьянскую среду, а ищутъ заработка на сторонѣ.

Въ виду всего вышеизложеннаго, признавая желательность большаго вліянія сельскохозяйственныхъ школъ на крестьянскую жизнь, по моему нужно думать не о томъ, какъ заставить ученика по окончаніи школы вернуться въ свою крестьянскую семью, такъ какъ это едва ли достижимо, а объ томъ, чтобы поставить ученика въ такія условія для дѣятельности, чтобы онъ, стоя близко къ крестьянскому міру, могъ быть полезенъ ему вынесенными изъ школы знаніями; нужно поддержать сказавшееся уже стремленіе учениковъ нѣкоторыхъ, преимущественно казенныхъ и земскихъ школъ къ общественной дѣятельности. Между тѣмъ теперешнія школы способствуютъ одностороннему характеру дѣятельности учениковъ, направляя ихъ въ частныя хозяйства. Я говорю объ обязательной по уставу всѣхъ школъ практикѣ учениковъ въ хозяйствахъ по окончаніи курса.

Хотя въ уставахъ говорится, что ученикъ по окончаніи курса долженъ пробыть годъ на практикѣ вообще «въ хозяйствѣ», но обыкновенно подъ хозяйствомъ понимаютъ частное имѣніе, и потому каждой осенью, по окончаніи экзаменовъ, на страницахъ сельско-хозяйственныхъ газетъ и журналовъ можно читать объявленія управляющихъ школами, которыми они предлагаютъ господамъ землевладѣльцамъ своихъ учениковъ въ качествѣ приказчиковъ, ключниковъ, надсмотрщиковъ за работами и пр. Чаще всего ученикъ и остается на службѣ на мѣстѣ своей практики. Между тѣмъ, предопредѣляя будущую дѣятельность ученика, практика далеко не всегда достигаетъ своей цѣли, за недостаткомъ, а въ раіонахъ нѣкоторыхъ школъ и за полнымъ отсутствіемъ благоустроенныхъ и

толково ведущихся хозяйствъ, въ которыхъ только и можетъ быть поучительна практика. Кромѣ того, ученикъ-практикантъ ставится часто въ ненормальное положеніе въ силу того, что по уставу практика его должна быть оплачиваема, — съ одной стороны, какъ практикантъ, онъ долженъ учиться въ хозяйствѣ, а съ другой стороны владѣлецъ имѣнія, платя ему жалованье, естественно стремится использовать его выгоднѣе, какъ рабочую силу. Эти два положенія довольно трудно согласовать между собою; такъ, напр., чтобы лучше познакомиться съ хозяйствомъ, ученику необходимо побывать въ немъ въ разныхъ положеніяхъ, обративъ особенное вниманіе на то, въ чемъ онъ наименѣе свѣдущъ, для хозяина же имѣнія гораздо выгоднѣе приспособить ученика на все время къ одному какому нибудь дѣлу, въ которомъ онъ можетъ быть наиболѣе полезенъ для хозяйства. Въ силу этого именно лучшіе изъ хозяевъ, у которыхъ дѣйствительно было бы полезно поработать ученику, затрудняются брать учениковъ на платную практику. Напомню при этомъ, что именно такого взгляда на учебную практику держится и нашъ извѣстный хозяинъ и авторитетъ въ сельско-хозяйственныхъ вопросахъ—И. А. Стебутъ.

Въ виду всего этого обязательность практики въ частныхъ имѣніяхъ по окончаніи курса, по моему мнѣнію, должна быть уничтожена; ученики могутъ быть посылаемы на практику только въ тѣхъ случаяхъ, когда это будетъ признано полезнымъ совѣтомъ школы.

Успѣшность практической подготовки учениковъ можетъ быть достигнута цѣлесообразной постановкой при школѣ учебно-практическихъ учрежденій (школьнаго хозяйства, мастерскихъ и пр.) и лучшей утилизаціей рабочаго времени учениковъ, для чего они должны быть употребляемы на работы, представляющія поучительность, а не одну только механическую затрату силы, что часто случается въ тѣхъ школахъ, гдѣ ученики составляютъ главную рабочую силу хозяйства. Знакомство учениковъ съ мѣстными хозяйствами можетъ быть достигнуто путемъ систематическихъ экскурсій. При такихъ условіяхъ время, затрачиваемое теперь на практику, можетъ быть употреблено съ гораздо большей пользой, если ученикъ останется лишній годъ при школѣ, совершенствуясь въ томъ направленіи, въ какомъ онъ можетъ оказаться наиболѣе продуктивнымъ; при этомъ крайне желательнымъ является устройство, по крайней мѣрѣ, при нѣкоторыхъ изъ казенныхъ и земскихъ школъ дополнительныхъ отдѣленій, полезность которыхъ признана и совѣщаніемъ по низшему сельскохозяйственному образованію, бывшимъ въ январѣ 1895 года.

Если смотрѣть на низшія сельскохозяйственныя школы, какъ на высшій типъ народной школы, единственно почти доступной для крестьянина, въ которой онъ получаетъ знаній несравненно больше, чѣмъ требуется для исполненія роли приказчика или ключника; если предположить, что эти школы призваны къ жизни не только

для удовлетворенія нуждъ частныхъ хозяйствъ въ мелкихъ служащихъ, но также и для того, *чтобы распространять сельско-хозяйственныя знанія въ народѣ* и такимъ образомъ выполнять отчасти и культурную миссію (такъ какъ у насъ профессіональныя задачи нельзя отдѣлить отъ общекультурныхъ), то устройство дополнительныхъ отдѣленій вполнѣ отвѣчаетъ цѣлямъ и задачамъ этихъ школъ.

Сообразно съ главными видами общественной дѣятельности ученика такія дополнительныя отдѣленія должны быть трояко рода: *общественно - агрономическое*—для подготовки преимущественно низшихъ служащихъ земского агрономическаго института, *педагогическое* для подготовки помощниковъ учителей тѣхъ изъ начальныхъ школъ, въ которыхъ введено обученіе сельскому хозяйству, и *ремесленное*—для подготовки сельско-хозяйственныхъ мастеровъ.

Дѣятельность ученика будетъ наиболѣе продуктивна на томъ поприщѣ, которое болѣе соотвѣтствуетъ его индивидуальности, а опредѣлить характеръ, личныя способности и наклонности ученика, а слѣдовательно и наибольшую пригодность его для той или иной дѣятельности, возможнѣе всего въ сельскохозяйственной школѣ, гдѣ учебный персоналъ стоитъ близко къ ученикамъ, и гдѣ за четырехъ или пятилѣтнюю совмѣстную жизнь съ ними вполнѣ можно узнать каждаго изъ нихъ, особенно принимая во вниманіе то, что время пребыванія ученика въ школѣ обнимаетъ тотъ періодъ его жизни (съ 14-ти до 20 лѣтъ), когда формируется человѣкъ.

При школѣ можетъ быть устроено или одно изъ дополнительныхъ отдѣленій, болѣе соотвѣтствующее мѣстнымъ нуждамъ, или же всѣ три вмѣстѣ, причемъ въ послѣднемъ случаѣ полнѣе достигается цѣль, и возможна экономія въ учебныхъ силахъ. Каждое изъ дополнительныхъ отдѣленій потребуетъ прибавки къ существующему штату школы только одного учителя: педагогическое—педагога, ремесленное—техника (онъ же долженъ завѣдывать мастерскими) и общественно-агрономическое—спеціалиста по сельскому хозяйству. Устройство дополнительныхъ отдѣленій не потребуетъ никакихъ существенныхъ измѣненій въ организаціи теперешнихъ школъ, соединенныхъ съ значительными затратами, такъ какъ и въ настоящее время часть выпускаемыхъ школами учениковъ съ успѣхомъ работаетъ на земской агрономической службѣ, учительствуетъ (окончившіе курсъ низшей сельско-хозяйственной школы легко сдаютъ экзаменъ на сельскаго учителя), а при удовлетворительной постановкѣ мастерскихъ выходятъ лица, могущія быть хорошими сельско-хозяйственными мастерами (послѣ соотвѣтствующей практики, конечно). Только при настоящихъ условіяхъ число лицъ, избирающихъ подобную дѣятельность, не велико, и необходимо позаботиться, чтобы оно было больше, чему и могутъ служить дополнительныя отдѣленія, замѣнившія теперешнюю обязательную,

но не достигающую цѣли, практику. Привожу примѣрное распредѣленіе теоретическихъ и практическихъ занятій на однолѣтнихъ дополнительныхъ отдѣленіяхъ.

Предметы занятій.	Число учебныхъ часовъ въ недѣлю. Педагогическое.	Ремесленное.	Общественно-агрономическое.
А) *Теоретическіе.*			
1. Законъ Божій	1	1	1
2. Русскій языкъ	6	—	2
3. Ариѳметика	2	—	—
4. Естествовѣдѣніе	2	—	—
5. Земледѣліе (преимуществ. изучен. мѣстн. хозяйства)	—	3	6
6. Спеціальныя отрасли сельскаго хоз. имѣющія мѣстное значеніе (садоводство, огороднич., пчеловодство и т. п.)	6	—	—
7. Педагогика	6	—	—
8. Пѣніе	1	—	—
9. Краткія свѣдѣнія по технологіи	—	4	—
10. Черченіе	—	4	—
11. Сельскохоз. машиновѣдѣніе	—	6	1
12. Главнѣйшіе законы, относящіеся до крестьянск. быта	—	—	4
13. Счетоводство	—	—	2
14. Общественная гигіена и зоогигіена	—	—	2
15. Ученіе о вредныхъ животныхъ и растительныхъ паразитахъ и мѣры борьбы съ ними	—	—	2
Итого теоретическихъ занятій	24	18	20
Б) *Практическіе.*			
1. Земледѣліе (работы по отдѣльнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, устройство школьныхъ экскурсій въ мѣстныя хозяйства)	24	—	28
2. Работы по сборкѣ, ремонту и установкѣ сельскохоз. машинъ и орудій въ мастерскихъ школы	—	30	—
Итого теоретическихъ занятій и практическихъ работъ	48	48	48

При такомъ распредѣленіи времени ученики на всѣхъ отдѣленіяхъ будутъ заняты 8 часовъ въ день; на педагогическомъ отдѣленіи они будутъ употреблять по 4 часа въ день на теоретическія и практическія занятія; на ремесленномъ—3 часа на теоре-

тическія занятія и 5 часовъ на практическія работы, и на общественно-агрономическомъ—20 часовъ въ недѣлю на теоретическія занятія и 28 час.—на практику.

По моему мнѣнію, устройство дополнительныхъ отдѣленій, способствуя выполненію задачъ школъ: служить разсадниками въ народѣ сельскохозяйственныхъ знаній разнообразными путями,—удовлетворяетъ и существующему запросу на лицъ, подготовленныхъ указаннымъ образомъ.

Въ настоящее время многими земствами созданы институты земскихъ агрономовъ и намѣчена цѣлая сѣть агрономическихъ мѣропріятій, проведеніе которыхъ потребуетъ много подготовленныхъ работниковъ. Профессоръ А. Ѳ. Фортунатовъ въ своей статьѣ «Земство и агрономія» (Русская Мысль 1893 г.) высказываетъ ту мысль, что цѣлый уѣздъ слишкомъ обширная территоріальная единица для того, чтобы дѣятельность земскаго агронома была достаточно успѣшна. 7-й съѣздъ Пермскихъ агрономическихъ смотрителей также пришелъ къ заключенію о необходимости ограничить дѣятельность смотрителя одной-двумя волостями. Вполнѣ соглашаясь съ этимъ, я полагаю, что заведеніе на каждую волость по агроному есть дѣло очень отдаленнаго будущаго и сопряжено съ слишкомъ большими затратами (въ Россіи приходится среднимъ числомъ 23 волости на уѣздъ); гораздо дешевле и выполнимѣе оставить одного агронома на уѣздъ, но дать ему достаточное число подготовленныхъ и недорогихъ помощниковъ, техническихъ выполнителей его организаціонной программы, для завѣдыванія опытными участками, показательными полями, питомниками, складами сѣмянъ, орудій и пр.; такихъ лицъ должна дать низшая сельскохозяйственная школа. Уже и въ настоящее время небольшое число учениковъ сельско-хозяйственныхъ школъ успѣшно работаетъ на земской агрономической службѣ, и необходимо позаботиться объ увеличеніи этого числа. Ученикъ, подготовленный на общественноагрономическомъ отдѣленіи, съ успѣхомъ можетъ также занять должность волостного или сельскаго писаря; въ настоящее время эти должности занимаются у насъ первымъ грамотнымъ человѣкомъ, часто не имѣющимъ понятія ни о крестьянскомъ самоуправленіи, ни о сельскомъ хозяйствѣ, съ которымъ тѣсно связана вся жизнь нашего земледѣльческаго населенія, а между тѣмъ извѣстно, какое значеніе имѣютъ эти лица для крестьянскаго міра, и какъ важно, еслибы подобное мѣсто было занято лицомъ, знакомымъ съ законоположеніями, касающимися крестьянскаго быта, и съ сельскимъ хозяйствомъ, при достаточной общей подготовкѣ; достаточно уже упомянуть о томъ, что сельскимъ властямъ приходится быть непосредственными выполнителями правительственныхъ и земскихъ мѣропріятій по борьбѣ съ эпидеміями, эпизоотіями, разными вредными животными, оказывать содѣйствіе земскимъ агрономамъ и разъяснять обществу значеніе и цѣль разныхъ сельско-хозяйственныхъ мѣро-

пріятій. По моему мнѣнію, сами составители нормальнаго положенія о низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ имѣли въ виду подобнаго рода дѣятельность для питомцевъ этихъ школъ, иначе трудно объяснить, почему знаніе главнѣйшихъ законовъ, касающихся крестьянскаго быта, отнесено къ *спеціальнымъ* предметамъ учебнаго курса этихъ школъ.

Затѣмъ, въ настоящее время на очереди вопросъ о проведеніи сельско-хозяйственныхъ знаній чрезъ народную школу. Достигнуть этого безъ ущерба главной, общеобразовательной задачѣ народной школы возможно только тогда, когда народному учителю, который не долженъ отвлекаться отъ своей прямой общеобразовательной задачи, будетъ данъ помощникъ со спеціальной подготовкой, завѣдывающій школьнымъ участкомъ земли, на которомъ можетъ быть заведена въ небольшихъ размѣрахъ та отрасль сельскаго хозяйства, которая имѣетъ мѣстное значеніе (садоводство, огородничество, пчеловодство и т. д.), для нагляднаго ознакомленія съ нею учениковъ и сообщенія имъ, преимущественно демонстративнымъ путемъ, нѣкоторыхъ прикладныхъ знаній. Еще лучше этой цѣли можно бы было достигнуть, еслибы курсъ народной школы былъ продолженъ на одинъ годъ; тогда въ программу ея можно бы было ввести элементарное естествовѣдѣніе, способствующее болѣе ясному пониманію явленій сельско-хозяйственной жизни. Въ виду того, что въ настоящее время вводится обученіе сельскому хозяйству при второклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ (новаго типа,—для подготовки учителей церковно-приходскихъ школъ, съ трехгодичнымъ курсомъ, служащихъ продолженіемъ начальной церковно-приходской школы), а также и при нѣкоторыхъ двухклассныхъ сельскихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія,—потребуются для учителей этихъ школъ помощники съ сельско-хозяйственною подготовкою; такихъ помощниковъ можетъ и должна дать низшая сельско-хозяйственная школа.

По моему мнѣнію, подобныхъ помощниковъ не могутъ замѣнить ни сельско-хозяйственные курсы для народныхъ учителей, ни введеніе въ курсъ учительскихъ семинарій обученія сельскому хозяйству; такъ какъ вполнѣ признавая пользу подобныхъ курсовъ въ смыслѣ расширенія среди учителей интереса къ сельскому хозяйству, я не думаю, чтобы эти курсы уже по своей кратковременности могли дать слушателямъ ихъ достаточныя знанія и навыки для успѣшнаго веденія школьнаго хозяйства; если же въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ бываетъ, что учитель, увлекшись какою-нибудь отраслью сельскаго хозяйства, успѣшно ведетъ ее при школѣ, то это веденіе хозяйства, отвлекая учителя отъ его главныхъ обязанностей, невыгодно отражается на общеобразовательныхъ задачахъ школы.

Наконецъ, въ сельско-хозяйственныхъ мастерахъ, которыхъ могутъ подготовлять ремесленныя отдѣленія, существуетъ самая настоятельная нужда, такъ какъ у насъ совершенно нѣтъ заведеній,

которыя подготовляли бы подобныхъ лицъ; по личному опыту я знаю, какъ трудно найти въ качествѣ преподавателя ремеслъ при сельско-хозяйственной школѣ лицо, которое соединяло бы съ ремесленной подготовкой знаніе сборки, установки и ремонта сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій; отсутствіе такихъ мастеровъ представляетъ одно изъ главныхъ препятствій для широкаго распространенія у насъ улучшеннаго инвентаря и нужно только удивляться тому, что на это не обращено до сихъ поръ должнаго вниманія *).

Выше я уже упоминалъ, что и теперь иногда изъ сельскохозяйственныхъ школъ могутъ выходить ученики съ достаточнымъ запасомъ знаній и ремесленныхъ навыковъ по сборкѣ и ремонту сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій, изъ этихъ учениковъ при соотвѣтствующей практикѣ могутъ выйти хорошіе мастера; добавлю къ этому еще то, что, по моему мнѣнію, хорошимъ сельско-хозяйственнымъ мастеромъ только и можетъ быть человѣкъ, имѣющій кромѣ ремесленныхъ знаній еще сельско-хозяйственную подготовку, такъ какъ для того, чтобы понимать, что можно и должно требовать отъ машины необходимо знать работу, для которой она назначена.

Вотъ, по моему мнѣнію, главные виды общественно-полезной дѣятельности воспитанниковъ низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ, которые не исключаютъ, конечно, и службы въ имѣніяхъ частныхъ землевладѣльцевъ.

М. Зубриловъ.

«Добро» г. Владиміра Соловьева.

(Оправданіе добра. Нравственная философія Владиміра Соловьева. Спб. 1897).

Изслѣдованія въ области этики отличаются одною характерною особенностью отъ изслѣдованій въ области наукъ физическихъ (въ широкомъ смыслѣ этого слова).

Въ области физики задачи, главнымъ образомъ, сводятся къ открытію все новыхъ и новыхъ явленій. Даже самое *объясненіе* явленій имѣетъ цѣну, главнымъ образомъ, какъ факторъ, дозволяющій перейти отъ небольшого количества нами замѣченныхъ явленій къ

---

*) До послѣдняго времени у насъ было два ремесленныхъ училища, въ которыхъ отчасти изучались сельско-хозяйственныя машины и орудія,—это Горецкое ремесленное училище и Гнѣдинское ремесленное училище, но и эти два училища, давая удовлетворительную ремесленную подготовку, не давали своимъ питомцамъ достаточныхъ знаній по сельскохозяйственнымъ машинамъ, вѣроятно, потому что изученіе ихъ поставлено на заднемъ планѣ.

неопредѣленно-большому количеству явленій, нами не замѣчаемыхъ. Поэтому, изслѣдованія въ области наукъ физическихъ постоянно даютъ намъ нѣчто совершенно новое. То мы узнаемъ, что существуютъ свѣтовые лучи, проходящіе сквозь тѣла непроходимыя для обыкновенныхъ свѣтовыхъ лучей. То узнаемъ, что въ воздухѣ имѣется новая составная часть: аргонъ. То, наоборотъ, намъ показываютъ, что предполагаемаго нами фактора вовсе не существуетъ: нѣтъ, напр., теплорода, электрической жидкости и т. п.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ изслѣдованіями въ области этики. Беря въ руки новую работу въ этой области, мы не ожидаемъ встрѣтить въ ней доказательства того, что, наприм., любви или ненависти не существуетъ; не ожидаемъ встрѣтить также и доказательства того, что въ нравственной жизни существуетъ факторъ, намъ *совершенно* неизвѣстный. Эти слова не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ отрицанія эволюціи нравственныхъ чувствъ. Конечно, наша сложная и богатая система нравственныхъ чувствъ не возникла сразу; конечно, она развилась и обогащалась медленно и постепенно. Все это такъ, но я говорю о современномъ положеніи дѣла, и, *главное*, о роли теоретическихъ изслѣдованій въ области этики. Когда среди людей, совершенно незнакомыхъ съ гальванизмомъ, появляется человѣкъ, который сумѣетъ обнаружить существованіе этого явленія, то онъ несомнѣнно можетъ надѣяться на то, что сначала немногіе, а затѣмъ и всѣ признаютъ его открытіе. Но еслибы среди разумныхъ существъ, совершенно лишенныхъ чувства симпатіи, явился человѣкъ, доказывающій, что симпатія есть основа нравственно-одобрительнаго поведенія, то ему не то что не повѣрили бы, его, просто, не поняли бы: не поняли бы, о чемъ онъ, собственно, говоритъ.

Вслѣдствіе всего этого борьба школъ и направленій въ области этики ведется не по вопросу о томъ: существуютъ или не существуютъ извѣстныя чувства, а по вопросу объ ихъ значеніи. Никто не сомнѣвается въ томъ, что существуетъ любовь и ненависть, благоговѣніе и презрѣніе, смѣлость и робость и другія подобныя имъ чувства. Весь вопросъ сводится къ ихъ истолкованію.

Поэтому, главная задача критика, желающаго оцѣнить значеніе какого-либо этическаго ученія, будетъ заключаться не въ изученіи предложеннаго авторомъ списка «добродѣтелей» и «пороковъ», а въ разсмотрѣніи того, почему этотъ списокъ такъ составленъ, почему извѣстнымъ дѣяніямъ придается эпитетъ «добрыхъ», а другимъ— «злыхъ», т. е., въ концѣ концовъ, какъ понимаетъ авторъ «добро» и «зло». Такимъ образомъ, при разсмотрѣніи этическаго ученія, прежде чѣмъ приступить къ изученію предложенной авторомъ схемы нравственной жизни, необходимо познакомиться съ пріемами изслѣдованія и способами доказательства автора.

Руководясь этими соображеніями, мы, прежде чѣмъ познакомить читателей съ самимъ ученіемъ г. Соловьева, постараемся охарак-

теризовать его методологическіе пріемы, его способы изслѣдованія и доказательства.

Разсмотримъ, какъ устанавливаетъ г. Соловьевъ одно изъ самыхъ основныхъ своихъ положеній: ученіе объ этико-космологическомъ значеніи стыда.

Указавши на то, что Дарвинъ «всей первоначальной нравственности человѣка... придаетъ характеръ исключительно *общественный*, сближая ее, такимъ образомъ, съ соціальными инстинктами животныхъ», что, по мнѣнію Дарвина, «для дикарей... существуютъ только тѣ добродѣтели, которыя требуются интересами ихъ соціальной группы» (стр. 36);—г. Соловьевъ говоритъ далѣе (стр. 36—7) слѣдующее: «Есть одно чувство, которое не служитъ никакой общественной пользѣ, совершенно отсутствуетъ у самыхъ высшихъ животныхъ и однако же ясно обнаруживается у самыхъ низшихъ человѣческихъ расъ. Въ силу этого чувства, самый дикій и неразвитой человѣкъ *стыдится*, т. е., признаетъ *недолжнымъ* и скрываетъ такой физіологическій актъ, который не только удовлетворяетъ его собственному влеченію и потребности, но, сверхъ того, полезенъ и необходимъ для поддержанія рода. Въ прямой связи съ этимъ находится и нежеланіе оставаться въ природной наготѣ, побуждающее къ изобрѣтенію *одежды* и такихъ дикарей, которые по климату и простотѣ быта въ ней вовсе не нуждаются».

«Чувство стыда (читаемъ мы далѣе, стр. 40—2) (въ его коренномъ смыслѣ) есть уже фактически безусловное отличіе человѣка отъ другихъ животныхъ, такъ какъ ни у какихъ другихъ животныхъ этого чувства нѣтъ ни въ какой степени, а у человѣка оно появляется съ незапамятныхъ временъ и затѣмъ подлежитъ дальнѣйшему развитію».

«Но этотъ фактъ, по самому содержанію своему, имѣетъ еще другое, гораздо болѣе глубокое значеніе. Чувство стыда не есть только отличительный признакъ, выдѣляющій человѣка (для внѣшняго наблюденія) изъ прочаго животнаго міра: здѣсь самъ человѣкъ дѣйствительно выдѣляетъ себя изо всей матеріальной природы и не только внѣшней, но и своей собственной. Стыдясь своихъ природныхъ влеченій и функцій собственнаго организма, человѣкъ тѣмъ самымъ показываетъ, что онъ не есть только природное матеріальное существо, а есть нѣчто другое и высшее. То, что стыдится, въ самомъ психическомъ актѣ стыда отдѣляетъ себя отъ того, чего стыдится; но матеріальная природа не можетъ быть другою или внѣшнею для самой себя,—слѣдовательно, если я стыжусь своей матеріальной природы, то этимъ самымъ на дѣлѣ показываю, что я не тоже самое, что она. И именно въ тотъ моментъ, когда человѣкъ подпадаетъ матеріальному процессу природы, смѣшивается съ нимъ, тутъ-то вдругъ и выступаетъ его отличительная особенность и его внутренняя самостоятельность, именно въ чувствѣ стыда,

въ которомъ онъ относится къ матеріальной жизни, какъ къ чему-то другому, чуждому и недолжному».

«Поэтому, еслибы даже были представлены единичные случаи половой стыдливости у животныхъ, то это было бы лишь зачаточнымъ предвареніемъ *человѣческой* натуры, ибо во всякомъ случаѣ ясно, что существо, стыдящееся своей животной природы, *тѣмъ самымъ* показываетъ, что оно не есть только *животное...*»

«Этотъ основной фактъ антропологіи и исторіи, не замѣченный или намѣренно пропущенный въ книгѣ современнаго корифея науки (Дарвина—наше поясненіе), былъ за три тысячи лѣтъ до него вдохновенными чертами отмѣченъ въ книгѣ болѣе авторитетной. «И открылись глаза у нихъ обоихъ (въ моментъ грѣхопаденія) и узнали, что наги они; и сорвали листьевъ смоковницы, и сдѣлали себѣ опоясаніе. И услышали голосъ Вѣчнаго Бога... и скрылись человѣкъ и жена отъ лица Вѣчнаго Бога среди деревьевъ сада. И воззвалъ Вѣчный Богъ къ человѣку и сказалъ ему: *гдѣ ты*?—И сказалъ (человѣкъ): голосъ твой услышалъ я въ саду и убоялся, ибо нагъ я, и скрылся.—И сказалъ (Богъ): кто возвѣстилъ тебѣ, что ты нагъ?» Въ моментъ грѣхопаденія въ глубинѣ человѣческой души раздается высшій голосъ, спрашивающій: гдѣ ты? гдѣ твое нравственное достоинство? Человѣкъ, владыка природы и образъ Божій, существуешь ли ты еще?—И тутъ же дается отвѣтъ: я услышалъ божественный голосъ, я убоялся возбужденія и обнаруженія своей низшей природы: я стыжусь, слѣдовательно, существую,—я стыжусь своей животности, слѣдовательно, я еще существую, какъ человѣкъ».

«Собственнымъ дѣйствіемъ и испытаніемъ своего существа достигаетъ человѣкъ нравственнаго самосознанія. Матеріалистическая наука тщетно пыталась бы дать, съ своей точки зрѣнія, удовлетворительный отвѣтъ на столь давно поставленный человѣку вопросъ: кто возвѣстилъ тебѣ, что ты нагъ?»

Мы привели эту нѣсколько длинную выписку изъ книги г. Соловьева не только потому, что здѣсь, какъ мы говорили выше, авторъ устанавливаетъ одно изъ самыхъ основныхъ своихъ положеній, но еще и потому, что въ этомъ отрывкѣ вполнѣ обрисовывается писательская манера автора.

Тотъ фактъ, что людямъ (по крайней мѣрѣ, многимъ изъ нихъ) присуще чувство стыда, конечно, не подлежитъ сомнѣнію. Но почему человѣкъ стыдится? Отвѣтъ г. Соловьева весьма характеренъ. Во-первыхъ, онъ совершенно голословно утверждаетъ, будто чувство стыда не имѣетъ никакого общественно-полезнаго значенія. Онъ ничѣмъ не доказываетъ этого своего положенія; мало того, онъ *совершенно игнорируетъ* всю обширную литературу, какъ по этому вопросу, такъ и по вопросу о возникновеніи одежды. Безчисленныя показанія путешественниковъ и изслѣдователей первобытной жизни согласно свидѣтельствуютъ, что одежда возникла, какъ укра-

шеніе, а отнюдь не подъ вліяніемъ стыдливости, и, однако, г. Соловьевъ, совершенно игнорируя всѣ эти показанія, голословно утверждаетъ, что одежда изобрѣтена изъ чувства стыдливости.

Пройдя такимъ побѣдоноснымъ молчаніемъ всѣ неудобные для него факты и заявленія, г. Соловьевъ и въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи не заботится уже объ обоснованіи своихъ утвержденій. Г. Соловьевъ не *изслѣдуетъ*, а *живописуетъ*: онъ не заботится о томъ, чтобы свести частное на общее, чтобы разложить сложное на простое; не заботится онъ также ни о томъ, чтобы его утвержденія вполнѣ удовлетворяли строгимъ требованіямъ логики, ни даже о томъ, чтобы его слова имѣли вполнѣ опредѣленный смыслъ. Онъ просто живописуетъ: даетъ читателямъ рядъ картинокъ, иногда попорченныхъ реторическими пріемами изображенія, иногда не лишенныхъ художественныхъ достоинствъ, но никогда не имѣющихъ строгаго научнаго значенія.

Еслибы мы захотѣли познакомить читателей со всѣми продуктами живописанія г. Соловьева, то намъ пришлось бы провести ихъ по цѣлой картинной галлереѣ; мы, конечно, этого не сдѣлаемъ: сверхъ тѣхъ картинокъ, съ которыми мы по необходимости познакомимъ читателей при изложеніи хода мыслей г. Соловьева, мы приведемъ здѣсь для поясненія вышесказаннаго только одинъ примѣръ. На страницѣ 230 мы читаемъ: «Камни и металлы отличаются отъ всего прочаго своимъ крайнимъ самодовольствомъ и консерватизмомъ; еслибы отъ нихъ однихъ зависѣло, природа никогда бы не вышла изъ непробуднаго сна, но за то безъ нихъ ея дальнѣйшій ростъ не имѣлъ бы твердой почвы и опоры. Растенія въ неподвижныхъ грезахъ безотчетно *тянутся* къ свѣту, теплу и влагѣ. Животныя, при посредствѣ ощущеній и свободныхъ *движеній*, *ищутъ* полноты чувственнаго бытія: сытости, полового восполненія—и радости существованія (ихъ игры и пѣніе). Природное человѣчество, кромѣ всего этого, разумно стремится посредствомъ наукъ, искусствъ и общественныхъ учрежденій къ *улучшенію* своей жизни, дѣйствительно совершенствуетъ ее въ различныхъ отношеніяхъ и, наконецъ, возвышается до *идеи* безусловнаго совершенства. Человѣчество духовное (?) или отъ Бога рожденное принимаетъ въ себя это безусловное совершенство, какъ *дѣйствительное начало того*, *что должно быть во всемъ*, и стремится осуществить его до конца, или воплотить въ жизни всего міра». Можно спорить о томъ, отличается ли этотъ отрывокъ художественностью или просто реторикой, но нельзя не признать, что онъ не удовлетворяетъ даже самымъ скромнымъ научно-философскимъ требованіямъ. Поэтъ, ораторъ и проповѣдникъ могутъ говорить о «самодовольствѣ» камней, но отъ философа мы прежде всего потребуемъ объясненія смысла этого выраженія. «Самодовольные» камни, «непробудный сонъ» природы, «неподвижныя (?) грезы» растеній—все это поэтическіе образы или реторическіе обороты, но не научные термины. Ораторъ или про-

поведникъ, преслѣдуя чисто практическія цѣли, можетъ и долженъ пользоваться неточными и неопредѣленными, но привычными для слушателей образами; но философъ и человѣкъ науки долженъ прежде всего дать себѣ отчетъ въ реальномъ содержанiи своихъ утвержденiй. Камни и металлы въ обыденной рѣчи являются символами чего-то безчувственнаго, холоднаго, неподвижнаго, если хотите, то и самодовольнаго; поэтому, когда проповѣдникъ говоритъ о каменныхъ сердцахъ, онъ поступаетъ вполнѣ разумно: онъ пользуется для своихъ цѣлей твердо установившимися ассоціаціями; но хорошо было бы космологическое ученiе, основанное на идеѣ о самодовольствѣ металловъ!

Если читатель припомнитъ приведенный нами отрывокъ объ этическомъ значенiи стыда, то онъ легко замѣтитъ, что и тамъ ему была преподнесена картинка, а не настоящее философское изысканiе. Въ самомъ дѣлѣ, единственное подобiе довода заключалось въ утвержденiи, что «если я стыжусь своей матеріальной природы, то этимъ самымъ на дѣлѣ показываю, что я не то же самое, что она». Этотъ доводъ кажется г. Соловьеву настолько убѣдительнымъ, что онъ не ограничивается его однократнымъ употребленiемъ; такъ, на стр. 193—4 мы читаемъ: «Въ чувствѣ стыда основныя матеріальныя влеченія *отталкиваются* нами, какъ чуждыя и враждебныя. Ясно, что здѣсь отталкивающiйся и отталкиваемое не могутъ быть одно и то же,—человѣкъ, стыдящiйся матеріальнаго факта, не можетъ быть самъ *только* матеріальнымъ фактомъ».

Мы начнемъ съ исправленія терминологiи г. Соловьева. Человѣкъ не стыдится и не можетъ стыдиться «матеріальнаго факта» въ строгомъ смыслѣ этого слова. Человѣкъ можетъ стыдиться не матеріальныхъ движенiй, т. е., не тѣхъ перемѣщенiй въ пространствѣ, которыя называются движенiями, а чисто психическихъ состоянiй, связанныхъ съ этими движенiями (или параллельныхъ имъ, если держаться точки зрѣнiя параллелизма физическихъ и психическихъ явленiй). Слѣдовательно, въ актѣ стыда «отталкиваются», считаются «чуждыми», «недолжными» не матеріальные факты, а факты чисто психическіе.

Уже одно это указанiе на легкомысленное отношенiе къ терминологiи можетъ и должно быть тяжкимъ обвиненiемъ для философа. Но мы не будемъ останавливаться на этомъ; исправимъ терминологiю автора и посмотримъ, насколько состоятельно его утвержденiе въ этомъ исправленномъ видѣ. Подъ «матеріальной природой» г. Соловьевъ, очевидно, понимаетъ въ данномъ случаѣ то, что онъ называетъ въ другихъ мѣстахъ «животною» природою или, выражаясь яснѣе, комплексъ «низшихъ», чувственныхъ психическихъ проявленiй, называемый имъ еще и «похотями плоти» (напр., стр. 71). Такимъ образомъ, утвержденiе г. Соловьева сводится къ тому, что мы, стыдясь «похотей плоти», отталкивая ихъ, тѣмъ самымъ указываемъ, что мы *по своей природѣ* отличны отъ нихъ. Нужно

особенно обратить вниманіе на то, что здѣсь дѣло идетъ не о простомъ несходствѣ, а о радикальномъ различіи, различіи по самой природѣ. Именно желаніе подчеркнуть это радикальное различіе и заставило г. Соловьева употребить выраженія «матеріальный фактъ», «матеріальная природа» въ качествѣ полной антитезы нашей «духовной» природѣ. Еслибы кто еще усумнился въ томъ, что г. Соловьевъ говоритъ именно о радикальномъ различіи по самой природѣ, тому можно указать (сверхъ множества не цитированныхъ нами мѣстъ въ книгѣ г. Соловьева) на выше цитированное утвержденіе автора, что «матеріалистическая наука» тщетно бы пыталась дать отвѣтъ на вопросъ: «кто возвѣстилъ тебѣ, что ты нагъ?»—можно указать еще и на слѣдующее (тоже уже цитированное нами) утвержденіе: «матеріальная природа не можетъ быть *другою или внѣшнею для самой себя* (курсивъ нашъ),—слѣдовательно, если я стыжусь своей матеріальной природы, то этимъ самымъ на дѣлѣ показываю, что я не то же самое, что она». Т. е., другими словами: *мой стыдъ показываетъ, что я нахожусь внѣ матеріальной природы*.

Такимъ образомъ, для г. Соловьева кажется само собою очевиднымъ, что «стыдъ», «отталкиваніе» «матеріальной природы» указываетъ на то, что «стыдящійся», «отталкивающій» по своей природѣ совершенно отличенъ отъ того, чего онъ стыдится, что онъ отталкиваетъ. Г. Соловьевъ принимаетъ, какъ истину самоочевидную, утвержденіе, что «отталкивающійся и отталкиваемое не могутъ быть одно и тоже», что они должны обладать двумя совершенно различными природами. Но актъ отталкиванія есть актъ взаимодѣйствія, а философія учитъ насъ, что между двумя разнородными сущностями никакое взаимодѣйствіе невозможно. Классическимъ примѣромъ этой невозможности мыслить взаимодѣйствіе двухъ разнородныхъ сущностей служатъ безуспѣшныя попытки дуалистовъ указать на способъ взаимодѣйствія между душою и тѣломъ. «Отталкиваніе» путемъ стыда не есть единственная форма психическаго отталкиванія. Всякое колебаніе является актомъ взаимнаго отталкиванія двухъ (или болѣе) психическихъ состояній. Когда, напримѣръ, молодой человѣкъ колеблется, избрать ли себѣ карьеру юриста или карьеру врача, то оба желанія сталкиваются враждебно другъ съ другомъ; они не совмѣстимы; они стараются исключить другъ друга въ актѣ окончательнаго рѣшенія. Однако, ихъ борьба, ихъ взаимное отталкиваніе возможно только потому, и *даже потому только и происходитъ*, что они борются на общей почвѣ. Такъ что столкновеніе между ними происходитъ лишь постолько, посколько между ними есть нѣчто общее: стремленіе опредѣлить собою карьеру молодого человѣка. Если въ колебаніи два (или болѣе) психическія состоянія борются между собою, то въ актѣ рѣшенія эта борьба является законченною: извѣстное состояніе сознанія успѣло оттолкнуть всѣхъ конкуррентовъ; но всякая борьба всегда происходитъ

изъ-за того, что борющіяся стороны сталкиваются между собою на общей почвѣ, сталкиваются, слѣдовательно, тѣми сторонами, которыя у нихъ одинаковы.

Итакъ, философія учитъ насъ, что между двумя разнородными сущностями никакое взаимодѣйствіе невозможно. Наука даетъ примѣры того, что и между относительно-однородными борьба происходитъ на почвѣ тожества стремленій. И все это совершенно игнорируется г. Соловьевымъ, для котораго «ясно», «что отталкивающее и отталкиваемое не можетъ быть одно и то же»!

Очевидно, употребивши для обозначенія дѣйствія стыда слово «отталкиваніе», г. Соловьевъ незамѣтно для самого себя подпалъ подъ власть этого слова: мы отталкиваемъ то, что мы ненавидимъ, отъ чего желаемъ быть какъ можно подальше, что считаемъ намъ неподходящимъ, чуждымъ; отсюда, очевидно, что отталкивающее и отталкиваемое не можетъ быть одинмъ и тѣмъ же. Въ обыденной жизни это умозаключеніе было бы вполнѣ вѣрнымъ, но при рѣшеніи научныхъ вопросовъ нужно пользоваться орудіемъ болѣе совершеннымъ, чѣмъ неточныя и неясныя понятія обыденной практики.

Мы имѣли основаніе предположить, что г. Соловьевъ впалъ въ данномъ случаѣ въ ошибку подъ вліяніемъ ассоціацій, вызванныхъ словомъ «отталкиваніе»,—ибо манера mit Worten streiten принадлежитъ къ числу его излюбленныхъ пріемовъ доказательства. Вотъ, напримѣръ, одно изъ подобныхъ «словесныхъ» объясненій: «такъ какъ... высшее сознаніе фактически выростаетъ на почвѣ матеріальной природы и образуется, такъ сказать, на ея счетъ, то этимъ естественно вызывается въ человѣкѣ противодѣйствіе этой низшей природы» (66—7). Какъ въ самомъ дѣлѣ все это просто и ясно! Такъ какъ «высшее сознаніе» образуется «на счетъ» «матеріальной природы», то «естественно», что эта матеріальная природа не слишкомъ-то будетъ довольна подобнымъ хозяйничаніемъ на ея счетъ. Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; вѣдь, только представьте себѣ, что кто-нибудь намѣренъ попользоваться на вашъ счетъ. Очень-ли вы будете этому рады? У Диккенса въ одномъ изъ его романовъ есть такой любопытный эпизодъ. Старый джентельменъ, желая завязать съ молодымъ джентельменомъ «тонкій разговоръ», спрашиваетъ его: «какъ, по вашему мнѣнію, сэръ, должна поступить Англія, если Россія завалитъ ея рынки сырыми товарами?»—«Варить ихъ!» категорически рѣшаетъ молодой человѣкъ. Это рѣшеніе «варить ихъ» можно нерѣдко встрѣтить на страницахъ философскаго изслѣдованія г. Соловьева. Въ самомъ дѣлѣ, въ вышеприведенномъ отрывкѣ развитіе высшихъ духовныхъ явленій путемъ комбинированія болѣе простыхъ явленій изображено, какъ образованіе этихъ высшихъ явленій *на счетъ* низшихъ, и благодаря только этому, благодаря только присутствію выраженія «на счетъ», для г. Соловьева кажется совершенно «естественнымъ», что эти низшія явленія должны противодѣйствовать высшимъ. Вода состоитъ

изъ кислорода и водорода, т. е., она образуется *на счетъ* кислорода и водорода; слѣдуя г. Соловьеву, мы обязаны умозаключить, что водородъ и кислородъ должны противодѣйствовать образованію воды на свой счетъ. Однако, какой странный характеръ у этихъ газовъ: они не только не противодѣйствуютъ этому хозяйничанію «на ихъ счетъ», но еще очень весело, часто съ большимъ шумомъ и трескомъ позволяютъ себя эксплуатировать. А вотъ, напримѣръ, фторъ, такъ тотъ отличается по-истинѣ непонятнымъ самопожертвованіемъ: химики никакъ не могутъ убѣдить его не жертвовать собою на пользу различныхъ эксплуататоровъ, ну хотя-бы для образованія плавиковой кислоты.

Къ такимъ странностямъ мы неизбѣжно прійдемъ, какъ только захотимъ «mit Worten ein System bereiten»!

Таковъ общій характеръ разсужденій г. Соловьева. Нашъ философъ не заботится ни о фактической вѣрности своихъ утвержденій, ни о точности своихъ выраженій. Онъ не изслѣдуетъ, а *вѣщаетъ*. Къ этому нужно еще прибавить, что въ его книгѣ, время отъ времени, попадаются мѣста, которыя какъ бы указываютъ на то, что автору доступно высшее, таинственное вѣдѣніе, которое, конечно, добывается не путемъ кропотливымъ научныхъ изысканій. Читатель, конечно, долженъ быть сильно импонированъ, когда г. Соловьевъ милостиво подымаетъ уголъ завѣсы, скрывающей отъ взоровъ непосвященныхъ эту мистическую область высшаго вѣдѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, какое право имѣемъ мы требовать соблюденія нашихъ жалкихъ научныхъ условій изслѣдованія отъ человѣка, которому извѣстно, каково «было положеніе одного свѣтоноснаго духа въ первомъ актѣ міразданія» (стр. XX)? Можно-ли запретить говорить о «самодовольствѣ» камней человѣку, который знаетъ, что «отдѣльныя неорганическія тѣла, какъ, наприм., камни, не имѣя жизни въ себѣ, могутъ служить постоянными проводниками локализированнаго живого дѣйствія духовныхъ существъ. Таковы были священные камни, такъ называемые, *бетели* или *бетили* (домы Божіи) съ которыми было связано явленіе и дѣйствіе ангеловъ и силъ Божіихъ, какъ бы обитавшихъ въ этихъ камняхъ?» (стр. 232, прим. 3). Разумно-ли сомнѣваться въ знаніи условій возникновенія одежды человѣкомъ, которому уже доподлинно извѣстны условія возникновенія «вѣщихъ сновидѣній»? (стр. 73). Не ясно-ли, что при подобныхъ обстоятельствахъ всякая критика должна покорно склонить голову передъ высшимъ вѣдѣніемъ?

И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

Мы и послѣдуемъ примѣру поэта, находящагося «въ священномъ ужасѣ». Мы не будемъ состязаться съ г. Соловьевымъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ его рукахъ звучитъ «арфа серафима»; не будемъ, напр., слѣдить за ходомъ его разсужденій при рѣшеніи такихъ тонкихъ вопросовъ, какъ вопросъ о томъ: «развѣ нельзя,

выдавши убійцѣ его жертву, обратиться затѣмъ къ Богу съ молитвой, чтобы онъ какимъ-нибудь чудомъ предотвратилъ убійство?» (стр. 158). Мы, вообще, оставимъ безъ разсмотрѣнія всѣ эти мистическія украшенія философскаго изслѣдованія г. Соловьева, и перейдемъ къ изложенію самой сути этическаго ученія нашего автора.

«Дѣйствительное начало нравственнаго совершенствованія (говоритъ онъ на стр. 638) заключается въ трехъ основныхъ чувствахъ, присущихъ человѣческой природѣ и образующихъ ея натуральную добродѣтель: въ чувствѣ *стыда*, охраняющемъ наше высшее достоинство по отношенію къ захватамъ животныхъ влеченій; въ чувствѣ *жалости*, которое внутренно уравниваетъ насъ съ другими, и, наконецъ, въ *религіозномъ* чувствѣ, въ которомъ сказывается наше признаніе высшаго Добра. Въ этихъ чувствахъ, представляющихъ *добрую природу*, изначала стремящуюся къ тому, что *должно* (ибо нераздѣльно съ ними сознаніе, хотя бы смутное, ихъ нормальности,—сознаніе, что должно стыдиться безмѣрности плотскихъ влеченій и рабства животной природѣ, что должно жалѣть другихъ, что должно преклоняться передъ Божествомъ, что *это* хорошо, а противное этому дурно)—въ этихъ чувствахъ и въ сопровождающемъ ихъ свидѣтельствѣ совѣсти заключается единое, или точнѣе тріединое основаніе нравственнаго совершенствованія». Въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ: «Правда требуетъ, чтобы мы относились къ низшей природѣ—какъ къ низшей, т. е., подчиняли ее разумнымъ цѣлямъ; если мы, напротивъ, подчиняемся ей, то признаемъ ее не тѣмъ, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ, а чѣмъ-то высшимъ,—значитъ, извращаемъ истинный порядокъ вещей, нарушаемъ правду, относимся къ низшей сферѣ недолжнымъ(?) или безнравственнымъ образомъ. Точно также правда требуетъ, чтобы мы относились къ подобнымъ себѣ, какъ къ таковымъ, признали ихъ равноправность съ собою, ставили себя на ихъ мѣсто; если же мы, признавая себя за полноправную личность, видимъ въ другихъ лишь пустыя личины, то, очевидно, мы отступаемъ отъ того, что есть по правдѣ, и наше отношеніе не есть должное. Наконецъ, если мы сознаемъ надъ собою высшее всемірное начало, то правда требуетъ, чтобы мы и относились къ нему, какъ къ высшему, т. е., съ религіозною преданностью: всякое иное отношеніе будетъ противорѣчить истинному положенію дѣла и, слѣдовательно, будетъ недолжнымъ» (стр. 162).

«Основныя чувства *стыда*, *жалости* и *благоговѣнія* исчерпываютъ область возможныхъ нравственныхъ отношеній человѣка къ тому, что ниже его, что равно ему и что выше его. *Господство* надъ матеріальною чувственностью, *солидарность* съ живыми существами и внутреннее добровольное *подчиненіе* сверхчеловѣческому началу—вотъ вѣчная, незыблемая основа нравственной жизни человѣчества» (стр. 51).

Итакъ, правда требуетъ, чтобы мы относились къ низшему,

какъ къ низшему, къ равному, какъ къ равному, и къ высшему, какъ къ высшему. Съ этимъ, конечно, нельзя не согласиться. Въ самомъ дѣлѣ, никто же не станетъ утверждать, что къ низшему нужно относиться, какъ къ высшему, а къ высшему — какъ къ низшему. Очевидно, если есть низшее, равное и высшее, то къ каждому и нужно относиться, какъ къ таковому. Съ формальной точки зрѣнія это—истина непоколебимая; но далеко-ли мы ушли, узнавши, что высшее есть высшее, а низшее есть низшее?

Если существуетъ «высшее» и «низшее», то должно существовать и то, что дѣлаетъ высшее—высшимъ, а низшее — низшимъ. Когда мы говоримъ о двухъ какихъ-нибудь вещахъ, что одна изъ нихъ дороже, а другая дешевле, то мы, собственно говоря, утверждаемъ этимъ, что одна вещь можетъ быть куплена за большую сумму денегъ, а другая — за меньшую сумму. Такимъ образомъ, слова «дороже» и «дешевле» имѣютъ смыслъ только, какъ показатели того, большая или меньшая сумма денегъ будетъ считаться эквивалентною данной вещи. Мѣриломъ дороговизны является, слѣдовательно, количество денегъ. Но въ чемъ заключается мѣрило «высшаго» и «низшаго» у г. Соловьева? *На это мы не находимъ у него опредѣленнаго отвѣта.* Самый общій отвѣтъ, который даетъ по этому поводу г. Соловьевъ, заключается въ утвержденіи, что «духовное» выше «плотскаго». Но, вѣдь, это не отвѣтъ, а только отсрочка отвѣта. Ибо весь вопросъ и заключается въ томъ, *почему* духовное выше плотскаго; въ чемъ заключается мѣрило возвышенности; что такое то *абсолютно цѣнное*, количествомъ котораго опредѣляется достоинство явленій? И *почему именно считаемъ мы его абсолютно цѣннымъ?* На всѣ эти вопросы г. Соловьевъ не даетъ отвѣта. Онъ, повидимому, совершенно ошибочно понимаетъ задачу философа. Проповѣдникъ имѣетъ право пользоваться безъ критики общепризнаннымъ взглядомъ на духовное, какъ болѣе высокое, и плотское, какъ болѣе низкое; онъ можетъ, не касаясь вопроса о томъ, почему духовное выше плотскаго, рисовать передъ своими слушателями картину борьбы этихъ двухъ началъ и увѣщевать ихъ не поддаваться соблазнамъ плоти. Но философъ прежде всего обязанъ дать себѣ отчетъ, почему мы считаемъ духовное выше плотскаго. Философъ не имѣетъ права отвѣчать на данный вопросъ такъ, какъ это дѣлаетъ г. Соловьевъ, говоря: «нельзя сомнѣваться, что ясное сознаніе выше темнаго ощущенія, что разумный принципъ достойнѣе слѣпого инстинкта, что духовное самообладаніе лучше, чѣмъ самозабвеніе въ физическомъ процессѣ» (стр. 65). Конечно, въ этомъ нельзя сомнѣваться; но дѣло въ томъ, что наука и философія именно и занимаются сплошь и рядомъ такими явленіями, въ которыхъ «нельзя сомнѣваться». Нельзя сомнѣваться, что камень, брошенный въ воду, опустится на дно; но наука все-таки, занялась вопросомъ, почему камень опускается на дно. Нельзя сомнѣваться, что сухое дерево при соприкосновеніи съ

огнемъ загорится, а желѣзо не загорится; но почему дерево горитъ, а желѣзо не горитъ,—объ этомъ тоже наука полюбопытствовала узнать. Нельзя, наконецъ, сомнѣваться, что мы видимъ, слышимъ, осязаемъ, но всетаки проблемма воспріятія внѣшняго міра считается необычайно важною и трудною.

Однако, всѣ эти сравненія слишкомъ блѣдны. Ибо физика имѣетъ много задачъ сверхъ вопроса объ удѣльномъ вѣсѣ; химіи достаточно дѣла и помимо теоріи горѣнія; — но нравственная философія, которая не занимается рѣшеніемъ вопроса о томъ, почему извѣстное явленіе «выше», «достойнѣе», «лучше» другого, которая признаетъ это само собою понятнымъ,—такая философія утрачиваетъ право на существованіе. Ибо вопросъ о критеріи добра и зла есть основной вопросъ нравственной философіи: внѣ его и внѣ вопросовъ, съ нимъ связанныхъ, нравственная философія не можетъ имѣть никакихъ задачъ.

Все нравственное ученіе г. Соловьева можно формулировать слѣдующимъ образомъ. Наше «духовное начало» сознаетъ свое превосходство надъ тѣлеснымъ міромъ, свое равенство съ «духовнымъ началомъ» другихъ людей и свое несовершенство передъ Божествомъ. Поэтому оно обязано обуздывать низшее начало и «стыдиться» случаевъ поблажки этому низшему началу; затѣмъ оно должно «жалѣть» равныхъ себѣ и благоговѣть передъ высшимъ.

Мы не будемъ долго останавливаться на вопросѣ о возникновеніи чувства долга; мы замѣтимъ только, что у г. Соловьева этотъ вопросъ совершенно не выясненъ. Положимъ, наше «духовное начало» познаетъ извѣстныя свойства, присущія матеріи, людямъ и божеству; почему же вслѣдствіе этого оно обязано стыдиться, жалѣть и благоговѣть? Чисто познавательный актъ вдругъ превращается у г. Соловьева въ актъ волевой. Сдѣланный здѣсь авторомъ скачекъ особенно станетъ яснымъ при попыткѣ вывести обязательность «жалости» къ людямъ изъ сознанія ихъ «равенства» съ нами. Мое «духовное начало» можетъ вполнѣ ясно сознавать, что ваши «духовныя начала» совершенно равны ему самому, и, тѣмъ не менѣе, оно можетъ задать себѣ вопросъ: а почему я обязанъ жалѣть эти чуждыя мнѣ «духовныя начала»? Эволюціонная философія предлагаетъ свое объясненіе происхожденія чувства долга и обязательства. Г. Соловьевъ, конечно, находитъ это объясненіе недостойнымъ истинной философіи, но, къ сожалѣнію, онъ не пытается дать свое объясненіе, вѣроятно, потому, что относительно этого вопроса опять «нельзя сомнѣваться»...

Скачекъ, сдѣланный въ данномъ случаѣ г. Соловьевымъ, въ значительной мѣрѣ замаскированъ тѣмъ обстоятельствомъ, что термины: «низшій», «равный» и «высшій» заключаютъ въ себѣ уже оцѣнку, т. е. элементъ чувства. Такимъ образомъ, «духовное начало» г. Соловьева сразу и познаетъ извѣстные признаки и оцѣниваетъ эти признаки, какъ характеризующіе, положимъ, дру-

гое равное ему «духовное начало», и чувствуетъ обязанность жалѣть это чуждое ему начало.

Этимъ оно, конечно, очень облегчаетъ трудъ построенія нравственной философіи. Ибо, такимъ образомъ, оба основные вопроса нравственной философіи: вопросъ о критеріи добра и зла и вопросъ о возникновеніи чувства долга,—оба эти вопроса находятъ неожиданное и весьма простое разрѣшеніе: оказывается, что намъ дано непосредственное сознаніе «нормальности» стыда, жалости и религіознаго чувства, «что въ этихъ чувствахъ, представляющихъ *добрую природу*, изначала стремящуюся къ тому, что *должно»*, дано «тріединое» основаніе нравственной жизни (стр. 638, уже цитировано выше). Наше «духовное начало» непосредственно познаетъ, что есть нѣчто «низшее» его, «равное» ему и «высшее», чѣмъ оно, и что *нормальное* отношеніе будетъ заключаться въ томъ, чтобы относиться къ низшему, какъ къ низшему, къ равному, какъ къ равному, а къ высшему, какъ къ высшему, т. е., говоря короче, чтобы поступать сообразно съ природою вещей.

Ученіе о томъ, что нравственное поведеніе заключается въ согласованіи съ «природою вещей», какъ извѣстно, весьма старо и, къ сожалѣнію, совершенно безсодержательно. Утверждая, въ сущности, только то, что А есть А, что поступать слѣдуетъ такъ, какъ слѣдуетъ поступать, оно, однако, благодаря своей формальной непреложности, можетъ очаровывать умы, неспособные разгадать его безсодержательность.

И предложенный г. Соловьевымъ варіантъ этого стараго ученія является только замаскированной разработкой той-же темы, того же утвержденія, что поступать слѣдуетъ такъ, какъ слѣдуетъ поступать. Подобныя чисто словесныя рѣшенія вопросовъ, между прочимъ, опасны еще и тѣмъ, что, будучи, повидимому, самоочевидными, они не останавливаютъ на себѣ нашего вниманія, благодаря чему нами могутъ быть усвоены термины, законность употребленія которыхъ еще не доказана. Такъ, напримѣръ, легко согласившись съ г. Соловьевымъ, что къ высшему нужно относиться, какъ къ высшему, а къ низшему—какъ къ низшему, читатель можетъ только удивляться необычайному остроумію автора, сумѣвшаго такую вполнѣ безсодержательную формулу превратить въ богатый рудникъ, давшій матеріалъ для построенія цѣлой системы. Однако, дѣло объясняется очень просто: употребивши термины «высшій» и «низшій», г. Соловьевъ, тѣмъ самымъ, молчаливо призналъ уже рѣшеннымъ основной вопросъ нравственной философіи. Ибо знать, что нравственно выше и что нравственно ниже, мы можемъ только тогда, когда мы знаемъ уже, что такое добро и зло, когда мы имѣемъ критерій добра и зла.

Мы употребили выраженія: «нравственно выше» и «нравственно ниже», вслѣдствіе чего и сдѣлалось совершенно очевиднымъ, что для рѣшенія вопроса, что выше и что ниже, нужно предвари-

тельно знать, что такое добро и зло. Однако, г. Соловьевъ говоритъ просто: «выше» и «ниже», а въ цитированномъ уже нами отрывкѣ онъ даетъ образчикъ своего пониманія терминовъ «выше» и «ниже», говоря: «нельзя сомнѣваться, что ясное сознаніе выше темнаго ощущенія, что разумный принципъ достойнѣе слѣпого инстинкта» (стр. 65). Такимъ образомъ, здѣсь мѣриломъ достоинства являются, дѣйствительно, факторы, не включающіе въ себѣ понятія добра и зла, но, зато, тогда дѣлается совершенно непонятнымъ и ничѣмъ не обоснованнымъ переходъ отъ признанія чисто интеллектуальныхъ свойствъ извѣстнаго существа къ сознанію необходимости питать къ нему извѣстныя нравственныя чувства. Въ самомъ дѣлѣ, вообразимъ себѣ существо, въ высочайшей степени могущественное и въ высочайшей степени одаренное всѣми духовными качествами, за исключеніемъ доброты, которая у него не только совершенно отсутствуетъ, но которая замѣнена еще безграничной злобою. Сочтетъ-ли г. Соловьевъ себя обязаннымъ относиться съ «религіознымъ чувствомъ» къ этому, безспорно и во всѣхъ отношеніяхъ (за исключеніемъ чисто нравственной точки зрѣнія) болѣе высокому, чѣмъ онъ самъ, существу? Во избѣжаніе недоразумѣній замѣчу, что я говорю здѣсь не о діаволѣ, какъ его понимаетъ христіанство, а о нѣкоторомъ гипотетическомъ духѣ зла, будемъ-ли мы называть его Ариманомъ, или какъ угодно иначе. Ибо въ первомъ случаѣ г. Соловьевъ могъ-бы указать мнѣ стр. XXIX своей книги, на которой онъ (основываясь на словахъ апостола Павла: «развѣ вы не знаете, что мы будемъ судить и ангеловъ») провозглашаетъ, что «намъ подсудно и небесное». Вслѣдствіе чего онъ, конечно, заявитъ, что считаетъ себя ни чуть не ниже діавола и признаетъ только обязанность жалѣть его. Но я беру чисто гипотетическій случай: я спрашиваю г. Соловьева, счелъ-ли бы онъ себя обязаннымъ относиться съ религіознымъ чувствомъ ко всемогущему духу зла? Едва-ли онъ рѣшится заявить, что готовъ записаться въ число поклонниковъ злого духа, если только убѣдится, что этотъ злой духъ дѣйствительно такъ могущественъ.

Такимъ образомъ, мы ставимъ передъ г. Соловьевымъ такую альтернативу: онъ долженъ признать или то, что термины «выше» и «ниже» обозначаютъ у него: «нравственно выше» и «нравственно ниже»; тогда онъ будетъ виновенъ въ томъ, что въ основу своей нравственной философіи, задача которой прежде всего состоитъ въ рѣшеніи вопроса, что такое добро и что такое зло, — онъ кладетъ признаніе того, что этотъ вопросъ о добрѣ и злѣ уже рѣшенъ.— Или-же онъ долженъ заявить, что термины «выше» и «ниже» не имѣютъ у него никакого отношенія къ нравственной оцѣнкѣ; тогда является совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ и почему возникаютъ чисто нравственныя отношенія къ этому высшему и низшему; не говоря уже о томъ, что, какъ мы видѣли, при подобномъ толкованіи терминовъ: «выше» и «ниже», г. Соловьеву при-

дется или впасть въ противорѣчіе съ самимъ собою, или записаться въ число поклонниковъ злого духа.

Но этимъ еще не исчерпываются недостатки нравственной формулы г. Соловьева. Мы видѣли, что онъ объявилъ (на стр. 638) стыдъ, жалость и религіозное чувство «тріединою» основою нравственности. Но если мы, не раздѣляя съ г. Соловьевымъ вкуса къ чисто словеснымъ рѣшеніямъ вопросовъ, захотимъ отыскать не «тріединое», а просто единое въ этихъ трехъ проявленіяхъ нравственности; если мы захотимъ узнать, что общаго имѣютъ между собою стыдъ, жалость и религіозное чувство; — то передъ нами развернется довольно печальная картина хаоса, прикрытаго только этикеткою: «тріединое».

Въ самомъ дѣлѣ, сравнимъ, напримѣръ, чувство жалости и чувство стыда. Жалость есть первичное чувствованіе: видъ страждущаго человѣка или животнаго вызываетъ у насъ состраданіе, или жалость; стыдъ-же есть чувство сложное: чтобы стыдиться чего-нибудь, мы должны имѣть сознаніе, что оно противорѣчитъ нашему достоинству. Затѣмъ, жалость есть чувство, направленное внѣ насъ: мы жалѣемъ кого-нибудь, сострадаемъ кому-нибудь; стыдъ же есть чувство, направленное внутрь насъ самихъ: мы можемъ стыдиться только своихъ собственныхъ поступковъ (стыдъ за другого есть или чистая метафора, или результатъ отраженнаго вліянія на насъ чужихъ поступковъ; такъ, если членъ моей семьи опозорилъ себя, то я могу почувствовать стыдъ, что принадлежу къ подобной семьѣ). Религіозное чувство отличается отъ стыда тѣмъ, что направлено внѣ насъ, а не внутрь насъ; а отъ жалости отличается своею сложностью: необходимостью оцѣнки и признанія превосходства надъ нами. Но если мы, оставивши безъ вниманія разнородность элементовъ «тріединаго» основанія нравственности, захотимъ узнать, какимъ образомъ, всетаки, у г. Соловьева объединяются эти три чувства, то увидимъ, что они объединяются вслѣдствіе того, что каждое изъ нихъ указываетъ на необходимость поступать сообразно съ природою вещей. Въ самомъ дѣлѣ, указаніе стыда на то, что съ низшимъ слѣдуетъ поступать, какъ съ низшимъ; указаніе жалости на то, что съ равнымъ нужно поступать, какъ съ равнымъ; наконецъ, указаніе религіознаго чувства на то, что съ высшимъ слѣдуетъ поступать, какъ съ высшимъ;—всѣ эти три указанія могутъ быть объединены только формулою, что съ каждымъ нужно поступать сообразно съ его природою, т. е., что, вообще, слѣдуетъ поступать сообразно съ природою вещей.

Такимъ образомъ, когда намъ удалось разсѣять тотъ туманъ, которымъ г. Соловьевъ окуталъ свое ученіе, то оказалось, что это ученіе есть не что иное, какъ новый варіантъ стараго и совершенно безсодержательнаго ученія о томъ, что нравственнымъ поведеніемъ является такое поведеніе, когда поступаютъ сообразно съ природою вещей.

—

Положивши въ основу своего ученія совершенно безсодержательную формулу, изъ которой якобы сами собою вытекаютъ и познаніе добра и зла, и сознаніе необходимости слѣдовать по доброму пути, т. е., покончивши такъ легко и быстро и съ критеріемъ добра и съ чувствомъ долга, г. Соловьевъ, конечно, имѣлъ достаточно свободнаго времени, чтобы заняться чисто декоративною частью ученія. И онъ съ большимъ стараніемъ занялся постановкою (mise en scène) своей этической мистеріи. Читатель найдетъ не мало интересныхъ картинокъ, изображающихъ—какъ дѣйствуетъ «тріединое» начало, ну, хотя бы въ формѣ стыда, т. е., въ данномъ случаѣ, изображающихъ то, какъ высшее обуздываетъ низшее. «Духовное начало», сознавая свое превосходство надъ «животною природою», стыдится ея. «Самому яркому и сильному проявленію этой (животной) природы духъ человѣческій, даже на очень низкихъ степеняхъ развитія, противопоставляетъ сознаніе своего достоинства: мнѣ стыдно подчиняться матеріальному влеченію, мнѣ стыдно быть, какъ животное» (стр. 59), Но человѣкъ надѣленъ, конечно, не однимъ только половымъ стыдомъ; онъ стыдится, вообще, всѣхъ «похотей плоти»: онъ долженъ стыдиться даже такой похоти плоти, какъ дыханіе. «Сознаніе этого издревле и повсюду повело къ различнымъ аскетическимъ пріемамъ относительно дыханія. Практику и теорію такихъ упражненій мы находимъ и у индійскихъ отшельниковъ, и у кудесниковъ древнихъ и позднѣйшихъ, и у монаховъ Аѳона и другихъ монастырей того же типа, и у Сведенборга, а въ наши дни—у Томаса Лэк-Гарриса и у Лоренса Олифанта... Нѣкоторый контроль воли надъ дыханіемъ требуется уже простою благовоспитанностью. Аскетическія цѣли только побуждаютъ идти далѣе по этому пути. Постепеннымъ упражненіемъ легко достигнуть того, чтобы не дышать ртомъ ни во время бодрствованія, ни во снѣ, а затѣмъ, дальнѣйшимъ шагомъ будетъ умѣнье удерживать всякое дыханіе на болѣе или менѣе продолжительное время» (стр. 71—2).

Однако, если «духовное начало», сознавая свое превосходство надъ «животною природою», стыдится этой природы, то почему оно не стыдится природы чисто физической. Вѣдь, «животная природа» «выше» природы чисто физической, это признаетъ и самъ г. Соловьевъ. Почему же человѣкъ не имѣетъ, такъ сказать, геометрическаго стыда? Почему онъ не стыдится «похоти» матеріальной своей природы, желающей непремѣнно занимать пространство о трехъ измѣреніяхъ, подобно какому-нибудь «самодовольному камню»? Нѣкоторые великіе мистики имѣли даже и этотъ геометрическій стыдъ: они стыдились своей тѣлесности. Но г. Соловьевъ не рѣшается идти такъ далеко: въ качествѣ уступки нашему матеріалистическому времени, онъ готовъ обнаружить геометрическое безстыдство...

Впрочемъ, вообще аскетизмъ г. Соловьева изъ довольно умѣ-

ренныхъ. Такъ, оказывается, что «истинный аскетизмъ, т. е., духовное обладаніе плотью, ведущее къ воскресенію жизни, имѣетъ два пути: *монашество и бракъ*» (стр. 557). Ибо «въ истинномъ бракѣ естественная половая связь не уничтожается, а пресуществляется» (стр. 559). «Бракъ остается удовлетвореніемъ половой потребности, только сама эта потребность относится уже не ко внѣшней природѣ животнаго организма, а къ природѣ очеловѣченной и ждущей обожествленія. Выступаетъ огромная *задача*, разрѣшаемая только постояннымъ *подвигомъ*, который въ борьбѣ съ враждебною дѣйствительностью можетъ побѣдить, лишь пройдя черезъ *мученичество*» (стр. 560).

Сверхъ того, г. Соловьевъ благоразумно предупреждаетъ читателей, что «аскетизмъ, который освобождаетъ духъ отъ страстей постыдныхъ лишь для того, чтобы тѣмъ крѣпче связать его страстями злыми, очевидно, есть ложный, или безнравственный аскетизмъ; его первообразомъ, по христіанскимъ понятіямъ, слѣдуетъ признать діавола, который не ѣстъ, не пьетъ, не спитъ и пребываетъ въ безбрачіи» (стр. 83).

Для того, чтобы дать полное понятіе о взглядѣ г. Соловьева на половыя отношенія, мы приведемъ еще слѣдующее мѣсто изъ его книги: «Если высшая Премудрость, по всегдашнему своему обыкновенію—извлекать изъ зла большее добро, пользуется нашими плотскими грѣхами для усовершенствованія человѣчества посредствомъ новыхъ поколѣній, то это, конечно, служитъ къ ея славѣ, а нашему утѣшенію, но не оправданію. Вѣдь такимъ же образомъ поступаетъ она и со всякимъ другимъ зломъ, чѣмъ, однако, ни различеніе добра отъ зла, ни обязательность для насъ перваго нисколько не упраздняются. Полагать-же, что проповѣдь полового воздержанія, хотя-бы самая энергическая и успѣшная, можетъ *преждевременно* прекратить физическое размноженіе человѣческой породы и привести ее къ гибели, есть мнѣніе столь нелѣпое, что по справедливости слѣдуетъ усомниться въ его искренности. Едва ли можетъ кто-либо серьезно бояться опасности для человѣчества именно съ этой стороны. Пока для обновленія человѣческаго рода необходима смѣна поколѣній, охота къ произведенію этой смѣны навѣрное не оскудѣетъ въ людяхъ» (стр. 78).

Въ этой цитатѣ нельзя не отмѣтить слѣдующей характерной подробности: проповѣдникъ аскетизма утѣшаетъ себя мыслію, что, *къ счастію*, его проповѣдь не можетъ быть особенно успѣшною, и въ то же время, находя, что «смѣна поколѣній» теперь еще необходима, онъ всетаки порочитъ творцовъ этой необходимой смѣны, хотя и порочитъ-то онъ ихъ только потому, что убѣжденъ, что они не испугаются его порицаній и не прекратятъ «*преждевременно*» «смѣну поколѣній»!

Такова общая часть нравственной философіи г. Соловьева. Но значительная доля его книги посвящена прикладнымъ вопро-

самъ вродѣ: «смыслъ войны», «нравственность и право», «уголовный вопросъ съ нравственной точки зрѣнія», «экономическій вопросъ съ нравственной точки зрѣнія». Мы не будемъ разбирать этихъ отдѣловъ книги не только потому, что для этого понадобилось-бы очень много мѣста, но также и потому, что авторъ трактуетъ здѣсь о предметахъ, повидимому, ему весьма мало извѣстныхъ.

Для подтвержденія своихъ словъ слегка познакомимъ читателей съ главою: «экономическій вопросъ съ нравственной точки зрѣнія». Уже одно примѣчаніе на стр. 446, гласящее: «Опроверженіе марксизма со стороны логической и политико-экономической, см. у Л. З. Слонимскаго и К. Ѳ. Головина», уже одно это примѣчаніе позволяетъ предугадывать, какого калибра можетъ оказаться экономистъ, для котораго даже гг. Слонимскій и Головинъ кажутся лицами авторитетными.

И дѣйствительно, вотъ какого рода разсужденіями наполнена экономическая часть ученія г. Соловьева: «Соціалисты и ихъ видимые (?) противники—представители плутократіи—безсознательно подаютъ другъ другу руку въ самомъ существенномъ. Плутократія своекорыстно подчиняетъ себѣ народныя массы, распоряжается ими въ свою пользу, потому что видитъ въ нихъ лишь рабочую силу, лишь производителей вещественнаго богатства; соціализмъ протестуетъ противъ такой «эксплуатаціи», но этотъ протестъ поверхностенъ, лишенъ принципіальнаго основанія; ибо самъ соціалистъ признаетъ въ человѣкѣ только экономическаго дѣятеля, а въ этомъ качествѣ нѣтъ ничего такого, что *по существу* должно бы было ограждать человѣка отъ всякой эксплуатаціи» (стр. 445). Что изслѣдователи экономическихъ явленій разсматриваютъ человѣка только со стороны его экономической дѣятельности, это не только ихъ право, но даже ихъ обязанность, какъ обязанность геометра разсматривать всякое тѣло только съ геометрической точки зрѣнія (не касаясь, напримѣръ, ни его химическаго состава, ни его мѣновой цѣнности, ни его эстетическихъ свойствъ). Но если г. Соловьевъ думаетъ, что соціалисты не видятъ въ человѣкѣ ничего, кромѣ рабочей силы, то пусть онъ обратится къ побѣжденному гг. Слонимскимъ и Головинымъ Марксу: тамъ онъ найдетъ много страницъ, занятыхъ изображеніемъ духовныхъ бѣдствій, связанныхъ съ капиталистическимъ производствомъ.

Впрочемъ, мы съ г. Соловьевымъ говоримъ здѣсь (да и здѣсь ли только!?) на двухъ различныхъ языкахъ. Это легко видѣть изъ слѣдующаго изложенія г. Соловьевымъ своихъ экономическихъ воззрѣній: «по ходячимъ понятіямъ цѣль экономической дѣятельности есть увеличеніе богатства. Но цѣль самого богатства,—если только не становиться на точку зрѣнія «скупого рыцаря», есть обладаніе полнотою физическаго существованія. Эта полнота, безъ сомнѣнія, зависитъ отъ отношенія человѣка къ матеріальной природѣ, и тутъ намъ предстоятъ два пути: или *своекорыстно эксплуатировать*

земную природу, или съ любовью воспитывать ее (курсивъ нашъ). Первый, изведанный путь не остался безъ косвенной пользы для умственнаго развитія человѣка и его внѣшней культуры, но главная цѣль имъ не можетъ быть достигнута. Природа поверхностно уступаетъ человѣку, отдаетъ ему видимость господства надъ собою, *но мнимые клады, добытые насиліемъ* (?!), *не приносятъ счастія и разсыпаются какъ перегорѣвшій уголь* (курсивъ нашъ). Обезпечить свое дѣйствительное матеріальное благосостояніе, т. е., прежде всего исцѣлить свою физическую жизнь и дать ей безсмертіе человѣкъ не можетъ путемъ внѣшней эксплуатаціи земныхъ силъ. А внутренно овладѣть природою онъ не можетъ, не зная ея истиннаго существа» (стр. 629).

Мы восхищаемся поэтической метафорой Лермонтова:

И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
Врѣжетъ страшный путь.

Но когда эта поэтическая метафора понимается à la lettre, когда является экономическое ученіе, протестующее противъ «насилія» надъ природою и требующее, чтобы «мѣдь и злато» добывались при помощи *воспитанія съ любовью*, тогда намъ остается, развѣ, одно: попросить автора написать уставъ института для воспитанія благородныхъ горъ!

П. Мокіевскій.

Дневникъ журналиста.

О литературныхъ конвенціяхъ и международномъ союзѣ.

I.

Въ послѣднее время въ нашу печать снова начали проникать слухи о возбужденіи французской дипломатіей вопроса, столько разъ уже возбуждавшагося французами, но доселѣ безуспѣшно, благодаря явному нерасположенію русскаго общественнаго мнѣнія и русской печати. Рѣчь идетъ о заключеніи франко-русской конвенціи для охраны литературной и артистической собственности, иначе говоря, для стѣсненія русской прессы и русскаго книгоиздательства въ правахъ перевода, передѣлки, компиляціи, извлеченія тѣхъ или другихъ мѣстъ французскихъ литературныхъ, научныхъ и художественныхъ произведеній. Съ этимъ связано вмѣстѣ съ тѣмъ такое-же стѣсненіе права представленія французскихъ драмъ, комедій и оперъ, испол-

ненія французскихъ музыкальныхъ пьесъ, воспроизведенія французскихъ рисунковъ, чертежей, плановъ и. т. д. За это стѣсненіе въ пользованіи плодами французской мысли и французскаго творчества намъ предлагается, конечно, такая же взаимность, такое же стѣсненіе французовъ въ пользованіи плодами русской мысли и русскаго творчества.

Конечно, нечего и говорить, что эти взаимныя стѣсненія далеко не равны цѣной и не равнаго значенія. Стѣсненіе для русскихъ доступа къ плодамъ французской культуры равнозначительно стѣсненію доступа къ культурѣ вообще. Французская культура занимаетъ слишкомъ важное и значительное мѣсто. Съ другой стороны, наши культурные успѣхи еще такъ невелики сравнительно, что не только стѣснить доступъ къ этимъ успѣхамъ, но даже его совсѣмъ лишить не было бы крупною потерею для французовъ. Взаимность оказывается далеко не взаимною. Французы не замѣтятъ стѣсненія. Намъ же пришлось-бы въ значительной степени перестраивать весь обиходъ нашей культурной жизни, установившагося режима нашей періодической печати, нашего книгоиздательства, нашего театра, нашего бюджета на удовлетвореніе литературныхъ и художественныхъ потребностей. Гонораръ французскому писателю при переводѣ, французскому драматургу при представленіи, французскому композитору при исполненіи его пьесы, францускому художнику при воспроизведеніи его рисунка неминуемо поднимутъ въ значительной степени цѣну книги, театра, концерта, иллюстраціи. И поднимутъ не на стоимость гонорара, но еще болѣе того на стоимость прибыли издателей и исполнителей монополистовъ, пріобрѣтшихъ права отъ живущихъ во Франціи авторовъ.

Теперь я не касаюсь вопроса о томъ, справедливо-ли это? И желательно-ли съ принципіальной точки зрѣнія? Я хочу только указать на тѣ крупныя измѣненія, которыя внесла бы конвенція въ нашу культурную жизнь. Вздорожаніе удовлетворенія всѣхъ культурныхъ потребностей нашихъ—вотъ прямое и неизбѣжное послѣдствіе присоединенія Россіи къ режиму международныхъ литературныхъ конвенцій. И вздорожаніе, далеко превышающее сумму гонорара, которую иностранные авторы получатъ изъ Россіи. Прибыль монополиста издателя будетъ всегда выше гонорара автора. И теперь издатели переводныхъ произведеній имѣютъ прибыли, но, во-первыхъ, уровень этихъ прибылей регулируется конкуренціей, а во-вторыхъ, при дешевизнѣ переводной книги, прибыль выручается отъ болѣе широкаго ея распространенія, малыми дозами съ большаго числа экземпляровъ. При режимѣ литературныхъ конвенцій, при вздоражавшей книгѣ, уменьшится ея распространеніе. и прибыль надо будетъ выручать большими дозами съ меньшаго числа экземпляровъ. Книга вздорожаетъ еще больше.

Таковы послѣдствія режима литературныхъ конвенціей для публики, для культурнаго общества. Не менѣе значительны послѣдствія

и для самой литературы. Переводная книга и переводная статья вздорожають, и разница между ихъ цѣною и цѣною оригинальной книги и оригинальной статьи исчезнетъ. Это можетъ поощрить развитіе оригинальной литературы, но вмѣстѣ съ тѣмъ сильно сократить литературу переводную. Между тѣмъ, почти всѣ наши книгоиздательскія фирмы всю свою дѣятельность приспособили къ снабженію рынка литературою переводною. На этой возможности широкаго пользованія дешевою переводною литературою основана и организація журнальнаго дѣла. Благодаря этой же возможности существуетъ обширный классъ интеллигентныхъ рабочихъ переводчиковъ и компиляторовъ иностранной книги и иностранной статьи. И этихъ немногихъ словъ довольно, что бы понять значеніе того переворота, который можетъ сдѣлать въ нашей жизни присоединеніе Россіи къ режиму международныхъ литературныхъ конвенцій.

Хорошо это, или дурно? Справедливо, или нѣтъ? Повредитъ-ли это русскому просвѣщенію, или, напротивъ того, будетъ содѣйствовать его самобытному расцвѣту? На этихъ вопросахъ мы теперь не остановимся. Теперь же мы должны только признать, что предъ нами стоитъ вопросъ не академическаго только, но крупнаго культурнаго значенія, обѣщающій внести въ нашу жизнь очень крупныя перемѣны и угрожающій русскому обществу, русскому книгоиздательству и русской рабочей интеллигенціи такою реформою обычнаго строя отношеній, которая можетъ очень чувствительно отразиться на нихъ, ихъ состояніи, ихъ потребностяхъ, ихъ средствахъ. Эти-то уже сложившіеся и установившіеся обширные интересы и многообразныя отношенія и должно имѣть постоянно въ виду при разсмотрѣніи вопроса о присоединеніи Россіи къ режиму международныхъ литературныхъ конвенцій. Приходится ломать строй очень важныхъ интересовъ и нарушать отношенія, при которыхъ устроился, трудится и содержится очень обширный классъ людей, вполнѣ заслуживающихъ вниманія по ихъ культурной дѣятельности среди нашей жизни, культурными начинаніями не богатой.

Конечно, таково значеніе присоединенія Россіи къ режиму литературныхъ международныхъ конвенцій вообще, а не заключенія такой конвенціи съ Франціей. Вѣдь главнымъ послѣдствіемъ такой сепаратной конвенціи было бы громадное сокращеніе перевода французскихъ книгъ и статей, представленія французскихъ драматическихъ пьесъ, исполненія французскихъ музыкальныхъ пьесъ, воспроизведенія французскихъ художественныхъ произведеній. Ихъ съ успѣхомъ замѣнили бы соотвѣтственныя произведенія англійскія и нѣмецкія, частью итальянскія, скандинавскія, испанскія. Французская мысль и французскій вкусъ получили бы сравнительно слабое распространеніе въ Россіи, уступая мѣсто англійской и нѣмецкой мысли, англійскому и нѣмецкому искусству. Это сокращеніе, если не прекращеніе, общенія между русскою и французскою культурою было бы страннымъ и довольно дикимъ послѣдствіемъ франко-рус-

ской дружбы. Пошлина на французскія идеи при ввозѣ ихъ въ Россію и безпошлинное обращеніе идей англійскихъ и нѣмецкихъ были бы страннымъ и довольно дикимъ выраженіемъ франко-русскаго единенія. Въ концѣ концовъ конкурренція безпошлиннаго англійскаго и нѣмецкаго литературнаго товара заставила бы и французскихъ авторовъ весьма и весьма понизить свои гонорары, весьма и весьма разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ отъ русскаго эльдорадо. Словомъ, сепаратная франко-русская литературная конвенція была бы столько же нелогична, сколько и мало дѣйствительна. Серьезно говорить можно не о такой сепаратной конвенціи, а о присоединеніи Россіи вообще къ режиму международныхъ литературныхъ конвенцій, къ международному союзу для охраны литературныхъ и художественныхъ произведеній, заключенному девятью государствами въ Бернѣ 9 сентября 1886 года (Union internationale pour la protection des oeuvres litteraires et artistiques).

Для вступленія въ этотъ союзъ достаточно простого заявленія Швейцарскому правительству, которое о томъ увѣдомляетъ всѣ остальныя союзныя государства. Вступать или не вступать въ этотъ союзъ, вотъ слѣдовательно вопросъ, который можно и должно подвергнуть серьезному и всестороннему обсужденію. Сепаратныя же конвенціи могутъ извратить естественное теченіе нашей культурной жизни, искусственно направивъ ее на общеніе съ націями, не связанными съ нами сепаратными конвенціями, или же не достигнуть цѣли, не обезпечатъ интересовъ иностранныхъ авторовъ. Мнѣ кажется, это очевидно и потому въ дальнѣйшемъ анализѣ вопроса я и не буду больше касаться собственно проектируемой франко-русской конвенціи.

II.

«Воздадимъ должное нашимъ дѣдамъ, говоритъ проф. Казанскій въ своей книгѣ *Международный союзъ для охраны литературно-артистической собственности,* воздадимъ должное нашимъ дѣдамъ! Они умѣли подняться на гордую высоту и заглянуть свѣтлымъ окомъ въ будущее. Какой-то свѣжестью и прелестью человѣчности и идеализма вѣетъ отъ ихъ воззваній къ международной честности, къ солидарности, взаимному уваженію народовъ. Знакомство съ ихъ идеями внушаетъ людямъ конца вѣка новое воодушевленіе и увѣренность». Это г. Казанскій говоритъ по поводу идей, высказанныхъ нѣкоторыми юристами и писателями 30-хъ и 40-хъ годовъ о необходимости международнаго объединенія охраны авторскихъ правъ. Хотя мы и не чувствуемъ такого воодушевленія къ идеѣ авторскаго права, какъ г. Казанскій, къ идеѣ весьма эгоистическаго порядка и никакъ не содѣйствующей просвѣщенію и культурѣ, тѣмъ не менѣе, если охрана однажды уже признана необходимою и справедливою, ея объединеніе въ международномъ со-

глашенія не можетъ не вызвать принципіальнаго сочувствія, потому что отказывать иностранцу въ томъ, что признали справедливымъ для своихъ, никогда не можетъ быть признано справедливымъ. Древность клала цѣлую бездну между гражданиномъ и иностранцемъ. Послѣдній былъ только гость. Современность давно оставила этотъ взглядъ и постепенно уравниваетъ иностранца и гражданина во всѣхъ ихъ гражданскихъ правахъ, строго отличая ихъ только въ правахъ политическихъ. Уравненіе это происходитъ частью посредствомъ самостоятельнаго развитія національныхъ законодательствъ, частью въ силу международныхъ соглашеній. Сначала это были сепаратныя конвенціи, позднѣе перешли къ обширнымъ, частью даже всемірнымъ международнымъ союзамъ. Заключаются такіе союзы не только съ цѣлью взаимной охраны правъ гражданъ, но и для совершенія общихъ культурныхъ дѣлъ и задачъ.

Первый подобный международный союзъ былъ заключенъ тридцать три года тому назадъ, въ 1864 году. Въ настоящее время насчитывается девять такихъ союзовъ, постепенно и незамѣтно превращающихъ *человѣчество* изъ отвлеченнаго понятія нашего разума и нашей совѣсти въ реальное организованное общественное тѣло. Всякому понятно громадное историческое значеніе этого организующаго и объединяющаго процесса и та великая будущность, которая ему принадлежитъ. Съ этой точки зрѣнія заключеніе всякаго новаго такого международнаго соглашенія является крупнымъ шагомъ впередъ, какъ и всякое увеличеніе числа націй, присоединяющихся къ уже состоявшимся соглашеніямъ. Оставаться внѣ этихъ организацій значитъ добровольно исключать себя изъ культурнаго человѣчества и умалять въ этомъ историческомъ процессѣ значеніе тѣхъ интересовъ, идей и задачъ, которыя преимущественно преслѣдуются націями, не вошедшими въ союзъ. На первыхъ порахъ кажется, что воздержаніе отъ союза и является лучшимъ средствомъ обезпечить самостоятельное развитіе своихъ интересовъ, идей и задачъ, но это только на первыхъ порахъ. Исторія продолжаетъ свое теченіе, усложняетъ интересы, сплетаетъ ихъ въ международный клубокъ, поддающійся только международному же разматыванію. И въ этотъ моментъ можетъ оказаться, что выработанный для того международный инструментъ мало пригоденъ именно для этой воздерживавшейся націи. Отъ воздержанія она раньше выигрывала, а теперь начинаетъ терять. Перестраивать инструментъ труднѣе, нежели сразу создавать по плану, приспособленному для всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ, для всего многообразія отношеній и положеній. Воздержаніе же нѣкоторыхъ заинтересованныхъ сторонъ уменьшаетъ, при выработкѣ плана, вниманіе къ нѣкоторымъ часто очень важнымъ отношеніямъ и задачамъ и въ результатѣ получается развитіе, болѣе или менѣе одностороннее.

Нѣчто подобное случилось и съ «Международнымъ союзомъ для охраны литературныхъ и художественныхъ произведеній». Россія,

Соединенные Штаты, Южно-американскія республики, все страны, заинтересованныя во ввозѣ иностранной литературы, искусства и науки, воздержались отъ участія въ союзѣ, основы котораго поэтому выработаны Франціей, Англіей, Германіей, Бельгіей и Швейцаріей, все странами, вывозящими литературу, искусство и науку. Естественно, если интересы вывозящихъ странъ получили на конференціяхъ перевѣсъ, а интересы странъ ввозящихъ недостаточно взвѣшены и разсмотрѣны. Въ значительной степени они прямо не замѣчены, просто остались неизвѣстны. Соединенные Штаты, напр., мотивировали свое уклоненіе отъ участія въ Союзѣ соображеніемъ, что такое участіе отразилось бы очень значительнымъ экономическимъ потрясеніемъ на значительномъ классѣ лицъ. Выше я уже указывалъ на то же самое въ случаѣ присоединенія Россіи къ режиму международной охраны литературной и художественной собственности. Для Соединенныхъ Штатовъ и для Россіи такое послѣдствіе несомнѣнно и притомъ довольно серьезнаго значенія. Для Франціи, Англіи или Германіи ничего подобнаго нельзя было ожидать, никакого экономическаго потрясенія ни для самаго ничтожнаго класса людей. Никакъ не сама идея признать за иностраннымъ авторомъ права на его произведенія и на извлеченіе изъ нихъ матеріальной выгоды является причиною вышеозначеннаго экономическаго потрясенія для странъ ввозящихъ, но, главнымъ образомъ, форма признанія этого права, видъ монополіи, даруемой авторамъ и собственникамъ ихъ произведеній. Монополія есть та форма, въ которой осуществляется право національныхъ авторовъ. Естественно, поэтому, что такая же монополія была предложена и на международныхъ конференціяхъ 1883—1886 годовъ, обсуждавшихъ вопросъ международной охраны авторскаго права. Она не противорѣчитъ интересамъ вывозящихъ странъ и не вызываетъ тамъ никакихъ кризисовъ. Она не соотвѣтствуетъ интересамъ ввозящихъ странъ и угрожаетъ имъ серьезными экономическими замѣшательствами. Голосъ этихъ послѣднихъ, однако, отсутствовалъ на совѣщаніяхъ культурныхъ націй по этому вопросу, который былъ рѣшенъ одними вывозящими націями. Поэтому, не сдѣлано было даже попытки поискать другихъ способовъ обезпечить авторское право, кромѣ монополіи. Она и стала закономъ международной жизни. Если же даже допустить, что монополія является лучшимъ способомъ обезпеченія авторскаго права, то многочисленные интересы многочисленныхъ классовъ ввозящихъ странъ, нарушаемые введеніемъ международной монополіи, требуютъ полнаго къ себѣ вниманія въ видѣ установленія болѣе или менѣе продолжительнаго переходнаго времени, въ теченіе котораго постепенно вводились бы новые порядки. И о такомъ переходномъ времени нѣтъ рѣчи ни въ Бернской конвенціи 9 сентября 1886 года, ни въ дополнительныхъ соглашеніяхъ. Этотъ переходный періодъ вовсе не нуженъ вывозящимъ странамъ.

Я упомянулъ только что о дополнительныхъ соглашеніяхъ. Надо

замѣтить, что всѣ они стремятся расширить и укрѣпить монополію. Россія и Соединенные Штаты продолжали и продолжають отсутствовать въ этихъ соглашеніяхъ культурныхъ націй. До поры до времени, это переразвитіе монопольнаго режима можетъ быть парировано Соединенными Штатами и Россіей посредствомъ системы воздержанія отъ Союза, но это только до поры до времени. Къ тому же совершенный отказъ въ охранѣ иностранному автору въ то время, когда эта охрана обезпечена національному автору, до такой степени противорѣчитъ общему сознанію всего цивилизованнаго міра, что воздержаніе и съ этой точки зрѣнія становится все менѣе возможно, все менѣе справедливо и желательно *). Не воздержаніе, слѣдовательно, а присоединеніе къ международному союзу для охраны авторскаго права должно бы стать задачею и Россіи, но присоединеніе на основаніяхъ, которыя согласовали бы интересы странъ вывозящихъ, создавшихъ Союзъ, съ интересами странъ ввозящихъ, отъ вступленія въ Союзъ уклоняющихся.

9 сентября 1886 года союзный договоръ подписали пять великихъ націй Европы: англичане, французы, нѣмцы, итальянцы и испанцы и два маленькихъ, но высоко культурныхъ народа: швейцарцы и бельгійцы. Кромѣ нихъ подписали Гаити, Либерія и Тунисъ, но эти подписи, конечно, никакого значенія имѣть не могли, да Либерія и не ратификовала договора. Ее вскорѣ замѣнилъ Люксембургъ. Первоначально, кромѣ Соединенныхъ Штатовъ и Россіи, отказались примкнуть къ союзу: Австрія, всѣ Балканскія государства, всѣ Скандинавскія, Голландія, Португалія, всѣ южно-американскія и центрально-американскія республики, Японія. Все это почти сплошь страны ввозящія. Однако, постепенно вступили въ союзъ еще, кромѣ уже упомянутаго Люксембурга, Монако, Черногорія и Норвегія. Имѣетъ серьезное значеніе единственно вступленіе послѣдней. Черногорія вступила въ союзъ, не имѣя еще собственнаго національнаго авторскаго права, да и авторовъ едва-ли больше, нежели въ Гаити или Тунисѣ, также числящихся членами Союза. Однако, большинство европейскихъ государствъ значительно смягчило свое отношеніе къ союзу и можно ожидать постепеннаго ихъ вступленія, постепеннаго принятія всѣми этими ввозящими странами основъ права, выработанныхъ странами вывозящими. Чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе, стало быть, своротить Союзъ съ его односторонняго направленія. Во всякомъ случаѣ, отсутствіе въ союзѣ большинства ввозящихъ странъ даетъ покуда еще возможность склонить вывозящія страны къ согласованію выработаннаго ими международнаго права съ правами, интересами и отношеніями, господствующими въ странахъ ввозящихъ. И мнѣ кажется, что это и должно быть въ данномъ вопросѣ задачею Соединенныхъ Штатовъ,

*) Законъ 1891 года въ Соед. Штатахъ и направленъ къ удовлетворенію этого сознанія. О немъ ниже.

Россіи, Австріи и другихъ странъ, еще не связавшихъ себя присоединеніемъ къ бернскому союзу въ томъ видѣ, въ какомъ онъ отлился въ конвенціи 9 сентября 1886 года и въ дополнительныхъ соглашеніяхъ на парижской конференціи, собиравшейся въ прошломъ 1896 году.

III.

Чтобы лучше оцѣнить желательное направленіе рекомендуемаго нами присоединенія Россіи къ бернскому союзу, ознакомимся теперь съ подлиннымъ актомъ этого союза, конвенціей 9 сентября. Мнѣ не случилось встрѣтить въ русской литературѣ полнаго перевода этой конвенціи и потому, быть можетъ, будетъ не лишнимъ привести здѣсь полный текстъ этого немногословнаго документа. Перевожу по французскому тексту, приведенному въ книгѣ Констана «Code général des droits d'auteur» (Paris, Pedone—Lauriel, 1888). Какъ не юристъ, прошу впередъ извиненія за возможныя неточности юридической терминологіи. По возможности, французскіе термины проставляю въ скобкахъ.

Текстъ конвенціи 9 сент. 1886 г.:

Статья 1. Договаривающіяся страны образуютъ союзъ (union) для охраны правъ авторовъ на ихъ произведенія, литературныя и художественныя (artistiques).

Статья 2. Авторы, происходящіе изъ одной изъ странъ союза, и лица, представляющія ихъ права (leurs ayants cause), пользуются въ другихъ странахъ союза, по отношенію къ своимъ произведеніямъ, изданнымъ и неизданнымъ, всѣми тѣми правами, которыя національное законодательство каждой страны признаетъ теперь или признаетъ впослѣдствіи за національными авторами.

Пользованіе авторскими правами обусловлено исполненіемъ всѣхъ требованій и формальностей, предписываемыхъ законами страны происхожденія даннаго произведенія. Пользованіе этими правами въ другихъ странахъ союза длится не дальше того срока, который обезпечивается законами страны происхожденія.

Страною происхожденія считается страна, гдѣ впервые опубликовано произведеніе, а если публикація была произведена одновременно въ нѣсколькихъ странахъ союза, то та изъ нихъ, въ которой срокъ охраны принятъ наименьшій.

Для неопубликованныхъ произведеній страною происхожденія почитается страна, къ которой принадлежитъ авторъ.

Статья 3. Постановленія настоящей конвенціи распространяются и на издателей литературныхъ и художественныхъ произведеній, опубликованныхъ въ одной изъ странъ союза, хотя бы ихъ авторы принадлежали странѣ, въ союзъ не вошедшей.

Статья 4. Подъ выраженіемъ «произведенія литературныя и художественныя» должно разумѣть: книги, брошюры и всякія другія письменныя работы (écrits); произведенія драматическія и музыкально-драматическія; музыкальныя композиціи со словами и безъ словъ; произведенія рисованія, живописи, ваянія, гравированія; литографіи, иллюстраціи, географическія карты; планы, кроки и пластическія произведенія, имѣющія отношенія къ географіи, топографіи, архитектурѣ и вообще къ наукамъ,

наконецъ все, что относясь къ области литературы, искусства и науки, могло бы быть опубликовано какими бы то ни было способами печатанія и воспроизведенія.

Статья 5. Авторы, происходящіе изъ одной изъ странъ союза, и лица, представляющія ихъ права, въ теченіе десяти лѣтъ со времени опубликованія ихъ произведенія въ одной изъ странъ союза, пользуются въ другихъ странахъ союза исключительнымъ правомъ перевода своего произведенія, а также дозволенія такого перевода на другіе языки.

Для произведеній, выходящихъ выпусками (livraisons), десятилѣтній срокъ исчисляется со времени выхода послѣдняго выпуска оригинальнаго труда.

По отношенію къ произведеніямъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ томовъ, выпускаемыхъ съ промежутками времени, а также по отношенію *Извѣстій* и *Записокъ* (bulletins et cahiers), публикуемыхъ учеными и литературными обществами и частными лицами, каждый томъ и каждая тетрадь почитаются, при исчисленіи десятилѣтняго срока, за отдѣльное произведеніе.

Для исчисленія срока охраны, установленной настоящей статьей, исходною датою признается 31 декабря того года, въ теченіе котораго было издано произведеніе.

Статья 6. Переводы, разрѣшенные согласно статьи пятой, пользуются затѣмъ охраною наравнѣ съ оригинальными произведеніями, а слѣдовательно и охраною, установленною статьями второю и третьею настоящей конвенціи, во всемъ, что относится къ ихъ воспроизведенію въ странахъ союза безъ надлежащаго разрѣшенія.

Само собою разумѣется, что если переведенное произведеніе принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя составляютъ предметъ общаго пользованія (domaine publique), то въ этомъ случаѣ его переводчикъ не имѣетъ права оспаривать право его перевода другими писателями.

Статья 7. Статьи, появляющіяся въ одной изъ странъ союза въ газетахъ или въ періодически издаваемыхъ сборникахъ, могутъ быть воспроизводимы въ другихъ странахъ союза, въ подлинникѣ или въ переводѣ, если только авторъ или издатель не запретилъ такого воспроизведенія спеціальнымъ о томъ заявленіемъ. По отношенію къ сборникамъ для этого достаточно общаго о томъ заявленія, печатаемаго во главѣ каждаго номера такого сборника.

Это запрещеніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ распространяться на статьи о текущей политикѣ (de discussion politique) или на воспроизведеніе новостей дня и всякихъ мелкихъ извѣстій (faits divers).

Статья 8. Что касается права изъ произведеній, литературныхъ и художественныхъ дѣлать извлеченія и заимствованія въ изданія, предназначенныя для учебныхъ цѣлей или имѣющія научное значеніе, а такъ же для хрестоматій, то въ этомъ случаѣ въ каждой странѣ союза примѣняется ея національное законодательство или тѣ сепаратныя на этотъ счетъ соглашенія между отдѣльными странами союза, которыя уже заключены или могутъ быть заключены впослѣдствіи.

Статья 9. Постановленія статей второй и третьей настоящей конвенціи примѣняются и къ публичнымъ представленіямъ произведеній драматическихъ и музыкально-драматическихъ, опубликованныхъ и не опубликованныхъ.

Авторы произведеній драматическихъ и музыкально-драматическихъ и лица, представляющія ихъ права, пользуются, въ теченіе предоставленнаго имъ срока, на исключительное право перевода своихъ произведеній, такимъ же исключительнымъ правомъ и на разрѣшеніе представленія своихъ переведенныхъ произведеній.

Постановленія статьи второй примѣняются равнымъ образомъ и къ

публичному исполненію музыкальныхъ произведеній, если они не опубликованы, или если авторомъ на заглавіи или во главѣ изданія заявлено, что публичное исполненіе безъ надлежащаго разрѣшенія воспрещено.

Статья 10. Въ число воспроизведеній, запрещаемыхъ настоящею конвенціей, входятъ и всяческія, безъ авторскаго разрѣшенія сдѣланныя, косвенныя присвоенія литературныхъ и художественныхъ произведеній, выпускаемыя подъ названіями приспособленій (adoptations), музыкальныхъ аранжировокъ и другими, если такое новое изданіе не имѣетъ характера новаго оригинальнаго труда, являясь простымъ воспроизведеніемъ, въ неизмѣненной или измѣненной формѣ, съ несущественными перемѣнами, добавленіями и сокращеніями.

Само собою разумѣется, что при примѣненіи настоящей статьи, суды разныхъ странъ союза будутъ, въ случаѣ надобности, принимать во вниманіе изъятія (réserves), установленныя въ ихъ національномъ законодательствѣ.

Статья 11. Впредь до представленія доказательства о противномъ, авторами охраняемыхъ настоящею конвенціей произведеній признаются и къ хожденію въ судахъ странъ союза для преслѣдованія контрафакціи допускаются лица, имена которыхъ выставлены, по обычаю (manière usitée), на произведеніяхъ.

Относительно произведеній анонимныхъ и псевдонимныхъ принимается, что издатель, имя котораго выставлено на изданіи, уполномоченъ защищать права, принадлежащія автору. Безъ всякихъ другихъ доказательствъ издатель признается законнымъ представителемъ правъ анонимнаго или псевдонимнаго автора.

Само собою разумѣется, что судамъ предоставляется требовать, въ случаѣ надобности, представленія удостовѣренія, выданнаго компетентною властью, въ томъ, что всѣ установленныя національнымъ законодательствомъ формальности были выполнены, какъ того требуетъ статья вторая настоящей конвенціи.

Статья 12. Каждое произведеніе, составляющее контрафакцію, можетъ быть задерживаемо при ввозѣ въ тѣ страны союза, въ которыхъ оно пользуется охраною.

Задержаніе производится согласно законамъ каждой страны.

Статья 13. Само собою разумѣется, что постановленія настоящей конвенціи не могутъ ни въ какомъ смыслѣ ограничивать права, принадлежащія правительству каждой страны союза дозволять, контролировать или запрещать, мѣрами законодательными и административными (de police intérieure), обращеніе, представленіе, или выставку всякаго произведенія, къ которому компетентная власть страны пожелала бы примѣнить эти права свои.

Статья 14. Настоящая конвенція, съ изъятіями и на условіяхъ, которыя опредѣляются съ общаго согласія, распространяетъ свою силу на всѣ произведенія, которыя, въ моментъ вступленія конвенціи въ силу, еще не стали предметомъ общаго пользованія въ странѣ ихъ происхожденія.

Статья 15. Само собою разумѣется, что правительства странъ союза удерживаютъ за собою право входить въ сепаратныя между собою соглашенія, поскольку такія соглашенія авторамъ и представителямъ ихъ правъ предоставляютъ права, болѣе обширныя, чѣмъ предоставленныя союзомъ, или поскольку они заключаютъ другія постановленія, не противорѣчащія настоящей конвенціи.

Статья 16. Въ качествѣ международнаго служебнаго органа (office international), учреждается „Бюро международнаго союза для охраны произведеній, литературныхъ и художественныхъ".

Это бюро, содержимое на средства всѣхъ странъ союза, состоитъ въ

вѣдѣнія (sous la haute autorité) высшей администраціи Швейцарскаго союза и функціонируетъ подъ ея контролемъ. Занятія бюро опредѣляются съ общаго согласія странъ союза.

Статья 17. Настоящая конвенція можетъ быть подвергнута пересмотру съ цѣлью ввести улучшенія, способныя усовершенствовать систему союза.

Вопросы этого рода, а также и всякіе другіе, въ другихъ отношеніяхъ касающіеся развитія союза, разрабатываются на конференціяхъ, которыя будутъ послѣдовательно созываться въ разныхъ странахъ союза изъ делегатовъ этихъ странъ.

Статья 18. Страны, которыя не приняли участія въ заключеніи настоящей конвенціи, но которыя у себя обезпечиваютъ законную охрану правъ, составляющихъ предметъ настоящей конвенціи, могутъ, по желанію, къ ней присоединиться.

Это присоединеніе совершается посредствомъ увѣдомленія о томъ, обращеннаго къ правительству Швейцарскаго союза, которое, съ своей стороны, увѣдомляетъ о состоявшемся присоединеніи всѣ остальныя страны союза.

Присоединеніе къ союзу влечетъ за собою принятіе въ полномъ объемѣ всѣхъ постановленій настоящей конвенціи и таковое же участіе во всѣхъ преимуществахъ, ею обезпечиваемыхъ.

Статья 19. Страны, присоединяющіяся къ настоящей конвенціи, могутъ во всякое время присоединить къ ней и свои колоніи, и внѣшнія владѣнія (possesions étrangères).

Для этого они могутъ: или сдѣлать одно общее заявленіе о включеніи всѣхъ ихъ колоній и владѣній въ союзъ; или особо перечислить нѣкоторыя, включаемыя въ союзъ; или же ограничиться перечисленіемъ только тѣхъ, которыя исключаются.

Статья 20. Настоящая конвенція приводится въ исполненіе черезъ три мѣсяца послѣ обмѣна ратификацій и сохраняетъ силу безсрочно, а для каждой отдѣльной страны союза впредь до истеченія одного года со дня ея заявленія объ выходѣ изъ союза. Заявленіе объ отказѣ обращается къ правительству, уполномоченному принимать присоединеніе. Отказъ имѣетъ силу только по отношенію къ странѣ, о немъ заявившей, а для остальныхъ странъ союза конвенція остается дѣйствительною.

Статья 21. Настоящая конвенція будетъ ратификована и обмѣнъ ратификацій состоится въ Бернѣ не позже, какъ въ годичный срокъ.

Конвенцію подписали, какъ сказано уже, представители десяти государствъ: Германіи, Бельгіи, Испаніи, Франціи, Великобританіи, Гаити, Италіи, Либеріи, Швейцаріи и Туниса.

Того же 9 сентября была подписана еще дополнительная статья, въ силу которой ранѣе заключенныя странами Союза сепаратныя конвенціи сохраняютъ свою силу, поскольку они даруютъ авторамъ права, болѣе обширныя, нежели Союзъ, и поскольку они не противорѣчатъ постановленіямъ бернской конвенціи.

Вмѣстѣ съ конвенціей и дополнительной статьей тѣми же странами было подписано еще два документа, именно Protocole de Clôture и Procès verbal de signature. Оба эти документа, вмѣстѣ взятые, устанавливаютъ порядокъ приведенія въ дѣйствіе конвенціи (преимущественно Protocole de Clôture) и составляютъ первые шаги къ такому приведенію (преимущественно Procès verbal de signature). Въ виду того, что для странъ ввозящихъ порядокъ перехода

къ новому режиму представляетъ первостепенную важность, а также и въ виду малаго знакомства у насъ съ Бернскимъ Союзомъ, ознакомимся съ содержаніемъ и этихъ добавочныхъ документовъ, опредѣлившихъ дѣятельность Союза.

Статья первая «Протокола закрытія» разъясняетъ недоразумѣніе, которое могла бы вызвать статья четвертая конвенціи по отношенію къ фотографіямъ, такъ какъ по этому вопросу существуетъ значительное разнообразіе въ національныхъ законодательствахъ. Признано, что иностранныя фотографіи тоже охраняются или не охраняются тамъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ и когда имѣютъ или не имѣютъ охраны національныя фотографіи. Всегда и всюду охраняются фотографіи съ охраняемыхъ произведеній.

Статья вторая дѣлаетъ тоже разъясненія относительно произведеній хореграфическихъ. Иностранныя произведенія имѣютъ тѣ же права, что и національные авторы.

Статья третья исключаетъ изъ понятія контрафакціи исполненія музыкальныхъ пьесъ шарманками и механическимъ способомъ вообще, впрочемъ, оговаривая частный характеръ такого исполненія и ничего не постановляя о публичномъ исполненіи.

Выше мы уже видѣли, что статья четырнадцатая конвенціи устанавливаетъ ея приведеніе въ исполненіе порядкомъ «съ общаго согласія странъ Союза». Статья четвертая «Протокола» должна была осуществить это согласіе. Она не видитъ никакихъ затрудненій, и шарманка конференцію занимала гораздо больше возможныхъ экономическихъ замѣшательствъ въ странахъ ввозящихъ, хотя она уже имѣла передъ собою категорическое о томъ мнѣніе Соединенныхъ Штатовъ. *Протоколъ* не устанавливаетъ никакихъ переходныхъ періодовъ, не разрѣшаетъ никакихъ временныхъ изъятій и льготъ, а предоставляетъ регулировать формальности (которыя только и замѣчаетъ) внутреннему законодательству каждой страны или ихъ сепаратнымъ соглашеніямъ.

Статья пятая *Протокола* занимается болѣе обстоятельнымъ установленіемъ организаціи и дѣятельности *Бюро Союза*. Внутренняя организація будетъ выработана швейцарскимъ правительствомъ. Оффиціальный языкъ французкій. Главное назначеніе—собираніе, сосредоточеніе и разработка всѣхъ свѣдѣній и данныхъ, относящихся къ предмету вѣдѣнія Союза. При Бюро издается періодическій органъ Союза. Расходы на Бюро и его труды и изданія покрываются странами Союза сообща, причемъ каждая страна опредѣляетъ, къ какому изъ установленныхъ классовъ по платежу доли расходовъ она себя причисляетъ. Всѣхъ категорій установлено шесть, причемъ каждая категорія или классъ заключаетъ опредѣленное число единицъ, сообразно этому числу и взимаются расходы. По числу этихъ расходныхъ единицъ классы представляютъ слѣдующій убывающій рядъ:

1-й классъ	25	единицъ
2-й »	20	»
3-й »	15	»
4-й »	10	»
5-й »	5	»
6-й »	3	»

«Эти коэффиціэнты, гласитъ *Протоколъ*, помножаются на число странъ каждаго класса. Сумма полученныхъ такимъ путемъ произведеній представитъ число единицъ, на которое общая сумма расходовъ и должна быть раздѣлена. Частное составитъ долю каждой единицы».

Общая сумма расходовъ опредѣлена въ шестьдесятъ тысячъ франковъ, и швейцарское правительство уполномочено ее расходовать авансомъ изъ своихъ средствъ.

Статья шестая *Протокола* опредѣляетъ, что слѣдующая конференція состоится въ Парижѣ черезъ четыре или шесть лѣтъ послѣ вступленія въ силу конвенціи.

Статья седьмая опредѣляетъ формальность ратификаціи и постановляетъ, что статьи *Протокола закрытія* имѣютъ равную силу съ самой конвенціей.

Procès-verbal de signature заключаетъ въ себѣ два пункта, составляющіе уже первый приступъ къ выполненію нѣкоторыхъ статей конвенціи и протокола, поскольку это возможно до ратификаціи договора. Статья девятнадцатая конвенціи предвидитъ присоединеніе колоній и внѣшнихъ владѣній. Статья первая Procès verbal de signature и заключаетъ въ себѣ обмѣнъ заявленій въ исполненіе указанной статьи конвенціи. Испанія отсрочила заявленіе до обмѣна ратификаціи. Франція присоединила къ Союзу всѣ свои колоніи. Такое же заявленіе сдѣлала и Англія, но удержала право во всякое время исключить изъ Союза нѣкоторыя колоніи и владѣнія, именно: Индію, Канаду, Ньюфоундлендъ, Капландію, Наталь, Новый Южный Уэльсъ, Викторію, Кинсландъ, Тасманію, Южную Австралію, Западную Австралію и Новую Зеландію.

Статья пятая *Протокола*, какъ мы только что видѣли, устанавливаетъ категорію странъ Союза по участію въ расходахъ. Статья вторая Procès-verbal заключаетъ заявленія объ избраніи класса. Въ первый классъ зачислили себя Германія, Франція, Италія и Англія; во второй классъ—Испанія; въ третій—Бельгія и Швейцарія; въ пятый—Гаити; и въ шестой—Тунисъ. Либерія отложила заявленіе о классѣ. Я уже замѣтилъ, что Либерія не приняла участія въ ратификаціи и выбыла изъ Союза.

Обмѣнъ ратификацій состоялся въ Бернѣ 7 сентября 1887 года, при этомъ Испанія распространила конвенцію на всѣ колоніи. Конвенція вступила въ силу 7 декабря (25 ноября) 1887 года. Вскорѣ послѣ того, 20 іюня 1888 года присоединился къ Союзу Люксем-

бургъ десятымъ членомъ; значительно позднѣе княжества Монако и Черногорія и уже только въ 1896 году, передъ самою парижскою конференціей, Норвегія.

IV.

Соединенные Штаты и Россія составляютъ двѣ главныхъ страны, интересы, отношенія и самыя права которыхъ, какъ они понимаются ими самими, находятся, по многимъ пунктамъ, въ несогласіи съ тѣмъ направленіемъ, которое придано развитію международнаго авторскаго права на бернской конференціи 1886 года и на парижской 1896 года. Однако, несолидарные съ интересами и идеями, господствующими въ странахъ вывозящихъ, интересы и идеи, господствующіе въ Америкѣ и Россіи, тоже во многомъ различаются. Они не противорѣчатъ другъ другу, но во многомъ не совпадаютъ. Россія является страною, ввозящею иностранныя идеи и творчество чрезъ созданіе обширной переводной литературы; Соединенные Штаты (какъ и Испанско-американскія республики) черезъ простую перепечатку европейскихъ литературныхъ и научныхъ трудовъ, преимущественно англійскихъ, частью испанскихъ и нѣмецкихъ. Вздорожаніе книги явится и для Россіи и для Штатовъ плодомъ присоединенія къ Союзу. Значительное потрясеніе книгоиздательскаго дѣла и обширнаго класса людей, занятыхъ около этого дѣла, тоже угрожали бы обѣимъ странамъ при вступленіи въ Бернскій Союзъ. На этомъ, однако, и прекращается солидарность положенія двухъ главныхъ представительницъ интересовъ ввозящихъ странъ. Потому что далѣе для Америки центръ тяжести въ статьяхъ 2 и 3 конвенціи, для Россіи же въ статьѣ 5-й. Правда, пересмотръ статьи пятой для согласованія съ справедливыми русскими интересами не противорѣчилъ бы американскимъ интересамъ, а такое же приспособленіе, ради удовлетворенія американскихъ интересовъ, статей второй и третьей не нарушило бы русскихъ интересовъ. Поэтому, нѣкоторая солидарность при переговорахъ съ Бернскимъ Союзомъ была бы возможна и желательна. Необходимо, однако, точно выяснить желательное направленіе тѣхъ дополненій и перемѣнъ, которыя сдѣлали бы и выгоднымъ и справедливымъ вступленіе въ Союзъ странъ ввозящихъ. Въ виду того, что дѣйствительныя выгоды принесетъ Союзъ вывозящимъ странамъ только со времени вступленія въ Союзъ и ввозящихъ странъ, надо думать, что вывозящія страны охотно пойдутъ на уступки, лишь бы обезпечить это вступленіе, особенно такихъ крупныхъ потребителей, какъ Россія и Америка, за которыми, конечно, потянулись бы и Южно-американскія республики, и Балканскія государства...

Возможно-ли, однако, такое согласованіе международной справедливости съ интересами ввозящихъ странъ? У насъ не было дѣлаемо попытки такого согласованія, но Соединенные Штаты попы-

тались найти это рѣшеніе и менѣе, нежели черезъ четыре года послѣ вступленія въ силу Бернской конвенціи, провели у себя, въ своемъ національномъ законодательствѣ крупную реформу авторскаго права. Copyright Act 1891 года обезпечилъ за иностранными авторами такія же права, что и за національными, но обставилъ пользованіе этими правами такими условіями, которыя, по мнѣнію американскихъ законодателей, гарантируютъ отъ экономическихъ замѣшательствъ и будто бы не только не наносятъ ущерба духовному развитію страны, но призваны даже послужить для вящщаго его расцвѣта. Условія эти, однако, безусловно несовмѣстимы съ постановленіями Бернской конвенціи. Посмотримъ же теперь, что придумали практическіе американцы, чтобы и международную справедливость соблюсти и капитала не потерять, даже пріумножить?

Прежде всего, чего желали избѣгнуть американцы, не отказываясь признать принципъ равенства иностранныхъ и національныхъ авторовъ? Въ чемъ они видѣли опасность и невыгоду для себя въ томъ планѣ международнаго урегулированія авторскихъ правъ, который нашелъ себѣ выраженіе въ Бернскомъ союзѣ? Это ясно изъ отвѣта правительства Соединенныхъ Штатовъ, даннаго правительству Швейцаріи въ отвѣтъ на приглашеніе послѣдняго. Уже цитированный выше проф. Казанскій, очень неблагосклонный къ точкѣ зрѣнія Штатовъ, такъ резюмируетъ этотъ ихъ отвѣтъ: Соединенные Штаты «согласны были, что справедливость требуетъ оказывать иностранному автору такую-же защиту, какъ и туземному. Но согласиться на признаніе этого принципа на практикѣ не могли, такъ какъ интересы фабрикантовъ и торговцевъ бумаги, словолитчиковъ, типографщиковъ и другихъ промышленниковъ требовали, по ихъ мнѣнію, поощренія контрафакціи иностранныхъ произведеній. Національная литература не можетъ, конечно, дать имъ столько заработка, сколько многочисленныя иностранныя изданія»... Г. Казанскій очень возмущается этою «коммерческою» точкою зрѣнія, но, повидимому, совершенно напрасно: интересы промышленниковъ и рабочихъ столько же заслуживаютъ вниманія и охраны, какъ и интересы авторовъ, а интересы этихъ послѣднихъ въ данномъ случаѣ ничуть не возвышеннѣе интересовъ типографщиковъ, наборщиковъ и корректоровъ, которые могли быть буквально выброшены на улицу, еслибы правительство Соединенныхъ Штатовъ съ легкомысліемъ, рекомендуемымъ ему нашимъ профессоромъ, одобрило принципы Бернскаго союза безъ всякаго ихъ согласованія съ интересами ввозящихъ странъ. Американцы, какъ уже упомянуто, рѣшили поискать этого согласованія на почвѣ самостоятельнаго національнаго законодательства. Выше названный Copyright Act 1891 г. и представляется такимъ документомъ, призваннымъ согласовать принципъ равноправности иностраннаго и туземнаго автора съ охраною всѣхъ національныхъ интересовъ, всѣхъ установившихся отношеній, матеріальныхъ и духовныхъ.

— —

Актъ 1891 года, извѣстный подъ именемъ «акта Платта и Симондса», по имени двухъ его авторовъ, проведшихъ его въ конгрессѣ, признаетъ за иностранными авторами художественныхъ и музыкальныхъ произведеній полную равноправность съ авторами туземными, безъ всякихъ условій и ограниченій. Установившійся строй американской культурной жизни ничѣмъ существенно не нарушался отъ такого безусловнаго уравненія иностранныхъ и національныхъ авторовъ. Американцы не видѣли поэтому никакого основанія, единственно единообразія ради, требовать отъ художниковъ и композиторовъ тѣхъ же условій, что и отъ авторовъ—писателей. Откровенно ставъ на практическую точку зрѣній, актъ Платта и Симондса не создаетъ никакихъ логическихъ хитросплетеній для юридическаго оправданія принятыхъ ограниченій по отношенію къ авторамъ-писателямъ, что могло обязать распространить эти ограниченія и на другихъ авторовъ. Я не считаю себя достаточно освѣдомленнымъ въ условіяхъ нашихъ музыкальнаго и художественнаго производствъ, чтобы судить, насколько и у насъ въ этомъ отношеніи примѣнима американская точка зрѣнія. Что касается вопроса, насъ сегодня преимущественно занимающаго, именно объ охранѣ правъ иностранныхъ авторовъ—писателей, то центръ тяжести комбинація, предложенной Платтомъ и Симондсомъ и одобренной конгрессомъ Штатовъ, можетъ быть кратко формулированъ такъ: чтобы права иностраннаго автора—писателя пользовались полною охраною наравнѣ съ правами автора туземнаго, *его книга должна быть туземною и онъ долженъ быть гражданиномъ страны, гдѣ американскіе авторы пользуются покровительствомъ наравнѣ съ туземными* (хотя бы и съ тѣми-же ограниченіями, какъ и въ Америкѣ иностранные авторы). Требованіе взаимности логично и естественно, но не существенно, потому что американская литература не пользуется въ Европѣ популярностью, и для европейскихъ націй, даже для ввозящихъ, не представитъ особой жертвы даровать какую угодно охрану американскимъ авторамъ. Тоже, какъ и намъ, русскимъ авторамъ, французы охотно навязываютъ охрану, которой мы даже не просимъ.

Серьезное значеніе имѣетъ первое изъ вышеприведенныхъ ограниченій. Авторъ можетъ быть иностранецъ, но чтобы его книга пользовалась охраною, она должна быть туземною, т. е. должна быть издана въ Америкѣ, напечатана въ американскихъ типографіяхъ и выпущена въ обращеніе или раньше или одновременно съ выходомъ въ государствахъ иностранныхъ. Законъ даже устанавливаетъ довольно сложную процедуру контроля и регистраціи такихъ книгъ и, только вполнѣ удостовѣрившись, что книга, *по изданію*, американская, законъ даруетъ ей охрану. Для того-же, чтобы избѣгнуть обхода закона изданіемъ въ Америкѣ небольшого числа экземпляровъ съ тѣмъ, чтобы, получивъ охрану, затѣмъ удовлетворять требованія рынка европейскими изданіями, Copyright Act устанавли-

ваетъ, что европейскія изданія произведеній, получившихъ въ Америкѣ охрану, не допускаются къ ввозу въ Америку и почитаются контрафакціей, хотя бы эти европейскія изданія и были разрѣшены авторомъ или даже имъ самимъ сдѣланы.

Если уже требованіе одновременнаго изданія книги въ Америкѣ и Европѣ совершенно не соотвѣтствуетъ основнымъ принципамъ Бернскаго Союза, то это дополнительное постановленіе, по которому самъ авторъ можетъ быть признанъ контрафакторомъ, представляется полнымъ отрицаніемъ Бернской конвенціи и находится въ прямомъ непримиримомъ противорѣчіи съ направленіемъ, которое приняло развитіе международнаго авторскаго права въ Европѣ. Тѣмъ не менѣе, эти постановленія американскаго закона составляютъ логическое послѣдствіе тѣхъ опасностей экономическихъ замѣшательствъ въ странахъ ввозящихъ, которыя явились-бы послѣдствіемъ простого ихъ присоединенія къ бернскомъ принципамъ, о которыхъ достаточно ясно заявили Соединенные Штаты конферрировавшимъ европейскимъ кабинетамъ, но на которыя эти представители интересовъ странъ вывозящихъ не обратили никакого вниманія, даже не попытавшись найти для нихъ какое-либо примиреніе съ своими широкими притязаніями. Несомнѣнно, что для Соединенныхъ Штатовъ актъ Платта и Симондса рѣшаетъ поставленный вопросъ: даровать иностранному автору охрану и не нарушить въ ввозящей странѣ установившагося строя немаловажныхъ интересовъ многочисленнаго класса людей. Несомнѣнно, однако, что такое рѣшеніе очень невыгодно для странъ вывозящихъ, частью и для ихъ авторовъ. Между тѣмъ, всѣ ввозящія страны могли бы воспользоваться началами новаго американскаго законодательства и, модифицируя его сообразно преобладающимъ интересамъ страны, создать подобное же автономное національное законодательство, появленіе котораго едва-ли было бы встрѣчено благожелательною улыбкою въ странахъ вывозящихъ.

Представимъ себѣ, напримѣръ, что Россія издаетъ законъ, по которому иностранная книга охраняется отъ *перепечатки* на тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ Америкѣ, а отъ *перевода* подъ условіемъ, составляющимъ естественное развитіе американскихъ началъ, именно, чтобы переводъ вышелъ раньше или одновременно съ подлинникомъ, былъ напечатанъ въ Россіи и т. д. Что бы изъ такого преобразованія авторскаго права могло выйти? Въ лучшемъ для вывозящихъ странъ случаѣ все осталось бы по старому. Скорѣе, однако, надо предвидѣть постепенное измѣненіе условій нашего книжнаго рынка въ направленіи, крайне невыгодномъ для вывозящихъ странъ. Эти вывозящія страны отъ такого законодательства странъ ввозящихъ должны были бы въ большей или меньшей степени испытать экономическія замѣшательства, подобныя тѣмъ, которыя для странъ ввозящихъ пріуготовляетъ Бернская конвенція.

Что англійское книгоиздательство, типографское дѣло, бумажное

— —

со всѣми промышленными, техническими и рабочими развѣтвленіями, много теряетъ отъ закона Платта и Симондса, спорить никто не будетъ, да и при обсужденіи акта въ конгрессѣ депутаты и сенаторы нисколько не скрывали, что послѣдствіемъ должно быть не паденіе книгоиздательскаго, типографскаго, бумажнаго и другихъ смежныхъ производствъ, какъ было бы въ случаѣ присоединенія къ Бернской конвенціи, а, напротивъ, усиленіе этихъ производствъ, передвиженіе центра англійскаго книгоиздательства изъ Лондона въ Нью Іоркъ и Бостонъ. Это примѣръ—яркій и доказательный. Несомнѣнно также, что одобреніе этого закона отразится и на нѣмецкомъ книгоиздательствѣ въ виду нѣсколькихъ милліоновъ нѣмцевъ, проживающихъ въ Америкѣ. Изданіе аналогичныхъ законовъ въ Южно-Американскихъ республикахъ отразилось бы въ томъ же направленіи на книгоиздательствѣ въ Испаніи. Если мы вспомнимъ, какое громадное число экземпляровъ ежегодно потребляетъ Россія книгъ французскихъ и нѣмецкихъ, то нельзя не признать, что и у насъ возможно развитіе въ томъ же направленіи. Если у насъ до сихъ поръ простая перепечатка французскихъ и нѣмецкихъ книгъ не развита, то не потому вовсе, чтобы она была невыгодна. Перепечатка французскихъ бульварныхъ романовъ была бы даже очень не безвыгодна. Сравнительно недавнее прекращеніе дѣйствія конвенціи съ Франціей, воспрещавшей перепечатку, и постоянное ожиданіе возобновленія конвенціи, въ связи съ непредпріимчивостью русскаго коммерческаго класса, были причиною отсутствія въ Россіи этого рода промысла. Изданіе закона, въ родѣ американскаго, показало бы, что опасаться заключенія новыхъ конвенцій нечего, и противъ перепечатокъ французскіе и нѣмецкіе авторы могли бы найти гарантію, только сами издавая свои произведенія въ Россіи одновременно съ изданіемъ у себя дома. Авторы отъ этого могли-бы и не потерять, но книгоиздательское дѣло и смежныя профессіи проиграли бы на весь объемъ развитія этого дѣла въ Россіи. Та-же эволюція, хотя и медленнѣе, должна бы была совершиться и съ переводами, но въ этомъ случаѣ вдобавокъ выходъ книги по французски и нѣмецки у себя дома запаздывалъ бы весь срокъ, необходимый для перевода на языки тѣхъ ввозящихъ странъ, въ которыхъ авторъ пожелалъ бы охранить свои права.

Я не могу сказать, чтобы то направленіе законодательства ввозящихъ странъ, которое нашло себѣ яркое выраженіе въ актѣ Платта и Симондса было справедливо и желательно. Оно посягаетъ на законные интересы вывозящихъ странъ совершенно въ той же мѣрѣ и даже тѣмъ же способомъ, какъ принципы Бернскаго союза посягаютъ на совершенно такіе же законные интересы странъ ввозящихъ. Поэтому должно признать, что принципы вашингтонскаго Copyright Act'а и бернской конвенціи, въ ихъ нынѣшнемъ взаимно несогласованномъ видѣ, одинаково несправедливы и нежелательны. За американскимъ закономъ надо признать, однако,

ту заслугу, что онъ указалъ вывозящимъ странамъ опасность ихъ положенія, а ввозящимъ орудія, которыми можно парировать это полное невниманіе къ ихъ правамъ и интересамъ, такъ ярко сказавшееся въ постановленіяхъ бернской и парижской конференціи.

Мнѣ кажется, что это, въ самомъ дѣлѣ, большая заслуга акта Платта и Симондса. Получилась возможность ввозящимъ странамъ бесѣдовать съ вывозящими съ значительными шансами склонить послѣднія внимательнѣе и справедливѣе отнестись къ интересамъ странъ ввозящихъ. Желательно и справедливо, чтобы иностранные авторы получили повсемѣстно охрану ихъ авторскаго права, поскольку это право, само по себѣ, почитается справедливымъ въ тѣхъ или иныхъ странахъ міра. Но равнымъ образомъ желательно и справедливо, чтобы ради этой охраны не приносились въ жертву интересы другихъ группъ населенія, интересы публики и просвѣщенія. Точно также, вполнѣ желательно и справедливо стремиться къ международному единенію для однообразнаго по возможности охраненія авторскаго права, но равнымъ образомъ справедливо и желательно, чтобы это международное единеніе служило интересамъ всѣхъ странъ культурнаго міра, а не однихъ вывозящихъ.

Таковы, кажется мнѣ, должны быть тѣ общія начала, которыя должны быть одобрены при разсмотрѣніи нашего дѣла. Возможно полное удовлетвореніе законныхъ правъ иностраннаго автора при возможно полномъ охраненіи интересовъ просвѣщенія и интересовъ другихъ группъ населенія, связанныхъ съ опубликованіемъ и распространеніемъ авторскихъ произведеній,—такъ попробуемъ резюмировать основныя черты нашей проблеммы. Посмотримъ теперь, возможно-ли найти искомое рѣшеніе этой проблеммы, согласующее всѣ законные интересы и права, связанные съ матеріальною стороною духовнаго творчества. Оба уже предложенныя рѣшенія, бернское и вашингтонское, такого согласованія и примиренія интересовъ не даютъ, удовлетворяя болѣе или менѣе полно и удачно одни интересы, нарушая болѣе или менѣе чувствительно другіе.

V.

Одобреніе принциповъ Бернской конвенціи 1886 года искусственно передвигаетъ дѣятельность и производство книгоиздательское, типографское, бумаго-фабричное изъ странъ, ввозящихъ произведенія духовнаго творчества, въ страны, ихъ вывозящія. Съ другой стороны, одобреніе принциповъ Platt-Simonds Copyright Act'а 1891 года, совершенно наоборотъ, передвигаетъ эти производства изъ странъ вывозящихъ въ страны ввозящія. То и другое несправедливо и сопряжено съ болѣе или менѣе значительными экономическими замѣшательствами и убытками для тѣхъ или дру-

гихъ странъ, смотря по одобренію тѣхъ или другихъ принциповъ. Поэтому, прежде всего желательно найти такое рѣшеніе, которое, обезпечивая права иностранныхъ авторовъ, художниковъ и композиторовъ, не влекло бы этого искусственнаго передвиженія издательскаго дѣла изъ одной страны въ другую, сопряженнаго съ ломкою установившихся интересовъ довольно значительнаго класса населенія. Оставаясь на почвѣ тѣхъ идей, въ силу которыхъ авторское право всегда и всюду должно имѣть одно и то же выраженіе и выливаться въ форму авторской монополіи на воспроизведеніе авторскаго труда, мы, повидимому, никогда не найдемъ искомаго рѣшенія и осуждены вѣчно колебаться между двумя рѣшеніями, быть можетъ, одинаково выгодными для авторовъ, но одинаково несправедливыми и невыгодными то для одной, то для другой категоріи странъ культурнаго міра. И бернская и вашингтонская системы покоятся на принципѣ авторской монополіи и, повидимому, удерживая этотъ принципъ, нельзя избѣгнуть значительныхъ и несправедливыхъ экономическихъ послѣдствій иначе, какъ вовсе отказывая иностранному автору въ охранѣ его авторскихъ правъ. Такъ и поступаютъ Россія, Данія, Балканскія государства, Южно-американскія республики, Японія и другія... Но зачѣмъ непремѣнно держаться на почвѣ идей, признающихъ безусловно монопольный характеръ за авторскимъ правомъ? Попробуемъ сойти съ этой почвы и, быть можетъ, искомое согласованіе и примиреніе интересовъ и правъ окажется не столь затруднительнымъ.

Французы смотрятъ на авторское право, какъ на институтъ литературной и художественной собственности. Такое воззрѣніе логически приводитъ къ отождествленію авторскаго права съ авторскою монополіей и къ *вѣчности* этого права въ порядкѣ наслѣдованія, установленнаго законами страны. И, однако, само французское законодательство не признаетъ вѣчности литературной собственности, а устанавливаетъ пятидесятилѣтній срокъ для пользованія этимъ правомъ послѣ смерти автора его наслѣдниками. Извѣстно, что наше законодательство опредѣляетъ тотъ же срокъ, а равно законодательства Бельгіи, Венгріи, Норвегіи, Швеціи и Португаліи. Больше пятидесятилѣтняго срока охраны посмертнаго права устанавливаетъ только испанское законодательство, именно восьмидесятилѣтній. Прочія націи культурнаго міра имѣютъ меньшіе сроки такой охраны: тридцатилѣтній—Германія, Австрія, Данія и Швейцарія и всего семилѣтній — Англія. Голландское законодательство посмертное авторское право охраняетъ столько времени, сколько осталось до истеченія пятидесяти лѣтъ со дня выхода охраняемаго сочиненія; Соединенные Штаты—до истеченія сорока двухъ-лѣтняго срока со дня выхода; Италія — до истеченія сорокалѣтняго отъ выхода, но прибавляетъ къ этому второй, тоже сорокалѣтній срокъ, въ теченіе котораго наслѣдники пользуются опредѣленною частью издательской выручки при свободѣ изданія.

Все это разнообразіе законодательствъ, сходящееся только въ одномъ, въ установленіи ограниченій, несогласимыхъ съ принципомъ полной собственности, доказываетъ, что такого принципа не признаетъ цивилизованный міръ, хотя, по недоразумѣнію, вслѣдъ за французами большинство цивилизованныхъ націй и употребляетъ неподходящее выраженіе «литературная собственность». Однако, не всѣ. Англичане и американцы держатся выраженія Copyright, т. е. право копіи, право воспроизведенія. Нѣмцы же одобрили въ своемъ законодательствѣ выраженіе Urheberrecht, авторское право, не предрѣшая его существа и принципа. За нѣмцами также поступили итальянцы. Такой выборъ терминологіи былъ сдѣланъ настолько сознательно и преднамѣренно, что, когда французы, слѣдуя своей двусмысленной терминологіи, ввели въ заглавіе Бернской конвенціи выраженіе «литературная собственность», нѣмецкій уполномоченный заявилъ, что Германія не можетъ подписать акта, гдѣ истолковывается авторское право въ направленіи, несогласномъ съ духомъ германскаго законодательства. Французы уступили, но чтобы не стать на германскую точку зрѣнія, предложили озаглавить такъ: «Союзъ для охраны литературныхъ и художественныхъ произведеній». Это заглавіе и принято было, хотя союзъ вовсе не имѣетъ цѣлью заботиться объ охранѣ самихъ произведеній, а только правъ ихъ авторовъ. Все это показываетъ, что неточное употребленіе большинствомъ законодательствъ термина *литературная собственность* ни мало не приравниваетъ авторскаго права къ понятію полной собственности. Однако, только это понятіе полной собственности и приводитъ къ идеѣ авторской монополіи, а эта идея—къ необходимости выбирать между бернскими и вашингтонскими принципами, нарушающими существенные интересы одной изъ двухъ группъ, на которыя дѣлится культурный міръ.

Въ составъ авторскаго права входитъ охрана его моральныхъ и его матеріальныхъ интересовъ. Моральные интересы автора могутъ быть охраняемы съ двухъ сторонъ: 1) отъ присвоенія его труда другими; и 2) отъ искаженія его труда при воспроизведеніи. Отъ перваго охраняетъ законъ о плагіатѣ; отъ второго—авторская монополія. Упоминаю объ этомъ для того, чтобы отмѣтить, что въ случаѣ замѣны монополіи другимъ способомъ охраны матеріальныхъ интересовъ автора, не должна быть забыта необходимость обезпечить и этотъ первоклассный моральный интересъ автора: быть воспроизводимымъ и переводимымъ въ неискаженномъ видѣ. Въ настоящее время отъ этого охраняетъ авторская монополія, которой назначеніе, однако, преимущественно въ охраненіи матеріальныхъ интересовъ автора, въ обезпеченіи за нимъ законной доли въ выгодахъ, приносимыхъ его трудами ихъ издателямъ. Не одна монополія, однако, можетъ обезпечить за авторомъ эту долю участія въ выгодахъ его издателей. Итальянское законода-

тельство, какъ мы выше видѣли, уже нашло способъ обезпечить эту долю для второго періода устанавливаемой имъ охраны авторскаго права.

Это важное нововведеніе въ авторскомъ правѣ изложено въ статьяхъ 8, 9 и 30 итальянскаго положенія отъ 19-го сентября 1882 года «О правахъ авторовъ произведеній ума». Привожу эти статьи, какъ представляющія прекрасный исходный пунктъ при разрѣшеніи нашей проблеммы.

Вотъ эти статьи:

Статья 8. Пользованіе правомъ автора на воспроизведеніе и продажу его труда начинается со времени первой публикаціи и длится всю жизнь автора, а послѣ его смерти сорокъ или восемьдесятъ лѣтъ, согласно указаніямъ слѣдующей статьи. Послѣдующія изданія труда, хотя дополненныя и измѣненныя, не считаются новыми публикаціями. Право воспроизведенія добавленныхъ или измѣненныхъ частей прекращается одновременно какъ и для всего произведенія.

Статья 9. Пользованіе правомъ воспроизведенія и продажи присвоено исключительно автору въ теченіе всей его жизни.

Если авторъ умираетъ до истеченія сорокалѣтняго срока со времени выхода его произведенія, то такое-же исключительное право продолжается въ пользу лицъ, наслѣдовавшихъ или пріобрѣтшихъ его права, до истеченія этого срока.

По истеченіи этого перваго срока, окончившагося тѣмъ или инымъ изъ только что указанныхъ способовъ, наступаетъ второй срокъ въ сорокъ лѣтъ, въ теченіе котораго произведеніе можетъ быть воспроизводимо и продаваемо безъ особаго разрѣшенія лица, владѣющаго авторскимъ правомъ, но подъ условіемъ выплачивать этому лицу пять процентовъ продажной цѣны, которая должна быть обозначена на каждомъ экземплярѣ и законно объявлена порядкомъ, ниже указаннымъ. Этотъ платежъ пользуется преимуществомъ и взыскивается съ воспроизведенныхъ экземпляровъ раньше всѣхъ другихъ.

Статья 30. Тотъ, кто пожелаетъ воспользоваться постановленіями второго параграфа статьи 9, представляетъ префекту письменное заявленіе о своемъ имени и мѣстѣ жительствѣ, о произведеніи, которое онъ намѣревается воспроизвести, объ избранномъ имъ способѣ воспроизведенія, о числѣ экземпляровъ и о цѣнѣ, которая будетъ обозначена на каждомъ экземплярѣ, присоединяя къ этому особое обязательство (offre expresse) уплатить одну двадцатую цѣны, умноженной на число экземпляровъ, тому или тѣмъ, кто докажетъ свои права.

Эти заявленія должны быть напечатаны не менѣе двухъ разъ черезъ промежутокъ времени въ пятнадцать дней, въ газетѣ, посвященной юридическимъ извѣщеніямъ и выходящей въ мѣстѣ изданія воспроизводимаго произведенія, а также и въ оффиціальной газетѣ королевства.

Въ концѣ каждой четверти года такія заявленія сводятся въ особый указатель, публикуемый правительствомъ въ оффиціальной газетѣ.

Можно критиковать нѣкоторыя детали этихъ нововведеній, но нельзя не признать, что на этой почвѣ можно обезпечить матеріальные интересы авторовъ, не даруя имъ авторской монополіи. А это именно то, что намъ необходимо для примиренія интересовъ странъ, вывозящихъ произведенія духовнаго творчества и ихъ ввозящихъ.

Еслибы, напримѣръ, Соединенные Штаты вмѣсто того, чтобы требовать отъ иностраннаго автора изданія его труда въ Америкѣ и этой цѣною предложить ему пріобрѣтеніе охраны авторскаго права, обезпечили за нимъ право на полученіе извѣстнаго вознагражденія съ издателя его трудовъ, не стѣсняя свободы изданія и воспроизведенія, то въ такомъ случаѣ никакого искусственнаго и убыточнаго передвиженія книгоиздательства изъ Европы въ Америку, ни обратно, не произошло бы и установившіяся экономическія отношенія нарушены не были бы. Тоже самое и относительно перевода на другіе языки, представленія драматическихъ пьесъ, исполненія музыкальныхъ произведеній и т. д. Для произведеній, воспроизводимыхъ въ періодическихъ изданіяхъ, могъ бы быть установленъ или единообразный гонораръ (полистный и построчный), расписанный по главнымъ категоріямъ произведеній, или же гонораръ, измѣняющійся въ зависимости отъ числа экземпляровъ изданія. Для отдѣльныхъ книгъ могла бы быть принята или та же система или итальянская, т. е. извѣстный процентъ валовой выручки. Поспектакльная плата могла бы обусловливаться наибольшею валовою выручкою даннаго театра и т. д.

Эта система охраны правъ иностранныхъ авторовъ имѣетъ еще и то преимущество, что, сохраняя конкуренцію издателей и вводя вознагражденіе автора въ предѣлы, указуемые обычными нормами страны, она возвыситъ цѣну переводной книги лишь въ мѣру законнаго авторскаго гонорара. Т. е. охрана авторскаго права не станетъ въ противорѣчіе съ интересами просвѣщенія и не сократитъ установившейся нормы удовлетворенія публикою ея умственныхъ и эстетическихъ потребностей. Если же мы не станемъ на эту точку зрѣнія и будемъ держаться системы авторской монополіи, то намъ останется выбирать между бернскими и вашингтонскими принципами, въ первомъ случаѣ добровольно нанося себѣ и моральный и матеріальный ущербъ, во второмъ же случаѣ нарушая законные интересы тѣхъ странъ, авторовъ которыхъ мы пожелаемъ защитить.

Я не думаю, чтобы набросанныхъ мною общихъ замѣчаній было уже достаточно для обсуждаемой проблемы. Я указываю только принципъ, но думаю, что настоятельно нужно принципъ этотъ положить въ основу при разработкѣ той системы обезпеченія авторскаго права иностранцевъ, которая могла бы быть въ самомъ дѣлѣ справедливою и для всѣхъ выгодною. Я думаю также, что намъ, русскимъ, пора подумать о такой разработкѣ этого вопроса, разрѣшеніе котораго откладывать становится все труднѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ и для насъ самихъ все невыгоднѣе. Разныя литературныя, драматическія, артистическія и юридическія общества могли бы и должны бы принять на себя разработку этого вопроса, послѣ чего и русская дипломатія получила бы опору въ своей дѣятельности по этому дѣлу. Весьма возможно, что Бернскій союзъ не

сразу пошелъ бы на уступки и на согласованіе интересовъ, но Соединенные Штаты указали намъ и всѣмъ ввозящимъ странамъ орудія борьбы съ эгоистическими притязаніями странъ вывозящихъ. Національное законодательство въ этомъ духѣ и стремленіе объединить въ Союзѣ ввозящія страны подобно тому, какъ въ Бернѣ объединяются вывозящія—представляютъ благодарную и благородную задачу для нашихъ юристовъ и дипломатовъ. Заинтересованные классы должны прежде того выработать къ тому достаточныя основанія, что входитъ вполнѣ въ сферу общественной иниціативы, и на что я рѣшаюсь обратить вниманіе всѣхъ заинтересованныхъ учрежденій и обществъ.

Распространеніе принциповъ Бернской конвенціи на ввозящія страны представляетъ для послѣднихъ немаловажныя невыгоды. Страны Бернскаго Союза покуда твердо стоятъ на своей исключительной точкѣ зрѣнія и новыми дополнительными соглашеніями только развиваютъ свою систему въ духѣ монопольной исключительности. Они уступятъ только передъ такимъ же единеніемъ странъ ввозящихъ, но эти страны должны прежде всего противоставить бернской системѣ свою собственную, стройную, логическую и справедливую.

С. Южаковъ.

Къ вопросу о профессорскомъ гонорарѣ.

Нынѣшней осенью министерство народнаго просвѣщенія обратилось къ совѣтамъ русскихъ университетовъ съ предложеніемъ высказать свое мнѣніе о практикуемой въ настоящее время системѣ взиманія со студентовъ особаго гонорара въ пользу университетскихъ преподавателей и о желательныхъ измѣненіяхъ въ ней. Въ печать, если не ошибаемся, не проникали еще свѣдѣнія насчетъ того, выработали ли уже университетскіе совѣты какія-либо рѣшенія предложеннаго на ихъ обсужденіе вопроса и, если выработали, то какія именно. За то въ самой печати происходитъ довольно оживленное обсужденіе даннаго вопроса, причемъ выступаютъ и противники, и защитники существующаго порядка, послѣдніе, впрочемъ, въ значительно меньшемъ числѣ. Трудно предположить, конечно, чтобы высказываемыя въ литературѣ мнѣнія оказали непосредственное и сколько-нибудь серьезное вліяніе на рѣшеніе министерства, но они могутъ играть другую, не менѣе

важную роль, разъясняя обществу особенности дѣйствующей системы и истинное ея значеніе. Съ этой точки зрѣнія нельзя не пожалѣть, что высказывавшіяся до сихъ поръ по поводу университетскаго гонорара мнѣнія вращались, главнымъ образомъ, въ сферѣ общихъ теоретическихъ соображеній и сравненія нашихъ отечественныхъ порядковъ съ заграничными. Ни мало не отрицая пользы такого способа разсмотрѣнія вопроса, мы думаемъ все же, что для правильнаго рѣшенія послѣдняго не менѣе необходимо знакомство съ тѣми конкретными формами, какія приняла система гонорара въ нашихъ университетахъ. Порядокъ, о которомъ идетъ рѣчь, дѣйствуетъ у насъ уже болѣе десяти лѣтъ, и его собственная практика должна была накопить богатый матеріалъ для сужденія о степени его пригодности. Въ цѣляхъ уясненія этой стороны дѣла мы и рѣшаемся предложить вниманію читателя настоящую замѣтку.

Прежде всего, что въ сущности представляетъ изъ себя наша система гонорара? Впервые возникла она, какъ извѣстно, со времени университетскаго устава 1884 г. По уставу 1863 г. студенты должны были платить за слушаніе лекцій въ столичныхъ университетахъ 50 р. и въ провинціальныхъ 40 р. въ годъ; плата эта поступала въ общія суммы университетовъ, профессора же получали жалованье, въ размѣрѣ 2000 р. для экстраординарныхъ и 3000 р. для ординарныхъ, изъ средствъ министерства народнаго просвѣщенія. Этотъ порядокъ былъ измѣненъ уставомъ 1884 г., 129-я статья котораго гласила: «съ каждаго студента и посторонняго слушателя взимается за слушаніе лекцій и за участіе въ практическихъ занятіяхъ: а) въ пользу университета по пяти рублей за каждое полугодіе и б) особая плата въ пользу отдѣльныхъ преподавателей, лекціями и руководствомъ которыхъ студентъ или слушатель желаетъ пользоваться, въ размѣрѣ примѣнительно въ нормѣ одного рубля за недѣльный часъ въ полугодіе». Первоначально предполагалось при этомъ, что каждый студентъ будетъ слушать около 18 часовъ обязательныхъ лекцій въ недѣлю. При такихъ условіяхъ студентамъ приходилось бы платить въ годъ въ пользу университета 10 р. и въ пользу отдѣльныхъ преподавателей 36 р., въ общемъ даже нѣсколько менѣе, чѣмъ при дѣйствіи стараго устава. Но уменьшеніе суммы, шедшей въ пользу университетовъ, подорвало хозяйство послѣднихъ, и уже въ 1887 г. министерство вновь подняло студенческую плату въ пользу университетовъ до 50 р. въ годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и число обязательныхъ для студента лекцій на практикѣ не могло быть ограничено восемнадцатью въ недѣлю, благодаря чему сумма, уплачиваемая студентами въ видѣ гонорара преподавателямъ, колеблется въ настоящее время между 18 — 25 р. въ полугодіе, или 36—50 р. въ годъ. Въ конечномъ итогѣ реформы для студентовъ получилось такимъ образомъ удвоеніе платы, взносимой ими въ

университетъ за право ученія. Едва-ли надо доказывать, что такой результатъ равняется затрудненію доступа къ высшему образованію и не можетъ представляться безразличнымъ для общества, которое далеко не въ состояніи похвалиться избыткомъ образованія въ своей средѣ.

Защитники системы гонорара, выступавшіе въ печати, въ своихъ разсужденіяхъ едва касаются этой стороны реформы 1884 г., но за то съ чрезвычайнымъ усердіемъ разсыпаются въ похвалахъ ея благотворнымъ послѣдствіямъ для преподавательскаго персонала университетовъ. Особенностью устава 1884 г. является въ этомъ отношеніи то обстоятельство, что, сохранивъ прежнее жалованье профессоровъ изъ министерскихъ суммъ, онъ присоединилъ къ нему добавку въ видѣ гонорара, который стоитъ въ зависимости отъ числа читаемыхъ лекцій и количества посѣщающихъ ихъ слушателей и, слѣдовательно, оказывается крайне неравномѣрнымъ для отдѣльныхъ преподавателей. Наиболѣе ревностные защитники дѣйствующей системы именно въ этой неравномѣрности вознагражденія за преподавательскій трудъ видятъ одно изъ главныхъ достоинствъ дѣйствующей системы. Съ особенною рѣшительностью такой взглядъ былъ развитъ въ статьяхъ г. Никольскаго подъ курьезнымъ заглавіемъ «Гонораръ или призваніе?», печатавшихся въ «Н. Времени». Не менѣе заглавія курьезенъ въ этихъ статьяхъ и самый ходъ мысли автора. Исходя изъ того, для массы случаевъ несомнѣнно правильнаго, утвержденія, что ученыхъ влечетъ къ занятіямъ наукою призваніе, а не разсчетъ на матеріальныя блага, г. Никольскій нѣсколько неожиданно заключалъ, что именно поэтому такія блага должны быть распредѣлены неравномѣрно между учеными разныхъ спеціальностей и разныхъ талантовъ. «Измѣненіе гонорарной системы — не безъ паѳоса писалъ онъ—было бы вопіющей и совершенно безплодною несправедливостью. Гонорарная система—необходимѣйшая и ничѣмъ незамѣнимая поправка, поправка безконечно эластичная и подвижная, къ неподвижнымъ и однообразнымъ штатамъ. При ней дарованіямъ открывается возможность прогрессивныхъ преимуществъ, удерживающихъ профессора отъ житейскихъ соблазновъ на научномъ пути, а въ то же время самое преподаваніе ставится въ непосредственную и близкую связь съ теченіями общественной жизни» («Н. Время», № 7730). Насколько можно было понять шумливыя, но недостаточно ясныя фразы г. Никольскаго, главнымъ аргументомъ въ защиту гонорара онъ выставлялъ то положеніе, что наиболѣе справедливой системой вознагражденія лекторскаго труда является такая, при которой размѣръ вознагражденія соразмѣренъ таланту преподавателя. Эта же мысль нерѣдко повторяется и другими защитниками гонорара. Не входя здѣсь въ оцѣнку ея по существу, достаточно сказать, что она, вопреки увѣреніямъ сторонниковъ дѣйствующей системы, не имѣетъ почти

никакого примѣненія въ современной университетской дѣйствительности. Прежде всего студенты распредѣляются по факультетамъ въ зависимости отъ цѣлаго ряда причинъ, среди которыхъ далеко не играетъ безусловно господствующей роли качество ученыхъ силъ на томъ или иномъ факультетѣ. Стоитъ только вспомнить, что число студентовъ-юристовъ всегда выше числа естественниковъ, хотя русскіе университеты занесли въ свои лѣтописи едва-ли не большее количество видныхъ профессоровъ-естественниковъ, нежели юристовъ. Правда, г. Никольскій очень легко справляется съ этимъ затрудненіемъ, вводя въ свои разсужденія новый критерій распредѣленія гонорара, именно сравнительную полезность для общества различныхъ наукъ. «Самый посредственный лекторъ гражданскаго права или политической экономіи, заявляетъ онъ, полезнѣе и нужнѣе обществу, чѣмъ самый геніальный астрономъ». Подобное заявленіе очень любопытно въ устахъ молодого ученаго (г. Никольскій сообщилъ читателямъ, что онъ готовится къ чтенію лекцій въ университетѣ), но, какъ аргументъ, оно, кажется, способно лишь показать слабость того дѣла, которое должно имъ защищаться. Затѣмъ нужно прибавить, что и въ предѣлахъ каждаго отдѣльнаго факультета количество гонорара, получаемаго преподавателями, въ громадномъ большинствѣ случаевъ вовсе не зависитъ отъ ихъ лекторскихъ способностей. Русскіе студенты не могутъ, подобно студентамъ германскихъ университетовъ, свободно выбирать курсы, которые они желаютъ слушать за время пребыванія въ университетѣ. Составленный министерствомъ учебный планъ точно опредѣляетъ, какіе курсы обязательны для каждаго студента, и не только держать окончательныя испытанія, но и вообще находиться въ университетѣ могутъ только студенты, выполняющіе указанія этого плана и слушающіе обязательныя лекціи, т. е. записывающіеся на нихъ и платящіе гонораръ лектору. Свобода выбора остается за студентомъ лишь въ тѣхъ, крайне рѣдкихъ, случаяхъ, когда одинъ и тотъ же курсъ читаютъ два лица. Что касается необязательныхъ курсовъ, то въ теоріи слушаніе ихъ вполнѣ свободно, но именно только въ теоріи, на практикѣ же дѣло обстоитъ иначе. Записаться на не обязательный курсъ, совпадающій по времени чтенія съ обязательнымъ, студентъ не имѣетъ права. Но обязательныхъ лекцій у студента насчитывается 18—25 въ недѣлю, тогда какъ всего на чтеніе лекцій отводится около 42 часовъ въ недѣлю. Нетрудно видѣть, что при такихъ условіяхъ лишь немногіе необязательные курсы окажутся совершенно не совпадающими съ обязательными и, слѣдовательно, доступными для студентовъ, строго выполняющихъ указанія учебнаго плана. Фактически, какъ это хорошо извѣстно всякому, имѣющему сколько-нибудь близкое соприкосновеніе съ университетомъ, студенты и руководятся даннымъ планомъ лишь постольку, поскольку онъ

опредѣляетъ количество гонорара за обязательныя лекціи. Уплативъ этотъ гонораръ, они очень часто не посѣщаютъ оплаченныхъ ими лекцій, а слушаютъ другія, на которыя не записывались, а иногда и не могли записаться. При такихъ условіяхъ врядъ-ли можно серьезно говорить о томъ, будто въ системѣ гонорара есть какое-то справедливое основаніе. Для студентовъ она простое увеличеніе платы за ученіе, для профессоровъ—система премій, назначаемыхъ министерскими учебными планами и опредѣляемыхъ въ своемъ размѣрѣ рядомъ чисто случайныхъ обстоятельствъ. Самый талантливый профессоръ, читающій необязательный курсъ или даже обязательный, но на малолюдномъ факультетѣ, получитъ ничтожный гонораръ и, наоборотъ, бездарный лекторъ на многолюдномъ факультетѣ, видя передъ собою почти пустую аудиторію, будетъ все же получать значительную сумму гонорара, если его курсъ обязателенъ для студентовъ. Профессоръ, читающій обязательныя лекціи для студентовъ перваго курса, всегда будетъ получать большій гонораръ, чѣмъ профессоръ, читающій на четвертомъ курсѣ, и т. д.

Помимо соразмѣрности оплаты лекторскаго труда съ талантомъ лектора, соразмѣрности, на практикѣ, какъ видно изъ сказаннаго, остающейся совершенно фиктивной, защитники системы гонорара находятъ въ ней еще одно крупное достоинство. По ихъ увѣреніямъ, именно, эта система тѣсно связана съ институтомъ приватъ-доцентуры, обязаннымъ ей своимъ разцвѣтомъ, и уничтожить ее значило бы въ корень подорвать данный институтъ. Такого рода аргументъ впервые былъ приведенъ въ статьяхъ г. Никольскаго, но съ особенной, если не убѣдительностью, то настойчивостью повторяется онъ въ статьѣ, помѣщенной въ октябрьской книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника» — «Г. Карѣевъ объ университетскомъ гонорарѣ». Статья эта очень любопытна для характеристики нѣкоторыхъ защитниковъ гонорара. Какъ ни опредѣленна репутація «Сѣвернаго Вѣстника», а все же приходится удивляться тому, что редакція журнала рѣшилась не только напечатать эту статью, но и принять на себя всю отвѣтственность за нее, допустивъ помѣщеніе ея безъ подписи. Вся статья представляетъ собою скорѣе озлобленное сведеніе какихъ-то личныхъ счетовъ безъименнаго автора, нежели полемику по опредѣленному вопросу. Какъ примѣръ опрятности—къ сожалѣнію, мы не можемъ найти для даннаго случая болѣе мягкаго слова—полемическихъ пріемовъ автора, приведемъ одно мѣсто. Проф. Карѣевъ разослалъ профессорамъ разныхъ университетовъ записку, заключающую въ себѣ его мнѣніе о необходимости уничтоженія гонорара, а позднѣе, когда одна газета помѣстила неточную выдержку изъ этой записки, напечаталъ ее цѣликомъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (29 сент., № 266). Послѣдняго, очевидно, не ожидалъ авторъ статьи «Сѣв. Вѣстника», позволив-

шій себѣ довольно безцеремонно исказить мысли писателя, съ которымъ онъ якобы полемизируетъ. По его увѣренію, проф. Карѣевъ высказывается противъ доцентуры: «г. Карѣевъ прямо предлагаетъ уничтожить гонораръ безъ разсужденій»... «передъ полнымъ уничтоженіемъ приватъ-доцентуры онъ не останавливается». Въ дѣйствительности въ статьѣ г. Карѣева нѣтъ ни одного слова противъ доцентуры, но есть довольно обстоятельныя разсужденія о томъ, какъ можетъ отразиться на доцентахъ уничтоженіе гонорара и вся эта часть статьи заканчивается словами: «конечно, впрочемъ, было бы лучше всего, еслибы приватъ-доценты сами имѣли возможность, подобно профессорамъ, высказать свои взгляды на гонораръ». Увлекшись, должно быть, столь побѣдоносною полемикой, авторъ статьи «Сѣв. Вѣстника» не имѣлъ уже, вѣроятно, времени представить какія либо доказательства справедливости своего мнѣнія о тѣсной связи приватъ-доцентуры съ гонораромъ. Не далъ такихъ доказательствъ и г. Никольскій. А между тѣмъ нѣтъ недостатка въ фактахъ на основаніи которыхъ можно судить о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ институтовъ.

Передъ нами лежитъ документъ, озаглавленный «Списокъ профессоровъ и приватъ-доцентовъ, получавшихъ въ 1895 и 1896 гг. гонораръ за чтеніе лекцій и веденіе практическихъ занятій». Въ этомъ документѣ, касающемся, правда, только петербургскаго университета, заключается крайне любопытный матеріалъ для рѣшенія интересующаго насъ вопроса. Но ранѣе, чѣмъ привести его, напомнимъ въ двухъ словахъ организацію приватъ-доцентуры въ университетѣ. При дѣйствіи устава 1863 г. существовали штатные доценты, выбиравшіеся факультетами и получавшіе жалованье въ размѣрѣ 1200 р. въ годъ, и приватъ-доценты, читавшіе безъ приглашенія ихъ факультетомъ, но съ его утвержденія, и жалованья не получавшіе. Уставъ 1884 г. уничтожилъ доцентуру штатную и облегчилъ доступъ въ ряды приватъ-доцентовъ, причемъ всѣ они должны получать вознагражденіе изъ особой штатной суммы по опредѣленію министра. Это общее вознагражденіе совершенно ничтожно, но сверхъ того нѣкоторые приватъ-доценты, по преимуществу тѣ, которые читаютъ обязательные курсы по порученію факультетовъ, по ходатайству послѣднихъ получаютъ особое содержаніе, въ разныхъ университетахъ и на различныхъ факультетахъ варьирующееся, но не поднимающееся выше 1200 р. въ годъ. Фактически, слѣдовательно, и въ настоящее время приватъ-доценты распадаются на двѣ группы, изъ которыхъ одна, подобно профессорамъ, получаетъ жалованье и въ добавокъ къ нему гонораръ, другая же имѣетъ въ своемъ распоряженіи только гонораръ. Теперь обратимся къ свѣдѣніямъ о распредѣленіи студенческаго гонорара между различными группами преподавателей петербургскаго университета въ 1896 г.,

причемъ для наглядности сгруппируемъ эти свѣдѣнія въ формѣ таблицъ. Начнемъ съ юридическаго факультета, на которомъ въ виду многочисленности студентовъ гонораръ имѣетъ особое значеніе.

Размѣръ гонорара, полученнаго за годъ. Рубли.	Профессора.	Доценты, получающіе содержаніе.	Доценты, не получающіе содержанія.
1— 10	—	—	3
10— 50	—	—	1
50— 100	—	1	1
100— 250	—	—	—
250— 500	3	—	—
500—1,000	1	—	2
1,000—1,500	1	—	2
1,500—2,000	1	1	—
2,000—2,500	2	—	—
2,500—3,000	4	—	1
3,000—3,500	—	1	—
3,500—4,000	—	—	1
4,000—4,500	1	—	—
4,500—5,000	1	—	—
5,000—5,500	1	—	—
5,500—6,000	1	—	—
	16	3	11

Такимъ образомъ оказывается, что изъ 16 профессоровъ, читавшихъ въ 1896 г. на юридическомъ факультетѣ, ни одинъ не получалъ гонорара менѣе 250 р., 4 или четверть общаго числа получали гонораръ въ размѣрѣ 250—1000 р. и такое же число профессоровъ пользовалось высшей нормой гонорара отъ 4000—6000 р. Остальная половина профессоровъ имѣла гонораръ отъ 1000 до 3000 р., причемъ 6 получали отъ 2 до 3 тысячъ и двое отъ 1000 до 2000 р. Совершенно обратныя отношенія приходится наблюдать въ группѣ приватъ-доцентовъ, не получающихъ содержанія. Высшихъ размѣровъ гонорара—отъ 4000 до 6000 р.—здѣсь совсѣмъ не существуетъ. За то почти половина всего числа доцентовъ, 5 изъ 11, получали гонораръ отъ 1—250 р., т. е. въ такомъ размѣрѣ, что эту получку нельзя считать какимъ-либо пособіемъ для жизни, къ тому же и изъ этихъ пяти трое имѣли гонораръ менѣе 10 р. Изъ остальныхъ шести 2 получали отъ 500—1000 р. и 4 отъ 1000 до 4000 р., причемъ изъ послѣднихъ опять-таки двое имѣли отъ двухъ до четырехъ тысячъ рублей. Благопріятнѣе было положеніе маленькой группы доцентовъ, получающихъ содержаніе: здѣсь менѣе 100 р. получалъ одинъ и отъ

1500 до 3500 р.—двое доцентовъ. Ярко обрисовывая степень равномѣрности въ распредѣленіи гонорара между отдѣльными преподавателями, эти цифры вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ, кажется, и возможность опредѣлить, съ интересами какой группы университетскихъ преподавателей тѣснѣе всего связана система гонорара. Но пойдемъ еще дальше. На физико-математическомъ факультетѣ въ томъ же 1896 г. распредѣленіе гонорара было таково:

Размѣръ гонорара. Рубли.	Профессора.	Доценты, пол. сод.	Доценты, не пол. сод.
1— 10	—	—	8
10— 50	—	2	7
50— 100	1	—	1
100— 250	2	1	4
250— 500	4	3	—
500—1,000	7	1	—
1,000—1,500	5	1	1
1,500—2,000	3	—	—
2,000—2,500	—	1	—
2,500—3,000	2	—	—
4,500—5,000	1	—	—
	25	9	21

Изъ 25 профессоровъ трое, слѣдовательно, имѣли гонораръ менѣе 250 р., немногимъ менѣе половины (11 чел.)—отъ 250 до 1,000 р. четверть — отъ 1,000 до 2,000 р., двое отъ 2,500 до 3,000 р. и только одинъ болѣе 4,000 р. Что касается доцентовъ, не получающихъ содержанія, то изъ всего ихъ числа лишь одинъ получалъ болѣе 1,000 р., остальные 20 имѣли менѣе 250 р., и изъ нихъ 15 менѣе 50 р., а 8 даже менѣе 10 р. Изъ доцентовъ, получающихъ содержаніе, треть пользовалась гонораромъ менѣе, чѣмъ въ 250 р., и треть менѣе 500 р.; изъ остальныхъ трехъ только двое получали болѣе 1,000 р. и лишь одинъ болѣе 2,000 р. Такое неблагопріятное положеніе по отношенію къ гонорару не помѣшало на данномъ факультетѣ образоваться вдвое большему числу доцентовъ, нежели на юридическомъ. Въ еще болѣе простомъ видѣ представляются отношенія на двухъ остальныхъ факультетахъ *). Среди членовъ историко-филологическаго факультета гонораръ распредѣлялся слѣдующимъ образомъ:

*) Въ слѣдующихъ таблицахъ мы къ получающимъ содержаніе доцентамъ причисляемъ и близкихъ къ нимъ по своему положенію „лекторовъ“.

Размѣръ гонорара. Рубли.	Профессора.	Доценты, получающіе содержаніе.	Доценты, не получающіе содержанія.
1— 10	—	4	10
10— 50	3	4	5
50— 100	2	—	—
100— 250	4	4	1
250— 500	4	1	—
500—1,000	2	1	—
	15	14	16

На данномъ факультетѣ гонораръ менѣе 250 р. приходится, стало быть, на долю $^3/_5$ профессоровъ, $^6/_7$ доцентовъ, получающихъ содержаніе, и всѣхъ доцентовъ, содержанія не получающихъ, причемъ изъ послѣднихъ 10 человѣкъ получало менѣе, чѣмъ по 10 р. гонорара; вмѣстѣ съ тѣмъ ничей гонораръ не достигалъ 1,000 р. и только 2 профессора и одинъ доцентъ пользовались гонораромъ, превышавшимъ 500 р. И здѣсь это обстоятельство не послужило препятствіемъ къ накопленію большого числа доцентовъ, болѣе значительнаго, чѣмъ на юридическомъ факультетѣ. Наконецъ, на факультетѣ восточныхъ языковъ распредѣленіе гонорара имѣло въ 1896 г. такой видъ:

Размѣръ гонорара. Рубли.	Профессора.	Доценты, получающіе содержаніе.
1— 10	2	1
10— 50	1	5
50—100	2	2
100—250	6	1
250—500	—	1
	11	9

т. е. ни для кого изъ членовъ факультета гонораръ не имѣлъ сколько-нибудь серьезнаго значенія, такъ какъ и единственный доцентъ, означенный въ таблицѣ имѣющимъ болѣе 250 р., въ дѣйствительности получалъ всего 354 р. Сведемъ теперь итоги по всему университету.

Размѣръ гонорара. Рубли.	Профессора.	Доценты, получающіе содержаніе.	Доценты, не получающія содержаніе.	Общее число преподавателей.	% всего числа преподавателей.
1— 250	23	25	41	89	59
250— 500	11	5	—	16	10,6
500—1,000	10	2	2	14	9,3
1,000—1,500	6	1	3	10	6,6

1,500—2,000	4	1	—	5	3,3
2,000—2,500	2	1	—	3	2
2,500—3,000	6	—	1	7	4,6
3,000—3,500	—	1	—	1	0,6
3,500—4,000	—	—	1	1	0,6
4,000—6,000	5	—	—	5	3,3
	67	36	48	151	

Итакъ, высшіе размѣры гонорара, выше 4000 р., выпадают только на долю профессоровъ, но и изъ послѣднихъ пользуютс ими едва 7 проц. съ небольшимъ. Наоборотъ, низшій размѣр гонорара, до 250 р., имѣютъ 34 проц. профессоровъ, 69 про доцентовъ, получающихъ содержаніе, и 85 проц. доцентовъ, і получающихъ содержанія; иначе говоря, едва 15 проц. всеі числа университетскихъ доцентовъ второго разряда могутъ сч таться сколько-нибудь обезпеченными гонораромъ. Далѣе, из профессоровъ 31 проц. имѣли гонораръ отъ 250 до 1000] 15 проц.—отъ 1000 до 2000 р. и 12 проц. отъ 2000 до 3000 Изъ доцентовъ, получающихъ содержаніе, 19 проц. пользовали гонораромъ отъ 250 до 1000 р., 5,5 проц.—отъ 1000 до 2000 и такое же число отъ 1000 до 3500 р. Наконецъ, изъ доцентов не получающихъ содержанія, 4 проц. получали гонораръ отъ 25 до 1000 р., 6 проц. съ небольшимъ отъ 2000 до 1500 р. и 4 про отъ 2000 до 4000 р. Если припомнить еще, что и г. Никол скій, и авторъ статьи «Сѣв. Вѣстника» одинаково считаютъ пр фессорскіе оклады въ 2000 и 3000 р. чуть не нищенскими, т придется принимать во вниманіе гонорары доцентовъ, только начи ная съ 2000 р., и тогда окажется, что намъ предлагаютъ удержат всю систему гонорара ради четырехъ человѣкъ изъ общаго чи ла 84 доцентовъ. Но и минуя какъ это оригинальное предста леніе о нищенствѣ, такъ и вопросъ о неравномѣрномъ распр дѣленіи гонорара вообще между университетскими преподават лями, нельзя не видѣть, что только что приведенныя цифры ст вятъ передъ нами два неоспоримые, повидимому, вывода. Преж всего оказывается, что число приватъ-доцентовъ не стоитъ в какой-либо постоянной зависимости отъ возможности получені гонорара, а затѣмъ выясняется изъ этихъ же цифръ, что сист ма гонорара приноситъ наиболѣе выгодъ тѣмъ группамъ преп давателей, которыя и безъ того обезпечены жалованьемъ, и на менѣе служитъ интересамъ приватъ-доцентовъ, жалованья не п лучающихъ. Конечно, эти выводы не могутъ еще быть распростр нены безъ всякихъ оговорокъ на другіе университеты, помим петербургскаго, о которыхъ у насъ не имѣется аналогичных свѣдѣній. Но такъ какъ единственнымъ серьезнымъ условіем отличающимъ эти университеты отъ петербургскаго, являетс присутствіе въ нихъ медицинскаго факультета и такъ какъ, с

другой стороны, нигдѣ приватъ-доцентура не развилась такъ сильно, какъ въ Петербургѣ, то мы въ правѣ, кажется, утверждать, по крайней мѣрѣ, до фактическаго опроверженія нашего вывода, что приватъ-доцентура не стоитъ въ сколько нибудь тѣсной связи съ системой гонорара, и требованіе уничтоженія послѣдней не ведетъ къ подрыву первой. Единственная заслуга, которую можно признать за системою гонорара, заключается въ томъ, что она даетъ возможность приватъ-доцентамъ читать общіе курсы, требующіе затраты большого количества труда, и конкуррировать съ профессорами, находя себѣ вознагражденіе въ студенческомъ гонорарѣ. Но та главная цѣль, какую преслѣдуютъ подобные конкуррентные курсы, именно обновленіе преподавательскаго состава университетовъ свѣжими силами, могла бы, намъ кажется, быть достигнута безъ помощи гонорара, другими средствами, болѣе согласными съ достоинствомъ университета. Не мало могло бы способствовать ея достиженію уже одно расширеніе правъ университетскихъ коллегій въ дѣлѣ выбора преподавателей.

Какъ мало согласуется въ самомъ дѣлѣ система гонорара съ достоинствомъ университетовъ и самихъ профессоровъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ факты, приводимые проф. Карѣевымъ въ упомянутой нами выше статьѣ. Комитетомъ общества вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ петербургскаго университета «значительная часть пособій студентамъ выдается ежегодно для взноса за слушаніе лекцій въ ущербъ удовлетворенію другихъ студенческихъ нуждъ, причемъ въ видѣ общаго правила принято выдавать нуждающимся студентамъ пособія лишь для уплаты гонорара, такъ какъ комитетъ совершенно не въ состояніи давать пособія и для уплаты въ университетъ. Выходитъ, такимъ образомъ, слѣдующее: часть гонорара, получаемаго профессорами, складывается изъ суммъ, собираемыхъ благотворительнымъ обществомъ на удовлетвореніе студенческихъ нуждъ, и благотворительное общество, заботясь о томъ, чтобы никто не былъ исключенъ изъ университета за невзносъ денегъ, идущихъ непосредственно въ профессорскіе карманы, тѣмъ самымъ вынуждается уменьшать выдачи студентамъ, у которыхъ нѣтъ денегъ на квартиру, на платье, на столъ, на учебныя пособія. Напримѣръ, въ 1896 г. общество израсходовало въ видѣ пособій студентамъ болѣе 25 т. р., изъ коихъ чуть не $^{3}/_{5}$ (болѣе 14 т.) пошло на уплату гонорара. Въ Москвѣ газеты два раза въ годъ обращаются съ воззваніями къ обществу о десяткахъ и сотняхъ студентовъ, подлежащихъ исключенію изъ университета за невзносъ платы, и тысячами притекаютъ пожертвованія, изъ которыхъ частью и складывается гонорарная прибавка къ профессорскому жалованью». Указанія г. Карѣева и его выводъ о необходимости уничтоженія гонорара навлекли на него сильный гнѣвъ защитниковъ этой системы, выразившійся въ ироническихъ замѣчаніяхъ г. Никольскаго и «Сѣв.

Вѣстника». И тотъ, и другой остались недовольны, что г. Ка рѣевъ, предлагая уничтожить гонораръ, не отказывается отъ го сударственнаго жалованья. «Если намъ жалко, писалъ г. Николь скій, брать гонораръ отъ студента, за котораго, если онъ бѣденъ заплатятъ другіе, то почему не жалко брать тѣ же деньги, и даж еще большія, отъ мужика, за котораго никто не заплатитъ пода тей, когда ихъ съ него потребуютъ? Ужъ отказываться, такъ от казываться начисто и во всякомъ случаѣ скорѣй отъ жалованья чѣмъ отъ гонорара» («Нов. Время», № 7756) «Если углублять во просъ, говоритъ въ свою очередь «Сѣв. Вѣстникъ», то достойн ли великаго государства и нравственнаго достоинства профессо ровъ получать жалованье, составляемое главнымъ образомъ изъ тѣхъ грошей, которые несетъ лапотникъ въ уѣздное казначейств безъ надежды когда-нибудь видѣть своего сына не только въ высшемъ, но даже въ среднемъ учебномъ заведеніи?» «Такой во просъ, по мнѣнію журнала, задавать не стоитъ, а между тѣмъ это только продолженіе тезиса, поставленнаго г. Карѣевымъ». Конечно, и сотруднику «Нов. Времени», и «Сѣв. Вѣстнику» кресть янинъ понадобился только для краснаго словца. Оба они, не посредственно вслѣдъ за этими трогательными словами, предла гаютъ и гонораръ сохранить, и профессорское жалованье увели чить. Стало быть, увеличенное изъ «грошей лапотника» жало ванье и набранный изъ благотворительныхъ средствъ гонораръ самъ по себѣ, а жалость къ «мужику», «лапотнику» и студенту тоже сама по себѣ. Такъ какъ однако приведенный аргументъ повторялся и въ нѣсколько болѣе серьезныхъ органахъ, то на немъ стоитъ нѣсколько остановиться.

Если признать принципъ оплаты высшаго образованія самими получающими его, то надо бы провести этотъ принципъ послѣдовательно и, устранивъ плательщиковъ податей отъ всякихъ расходовъ, обратить университеты, по крайней мѣрѣ, по способу ихъ содержанія, въ частныя учебныя заведенія. Любопытно во всякомъ случаѣ опредѣлить, какіе результаты могутъ получиться при этомъ. Съ цѣлью отвѣта на этотъ вопросъ мы позволимъ себѣ привести нѣкоторыя свѣдѣнія о стоимости нашихъ университетовъ, обнародованныя за послѣдніе годы. Въ 1896 г. въ петербургскій университетъ поступило отъ студентовъ въ качествѣ гонорара около 100.000 р. и въ видѣ платы за ученіе 116.000 р., всего 216.000 руб. Въ другихъ университетахъ, за исключеніемъ московскаго, этотъ доходъ долженъ былъ быть значительно меньше, такъ какъ въ нихъ менѣе студентовъ, чѣмъ въ Петербургѣ. Одновременно съ этимъ казна расходовала на личный составъ: въ петербургскомъ университетѣ около 208.000 и въ университетахъ съ медицинскимъ факультетомъ приблизительно по 250.000 руб.; изъ нихъ около 150.000 р. въ Петербургѣ и около 190.000 р. въ другихъ университетахъ шло на содержаніе профессоровъ; сверхштатные рас-

ходы на личный составъ университетовъ равнялись въ Петербургѣ 4.500 р., въ Москвѣ 120.000 р. и въ Харьковѣ 30.000 р. На учебно-вспомогательныя учрежденія казна тратила въ петербургскомъ университетѣ 90.000 р. и сверхъ штата 35.000 р., въ московскомъ 110.000 и сверхъ штата 410.000 р., въ харьковскомъ 70.000 р., въ казанскомъ 92.000 р., въ кіевскомъ 90.000 р. и въ одесскомъ 56.000 р. Расходы на стипендіи въ томъ же порядкѣ университетовъ выражались цифрами въ 68, 340, 25, 23, 21 и 17 тысячъ рублей. Общая же сумма выдачъ на названные 6 университетовъ изъ государственной казны равнялась 2.928.135 руб. 43 коп. Въ эту сумму не входятъ расходы на юрьевскій (271 тысяча), варшавскій (262 т.) и томскій (134 т.) университеты. Приведенныя цифры позволяютъ заключить, что при перенесеніи расходовъ содержанія университетовъ цѣликомъ на студентовъ плату съ послѣднихъ пришлось бы увеличить въ 3—4 раза, т. е. поднять до 300—400 р. Еслибы даже нашлось равное нынѣшнему число студентовъ, способныхъ внести такую плату, въ чемъ весьма позволительно усомниться, то университеты обратились бы въ заведенія, служащія исключительно для образованія богатыхъ классовъ, и такой оборотъ дѣла врядъ-ли можно было бы признать соотвѣтствующимъ интересамъ народа. Высшее образованіе составляетъ такую силу, нужда въ которой ощущается не только частными людьми, но и государствомъ, и именно поэтому въ число задачъ послѣдняго обязательно входитъ организація высшаго образованія на началахъ общедоступности. Гроши, собираемые съ «лапотника», нигдѣ не принесутъ такой пользы и государству, и народу, какъ въ томъ случаѣ, если они будутъ направлены на созданіе свѣжихъ интеллигентныхъ силъ, на увеличеніе въ странѣ знанія. Само собою разумѣется однако, что этихъ грошей нельзя собирать безграничное число, и вотъ почему мы думаемъ, что увеличеніе профессорскаго жалованья можетъ еще быть отсрочено.

До сихъ поръ у насъ рѣчь шла о безусловныхъ сторонникахъ дѣйствующей системы. Теперь остается сказать нѣсколько словъ о предлагаемыхъ поправкахъ къ ней, силящихся удержать, по крайней мѣрѣ, отдѣльныя ея стороны. Нѣкоторые проектируютъ сохранить гонораръ, но установить равномѣрное его распредѣленіе между профессорами и приватъ-доцентами по числу читаемыхъ ими лекцій. Аналогичный проектъ представляли «Р. Вѣдомости», предлагая прямо повысить плату за ученіе до 100 р. въ годъ, но за то освобождать всѣхъ недостаточныхъ студентовъ отъ всякой платы. По мнѣнію газеты, такой способъ рѣшенія вопроса о гонорарѣ дастъ средства для увеличенія профессорскаго жалованья и вмѣстѣ не встрѣтитъ препятствій для своего осуществленія, такъ какъ «за послѣдніе годы увеличивается притокъ въ университеты состоятельныхъ молодыхъ людей раз-

ныхъ званій и профессій, для которыхъ уплата ста рублей въ годъ не представляетъ затрудненій» («Р. Вѣд.», № 258). Мы не знаемъ, однако, на чемъ основываетъ газета послѣднее свое утвержденіе, и не видимъ, въ чемъ можетъ въ случаѣ осуществленія ея плана заключаться гарантія освобожденія отъ платы всѣхъ недостаточныхъ студентовъ. Впрочемъ, «Русскія Вѣдомости» и сами, какъ оказывается, не настаиваютъ на своемъ проектѣ. До недавняго времени во всѣхъ статьяхъ этой газеты о гонорарѣ повторялось указаніе на неудобство нынѣшней системы гонорара и требованіе увеличенія профессорскаго жалованья, въ одномъ же изъ послѣднихъ ея нумеровъ мы читаемъ слѣдующія строки:

«Вообще вопросъ о гонорарѣ не такъ простъ, какъ онъ можетъ казаться. Для малолюдныхъ университетовъ, вродѣ казанскаго или одесскаго напр., онъ представляетъ далеко не то значеніе, какъ для московскаго или петербургскаго, даже для московскаго не то, что для петербургскаго, многіе профессора котораго, кромѣ университета, преподаютъ еще въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ или имѣютъ занятія при центральныхъ учрежденіяхъ и т. п. Съ принципіальной точки зрѣнія можно относиться къ гонорару также различно: по одному взгляду гонораръ—зло, потому что онъ налагаетъ излишнюю тяготу на студентовъ и на общество, вынужденное прибѣгать къ благотворительности для взносовъ за недостаточныхъ студентовъ; по другому взгляду—это самая справедливая система, ибо кому же и платить за образованіе, какъ не тѣмъ, которые его получаютъ, и не обществу, которое наиболѣе сочувствуетъ высшему образованію и заинтересовано матеріально и нравственно въ его успѣхахъ и распространеніи. Одни находятъ въ положеніи профессора, получающаго гонораръ, нѣчто, приносящее ущербъ профессорскому достоинству, «съ чѣмъ трудно примириться»; другіе думаютъ, что это положеніе вполнѣ естественное, и что для профессора не можетъ быть ничего пріятнѣе и справедливѣе, какъ получать съ того, кому онъ приноситъ пользу, кого онъ учитъ, снабжаетъ средствами для дальнѣйшей дѣятельности, а не съ мужика, для котораго университетъ недоступенъ, который непосредственно въ немъ не заинтересованъ, и за котораго «уже никто не заплатитъ податей, когда ихъ съ него потребуютъ». Но справедливость системы гонорара предполагаетъ свободный выборъ слушателями профессоровъ и курсовъ, а такого свободнаго выбора, какъ мы знаемъ, у нашихъ студентовъ нѣтъ. При обязательности же подписки на нѣкоторые курсы гонораръ утрачиваетъ свое первоначальное значеніе, однако, теряетъ ли онъ при этомъ всякій смыслъ? По однимъ—да, по другимъ—нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, онъ составляетъ извѣстный дополнительный взносъ за право слушанія лекцій, который можно считать тягост-

нымъ, какъ вообще всякую плату за ученіе, а можно считать и справедливымъ, если принять во вниманіе его цѣль—поддержаніе и улучшеніе преподаванія. Только многіе полагаютъ, что нельзя допускать такой крайней неравномѣрности въ вознагражденіи профессоровъ, какая существуетъ теперь, безъ всякаго соотношенія со степенью труда, учености, талантливости преподавателя, а единственно въ зависимости отъ числа слушателей даннаго факультета и курса. Предлагаютъ поэтому дѣлить гонораръ между всѣми профессорами равномѣрно, но вотъ тутъ и является вопросъ, въ чемъ видѣть эту равномѣрность? Въ числѣ часовъ,—но достаточно ли для оцѣнки труда только количество затраченнаго на него времени? Притомъ, кромѣ лекцій, профессора тратятъ много времени на практическія занятія со студентами, на завѣдываніе разными университетскими учрежденіями, на экзамены, оцѣнку студенческихъ сочиненій и т. д. и притомъ часто далеко нераравномѣрно. Кромѣ того, въ занятіяхъ этихъ нерѣдко существенное содѣйствіе профессорамъ оказываютъ ихъ ассистенты, лаборанты, ординаторы, приватъ-доценты, вознагражденіе коихъ, какъ гораздо болѣе скудное или даже равняющееся нулю, нуждается также въ увеличеніи. Затѣмъ, если дѣлить гонораръ равномѣрно, то какой смыслъ будетъ имѣть записываніе слушателей на тѣ или другіе курсы? Не проще-ли замѣнить это записываніе и разсчетъ по нему причитающагося взноса однообразной платой для всѣхъ слушателей, съ предоставленіемъ имъ права посѣщать тѣ курсы, какіе имъ желательны? Но это неудобно, по мнѣнію другихъ, тѣмъ, что должно привести къ ломкѣ всей существующей системы зачетовъ, повѣрочныхъ испытаній, способно подорвать еще болѣе институтъ приватъ-доцентовъ, вызвать разныя административныя неудобства и т. д. Большинство, повидимому, склонно отказаться отъ гонорара въ пользу равномѣрнаго увеличенія профессорскаго жалованья, но такое увеличеніе, совершенно необходимое при современныхъ условіяхъ жизни, является покуда проблематичнымъ, и вопросъ поставленъ министерствомъ только по отношенію къ гонорару, или, точнѣе, къ его болѣе справедливому распредѣленію, что и составляетъ въ настоящее время предметъ обсужденій профессорскихъ коллегій во всѣхъ университетахъ, въ которыхъ введенъ новый уставъ 1884 года» («Р. Вѣд»., № 274).

Единственный, кажется, выводъ, который можно сдѣлать изъ этой длинной тирады сводится къ тому, что «Р. Вѣдомости» согласны на всякое рѣшеніе вопроса, кромѣ пониженія студенческой платы. Признаемся, мы не того ожидали отъ московской газеты.

Изъ сказаннаго ранѣе видно уже, какое значеніе могутъ имѣть подобныя попытки удержать отдѣльныя части готовой рухнуть системы. Если вся система гонорара въ цѣломъ своемъ

видѣ не выдерживаетъ критики, то, равнымъ образомъ, нельзя сочувственно относиться и къ сохраняемому отъ нея въ газетныхъ проектахъ затрудненію доступа къ высшему образованію. Ни сохраненіе взимаемаго со студентовъ гонорара съ равномѣрнымъ распредѣленіемъ его между университетскими преподавателями, ни повышеніе платы за ученіе въ цѣляхъ увеличенія профессорскаго жалованья не могутъ явиться путями къ правильному рѣшенію назрѣвшаго вопроса. Мы не хотимъ сказать, что профессорское жалованье вполнѣ достаточно въ своемъ настоящемъ видѣ. Но при ничтожномъ бюджетѣ министерства народнаго просвѣщенія, при печальномъ состояніи низшаго и средняго образованія въ странѣ, при недостаточности тѣхъ классовъ, изъ которыхъ выходитъ главная масса русскаго студенчества, нѣтъ возможности, думается намъ, настаивать на увеличеніи этого жалованья ни на счетъ народнаго, ни на счетъ студенческаго кошелька. Съ другой стороны въ самомъ университетскомъ и въ частности профессорскомъ быту есть нужды, гораздо болѣе настоятельныя, требующія несравненно болѣе серьезнаго вниманія членовъ университетскихъ коллегій. При такихъ условіяхъ единственнымъ правильнымъ путемъ, соотвѣтствующимъ интересамъ образованія, является серьезное пониженіе студенческой платы, и мы хотѣли бы надѣяться, что система гонорара исчезнетъ безъ всякаго слѣда изъ жизни русскихъ университетовъ.

В. Мякотинъ.

Новыя книги.

Т. Осадчій. Образованные земледѣльцы въ Южной Руси. (Общественно экономическій этюдъ). По личному опыту 1894—1896 г.г. Кіевъ. 1897 г.

Книга г. Осадчаго—очень странная книга. Повидимому, авторъ ея очень хорошій человѣкъ, энергичный и самоотверженный работникъ на избранномъ имъ поприщѣ. Со многими его мыслями нельзя не согласиться, многимъ его призывамъ нельзя не сочувствовать. Онъ думаетъ, что положеніе современнаго „интеллигентнаго пролетарія“ очень тяжело и заставляетъ часто искать какого бы то ни было выхода. Это совершенно вѣрно. Онъ призываетъ къ работѣ на пользу родного народа и притомъ „въ глухіе, медвѣжьи углы“, гдѣ самое при-

сутствіе образованнаго человѣка особенно полезно. Это очень симпатично. Но, къ сожалѣнію, книга г. Осадчаго оставляетъ по прочтеніи очень смутное, совершенно неудовлетворяющее и даже, пожалуй, противуположное намѣреніямъ автора впечатлѣніе. У насъ есть уже цѣлая литература, подводящая итоги такъ называемому стремленію „сѣсть на землю", и нельзя сказать, чтобы эти итоги были особенно утѣшительны. Къ полу сектантскому „толстовскому" періоду этого движенія самъ г. Осадчій, повидимому, относится отрицательно („вѣдь и гр. Толстой пашетъ землю"—съ нескрываемымъ пренебреженіемъ пишетъ авторъ на стр. 4, и тотчасъ же называетъ такіе случаи „патологическими"). Но его отношеніе къ такъ называемымъ „интеллигентнымъ колоніямъ" отмѣчено какой то двойственностью и нерѣшительностью. „Интеллигентная колонія представляется мыслящему человѣку какимъ то земнымъ раемъ. Но насколько привлекательна жизнь интеллигентной колоніи въ воображеніи, настолько она непривлекательна въ дѣйствительномъ изображеніи (?) нашихъ писателей" (стр. 27). „О господствѣ сознанія у образованнаго человѣка много написано, но сознаніе это не всегда руководитъ даже человѣка, вполнѣ обезпеченнаго въ житейской борьбѣ, о человѣкѣ же, еле добывающемъ кусокъ насущнаго, — *и говорить нечего*" (курсивы наши). Поэтому колоніи быстро распадаются.

Это совершенно вѣрно. И, однако, на слѣдующей 28 страницѣ г. Осадчій полагаетъ, что „колонія, образованная на началахъ обыкновеннаго товарищества (я не говорю уже о болѣе сложномъ союзѣ, какъ артель) — *дѣло весьма возможное и полезное* для жизни образованнаго земледѣльца..." „Одно общее жилище, одно общее хозяйство, общее владѣніе землей и совмѣстный трудъ"—являются возможными и желательными также и на стр. 29. Но на стр. 30—„въ настоящее время такое соединеніе *убыточно для общаго дѣла*" и, „какъ показалъ опытъ", жизнь интеллигентныхъ колоній (опять) „представляется весьма непрочной". На стр. 31 „случаи распаденія колоній вовсе не доказываютъ, что артельная жизнь образованныхъ земледѣльцевъ совсѣмъ невозможна. *Она возможна*, нужно только, чтобы люди, идущіе на землю, вполнѣ представляли себѣ" ожидающія ихъ условія и т. д., т. е. нужно то, безъ чего никакое дѣло не удается, ни артельное, ни въ одиночку. При такихъ условіяхъ артельная организація *возможна* и даже „особенно необходима въ тѣхъ случаяхъ, когда идутъ на землю неопытные въ хозяйствѣ люди, не имѣющіе связи съ той мѣстностью, куда ихъ забросила судьба" (стр. 31). Повидимому, люди, неопытные въ хозяйствѣ вообще и не знающіе условій данной мѣстности, и будутъ какъ разъ тѣ самые, которые не въ состояніи ясно представить себѣ того, что ихъ ждетъ, и которые

уже много разъ создавали „непрочныя артели“. Теперь артельная форма для нихъ-то и оказывается „особенно необходимой“. „Для человѣка же болѣе сильнаго и опытнаго артельная форма мало нужна... ему нуженъ бываетъ товарищъ, но послѣдній можетъ жить отдѣльнымъ хозяйствомъ“ (ib.). Кажется, мы въ правѣ сдѣлать выводъ, что отношеніе г. Осадчаго къ интеллигентнымъ колоніямъ еще не выяснилось и для самого автора. Колоніи и нужны, и полезны, и возможны. Но онѣ непрочны и прямо „убыточны для дѣла“. Артельная форма возможна для людей, хорошо представляющихъ себѣ ожидающія ихъ условія. Но она необходима людямъ, не знающимъ ни хозяйства вообще, ни мѣстныхъ условій въ частности. Ее могутъ создать люди сильные и опытные, но имъ то она и не нужна и, однако, „если интеллигентъ собственнымъ примѣромъ не докажетъ возможности жить артелью,—то тщетно намъ ожидать отъ неразвитаго крестьянина почина съ насажденіемъ артельнаго хозяйства“. А такъ какъ насажденіе болѣе совершенныхъ формъ жизни является главною цѣлью призывовъ автора—то... мы должны отказаться сдѣлать выводъ изъ этихъ посылокъ, и просто послѣдуемъ за авторомъ дальше. Съ половины книги онъ уже говоритъ только о сильномъ и опытномъ образованномъ земледѣльцѣ, который можетъ справиться собственными силами. Г. Осадчій рекомендуетъ ему поселиться (съ подросткомъ лѣтъ 16—18) въ глухихъ мѣстахъ, не далеко отъ большихъ деревень, на участкѣ въ 15—20 десятинъ, гдѣ нибудь въ сѣверной части Херсонской или Екатеринославской губ. Самая книга носитъ заглавіе „Образованные земледѣльцы на Югѣ Россіи“. Заглавіе достаточно опредѣленное, и читатель въ правѣ ждать фактовъ и указаній на дѣйствительное существованіе описываемаго явленія. Къ сожалѣнію, и въ этомъ отношеніи читателя ждетъ полное разочарованіе. Только въ примѣчаніи на стр. 48 есть указаніе на „талантливаго статистика Ермолинскаго, умершаго недавно на хуторѣ близъ Нальчика“,—но изъ некрологовъ покойнаго мы знаемъ, что главнымъ, такъ сказать, основнымъ его трудомъ была статистика, а не земледѣліе. Личный опытъ г. Осадчаго охватываетъ только 2 года (1894—1896), какъ это видно изъ заголовка книги, а стр. 59 несетъ намъ вдобавокъ брошенное вскользь, хотя и очень интересное его признаніе: по его словамъ, образованный земледѣлецъ, вносящій въ свое дѣло меньше 2 тыс. рублей, не можетъ выполнить своей задачи„ и долженъ даже на время оставить свое дѣло, *какъ это и сдѣлалъ составитель этихъ статей*, и такъ или иначе добыть недостающія средства и (даже!) необходимыя знанія“. Очень жаль, что г. Осадчій не поясняетъ при этомъ, къ какому фазису его личнаго опыта относится сочиненіе разбираемой книги. Если она написана въ фазисѣ

„оставленія дѣла для пріобрѣтенія необходимыхъ знаній“, то не лучше ли было бы подождать, пока опытъ будетъ продолженъ при наличности всѣхъ необходимыхъ условій. Какъ бы то ни было, но и тѣ общія соображенія, которыя высказываетъ авторъ, и его экономическіе разсчеты приводятъ читателя къ выводамъ довольно мрачнаго свойства. На покупку участка земли г. Осадчій считаетъ необходимой сумму въ 2,500 рублей *). На инвентарь, сѣмена и т. д. еще около 1,200, всего значитъ нужно 3,700 рублей. Весь приходъ отъ полеводства исчисляется въ средній годъ въ суммѣ 208 р., что, за исключеніемъ необходимыхъ расходовъ, даетъ „остатокъ рублей въ 80, которые уходятъ на ремонтъ одежды, чай, сахаръ, выписку газетъ...“ „И если здѣсь, въ общихъ цифрахъ, прибавляетъ г. Осадчій, трудно свести концы съ концами, то въ жизни ихъ сводить еще труднѣе“. Безъ всякаго сомнѣнія. А если прибавить къ этому возможность неурожая, „дешевыхъ цѣнъ“, градобитія или падежа скотины, то придется и вовсе махнуть рукой на дальнѣйшія утѣшенія г. Осадчаго. Мы не говоримъ уже о возможности болѣзни самого хозяина, „подростка лѣтъ 16—18“, жены хозяина, и т. д. Не говоримъ объ экстренныхъ расходахъ, напр. по случаю рожденія ребенка, о необходимости воспитанія дѣтей и пр. и пр. Не говоримъ потому, что и самъ г. Осадчій не желаетъ разговаривать объ этихъ предметахъ. „Образованный земледѣлецъ“ представляется ему въ видѣ сильнаго, опытнаго и энергичнаго субъекта, живущаго самъ другъ съ подросткомъ лѣтъ 16—18. Правда, повременамъ гдѣ то на заднемъ фонѣ картины, въ коровникѣ или около печки, мелькаетъ какая то женская фигура, но отъ ея присутствія авторъ не ждетъ ничего хорошаго. Его отношеніе къ женщинѣ напоминаетъ суровую философію сѣчевиковъ. Правда,—оно какъ будто и нельзя безъ бабы по хозяйству. Авторъ предполагаетъ даже (стр. 49), что „жена этого земледѣльца будетъ самолично, безъ прислугъ вести домашнее и молочное хозяйство“, но тутъ же предсказываетъ, „что и отъ этихъ работъ она будетъ скоро уходить, какъ отъ крайне непріятнаго и непривычнаго занятія“ (50). Вообще, авторъ предвидитъ, что своенравная Ева грозитъ и на этотъ разъ скромному раю, созданному для образованнаго земледѣльца съ такой суровой экономіей,—и не скупится на желчныя характеристики по ея адресу. „Женщина, свыкшаяся съ городской жизнію, мало пригодна для цѣлей образованнаго земледѣльца“ (32). „По

*) При этомъ, съ обычною нерѣшительностію мнѣній, г. Осадчій заявляетъ, что крестьянскій банкъ долженъ бы оказывать кредитъ и образованному земледѣльцу на покупку земли,—но этотъ кредитъ, по его мнѣнію, будетъ вреденъ. „Необходимо, поэтому, чтобы участокъ былъ купленъ на наличныя деньги“ (стр. 56).

ихъ (женщинъ) мнѣнію, образованному человѣку недостойн заниматься чернымъ трудомъ, для котораго существуетъ при слуга". Вообще, г. Осадчій не допускаетъ, повидимому, и мысли чтобы женщина могла, подобно мужчинѣ, проникнуться идеѣ требующей самоотверженнаго отреченія отъ прежнихъ привычекъ. Во всѣхъ случаяхъ, когда г. Осадчій касается въ своеі книгѣ женщины — дѣло кончается тѣмъ, что *она* непремѣнн уходитъ. А тогда: „плохо хозяйство функціонировало при не внимательной и мало-способной хозяйкѣ, а по ея уходѣ правильное хозяйничанье уже невозможно" (33). Какъ же выйти изъ этого заколдованнаго круга: выбирать подругу сердца по чисто хозяйственнымъ соображеніямъ, соотвѣтственно надобностямъ молочнаго хозяйства, или приспособить къ этому хозяйству подростка? Наконецъ,—что будетъ, если *она* не уйдетъ и у „образованнаго земледѣльца" появится семья, можетъ быть даже и многочисленная? Будутъ ли его дѣти тоже „образованными" земледѣльцами, или имъ придется спуститься въ разрядъ земледѣльцевъ необразованныхъ? Г. Осадчій на этихъ вопросахъ не останавливается вовсе.

Какъ видитъ читатель,—при внимательномъ разсмотрѣніи отъ „образованнаго земледѣльца въ южной Руси" остается очень немного. Авторъ, повидимому, хорошо знакомъ съ народной жизнію; какъ участникъ „товарищества" по покупкѣ крестьянами земли навѣрное былъ очень полезенъ, его бѣглыя замѣчанія о разныхъ нуждахъ деревни вѣрны и практичны. Страннымъ образомъ всѣ эти свойства измѣняютъ ему лишь по отношенію къ главному предмету его книги. Мы это понимаемъ: г. Осадчему такъ хочется, чтобы все это было возможно и удобно, онъ такъ еще влюбленъ въ свою идею, что совершенно не замѣчаетъ ни противорѣчій, ни пробѣловъ въ своей постройкѣ. И очень немудрено, что тонъ „практика" и „человѣка жизни", какимъ проникнута брошюра, могутъ опять привлечь „на огонекъ" г. Осадчаго новыхъ адептовъ... Но увы! Это огонекъ „блуждающій"... Мы вовсе не поклонники того сектантскаго настроенія, которое одушевляло „колонистовъ" такъ называемаго толстовскаго типа. Но мы не можемъ не признать, что они послѣдовательнѣе г. Осадчаго. Прежде всего, они считаютъ данное положеніе всякаго интеллигентнаго человѣка грѣхомъ, отъ котораго нужно избавиться во что бы то ни стало. „Труды рукъ своихъ" они признаютъ святыми quand même и не скрываютъ отъ себя, что имъ предстоитъ нѣчто въ родѣ монашескаго подвига, — ломка всей жизни, борьба съ самыми законными стремленіями своей природы. Мы съ г. Осадчимъ „интеллигенцію" зломъ не считаемъ, а на положеніе „образованнаго земледѣльца" смотримъ, какъ на средство служить своему народу, разумно устроивъ и соб-

ственную жизнь. Но увы! г. Осадчій не только не доказалъ намъ, что это данное средство пригодно для данной цѣли, но обнаружилъ, наоборотъ, что двухлѣтняго опыта ему было недостаточно, чтобы самому себѣ выяснить всѣ стороны этого дѣла.

Житейскій задачникъ для дѣтей. М. Мандрыки. Сумы. 1896.

На заглавномъ листкѣ этой книги поставленъ 1895 годъ, на обложкѣ уже 1896, прислана она намъ для отзыва въ 1897. Цензурой книга разрѣшена въ Кіевѣ, печатана въ Сумахъ, подъ предисловіемъ подписано: М. Мандрыка. Гор. Каменецъ-Подольскъ. Все это можетъ поставить въ нѣкоторое затрудненіе библіографовъ, въ случаѣ, если-бы имя г. Мандрыки когда нибудь пріобрѣло безсмертіе. Но насъ въ гораздо большей степени угнетаетъ вопросъ, повидимому, совсѣмъ къ дѣлу не идущій, а именно,—кто такой этотъ г. Мандрыка: просто г. Мандрыка, или Мандрыка педагогъ, Мандрыка инспекторъ, наконецъ, (чего уже совсѣмъ Боже упаси!)—даже директоръ народныхъ училищъ? Дѣло въ томъ, что въ послѣдніе три-четыре года печатныя упражненія нѣсколькихъ гг. директоровъ пріобрѣли всероссійскую извѣстность. Мы помнимъ „руководства для учителей" и „руководства для учениковъ", которыя доставили авторамъ славу, а фельетонистамъ и ихъ читателямъ много веселыхъ минутъ. Но насъ при этомъ всегда угнеталъ вопросъ: а что доставляютъ они, напримѣръ, учителямъ, которые „обязаны" почитать труды своего начальства, подъ серьезнымъ опасеніемъ прослыть „неблагонадежными и вольнодумцами". Вотъ и теперь передъ нами—„житейскій задачникъ". Подпись: М. Мандрыка— и ничего больше. Хорошо если такъ! Но что, если о своемъ офиціальномъ титулѣ г-нъ Мандрыка умолчалъ изъ скромности, или просто не желая смѣшиваться съ толпой своихъ сослуживцевъ, извѣстность которыхъ его нѣсколько конфузитъ?.. Впрочемъ, не будемъ думать о человѣкѣ дурно и примемъ г-на Мандрыку за то, за что онъ себя выдаетъ. Пусть онъ будетъ просто г. Мандрыка, живущій въ Каменецъ-Подольскѣ и предающійся на досугѣ игрѣ ума съ педагогической окраской. Тогда и мы можемъ бесѣдовать съ г. Мандрыкой болѣе или менѣе благодушно. Это, разумѣется, не помѣшаетъ намъ сказать откровенно, что его „Житейскій задачникъ" есть книга въ высокой степени вздорная и ни къ чему не нужная. Если вѣрить предисловію, авторъ желалъ „дать дѣтямъ упражненіе, которое развивало-бы *на ряду съ ариѳметическими задачами* (sic) изобрѣтательность, находчивость и подготовило-бы ихъ къ рѣшенію вопросовъ, поста-

вляемыхъ житейскими обстоятельствами". Но ариѳметическi элементъ въ книжкѣ отсутствуетъ совершенно, житейскi способенъ вызвать только улыбку (при сказанномъ выше усл вiи—т. е. что г. Мандрыка просто только г. Мандрыка и н чего больше!) „Было два бѣдныхъ братца и у нихъ был только одинъ тулупъ и одна пара сапогъ. Настала зим Стали мальчики ссориться и драться изъ за тулупа и сапог Какъ можно было ихъ помирить, чтобы оба были довольны? Ну, вотъ вамъ, читатель, первая задача г. Мандрыки. Как въ самомъ дѣлѣ сдѣлать этихъ мальчиковъ *довольными*? П дарить имъ еще одинъ тулупъ и еще одну пару сапогъ? Нѣт г. Мандрыка даетъ другое рѣшенiе: „Назначить очередь, мож было употребить жребiй". Буквально! Жребiй вмѣсто сапог таково „житейское рѣшенiе", и мальчики довольны.

Г. Мандрыка скроменъ. Онъ назначаетъ свой задачни для дѣтей. Но въ сущности, дѣтямъ порой можетъ крѣпк достаться отъ взрослыхъ за исполненiе совѣтовъ г. Мандрык Вотъ напр. „высоко на яблонѣ висѣло яблоко. Пришла м ленькая дѣвочка и задумала достать яблоко. Что она могл сдѣлать, чтобы достать его"? Это задача 12. Рѣшенiе: „*сбит* длинной палкой или стряхнуть; если длинной палки нѣт связать короткiя и прочее". Въ pendant къ этой, такъ и пр сится другая задача: садовникъ увидѣлъ, что дѣти палкам сбиваютъ яблоки и дѣлаютъ еще „прочее", не менѣе вредно для деревьевъ. Дѣти объяснили садовнику, что это ихъ на училъ г. Мандрыка. Что сдѣлаетъ садовникъ съ г. Мандры кой"? Неправда-ли, вопросъ очень интересный уже не дл однихъ дѣтей, но и для самого г-на Мандрыки. Вообще, н однихъ дѣтей имѣлъ въ виду авторъ, составляя свой „жи тейскiй задачникъ", но всѣ возрасты, всѣ званiя и всѣ род жизни. Вы мальчикъ и вамъ взбрело въ голову непремѣнн кидать съ чердака яички такъ, чтобы они не разбились. Г Мандрыка васъ научитъ. Но вотъ вы не мальчикъ, а слу жанка. Вы „принесли въ кухню изъ лавки 4 булки и уви дѣли, что уже кипитъ самоваръ; вы хотите разомъ внести в комнату самоваръ, подставку для него, булки и чайникъ При этомъ самоваръ большой. Какъ это сдѣлать" (задача 52) И тутъ г. Мандрыка даетъ вамъ гибельный совѣтъ: „взят подставку подъ мышку, булки въ платочкѣ повѣсить на руку самоваръ съ чайникомъ нести въ рукахъ". Конечно, при этом у васъ подставка выскользнетъ изъ подъ мышки (самовар большой!), вы обваритесь кипяткомъ, разобьете чайникъ и просыпете булки. Тогда въ оправданiе передъ хозяевами со шлитесь на г-на Мандрыку и укажите рѣшенiе задачи н стр. 36. Пусть вѣдаются съ авторомъ. Но вотъ, вы не горничная а прислужникъ въ кухмистерской и хотите (задача 58, отд. I

„нести *въ одной рукѣ* двѣ полныя тарелки супу“. Лучше-бы отказаться отъ опаснаго предпріятія, но, если вамъ интересно, то послушайтесь опять гибельнаго совѣта: возьмите дощечку, поставьте на нее полныя тарелки и держите одной рукой: хозяинъ или гости, которыхъ вы обварите супомъ, пусть опять вѣдаются съ г. Мандрыкой въ гор. Каменецъ-Подольскѣ. Вы мужикъ, у васъ лошадь съ норовомъ,—она дѣлаетъ все наоборотъ. Разъ вы хотѣли ее вести на паромъ и тянули за поводъ, она не идетъ. Что вы могли-бы сдѣлать, чтобы ввести лошадь на паромъ? (задача 11, отд. II). Вы догадываетесь, и не заглядывая даже въ рѣшеніе, тянете лошадь за хвостъ. Она, конечно, лягаетъ и выбиваетъ вамъ нѣсколько зубовъ. Вы опять съ претензіей къ г-ну Мандрыкѣ. Извините-съ! Онъ человѣкъ хитрый и, предвидя возможность печальныхъ послѣдствій, совсѣмъ не далъ рѣшенія этой задачи. Догадывайтесь сами. За хвостъ-то, конечно, за хвостъ. Иначе невозможно, но за послѣдствія, какъ себѣ хотите, г. Мандрыка не отвѣчаетъ. Далѣе—вы отецъ семейства и „подъ вечеръ вышли навстрѣчу своему семейству, которое должно было возвращаться изъ дальней части города“. При этомъ улицы идутъ какъ-то такъ безсмысленно, что вы ничего не понимаете и—слѣдуя совѣтамъ г. Мандрыки—расходитесь съ семьей и, чего добраго, встрѣчаете на бульварѣ непріятное для отца семейства приключеніе. Вы—журавль (да, да,— задача 40), устраивающій свое гнѣздо на болотѣ, покрытомъ травой и кустарникомъ, вы маленькій червякъ, ползающій по большому арбузу,—и въ этихъ „житейскихъ обстоятельствахъ“ г. Мандрыка не оставляетъ васъ своими совѣтами. Но вотъ, вы прошли весь курсъ: въ дѣтствѣ кидали съ чердаковъ яички и сбивали палками яблоки съ деревьевъ, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ роняли самовары, тянули за хвосты лошадей и обваривали гостей горячимъ супомъ. Разумѣется, васъ аттестуютъ дурно, и г. Мандрыка предвидитъ, что вы не кончите добромъ. И дѣйствительно,—вы арестантъ (увы! задача 100, послѣдняго III-го отдѣла!) У васъ надѣты на рукахъ цѣпи и вамъ „надо переодѣть (т. е. перемѣнить) рубаху“. Положеніе ваше трудно, но г-нъ Мандрыка не оставитъ васъ въ горѣ. Онъ васъ научитъ, какъ снять рубаху, не скидая цѣпей. Правда, онъ не можетъ не чувствовать, что въ значительной степени повиненъ въ вашей печальной карьерѣ, но все-же... добрый онъ, право, этотъ г. Мандрыка! Мы охотно готовы признать это, только... ахъ, г. Мандрыка: устраните наши мрачныя подозрѣнія. Скажите правду: вы не директоръ народныхъ училищъ? По вашему задачнику не учатъ и не учатся подчиненные вамъ несчастливцы?.. Ради Бога, г. Мандрыка!..

„Больные отца Іоанна Кронштадтскаго“. **Изд. книгопр**
давца Кузина. Спб.

„Новое чудо отца Іоанна Кронштадтскаго! Портретъ книжка 5 копѣекъ“. „Новое исцѣленіе по молитвѣ отц Іоанна! 5 копѣекъ портретъ и книжка!“ Эти восклицанія в теченіе нѣсколькихъ дней раздавались вдоль Невскаго, при чемъ субъекты разнаго вида и возраста протягивали прс ходящимъ брошюрку въ зеленой обложкѣ. На обложкѣ изс браженъ о. Іоаннъ, благословляющій больного, между тѣмъ какъ на заднемъ планѣ врачи, повидимому, „сознаются в своемъ безсиліи“. На другой сторонѣ напечатано, что книж ная торговля г-на Кузина помѣщается внутри двора гр. Апрак сина и что тамъ, кромѣ книгъ разнообразнаго содержанія, вы можете найти также большой выборъ олеографій. Легко пред ставить себѣ эту интересную коллекцію, продаваемую г-м Кузинымъ наряду съ „новымъ чудомъ“. Кстати сказать—ни какого „новаго чуда“ въ книжкѣ вы не находите. Какой-т неизвѣстный авторъ счелъ для себя удобнымъ припомнит „старыя чудеса“, относящіяся къ 1887—89 году, о коих въ свое время много писалось въ прессѣ, а г-нъ Кузин счелъ удобнымъ издать это вмѣстѣ съ аляповатымъ портре томъ, назначивъ за все цѣну 5 копѣекъ. Очевидно, при со дѣйствіи самоотверженныхъ субъектовъ, выкрикивающихъ н Невскомъ сочиненное ими самими заглавіе—г-нъ Кузинъ в накладѣ не останется. Читатель согласится, вѣроятно, чт все это, вмѣстѣ взятое, довольно, характерно но намъ показа лись особенно интересными, въ качествѣ „знаменія времени“ разсужденія неизвѣстнаго автора, которыми онъ, вѣроятнс для разнообразія, снабдилъ свое „сочиненіе“. Вотъ нѣкоторы отрывки: ...„Я неоднократно видѣлъ,—какъ гипнотизеръ Фельд манъ бралъ тяжело-больныхъ изъ госпиталей и приказывал имъ моментально (!) выздоровѣть, тѣ вставали и ходили здо ровыми“... ...„Я готовъ допустить, что половина больныхъ исцѣленныхъ о. Іоанномъ, получила-бы точно такое-же исцѣ леніе... у Фельдмана безъ всякихъ молитвъ и вѣры“... „По нятіе о чудѣ есть условное: для простого человѣка и хининъ излѣчивающій лихорадку, и маятникъ часовъ, движущійся сам по себѣ, и паровозъ и пароходъ—все можетъ быть „чудомъ“ для интеллигентнаго человѣка „чуда“, какъ чуда, не суще ствуетъ, а есть изслѣдованныя и неизслѣдованныя явлені природы“... „Можно сказать, что въ будущемъ найдутся объ ясненія этимъ пока еще таинственнымъ фактамъ... и област „чуда“ еще болѣе расширится, съ тою только разницею, чт одни дѣлаютъ эти чудеса именемъ Бога, а другіе силою „на учной“ (стр. 5—8). Какъ видите, неизвѣстный авторъ довольн снисходителенъ также и къ наукѣ, въ лицѣ г-на Фельдмана (!)

котораго онъ готовъ даже признать чудотворцемъ, отводя ему лишь нѣсколько меньшую область: онъ излѣчиваетъ „нервныя болѣзни“, тогда какъ о. Іоаннъ, по словамъ автора, сращиваетъ молитвою сломанныя ноги. Впрочемъ, примѣровъ подобнаго исцѣленія авторъ на сей разъ не приводитъ, ограничиваясь сообщеніемъ нѣсколькихъ, гораздо менѣе важныхъ случаевъ, не исключая такихъ, когда о. Іоаннъ совѣтовалъ больнымъ не уклоняться отъ помощи врачей, и они получали всетаки исцѣленіе (стр. 30). Если бы не очевидная непосредственность автора, то мы склонны были-бы увидѣть въ этомъ эпиводѣ самую ядовитую иронію по адресу врачей, но неизвѣстный авторъ, очевидно, въ ней не повиненъ... Во всякомъ случаѣ—„умонастроеніе“, сквозящее въ строкахъ грязноватаго изданьица, показалось намъ и своебразнымъ, и характернымъ. Да, печальна таки въ концѣ XIX вѣка участь людей, которыхъ описываютъ интервьюеры въ мелкой прессѣ или сочинители Апраксина рынка, въ заведеніяхъ гг. Кузиныхъ (Апраксинъ дворъ; № 119,—„имѣется большой выборъ олеографій“!)

Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ. Литературно-научный сборникъ. М. 1897.

Огромный сборникъ около 60-ти печатныхъ листовъ большого формата, со множествомъ рисунковъ. Содержаніе сборника самое разнообразное: тутъ есть и беллетристика, и исторія, и этнографія, и біографическіе матеріалы, и литературно-критическія статьи. Видное, хотя далеко не исключительное, мѣсто занимаютъ, конечно, статьи и матеріалы, касающіеся армянъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ. Не все здѣсь одинаково цѣнно, но можно навѣрное сказать, что каждый найдетъ въ сборникѣ не одну интересную для себя статью. Не все здѣсь и ново, — перепечатокъ изъ разныхъ изданій довольно много. Но многое никогда не мѣшаетъ перечитать, а въ частности свѣдѣнія о положеніи армянъ въ настоящее время именно въ такомъ концентрированномъ видѣ производятъ надлежащее впечатлѣніе. Впечатлѣніе это ужасно и вполнѣ оправдываетъ предпріятіе „Братской помощи“.

Н. А. Бѣлоголовый. Воспоминанія и другія статьи. Посмертное изданіе. М. 1897.

Н. А. Бѣлоголовый, умершій въ 1895 г., пользовался въ Петербургѣ, гдѣ онъ прожилъ около пятнадцати лѣтъ, большою популярностью, какъ врачъ и какъ человѣкъ. Но только теперь, читая его „Воспоминанія и другія статьи“, видимъ, что

этотъ прекрасный врачъ и высоко гуманный человѣкъ былъ бы, кромѣ того, и замѣчательнымъ писателемъ, еслибы посвятилъ себя этой дѣятельности. Судьба смолоду сближала Бѣлоголоваго съ выдающимися въ разныхъ отношеніяхъ людьми: съ нѣкоторыми декабристами, въ особенности съ Александромъ Поджіо, съ Сергѣемъ Боткинымъ, Салтыковымъ, Некрасовымъ, Герценомъ, Тургеневымъ, гр. Лорисъ-Меликовымъ. Съ нѣкоторыми изъ этихъ лицъ Бѣлоголовый сближался первоначально на профессіональной почвѣ, какъ съ паціентами, но отношенія не останавливались на этомъ и переходили въ болѣе или менѣе близкое личное знакомство, а затѣмъ и въ горячую дружбу. Воспоминанія объ этихъ лицахъ составляютъ главную и наиболѣе интересную часть лежащей передъ нами книги. Авторъ маленькой замѣтки, озаглавленной „Вмѣсто предисловія“, справедливо говоритъ: „Пусть читатель самъ испытаетъ всю обаятельную свѣжесть этихъ безъискусственныхъ дружескихъ воспоминаній, отъ коихъ вѣетъ какою-то часто эпическою простотою и юношескою задушевностью, нерѣдко однако достигающи художественной яркости и глубокаго потрясающаго лиризма, какъ, напр., въ разсказѣ о Поджіо. Вы невольно полюбите героевъ автора воспоминаній, а также и... самого автора“.

Врачъ по профессіи, Бѣлоголовый, однако, не замыкался въ кругѣ спеціальныхъ интересовъ. Напротивъ, ничто человѣческое не было ему чуждо, и хотя онъ очень мало говоритъ о себѣ, но не трудно усмотрѣть и его литературные вкусы, и его политическія убѣжденія...

Къ книгѣ приложено нѣсколько портретовъ самого Бѣлоголоваго, портреты декабристовъ Поджіо, Борисова, Юшневскаго, затѣмъ портреты Боткина, Салтыкова, гр. Лорисъ-Меликова. На оберткѣ книги напечатано: „Доходъ съ изданія обращается на благотворительное дѣло имени автора“.

Д. П. Малютинъ. Что нужно для поднятія сельскаго хозяйства въ Россіи. Спб. 1897 г.

Подобно большинству авторовъ, писавшихъ по поводу нынѣшняго сельско хозяйственнаго кризиса, г. Малютинъ находитъ, что „главная причина настоящихъ затрудненій заключается въ низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ“. Поэтому, „чтобы избѣгнуть раззоренія, намъ нужно или принять мѣры къ повышенію этихъ цѣнъ, или примѣниться къ нимъ“ (1). Но цѣны устанавливаются положеніемъ всемірнаго хлѣбнаго рынка, которое измѣнить мы не въ силахъ; остается слѣдовательно „примѣниться къ существующему положенію хлѣбнаго рынка, а это вполнѣ возможно“ (2) при принятіи нѣко-

торыхъ мѣръ „къ поднятію сельскаго хозяйства въ Россіи". Г. Малютинъ и излагаетъ программу желательныхъ мѣръ въ этомъ направленіи. Программу эту трудно назвать оригинальною. Жалобы на „накладные расходы" земледѣлія въ видѣ переплатъ при покупкѣ машинъ и орудій, высота кредитнаго процента, почтовыхъ и другихъ расходовъ, требованія урегулированія водныхъ путей сообщенія, пониженія желѣзнодорожныхъ тарифовъ, улучшенія техники хлѣбной торговли, устройства элеваторовъ, ослабленія роли посредническихъ и спекуляторскихъ элементовъ, введенія бо́льшей купеческой чести, наконецъ — повышенія производительности полей путемъ раціональныхъ агрикультурныхъ мѣропріятій и особенно распространенія спеціальнаго и общаго образованія—все это мѣры, не разъ выставлявшіяся на видъ въ нашей литературѣ и до г. Малютина, часто съ большею обоснованностью и убѣдительностью. Тѣмъ не менѣе этотъ очеркъ, написанный человѣкомъ практически знакомымъ съ дѣломъ, можетъ быть, прочтенъ не безъ интереса. Еслибы мы пожелали, однако, нѣсколько глубже вникнуть въ вопросъ, г. Малютинъ будетъ плохимъ руководителемъ. Приведемъ примѣръ. Еще свѣжа въ памяти читателей горячая полемика, вызванная извѣстнымъ изслѣдованіемъ о вліяніи хлѣбныхъ цѣнъ и урожаевъ. Можно относиться различно къ результатамъ этой полемики, можно находить тѣ или другіе недостатки или достоинства въ упомянутомъ изслѣдованіи, но нельзя не признать научной цѣнности той общей точки зрѣнія, на которую встали авторы его, и въ силу которой интересы *сельскаго хозяйства*, конечно, какъ чего-то однороднаго, уступили мѣсто интересамъ *сельскихъ хозяевъ*, раздѣляющихся на опредѣленные классы съ различнымъ, часто противоположнымъ отношеніемъ къ одному и тому же явленію. Только такую точку зрѣнія можно считать научно-законною, приводящею къ положительнымъ результатамъ. Но ее игнорировалъ г. Малютинъ въ общемъ построеніи своего труда, хотя мѣстами глубокій антагонизмъ классовыхъ интересовъ даетъ себя чувствовать и въ разсужденіяхъ автора всякій разъ, когда вопросъ съ абстрактныхъ высотъ сельскаго хозяйства переводится на реальную почву непосредственныхъ нуждъ сельскихъ хозяевъ. Такъ, съ особенною внимательностью останавливаясь на вопросѣ о низкомъ состояніи техники земледѣлія въ Россіи, авторъ полагаетъ, что „для поправленія этого зла необходимы прежде всего денежныя средства" (139). При этомъ „слѣдуетъ дать денежныя средства хозяевамъ и предоставить имъ самимъ заботу о нуждахъ" (141). Но о какихъ «хозяевахъ» въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь? О всѣхъ ли представителяхъ „сельскаго хозяйства" или только о нѣкоторыхъ категоріяхъ

ихъ? Отвѣтъ дается авторомъ ясный: „проектируемыя мною мѣры (говоритъ онъ) для улучшенія положенія сельскихъ хозяевъ въ Россіи окажутъ лишь малое вліяніе на крестьянъ, владѣющихъ землею на общинномъ правѣ" (144); хотя извѣстно, что ¾ крестьянъ состоятъ изъ общинниковъ, и хотя, по признанію самого автора, „количество крестьянскихъ хозяйствъ больше, чѣмъ частновладѣльческихъ" (28). Такимъ образомъ, авторъ какъ бы самъ признаетъ различное отношеніе различныхъ классовъ сельскихъ хозяевъ къ однѣмъ и тѣмъ же мѣрамъ, къ одному и тому же явленію. Но почему же общинники не могутъ воспользоваться проектируемыми средствами къ поднятію сельскаго хозяйства? Препятствіемъ къ тому служитъ, по мнѣнію автора, анархія, господствующая въ русской общинѣ, управляемой „поддающеюся дурнымъ вліяніямъ силою сельскаго схода" (146),— общинѣ „обезглавленной" благодаря „великимъ ошибкамъ Положенія 19 февраля 1861 г." (145). И вотъ, „чтобы вывести крестьянъ-общинниковъ изъ ихъ настоящаго бѣдственнаго положенія, необходимо, прежде всего, исправить сдѣланныя въ Положеніи 19 февраля ошибки, а именно: *возвратиться къ прежнему порядку вещей*, при которомъ они благоденствовали, т. е. *возобновить попечительство надъ ними*" (курс. нашъ) (147). Итакъ, передача „хозяевамъ" (кромѣ общинниковъ) средствъ для воспособленія сельскаго хозяйства, съ одной стороны, и возстановленіе дореформенныхъ порядковъ „попечительства" надъ крестьянами—съ другой, таковы мѣры для выхода изъ современнаго „затруднительнаго положенія"—мѣры, ведущія къ абстрактному идеалу совершеннаго сельскаго хозяйства, но не чуждыя довольно реальныхъ классовыхъ вожделѣній...

В. Щегловъ. Рѣчь передъ докторскимъ диспутомъ. Ярославль. 1896 г.

В. Щегловъ. Государственный Совѣтъ въ царствованіе императора Александра I. Ярославль. 1895 г.

„Рѣчь" г. Щеглова передаетъ вкратцѣ главнѣйшіе выводы его книги, представленной въ Харьковскій университетъ въ качествѣ докторской диссертаціи, и не имѣетъ самостоятельнаго значенія. Что касается самой книги, то въ предисловіи къ ней г. Щегловъ говоритъ, что она является продолженіемъ предыдущаго его изслѣдованія о государственномъ совѣтѣ въ Россіи, вышедшаго въ свѣтъ въ 1892 г. Правильнѣе было бы, однако, сказать, что настоящая книга представляетъ собою переработку названнаго изслѣдованія съ нѣкоторыми дополненіями и съ исключеніемъ тѣхъ отдѣловъ, которые касались западно-европейской и древней рус-

ской исторiи и не имѣли въ сущности никакого отношенія къ основанному при Александрѣ I государственному совѣту. Всѣ остальныя главы старой книги г. Щеглова, посвященныя высшимъ правительственнымъ учрежденіямъ въ Россіи XVIII вѣка и исторiи образованія непремѣннаго и государственнаго совѣтовъ, вошли, правда, частью въ сокращенномъ, частью въ переработанномъ и дополненномъ видѣ, и въ новый его трудъ, составивъ большую половину послѣдняго; лишь меньшая его часть, трактующая о законодательной дѣятельности непремѣннаго совѣта и департамента законовъ государственнаго совѣта, написана совсѣмъ заново. Нельзя не сказать, что, благодаря такой переработкѣ, трудъ г. Щеглова, при первоначальномъ своемъ появленіи вызвавшій весьма суровые отзывы спеціальной критики, значительно выигралъ. Устранивъ тѣ части работы, которыя являлись едва ли не механическими наростами по отношенію къ главной ея темѣ, авторъ получилъ возможность поставить изслѣдованіе глубже и серьезнѣе и дать болѣе точную характеристику изучаемаго имъ учрежденія. Въ обширномъ введеніи онъ прослѣживаетъ прежде всего исторію высшихъ правительственныхъ учрежденій въ XVIII в., отмѣчая общіе ихъ недостатки и указывая, какъ, благодаря сознанію послѣднихъ, выростала постепенно мысль о необходимости верховнаго законодательнаго учрежденія. Къ сожалѣнію, на ряду съ правильными выводами и вѣрными сужденіями въ этомъ введеніи не рѣдко встрѣчаются ошибочныя, а подчасъ даже и странныя утвержденія, зависящія, повидимому, отчасти отъ небрежности работы автора, отчасти же отъ присущей ему нѣкоторой неясности мысли. Странно, напримѣръ, читать въ историко-юридическомъ изслѣдованіи такія строки: „при первоначальномъ образованіи сената нѣкоторые президенты коллегій не вошли въ составъ сената" (8), какъ будто при возникновеніи сената существовали уже коллегіи. Не менѣе странно, пожалуй, и утвержденіе автора, что реформа 1722 г., исключившая изъ сената президентовъ коллегій, сдѣлала ихъ „поэтому болѣе независимыми отъ сената" (8—9). Правда, въ другомъ мѣстѣ авторъ болѣе правильно находитъ, что эта реформа увеличила „самостоятельное значеніе сената на счетъ коллегій" (100). Установленное Петромъ право коллегій доносить государю о незаконныхъ опредѣленіяхъ сената, по мнѣнію автора, съ которымъ врядъ ли однако согласятся въ этомъ случаѣ другіе юристы, „ставило ихъ на болѣе высшее мѣсто въ управленіи сравнительно съ сенатомъ" (101). Равнымъ образомъ и во взглядахъ автора на высшія учрежденія, возникшія въ XVIII вѣкѣ надъ сенатомъ, есть такія стороны, съ которыми очень трудно согласиться. По мнѣнію г. Щеглова, почти во всѣхъ

этихъ учрежденіяхъ до Екатерины II „выразилось стремленіе русской аристократіи захватить въ свои руки все управленіе государствомъ" (29), и Верховный Совѣтъ, Кабинетъ Министровъ, Сенатъ при Елизаветѣ и Конференція при этой же государынѣ равно были „политическими учрежденіями въ смыслѣ органовъ аристократіи" (44). Едва-ли надо доказывать, какъ далеко отстоятъ подобныя утвержденія отъ истины. Достаточно сказать, что самъ же авторъ въ другихъ мѣстахъ называетъ Кабинетъ „органомъ власти нѣмцевъ" (117, 123) и приводитъ свидѣтельства, согласно которымъ „душой Кабинета" былъ Остерманъ, а другіе два члена, Головкинъ и Черкасскій, были введены въ это учрежденіе только «для вида», изъ уваженія къ русской аристократической партіи, которая, однако, въ это время „должна была терпѣливо сносить даже всякаго рода оскорбленія и униженія" (45). Ошибка автора заключается въ томъ, что онъ, неосторожно послѣдовавъ за авторомъ „Исторіи Сената", г. Филипповымъ, смѣшалъ фаворитизмъ съ аристократіей, благодаря чему даже фразу Н. И. Панина о дѣйствіи „въ производствѣ дѣлъ силы персонъ и ихъ изволеній вмѣсто власти и мѣстъ государственныхъ" онъ толкуетъ въ смыслѣ свидѣтельства объ „особенномъ значеніи аристократіи" (39, 42, 75). Хотя въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ во введеніи, небрежность работы автора проявляется и въ тѣхъ главахъ его книги, гдѣ идетъ рѣчь о времени Александра I. Авторъ говоритъ, напримѣръ, что Александръ сознавалъ недостатки управленія своего отца, и въ доказательство этого приводитъ его письма къ Кочубею и Лагарпу, которыя были однако написаны 10 мая и 21 февраля 1796 г. и слѣдовательно относились къ управленію бабки, а не отца Александра (160; Корфъ, Восшествіе на престолъ имп. Николая I, с. 3—6; Сборникъ Р. Истор. Общ., V. 23). Цитаты г. Щеглова изъ книги Н. И. Тургенева «La Russie et les russes» не всегда точны (см. напр. с. 152—3) и равнымъ образомъ встрѣчаются неточности и въ его передачѣ знаменитаго плана Сперанскаго. Подобная небрежность, хотя и не проходящая черезъ всю книгу, составляетъ, во всякомъ случаѣ, серьезный ея недостатокъ.

По содержанію своему книга г. Щеглова, за исключеніемъ введенія, можетъ быть раздѣлена на двѣ части. Главы первая и четвертая, посвященныя исторіи возникновенія и организаціи непремѣннаго и государственнаго совѣтовъ, представляютъ собою подборъ по преимуществу извѣстнаго уже матеріала и даютъ мало новаго, за исключеніемъ передачи проекта Сперанскаго и разбора дѣятельности комитета министровъ. Остальныя три главы составляютъ детальное изслѣдованіе законодательной дѣятельности непремѣннаго совѣта и департамента

законовъ государственнаго совѣта, иногда, правда, черезъчуръ пестрое и порою переходящее даже въ простой перечень дѣлъ, но, во всякомъ случаѣ, сообщающее много любопытныхъ свѣдѣній. Авторъ склоненъ высоко ставить дѣятельность непремѣннаго совѣта, до сихъ поръ мало обращавшаго на себя вниманіе нашихъ историковъ и юристовъ, хотя и самъ признаетъ, что компетенція даннаго учрежденія оставалась смѣшанною, а законодательное его значеніе заслонялось комитетомъ министровъ. Послѣднее обстоятельство имѣло, впрочемъ, мѣсто, хотя и въ меньшемъ размѣрѣ, и относительно государственнаго совѣта 1810 г. Разбирая его организацію и дѣятельность, авторъ доказываетъ, что Сперанскій имѣлъ въ виду создать изъ него ограничительное учрежденіе по отношенію къ власти государя, и что эта роль совѣта лишь постепенно подвергалась искаженію. Полемика, которую авторъ ведетъ по этому поводу съ представителемъ противоположнаго мнѣнія, проф. Коркуновымъ, не особенно однако убѣдительна. Вообще же, на нашъ взглядъ, выводы г. Щеглова относительно изучаемыхъ имъ учрежденій нѣсколько проигрываютъ въ своей точности, благодаря тому, что онъ стремится опредѣлить не только компетенцію этихъ учрежденій, но и направленіе ихъ дѣятельности, тогда какъ послѣдняя задача скорѣе относится къ общей исторіи, чѣмъ къ исторіи учрежденій, и, во всякомъ случаѣ, требуетъ болѣе тщательнаго анализа фактовъ, нежели тотъ, какой представленъ авторомъ. Въ слѣдующихъ выпускахъ своей работы г. Щегловъ обѣщаетъ разсмотрѣть законодательную дѣятельность Александровскаго государственнаго совѣта по остальнымъ его департаментамъ. Съ выходомъ этихъ выпусковъ возможно будетъ подвести и окончательный итогъ его изслѣдованію.

Н. Ѳирсовъ. Русскія торгово-промышленныя компаніи въ первую половину XVIII столѣтія. (Очерки изъ исторіи торгово-промышленной политики и соотвѣтствующихъ общественныхъ отношеній). Казань. 1896.

Книга г. Ѳирсова посвящена одному изъ частныхъ, но весьма существенныхъ вопросовъ въ исторіи русскаго торгово-промышленнаго класса за XVIII вѣкъ, именно судьбѣ тѣхъ компаній, которыя впервые возникли среди русскаго купечества по правительственному почину при Петрѣ I и затѣмъ долгое время пользовались особымъ покровительствомъ со стороны власти. Авторъ, однако, не ставилъ своей цѣлью изученіе этой темы во всемъ ея объемѣ. Въ своемъ предисловіи онъ предупреждаетъ, что читатель не долженъ искать въ его книгѣ детальнаго изслѣдованія по исторіи торговли и

промышленности или по исторіи поступленій въ казну отъ сосредоточенныхъ въ рукахъ компаній промысловъ и торговли. Онъ преслѣдовалъ другую цѣль, и его книга представляетъ собою „попытку посмотрѣть на торгово-промышленныя компаніи, какъ на такое учрежденіе, которое, будучи создано и вызвано къ дѣятельности нуждами государственнаго казначейства, находясь въ тѣсной связи съ финансовымъ вѣдомствомъ, явилось рельефнымъ олицетвореніемъ русской торгово-промышленной политики и сдѣлалось важнымъ общественно-экономическимъ факторомъ". Главная задача, поставленная себѣ авторомъ изслѣдованія, заключалась въ томъ, чтобы „представить значеніе русской торгово промышленной компаніи не только въ сферѣ финансовъ, промышленности и торговли, но, главное, въ области торгово промышленнаго класса", или, иначе, эта задача сводится къ „попыткѣ связать извѣстный отдѣлъ внутренней политики съ общественными отношеніями" (III). По содержанію своему книга г. Ѳирсова распадается на три небольшіе отдѣла или „очерка": въ первомъ идетъ рѣчь о торговыхъ компаніяхъ, во второмъ—о промышленныхъ и въ третьемъ дается характеристика тѣхъ отношеній, какія установились съ одной стороны между владѣльцами фабрикъ и заводовъ и ихъ рабочими и съ другой—внутри самого торгово-промышленнаго класса, между группами „мочнаго" и „маломочнаго" купечества. Въ этихъ внѣшнихъ рамкахъ авторъ сообщаетъ немало интересныхъ фактовъ, въ значительной части впервые извлеченныхъ изъ архивныхъ источниковъ и свидѣтельствующихъ какъ о тѣхъ цѣляхъ и побужденіяхъ, въ виду которыхъ правительства первой половины XVIII вѣка организовали торговыя и промышленныя компаніи и поощряли ихъ дѣятельность рядомъ привилегій, такъ и о тѣхъ результатахъ, какіе достигались этою дѣятельностью. Правительство данной поры стремилось въ интересахъ фиска къ развитію крупнаго торговаго и промышленнаго оборота и усматривало наиболѣе подходящее для этого средство въ компаніяхъ. Но косность среды, на которую воздѣйствовала правительственная политика, нерѣдкое преобладаніе въ послѣдней узко-фискальныхъ интересовъ надъ покровительствомъ торговлѣ, наконецъ, то обстоятельство, что правительственная политика этой эпохи часто подчинялась личнымъ интересамъ отдѣльныхъ людей, занимавшихъ видное мѣсто въ составѣ правительства, все это оказывало задерживающее вліяніе на развитіе торговой и промышленной дѣятельности. Поскольку же такое развитіе совершалось въ дѣйствительности, оно обращалось на пользу немногихъ личностей и лишь способствовало большему разъединенію верховъ и низовъ торгово-промышленнаго класса. Та-

ковы главные выводы автора, наиболѣе полно и убѣдительно развитые и наиболѣе богато подтвержденные фактами въ пятой и шестой главахъ книги, трактующихъ о промышленныхъ компаніяхъ. Врядъ-ли можно, однако, сказать, что та задача, которую поставилъ г. Ѳирсовъ своему изслѣдованію, разрѣшена имъ вполнѣ успѣшно. Начать съ того, что, увлекшись выясненіемъ соціально-экономическаго значенія компаній, онъ совершенно не коснулся далеко не безразличнаго для его цѣли вопроса о той юридической формѣ, въ какую онѣ облеклись. Въ изслѣдованіи правительственной политики и дѣятельности компаній авторъ нерѣдко анализъ фактовъ замѣняетъ развитіемъ общихъ положеній, лишь иллюстрируемыхъ отдѣльными фактами,—пріемъ, врядъ-ли удобный въ историческомъ изслѣдованіи. Въ прямой связи съ этимъ стоитъ и вообще нѣкоторая скудость фактическаго матеріала въ книгѣ г. Ѳирсова, по временамъ не исчерпывающаго не только находившихся въ его распоряженіи архивныхъ источниковъ, но и обнародованнаго уже матеріала. Особенно рѣзко бросается это въ глаза въ двухъ послѣднихъ главахъ книги и въ частности на тѣхъ страницахъ, гдѣ идетъ рѣчь о приписанныхъ къ заводамъ крестьянахъ и ихъ волненіяхъ. Вслѣдствіе этого самые выводы автора подчасъ страдаютъ чрезмѣрной элементарностью, а въ иныхъ случаяхъ являются, наоборотъ слишкомъ мало аргументированными. Наконецъ, общій планъ работы заключаетъ въ себѣ мало стройности, а изложеніе отдѣльныхъ частей ея иногда отличается пестротою и даже какъ бы случайностью содержанія. Но при всѣхъ этихъ, порою весьма серьезныхъ, недостаткахъ, книга г. Ѳирсова, главнымъ образомъ, по включенному въ нее фактическому матеріалу, является полезнымъ пріобрѣтеніемъ въ нашей весьма небогатой литературѣ по экономической исторіи Россіи.

Освобожденіе крестьянъ на Западѣ и исторія поземельныхъ отношеній въ Германіи. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Изд. М. И. Водовозой. М. 1897.

Настоящій сборникъ является третьимъ выпускомъ полезнаго изданія, предпринятаго съ прошлаго года Н. В. и М. И. Водовозовыми и продолжаемаго теперь, со смертью перваго издателя, М. И. Водовозовою. Въ предисловіи къ настоящему выпуску говорится, что „на русскомъ языкѣ до сихъ поръ не было сочиненія, спеціально посвященнаго вопросу объ освобожденіи крестьянъ въ важнѣйшихъ государствахъ Зап. Европы", каковой пробѣлъ и долженъ выполнить издаваемый сборникъ. Это не совсѣмъ вѣрно. Въ нашей литературѣ имѣется подобное сочиненіе въ видѣ труда проф. Лучицкаго „Крестьянская ре-

форма въ Зап. Европѣ"; напечатаннаго въ 1879 г. въ „Кіев. Унив. Извѣстіяхъ" и въ послѣдніе годы отчасти подвергнутаго переработкѣ авторомъ въ рядѣ его статей, печатавшихся въ разныхъ общихъ журналахъ. По отдѣльнымъ странамъ для исторіи освобожденія крестьянъ во Франціи существуютъ извѣстныя работы Н. И. Карѣева и М. М. Ковалевскаго, въ Англіи—труды Ковалевскаго и П. Г. Виноградова, въ Пруссіи—книга Ю. Самарина, не говоря уже о болѣе мелкихъ произведеніяхъ. Такимъ образомъ, пробѣлъ по этому вопросу въ нашей литературѣ не такъ уже великъ, какъ это представляется автору предисловія къ сборнику. Можно даже пожалѣть, что въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ послѣдняго не сдѣлано указаній на нѣкоторые русскіе труды, иногда болѣе цѣнные, нежели тѣ, какіе называются нѣмецкими авторами статей, вошедшихъ въ составъ сборника. Главный интересъ послѣдняго заключается, впрочемъ, въ статьяхъ по исторіи поземельныхъ отношеній и освобожденія крестьянъ въ различныхъ государствахъ Германіи. Эти вопросы наименѣе разработаны въ русской литературѣ по исторіи европейскаго крестьянства, и интересующійся ими читатель найдетъ въ разбираемой книгѣ много цѣнныхъ свѣдѣній, хотя нѣкоторыя статьи и окажутся, пожалуй, черезчуръ уже сухими и специальными для средняго русскаго читателя. Можно еще отмѣтить одну неудачную частность въ подборѣ статей: именно, статья К. Лампрехта, помѣщенная въ сборникѣ на второмъ мѣстѣ, въ сущности повторяетъ конецъ первой статьи того же автора, не сообщая почти ничего новаго; то немногое новое, что имѣется въ ней, съ удобствомъ могло бы быть помѣщено въ примѣчаніяхъ къ первой статьѣ. Что касается остальныхъ статей, посвященныхъ исторіи крестьянъ и крестьянской реформы въ другихъ странахъ Европы и занимающихъ менѣе четверти книги, то онѣ слишкомъ кратки для того, чтобы читатель могъ извлечь изъ нихъ сколько-нибудь серьезное знакомство съ вопросами о которыхъ онѣ трактуютъ. Переводъ книги въ общемъ удовлетворителенъ, но мѣстами черезчуръ тяжелъ, а порою встрѣчаются въ немъ и болѣе или менѣе серьезныя ошибки. Приведемъ одинъ примѣръ. Марія Терезія, читаемъ мы на стр. 235, „декретомъ 6 февр. 1770 г. повелѣла, чтобы каждому помѣщичьему подданному предоставлено было право требовать у своего помѣщика позволенія купить свои занесенные въ кадастръ земельные участки, причемъ помѣщикъ долженъ помогать крестьянину выдачей въ извѣстные сроки небольшихъ суммъ" Оказывается такимъ образомъ, что крестьянинъ по этому закону покупалъ у помѣщика землю на помѣщичьи же деньги, Ничего подобнаго, конечно, нѣтъ въ нѣмецкой статьѣ Елли-

—

нека, откуда будто-бы взята эта фраза, и гдѣ говорится лишь, что помѣщикъ при покупкѣ крестьяниномъ земли „долженъ помогать ему путемъ установленія возможно сносныхъ и постепенныхъ срочныхъ платежей" (welche (seine Obrigkeit) ihm „mit den leidlichsten und allgemächlichsten Fristzahlungen" hierzu behilflich sein sollte). Сборникъ заканчивается небольшой, но интересной статьей объ освобожденіи крестьянъ въ Японіи. Съ особымъ чувствомъ многіе русскіе читатели прочтутъ, вѣроятно, заключительныя оптимистическія строки японскаго ученаго: „Введеніе всеобщаго обязательнаго обученія съ 1871 г., распространеніе въ странѣ низшихъ сельскохозяйственныхъ школъ и сельскохозяйственныхъ союзовъ, возстановленіе самоуправленія, облегченіе податного гнета, поощреніе скотоводства, облѣсеніе пустырей и неудобныхъ земель, наконецъ, колонизація острова Хоккайдо (Іессо), имѣющая отнюдь не меньшее значеніе,—все это обѣщаетъ японскому крестьянству свѣтлые дни" (320).

Воспоминанія А. М. Фадѣева. 1790—1867 гг. Въ двухъ частяхъ. Одесса. 1897.

„Воспоминанія" А. М. Фадѣева были первоначально напечатаны въ „Р. Архивѣ" за 1891 г., но съ нѣкоторыми пропусками и сокращеніями, въ настоящемъ же отдѣльномъ изданіи они являются въ полномъ видѣ. Особенно большого интереса они, впрочемъ, не имѣютъ и въ ряду обнародованныхъ уже мемуаровъ XIX вѣка имъ не придется занять видное мѣсто. Авторъ этихъ воспоминаній, отецъ извѣстной въ свое время романистки Ганъ, писавшей подъ псевдонимомъ Зинаиды Р—вой, и военнаго писателя Р. Фадѣева, еще двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ вступилъ на коронную службу и оставался на ней до самой смерти своей въ 1867 г., проведя такимъ образомъ на службѣ почти всю жизнь. Служилъ онъ въ разныхъ мѣстахъ и на различныхъ поприщахъ: начавъ службу въ Минской губерніи по вѣдомству путей сообщенія, онъ затѣмъ перешелъ въ Новороссію, гдѣ занималъ разныя должности по управленію иностранными колонистами, позднѣе былъ главнымъ попечителемъ надъ кочующими народами въ Астрахани, управляющимъ палатой государственныхъ имуществъ въ Саратовѣ и губернаторомъ тамъ же, а съ 1846 г. получилъ мѣсто члена совѣта главнаго управленія и управляющаго экспедиціею государственныхъ имуществъ Закавказскаго края. Казалось бы, въ результатѣ жизни, столь богатой перемѣнами внѣшней обстановки и столкновеніями съ самыми разнообразными людьми, долженъ былъ накопиться значительный запасъ впечатлѣній, но авторъ „Воспоминаній", при несомнѣнномъ своемъ умѣ, не

обладалъ, повидимому, ни большою наблюдательностью, ни талантомъ разсказчика. Главное содержаніе его разсказовъ составляютъ вялыя повѣствованія о семейныхъ дѣлахъ и служебныхъ разъѣздахъ и довольно блѣдныя характеристики знакомыхъ и сослуживцевъ, причемъ лишь изрѣдка на этомъ сѣромъ фонѣ мелькаютъ болѣе яркіе эпизоды. Отсутствіе всякой рисовки со стороны автора, спокойный, почти безстрастный тонъ его разсказа придаютъ особенное значеніе этимъ немногимъ болѣе интереснымъ страницамъ воспоминаній. Таковы, напримѣръ, разсказы объ уничтоженіи Иргизскихъ раскольничьихъ скитовъ и о насильственныхъ обращеніяхъ саратовскихъ раскольниковъ въ православіе въ сороковыхъ годахъ, обращеніяхъ, которымъ самъ производившій ихъ въ качествѣ губернатора Фадѣевъ не придавалъ никакой цѣны (I, 159—160, 182—3, 188). Таковъ же разсказъ объ усмиреніи картофельнаго бунта въ Саратовской губерніи, во время котораго Фадѣева тщетно убѣждали нѣкоторые администраторы „пустить хоть пару ядрышекъ въ непокорную толпу“ крестьянъ (I, 160—1). То обстоятельство, что авторъ воспоминаній самъ провелъ всю жизнь на службѣ въ провинціи, не помѣшало ему съ большимъ скептицизмомъ относиться къ провинціальному чиновничеству его времени „Взяточничество и мошенничество всякаго рода, казалось, были привиты имъ въ кровь“, замѣчаетъ онъ объ астраханскихъ чиновникахъ и въ нѣсколько иной формѣ повторяетъ тотъ же приговоръ о чиновникахъ другихъ мѣстностей, подтверждая его краснорѣчивыми примѣрами изъ дѣятельности администраціи, доходившей до того, что въ Астрахани одинъ изъ лучшихъ чиновниковъ обокралъ губернатора при докладѣ дѣлъ, а въ Закавказьѣ въ тридцатыхъ годахъ одна высокопоставленная въ средѣ мѣстной администраціи дама похитила драгоцѣнный изумрудъ изъ Эчміадзинской патріаршей ризницы (I, 120—122, 161, 163; II, 57, 115—6, 132—5). Любопытны еще сообщенія автора о порядкѣ пріема губернаторовъ имп. Николаемъ Павловичемъ и отзывы о министрахъ Киселевѣ и Перовскомъ и о намѣстникахъ кавказскихъ, М. С. Воронцовѣ, Н. Н. Муравьевѣ и Ал. Ив. Барятинскомъ. Гораздо менѣе свѣдѣній сообщаетъ авторъ объ общественной жизни. Русскаго крѣпостного права онъ во всей книгѣ касается толко разъ, разсказывая о возмутительныхъ истязаніяхъ помѣщиками крѣпостныхъ въ началѣ царствованія Александра I (I, 43). Нѣсколько болѣе данныхъ сообщается въ „Воспоминаніяхъ“ объ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами въ Закавказьѣ. Наконецъ, отмѣтимъ отзывъ автора о крестьянской реформѣ въ Закавказьѣ, въ подготовкѣ и осуществленіи которой онъ самъ принималъ видное участіе. „По моему внутреннему убѣжденію, говоритъ онъ, для помѣщиковъ Закавказскаго края

оказано въ этомъ дѣлѣ болѣе милости, а для крестьянъ едва-ли не менѣе, чѣмъ вообще въ Имперіи. Но какъ это была принятая уже система верховнаго правительства, то я и находилъ совершенно безполезнымъ входить по этому предмету въ какіе-либо споры и настаивать на своемъ мнѣніи; тѣмъ болѣе, что такая система, по соображеніямъ верховнаго правительства, мнѣ неизвѣстнымъ, можетъ статься и была необходима" (II. 238). Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, будущій историкъ русскаго общества и особенно русской администраціи въ XIX вѣкѣ найдетъ въ воспоминаніяхъ А. М. Фадѣева хотя не очень обильный, но цѣнный матеріалъ.

М. Острогорскій. Учебникъ русской исторіи. Элементарный курсъ. Для III класса гимназій и реальныхъ училищъ. Второе изданіе. Спб. 1897.

Учебникъ г. Острогорскаго при первомъ своемъ изданіи былъ встрѣченъ, насколько намъ извѣстно, весьма сочувственными отзывами спеціальныхъ историческихъ и педагогическихъ журналовъ. Подобные отзывы являлись вполнѣ заслуженными, такъ какъ данный учебникъ дѣйствительно и по качеству заключеннаго въ немъ фактическаго матеріала, и по способу его передачи рѣзко и выгодно отличается отъ того печальнаго, но господствующаго въ нашей школѣ типа учебниковъ, о которомъ еще недавно велась рѣчь на страницахъ „Р. Богатства". Г. Острогорскій, приноровивъ свою книжку къ потребностямъ начальнаго курса отечественной исторіи, даетъ читателю толковый, осмысленный, свободный отъ грубыхъ ошибокъ и живо написанный разсказъ важнѣйшихъ фактовъ, не ограничиваясь притомъ рамками внѣшней исторіи, но въ довольно широкихъ размѣрахъ вводя и матеріалъ исторіи культурной. Въ настоящемъ, второмъ изданіи книги, авторъ, исправивъ по указаніямъ спеціальной критики нѣкоторыя частности своего изложенія, вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе расширилъ отдѣлы, посвященные культурной исторіи. Нѣсколько приложенныхъ къ книгѣ картъ и большое количество рисунковъ съ изображеніями вещественныхъ памятниковъ, предметовъ быта, бытовыхъ сценъ и портретовъ историческихъ дѣятелей могутъ способствовать болѣе наглядному ознакомленію учениковъ съ излагаемыми въ текстѣ фактами. Являясь, такимъ образомъ, очень полезнымъ учебнымъ пособіемъ для низшихъ классовъ средней школы, учебникъ г. Острогорскаго могъ бы, намъ кажется, съ успѣхомъ служить и для низшей, городской и сельской, школы, страдающей еще большею бѣдностью по части хорошихъ руководствъ. Въ заключеніе позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько частныхъ указаній автору. Вообще въ его книгѣ — и это одно изъ серьез-

ныхъ ея достоинствъ—мало батальныхъ картинъ, но по временамъ онъ не удерживается отъ соблазна вставить въ свой разсказъ нѣсколько строкъ описанія сраженія въ старинномъ стилѣ. Таково, напримѣръ, описаніе Кагульской битвы, которое врядъ ли бы одобрили военные историки (107). Лишнее въ книгѣ и утвержденіе, будто при осадѣ Севастополя „солдаты наши шли на бой словно на праздникъ“ (119), лишнее потому, что фактически оно невѣрно. Изложеніе раздѣловъ Польши у автора слишкомъ бѣгло и односторонне. Желательно было бы также въ слѣдующемъ изданіи книги, которое, надо думать, не заставитъ себя долго ждать, найти болѣе подробный разсказъ о соціальныхъ отношеніяхъ въ Россіи въ XVIII и XIX в.в. Теперь же характеристика крѣпостного права въ книгѣ г. Острогорскаго остается еще чрезмѣрно общей и неполной.

А. Тимофеевъ. Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ. Спб. 1897.

Трудъ свой авторъ раздѣлилъ на три отдѣла. Въ первомъ отдѣлѣ, путемъ анализа исторіи тѣлесныхъ наказаній въ Западной Европѣ, онъ пытается установить общія условія ихъ развитія и исчезновенія. Развились тѣлесныя наказанія, по мнѣнію автора, изъ грубости нравовъ, освятившихъ силу и произволъ—отца семейства, главы рода, правителя государства; а вымираніе этого рода наказаній явилось слѣдствіемъ смягченія нравовъ, увеличенія экономическаго благосостоянія и развитія образованія въ среднихъ и низшихъ классахъ населенія. Послѣднему фактору авторъ, между прочимъ, придаетъ особенно важное значеніе и самое исчезновеніе тѣлесныхъ наказаній изъ уголовныхъ кодексовъ ставитъ въ тѣсную связь со степенью цивилизаціи государства. Намъ кажется, это не совсѣмъ такъ: примѣръ Англіи, которую нельзя не признать одной изъ наиболѣе цивилизованныхъ странъ и которая 30 лѣтъ назадъ возвратилась ко внесенію въ систему уголовной репрессіи суровыхъ тѣлесныхъ наказаній противъ гарротеровъ, доказываетъ, что существованіе тѣлесныхъ наказаній въ уголовныхъ законодательствахъ находится въ зависимости, во 1-хъ, отъ степени увѣренности въ ихъ пригодности содѣйствовать пониженію преступности и увеличенію безопасности общества и, во 2-хъ, отъ степени неразборчивости въ средствахъ, которыми правительства пользуются для достиженія этой цѣли. Пока такая неразборчивость на лицо; пока такая увѣренность существуетъ, все равно, основана ли она на неоспоримыхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ цѣлаго ряда строго провѣренныхъ наблюденій, или на

невѣрныхъ заключеніяхъ правителей,—до тѣхъ поръ будутъ существовать и тѣлесныя наказанія, указывая не столько на ихъ необходимость, сколько на недальновидность правящихъ классовъ, сознательно принимающихъ мѣру, ведущую къ огрубѣнію нравовъ населенія. Во всякомъ случаѣ, что бы тамъ ни говорили англійскіе юристы, желающіе сгладить то позорное пятно, которое лежитъ на англійской націи, вслѣдствіе включенія въ ея уголовный кодексъ тѣлесныхъ наказаній; какіе бы доводы они ни приводили въ свое оправданіе; какъ бы горячо ни доказывали, что эта мѣра содѣйствовала уменьшенію количества преступленій извѣстной категоріи, все же мы отказываемся признать, чтобы въ настоящее время просвѣщенные юристы не могли найти уголовной кары, способной въ практическомъ смыслѣ вполнѣ замѣнить тѣлесныя наказанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ—лишенной того позорнаго для человѣческаго достоинства характера, который заключаетъ въ себѣ это послѣднее. Задача всякаго общественнаго союза, а значитъ, и государства заключается въ повышеніи уровня развитія, въ поднятіи самосознанія, а не въ униженіи отдѣльной личности.

Второй отдѣлъ авторъ посвящаетъ самой исторіи тѣлесныхъ наказаній въ Россіи. На развитіе послѣднихъ и ихъ утвержденіе въ Россіи, по мнѣнію автора, оказало не малое вліяніе татарское иго. Уничтоженіемъ же ихъ (вѣрнѣе, ослабленіемъ ихъ, потому что, въ сущности, у насъ тѣлесныя наказанія никогда не переводились) мы обязаны постепенному, начиная съ первой половины текущаго вѣка, проникновенію въ сознаніе русскаго общества убѣжденія въ позорности и унизительности этого рода наказаній.

Въ третій отдѣлъ своего сочиненія авторъ включилъ виды тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ и процедуры совершенія каждаго изъ этихъ наказаній въ отдѣльности. Когда читаешь эти страницы, полныя описаній обычныхъ въ то время эпизодовъ дикой, безсердечной расправы съ нашими предками, положительно отказываешься усматривать въ этихъ дѣяніяхъ, достойныхъ инквизиціи, акты правосудія и справедливости. И невольно приходитъ въ голову мысль, что, кромѣ грубости—какъ результата невѣжества, нужна еще была наличность въ душѣ человѣка чего-то звѣрскаго, чтобы сознательно примѣнять къ преступному люду тѣ способы наказаній, которые подробно перечисляются авторомъ въ настоящемъ отдѣлѣ.

Книги, поступившія въ редакцію.

Натанъ Мудрый. Драматическое стихотвореніе **Г. Э. Лессинга.** Переводъ съ нѣм. Виктора Крылова. Съ историко-литературнымъ очеркомъ, примѣчаніями къ переводу и библіографич. указателемъ. Изд. А. Ф. Маркса. СП. 97 Ц. 6 р.

Сочиненія **Н. Н. Златовратскаго.** Изд. третье (дополненное). Въ трехъ томахъ съ портретомъ автора. Томы I-ый и II-ой. М. 97.

Задушевные разсказы **П. В. Засодимскаго.** Въ двухъ томахъ, Томъ первый. Изд. третье. Т-ва И. Д. Сытина. М. 97. Ц. 1 р. 25 к.

Питомица въ деревнѣ. Жизнь несчастно-рожденныхъ дѣтей, отданныхъ въ воспитательные дома. Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Соч. **В. П. Городни.** СП. 97. Ц. 50 к.

А. И. Свирскій. Несчастныя дѣти. Очерки. Изд. М. Городецкаго. („Популярная Библ.“ № 7-ой. СП. 97. Ц. 15 к.

Чудо на морѣ или приключенія на волнахъ и подъ волнами. Разсказъ стараго американскаго моряка. Записалъ **Н. А. Рубакинъ.** Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 97. Ц. 10 к.

А. Т. Г. Буря. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Кіевъ. 97. Ц. 50 к.

Б. Гусевъ. Томъ Сойеръ. Комедія въ 2-хъ картинахъ (для дѣтскаго театра). СП. 98. Ц. 30 к.

Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи Армянамъ. Литературно-научный сборникъ. М. 97.

Константина Герра. Исторія одной любви. М. 97. Ц. 40 к.

М. Б. Городецкій. Подъ землей. (Очерки и картинки съ натуры). Изд. М. Городецкаго. («Попул. Библ.» № 8). СП. 97. Ц. 30 к.

Я. В. Абрамовъ. Ибсенъ и Бьернсонъ. Литературная характеристика. Изд. М. Городецкаго. («Популярная Библ.» № 1-ый). СП. 97. Ц. 30 к.

Очерки по греческой литературѣ. Выпускъ второй. О Софоклѣ. **А. Тиховъ.** Черниговъ. 97. Ц. 75 к.

Матеріалы для біографіи Гоголя. **В. И. Шенрока.** Т. IV-ый. М. 98. Ц. 5 р.

Н. А. Бѣлоголовый. Воспоминанія и другія статьи. Посмертное изданіе. М. 97. Ц. 2 р. 25 к.

Я. В. Абрамовъ. Два великихъ француза: Благодѣтель человѣчества Луи Пастеръ и апостолъ образованія Жанъ Масэ. Изд. М. Городецкаго. («Поп. Библ.» № 3-ій). СП. 97. Ц. 20 к.

Викторъ Острогорскій. Руководство къ чтенію поэтическихъ сочиненій (по Л. Эккардту). Съ приложеніемъ краткаго учебника теоріи поэзіи. Изд. третье, вновь переработанное и дополненное. СП. 97. Ц. 1 р.

Плято ф. Рейснера. Новѣйшая русско-нѣмецкая азбука для обученія въ 1 мѣсяцъ нѣм. чтенію, письму и разговору. XII изданіе. Варшава. 98. Ц. 10 к.

Ѳ. М. Уманецъ. Гетманъ Мазепа. Историческая монографія. СПБ. 1897 г. Ц. 2 р. 50 к.

Руководство къ разведенію сѣмянъ и улучшенію воздѣлываемыхъ растеній. Составилъ д-ръ **А. Семполовскій.** Изд. Имп. Вольнаго Эконом. Общ. СП. 97. Ц. 75 к.

La demoiselle des Grands-Prés. Par **M. Stromberg**. Paris.

Герб. Спенсеръ. Исторія визита. СП. 98. Ц. 15 к.

Н. Рейхесбергъ. Статистика и наука объ обществѣ. Переводъ съ нѣм. А. Струве. Изд. журн. «Образованіе». СП. 98. Ц. 50 к.

Ф. Г. Гиддингсъ. Основанія соціологіи. Анализъ явленій ассоціаціи и соціальной организаціи. Переводъ съ англ. Н. Н. Спиридонова. М. 98. Ц. 1 р. 50 к.

Н Карѣевъ. Введеніе въ изученіе соціологіи. СП. 97. Ц. 2 р.

Сочиненія **Герберта Спенсера**. Основанія психологіи. Печатано съ перваго русскаго изданія, сдѣланнаго въ 1876 г. И. И. Билибинымъ. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. СП. 97. Ц. по подпискѣ (4 тома) 4 р. 50 к.

Максъ Шиппель. Денежное обращеніе въ связи съ общественными интересами. Переводъ съ нѣм. В. Д. Ульриха подъ ред. С. Н. Булгакова. Изд. М. И. Водовозовой. СП. 97. Ц. 50 к.

Е. М. Дементьевъ. Фабрика, что она даетъ населенію и что она у него беретъ. Изд. второе, Т-ва И. Д. Сытина (отдѣлъ Н. А. Рубакина) М. 97. Ц. 1 р. 50 к.

А. Г. Тимофеевъ. Рѣчи сторонъ въ уголовномъ процессѣ. Практическое руководство. СП. 97. Ц. 1 р.

Онъ-же. Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ. СП. 97. Ц. 1 р. 50 к.

Corpus juris gentium. **П. Казанскаго**. Одесса. 97.

Международный союзъ книговѣдѣнія. **П. Казанскаго**. Одесса 97.

К. К. Случевскій. По Сѣверо-Западу Россіи. 2 тома. Изд. А. Ф. Маркса. СП. 97. Ц. 7 р.

Городъ Болховъ Орловской губерніи. Историческо-бытовые очерки. **Рустика (Т. А. Мартемьянова)**. Орелъ. 97. Ц. 45 к.

В. И. Маноцковъ. Очерки жизни на крайнемъ сѣверѣ. Мурманъ. Изд. кн. маг. М. Г. Шашковской. Архангельскъ. 97. Ц. 1 р. 25 к.

А. Линбергъ. Маленькій географическій атласъ съ объяснительнымъ текстомъ. М. 97. Ц. 20 к.

Е. В. Степанова. О мѣропріятіяхъ австрійскаго правительства для улучшенія профессіональнаго образованія въ Австріи. Изд. ред. журнала „Технич. Образованіе." СП. 97. Ц. 30 к.

Дѣйствительность, мечты и разсужденія провинціалки. **Серафимы Аргамаковой**. СП. 97. Ц. 75 к.

Программы домашняго чтенія на 3-ій годъ систематическаго курса. Изд. Комиссіи по организаціи домашняго чтенія. М. 97. Ц. 50 к.

Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. Съ 1-го Окт. 1896 г. по 1-ое Окт. 1897 г. Кіевъ. 97.

М. В. Беренъ. Разсказы о борьбѣ человѣка съ природой. Редакція Н. А. Рубакина. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 97. Ц. 30 к.

Гетчинсонъ. Вымершія чудовища. Переводъ М. В. Павловой. Съ предисловіемъ проф. А. П. Павлова. Вып. І-ый. Съ 2 табл. и 10 рис. Изд. «Научно-образов. библ.» М. 97. Ц. 12 к.

А. Генкель. Краткій очеркъ морфологіи и органографіи цвѣтковыхъ растеній. (Текстъ къ 1-му вып. „Школьнаго Ботанич. Атласа") Изд. Подвижного Музея Учебн. пособій Имп. Рус. Технич. Общества. СП. 97. Ц. 30 к.

Грантъ Алленъ. Бесѣды о растеніяхъ и ихъ жизни. Переводъ П. Р. Фрейберга. Изд. журнала «Естествознаніе и Географія». М. 97. Ц. 80 к.

Насѣкомыя и другія животныя, наносящія вредъ въ сельскомъ хозяйствѣ. I. Саранча, прусъ и вреднѣйшіе виды кобылокъ. Изд. Департамента Земледѣлія. СП. 97.

Летательныя машины. Опыты и наблюденія. Инженера **Ар. Эвальдъ**. СП. 97.

Совѣты мужчинамъ и женщинамъ, какъ предохранять себя отъ зараженія сифилисомъ и венерическими болѣзнями. Врача **Е. С. Гребенюка**. Переводъ съ малороссійскаго. СП. 97. Ц. 25 к.

Онанизмъ у дѣтей. Его причины, симптомы, послѣдствія и лѣченіе. Д-ра **И. К. Шмуклера**. Изд. 2-ое. Кіевъ. 97. Ц. 30 к.

Переутомленіе учащихся дѣтей. (Его сущность, причины и мѣры борьбы съ нимъ). Д-ра **Н. Закъ**. М. 97. Ц. 30 к.

Гигіена женщины. Менструація, беременность и роды. Понятіе о „заразѣ и зараженіи". Популярная бесѣда Д-ра **С. Б. Выховскаго**. Кіевъ. 97. Ц. 40 к.

Д-ръ **И. К. Хмѣлевскій**. Заиканіе. Его сущность, причины. предупрежденіе и лѣченіе. Популярный очеркъ. Одесса. 97. Ц. 1 р.

Обзоръ дѣятельности земствъ по кустарной промышленности. (1865—1897). СП. 97.

Уставъ азовской общественной библіотеки. Ростовъ-на-Дону. 97.

А. М. Аргутинскій-Долгоруковъ. Борчалинскій уѣздъ, въ экономическомъ и коммерческомъ отношеніяхъ. (Отдѣльный оттискъ изъ книги „Районъ Тифлисско-Карсско-Эриванской жел. дор. въ экономическомъ и коммерческомъ отношеніяхъ", изд. Закавказской жел. дор.). Тифлисъ. 97.

Матеріалы для исторіи Харьковской Городской Думы и городского хозяйства за 25 лѣтъ. Т. I. Харьковъ. 96.

Отчетъ о дѣятельности комитета по устройству сельскихъ библіотекъ и народныхъ читаленъ за 1896 г. Харьковъ. 97.

Отчетъ Правленія Павловской кустарной артели о ея дѣятельности въ 1896 году.

Отчетъ Практической Женской школы пряденія и ткачества въ г. Полтавѣ. За 1896/7 учебный годъ. Полтава. 97.

Состояніе хлѣбовъ и травъ въ Костромской губ., въ 1-ой половинѣ іюня 1897 г. Изд. Костромск. Губ. Земства. Кострома. 97.

Урожай 1896 г. въ Костромской губ. Результаты урожая и общій обзоръ года. Изд. Костромск. Губ. Земства. Кострома. 97.

Отчетъ о дѣятельности Дорогобужскаго Экономическаго Совѣта и состоящаго при немъ земскаго агронома за 1895/6 годъ. Дорогобужъ. 97.

Журналы засѣданій Экономическаго Совѣта при Дорогобужской Уѣздн. Земск. Управѣ и Доклады Экономическому Совѣту за 1896 г. г. Дорогобужъ. 97.

Земскій Сборникъ Черниговской губ. 1897 г. № 4. Апрѣль. Изд. Черниговск. Губ. Земской Управы. Черниговъ. 97.

Саратовская земская недѣля. 39. 27 Сентября 1897 г. Изд. Саратовск. Губ. Земства. Саратовъ. 97.

Статистика служащихъ на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ, участниковъ пенсіонной кассы, учрежденной на означенныхъ дорогахъ по Положенію 3 Іюня 1894 г. На 1 Января 1896 г. СПБ. 97.

Московское Общество потребителей „Взаимная Польза". **Отчетъ** за второй операціонный годъ. М. 97.

Къ юбилею Гогарта.

(Письмо изъ Англіи).

Въ концѣ октября (по старому стилю), въ тотъ самый день, когда улицы Сити украсятся бумажными гирляндами да старыми флагами, которые вотъ уже чуть-ли не столѣтіе берегутся для этого случая; когда огромная разношерстная толпа, составляющая единственную въ своемъ родѣ пеструю смѣсь солдатъ, trams (босяковъ), карманныхъ воришекъ, уличныхъ разносщиковъ и мальчишекъ и проч. съ воемъ, свистомъ и гамомъ будетъ привѣтствовать новаго лордъ-мэра, объѣзжающаго свои владѣнія; словомъ, въ «lord-mayor's show day»—вся Англія торжественно будетъ справлять поминки по великомъ человѣкѣ. Исполнится два вѣка со дня рожденія знаменитаго сатирика, который, между прочимъ, окаррикатурилъ этотъ самый выѣздъ лорда-мэра. Сатирикъ этотъ—единственный въ своемъ родѣ. Онъ сразу подмѣчалъ все уродливое, все отвратительное и съ поразительной силой умѣлъ передать это. Но только передавалъ онъ не словами, а красками и штрихами гребштихеля. Сатирикъ этотъ былъ художникъ — Вильямъ Гогартъ. Мнѣ кажется, интересно остановиться на этой своеобразной личности не только потому, что Гогартъ мало извѣстенъ русской публикѣ, но и въ силу слѣдующихъ соображеній. У насъ широко распространенъ тотъ взглядъ на назначеніе сатиры, который можетъ быть сформулированъ словами Свифта:

«Vice, if it e'er can be abash'd
Must be or Ridicul'd, or lash'd».

(Чтобы унизить порокъ, его нужно или сдѣлать смѣшнымъ, или же бичевать). Я постараюсь доказать, что врядъ-ли еще другой сатирикъ такъ каррикатурилъ и бичевалъ все отвратительное и уродливое, какъ Гогартъ; между тѣмъ, просмотрѣвъ внимательно всѣ произведенія его, мы убѣждаемся, что одной ненависти мало. Нужно еще что-то другое, безъ чего самыя великія произведенія оставляютъ насъ совершенно холодными.

Англичане имѣютъ нѣсколько превосходныхъ изданій всѣхъ произведеній Гогарта. Возьмемъ лучшее изъ нихъ: великолѣпное двухтомное изданіе in folio, съ комментаріями Чарльса Лэма (Lamb). Будемъ изучать картонъ за картономъ.

Кого только нѣтъ въ этихъ коллекціяхъ? Свѣтскіе щеголи и воры съ большой дороги; придворныя дамы и несчастныя сожительницы нищихъ, ученые колпаки и ярмарочные плясуны; модные священники, исторгающіе своими могучими легкими потоки слезъ у конгрегаціи, и бродяги; парламентскіе дѣятели и лакеи; затѣмъ герцоги, сводни, доктора-шарлатаны, палачи, лодочники и пр.

Словомъ, вся Англія XVIII вѣка. Художникъ даетъ намъ не только цѣлые бытовые романы въ краскахъ и въ штрихахъ гребштихелемъ, но, подражая своимъ современникамъ, вставляетъ въ свои романы цѣлые вводные эпизоды. Въ иныхъ картинахъ болѣе 100 лицъ, и каждое имѣетъ свой отдѣльный, рѣзко обозначенный характеръ. По этимъ рисункамъ, набросаннымъ тѣмъ, кто, по словамъ Вальполя, былъ «a writer of comedy with a pencil» (авторомъ, рисовавшимъ комедіи карандашемъ), мы можемъ изучать, какъ происходили выборы въ парламентѣ, какъ подкупали избирателей и шумно чествовали избранныхъ; какъ кутила знать въ тавернѣ и какъ упивалась до смерти джиномъ толпа, какъ веселился народъ на ярмаркѣ и какъ спала конгрегація на проповѣдяхъ. Вы можете видѣть народъ въ тотъ моментъ, когда везутъ несчастнаго къ Тайнбурну (мѣсто казни въ прошломъ вѣкѣ, гдѣ теперь «мраморная арка» въ Гайдъ Паркѣ) или же въ «день лордъ-мэра». Затѣмъ художникъ вамъ покажетъ бытовыя картины изъ жизни странствующихъ актрисъ, готовящихся къ представленію въ полуразрушенномъ амбарѣ, изъ жизни высшихъ классовъ, слѣдящихъ съ замираніемъ сердца за боемъ пѣтуховъ въ «cockpit». Онъ воспроизводитъ предъ нами событія, составившія эпоху въ исторіи того времени, напримѣръ, биржевую горячку по поводу «сокровищъ южныхъ морей».

Но какая печать ненависти и злобы лежитъ на всемъ! У Гейне есть стихотвореніе «Gespräch auf der Paderborner Heide». Гуляютъ два пріятеля: одинъ идеалистъ, другой скептикъ. Первый говоритъ:

«Hörst du nicht die fernen Töne,
Wie von Brummbass und von Geigen?
Dorten tanzt wohl manche Schöne
Den geflügelt leichten Reigen».

— О какой музыкѣ ты говоришь?—переспрашиваетъ удивленно скептикъ,—я слышу лишь тамъ визгъ поросятъ да хрюканье свиней. Но идеалистъ опять говоритъ:

«Hörst du nicht die Glocken läuten,
Wunderlieblich, wunderhelle?
Fromme Kirchengänger schreiten
Andachtsvoll zur Dorfkapelle».

— Полно, друже!—удивляется скептикъ. Тамъ я слышу лишь клепала на шеяхъ у воловъ да коровъ, которыя, понуривъ головы, бредутъ въ свои темныя стойла». Тамъ, гдѣ идеалисту чудится прелестная дріада съ выраженіемъ невѣдомой скорби въ глазахъ, скептикъ видитъ лишь старую, сгорбленную отвратительную заштатную проститутку. Подобнымъ скептикомъ является Гогартъ; съ тою лишь разницей, что онъ до такой степени привыкъ смотрѣть на міръ, какъ на хлѣвъ, что слышалъ свиное хрюканье тамъ, гдѣ дѣйствительно (хотя, правда, рѣдко) была чудная музыка и видѣлъ

уродливую потаскушу тамъ, гдѣ стояло воплощеніе «вѣчно женственнаго». Онъ походилъ на Перегринуса, на того героя сказки Гофмана, которому діаволъ, вмѣсто глазъ, далъ телескопы и, такимъ образомъ, надѣлилъ его способностью видѣть грязь и мерзость тамъ, гдѣ люди видятъ возвышенное. Любимые сюжеты художника—порокъ и глупость человѣческая. Весь ядъ и гной наиболѣе низменныхъ человѣческихъ страстей, если можно такъ выразиться, сочится и капаетъ съ гогартовскихъ фигуръ. Одинъ больной шатается на ногахъ, а икота и отрыжка кривятъ его губы; другой хрипло воетъ, какъ песъ, которому перешибли ногу; тотъ понурилъ лысую остроконечную голову и глупо улыбается, какъ больной идіотъ. Мы переворачиваемъ листъ за листомъ великолѣпнаго двухтомнаго изданія произведеній Гогарта, собранныхъ Лэмомъ (Lamb). Если мужчина, то лицо его носитъ отпечатокъ либо самодовольнаго идіотизма, либо животныхъ страстей, если это женщина, то все это, какъ будто, героини тротуаровъ, переряженныя въ различные костюмы: свѣтской леди, деревенской дѣвушки или же актрисы. Глупымъ, порочнымъ и злымъ физіономіямъ, кажется, нѣтъ конца. Одно лицо скотоподобнѣе другого. Всюду толстые носы, низкіе мясистые лбы, заплывшіе саломъ глаза, которые съ одинаковымъ, если не съ большимъ правомъ, могли бы принадлежать свиньѣ, чѣмъ гордому лику Прометея. Всюду отвислыя, оттопыренныя губы, широкія безсмысленныя улыбки, которыя преслѣдуютъ васъ, какъ кошмаръ. Какимъ самодовольствомъ дышатъ эти глупыя рожи! Вотъ еще и еще физіономіи. У одной откушенъ носъ, у слѣдующей — одинъ глазъ заплылъ совершенно синебагровой опухолью. Вотъ рядъ пьяныхъ головъ, увѣнчанныхъ пышными сѣдыми судейскими париками. Какъ другіе ищутъ человѣка въ звѣрѣ, такъ Гогартъ старательно подмѣчаетъ звѣря въ человѣкѣ. Болѣе того, онъ ищетъ съ особымъ наслажденіемъ звѣря разслабленнаго или же бѣшенаго. Взгляните на этого убійцу, который стоитъ на кладбищѣ надъ трупомъ только что убитой имъ беременной любовницы-сообщницы! Ротъ у него исковерканъ злобой и страхомъ, зубы сжаты. Убійца дрожитъ отъ страха при мысли, что пролитая кровь вопіетъ объ отмщеніи. Взгляните на этого проигравшагося въ пухъ игрока, который сорвалъ съ себя парикъ, сжалъ кулаки и злобно грозитъ ими небу, сыпя проклятіями! Загляните въ домъ умалишенныхъ, куда художникъ упряталъ своего «расточителя». Предъ нами грязный идіотъ съ всклокоченными волосами, съ отросшими грязными ногтями. Онъ покрылъ свою бѣдную голову сверткомъ нотъ и счастливъ, ибо воображаетъ себя великимъ музыкантомъ. Далѣе, въ нишѣ, въ величественной позѣ застылъ совершенно голый больной съ палкой въ рукѣ. Это—повелитель вселенной. Или вотъ картина, называемая «Scholars at a lecture» (Ученые на лекціи). Цѣлыхъ два десятка джентльменовъ въ докторскихъ шапочкахъ стараются придать необыкновенно глубокомысленное выраженіе своимъ жир-

нымъ, лоснящимися физіономіями, похожими на «рѣдьку хвостомъ вверхъ». Васъ все это начинаетъ угнетать. Перелистываемъ все далѣе и далѣе. Нигдѣ ничего свѣтлаго, ничего отраднаго. Злоба и ненависть автора клокочутъ въ каждомъ штрихѣ. Это не люди, а стадо *яху* (полуживотныя, которыхъ вывелъ Свифтъ въ послѣдней книгѣ путешествій Гулливера); яху отвратительныхъ, подлыхъ, грязныхъ, злобныхъ и низкихъ. Художникъ не вѣритъ, чтобы у этихъ гадинъ могло быть что нибудь возвышенное. Онъ во всемъ старается подмѣтить грязь. Этому *яху* доступны лишь, по мнѣнію Гогарта, такія низменныя и жестокія развлеченія, какія художникъ изобразилъ въ серіи рисунковъ, носящихъ названіе «четыре стадіи жестокости»: кулачные бои, натравливаніе собакъ на кошекъ, выжиганіе глазъ птичкамъ или же такія, для описанія которыхъ нѣтъ словъ въ современномъ языкѣ. Для этого потребовалась бы откровенность Свифта. Что эти *яху* считаютъ возвышеннымъ? Искусство? Но Гогартъ видитъ его подъ своимъ угломъ. Семейное счастье? Молодость? Могучая сила страсти? «Вѣчно женственное»? Наука? Въ рядѣ злобныхъ каррикатуръ, какъ увидимъ, Гогартъ оплевалъ все это, закатилъ, выражаясь языкомъ Помяловскаго, всему этому вселенскую смазь. Есть, наконецъ, природа, великій космосъ, сліяніе съ которымъ даетъ человѣку одно изъ высшихъ наслажденій. Но Гогартъ видитъ и ее подъ своеобразнымъ угломъ.

Возьмемъ на угадъ серію картинъ «Four Times of the day» (Четыре времени дня). Что это, какъ не наблюденія Перегринуса, вышедшаго со своими телескопами на улицу! Утро. Поэтъ видѣлъ бы ясное небо, веселыхъ жаворонковъ, кувыркающихся въ вышинѣ и пр. Нашъ Перегринусъ видитъ лондонскую улицу, окутанную черными туманомъ. Лишь семь часовъ утра, но сквозь отворенныя двери кабака уже видны дерущіеся *яху*. По улицамъ идетъ въ церковь высохшая, уродливая старая дѣва. Она глядитъ похотливо на грубо и цинично заигрывающихъ съ торговками молодыхъ клерковъ съ посоловѣвшими отъ водки и отъ чувственности глазами. Рахитичные, уродливые мальчишки лѣниво бредутъ въ школу. Въ сторонѣ кого-то бьютъ.

Небо прояснилось немного; но солнце все же покрыто пеленой тумана. Рядъ святошъ выползаютъ изъ церкви. Жидконогій свѣтскій щеголь, въ длиннополомъ шитомъ кафтанѣ, съ улыбкой павіана на идіотскомъ лицѣ любезничаетъ съ великосвѣтской дамой. Двѣ высохшія старухи цѣлуются, сплетничаютъ и, повидимому, обливаютъ ядомъ клеветы всѣхъ знакомыхъ. Мальчикъ плачетъ надъ разбитымъ кувшиномъ, а рядомъ толстогубый негръ цѣлуетъ кухарку. Изъ окна верхняго этажа, вѣроятно, слышится сварливая бабья брань. Это видно по энергичному поступку жены. Она въ сердцахъ выливаетъ обѣдъ на улицу, чтобы наказать супруга. Кого то бьютъ. Это полдень. Перекрестокъ возлѣ Чарингъ-Кросса. День рожденія Георга III, и улицы освѣщены плошками и кострами.

Всюду—нищета, грязь, развратъ, скотскія лица. Изъ окна обливаютъ прохожихъ содержаніемъ той посудины, которую въ сказкѣ Вольтера дама бросила въ голову Кандиду, когда узнала, что онъ сомнѣвается, антихристъ-ли папа. Подъ балкономъ пріютились бездомные. Кого-то бьютъ. Это—ночь, И одинаковая злоба, какъ къ тѣмъ, которые бьютъ, такъ и къ пострадавшимъ. Повидимому, художникъ потерялъ даже способность воспринимать иныя впечатлѣнія. Онъ отлично изучилъ, какой отпечатокъ кладутъ на лицо низменныя страсти. Онъ прекрасно умѣетъ передать различныя степени опьянѣнія; съ замѣчательной экспрессіей Гогартъ рисуетъ лица, исковерканныя жадностью, ненавистью или же животною похотью. Онъ знаетъ, какое именно лицо должно быть у проститутки, предающей своего любовника — вора, у убійцы, арестованнаго въ тотъ именно моментъ, когда онъ только что перерѣзалъ горло своей сообщницѣ, или же у пьянаго избирателя, продавшаго свою родину. Все это Гогартъ передаетъ намъ съ рѣдкою силою. Потому-ли, что зрительныя впечатлѣнія производятъ наиболѣе глубокое впечатлѣніе,—характеры героевъ художника врѣзываются въ вашу память еще сильнѣе, чѣмъ типы Смолетта, Фильдинга, Стернъ или же Диккенса. За то Гогартъ безсиленъ въ передачѣ возвышенныхъ, благородныхъ чувствъ, даже когда онъ хотѣлъ серьезно это сдѣлать. Его чистыя нимфы похожи на женщинъ тротуаровъ. Его возвышенные герои на ярмарочныхъ шутовъ. Напримѣръ, вотъ онъ рисуетъ «купель въ Виѳездѣ». На первомъ планѣ у него не Христосъ, а двѣ подравшіяся изъ за того, кому первой влѣзть, бабы. Въ картинѣ на миѳологическій сюжетъ «золотой дождь» на первомъ планѣ нянька Данаи пробуетъ зубами одинъ изъ червонцевъ, чтобы посмотрѣть, не фальшивый-ли золотой дождь. Нужно имѣть въ виду, что Гогартъ въ этихъ картинахъ меньше всѣхъ думалъ о шутовскомъ элементѣ. Онъ хотѣлъ дать «трагическіе сюжеты». Въ картинѣ «Enthusiast delineated» увлеченный экстазомъ не забываетъ изловить и казнить докучавшее ему насѣкомое. Вотъ, мнѣ кажется, еще болѣе убѣдительный примѣръ. Это—иллюстрація Гогарта къ англійскому переводу Сервантеса. Умираетъ Донъ-Кихотъ. Гогартъ подмѣтилъ все: уродливую, глупую экономку, которая реветъ, потому что пьяна; глупаго, самодовольнаго Карраско, приказавшаго облѣпить рыцаря пластырями; подмѣтилъ всѣ мелочи, вплоть до огромной посудины подъ кроватью; но упустилъ лишь одно: великую скорбь идеалиста, съ поразительной ясностью сознавшаго, что жизнь сѣра, что тотъ возвышенный идеалъ, который онъ искалъ,—не существуетъ; упустилъ горькое «просвѣтлѣніе» человѣка, которому остается только умереть, чтобы не стать такимъ же «здравомысломъ», какъ Карраско. Какимъ глубокимъ и трагическимъ паѳосомъ дышатъ въ это время слова Донъ-Кихота, просящаго прощенія у Санчо, за то, что увѣрилъ его, что въ нашей прозаичной жизни возможны еще странствующіе рыцари идеалисты! И что

же! для Гогарта Донъ-Кихотъ въ этотъ моментъ лишь заколоченный до смерти смѣшной идіотъ, пялящій свои безсмысленные, какъ у стараго козла, глаза на экономку. Да, у художника, который такъ тонко умѣлъ подмѣчать пошлость во всѣхъ проявленіяхъ ея, совершенно была атрофирована способность воспринимать впечатлѣнія противоположнаго характера.

II.

Познакомимся теперь нѣсколько ближе со своеобразнымъ художникомъ, который, не смотря на всю самобытность свою, составляетъ лишь одну изъ звѣздъ въ созвѣздіи, обозначившемъ въ прошломъ столѣтіи нарожденіе новаго общественнаго теченія, выставившого новые запросы. Первое сознательное появленіе среднихъ классовъ на аренѣ жизни въ Англіи обозначалось въ печати рѣзкимъ протестомъ противъ той грязи, которую создали обанкротившіеся нравственно высшіе классы. Какъ антитеза грубой, самобытной и заморской, извращенности, которой тѣшило свои досуги англійское общество во времена реставраціи и первыхъ Георговъ,—появился реалистическій романъ. Именно потому, что онъ появился, какъ антитеза, въ немъ съ перваго же начала послышался проповѣдническій и наставительный тонъ. На придачу, не слѣдуетъ забывать, что мы въ странѣ практическихъ людей, которые отъ всего требуютъ, что могло бы немедленно быть примѣнено къ жизни. Намѣтили новое литературное направленіе цѣлый рядъ крупныхъ и мелкихъ романистовъ. Одни изъ нихъ, какъ Дефо, такъ же популярны въ Россіи, какъ и въ Англіи; другіе—мало извѣстны или же извѣстны лишь по имени, какъ Ричардсонъ, Смолеттъ, Фильдингъ и др. Съ самаго начала въ новомъ теченіи опредѣлились два направленія, которыя можно различить и прослѣдить вплоть до настоящихъ дней. Романисты и того и другого направленія изображали дѣйствительную жизнь; но одни относились къ отрицательнымъ явленіямъ снисходительно; другіе—безжалостно и безпощадно. Первые могутъ быть сравнены съ присяжными французскаго или русскаго судовъ, которые склонны и умѣютъ искать смягчающія обстоятельства въ тѣхъ условіяхъ, которыя довели подсудимаго до преступленія. Вторые—безпощадны, какъ, порой, бываютъ англійскіе присяжные изъ среднихъ классовъ, когда имъ приходится постановить приговоръ по поводу убійства. «Ты убилъ, значитъ, преступилъ заповѣдь, такъ ступай же на висѣлицу. И чѣмъ скорѣе палачъ задушитъ тебя, тѣмъ лучше для общества»,—разсуждаютъ они. Типичнымъ представителемъ перваго направленія, мнѣ кажется, является Фильдингъ, второго же—Смолеттъ. Первый—добродушный, безалаберный великанъ, о которомъ современница его, леди Монтегю, въ своихъ «письмахъ» говоритъ: «Его счастливая натура заставляетъ его забыть всѣ огорченія, когда пе-

редъ нимъ находится страсбургскій пирогъ да бутылка шампанскаго» *). Великанъ этотъ—подчасъ грубоватый, не всегда признающій нравственную опрятность, но первый же сокрушающійся объ этомъ, вообще же—великодушный и благородный. Фильдингъ беззаботно и очень долго пилъ изъ бокала юности, пока не явилась и не скрючила его старость. За то Фильдингъ, знавшій свои недостатки, относился крайне снисходительно къ недостаткамъ тѣхъ героевъ, которыхъ онъ изображалъ. Если что въ состояніи было возбудить злобу въ этомъ добродушномъ великанѣ, такъ это суровое и безпощадное отношеніе къ человѣческимъ слабостямъ. Первый романъ его былъ направленъ противъ прямолинейнаго Ричардсона, который такъ безпощадно отнесся за одну лишь минуту заблужденія къ своей героинѣ Клариссѣ. Всѣ герои Фильдинга немного напоминаютъ автора: всѣ такіе же безалаберные, такіе же чувственники; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, такіе же великодушные, отзывчивые и благородные. Таковъ Джозефъ Андрью и пасторъ Адамсъ (The Adventures of Joseph Andrews); таковы капитанъ Будсъ и Томъ Джонсъ («Томъ Джонсъ найденышъ»). Герои бродятъ по тавернамъ, любезничаютъ, меньше всего скупятся на здоровыя затрещины. «Этотъ ураганъ зуботычинъ; этотъ градъ затрещинъ; этотъ звонъ чашекъ и мисокъ, разлетѣвшихся въ дребезги отъ того, что ихъ швырнули въ голову; эта пестрая смѣсь приключеній и куча злоключеній въ концѣ концовъ начинаетъ нравиться»,—говоритъ Тэнъ.

Всѣ герои Фильдинга—добродушные ребята, которые отлично дерутся, великолѣпно подставляютъ фонари, ѣдятъ на славу и еще лучше пьютъ. Намъ, людямъ конца XIX вѣка, измученнымъ нейрастеніей,—просто любо глядѣть, какъ великолѣпно работаютъ эти могучія челюсти. Огромныя кусища ростбива проваливаются, какъ въ бездонную пропасть. Не слѣдуетъ ставить въ вину этимъ добродушнымъ ребятамъ, что ихъ волосатые и узловатые кулачища слишкомъ усердно тузятъ по шкурѣ ближняго, какъ по барабану: шкура ближняго крѣпка и заживаетъ съ умопомрачительною быстротою. Притомъ, авторъ такъ хорошо умѣетъ показать, что у этихъ драчуновъ, въ сущности, великолѣпное, благородное сердце, что мы закрываемъ книгу и говоримъ съ улыбкой: «а вѣдь жизнь ужъ вовсе не такъ мрачна!» Впрочемъ, къ концу жизни и Фильдингъ пошелъ въ проповѣдники. Я говорю о его романѣ. «The Life of Mr. Jonathan Wild the Great», о которомъ я еще упомяну.

Посмотримъ теперь на романиста другого типа, на Смолетта. Въ англичанахъ живутъ два типа: одинъ—типъ, крайности котораго Шекспиръ далъ намъ въ лицѣ Фальстафа. Облагородьте сэра Джона, отнимите его трусость, низость, отчасти хвастливость; замѣните это порывами великодушія и отзывчивостью, и вы получите героевъ

*) *Lady Montague's* Letters, 1837, v. III p, 120.
**) Taine, «Histoire de la Littérature Anglaise», 1892. v. 4; p. 130.

Фильдинга. Впрочемъ, одного лишь его? Другой типъ—это суровый, холодный, недовѣрчивый Mr. Commun Sense (г. Здравомыслъ), какъ его называютъ англичане, вѣчно съ тяжелой палицей въ рукахъ, которой онъ готовъ покарать всякаго слугу антихриста, здравомыслъ настойчивый, энергичный, считающій ложь величайшимъ преступленіемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ лишенный фантазіи и истиннаго представленія о прекрасномъ, нѣсколько ограниченный, безпощадный ко всякимъ человѣческимъ слабостямъ, въ особенности же, къ увлеченіямъ женщинами. Такова та среда, которая выдѣлила Смолетта. Романы его воспроизводятъ съ поразительной точностью дѣйствительную жизнь; но на нихъ разлитъ сѣроватый колоритъ. Авторъ, прежде всего, моралистъ, считающій своею обязанностью сурово карать своихъ героевъ за всякое отступленіе отъ кодекса этики здравомысловъ. Въ мірѣ, который изображаетъ Смолеттъ, не слышно веселаго смѣха; за то тѣмъ громче слышится свистъ бича и звонъ оплеухъ. Нравы грубы и свирѣпы. Разбитыя во имя возстановленія принципа нравственности челюсти, свороченныя скулы, энергичныя ругательства—встрѣчаются на каждомъ шагу. Авторъ необыкновенно проницателенъ; но поле его зрѣнія крайне узко. Внѣ его онъ ничего не видитъ или же предполагаетъ, что все тамъ лежащее ничтожно.

Ближайшее мѣсто возлѣ Смолетта занимаетъ Гогартъ. Онъ родился 10 ноября 1697 г. Отецъ его былъ тѣмъ, что англичане называютъ «literary hack» (литературной клячей), который явился въ Лондонъ изъ глуши родного Вестморленда на поиски за славой и счастьемъ. Онъ писалъ критики, историческіе очерки, церковныя проповѣди, мадригалы, оды, трактаты о мыловареніи, и все съ одинаковымъ успѣхомъ: гонорара едва хватало на то, чтобы не умереть отъ голода. Вѣроятно, много автобіографическихъ чертъ мы находимъ въ картинѣ Гогарта «The Distressed Poet». На ней мы видимъ комнату на чердакѣ. Жалкая, нищенская обстановка. За рваной занавѣсью, въ корзинѣ надрывается ребенокъ. Поэтъ, тоже literary hack, въ ободранномъ халатѣ, безъ рубахи, сидитъ за колченогимъ столомъ у маленькаго окошечка и составляетъ, очевидно, какую-то поэму. Но поэтическій жаръ охлажденъ внезапно прозаическимъ крикомъ молочницы, которая ворвалась въ комнату и грубо требуетъ у жены поэта, чинящей у потухшаго камина штаны мужа,—денегъ по счету. Поэтъ напрасно скребетъ рукой подъ парикомъ, тщетно стараясь выцарапать улетѣвшій рой звонкихъ риемъ. Эта голодная литературная богема, на придачу, была изрядно озлоблена, потому что жизнь для нихъ была рядомъ безпрерывныхъ огорченій да крупныхъ и мелкихъ оскорбленій и униженій. «Literary hacks» нѣсколько напоминали нашихъ бродячихъ актеровъ прошлаго времени. Въ своихъ лекціяхъ объ англійскихъ юмористахъ XVIII в. Теккерей приводитъ письмо современника, гдѣ отлично описаны эти изнервничавшіеся

отъ безпрерывныхъ огорченій и хронической голодовки бѣдняги. «Literary hacks» собирались иногда у Смолетта, который кормилъ ихъ иногда говядиной, пудингомъ и картофелемъ, поилъ пивомъ да глумился надъ ними. «Врядъ ли гдѣ еще въ королевствѣ можно видѣть такую коллекцію оригиналовъ,—говоритъ авторъ письма.—Я не говорю объ особенностяхъ костюма, которыя могли быть чисто случайныя. Меня поразили манеры, вначалѣ, очевидно, явившіяся результатомъ аффектаціи, а потомъ превратившіяся въ привычку. Одинъ изъ гостей носилъ очки за обѣдомъ, такъ какъ жаловался на крайнюю близорукость, а у другого поля шляпы были опущены, какъ будто бы онъ страдалъ слабостью зрѣнія отъ переутомленія; хотя меня увѣряли, что первый проявляетъ удивительную дальнозоркость стараго морского волка, лишь только судебный приставъ покажется гдѣ нибудь подъ вѣтромъ; а второй—никогда не могъ пожаловаться на зрѣніе, развѣ только пять лѣтъ тому назадъ, когда актеръ, съ которымъ онъ повздорилъ въ кабакѣ, подставилъ ему два огромныхъ фонаря... Одинъ казался крайне разсѣяннымъ. Когда къ нему обращались, онъ отвѣчалъ постоянно не впопадъ. Порой онъ внезапно вскакивалъ и выпаливалъ энергичное ругательство; порой, внезапно принимался хохотать. Затѣмъ онъ скрещивалъ руки и тяжело вздыхалъ, а то принимался свистать, какъ пятьдесятъ змѣй. Вначалѣ я дѣйствительно думалъ, что онъ помѣшанъ, и такъ какъ онъ сидѣлъ возлѣ меня, то я началъ нѣсколько опасаться за себя. Замѣтивъ это, Смолеттъ громко крикнулъ мнѣ черезъ столъ, что я могу быть совершенно спокоенъ: «джентльменъ пытается играть роль,—сказалъ онъ,—которая отнюдь къ нему не подходитъ. Не смотря на всѣ старанія, отнюдь не въ силахъ вашего сосѣда быть безумнымъ. Его умъ слишкомъ плоскій, чтобы ему могла угрожать такая штука» *). Далѣе авторъ письма рисуетъ другихъ «литературныхъ клячъ», бывшихъ за обѣдомъ. Бѣдные «haks» были до такой степени замучены фальшивымъ положеніемъ, что даже не имѣли права обижаться на своего амфитріона, а прятали накопившую злобу поглубже.

Мудрено ли, что мальчикъ Гогартъ, выросшій въ такой средѣ, впиталъ въ себя всю злобу ея и потомъ, когда онъ нашелъ возможность проявить ее,—она хлынула у него, какъ лава, сжигая все. «Литературный заработокъ моего отца, подобный таковому многихъ другихъ авторовъ, равнялся почти нулю,—писалъ Гогартъ.—Съ ранняго дѣтства я долженъ былъ самъ заботиться о себѣ. Я съ малыхъ лѣтъ любилъ рисовать, и меня отдали на выучку къ сосѣднему маляру. У него я и научился грамотѣ, рисуя буквы на вывѣскахъ. Затѣмъ меня отдали въ школу. Мои упражненія тамъ болѣе всего были замѣчательны тѣми хитры-

---

*) *Thackeray*, «The English Humorists of the XVIII-th century», p. p. 171—273. (изданіе Smith, Elder and c.).

ми завитушками, которыми я украшалъ прописи. Что касается ученія, то дубье съ хорошей памятью быстро обгоняли меня». Скоро дѣла отца стали такъ плохи, что Гогартъ оставилъ школу и поступилъ къ граверу по серебру. Онъ быстро перенялъ мастерство; но изображеніе геральдическихъ львовъ не удовлетворяло его. Гогартъ мечталъ сдѣлаться граверомъ по мѣди. Но ему не пришлось пройти никакого курса живописи, какъ не пришлось выучиться даже правильно писать по англійски. Острякъ пріятель сказалъ про Гогарта, что онъ всю жизнь думалъ о томъ «how to draw well without drawing at all» (какъ рисовать хорошо, не рисуя вовсе). Отецъ Гогарта умеръ, когда молодому человѣку минуло лишь 22 года, и ему пришлось подумать о томъ, чѣмъ содержать цѣлую семью. Гогартъ рисовалъ вывѣски, гравировалъ меню для обѣдовъ, затѣмъ афиши и пр. Но мало-по-малу, благодаря огромному таланту, молодой Вилльямъ сталъ выбиваться на дорогу. Его имя узнали, когда появились книги, иллюстрированныя имъ. Молодому человѣку пришлось въ это время встрѣчаться съ крайне пестрымъ народомъ, который впослѣдствіи фигурируетъ въ его картинахъ. Меньше всего было симпатичныхъ чертъ въ этой публикѣ. Это были все такъ или иначе причастные къ разлагающемуся міру, надышавшіеся гнилымъ воздухомъ, который отравилъ всю кровь ихъ. Славу Гогарту доставили написанныя имъ въ 1726 году иллюстраціи къ Бутлеревскому «Гудибрасу». Художникъ нашелъ свое призваніе.

Но что такое «Гудибрасъ»? Въ исторіи литературы есть нѣсколько авторовъ, которые, если можно такъ выразиться, давно уже прошли въ храмъ славы и тамъ сидятъ въ красномъ углу. Никто не думаетъ провѣрять ихъ документы на право занимать столь почетное мѣсто. Сидятъ, значитъ, такъ и подобаетъ—говорятъ или, по крайней мѣрѣ, думаютъ всѣ. Сидѣніе освящено иногда вѣками. Конечно, ихъ произведеній никто болѣе не читаетъ; но всякій знаетъ ихъ по названію. Къ такимъ авторамъ принадлежитъ Самуэль Бутлеръ, къ такимъ произведеніямъ — поэма «Гудибрасъ», которую англичане, не шутя, сравниваютъ съ Донъ-Кихотомъ. Появилась она при Карлѣ Второмъ и направлена противъ ханжества. Цѣль, какъ видите, прекрасная, еслибы только авторъ показалъ, что наиболѣе свирѣпые ханжи и пустосвяты, въ сущности, очень часто отлично умѣютъ обдѣлывать свои дѣла и добиваться власти и тлѣнныхъ сокровищъ. Поэма тогда была бы умѣстна, еслибы авторъ направилъ ее противъ пустосвятства, когда послѣднее было въ силѣ, когда оно душило все. Такъ поступалъ Дефо, который выступилъ съ памфлетомъ противъ деспотизма, когда Георгъ III хотѣлъ всю Англію перекроить по своему идеалу. Смѣлому журналисту были наградой Нью-Гэтская тюрьма да позорный столбъ съ одной стороны,—восторженное благоговѣніе и вѣнки цвѣтовъ — съ другой. Народъ прорвалъ цѣпь солдатъ, чтобы поцѣловать полу платья у выставленнаго у столба журналиста. Не такъ поступилъ

Бутлеръ. Во-первыхъ, пуритане,—потому что «Гудибрасъ» направленъ именно противъ нихъ —были не простые фанатики пустосвяты; во-вторыхъ, поэтъ выступилъ противъ нихъ тогда, когда ихъ сила миновала, при реставраціи, когда Бутлеръ убѣдился, что король сидитъ крѣпко и преемниковъ Кромвеля, дѣйствительно, нечего уже бояться. Герой поэмы Гудибрасъ—рыцарь пуританинъ, трусъ, ханжа, тупица. Со своимъ оруженосцемъ онъ отправляется «исправлять зло и собирать колотушки», «redresser les torts et embourser des gourmades», какъ говоритъ Тэнъ. Нужно видѣть въ Донъ-Кихотѣ только шута, чтобы сравнивать его съ Гудибрасомъ, какъ дѣлаютъ англичане. Поэма переполнена шутовскими эпизодами и растянута до безконечности. Описаніе бороды рыцаря занимаетъ, напр., 40 стиховъ, да столько же посвящено его штанамъ. Вотъ отрывокъ: «Его краснобурая борода одинаково гармонировала, какъ съ мудростью, такъ и съ лицомъ рыцаря. По формѣ и по цвѣту она до такой степени походила на черепицу, что съ перваго взгляда ничего не стоило впасть въ заблужденіе. Верхняя часть ея была цвѣта сыворотки, а нижняя — оранжевая, перемѣшанная съ сѣдиной. Блеклый цвѣтъ ея служилъ символомъ поблекшей власти etc.» *). Гудибраса бьютъ всѣ: и мясники, и нищіе; его побиваетъ въ единоборствѣ гулящая бабенка; какъ рыцаря, такъ и оруженосца выставляютъ у позорнаго столба. Бутлеръ поднесъ свою поэму Карлу II. Король былъ въ восторгѣ, выучилъ многіе эпизоды наизусть; но авторъ сильно ошибся въ разсчетѣ. За свое усердіе онъ всего лишь разъ получилъ денежное вознагражденіе. Онъ умеръ въ нищетѣ. Вотъ эту-то поэму сталъ иллюстрировать Гогартъ. Та злоба и ненависть, которая до сихъ поръ клокотала въ груди его, — теперь нашла себѣ русло. Возьмемъ, напримѣръ, одну изъ лучшихъ иллюстрацій къ поэмѣ. Гудибрасъ встрѣчаетъ шутовскую процессію, устроенную въ честь мужа, побитаго женой, такъ называемую, Skimington. Несчастнаго мужа посадили съ прялкой въ рукахъ, лицомъ къ хвосту коня. Верхомъ по мужски, на томъ же конѣ ѣдетъ воинственная жена. Впереди несутъ побѣдную хоругвь: развѣвающуюся на вилахъ юбку. Художнику, какъ и автору, казалось, что самая смѣшная фигура, это—мужъ, котораго бьютъ и надъ которымъ глумится толпа. Необыкновенная жизненность народныхъ сценъ въ иллюстраціяхъ къ «Гудибрасу» показала публикѣ, что появился новый художникъ съ крупнымъ, совершенно своеобразнымъ талантомъ.

Въ 1734 г. Гогартъ задумалъ нѣчто новое въ живописи: романы въ краскахъ и штрихахъ, повѣсти безъ словъ. «Мнѣ захотѣлось,—пишетъ онъ,—набросать такіе рисунки, которые были бы подобны драмамъ на сценѣ. Я задумалъ трактовать мои сюжеты, какъ драматическій писатель. Мои актеры должны были своими

*) «Hudibras», part I, canto I.

позами и жестами выяснить сцену». Первая же серія имѣла огр ный успѣхъ. Сдѣлаю въ общихъ чертахъ обзоръ этихъ «повѣст безъ словъ».

III.

Въ первую голову, конечно, нужно поставить знаменитую рію «Marriage à la Mode», находящуюся теперь въ Лондонс національной картинной галлереѣ. Это — повѣсть о бракѣ, закл ченномъ между дочерью богатаго альдермэна и молодымъ викс томъ Скаундерфельдомъ, безпутнымъ сыномъ стараго подагри графа. Альдермэну нуженъ титулъ, старому графу—деньги, что вновь позолотить изрядно потускнѣвшій гербъ. Романъ состои изъ пяти главъ—картинъ, да изъ одного вводнаго эпизода. Гла первая. Мы присутствуемъ въ домѣ стараго графа при заключен брачнаго контракта. Графскія короны видны всюду: на креслах на скамеечкѣ, на которой хозяинъ держитъ больную ногу, на и стыляхъ его, даже на ошейникѣ собакъ, гомозящихся на пол Судя по этому да еще по тому, съ какою гордостью графъ указы ваетъ на свое родословное древо, выросшее изъ чрева Вильгельм Завоевателя,—можно заключить, что старикъ очень гордится свои родомъ и доказываетъ альдермэну, какъ счастливъ тотъ. Альде мэнъ занятъ высчитываніемъ того, во сколько ему обойдется так честь: сколько нужно заплатить долговъ по закладнымъ графа. Гд же будущіе молодожены? Вотъ они сидятъ рядомъ на диванѣ. П видимому, они меньше всѣхъ въ комнатѣ заинтересованы тѣм что тутъ происходитъ. Виконтъ обернулся и любуется въ зерка на свое красивое, но сильно уже потасканное лицо. Она играет обручальнымъ кольцомъ, которое надѣла на носовой платокъ, и сл шаетъ любезности, которыя ей нашептываетъ молодой красавец совѣтникъ Сильвертонгъ, нагнувшійся надъ ней. Въ тщатель выписанныхъ деталяхъ Гогартъ разъясняетъ свою мысль. Комет надъ головой портрета одного изъ предковъ должна указыва символически на блестящую, но скоротечную славу молодой пар Глава вторая. Двадцать минутъ перваго послѣ полудня. Сонн лакеи, зѣвая во весь ротъ, убираютъ залъ въ домѣ виконта, гд очевидно, только что окончилась отчаянная картежная игра, пр должавшаяся всю ночь. Молодой супругъ, съ тяжелой головой от похмѣлья, растрепанный, только что возвратился съ ночнаго к тежа. Изъ кармана виконта выглядываетъ женскій чепчикъ и ма ска: кутящая компанія, какъ видно, состояла не изъ однихъ лиш мужчинъ. Шпага сломана во время ночной драки. Смолеттъ опи сываетъ, какъ любимое развлеченіе высшаго англійскаго обществ того времени: перепившіеся лорды выскакивали на улицу и при нимались бить прохожихъ. А то нападали на ночной патруль и въ видѣ трофеевъ, отнимали ихъ фонари и алебарды. Иногда слу

чалось, что «шутки» принимали неожиданный оборотъ для «шутниковъ»: обыватель вооружался дубиной, звалъ товарищей, и завязывался уличный бой, зачастую кончавшійся не въ пользу лордовъ. Въ картинахъ Гогарта, гдѣ онъ выводитъ кутящую аристократію, часто видны, въ видѣ аксессуаровъ, трофеи ночного боя.

Виконтъ тяжело опустился на кресло. Лицо у него измято и печально: виконтъ проигрался въ пухъ. Меньше всего интересуется супругомъ жена его. Она тоже не ложилась еще, такъ какъ «вечеръ» только что окончился. Лицо ея измято, глаза сонные. Она широко зѣваетъ и любуется на себя въ карманное зеркальце. Комната убрана тѣми бабильотками, которыя свидѣтельствуютъ, что къ общему грубо-вычурному вкусу XVIII вѣка присоединяется еще варварскій вкусъ англичанъ прошлаго столѣтія: на каминѣ рядомъ съ завитымъ барашкомъ и амуромъ, играющимъ на волынкѣ,—индійскій брюхатый идолъ, да статуэтка боксера. Изъ этой главы мы видимъ, что «семейная» жизнь виконта ничѣмъ не отличается отъ той, которую описывалъ Фильдингъ, напр., въ «Джозефѣ Андрью».

За второй главой слѣдуетъ вводный эпизодъ. Мы—въ лабораторіи моднаго доктора—шарлатана. Всюду—ученая рухлядь, долженствующая дѣйствовать импонирующимъ образомъ на приходящихъ: черепа, муміи, скелеты, колбы, реторты, какіе-то загадочные инструменты и пр. Въ одномъ углу валяются покрытые пылью бритвенный тазикъ и другія принадлежности цырульника. Они свидѣтельствуютъ о томъ, чѣмъ прежде былъ этотъ кривоногій докторъ въ огромномъ парикѣ и съ лицомъ бывшаго каторжника. Остальныя дѣйствующія лица — неизбѣжная героиня кутящей знати прошлаго вѣка—«pimp» (сводня), молодой свѣтскій франтъ и дѣвица. Франтъ взбѣшенъ и грозитъ палкой доктору: послѣдній выдалъ аттестатъ дѣвицѣ, которую доставила сводня. Теперь франтъ убѣдился, что, какъ выражается джентельменъ, разсказывающій въ романѣ Фильдинга свою жизнь пастору Адамсу, «harlots are painted palaces, inhabited by disease». Предъ нами одна изъ тѣхъ картинъ нравовъ, о которыхъ съ такою рѣзкою грубостью говорятъ въ своихъ произведеніяхъ Фильдингъ и Смолеттъ.

Глава четвертая. Старый графъ умеръ. Молодые супруги теперь владѣютъ титуломъ. Теперь въ ихъ комнатахъ все украшено графскими коронами. Гостямъ предложено восторгаться пѣніемъ откормленнаго, избалованнаго женщинами итальянскаго тенора, всѣ пальцы рукъ котораго украшены бриллiантами. Иные гости дремлютъ подъ убаюкивающіе звуки аріи, другіе, въ особенности женщины, застыли отъ восторга. Меньше всѣхъ обращаетъ вниманіе на пѣвца сама хозяйка; она слушаетъ совѣтника Сильвертонга, который, какъ турецкій паша, развалился на диванѣ и назначаетъ графинѣ свиданіе сегодня ночью въ маскарадѣ. На полу возлѣ нихъ негритенокъ разбираетъ ящикъ съ только что прі-

обрѣтенными бабильотками и съ хитрой улыбкой указываетъ на одну изъ нихъ: на рогатую голову Актеона.

Романъ принимаетъ трагическій характеръ съ пятой главы. Молодой графъ узналъ о свиданіи; хотя онъ самъ измѣняетъ постоянно своей женѣ, но тутъ считаетъ своимъ долгомъ защитить свою честь. Онъ выслѣдилъ пару, которая оставила маскарадъ и взяла комнату въ учрежденіи, извѣстномъ въ прошломъ столѣтіи подъ названіемъ «bagnio». Молодой графъ врывается въ спальню и со шпагой въ рукахъ бросается на любовника. Тотъ убиваетъ его, а самъ, раздѣтый, выскакиваетъ черезъ окно, предоставляя графинѣ выпутываться, какъ знаетъ. На шумъ прибѣжалъ ночной патруль; это—рядъ джентельменовъ, которымъ въ одной изъ комедій Шекспира даютъ наставленіе: «смотрите, чтобы у васъ не украли алебардъ!». Патруль застаетъ падающаго графа да стоящую передъ нимъ на колѣняхъ раздѣтую молодую графиню. Финалъ. Графиня умираетъ въ домѣ своего отца. Совѣтника Сильвертонга поймали, осудили за убійство и повѣсили въ Тайнборнѣ. Теперь графиня только что прочла въ газетахъ его рѣчь передъ казнью. Это былъ послѣдній ударъ. Графиня отравилась опіемъ, судя по надписи на валяющейся на полу бутылочкѣ. Старый альдерменъ снимаетъ съ пальца умирающей драгоцѣнный перстень: купецъ слишкомъ практиченъ, чтобы разомъ потерять и перстень, и дочь. Конецъ «Модному браку».

Много злобы въ этихъ картинахъ, много отвратительнаго, уродливаго и гнуснаго; но нигдѣ не видать даже вспыхнувшей искры состраданія. «Ты хотѣла выйти за графа; ты хотѣла быть знатной леди,—такъ вотъ же тебѣ!» какъ-бы произноситъ жестокій приговоръ художникъ. То же самое мы видимъ въ двухъ другихъ серіяхъ, озаглавленныхъ «Жизнь развратницы» и «Жизнь расточителя». И здѣсь мы видимъ то же яркое изображеніе жизни со всѣми деталями ея, ту же колоритность и поразительную живость, ту же безконечную коллекцію типовъ и ту же жестокость по отношенія къ героямъ. «The Harlot's Progress», «Жизнь развратницы» это — исторія обольщенія и паденія дѣвушки. Въ первой картинѣ дѣвушка пріѣхала со своимъ отцомъ, деревенскимъ пасторомъ, на ярмарку въ Лондонъ. Изъ оконъ гостиницы ее увидалъ свѣтскій развратникъ (портретъ извѣстнаго въ то время полковника Чартреса) и подослалъ «pimp» (сводню; это тоже портретъ «знаменитости» прошлаго вѣка—«матушки Нидамъ»). Слѣдующія картины—послѣдовательныя ступени паденія. Вначалѣ мы видимъ обольщенную дѣвушку содержанкой богатаго ростовщика и въ то же время любовницей свѣтскаго щеголя; затѣмъ времена измѣняются; счастье уходитъ. Мы застаемъ ее обыкновенной уличной женщиной и сожительницей знаменитаго въ то время разбойника Джемса Дальтона. Какъ всегда, Гогартъ тщательно вырисовываетъ детали, выясняя ими исторію. На столикѣ, между надтреснутой чашкой, между кускомъ хлѣба, масломъ, завернутымъ въ проповѣдь современнаго

бездарнаго, но плодовитаго оратора, епископа Джибсона,—валяются банки съ мазью и склянки съ лѣкарствами. «Harlot» знаетъ уже, что не только бѣдность и униженіе составляютъ оборотную сторону ея профессіи. На заднемъ планѣ, за перегородкой, такъ что Harlot не видитъ, показываются нѣсколько констеблей. Впереди ихъ городской совѣтникъ сэръ Джонъ Гонсонъ, прославленный своею суровостью по отношенію къ публичнымъ женщинамъ. Слѣдующая картина переноситъ насъ въ знаменитую смирительную тюрьму XVIII вѣка, въ Bridewell, гдѣ дѣвушка, вмѣстѣ съ другими подругами по несчастью, треплетъ пеньку подъ ударами хлыста грубаго надсмотрщика. Въ пятой главѣ. Harlot умираетъ на чердакѣ, а два шарлатана доктора обвиняютъ другъ друга въ смерти паціента. Затѣмъ слѣдуетъ эпилогъ, который, мнѣ кажется, крайне характеренъ для выясненія духа Гогарта. Harlot лежитъ въ гробу. Подруги собрались оказать ей послѣдній долгъ. Какая трогательная картина представилась бы другому. Но суровый художникъ караетъ даже и мертвую. Онъ превращаетъ для этого комнату смерти въ шутовской маскарадъ. Одна баба воетъ, раскрывъ ротъ, какъ акула. Воетъ не отъ состраданія, а потому, что упилась джиномъ. Другая—ласкаетъ совсѣмъ разсоловѣвшаго хозяина гробовщика и въ то же время вытаскиваетъ у него платокъ изъ кармана. Третья подняла крышку гроба и глупо глазѣетъ на покойницу. У Harlot остался малютка, мальчикъ пяти лѣтъ. Его судьба не трогаетъ художника (вѣдь «дѣти повинны за грѣхи родителей!»), который нарядилъ его въ шутовской костюмъ старшаго факельщика. Гогарту казалось крайне смѣшнымъ заставить малютку сына быть оберъ-церемоніймейстеромъ на похоронахъ родной матери. Интересно отношеніе къ этому эпизоду англійскихъ комментаторовъ. Всѣ они соглашаются, что мальчикъ церемоніймейстеръ—отклоненіе отъ того реализма, которому слѣдовалъ всегда Гогартъ; но замѣчаютъ, что «это даетъ художнику возможность проявить свой юморъ». «Why should not satirist be allowed *licenses* as well as poets»? (Почему же сатирикамъ не разрѣшать такихъ же *вольностей*, которыя дозволяются поэтамъ)—спрашиваетъ Чарльзъ Лэмъ, редакторъ лучшаго изданія произведеній Гогарта *).

Мнѣ припоминается исторія другой несчастной, разсказанная тѣмъ современникомъ, который всего ближе былъ Гогарту по роду таланта—Смолеттомъ. Я говорю о миссъ Уильямсъ, объ одномъ изъ лицъ, выведенныхъ въ романѣ «Peregrine Pickle». Дѣвушка изъ хорошей зажиточной семьи брошена на улицу. Голодная, дрожащая отъ холода, больная, она въ зимнюю ночь бродитъ по тротуарамъ, среди другихъ оборванныхъ, грязныхъ женщинъ, «согнанныхъ, подобно свиньямъ, въ одну кучу, въ углу темной аллеи», ждущихъ предложенія отъ подонковъ улицъ и охотно заливающихъ муки голода

*) «The complete works of William Hogarth», v. II p. 17.

джиномъ. Чувствительность у несчастныхъ притуплена; онѣ равнодушно относятся къ тому, что должны умереть на навозной кучѣ. Дѣвушка брошена въ Bridewell. Здѣсь, разсказываетъ она, «я очуталась среди адской своры; на меня навалили работу, которую мнѣ было не по силамъ выполнить. За это меня осыпали ударами. Меня часто били кнутомъ, пока я не лишалась чувствъ. Тогда мои подруги по несчастью обкрадывали меня. Онѣ сняли чепчикъ, башмаки, даже чулки». Несчастная пробуетъ покончить самоубійствомъ. Ее снимаютъ съ петли, а на другой день наказываютъ тридцатью розгами. «Отъ горя, стыда, отчаянія и боли я пришла въ изступленіе, каталась по полу, кусала зубами руки и билась головой о камни» *). Довольно, однако. Какъ же относится авторъ къ несчастной? Да такъ же, какъ и Гогартъ къ своей «Harlot». Ты согрѣшила, такъ терпи же за это муку!

Нарисовавъ жизнь «harlot», Гогартъ приступилъ къ серіи картинъ, составляющихъ какъ бы добавленіе къ «harlot progress». Въ 1735 г. появился его новый романъ въ штрихахъ, озаглавленный «Жизнь расточителя» (The Rake's Progress). Появленіе такой серіи картинъ вполнѣ естественно у націи, которая мотовство считаетъ едва-ли не однимъ изъ смертныхъ грѣховъ. The Rake's Progress, вмѣстѣ съ тѣмъ, яркая картина нравовъ XVIII в. Эпоха разомъ встаетъ предъ нами. Нѣсколько портретовъ съ современниковъ придаютъ этой серіи еще болѣе «мѣстныхъ красокъ».

Старый скряга только что умеръ. Его молодой сынъ вступилъ во владѣніе богатствами, накопленными въ теченіе полувѣка. Судя по камину, въ которомъ, повидимому, уже много лѣтъ не разводили огня, по отощавшей, какъ скелетъ, кошкѣ, по нищенской обстановкѣ, по грудѣ тщательно сбереженныхъ огарковъ,—въ домѣ жилось не весело. Скупость стараго скряги доходила до того, что кожаный переплетъ библіи испорченъ: изъ него вырѣзанъ кусокъ на починку башмаковъ. Скряга копилъ деньги и пряталъ ихъ по всѣмъ угламъ, даже подъ карнизомъ, гдѣ ихъ открываетъ теперь прибивающій траурную обивку обойщикъ. Первый шагъ Rake, это попытка деньгами откупиться отъ плачущей беременной дѣвушки Сарры Янгъ, которую онъ обольстилъ. Глава вторая. Дѣло происходитъ черезъ три года. Мы въ пріемной у молодого Rake. Комната набита прихлебателями. Модный пѣвецъ поетъ арію изъ шумѣвшей тогда оперы «Похищеніе Сабинянокъ». Это—Фаранелли, модный теноръ, которому лондонскія дамы того времени поднесли подарокъ съ надписью: «Одинъ Богъ, одинъ Фаранелли», а мужчины — табакерку съ изображеніемъ Орфея, укрощающаго игрой скотовъ. Въ пріемной, затѣмъ, всѣ тѣ персонажи, которыхъ мы видѣли у Журдэна (Le Bourgeois Gentilhomme). Тутъ maître d'armes, maître de musique, maitre à danser

*) «Peregrine Pickle», ch. XXIII.

и пр., которые, вѣроятно, какъ и героя Мольера, убѣждаютъ, что «sans la musique, un Etat ne peut subsister, sans la danse, un homme ne saurait rien faire». Рядомъ съ ними—чисто англійскіе типы, та свита, безъ которой не могъ обойтись ни одинъ свѣтскій джентельмэнъ прошлаго вѣка: жокеи, учитель игры на рогѣ, воспитатель боевыхъ пѣтуховъ, боксеръ, наемный убійца, чтобы расправляться съ врагами, поэтъ, присяжный одописецъ изъ тѣхъ несчастныхъ «литературныхъ клячъ», о которыхъ я говорилъ уже. Судя по развѣшаннымъ на стѣнахъ отвратительнымъ картинамъ на классическіе сюжеты,—можно заключить, что Rake'а увѣрили, что у него тонкій классическій вкусъ. Всѣ себя чувствуютъ необыкновенно ловко, кромѣ самого хозяина, стоящаго среди залы въ халатѣ и въ колпакѣ. Въ третьей картинѣ—кутящій полуночный Лондонъ; мы въ тавернѣ въ Drury Lane, вѣроятно, въ *Розѣ*, откуда зачастую лорды приходили утромъ, шатаясь, въ палату, прокутивъ ночь на пролетъ. Расточитель окруженъ публичными женщинами. Одна изъ нихъ: обкрадываетъ его, двѣ другія перепились и льютъ другъ на друга вино; третья, шатаясь, подходитъ со свѣчей къ ландкартѣ и ради шутки поджигаетъ ее. По серединѣ комнаты раздѣвается женщина. Это—posture-woman, актриса, которая покажетъ «классическія позы» (любимое зрѣлище аристократіи того времени). У дверей играетъ слѣпой арфистъ. Оборванная и до нельзя грязная беременная дѣвушка—пѣвица выводитъ балладу. Судя по бумагѣ, которую она держитъ въ рукахъ, это—«Black Joke», модная тогда пѣсня, поразительная по своей непристойности. На полу—масса пустыхъ бутылокъ. По разбитому зеркалу, по продраннымъ картинамъ и по стянутымъ скатертямъ видно, что гости бурно проявляютъ свой хмѣль. Стрѣлки показываютъ три часа; свѣчи наплыли; но публика, очевидно, меньше всего думаетъ о томъ, что нужно расходиться. Картина выписана въ томъ откровенно реальномъ тонѣ, въ которомъ написаны романы Фильдинга или сатиры Свифта.

На такія оргіи не долго хватитъ даже огромныхъ капиталовъ, накопленныхъ старымъ скрягой. Начинаются долги, и въ четвертой картинѣ героя нашего арестуютъ на улицѣ въ то время, когда онъ въ наемномъ портшезѣ отправляется во дворецъ, на пріемъ по случаю рожденія королевы. Но занавѣсъ еще не скоро опустится на сценѣ жизни нашего расточителя. Его выручаетъ подоспѣвшая Сарра Янгъ, которую мы видѣли въ первой картинѣ. Она теперь модистка и своими сбереженіями выкупаетъ героя. Глава пятая. Чтобы поправить дѣла, герой женится на палеонтологической, такъ сказать, древности, на одноглазой, старой, но богатой дѣвицѣ. Бракъ совершается въ глухой церкви подслѣповатымъ пасторомъ съ отвислой, какъ у старой крестьянской клячи, нижнею губою. Однако, исторія быстро близится къ концу. Мы въ игорномъ домѣ. Въ своемъ романѣ «Roderick Random» Смолеттъ описываетъ домъ въ Ковентъ-

Гарденѣ, «принадлежавшій знатному шотландскому лорду, который, пользуясь своими привилегіями пэра, устроилъ рядъ картежныхъ притоновъ и извлекалъ изъ нихъ огромныя выгоды». Этотъ именно притонъ и изображаетъ Гогартъ въ VI-ой картинѣ. Нашъ герой проигрался совершенно. Онъ сдернулъ парикъ, упалъ на колѣни и, стиснувъ зубы, проклинаетъ судьбу, грозя небу кулакомъ. Лица почти всѣхъ игроковъ выражаютъ различныя формы отчаянія. Одинъ (по пистолетамъ, выглядывающимъ изъ кармановъ, — вѣроятно, higwayman, разбойникъ съ большой дороги) застылъ совершенно и не слышитъ зова мальчика, которому онъ самъ же приказалъ принести водку; другой—грызетъ ногти, третій—рветъ на себѣ волосы. Два улыбающихся сообщника дѣлятъ добычу. Въ сторонѣ ростовщикъ, который, очевидно, не можетъ пожаловаться на плохія дѣла. Различныя страсти до такой степени волнуютъ игроковъ, что никто не замѣчаетъ вспыхнувшаго пожара, охватившаго уже весь домъ. Въ седьмой картинѣ Гогартъ переноситъ насъ въ знаменитую флитстратскую долговую тюрьму, описанную многими англійскими авторами (зачастую, на основаніи личнаго опыта). Въ серединѣ XVIII вѣка тюрьма была еще болѣе мрачна, чѣмъ въ тридцатыхъ годахъ этого столѣтія, когда ее посѣтилъ несравненный мистеръ Пиквикъ. Нашъ герой въ тюрьмѣ. Кругомъ—товарищи по несчастію. Одинъ—изобрѣтатель неудачникъ, который все придумывалъ летательный снарядъ. Модели отняли все. Осталась лишь пара огромныхъ крыльевъ, которыя теперь висятъ на стѣнѣ. Другой—алхимикъ. Онъ и тутъ сидитъ скрючившись передъ тюремной печкой и продолжаетъ опыты. Третій — драматургъ и составитель блестящихъ финансовыхъ проектовъ, которые должны обогатить весь міръ, но которые, однако, не спасли автора отъ долговой тюрьмы.

Мозгъ героя не выдержалъ злоключеній: расточитель сошелъ съ ума. Финальная картина,—въ домѣ умалишенныхъ, въ Moorfields Asylum. Тому, кто хочетъ познакомиться съ психіатрическими лѣчебницами прошлаго вѣка, — картина Гогарта дастъ, вѣроятно, больше, чѣмъ цѣлый трактатъ. Расточитель покушался на самоубійство, поэтому онъ теперь въ цѣпяхъ. Впрочемъ, врядъ ли онъ сознаетъ это. Rake счастливъ, какъ можетъ лишь быть счастливъ душевно-больной, какъ счастливъ его товарищъ по несчастію, считающій себя королемъ и застывшій въ горделивой позѣ, съ палкой-скипетромъ въ рукахъ. Тогда въ домъ умалишенныхъ ходили смотрѣть на больныхъ, какъ на занятное зрѣлище. Входъ стоилъ два пенса. И на картинѣ Гогарта мы видимъ двухъ свѣтскихъ дамъ-зрительницъ, которыя, скосивъ глаза, сквозь щелку вѣера, смотрятъ на голаго больного. Опять же, какъ и въ предъидущихъ картинахъ, мы видимъ, со стороны художника суровое, жестокое отношеніе ко всѣмъ. Онъ выбираетъ лишь одно уродливое и отвратительное. Во всѣхъ серіяхъ нѣтъ ни одного женскаго лица, на

которомъ не было бы написано распутство; нѣтъ ни одного мужского лица, на которомъ не застылъ бы отпечатокъ всѣхъ, наиболѣе низменныхъ, гнусныхъ страстей. Художника интересуетъ лишь то, что есть свинскаго и подлаго въ человѣкѣ. И съ особой любовью онъ подмѣчаетъ и рисуетъ эти исковерканныя похотью, злобой и водкой лица.

Напрасно мы стали бы думать, что художникъ хотѣлъ прочесть поучительную мораль на тему: «мотовство до добра не доводитъ». Онъ презираетъ и ненавидитъ одинаково какъ отступающихъ отъ прописной морали, такъ и слѣдующихъ ей. Для доказательства возьмемъ серію картинъ, носящихъ названіе «Industry and Idleness» (Лѣность и прилежаніе). Это—исторія двухъ спайтфельдскихъ ткачей: Фрэнсиса Гутчайльда и Тома Айдля. Послѣдній лѣнится, спитъ за работой; хозяинъ его прогоняетъ; Томъ вынужденъ поступить въ матросы; возвратившись, онъ становится разбойникомъ и его выдаетъ сожительница - проститутка. Фрэнсисъ Гутчайльдъ прилеженъ, по воскресеньямъ ходитъ въ церковь и дремлетъ тамъ вмѣстѣ со всей благочестивой конгрегаціей; за это хозяинъ его принимаетъ въ компаніоны и женитъ на своей дочери. Затѣмъ Фрэнсиса избираютъ въ альдермэны и въ честь его устраивается парадный обѣдъ въ Сити. Лица гостей перепачканы саломъ и соусомъ, парики сдвинуты на бокъ, на губахъ играютъ улыбки канибаловъ. Это ли не почетъ! Серія заканчивается двумя финалами. Тома Айдля везутъ на той же телѣгѣ, гдѣ стоитъ и гробъ его, на казнь въ Тайнборнъ, а Фрэнсисъ Гутчайльдъ избранъ лордъ-мэромъ Лондона и его везутъ со всей помпой: съ переодѣтыми рыцарями пузатыми лавочниками впереди, со статуями Гога и Магога позади. Не знаю, однако, гдѣ больше злости проявилъ художникъ: въ первомъ или же во второмъ финалѣ. На первой картинѣ толпа реветъ, кусается, швыряетъ камни, подставляетъ другъ другу фонари, воруетъ, любезничаетъ. То же самое она дѣлаетъ и на второй картинѣ. Разница въ томъ лишь, что на одной — единственнымъ безпристрастнымъ зрителемъ является палачъ, сидящій съ трубкой въ зубахъ верхомъ на перекладинѣ, а на второй—нѣсколько золотушныхъ, испитыхъ джентельмэновъ на балконѣ. Трудно сказать, къ кому отнесся съ большею ненавистью Гогартъ въ финалахъ: къ несчастному ли Тому Айдлю, лицо котораго исковеркано предсмертнымъ страхомъ (что кажется крайне забавнымъ всей публикѣ) или же къ самодовольному Фрэнсису Гутчайльду, на лицѣ котораго сіяетъ блаженная улыбка.

IV.

Серія картинъ, о которыхъ я только что сказалъ, доставили Гогарту все: извѣстность, богатство, почетъ. Самому художнику, однако, мало льстило названіе «Мольера кисти», которое далъ ему

Вальполь. Онъ хотѣлъ доказать, что, прежде всего, онъ великій мастеръ, выше гораздо всѣхъ Корреджіо, Мурильо, Рубенсовъ и др., которыми, по мнѣнію Гогарта, восторгаются лишь потому, что они старые. Чувство зависти, которое онъ такъ отлично умѣлъ передавать, было ему хорошо извѣстно.

— Зачѣмъ вамъ эти заморскія обезьяны,—говорилъ Гогартъ въ кругу друзей,—когда я, Билль Гогартъ, напишу вамъ картину почище всякаго Гвидо или Корреджіо. И въ доказательство онъ нарисовалъ «Сигизмунду». Опытъ былъ крайне неудаченъ. Гогартъ отлично изучилъ, какой отпечатокъ кладетъ на лицо водка или же животная страсть; но болѣе возвышенными чувствами онъ никогда не интересовался. Сигизмунда, это олицетвореніе возвышеннаго горя и скорби, у Гогарта ничѣмъ не отличается отъ тѣхъ женщинъ, которыя въ тавернѣ, въ серіи «Жизнь расточителя», обкрадываютъ пьянаго героя. Возвышенныя страсти были для Гогарта, по удачному выраженію одного изъ коментаторовъ, «языкомъ, обороты котораго были ему неизвѣстны» (a language of wich Hogart Knew not the idiom). А между тѣмъ, теоретически, Гогартъ отлично понималъ, что такое прекрасное; понималъ, быть можетъ, гораздо лучше, чѣмъ большинство его современниковъ. Доказательствомъ тому можетъ служить его «Анализъ красоты», забытый теперь трактатъ, выпущенный Гогартомъ въ 1753 г. *). «Я теперь предлагаю читателямъ краткій опытъ, въ которомъ пытаюсь объяснить, что именно заставляетъ насъ называть однѣ вещи прекрасными,—другія—уродливыми; однѣ—изящными,—другія же—наоборотъ»—объясняетъ Гогартъ цѣль трактата. Нужно сказать, что художникъ, учившійся на мѣдныя деньги, меньше всего стилистъ. Онъ самъ говоритъ въ книгѣ: «я никогда раньше не брался за перо». Въ силу этого, запутанностью, туманностью и сбивчивостью «Анализъ красоты» способенъ привести въ отчаяніе самаго терпѣливаго человѣка. Больше всѣхъ пострадалъ отъ этого самъ Гогартъ. Основаніе красоты, по мнѣнію автора, находится въ полномъ сочетаніи единства и разнообразія. Разнообразіе нужно потому, что мертвое однообразіе утомляетъ; но это разнообразіе должно имѣть внутреннее единство и правильность, потому что не гармоничное разнообразіе запутываетъ. Треугольникъ пирамиды и спиральная линія составляютъ первоначальныя формы красоты. Но настоя-

---

*) Вотъ полный титулъ перваго изданія, которое я нашелъ въ Британскомъ музеѣ. Теперь оно составляетъ большую рѣдкость. «The Analysis of Beauty. Written with a wiew of fixing the fluctuating Ideas of Taste. By William Hogarth. London. MDCCLIII. На фронтисписѣ двѣ фигуры, которымъ Гогартъ придаетъ такое большое значеніе въ своемъ трактатѣ: треугольная пирамида и заключенная въ ней волнистая линія, фигуры, по мнѣнію сатирика, составляющія A и Z красоты. На рисункѣ надпись «Variety». Эпиграфомъ Гогартъ избралъ слова Мильтона: „Тѣло его, извивающееся и волнующееся, какъ гирлянда, ослѣпило Еву“.

щая линія красоты есть волнистая линія, потому что она составляетъ самое полное соединеніе и взаимодѣйствіе единаго и разнообразнаго; предметъ бываетъ тѣмъ красивѣе, чѣмъ болѣе онъ движется въ этихъ волнистыхъ линіяхъ. Если эта волнистая линія свертывается и сгибается, такъ что ея разнообразіе увеличивается еще болѣе, она становится извилистой линіей: ее можно тогда назвать линіей граціи. Всѣ мускулы и кости человѣческаго тѣла состоятъ изъ волнистыхъ и извилистыхъ линій. Все, что живетъ и движется, живетъ и движется въ волнистыхъ линіяхъ. Прямолинейное и симметричное имѣетъ право только въ той степени, когда оно пробуждаетъ понятіе единства и не уничтожаетъ понятія разнообразія. Гогартъ однимъ изъ первыхъ выступилъ съ защитой индивидуальности. Онъ горячо, хотя сбивчиво, отстаиваетъ то, что одна только идея, духовное содержаніе, есть дѣйствующая причина красоты, т. е. что форма можетъ быть прекрасна только тогда, когда она соотвѣтствуетъ своей внутренней цѣли. Это соотвѣтствіе формы съ идеей Гогартъ называетъ художественной правильностью. Гогартъ зналъ, что онъ гораздо лучше умѣетъ выразить идею рисункомъ, чѣмъ словами. Въ силу этого, къ трактату приложены двѣ таблицы рисунковъ. Ими Гогартъ старается доказать, что тѣло Венеры или Аполлона въ классическихъ статуяхъ, величественный пейзажъ потому и красивы, что содержатъ много волнистыхъ и извилистыхъ линій; тогда какъ свѣтскій щеголь, модная красавица въ нелѣпомъ платьѣ, или шаровидный кактусъ—не красивы по антитезѣ: въ нихъ отсутствуетъ «волнистая линія жизни». Гогартъ самъ сознавалъ, что его запутанная, сбивчивая теорія меньше всего принесетъ ему славу.

«What! a book, and by Hogarth! then twenty to ten,
All he's gain'd by the *pencil*, he'll *lose* by the pen»,--

сочинилъ онъ самъ въ первый разъ въ своей жизни стихи. (Какъ! книга, написанная Гогартомъ! Въ такомъ случаѣ, можно поставить двадцать противъ десяти, что то, что онъ заслужилъ карандашомъ, онъ потеряетъ перомъ). Англійскіе журналисты того времени, которые, какъ во всѣхъ странахъ, долго находившихся подъ гнетомъ, не умѣли еще отличать чужого мнѣнія отъ чужой личности, подняли на смѣхъ Гогарта за его терминологію. За границей «Анализъ красоты» имѣлъ большій успѣхъ, чѣмъ въ Англіи. Онъ былъ переведенъ на нѣмецкій и итальянскій языки. Когда Дидро говоритъ о теоріи прекраснаго (Salon de 1765),—то легко узнать вліяніе Гогарта *). На насмѣшки англійскихъ критиковъ Гогартъ от-

---

*) La pyramide est plus belle que le cône qui est simple, mais sans variété. La statue équestre plaît plus que la statue pédestre; la ligne droite brisée, que la ligne droite; la ligne circulaire, que la ligne droite brisée; l'ovale, que la circulaire; la serpentante que l'ovale. Diderot, «Oeuvres», v. X (1876), p. 368.

вѣтилъ картинкой: «Колумбъ, разбивающій яйцо». Художникъ хотѣлъ сказать, что хотя его теорія «линіи красоты» стара и проста, но онъ, тѣмъ не менѣе, первый нашелъ ее. Какъ всегда, картинка эта полна жизни. Въ особенности хорошъ на ней тотъ кардиналъ, который, увидя, какъ просто разрѣшается загадка, предложенная Колумбомъ, хлопнулъ себя кулакомъ по лбу.

Гогартъ, однако, скоро подалъ гораздо болѣе серьезный поводъ передовой части англійскаго общества ненавидѣть его. Онъ совершилъ одинъ изъ тѣхъ «проступковъ противъ общества», которые далеко не такъ скоро прощаются великимъ людямъ, какъ ихъ проступки противъ отдѣльныхъ лицъ. Такой тяжкій грѣхъ совершилъ Гогартъ своими двумя картинами «The Times», направленными противъ тогдашнихъ защитниковъ народныхъ интересовъ. Грѣхъ отягчается тѣмъ, что защитники эти тогда только что сильно поплатились за свою смѣлость. Даже наиболѣе восторженный поклонникъ Гогарта—Лэмъ говоритъ объ этихъ картинахъ такъ: «An evil genius promoted him to project some «timed» thing in the ministerial interest» (Злой духъ подстрекнулъ Гогарта издать «злободневную» вещь въ интересахъ министерства). Это было въ 1762 г., когда вершителемъ дѣлъ въ Англіи былъ графъ Бьютъ, выдвинувшійся благодаря слишкомъ большой близости съ матерью Георга III; графъ Бьютъ, котораго англійское общество ненавидѣло и презирало. Это было въ самомъ разгарѣ борьбы парламента съ Георгомъ III. Джонъ Вилькесъ выступилъ съ поразительной смѣлостью обличителемъ не только низкаго, продажнаго, злобнаго и мстительнаго Бьюта, но и всей политики Георга III. Журналиста арестовали и посадили въ Тоуэръ, а «North Briton», журналъ Вилькеса, конфисковали и рѣшили сжечь его рукой палача *). Вотъ въ то время, когда Вилькесъ сидѣлъ въ тюрьмѣ и его ожидалъ, во всякомъ случаѣ, позорный столбъ, если не отсѣченіе руки,—Гогартъ выступилъ съ «timed thing», съ «злободневной» картиной, направленной противъ журналиста. Она принесла гораздо больше вреда художнику, чѣмъ тому, противъ котораго была направлена. Въ центрѣ картины Гогартъ изобразилъ на пьедесталѣ Георга III. Это не тотъ «dull lad», о которомъ говорятъ историки, а лучезарное божество. Изъ пьедестала бьетъ фонтанъ и орошаетъ цвѣты (символическое изображеніе добрыхъ намѣреній короля); они поливаются, кромѣ того, еще трудолюбивымъ садовникомъ, графомъ Бьютомъ. Но рядъ отвратительныхъ уродовъ, представляющихъ палату общинъ, съ Питомъ во главѣ, хотятъ подстрѣлить голубя мира, вьющагося надъ Георгомъ, и предать огню чудный садъ. На право — позорный столбъ, у котораго выставленъ Вилькесъ съ номеромъ

*) Сожженіе не удалось. Лондонцы отняли у палача журналъ, развели костеръ и бросили въ огонь портреты Бьюта.

«North Briton» на груди. Лицу журналиста художникъ придалъ выраженіе глупой трусости. Кругомъ толпа глумится надъ памфлетистомъ, а одинъ даже взобрался на помостъ, къ ногамъ Вилькеса, и проявляетъ свое глумленіе такимъ же путемъ, какимъ Гулливеръ хотѣлъ потушить пожаръ въ странѣ лиллипутовъ. Вилькесъ не былъ выставленъ у позорнаго столба. Общественное мнѣніе оказалось сильнѣе Бьюта и журналиста пришлось выпустить черезъ недѣлю. Въ силу этого, мы не знаемъ, какъ вела бы себя толпа. Судя, однако, по тому, что было, когда возвели на эшафотъ Дефо, нужно предположить, что картина получилась бы не совсѣмъ такая, какую нарисовалъ Гогартъ.

Послѣдняя картина, написанная Гогартомъ въ 1764 г., крайне характерна. Называется она Fibis. Природа обанкрутилась. Аполлонъ лежитъ мертвый въ колесницѣ; кони его подохли. «Время» лежитъ при послѣднемъ издыханіи, съ переломленной косой и разбитыми песочными часами въ рукахъ. Въ одну кучу свалено оружіе, скипетръ, старая рухлядь. Возлѣ Времени—завѣщаніе его, состоящее изъ словъ: «Все я завѣщаю Хаосу». Солнце потухло; но свѣта все еще на столько достаточно, что можно различить качающійся на висѣлицѣ трупъ: художникъ былъ убѣжденъ, что злоба, глупость и преступленія погибнутъ лишь вмѣстѣ со всей вселенной. Картина эта отличается своеобразнымъ дикимъ паеосомъ. Взглянувъ на эти тусклыя неподвижныя облака, на это сонное безсильное море, на которомъ неподвижно гніетъ судно, невольно припоминаются стихи изъ величественно-мрачной поэмы Байрона «Darkness». Гогартъ умеръ черезъ мѣсяцъ послѣ этого.

Пора сдѣлать кое-какіе выводы. Въ самыхъ общихъ чертахъ я старался набросать портретъ сатирика, не добродушнаго, какъ Рабле, не снисходительнаго, какъ Фильдингъ, а мрачнаго, ненавидѣвшаго, не умѣвшаго прощать, видѣвшаго въ жизни только низкое да гнусное и съ поразительной силой умѣвшаго передавать это. Лучшимъ эпиграфомъ ко всѣмъ произведеніямъ Гогарта, мнѣ кажется, могли бы служить слова, съ которыми въ поэмѣ Гейне «Сумерки Боговъ» поэтъ обращается къ Маю:

«In den Jungfrau Schamerröthen
Seh'ich geheime Lust begehrlich zittern;
Auf dem begeistert stolzen Jünglinshaupt
Seh'ich die lachend bunte Schellenkappe.
Und Fratzenbilder nur und sieche Schatten
Seh'ich auf dieser Erde, und ich weiss nicht,
Ist sie ein Tollhaus oder Krankenhaus».

Та мерзость, которую Гогартъ видѣлъ кругомъ, будила въ немъ злобу. Она клокотала въ немъ, какъ лава, и художникъ бѣшено наносилъ удары всѣмъ, ставя всѣхъ на одну доску. Правда, много уродливаго было тогда; но появилось уже кое-что и свѣтлое. Послѣдняго мрачный, озлобленный сатирикъ не могъ уже понять.

Онъ и къ нему отнесся подозрительно и въ свѣтломъ и чисто искалъ тѣ знакомыя уродливыя и отвратительныя черты, котор онъ такъ привыкъ видѣть. Великому таланту не дано было мягк любящее сердце. И невольно приходитъ на память другой геніа ный сатирикъ, принадлежавшій къ другой націи и къ другому вѣ Ему тоже приходилось всю жизнь бороться съ уродливыми яв ніями. И сатирикъ заклеймилъ ихъ своимъ жгучимъ, какъ кале желѣзо, сарказмомъ. Но въ груди этого великаго бойца за че вѣческое достоинство билось живое, горячее, благородное серд умѣвшее не только ненавидѣть, но и любить. Я говорю о бла родномъ паладинѣ «забытыхъ словъ», о Щедринѣ. Сопостави съ нимъ Гогарта, мы неизбѣжно придемъ къ заключенію, ч одной ненависти мало; нужна еще и любовь; нужно, чтобы у с тирика, какъ у всякаго паладина, была дама, въ защиту котор онъ выступалъ бы. И чѣмъ прекраснѣе эта дама—идеалы—тѣ обаятельнѣе дѣйствуетъ на насъ талантъ. Обстоятельства слож лись такимъ образомъ, что Гогартъ даже не подозрѣвалъ существ ванія такой дамы — идеаловъ, — во имя которой паладины ср жаются съ врагами.

Діонео.

Изъ Франціи.

Положеніе Франціи значительно улучшилось въ сферѣ внѣ ней политики. Теперь на политическомъ горизонтѣ, выражая возвышеннымъ слогомъ присяжныхъ газетчиковъ, она предста ляетъ со времени союза съ Россіей нѣчто въ родѣ двойной звѣзд движеніе которой по необходимости связано взаимнымъ прит женіемъ. Но, вѣдь, кромѣ того общаго, поступательнаго, такъ ск зать, движенія, въ каждомъ политическомъ тѣлѣ совершается дв женіе молекулярное, происходитъ та внутренняя работа въ ра личныхъ областяхъ домашней политики, которая вліяетъ неп средственно на жизнь обитателей страны и съ этой точки зрѣн важнѣе всевозможныхъ оборонительныхъ и наступательныхъ со зовъ. И вотъ приходится сказать, что какъ разъ теперь, ког новое двойное свѣтило поднимается къ зениту, внутренніе пр цессы французской жизни начинаютъ носить все болѣе и бол регрессивный, попятный характеръ, свидѣтельствующій не столь о развитіи, сколько о разложеніи. Конечно, прочное положеніе

увѣренность въ завтрашнемъ днѣ имѣютъ свою цѣну; а кромѣ того, все, что уменьшаетъ возможность свирѣпой, чисто зоологической вражды между цивилизованными народами—я говорю о Франціи и Германіи—все это должно считаться рѣшительнымъ пріобрѣтеніемъ современной культуры....

Отвѣсимъ-же почтительный поклонъ политическимъ силамъ, успѣвшимъ обезопасить намъ худой миръ, который, по пословицѣ, лучше доброй брани; но отдавши «ему же честь, честь», перейдемъ отъ этихъ высшихъ сферъ къ тому, что всего ближе касается насъ, что непосредственно окружаетъ, что—душитъ насъ... Да, душитъ, ибо трудно представить себѣ что-либо затхлѣе и отвратительнѣе общественной атмосферы, которая создалась въ послѣдніе годы во внутренней жизни Франціи. Конечно, я долженъ во избѣжаніе недоразумѣнія выдѣлить изъ этого рѣзкаго приговора сознательные элементы между трудящимися массами, которые являются настоящими носителями цивилизаціи. Но за то поглядите на всѣхъ этихъ сытыхъ и довольныхъ господъ, которые каждой фиброй лица, каждымъ мускуломъ тѣла краснорѣчиво выговариваютъ старинное beati possidentes или болѣе современное j'ai touché («я схватилъ кушъ»—смотри интересный альбомъ панамистовъ, составленный Caran d'Ache'омъ—Пуарэ).

Трудно, казалось бы, представить себѣ, чтобы процессъ внутренняго разложенія господствующихъ классовъ могъ такъ быстро продвинуться впередъ, но факты на лицо: шовинистская, соціальная и идейная реакція торжествуетъ по всей линіи, и ея проявленія настолько разнообразны, что просто затрудняешься, какіе примѣры выбрать изъ массы толпящихся въ памяти фактовъ. Улица, ежедневная печать, гравюра, серьезная книга, биржа и театръ, трибуна оратора и каѳедра патера, все свидѣтельствуетъ о силѣ попятнаго движенія, которое такъ ярко обнаружилось за послѣдніе годы во Франціи. Попробую указать на первое, что подвернется подъ перо. Армія. Чѣмъ больше я вдумываюсь въ отношеніе французовъ къ этому вопросу, тѣмъ болѣе ужасаюсь обратному шагу, который Франція сдѣлала въ этой области. Замѣтьте, я здѣсь нисколько не становлюсь на точку зрѣнія людей, отрицающихъ въ принципѣ постоянное войско и требующихъ его замѣны милиціей. Допустимъ, что система вооруженнаго мира, подъ игомъ которой столько лѣтъ изнываетъ Европа, требуетъ именно превращенія цивилизованныхъ государствъ въ одну громадную казарму. Но одно дѣло видѣть въ этомъ печальную необходимость, и совсѣмъ другое дѣло превращать казарму въ святилище, молиться передъ пушкой и такимъ образомъ играть въ руку тому самому Мольтке, ненавистному французскимъ патріотамъ, который исповѣдовалъ «божественность войны». А отношеніе французовъ къ арміи именно и напоминаетъ такое обоготвореніе. Вотъ нашъ дѣдушка Крыловъ три четверти вѣка тому назадъ подсмѣивался

надъ претензіями пушекъ замѣнить паруса. Но попробуйте въ современной Франціи сказать то же самое: смѣю васъ увѣрить, что большинство умѣренныхъ республиканцевъ будетъ выкрикивать не хуже самаго отчаяннаго реакціонера: «ахъ, не касайтесь арміи! она остается у насъ единственнымъ учрежденіемъ, гдѣ сохранились традиціи чести, долга и самоотверженія», давая такимъ образомъ жалкое понятіе о собственной своей гражданской чести (зри передовицы Figaro, Temps, Jornal de Débats, Gaulois, Matin и пр. буржуазныхъ органовъ безъ различія оттѣнковъ). Въ прежнее время, при Имперіи, даже самыя скромныя либеральныя газеты заводили у себя особый отдѣлъ такъ называемыхъ «веселенькихъ похожденій сабли» (les gaités de sabre), гдѣ отдавались на судъ общественнаго мнѣнія подвиги бравыхъ сыновъ Марса, забывавшихъ, что ихъ роль заключается въ защитѣ мирныхъ гражданъ, а не въ сокрушеніи ихъ. Теперь, лишь только проникнетъ въ какое-нибудь «отчаянно-крайнее» изданіе извѣстіе о томъ, что такой-то офицеръ позволилъ себѣ вещь, наказуемую закономъ, цѣлый хоръ «добрыхъ патріотовъ» обрушится на несчастнаго смѣльчака прессы съ упреками и проклятіями, обвиняя его въ измѣнѣ отечеству; и прослывешь у нихъ ни съ того ни съ сего анархистомъ...

А отношеніе французской, даже передовой, буржуазіи къ тѣмъ самымъ носителямъ густыхъ эполетъ, которые ей достались по наслѣдству отъ второй имперіи, и которыхъ еще такъ недавно она ненавидѣла? И комично, и печально! Напримѣръ, за послѣдніе четыре года умерло, между прочимъ, три маршала, Макъ-Магонъ, Канроберъ, Бурбаки (послѣдній, совсѣмъ недавно). Съ большими или меньшими оттѣнками, но смерть всѣхъ этихъ героевъ была встрѣчена со стороны публики соболѣзнованіями и рыданіями, и имъ были устроены національные похороны, которые отличались особою грандіозностью для Макъ-Магона. Между тѣмъ, пусть «добрый патріотъ» изъ республиканцевъ скажетъ вамъ, положа руку на сердце, что дѣйствительно полезнаго для страны совершилъ хотя бы только что упомянутый маршалъ?—Былъ взысканъ милостями при Наполеонѣ III; сорвалъ на Парижѣ гнѣвъ на поколотившихъ его нѣмцевъ, за что удостоился отъ великаго маленькаго Тьера названія «рыцарь безъ страха и упрека нашихъ временъ»; интриговалъ въ пользу имперіи; пытался было продѣлать coup d'Etat 16-го мая 1876 г. и опрокинуть республику во имя «консервативныхъ интересовъ», но больно накололся на одинъ изъ роговъ гамбеттовской дилеммы: «покориться или удалиться» (se soumettre ou se démettre) и дѣйствительно сошелъ съ политической сцены *), подѣливъ свою жизнь между банальнымъ свѣт-

*) См. въ воспоминаніяхъ де-Марсера, печатаемыхъ въ настоящее время въ Revue du Palais, фразу Макъ-Магона, которой маршалъ выпалилъ въ Жюля Симона: «Я—человѣкъ правой, а потому мы не можемъ

окимъ времяпрепровожденіемъ и банальнымъ же свѣтскимъ ханжествомъ. Спрашивается, такъ-ли ужъ давно третья республика стоитъ на ногахъ, чтобы умиляться у гроба человѣка, который чуть не удушилъ ее?

Теперь возьмемъ второго героя, маршала Капробера, которому только что поставлена съ превеликой помпой статуя. Опять таки, что представляетъ собою этотъ человѣкъ, заслужившій похвальные некрологи во всѣхъ почти газетахъ? Типъ беззастѣнчиваго карьериста, къ которому не можетъ симпатично отнестись даже узкій поклонникъ военнаго ремесла, лишь бы онъ придавалъ извѣстное значеніе лойяльности характера. Капроберъ былъ поперемѣнно навязчивымъ спутникомъ всѣхъ восходящихъ политическихъ звѣздъ и приживалкой всѣхъ вліятельныхъ лицъ: до революціи 24 февраля онъ пресмыкался передъ Орлеанами; затѣмъ сталъ ухаживать за всемогущимъ въ іюльскіе дни Кавеньякомъ, потомъ приблизился къ Луи Бонапарту и, лавируя вплоть до 2 декабря, принялъ вдругъ сторону авантюриста и въ качесовѣ командира парижскихъ войскъ свирѣпо подавилъ возстаніе республиканцевъ на бульварахъ, прохаживаясь здѣсь подъ руку съ нѣкой г-жей Калержи, которую бросила въ его объятія для подкупа принцесса Матильда *); капитулировалъ съ почтеннымъ маршаломъ Базеномъ и, вернувшись послѣ плѣна во Францію, предложилъ свою «честную шпагу» Тьеру; засимъ столкнулся съ Макъ-Магономъ, имѣлъ съ нимъ тайныя совѣщанія насчетъ того, какъ лучше расправиться съ республикой, и т. д. и т. д. Опять таки формулярный списокъ, крайне сомнительный съ республиканской точки зрѣнія.

Герой № 3, Бурбаки извѣстенъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что былъ посланъ Базеномъ незадолго до его капитуляціи для какой-то тайной миссіи во внутрь Франціи,—предполагаютъ, что дѣло шло о переговорахъ съ рушившимся правительствомъ насчетъ того, какую роль играть арміи, находившейся въ Мецѣ; а когда эта интрига не удалась, примкнулъ къ правительству національной защиты, сталъ, благодаря Гамбеттѣ, командиромъ восточной арміи и успѣлъ въ теченіе января мѣсяца 1871 г. такъ скомпрометтировать кампанію, что пытался застрѣлиться; выздоровѣвши, подавлялъ возстаніе въ Ліонѣ и обезоруживалъ національную гвардію, занятіе, очевидно, болѣе легкое и безопасное, чѣмъ защита отечества противъ нѣмецкихъ ордъ...

Десять лѣтъ тому назадъ странно было бы найти такихъ кондоттьеровъ въ республиканскомъ храмѣ безсмертія; теперь же они вошли туда въ качествѣ «героевъ чистѣйшаго патріотизма»,

---

идти другъ съ другомъ. Лучше пускай меня свалятъ съ президентства, чѣмъ я соглашусь остаться подъ командой г. Гамбетты».

*) См. интересную брошюру той эпохи: *Le Pilori*. Лондонъ, 1854. стр.24.

передъ которыми махаютъ кадильницами «всѣ добрые фр цузы безъ различія партій», и жизнь которыхъ поставляется въ об зецъ подростающимъ поколѣніямъ. Съ другой стороны, умѣр ные республиканцы вотъ уже нѣсколько лѣтъ надѣваются случаѣ надъ людьми, въ родѣ прогремѣвшаго въ свое время май Лабордэра, который въ 1876 г., въ періодъ готовившагося с d'Etat, отказался, исполнять приказанія своего реакціоннаго чальства: «дисциплина, дисциплина прежде всего; намъ не ну разсуждающихъ штыковъ» (pas de bayonnettes intelligentes!), пять эти близорукіе любители милитаризма, не подозрѣвая того, это какъ разъ на руку партіямъ стараго режима, но противорѣчі самымъ основаніямъ истинной республики, которая должна держат на сознательной защитѣ гражданами верховныхъ правъ народа

Пунктъ второй — народное образованіе. Если за что мо было похвалить оппортунистскую республику, такъ именно серьезную попытку поставить дѣло свѣтскаго обученія на пр ную ногу. Увы! вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ умѣренные р публиканцы, не рѣшаясь прямо отмѣнить такъ называемые ре ціонерами «преступные законы», подъ сурдинку стараются па лизовать ихъ дѣйствіе. Министры предписываютъ префектамъ особенно энергично насаждать свѣтскія школы, и ни для кого тайна, что при недавней перетасовкѣ администраторовъ, Лю префектъ департамента Сѣвернаго Берега (Côtes-du-Nord), бі посланъ въ Тулузу лишь потому, что кабинетъ почтеннаго г.] лина нашелъ его слишкомъ радикальнымъ для наводненной па рами Бретани: за два года Люто превратилъ 42 католичес школы въ нейтральныя. Между тѣмъ, не дальше какъ этимъ томъ я еще видѣлъ въ упомянутомъ департаментѣ, какъ д учителя правительственныхъ школъ сами водили дѣтей къ с щеннику для изученія катехизиса, въ которомъ до сихъ по рядомъ съ чисто богословскими догматами, развивается те свѣтскаго владычества папы, его власть рѣшать и вязать не тол на небѣ, но и на землѣ и т. п. Кромѣ того, у многихъ близо кихъ республиканцевъ вошло теперь въ моду всячески подсм ваться надъ результатами обязательнаго обученія, «самодов нымъ невѣжествомъ» и «отсутствіемъ духовнаго идеала» ср учениковъ свѣтскихъ школъ, что, конечно, какъ нельзя болѣе душѣ реакціонерамъ, которые потираютъ руки при этомъ и к чатъ: «ну, вотъ самое это мы и говорили вамъ — теперь ка тесь!» Перепроизводство грамотныхъ считается теперь, такъ на ваемыми «прогрессистами» *) чѣмъ-то въ родѣ одной изъ с египетскихъ казней, посѣтившихъ бѣдную Францію: горе отъ у

*) Современная кличка оппортунистовъ и „присоединившихся" республикѣ консерваторовъ, была придумана публицистами „Фигаро" лучшаго обмана страны.

нія сдѣлалось заѣзженнымъ конькомъ «мудрыхъ республиканцевъ».

Пунктъ третій—отношеніе къ демократическимъ учрежденіямъ и особенно къ ихъ исторической основѣ, событіямъ 1789 г. «Прогрессисты» крайне стыдятся прослыть за искреннихъ и прямолинейныхъ республиканцевъ: это имъ кажется чѣмъ-то вульгарнымъ и недостаточно фешіонэбельнымъ; говоря объ основныхъ учрежденіяхъ страны, они какъ-то прошмыгиваютъ мимо нихъ и въ разговорѣ съ знатными иностранцами принимаютъ скромный и униженный видъ преступника, умоляющаго судъ быть снисходительнѣе къ нему во имя разныхъ смягчающихъ обстоятельствъ. Послушать ихъ, они и революцію-то сдѣлали не по своей винѣ, а какъ-то невзначай, толкаемые злымъ фатумомъ, въ чемъ они, впрочемъ, чистосердечно раскаиваются и, какъ шаловливый ученикъ, повторяютъ: «больше не буду». Однимъ изъ смежныхъ пріемовъ этой тактики является крайне снисходительное отношеніе къ старому режиму, но крайне строгая критика революціонныхъ дѣятелей и событій. Я все это лѣто съ большимъ интересомъ слѣдилъ, напримѣръ, за комичнымъ походомъ, который вели заднимъ числомъ противъ разрушенія Бастиліи ученые мужи «прогрессивной» республики. Между прочимъ, г. Францъ Функъ-Брентано доказывалъ въ «Revue hebdomadaire», что Бастилія была крайне пріятнымъ учрежденіемъ, чѣмъ-то въ родѣ увеселительнаго замка, куда добрые короли въ своей неизреченной милости приглашали своихъ провинившихся подданныхъ, закармливая ихъ тамъ тонкими яствами и лишь сажая для вѣрности подъ замокъ взрослыхъ баловниковъ. Идиллія—да и только! А г. Гастонъ Дэшанъ, который мѣтитъ теперь въ Академію безсмертныхъ, производилъ въ «Фигаро» историческій сыскъ касательно разрушенія этой идилліи... то-бишь Бастиліи и доказалъ, что люди, покусившіеся на подобное преступленіе, должны были по необходимости представлять отъявленныхъ негодяевъ и вообще всякій «сбродъ изъ иностранцевъ». Для вящшей убѣдительности онъ подтасовалъ даже цитаты изъ трудовъ Олара (Aulard), за что получилъ отъ ученаго изслѣдователя революціи изрядной щелчокъ по носу. Словомъ, самъ Богъ, какъ говорятъ французы, не можетъ измѣнить прошлаго, а наши доблестные сыны революціи пытаются ретроспективно вцѣпиться зубами въ эпоху, благодаря которой они только и могутъ теперь... беззастѣнчиво врать, уподобляясь, такимъ образомъ, кафрамъ, вырѣзающимъ бифштексы изъ того самаго быка, который везетъ ихъ.

Если слуги «прогрессивной» реакціи такъ расправляются съ историческимъ началомъ современнаго режима, то легко уже заранѣе предвидѣть, съ какимъ рвеніемъ они будутъ подкапываться подъ существенныя основанія этого режима. Такъ, напримѣръ, можно относиться критически къ тѣмъ или другимъ проявленіямъ

парламентаризма, но имѣя за душой лишь что-нибудь болѣе широкое и свѣтлое, лишь какой-нибудь идеалъ демократіи, который позволяетъ смотрѣть на парламентарныя учрежденія, какъ на первое приближеніе къ надлежащему общежитію. Но что сказать хотя бы о тѣхъ «умѣренныхъ» (не по аппетитамъ, конечно, а по программамъ) политиканахъ, которые издѣваются и злобствуютъ надъ тѣмъ самымъ парламентаризмомъ, что до послѣдняго времени давалъ имъ почти исключительное господство? Можно понять реакціонеровъ, перерядившихся въ «разумныхъ республиканцевъ», когда они, точно деревянной пилой, пилятъ изо дня въ день несчастнаго читателя увѣреніями насчетъ того, будто страна только и вздыхаетъ свободно, что во время парламентарныхъ вакацій. Но каковъ долженъ быть сумбуръ въ головахъ, какая низменность побужденій въ сердцѣ республиканскихъ депутатовъ, которые со смѣху помираютъ, когда, напр., одинъ изъ ихъ собратовъ жалуется на то, что его, неприкосновеннаго представителя народа, «въ табакъ растирали» (passaient à tabac) пьяные полицейскіе, какъ это въ особенности дѣлалось во время министерства Дюпюи и К°? Спрашивается, что возразятъ упомянутые шутники какому-нибудь новому узурпатору, который прикажетъ полицейскимъ и солдатамъ не церемониться съ «болтунами», а разогнать всю «говорильню», не смотря на всѣ эти неприкосновенности и прочую конституціонную чепуху? Опять таки, можно простить выжившему изъ ума старцу, принадлежащему къ правому крылу контизма, когда онъ серьезно совѣтуетъ правительству пустить машину заднимъ ходомъ и ограничить всеобщую подачу голосовъ: я разумѣю жалкія упражненія въ политической прессѣ Пьера Лафитта, который строчитъ еженедѣльныя передовицы въ «Revue bleue». Но чѣмъ, какъ не духомъ повальной реакціи, объяснить болѣе скрытыя воздыханія «умѣренныхъ мудрыхъ республиканцевъ» изъ «Temps», которые ворчатъ и грустятъ и ропщутъ на трудность «дисциплинировать» всеобщую подачу голосовъ, ведущую, молъ, такъ часто къ демагогіи? Я готовъ стать даже на точку зрѣнія крупнѣйшаго панамиста Жюля Роша, котораго оставляютъ теперь въ покоѣ, въ то самое время, какъ тревожатъ какихъ-то злополучныхъ маленькихъ воришекъ въ родѣ Сэнъ-Мартэна и Гайльяра,—готовъ, говорю, войти мысленно въ шкуру этого господина, который, положивши въ карманъ нѣсколько крупныхъ кусковъ общественнаго пирога, мечтаетъ о спокойствіи, необходимомъ для безпрепятственнаго ихъ разжевыванія, а потому предлагаетъ на столбцахъ «Фигаро» различные курьезные проекты «упроченія власти», «политическаго оздоровленія страны» и т. д. Но какъ прикажете отнестись къ недавней рѣчи (въ Байонѣ) министра внутреннихъ дѣлъ, г. Барту, одного изъ «молодыхъ» республиканцевъ, котораго никто не заподозриваетъ въ склонности къ панамизму, и который, тѣмъ не менѣе, во имя «интере-

совъ охраненія общества» (какого? Рэнака, Лессепса и К°?), съ большой запальчивостью ратоборствуетъ противъ злоупотребленія со стороны палаты правомъ запроса, т. е., по просту сказать, контроля, и ищетъ средствъ обуздать эту совершенно естественную привилегію представителей народа, грозя имъ распущеніемъ? *). Подумайте, до какой степени дошла эта «охранительная» манія, если самъ г. Ланессанъ, ренегатъ радикализма и слетѣвшій съ мѣста генералъ-губернаторъ Индокитая, ужасается реакціоннымъ и клерикальнымъ связямъ кабинета г. Мелина и вопіетъ въ «Rappel'ѣ» противъ «возстановленія преобладанія католической церкви, возобновленія олигархіи Гизо и порабощенія демократіи».

Тутъ я подхожу еще къ одному изъ важныхъ проявленій нынѣшней реакціи, а именно отношенію современной буржуазіи къ католицизму. Замѣтьте, я не говорю здѣсь о философской реакціи вообще, о томъ странномъ возрожденіи «идеализма», которое на самомъ-то дѣлѣ, подъ этимъ болѣе или менѣе почтеннымъ и стариннымъ флагомъ человѣческой мысли, провозитъ вздорныя обвиненія науки въ «банкротствѣ» или, что еще хуже, болѣзненные продукты «чертобѣсія», какъ я позволилъ себѣ назвать года два тому назадъ эту умственную и нравственную эпидемію. Нѣтъ, здѣсь я исключительно обращаю вниманіе на ту форму порабощенія свѣтскихъ интересовъ клерикальными, которая составляетъ сущность историческаго католицизма и, подъ предлогомъ храненія чистыхъ завѣтовъ христіанства, создаетъ самую ужасную реакціонную силу, съ которой только когда-либо приходилось бороться человѣчеству, а именно папство...

Да, скрывать нечего, клерикализмъ, «этотъ антихристъ», этотъ страшный «змѣй», какъ его называли борцы реформаціи, снова поднимаетъ голову во Франціи, и только развѣ слѣпой или притворяющійся слѣпымъ не замѣтитъ движенія его угрожающихъ колецъ. Проявленія католической реакціи обнаруживаются вездѣ: они бросаются вамъ въ глаза на улицѣ, смотрятъ черными строчками со столбцовъ газеты, звучатъ въ епископскихъ посланіяхъ и сливаются въ угрожающій вопль противъ современнаго общества на клерикальныхъ собраніяхъ. И что всего печальнѣе, эта кампанія клерикализма противъ настоящей цивилизаціи находитъ поддержку и одобреніе между той самой буржуазіей, которая еще такъ недавно вольтерьянничала, легкомысленно кощунствовала или же просто сидѣла подъ своей смоковницей и, нащупывая бумажникъ, очень скептично относилась къ зазываніямъ патера въ его лавочку, т. е. на лоно единоспасающей католической церкви.

*) Упомяну кстати о только что сказанной въ Гаврѣ рѣчи вице-президента палаты, шустраго адвоката Пуанкарэ, который тоже говоритъ о необходимости обуздать депутатовъ, а въ то же время цинично признается, что теперь никакихъ реформъ и программъ не надо, это-де лишь оглавленія къ книгѣ, которая никогда не будетъ написана.

Начну съ факта, который можетъ иного читателя заставить улыбнуться, но отъ котораго искреннему врагу клерикализма не до смѣха: французская улица, даже въ такомъ «Космополисѣ», какъ Парижъ, кишитъ теперь черными рясами патеровъ. Просто не знаешь, откуда только вышла на свѣтъ Божій такая масса вѣрныхъ служителей папы! И какъ мы далеки отъ того времени, когда бывшій префектъ полиціи и всегдашній акробатъ, г. Андріе, разъѣзжалъ съ видомъ пресыщеннаго дэнди, въ перчаткахъ gris-perle (лѣтомъ 1880 г.) по Парижу, въ сопровожденіи цѣлой арміи слесарей, взламывалъ замки въ монастыряхъ и выгонялъ оттуда членовъ конгрегацій, не подчинявшихся декретамъ правительства! Конечно, я нисколько не одобряю такого пріема борьбы съ клерикализмомъ. Но, во всякомъ случаѣ, разница между прежнимъ поведеніемъ духовенства и теперешнимъ бросается въ глаза. Тогда католическіе монахи и священники надѣвали на себя маску несчастныхъ жертвъ произвола и тираніи правительства, неслышными и торопливыми шагами проходили по улицамъ шумнаго города, зная, что громадное большинство было противъ нихъ. Теперь всякая черная ряса выступаетъ крайне самоувѣренно, звонко стуча каблуками по мостовой, громко разговаривая съ другими черными рясами и ведя себя повсюду, за исключеніемъ развѣ рабочихъ кварталовъ, какъ въ завоеванной территоріи.

И эта внѣшняя осанка наглядно выражаетъ внутреннее настроеніе воинствующихъ католиковъ: они ясно сознаютъ, какой громадный шагъ впередъ сдѣлалъ клерикализмъ. Въ послѣдніе два года было нѣсколько католическихъ конгрессовъ, на которыхъ и духовные и свѣтскіе воины папизма братались на почвѣ вражды къ республикѣ, и современная цивилизація предавалась анаѳемѣ. И что же? Это имъ прекрасно сходило съ рукъ, и тотъ самый «прогрессивный» кабинетъ, который свирѣпствуетъ въ другихъ случаяхъ, не церемонясь и съ иностранцами, снисходительно грозитъ пальчикомъ любезнымъ его сердцу шалунамъ клерикализма, забывая, что среди нихъ были заграничные іезуиты.

А устройство католическихъ процессій на улицѣ въ тѣхъ городахъ, гдѣ онѣ были воспрещены мѣстными властями? Этой весной клерикальныя манифестаціи широкой волной прокатились по всей Франціи и порою происходили почти что на носу у парижскаго центральнаго правительства, какъ это было въ фешіонэбельной Версали, гдѣ патеры и семинаристы били палками тѣхъ, кто не желалъ дать дорогу ихъ,—замѣтьте, противозаконной процессіи. Полицейскіе, которые вообще не отличаются особой изысканностью манеръ при подавленіи уличныхъ демонстрацій, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ вели себя сравнительно очень мирно; а судьи исправительной полиціи, пекущіе обвинительные приговоры словно блины, точно на смѣхъ присуждали нарушителей общественнаго порядка всего къ одному (!) франку штрафа, точь въ точь какъ

то дѣлается въ южныхъ городахъ по отношенію къ любимымъ публикой и самими судьями торреадорамъ и прочимъ участникамъ въ боѣ быковъ!..

Я уже вскользь упомянулъ о томъ смотрѣньи сквозь пальцы на католическую пропаганду въ школахъ, которое характеризуетъ современную тактику «прогрессистовъ». Не лишено пикантности то обстоятельство, что это мирволенье клерикальнымъ педагогамъ доходитъ до рѣшительнаго предпочтенія ихъ свѣтскимъ учителямъ въ привилегированныхъ школахъ, разсчитанныхъ на богатыхъ. Сколько республиканскихъ депутатовъ, которые обязаны въ своихъ избирательныхъ программахъ играть въ антиклерикализмъ, посылаютъ своихъ дѣтей въ аристократическія гимназіи, находящіяся подъ руководствомъ католическаго духовенства; и не нахвалятся, несчастные, тѣмъ «истинно-либеральныхъ» духомъ, а особенно изящными манерами, которыя ихъ дѣти пріобрѣтаютъ, учась и гуляя подъ руководствомъ клерикаловъ бокъ-о-бокъ съ сыновьями злѣйшихъ враговъ республики!.. Но сами-то папаши —

Quantum mutati ab illis,

какъ не походятъ они теперь на тѣхъ ярыхъ mangeurs de curés, какими они были лѣтъ пятнадцать — двадцать тому назадъ, когда, захлебываясь отъ восторга, они повторяли гамбеттовскую фразу: «клерикализмъ — вотъ нашъ врагъ»! Теперь люди въ родѣ Ранка, которые въ общей политикѣ недалеко ушли отъ стараго оппортунизма, но вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпко держатся его антиклерикальныхъ завѣтовъ, кажутся какими-то странными допотопными животными, останками исчезнувшей когда-то богатой фауны. Кстати, на дняхъ произошло событіе, не важное само по себѣ, но очень характерное для переживаемаго теперь момента. Франкъ-масоны собрались на общій конгрессъ, или «конвентъ», какъ они называютъ его на своемъ вычурномъ жаргонѣ, и въ результатѣ конгресса выработали манифестъ, съ которымъ обратились къ странѣ. Манифестъ этотъ, конечно, не представляетъ собою чего-нибудь новаго и замѣчательнаго, но не заключаетъ въ себѣ и ничего прямо плохого: тамъ говорится блѣднымъ и тяжелымъ слогомъ насчетъ необходимости солидарности между людьми, рекомендуется улучшеніе современнаго общественнаго строя; а вмѣстѣ съ тѣмъ подвергается критикѣ политика «прогрессивнаго» кабинета. Надо было видѣть, съ какой яростью большинство буржуазныхъ органовъ набросилось на эту злополучную прозу передовыхъ представителей буржуазіи же, и какъ досталось главнымъ членамъ франкъ-масонскихъ ложъ! А, между тѣмъ, довольно многіе критики манифеста въ свое время, когда франкъ-масонство поддерживалось главами оппортунизма, самымъ добросовѣстнымъ образомъ играли въ бирюльки «вольнаго каменщичества», царапали при свиданіи руку у своихъ «почтенныхъ братій» согласно традиціонному ритуалу, гордо ставили передъ своей

фамиліей мистическое троеточіе, аккуратно являлись на собранія ложъ и, словомъ, всячески заботились о процвѣтаніи «Соломонова храма». Признаться, эти ребяческія упражненія свободомыслящей буржуазіи возбуждали въ насъ порою изрядный смѣхъ. Но отношеніе къ франкъ-масонскому конгрессу со стороны бывшихъ франкъ-масоновъ вызываетъ уже не смѣхъ, а прямое омерзѣніе, ибо чувствуешь, что ихъ статьи являются непосредственнымъ отраженіемъ средневѣковыхъ взглядовъ на свободную мысль, господствующихъ въ клерикальныхъ сферахъ. Остроумцы, пускавшіе болѣе или менѣе тупыя стрѣлы въ своихъ бывшихъ «братій» и издѣвавшіеся надъ франкъ-масонскою «галиматьею», словно забыли, что клерикальная галиматья куда будетъ чудовищнѣе, а главное вреднѣе, для современнаго общества.

Съ другой стороны, какъ почтительно, съ какими поклонами и присѣданіями большинство теперешнихъ представителей буржуазіи говоритъ о католическомъ міровоззрѣніи, и какую полезную общественную силу оно ухитряется найти даже въ папствѣ. Рѣчь о «новомъ духѣ», произнесенная Спюллеромъ 4-го марта 1894 г., лишь была гласнымъ выраженіемъ той измѣны антиклерикальнымъ убѣжденіямъ, которая была продѣлана большинствомъ умѣренныхъ республиканцевъ въ послѣдніе годы: не мѣшаетъ припомнить хотя бы тотъ фактъ, что въ то время, какъ въ 1885 г. палата насчитывала 184 депутата, стоявшихъ за отдѣленіе церкви отъ государства, настоящая палата, выбранная въ 1893 г., не насчитываетъ такихъ и 150. И въ этомъ нельзя не видѣть результатовъ той ловкой политики, которую повелъ по отношенію къ третьей республикѣ Левъ XIII. Теперь вошло въ моду говорить о «широкомъ либерализмѣ» папы, о его любви къ «современной демократіи». Близорукіе или своекорыстные республиканцы не видятъ того, что, какія бы формы ни принимало подъ давленіемъ обстоятельствъ папство, оно по самой сущности должно остаться заклятымъ врагомъ свѣтской цивилизаціи и громаднымъ препятствіемъ по пути прогресса. Въ виду важности этого вопроса и возникающихъ такъ часто по поводу его нелѣпыхъ толкованій я посвящу вторую половину настоящей статьи исключительно клерикализму: о прочихъ проявленіяхъ современной реакціи я оставляю за собою право говорить болѣе подробно и въ свое время въ другихъ статьяхъ.

Посмотримъ, что такое католицизмъ во Франціи: зная органъ можно опредѣлить его общую функцію, которая можетъ лишь нѣсколько видоизмѣняться подъ вліяніемъ особыхъ условій. Думаю, что для этой цѣли будетъ достаточно остановиться на современныхъ формахъ французскаго католицизма, какъ онѣ выработались послѣ революціоннаго погрома. Заглядывать въ прежнюю исторію

намъ, вѣроятно, понадобится лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, когда прошлое можетъ пролить лишній свѣтъ на настоящее.

Читателю, конечно, приходилось много разъ натыкаться въ газетныхъ извѣстіяхъ о французскихъ дѣлахъ на вопросъ объ отдѣленіи церкви отъ государства и о конкордатѣ. На этой почвѣ дѣйствительно, происходятъ самыя жаркія столкновенія между радикалами и умѣренными. Съ конкордата мы и начнемъ. Это названіе дается, какъ извѣстно, особому дипломатическому договору между папой и правительствомъ данной страны съ цѣлью опредѣлить взаимныя отношенія духовной и свѣтской власти *). Такихъ конкордатовъ было во Франціи четыре, но только два изъ нихъ не остались въ формѣ проекта, а были приведены въ исполненіе. Первый былъ заключенъ въ 1516 г. между Францискомъ I-мъ и Львомъ X-мъ; второй 15 іюля 1801 г., между первымъ консуломъ (Бонапарте) и Піемъ VII-мъ. Этотъ послѣдній договоръ и опредѣляетъ взаимныя отношенія между папою и третьей республикой. Я процитирую по возможности точно и полно нѣкоторые изъ важнѣйшихъ параграфовъ конкордата:

Католическая религія будетъ свободно исповѣдываться во Франціи. Богослуженіе будетъ отправляться публично, но въ соотвѣтствіи съ полицейскими предписаніями, которыя правительство сочтетъ нужными въ видахъ общественнаго спокойствія. Первый консулъ будетъ назначать архіепископовъ и епископовъ... Его Святѣйшество дастъ имъ каноническое утвержденіе сообразно съ установленными формами... Епископы, до вступленія въ должность, дадутъ непосредственно самому консулу присягу въ вѣрности... Духовныя лица низшаго разряда дадутъ такую же присягу гражданскимъ властямъ по опредѣленію правительства... Его Святѣйшество, въ интересахъ мира и по случаю счастливаго возстановленія католической религіи, объявляетъ, что ни онъ самъ и никто изъ его преемниковъ на папскомъ престолѣ (ses successeurs) не будутъ отнюдь безпокоить лицъ, пріобрѣтшихъ отчужденныя церковныя имущества, и что, слѣдовательно, права собственности на упомянутыя имущества, вмѣстѣ съ различными доходами съ нихъ, останутся отнынѣ неприкосновенными въ рукахъ ихъ теперешнихъ владѣльцевъ или тѣхъ, которые правильно замѣщаютъ ихъ... Правительство обезпечиваетъ надлежащее содержаніе епископамъ и священникамъ, которыхъ епархіи и приходы войдутъ въ новое распредѣленіе духовныхъ округовъ.

Итакъ, вотъ существенныя черты конкордата, этой основы современнаго церковнаго права во Франціи **). Всматриваясь въ нихъ, ясно видишь, что договоръ между папой и французскимъ правительствомъ распадается на двѣ части: часть политическую или, если хотите, полицейско-административную, и часть экономическую. Во-первыхъ, государство превращаетъ духовныхъ лицъ въ

---

*) См., между прочимъ, A. Cheruel. *Dictionnaire historique des institutions, moeurs et coutumes de la France*; Парижъ, часть I, стр. 206 второго изданія (1865 г.).

**) См. Dupin, *Manuel de droit ecclesiastique français*; Парижъ, 1860.

своихъ чиновниковъ: оно назначаетъ ихъ, беретъ съ нихъ присягу, оплачиваетъ ихъ (и, если не можетъ, по каноническому праву, лишить ихъ сана, то можетъ лишить жалованья); духовенство превращается, такимъ образомъ, по счастливому выраженію Монтолона, въ «священную жандармерію». Во-вторыхъ, государство разъ навсегда устраняетъ притязанія духовенства на отобранныя у него во время революціи имущества: буржуазія, которая почти исключительно воспользовалась продажей земель во время переворота *), могла теперь спокойно переваривать проглоченный кусокъ въ пять милліардовъ франковъ однихъ церковныхъ помѣстій (если вѣрить католическому писателю Бешару).

Немудрено, что конкордатъ является верхомъ мудрости для тѣхъ представителей третьяго сословія, которые стоятъ не за принципъ «крѣпкой власти» въ политикѣ, но за «свободу» употребленія и злоупотребленія собственностью въ экономикѣ. Посмотримъ, однако, что хорошаго принесъ онъ республикѣ, ибо вопросъ ставится вполнѣ опредѣленно и конкретно: дѣло идетъ не о достоинствахъ и недостаткахъ конкордата вообще, — дѣло идетъ о его пользѣ или невыгодѣ для современныхъ республиканскихъ учрежденій. Думаю, что непредубѣжденный наблюдатель скоро откроетъ вредное вліяніе конкордата на демократическій строй. Защитники этого договора любятъ указывать на то обстоятельство, что конкордатъ передаетъ въ руки свѣтскаго правительства извѣстную власть надъ духовенствомъ, и цитируютъ намъ изъ исторіи текущаго столѣтія примѣры того, какъ и предшествующія правительства, и Луи Филиппъ, и Наполеонъ III, могли при помощи конкордата обуздывать черезчуръ реакціонныя поползновенія ультрамонтановъ. Но вѣдь эти примѣры идутъ какъ разъ противъ защищаемой темы. Каковы бы ни были благообразныя формы, въ которыя рядились предшествовавшіе режимы, у нихъ было одно общее основаніе, противорѣчащее истинному республиканскому строю: они опирались на принципъ возможно большаго «авторитета», современная же демократія опирается на принципъ возможно болѣе широкой «свободы». Съ точки зрѣнія буржуазнаго либерализма Луи-Филиппа или деспотическаго цезаризма Луи-Наполеона католическое духовенство является, такъ сказать, однимъ изъ департаментовъ чиновничества, который служитъ извѣстнымъ образомъ правительству и потому отвѣтственъ передъ нимъ за тѣ или другіе взгляды, проводимые имъ въ своей спеціальной сферѣ. Но какъ демократическая республика можетъ держаться на этой позиціи, не измѣняя основнымъ своимъ принципамъ? Для нея свобода всякаго убѣжденія, и въ томъ числѣ религіознаго, представляетъ одно изъ существенныхъ правъ гражданина. На какомъ основаніи она бу-

*) См. замѣчательную книгу Georges Avenel, *Lundis révolutionnaires*; Парижъ, 1875.

детъ предписывать тому или другому духовному лицу опредѣленное міровоззрѣніе и опредѣленные взгляды? И что по существу преступнаго совершаетъ какой-нибудь патеръ, который съ высоты своей каѳедры громитъ республиканскій строй и увѣщеваетъ своихъ прихожанъ низвергнуть современную демократію въ видахъ спасенія души, тѣмъ болѣе, что каноническое право католицизма ясно говоритъ: «подданные еретическаго государя освобождаются церковью отъ всякихъ обязанностей по отношенію къ нему, отъ всякой вѣрности и отъ всякаго почтенія»? Истинная республика не боится такой критики; истинная демократія позволяетъ такой языкъ всякому изъ своихъ гражданъ, недовольному современными порядками. Какъ же республиканскія и демократическія власти откажутъ въ этомъ правѣ гражданину, носящему черную рясу и преслѣдующему не временные только, а вѣчные интересы?

И замѣтьте, правительство третьей республики должно инстинктивно чувствовать это противорѣчіе, ибо оно гораздо рѣже и неохотнѣе прибѣгаетъ къ строгостямъ по отношенію къ духовенству, чѣмъ предшествовавшіе «богобоязненные» режимы, (я не говорю здѣсь, конечно, о заигрываніи «прогрессивнаго» кабинета съ клерикалами). Но тутъ-то конкордатъ и устраиваетъ настоящую западню республиканскому правительству.

Въ самомъ дѣлѣ, излюбленная точка зрѣнія каждаго настоящаго католика выражается очень рельефно въ знаменитомъ афоризмѣ Вейльйо: «когда наши противники у власти, мы требуемъ отъ нихъ полной свободы во имя ихъ принциповъ, а когда мы у власти, мы отказываемъ нашимъ противникамъ во всякой свободѣ во имя нашихъ принциповъ». Можете представить себѣ, съ какимъ жаромъ клерикалы слѣдуютъ на практикѣ этому естественному влеченію ихъ властолюбиваго сердца, и какъ достается отъ нихъ республикѣ. Съ другой стороны, современная демократія, получивъ въ наслѣдіе отъ прошлыхъ режимовъ пресловутый конкордатъ, обязана «обезпечивать приличное содержаніе» тѣмъ самымъ духовнымъ, которые съ утра до вечера ведутъ съ ней войну: легенда о Генрихѣ IV-мъ, который будто бы позволялъ подвозить хлѣбъ осажденному имъ же Парижу *), воплощается передъ нашими глазами въ дѣйствительность въ усугубленной формѣ, и, напр., цѣлыхъ 43,181,653 фр. отчислены въ бюджетѣ 1897 г. на пропитаніе черной арміи, которая каждый день въ 45,000 голосовъ **) призываетъ громы небесные на побѣдную голову, прикрытую фригійскимъ колпакомъ.

*) На самомъ дѣлѣ, это продѣлывали подкупленные парижанами генералы короля.

**) Во Франціи статистика профессій 1891 г. насчитывала 45,115 мірскихъ духовныхъ (clergé séculier), которые содержатся на счетъ государ-

Въ какой степени такое положеніе выгодно для враговъ республики, видно изъ того, что, за исключеніемъ enfants perdus католицизма въ родѣ Кассаньяка, большинство клерикаловъ очень отрицательно относятся къ отдѣленію церкви отъ государства, хотя эта мѣра повела бы къ полнѣйшей свободѣ и независимости духовенства отъ правительства. Католики очень хорошо понимаютъ, что уже одинъ фактъ исключенія жалованья духовенству изъ бюджетной смѣты лишилъ бы католицизмъ того оффиціальнаго престижа, которымъ онъ пользуется въ населеніи, какъ одинъ изъ элементовъ государственной машины, не говоря уже о томъ, что сами духовные не особенно разсчитываютъ на щедроты своихъ будущихъ «свободныхъ» прихожанъ. Я не могу безъ улыбки вспомнить разговора, который мнѣ пришлось вести по этому поводу съ однимъ сельскимъ священникомъ. Почтенный патеръ не безъ гордости началъ съ обычной фразы клерикаловъ насчетъ того, что «католицизмъ есть религія громаднаго большинства французовъ». Но когда я въ шутку посовѣталъ ему вдохновиться евангельской бѣдностью апостоловъ и отцовъ церкви и агитировать въ пользу отдѣленія церкви отъ государства, онъ нетерпѣливо махнулъ рукой и выпалилъ: «ахъ, еслибъ вы знали только нашихъ мужиковъ, какъ знаю ихъ я! да они на завтра же послѣ такого отдѣленія уморятъ своего священника съ голоду» *).

Тѣмъ страннѣе взгляды на этотъ вопросъ умѣренныхъ республиканцевъ, которые серьезно полагаютъ, что они держатъ духовенство въ рукахъ при помощи конкордата, и что католическая церковь, отдѣлившаяся отъ государства, немедленно же превра-

ственнаго бюджета; сверхъ того, 79,488 монаховъ и монахинь. См. *Résultats statistiques du dénombrement de 1891*; Парижъ, 1894, стр. 305. Спеціальныя данныя коммисіи по бюджету вѣроисповѣданій насчитывали къ 1 ноября 1894 г. нѣсколько меньше мірскихъ духовныхъ, а именно 42,347 (я подвожу итогъ по таблицѣ № 30, помѣщенной на стр. 17 послѣдняго тома *Annuaire statistique de la France*; т. 16, Парижъ, 1896).

*) Само собою, я оставляю въ сторонѣ финансовый аргументъ защитниковъ конкордата, которые говорятъ, что его нельзя отмѣнить на томъ основаніи, что плата духовенству составляетъ въ нѣкоторомъ родѣ эквивалентъ отобранныхъ церковныхъ имуществъ: не хотите, молъ, оплачивать патеровъ, возвратите церкви отнятыя земли и пр. На это отвѣтить нетрудно: церковныя имущества, не говоря уже о прямомъ чисто феодальномъ грабежѣ, образовались изъ взносовъ жертвователей и должны были принадлежать, по ученію отцовъ церкви, Іеронима и Августина, бѣднымъ и нищимъ, т. е. извѣстной части націи. Вся нація отбирала теперь эти имущества и возвращала ихъ въ національный фондъ: о какомъ же вознагражденіи могла идти рѣчь? Съ другой стороны, не мѣшаетъ знать, что церковныя имущества, дававшія 150 милліоновъ ливровъ ежегоднаго дохода, шли почти исключительно на роскошную жизнь прелатовъ въ то время, какъ простые священники умирали почти съ голоду: такъ мала была оставляемая на ихъ содержаніе высшимъ духовенствомъ такъ называемая portion congrue (надлежащая часть). См. *Procès verbaux des assemblées génerales du clergé de France*, т. VIII, 1, стр. 74,

тится въ необыкновенно опасный элементъ заговора для республики. Ихъ особенно сбила съ толку дальнѣйшая и очень ловкая тактика папы, который путемъ чисто внѣшняго и формальнаго признанія современнаго строя пріобрѣлъ рѣшительное вліяніе на внутреннюю политику Франціи. Неугодно-ли повнимательнѣе вдуматься въ его знаменитую энциклику отъ 12 февраля 1892 г., которую считаютъ верхомъ либерализма всѣ близорукіе «прогрессисты». Вотъ наиболѣе характерныя мѣста изъ нея:

Мы считаемъ удобнымъ и даже необходимымъ возвысить нашъ голосъ и обратить еще болѣе настойчивое увѣщаніе, не говоримъ къ однимъ католикамъ, но ко всѣмъ честнымъ и благоразумнымъ французамъ, чтобы они отбросили далеко отъ себя всякій зародышъ политическихъ распрей съ цѣлью посвятить свои силы единственно на умиротвореніе отечества. Гражданская власть, разсматриваемая какъ таковая, исходитъ отъ Бога и всегда отъ Бога... Слѣдовательно, когда правительство, представляющее эту незыблемую гражданскую власть, установлено, то принимать его не только позволено, но даже слѣдуетъ, скажемъ болѣе того, даже необходимо въ виду общественнаго блага .. Но законодательство до такой степени отличается отъ политической власти или ея формы, что при режимѣ, имѣющемъ превосходную форму, законодательство можетъ быть ненавистно (détestable), тогда какъ, наоборотъ, при режимѣ, обладающемъ самой несовершенной формой, можно встрѣтить прекрасное законодательство... И вотъ именно это и есть та почва, на которой, оставивъ въ сторонѣ всякія политическія разногласія, всѣ добрые люди должны соединиться, какъ одинъ человѣкъ, чтобы бороться, всѣми честными и легальными средствами, противъ все усиливающихся злоупотребленій (abus progressifs) законодательства. Уваженіе, которое мы должны питать къ властямъ, отнюдь не воспрещаетъ этого.

Дѣло, кажется, ясно, и надо обладать большою наивностью, чтобы не понять, куда клонитъ это пастырское увѣщаніе. «Примите республику, т. е. наклейте на себя ярлыкъ республиканца, но боритесь всячески (не прибѣгая, впрочемъ, къ революціи, ибо у васъ пока нѣтъ силы), боритесь ежедневно противъ республиканскаго законодательства, каждый новый шагъ, каждое дальнѣйшее развитіе котораго создаетъ ненавистныя для католика формы жизни»—вотъ смыслъ энциклики, либерализмъ которой приводитъ въ несказанное умиленіе сторонниковъ «мудрой республики», или, если хотите, «республики безъ республиканцевъ», какъ любилъ говаривать ловкій Тьеръ. И дѣйствительно, совѣты Льва XIII-го не остались втунѣ. Вскорѣ послѣ того, въ теченіе же 1892 г., сформировалась въ палатѣ, подъ предводительствомъ Піу, такъ называемая республиканская правая, состоявшая изъ монархистовъ, которымъ надоѣло стоять плакучими ивами на кладбищѣ историческихъ воспоминаній, а захотѣлось власти и вліянія. Самъ графъ Де-Мэнъ подчинился указаніямъ папы и, пойдя по этому пути, совершилъ такую быструю эволюцію, что, выбросивши свои монархическія традиціи, выбросилъ за одно съ ними и принципы «христіанскаго соціализма»: нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ не

боялся произносить пламенныя филиппики противъ современнаго экономическаго строя, говоря, напр., что если бы въ его родной Бретани появился народный агитаторъ, то повсюду запылали бы замки владѣльцевъ,—такъ отчаянно положеніе крестьянина; а теперь счелъ нужнымъ рѣзко отграничить свое міровоззрѣніе отъ соціализма и заявить свое согласіе съ буржуазными принципами кабинета «прогрессистовъ». Въ промежуткѣ же произошли выборы 1893 г. въ палату, которая насчитываетъ теперь пятьдесятъ «присоединившихся», т. е. реакціонеровъ послѣдовавшихъ совѣту папы и поступившихся пустымъ словомъ для того, чтобы завладѣть самой вещью, республикой, и съ теченіемъ времени изгнать изъ нея ея близорукихъ или неискреннихъ защитниковъ... Думаю, что не особенно ошибусь, если предскажу усиленіе на предстоящихъ выборахъ клерикальнаго элемента въ ущербъ чистымъ республиканцамъ.

Но мнѣ могутъ возразить, что я самъ создаю себѣ всяческ страхи, и что французскій клерикализмъ пересталъ существовать въ формѣ, опасной для современной мысли, съ легкой руки и подъ покровительствомъ либеральнаго папы, который, молъ, создалъ либеральное теченіе и среди духовенства. Я уже только-что сказалъ, какъ отношеніе папы къ республикѣ свидѣтельствуетъ лишь о его хитромъ умѣ и большой наивности (или неискренности) умѣренныхъ республиканцевъ. Но что касается до французскаго духовенства, то у насъ есть достаточно фактовъ, свидѣтельствующихъ о крайней реакціонности этихъ служителей католицизма. Драгоцѣнный документъ по психологіи этого духовенства заключается въ недавно вышедшей книжкѣ аббата Шарбоннэля о «Всемірномъ конгрессѣ религій въ 1900 г.» *). Для того, чтобы читатель могъ быстро оріентироваться въ этомъ вопросѣ, мнѣ придется сказать нѣсколько предварительныхъ словъ. Какъ извѣстно, на международной выставкѣ въ Чикаго, въ 1893 г., былъ устроенъ, между прочимъ, такъ называемый «всемірной парламентъ религій» (*the World's Parliament of Religions*), на который, по приглашенію нѣкоторыхъ пресбитеріанцевъ, сошлись представители всевозможныхъ религій не для того, чтобы спорить о сравнительныхъ преимуществахъ различныхъ вѣроисповѣданій, но для того, чтобы обмѣняться мыслями объ общемъ «спиритуалистическомъ основаніи» религій и противоставить это основаніе «грубому матеріализму и невѣрію вѣка». Были на этомъ парламентѣ и католики, которые сначала не допускали и мысли о возможности засѣдать и мирно разговаривать съ разными еретиками и язычниками, а затѣмъ, считая неполитичнымъ такое уклоненіе, явились на собраніе излагать свои идеи въ лицѣ нѣкоторыхъ демократи-

*) Abbé Victor Charbonnel, *Congrès universel des Religions en 1900. Histoire d'une idée*. Парижъ, 1897.

ческихъ прелатовъ Америки, какъ напр., Кина, Гиббонса, Айрлэнда. Прогрессивные элементы въ католичествѣ остались очень довольны исходомъ теологическаго парламента и успѣли даже, по крайней мѣрѣ, временно, добиться—правда, заднимъ числомъ,—одобренія папы. Какъ часто бываетъ въ такихъ случаяхъ, «законы подражанія», столь любезные сердцу г. Тарда, проявили свое дѣйствіе и въ упомянутой сферѣ: французскій либеральный аббатъ и учитель риторики въ католической гимназіи города Мо, нѣкто Викторъ Шарбоннэль, поднялъ агитацію насчетъ устроенія «всемірнаго конгресса религій» въ Парижѣ, во время будущей выставки 1900 г. Нашлось человѣка два-три изъ пріятелей аббата, которые обѣщали поддержать иниціатора въ его предпріятіи; нѣсколько католическихъ писателей дали понять, что они не будутъ прямо противъ идеи конгресса. Но этимъ дѣло сначала и ограничилось. Тогда Шарбоннэль, желая привлечь большую публику къ обсужденію вопроса, перенесъ агитацію въ свѣтскую литературу: напечаталъ въ защиту своей идеи статью въ «Revue de Paris», составилъ по приглашенію «Revue bleue» вопросникъ, касающійся различныхъ сторонъ задуманнаго предпріятія, разослалъ его экземпляры къ выдающимся духовнымъ и свѣтскимъ лицамъ съ просьбой высказать мнѣніе и въ «Revue bleue» же напечаталъ эти отвѣты и подвелъ итоги агитаціи.

Нѣтъ ничего поучительнѣе чтенія этихъ отвѣтовъ, равно какъ другихъ, подобранныхъ еще нѣкоторыми газетами и перепечатанныхъ въ книжкѣ Шарбоннэля. Насъ собственно мало интересуютъ въ этомъ отношеніи взгляды разныхъ свѣтскихъ «идеалистовъ» и «спиритуалистовъ» въ родѣ покойнаго Жюля Симона: ихъ мнѣнія ни мало не обязательны для католической церкви, которая, кромѣ того, смотритъ на нихъ едва-ли съ большей нѣжностью, чѣмъ на отъявленныхъ атеистовъ и зачерствѣлыхъ скептиковъ, ибо и тѣ и другіе, по мнѣнію правовѣрныхъ католиковъ, ничѣмъ не лучше язычниковъ. Но за то крайне интересны отзывы оффиціальныхъ представителей католицизма: изъ нихъ мы можемъ узнать настоящее міровоззрѣніе французскаго духовенства.

Начнемъ съ «либеральныхъ» столповъ клерикализма. Вотъ, напр., турскій архіепископъ Меньянъ, который считается крайнимъ изъ крайнихъ въ рядахъ католическихъ прелатовъ; на его имя была послана папой энциклика, совѣтующая принять ярлыкъ республиканца, но бороться противъ «ненавистнаго» республиканскаго законодательства. Послушаемъ же, что скажетъ этотъ кардиналъ—«прогрессистъ».

«Милостивый государь, отвѣчаетъ онъ наивному аббату, я не считаю возможнымъ устроеніе въ Парижѣ конгресса религій. Америка не Франція. Ни народъ, ни духовенство отнюдь не похожи другъ на друга въ обѣихъ странахъ. То, что разъ осуществилось въ Новомъ Свѣтѣ, не можетъ удаться или удастся лишь плохо въ Европѣ. Вы спрашиваете мое

мнѣніе; я искренно отвѣчаю Вамъ и прошу принять увѣреніе въ уваженіи, которое я питаю къ Вашимъ благороднымъ чувствамъ» *).

Какъ видите, цѣлый душъ холодной воды, въ которую внущена капля елейнаго «уваженія къ благороднымъ чувствамъ».

Письмо анжерскаго епископа, монсеньйора Матье, у котораго много знакомцевъ между профессорами и писателями, и который дерзаетъ даже разсуждать въ литературныхъ салонахъ съ «неоклассикомъ» г. Вогюэ о сочиненіяхъ Льва Толстого (horribile dictu)! Письмо это написано секретаремъ почтеннаго прелата, но выражаетъ личныя идеи послѣдняго:

«Вы плохо разсчитали, обратившись къ Его Преосвященству... Онъ ненавидитъ централизацію и все, что стремится увеличить вліяніе Парижа. Выставка 1900 г. поэтому ему въ высшей степени антипатична. Кромѣ того, что касается до конгресса религій, то Его Преосвященство полагаетъ, что вещь, удавшаяся въ Чикаго, провалится въ Парижѣ. Ваши собранія выродятся въ клубъ, въ которомъ люди будутъ другъ друга поносить по поводу Варѳоломеевской ночи, инквизиціи и стараго режима. Французы неспособны ни къ серьезному отношенію къ дѣлу, ни къ искреннему либерализму; а это лишь и могло бы обезпечить успѣхъ Вашей попытки, столь новой и столь подозрительной большому числу уважаемыхъ лицъ» **)

Уважающій себя прелатъ сваливаетъ свою подозрительность на дурныя качества соотечественниковъ, которыхъ онъ не по христіански отдѣлываетъ; но, во всякомъ случаѣ, даетъ отвѣтъ отрицательный.

Еще для образчика одно письмо «либерала», байонскаго епископа Жоффрэ, который, къ слову сказать, восторгался демократизмомъ американскихъ католиковъ:

«Я не одобряю проектируемаго конгресса. Мнѣ кажется, что въ немъ заключается уступка тому доктринальному скептицизму, который охватываетъ насъ, и той системѣ равноцѣнности ученій, которая въ модѣ среди буржуазіи. Это смягченное, такъ сказать, христіанство отнимаетъ у вѣры самый простой и самый основательный мотивъ увѣренности въ истинѣ, а именно авторитетъ церкви. Оно представляетъ какъ бы шагъ назадъ къ естественной теологіи язычниковъ. Народъ можетъ заключить отсюда, что онъ былъ вводимъ въ заблужденіе до сихъ поръ, какъ относительно привилегіи евангелія быть принимаемымъ за источникъ вѣры во всей полнотѣ, такъ и относительно того цѣлительнаго дѣйствія, которое принадлежитъ лишь ученію католицизма, воплощающему въ себѣ истину, и которое одно создаетъ благоденствіе общества и индивидуума... Но я отдаю должную дань Вашему неоспоримому таланту, Вашему несомнѣнному рвенію и благородному порыву Вашего сердца» ***).

Тутъ уже притязанія католичества выражать собою христіанство выступаютъ очень ясно, не смотря на комплименты смѣльчаку, дерзнувшему предложить католицизму очень важное, но не исключительное мѣсто на конгрессѣ.

*) Charbonnel, l. c., стр. 152.
**) Charbonnel, l. c., стр. 153.
***) Charbonnel, l. c., стр. 171

Но то-ли еще ждетъ насъ, когда мы подойдемъ къ выраженію мнѣній правовѣрныхъ католиковъ. Угрозы, проклятія и насмѣшки, которыя такъ мало идутъ къ типу христіанскаго кроткаго агнца, посыплятся градомъ на несчастнаго аббата. Хотите образчикъ постнаго остроумія, которымъ угощаетъ насъ аристократическій ректоръ католическаго университета и клерикальный депутатъ, монсеньйоръ Д'Юльстъ (нынѣ умершій)? Читайте слѣдующую бутаду, которая была напечатана въ газетѣ «*Matin*» (отъ 25 сентября 1895 г.):

«Сожалѣю, что не могу отвѣтить на вашъ вопросникъ, касающійся проекта конгресса религій въ Парижѣ въ 1900 г. Я не хочу критиковать никого, я требую лишь права молчать. Если упомянутый конгресъ является однимъ изъ актовъ большой пьесы, которую хотятъ разыграть въ 1900 г., то я не испытываю потребности судить заранѣе этотъ актъ, ибо я изъ тѣхъ,—а они многочисленнѣе, чѣмъ это думаютъ,—которые желали бы, чтобы и вся пьеса не была играна, т. е. чтобы не было выставки» *).

Предпочитаете-ли вы, наоборотъ, этому тощему остроумію на елеѣ болѣе жирное остроуміе на коровьемъ маслѣ, бросьте взглядъ на строки, которыя появились въ клерикальномъ органѣ La Croix, но которыя положительно были бы умѣстнѣе въ Gil Blas или Echo de Paris...

Наконецъ, настоящее ортодоксальное мнѣніе католицизма было подробно развито аббатомъ Моро, главнымъ викаріемъ города Лангра, который двоекратно (въ Matin и въ Annales catholiques) съ рѣдкой откровенностью «экспонировалъ» сущность католицизма.

Такъ въ Matin онъ говоритъ:

«Иниціаторы этой идеи убѣждены, что въ результатѣ этого конгресса получится болѣе широкая, болѣе возвышенная религія, которая побѣдитъ современный религіозный индифферентизмъ; что это будетъ дѣло чрезвычайно практическое, единственное въ лѣтописяхъ до сего времени дѣло догматической терпимости. Но здѣсь я ихъ останавливаю, ибо они исходятъ изъ ложнаго принципа. *Терпимость въ догматахъ есть ересь*. Католическая церковь дѣйствительно смотритъ на себя, какъ на единственную хранительницу религіозной истины... *Истина же сама по себѣ нетерпима и не можетъ быть иной* **).

Еще рѣзче эта мысль выражена аббатомъ Моро въ спеціальномъ духовномъ журналѣ:

«Терпимость! Вотъ одно изъ громкихъ словъ нашего вѣка... Но всякая истина по существу не терпитъ противоположнаго принципа... Осудить истину на терпимость, это значитъ толкнуть ее къ самоубійству... По нѣкоторымъ вопросамъ я могу вступать съ вами до извѣстной степени въ компромиссъ... Но когда дѣло идетъ о религіозной истинѣ, которой насъ поучаетъ и которую намъ открываетъ самъ Богъ, когда дѣло идетъ о вашей вѣчной

---

*) Charbonnel, l. c., стр. 95.

**) Charbonnel, l. c., стр, 96 (курсивъ принадлежитъ самому Моро).

жизни и о спасеніи моей души, о тогда никакая сдѣлка бо
невозможна... Такъ какъ религіозная истина есть самая абсо
ная и самая важная изъ всѣхъ истинъ, то она является вмѣ
съ тѣмъ самой нетерпимой и самой исключительной... Вся и
рія церкви представляетъ собой именно исторію нетерпимост
Что такое папство? Учрежденіе доктринальной нетерпимости,
торое, при помощи іерархическаго единства, поддерживаетъ ист
вѣры... Итакъ, мы нетерпимы въ дѣлѣ вѣры, исключительны въ
просахъ догмата: мы исповѣдуемъ это, мы гордимся этимъ. Вы ищ
истину на землѣ, въ такомъ случаѣ ищите нетерпимую церко
Всевозможныя лжеученія могутъ дѣлать взаимныя уступки; исти
дочь неба, одна никогда не капитулируетъ» *).

Бѣдный аббатъ Шарбоннэль пришелъ въ ужасъ отъ та
нетерпимости. Но это дѣлаетъ честь гораздо больше его серд
чѣмъ его логической послѣдовательности: недаромъ онъ находи
сочувствіе среди протестантовъ и вообще деистовъ, но не сре
вѣрныхъ слугъ католической церкви. Нетерпимость составля
сущность католицизма, его характерную черту, его оригина
ность и его силу. Я позволю себѣ процитировать мѣсто изъ з
менитой энциклики Григорія XVI насчетъ индифферентизма, мѣс
которое рельефно обрисовываетъ истинное ученіе католициз
о религіозной терпимости:

Изъ этого нестерпимо вонючаго источника *индифферентизма (putid simo indifferentismi fonte)* вытекаетъ та нелѣпая и лживая сентенція, и вѣрнѣе бредъ, будто слѣдуетъ обезпечить и дать кому бы то ни бы *свободу совѣсти*. Этому пагубнѣйшему заблужденію выстилаетъ дорогу полная и необузданная свобода мнѣній, которая широко распространяет на гибель церковнаго и гражданскаго общества, между тѣмъ какъ нѣк торые повторяютъ, что отсюда можетъ получиться извѣстная выгода для религіи. Но *есть-ли худшая смерть для души, чѣмъ свобода заблужденi* Ибо, разъ сняты удила, сдерживающія людей на пути истины, ихъ пр рода, уже склонная ко злу, падаетъ въ пропасть... И отсюда перемѣн въ умахъ, отсюда худшая порча юношества, отсюда въ народѣ презрѣн къ божественнымъ вещамъ и самымъ святымъ законамъ, отсюда, одним словомъ, самая пагубная язва для общества, ибо по опыту извѣстно с самой глубокой древности, что государства, которыя процвѣтали бога ствомъ, могуществомъ, славою, пали по причинѣ одного зла, а именно не умѣренной свободы мнѣній, распущенности рѣчей и жажды новшества **

Замѣтьте, здѣсь папа говоритъ, какъ выражаются католик
ex cathedrâ, т. е. въ качествѣ учителя церкви, а потому, въ си
извѣстнаго принципа, его мнѣніе непогрѣшимо: оно подлежитъ н
критикѣ и не ограниченію, а исполненію. Вотъ почему, когд
«прогрессисты» заключаютъ теперь союзъ съ «либеральными» кле

---

*) Charbonnel, l. c., 99—101, passim.

**) См. приложеніе первое къ обстоятельной книгѣ F. Laurent, *L'ég lise et l'état en Belgique*. Брюссель-Лейпцигъ, 1862, стр. 500

рикалами и прочими реакціонерами, «присоединившимися» къ республикѣ, когда они умиляются внезапной любовью католиковъ къ «свободѣ» и «демократіи», истинные республиканцы вспоминаютъ афоризмъ Вейльйо и обличаютъ чудовищность такого союза *). Они твердо знаютъ, что сыны святого отца до тѣхъ поръ будутъ требовать свободы, пока колесо политической фортуны не поставитъ ихъ наверху, у самой власти; а наступитъ этотъ моментъ, и никто яростнѣе клерикаловъ не будетъ истреблять «свободы лжеученія» и удерживать людей насиліемъ и преслѣдованіемъ на «пути истины»...

Н. К.

Литература и жизнь.

О совѣсти г. Минскаго, страхѣ смерти и жаждѣ безсмертія.—О нашихъ умственныхъ теченіяхъ за полвѣка. — О новыхъ словахъ и «Новомъ Словѣ». — О рѣчи проф. Свѣтлова. — О г. Волынскомъ и скандалистахъ вообще.

«Слова сами по себѣ обладаютъ какою-то притягательною, какъ бы накликающею силой... И бѣда, если творецъ системы обладаетъ живою фантазіей и образнымъ слогомъ! Тогда его мысль совсѣмъ стала рабой своихъ рабовъ; чуть только она рождается, на нее, беззащитную, со всѣхъ сторонъ нападаютъ образы, сравненія, берутъ ее въ плѣнъ и влекутъ по прямому направленію, оглушая своимъ звономъ».

Такъ говоритъ г. Минскій («При свѣтѣ совѣсти. Мысли и мечты о цѣли жизни». Изданіе второе, 1897 г., стр. 126—127). И нельзя съ нимъ не согласиться, тѣмъ болѣе, что мудрено найти «рабу своихъ рабовъ» болѣе законченную, мысль, болѣе беззащитную отъ нападающихъ на нее образовъ и сравненій, болѣе оглушенную ихъ звономъ, чѣмъ мысль г. Минскаго. Само по себѣ еще вовсе не бѣда, если «творецъ системы обладаетъ живой фантазіей и образнымъ слогомъ». О живой фантазіи и говорить нечего; она открываетъ мысли далекіе горизонты, и не только философская «система», а и крупные поступательные шаги въ области точныхъ наукъ немыслимы безъ участія воображенія. Образный слогъ,—даръ, ко-

---

*) Неловкія, но самодовольныя объясненія Мелина, которыя онъ только-что (10-го октября) далъ въ рѣчи, произнесенной въ Ремиремонѣ, нисколько не опровергаютъ существованія такого союза. Глава «прогрессивнаго» кабинета лишь повторяетъ избитую фразу: «опасность грозитъ слѣва».

нечно, гораздо менѣе цѣнный,—есть лишь одно изъ могущественныхъ орудій воздѣйствія на читателей и, въ качествѣ таковаго, несетъ съ собой добро или зло, смотря по содержанію излагаемаго, но самъ по себѣ остается силой. Недалеко ходить,—взять хоть бы этотъ прекрасный образъ «рабы своихъ рабовъ», только что рожденной, беззащитной мысли, на которую «со всѣхъ сторонъ нападаютъ образы, сравненія, берутъ ее въ плѣнъ и влекутъ по прямому направленію, оглушая своимъ звономъ». Этотъ образъ ярко и сильно характеризуетъ цѣлую группу литературныхъ явленій. Другое дѣло—самыя эти явленія; въ нихъ хорошаго мало. Разумѣется, не хорошо, если воздѣйствіе на читателей принимаетъ форму «оглушенія звономъ», и тѣмъ паче, если оглушенію подвергается самъ авторъ. А это послѣднее, къ сожалѣнію, именно и случилось съ г. Минскимъ въ книжкѣ «При свѣтѣ совѣсти».

Книжка эта вышла первымъ изданіемъ въ 1889 или 1890 году, и мнѣ тогда же пришлось писать объ ней. (Интересующіеся найдутъ статью въ имѣющемъ скоро выйти VI томѣ «Сочиненій»). Если я теперь возвращаюсь къ г. Минскому, то только ради задорнаго предисловія, которымъ онъ снабдилъ второе изданіе своей книжки, и еще ради одного пункта, котораго я не коснулся, говоря о первомъ изданіи.

Критика не особенно благосклонно встрѣтила трудъ г. Минскаго. Онъ пожелалъ выяснить причины этой неблагосклонности. Къ чести его надо сказать, что онъ не ищетъ ихъ въ «личномъ недоброжелательствѣ» критиковъ. Онъ нашелъ общую причину «враждебнаго равнодушія» и «глухого недовѣрія», съ которыми наша критика относится къ цѣлому разряду литературныхъ явленій, къ числу которыхъ относится и его, г. Минскаго, трудъ. Но тутъ же выясняется, что не только русская критика, а и все русское общество грѣшно этимъ грѣхомъ. Грѣхъ состоитъ во «враждебномъ отношеніи нашего общества къ вѣчнымъ вопросамъ разума и совѣсти». Причина же этого явленія лежитъ не въ какихъ нибудь коренныхъ свойствахъ русскаго характера, а въ «историческихъ обстоятельствахъ, создавшихъ не внутреннюю, а внѣшнюю преграду между русскимъ сознаніемъ и вѣчными истинами философіи. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ широко развита общественная дѣятельность, цивическія стремленія людей, находя исходъ наружу въ борьбѣ партій и классовъ, не обращаются во внутрь души, не занимаютъ въ ней святая святыхъ, которая остается открытой для идей вѣчныхъ, религіозныхъ и философскихъ. У насъ же эти цивическія стремленія, не разрѣшаясь въ практической дѣятельности, обращаются во внутрь совѣсти, сами становятся какъ будто священными и мѣшаютъ доступу въ сознаніе другихъ идей и чувствъ, дѣйствительно вѣчныхъ и священныхъ. Какъ это ни странно звучитъ, но несомнѣнно, что сила, противодѣйствующая у насъ философскому и религіозному идеализму, есть не что иное, какъ тотъ же идеализмъ, но только

практическій, проповѣдующій, вмѣсто любви къ вѣчному началу жизни, любовь къ людямъ или, вѣрнѣе, любовь къ народу». (Предисловіе ко 2-му изданію, IV). Въ числѣ прочихъ глашатаевъ «вѣчныхъ вопросовъ разума и совѣсти», «вѣчныхъ истинъ философіи», претерпѣлъ отъ этого нашего враждебнаго равнодушія и г. Минскій.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ чрезвычайно широкое основаніе для объясненія очень маленькаго факта: неблагосклоннаго отношенія критики къ произведенію г. Минскаго. Комфортабельно развалившись на этомъ широкомъ основаніи, маленькая жертва маленькаго факта — г. Минскій съ презрительнымъ снисхожденіемъ обзираетъ окрестности: его не оцѣнили, да и не могли оцѣнить, и онъ очень хорошо понимаетъ, почему не могли, а потому великодушно прощаетъ. Онъ не дѣлаетъ исключенія даже для г. Волынскаго, который также неблагосклонно отозвался о трудѣ г. Минскаго въ журналѣ, часто украшаемомъ поэтическими произведеніями послѣдняго. Я не говорю, что критика г. Волынскаго отличается какими-нибудь особенными достоинствами,—напротивъ, это одно пустословіе,—но исходная точка этой критики никоимъ образомъ не укладывается въ приведенное обобщеніе г. Минскаго. Кого-кого, а г. Волынскаго никто не рѣшится заподозрить во враждебномъ равнодушіи къ «вѣчнымъ истинамъ философіи» и въ частности къ «философскому и религіозному идеализму». По этой части онъ горитъ словеснымъ пламенемъ, своею выспренностію, быть можетъ, даже превосходящимъ пламя самого г. Минскаго. И, однако, г. Минскому даже ни на минуту не приходитъ въ голову мысль поискать причины неблагосклоннаго отношенія критики въ самомъ произведеніи своемъ.

Читатель благоволитъ пересмотрѣть вышеприведенное разсужденіе г. Минскаго о «тѣхъ странахъ, гдѣ широко развита общественная дѣятельность». Въ этихъ странахъ, какъ мы видѣли, «цивическія стремленія людей», находя исходъ наружу въ борьбѣ партій и классовъ, не обращаются во внутрь души, не занимаютъ въ ней святая святыхъ, которая остается открытой для идей «вѣчныхъ, религіозныхъ и философскихъ». Фраза эта типична. У г. Минскаго мелькнула мысль, но, прежде чѣмъ она успѣла сложиться въ опредѣленную логическую форму, на нее, беззащитную, нападаютъ образы, сравненія и влекутъ по прямому направленію, оглушая своимъ звономъ. Автору съ соблазнительною образностью представляется, какъ «цивическія стремленія» уходятъ куда-то «наружу» и оставляютъ послѣ себя свободное, пустое пространство, которое и наполняется «вѣчными идеями». Едва-ли нужно пространно доказывать, что это образъ совершенно фантастическій, которому не соотвѣтствуетъ и не можетъ соотвѣтствовать никакая дѣйствительность. Слова «исходъ наружу» влекутъ беззащитную мысль г. Минскаго къ представленію, напримѣръ, переполненнаго желѣз-

желѣзнодорожнаго вагона, въ которомъ онъ, г. Минскій, можетъ получить мѣсто лишь послѣ того, какъ кто-нибудь изъ пассажировъ удалится «наружу». И этотъ образъ удаляющагося изъ вагона пассажира (или вылѣзающей изъ конуры собаки, вылетающей изъ клѣтки птицы и т. д.) такъ овладѣваетъ беззащитною мыслью, что для автора утрачивается всякая возможность подвергнуть ее логической и фактической провѣркѣ: онъ оглушенъ звономъ метафорической фразы. Въ дѣйствительности дѣла идутъ совсѣмъ не такъ, какъ утверждаетъ оглушенный г. Минскій, и даже, можно сказать, наоборотъ. «Цивическія стремленія», получая возможность практическаго осуществленія, никуда «наружу» не уходятъ, а съ тѣмъ большею силою овладѣваютъ душой. Если же, съ другой стороны, представить себѣ страну, въ которой нѣтъ не только «исхода» для «цивическихъ стремленій», но и надежды на него въ будущемъ, то стремленія эти, конечно, должны заглохнуть. Исторія можетъ указать не мало примѣровъ большаго или меньшаго приближенія общества къ такому состоянію. И вотъ именно когда, за неимѣніемъ исхода «наружу», «цивическія стремленія» болѣе или менѣе глохнутъ, на образующемся вслѣдствіе этого просторѣ съ особенною силою разрастаются разныя другія тяготѣнія, въ томъ числѣ и къ тому, что г. Минскій называетъ «вѣчными истинами». Но, во-первыхъ, не къ нимъ однимъ, а и ко многимъ другимъ, гораздо менѣе благозвучнымъ вещамъ, напримѣръ, къ наживѣ, къ грубымъ наслажденіямъ и т. п. А во-вторыхъ, надо помнить чрезвычайную сложность человѣческихъ дѣлъ и отношеній, сложность, не допускающую слишкомъ простыхъ рѣшеній. Если спросить г. Минскаго, чего больше было, напримѣръ, при возникновеніи и первыхъ шагахъ ислама или при реформаціонномъ движеніи,—«цивическихъ стремленій» или интереса къ «вѣчнымъ вопросамъ разума и совѣсти»,—то онъ, я полагаю, затруднится отвѣтить.

Ab uno disce omnes. Если читатель не поддастся оглушенію звономъ фразъ г. Минскаго, то безъ труда откроетъ подъ его метафорами и прочей риторической одеждой либо нѣчто, прямо противоположное истинѣ, либо просто пустое мѣсто. Это, конечно, не можетъ считаться достоинствомъ книги, а въ связи съ этими находится нѣкоторое уже прямо недостоинство: неискренность.

Есть вещи, по отношенію къ которымъ никто и ни у кого не имѣетъ права требовать искренности: заперся человѣкъ,—и баста, и никто не смѣетъ стучаться въ эту запертую дверь, Но если человѣкъ самъ отворяетъ передъ вами дверь настежь и усиленно приглашаетъ осмотрѣть внутреннее помѣщеніе, то вы естественно не хотите быть обманутыми: съ какой, въ самомъ дѣлѣ, стати васъ морочатъ, когда вы даже ни о чемъ не спрашивали? Не всегда, впрочемъ, въ подобныхъ случаяхъ можетъ идти рѣчь о сознательной неправдѣ. Носитель беззащитной мысли, оглушенный звономъ собственной фразы, часто невольно извращаетъ не только факты

окружающей дѣйствительности, но и факты своего сознанія. Г Минскій, напримѣръ, утверждаетъ слѣдующее: «Когда мы встрѣчаемъ тѣло сильное, легкое, соразмѣрное, т. е. во всѣхъ частяхъ одинаково цѣлесообразное, насъ потрясаетъ блаженство, смѣшанное съ грустью; мы готовы упасть ницъ и молиться не прекрасному тѣлу, а святынѣ міра, вѣчной цѣли мірозданія, символомъ которой кажется намъ прекрасное тѣло» (стр. 208). Это, конечно, неправда. Представимъ себѣ такую картину, Г. Минскій, желая отдохнуть отъ своихъ философскихъ пареній, поэтическихъ вдохновеній, міровыхъ скорбей и восторговъ, идетъ въ циркъ и видитъ тамъ превосходно сложеннаго акробата, обладающаго «тѣломъ сильнымъ, легкимъ, соразмѣрнымъ». И вдругъ г. Минскій впадаетъ въ экстазъ: эго потрясаетъ блаженство, смѣшанное съ грустью, онъ падаетъ ницъ и молится святынѣ міра, вѣчной цѣли мірозданія, символомъ которой является для него прекрасное тѣло акробата. Признаюсь, я очень хотѣлъ бы полюбоваться такимъ зрѣлищемъ и уже предвкушаю эстетическое наслажденіе, которое получу при видѣ фигуры г. Минскаго въ моментъ колѣнопреклоненія, но сильно опасаюсь, что онъ никогда не доставитъ мнѣ этого удовольствія. Въ дѣйствительности онъ, конечно, никогда и не подумаетъ падать ницъ и проч. Онъ сказалъ всѣ эти якобы красивыя, а въ сущности просто смѣшныя слова въ состояніи оглушенія. Онъ не то, чтобы морочилъ своихъ читателей, а самъ не вѣдалъ, что говорилъ, и въ этомъ его оправданіе.

Не столь, повидимому, мягкаго отношенія заслуживаютъ нѣкоторыя другія частности книги г. Минскаго и ея общій планъ. По многимъ соображеніямъ, вдаваться въ изложеніе которыхъ не вижу теперь надобности, я не вѣрю показанію г. Минскаго, будто онъ въ своей книгѣ «снова проходитъ тотъ тернистый путь сомнѣній и внутренней борьбы, которымъ совѣсть въ дѣйствительности вела его душу». (XV). Для нашей цѣли, впрочемъ, безразлично,—сознательно, или безсознательно фразерствуетъ г. Минскій, всегда-ли онъ самъ оглушенъ звономъ своихъ образовъ, сравненій, метафоръ и проч., или—и намѣренно прибѣгаетъ къ нимъ для оглушенія читателей. Для насъ важно только то, что вся книга г. Минскаго представляетъ собою «слова, слова, слова» въ разныхъ, чрезвычайно витіеватыхъ сочетаніяхъ, въ которыхъ, однако, не отразились ни подлинная жизнь, ни подлинное состояніе души автора, хотя онъ и обѣщалъ показать намъ послѣднюю «при свѣтѣ совѣсти».

Въ связи со всѣмъ этимъ находится еще одно обстоятельство: беззащитная мысль, влекомая словами, естественно должна въ нихъ запутываться и впадать въ противорѣчія, которыя мы и встрѣчаемъ въ книгѣ г. Минскаго чуть не на каждой страницѣ. Не будемъ ходить далеко. Мы только что видѣли, что г. Минскій («мы») потрясается блаженствомъ, готовъ пасть ницъ и проч., при

видѣ «тѣла сильнаго, легкаго, соразмѣрнаго, т. е. во всѣхъ частяхъ одинаково цѣлесообразнаго». Но на слѣдующей же (209) страницѣ узнаемъ, что «когда разумъ еще не понималъ розни между міромъ и меонами»,—«идеально прекраснымъ казалось тѣло, приспособленное къ физическимъ трудамъ и наслажденіямъ, хорошо упитанное, легкое и сильное... Намъ, наоборотъ, идеально прекрасными кажутся образы и звуки, отражающіе душевный разладъ, борьбу, разнообразность чувствъ, радость и страданіе, слитыя въ чувствѣ экстаза». Такимъ образомъ, «мы» 208-й страницы хотятъ чего-то, прямо противоположнаго тому, что нужно «намъ» 209-й, и мы рѣшительно не знаемъ,—чего же собственно г. Минскому нужно. Это не мѣшаетъ ему, однако, тутъ же, безъ передышки заключить: «Понявъ тайну красоты, мы въ то же время постигли тайну искусства». Ну, конечно, поняли и постигли...

Но есть въ книгѣ г. Минскаго одинъ пунктъ, въ которомъ онъ несомнѣнно искрененъ. Это страхъ смерти.

Надо напомнить, что книга г. Минскаго состоитъ изъ трехъ частей, которыя, по его словамъ, «написаны въ разное время, съ большими промежутками, и не проникнуты какимъ-нибудь однимъ настроеніемъ, а относятся между собою, какъ полночь, предразсвѣтныя сумерки и день». Г. Минскій предупреждаетъ своихъ читателей, чтобы онѣ не принимали мрачныхъ воззрѣній на жизнь, выраженныхъ въ первой части, за окончательное міросозерца автора. Но, что касается страха смерти, то въ этомъ отношеніи г. Минскій одинаково настроенъ и въ полночь, и днемъ, и въ сумерки.

Въ первой части, между прочимъ, читаемъ: «Чтобы постигнуть истинное происхожденіе совѣсти, слѣдуетъ ни на мгновеніе не забывать, что въ душѣ есть только два кардинальныхъ чувства, управляющихъ всѣми остальными: мистическая любовь къ бытію и мистическій ужасъ небытія. Сознаніе бытія не только отрадно, но оно—источникъ всякой отрады, первѣйшее благо, крайняя цѣль всѣхъ стремленій. Такимъ же первичнымъ, безусловнымъ, всемогучимъ чувствомъ слѣдуетъ принять ужасъ небытія. Будь человѣкъ безсмертенъ,—онъ не имѣлъ бы даже отдаленнѣйшаго понятія о совѣсти и воображалъ бы свое самолюбіе въ видѣ прекраснаго божества. Теперь же я презираю это самолюбіе, ибо сознаю, что люблю нѣчто, обреченное тлѣну, мраку, ничтожеству, вѣчному небытію. Я знаю, что причина моего небытія таится ни въ чемъ иномъ, какъ въ моемъ же тѣлѣ, въ моемъ сердцѣ, которое въ эту минуту бьется для блаженства жизни и черезъ часъ, можетъ быть, будетъ разгонять по моимъ жиламъ смертельную отраву. Еслибы меня привязали къ трупу и такъ заставили жить, всюду волоча его за собой,—мнѣ бы не было тяжелѣе, чѣмъ теперь, когда я ощущаю трупъ въ себѣ, въ своей крови, въ мозгу, въ каждомъ атомѣ тѣла, вотъ этого теплаго, жизнерадостнаго тѣла, которое

вскорѣ должно превратиться въ нѣчто холодное, влажное, зловонное, оскорбляющее свѣтъ, нестерпимое для чувства. Во имя любви къ бытію я долженъ любить палача своего бытія, могилу своего сознанія,—долженъ потому, что только этотъ палачъ, это бренное, предательское тѣло даетъ мнѣ возможность непосредственно упиваться блаженствомъ жизни. Совѣсть ополчается на самолюбіе не во имя нравственнаго идеала, а во имя страха смерти» (24—25).

А въ третьей части, въ самомъ концѣ книги, находимъ слѣдующія краснорѣчивыя строки: «*Никакіе образы и сравненія, никакія сирены поэзіи и философіи не заворожатъ живую душу противъ ужаса смерти.* Черная, холодная, влажная, зловонная, она покрываетъ траурнымъ флеромъ красоту утра и прелесть вечера, опускаетъ каплю отравы въ чистую струю веселія, хриплымъ дыханіемъ прерываетъ ласки влюбленныхъ, вырываетъ вѣнокъ изъ рукъ побѣдителя, безслѣдно стираетъ письмена мудрости и образцы искусства... (и т. д., и т. д.)... И, подобно отдѣльному организму, современемъ остынетъ солнце и придетъ день, когда земля, скрывшая наши трупы, сама превратится въ холодный трупъ... Ничто, ничто не сохранится отъ нашихъ мыслей, и дѣлъ, и чувствъ: ни добро, ни зло, ни слава, ни безславіе, ни разумъ, ни безуміе, ни подвиги, ни преступленія». (224—226).

Между этими тирадами изъ начала и конца книги, въ ней во множествѣ разсыпаны столь же яркія свидѣтельства ужаса и отвращенія, съ которыми г. Минскій относится къ смерти. Само собою разумѣется, что не краснорѣчивость ихъ убѣждаетъ меня въ ихъ искренности,—краснорѣчивъ г. Минскій всегда. Но дѣло въ томъ, что страхъ смерти слишкомъ общераспространенное чувство, чтобы кому нибудь вздумалось имъ кокетничать. Черта эта была бы вовсе даже неинтересна, еслибы не играла въ книгѣ г. Минскаго совершенно исключительной, все собою опредѣляющей роли. Мы видѣли, что страхомъ смерти обусловливается явленіе совѣсти: вы воздерживаетесь отъ поступка, который считаете дурнымъ, или угрызаетесь совѣстью, совершивъ такой поступокъ, исключительно потому, что боитесь смерти. Словесный фокусъ, при помощи котораго получается этотъ выводъ, для насъ теперь не интересенъ,—мы отмѣчаемъ только роль страха смерти во всей концепціи г. Минскаго. Слѣдуетъ, далѣе, замѣтить, что г. Минскаго устрашаетъ не только смерть въ прямомъ смыслѣ слова, не только уничтоженіе его физическаго существа и прекращеніе въ немъ жизненнаго процесса, но и то забвеніе, въ которое всѣ его дѣла и мысли, его поэзія и проза погрузятся рано или поздно. Можетъ быть, это случится только тогда, когда остынетъ солнце, а можетъ быть и гораздо раньше. Это—вопросъ времени, очень мало трогающій г. Минскаго: онъ безсмертія жаждетъ... и, наконецъ, его достигаетъ. Дѣло въ томъ, что «одно чувство, одно познаніе въ нашей душѣ не подвластно и ей—черной, холодной смерти. Это—познаніе не существующихъ

меоновъ и экстазъ, возбужденный ими» (226). «Тотъ не безслѣдно промелькнулъ на землѣ или на другой звѣздѣ, кто выстрадалъ истину о небытіи меоновъ, чья душа пріобщалась священнаго экстаза» (227).

Не входя въ разсмотрѣніе логическаго или, вѣрнѣе, словеснаго процесса, приведшаго къ этому результату, порадуемся за г. Минскаго и за всѣхъ, иже съ нимъ, если таковые съ нимъ есть. Они, правда, умрутъ, какъ и всѣ мы, грѣшные, то есть перестанутъ существовать, но они, и только они, «не безслѣдно промелькнутъ на землѣ или на другой звѣздѣ» (ибо и на другихъ звѣздахъ есть или могутъ быть ученики г. Минскаго). Меоны не существуютъ, но меонисты могутъ разсуждать о «свойствахъ меоновъ, ближайшей причинѣ и способѣ ихъ возникновенія»; они могутъ идти дальше и приблизиться къ «открытію разумной необходимости ихъ небытія». Правда, для этого открытія они должны допустить существованіе меоновъ, то есть не существующихъ, а «разъ мы допустили бытіе меона, т. е. допустили нѣчто не существующее и непостижимое, мы должны знать напередъ, что все, въ чемъ ни выразится это бытіе, будетъ состоять изъ внутренно-непримиримыхъ противорѣчій и несообразностей» (201). Но вѣдь это такіе пустяки, черезъ которые очень легко перешагнуть. Полное же достоинство «меонизма» состоитъ едва-ли не въ томъ, что онъ совсѣмъ ненуженъ. На этотъ счетъ г. Минскій выразился въ первомъ изданіи своей книжки съ ясностью, не оставляющею мѣста никакимъ сомнѣніямъ. Онъ говорилъ: «Если ученіе о меонахъ кажется мнѣ истиною, то, между прочимъ, потому, что оно само въ себѣ не заключаетъ какой-то универсальной, всеисцѣляющей мудрости или святости, а, наоборотъ, *приводитъ къ собственному отрицанію* и, указывая на науку, искусство, самолюбіе и аскетизмъ, какъ на четыре пути для достиженія святыни, *само себя устраняетъ, признаетъ ненужнымъ*» (стр. 249). Во второмъ изданіи слова: «приводитъ къ собственному отрицанію»—вычеркнуты, а слова: «само себя устраняетъ, признаетъ ненужнымъ»замѣнены словами: «само себя какъ бы устраняетъ» (стр. 217). Это выходитъ гораздо мягче, и человѣкъ, въ мышленіи котораго словесность играетъ такую первенствующую роль, какъ у г. Минскаго, можетъ на этомъ смягченіи успокоиться. Но подобныя маленькія словесныя хитрости не измѣняютъ, конечно, сути дѣла и не превращаютъ «ненужную» доктрину въ кому-нибудь нужную. Фактически вопросъ разрѣшается г. Минскимъ такъ: «Истинная жизнь»,—жизнь человѣка, который «въ объятіяхъ смерти вмѣстѣ съ ужасомъ обрѣтаетъ блаженство и вмѣстѣ съ черною смертью обнимаетъ свѣтлое безсмертіе»,—«эта истинная жизнь выражается не въ поступкахъ и словахъ, которые могутъ быть притворны, а во внутреннемъ содроганіи душевномъ, передъ неподкупнымъ судомъ совѣсти, черезъ мучительное отрицаніе несовершенствъ и пороковъ міра. Поэтому да будутъ они благословенны, страданія несовершеннаго міра! Да будетъ благословенно отсут-

ствіе любви, истины, свободы! Да будутъ благословенны достовѣрныя знанія науки, хрупкіе образы искусства, безцѣльныя дѣла самолюбія и столь же безцѣльные подвиги самоотреченія,—эти четыре рода орудій, которыми человѣкъ высѣкаетъ изъ своей души спящій въ ней мистическій пламень!» (227—228).

Такимъ образомъ, изъ человѣческихъ дѣлъ,—великихъ и низменныхъ, благородныхъ и подлыхъ,—ничто не осталось безъ благословенія г. Минскаго; все прикрылъ собою «мэонизмъ», все разрѣшилъ, все уравнялъ, лишь подъ условіемъ «внутренняго содроганія душевнаго»... Можетъ быть, вслѣдствіе этого уравненія и нельзя усмотрѣть—куда, собственно, слѣдуетъ отнести книжку «При свѣтѣ совѣсти»: къ достовѣрнымъ-ли знаніямъ науки или къ хрупкимъ образамъ искусства, къ безцѣльнымъ-ли дѣламъ самолюбія или безцѣльнымъ же подвигамъ самоотреченія? Неизвѣстно даже, дѣйствительно-ли «содрогался» краснорѣчивый авторъ, сочиняя своихъ мэоновъ и смѣло пускаясь въ безбрежное море «внутренно непримиримыхъ противорѣчій и несообразностей». Я думаю, впрочемъ, что временами дѣйствительно содрогался, и именно тогда, когда думалъ о смерти. Ибо: «Необходимо отказаться отъ попытки придумать такія слова и обороты рѣчи, которые могли бы насъ убѣдить, будто смерть не страшна, и будто потомство или человѣчество способны насъ одарить какимъ-то безсмертіемъ, которымъ они сами не будутъ обладать... Никакіе образы и сравненія, никакія сирены поэзіи и философіи не заворожатъ живую душу противъ ужаса смерти» (224).

Г. Минскій старался *придумать* такія «слова и обороты рѣчи», такіе «образы и сравненія», которые избавили бы его отъ страха смерти. Въ результатѣ этихъ стараній получилось нѣчто двойственное или раздвоенное: съ одной стороны придумать рѣшительно нельзя, а съ другой—какъ будто и можно, потому что вотъ «мэонисты» «въ объятіяхъ смерти вмѣстѣ съ ужасомъ обрѣтаютъ блаженство и вмѣстѣ съ черною смертью обнимаютъ свѣтлое безсмертіе».

Попробуемъ подойти къ тому же вопросу безъ столь назойливой заботы о словахъ и оборотахъ рѣчи, образахъ и сравненіяхъ. А для этого и самый вопросъ долженъ быть поставленъ иначе. Прежде всего попробуемъ разобраться въ фактахъ.

Вѣрно-ли, что «въ душѣ человѣческой есть только два кардинальныхъ чувства, управляющихъ всѣми остальными: мистическая любовь къ бытію и мистическій ужасъ небытія»? Эпитетъ «мистическій», какъ введенный исключительно для красоты слога, мы можемъ оставить совсѣмъ въ сторонѣ. Жажда жизни и страхъ смерти—явленія всѣмъ знакомыя и распространенныя. Если, однако, мы и признаемъ за ними характеръ общаго правила, то

должны допустить существованіе многочисленныхъ исключеній. Недавняя тираспольская трагедія свидѣтельствуетъ, что при извѣстныхъ условіяхъ люди предпочитаютъ смерть жизни. Скажутъ, можетъ быть, что тираспольскіе самоубійцы, заживо погребая себя, всетаки расчитывали на жизнь, и именно на лучшую, блаженную жизнь по ту сторону земного существованія. Но, во-первыхъ, добровольно прекращаютъ жизнь не только люди, вѣрующіе въ жизнь загробную, да и для большинства вѣрующихъ, по крайней мѣрѣ, христіанъ, самоубійство есть грѣхъ, лишающій блаженства въ будущей жизни. Во-вторыхъ, жизнь физическую, объ которой только и говоритъ г. Минскій, герои тираспольской трагедіи, во всякомъ случаѣ, оборвали. Правда, эту физическую жизнь г. Минскій понимаетъ очень широко, прихватывая той же скобкой и жизнь въ памяти потомства. Но и это онъ дѣлаетъ неправильно. Въ немъ самомъ страхъ смерти, «черной, холодной, зловонной» и т. д. сочетается съ скорбью о забвеніи его стиховъ и прозы въ грядущихъ вѣкахъ. Но если онъ въ этомъ отношеніи не составляетъ очень большой рѣдкости, то не является и представителемъ общаго правила. Мы очень хорошо знаемъ, что есть люди, рискующіе и жертвующіе жизнью именно для того, чтобы оставить слѣды своихъ дѣлъ или идей въ исторіи. А съ другой стороны—не одна маркиза Помпадуръ, жадно глотая блага жизни и всячески отмахиваясь отъ смерти, исповѣдуетъ принципъ: après nous le deluge. Помните Майковскаго Люція:

По смерти слава—намъ не въ прокъ!
И что за счастье, что когда-то
Укажетъ риторъ бородатый
Въ тебѣ для школьниковъ урокъ!
До тайнъ грядущихъ нѣтъ мнѣ дѣла!
И здѣсь-ли кончу я свой вѣкъ
Иль будетъ жить душа безъ тѣла,—
Все буду я—не человѣкъ!

Изо всего этого и изъ много еще другого, что можно бы было здѣсь привести, слагается такая пестрая и сложная картина, которая никоимъ образомъ не покрывается слишкомъ простою формулою «двухъ кардинальныхъ чувствъ». Пусть они кардинальныя чувства, но, благодаря сложнымъ условіямъ, какъ личной, такъ и общественной жизни, они образуютъ такія сочетанія, которыя совершенно упущены изъ вида г. Минскимъ. А изъ этого слѣдуетъ, что прежде, чѣмъ предпринимать трудъ придумыванія успокоительныхъ словъ и оборотовъ рѣчи, надо принять во вниманіе тѣхъ, которые въ этихъ успокоительныхъ словахъ вовсе не нуждаются, либо въ обоихъ отношеніяхъ, неправильно поставленныхъ у г. Минскаго за одну и ту же скобку, либо въ которомъ-нибудь одномъ изъ нихъ. Такихъ найдется нѣсколько категорій, и вотъ, изучивъ про каждую въ отдѣльности, мы узнаемъ, при какихъ условіяхъ одни боятся смерти физической и не безпокоятъ себя мыслью о

памяти въ потомствѣ, другіе, напротивъ, идутъ на смерть, и именно ради приговора исторіи, третьи боятся и смерти, и забвенія, четвертые не боятся ни того, ни другого, пятые могли бы выразить свое отношеніе къ смерти знаменитымъ стихомъ Некрасова: «хорошо умереть, тяжело умирать» и т. д. Кромѣ главныхъ комбинацій, здѣсь найдется еще много высоко поучительныхъ оттѣнковъ. Само собою разумѣется, что я здѣсь не предприму такой работы. Ограничусь лишь однимъ изъ возможныхъ возраженій.

«Память въ потомствѣ», «приговоръ исторіи»...—какая мелочь! Такъ скажетъ, презрительно пожимая плечами, г. Минскій, скорбный взоръ котораго проникаетъ въ тотъ отдаленный моментъ жизни вселенной, когда не только вымретъ наше потомство, но и сама земля станетъ трупомъ, и солнце погаснетъ. И дѣйствительно, память о русскомъ философѣ г. Минскомъ едва-ли будетъ продолжительна, а память о греческомъ философѣ Аристотелѣ живетъ тысячелѣтія; но не все-ли это равно въ сравненіи съ вѣчностью, къ которой тяготѣетъ г. Минскій? Раньше, позже, больше, меньше... Озимандія велѣлъ изсѣчь на своей статуѣ надпись:

Я—Озимандія, я—мощный царь царей!
Взгляните на мои великія дѣянья,
Владыки всѣхъ временъ, всѣхъ странъ и всѣхъ морей!

Прошли вѣка, никто Озимандію не помнитъ, его статуя разсыпалась, ея обломки валяются въ пескахъ мертвой пустыни, гдѣ некому читать сохранившуюся гордую надпись. «Кругомъ нѣтъ ничего... Глубокое молчанье... Пустыня мертвая... И небеса надъ ней»... Г. Минскій, начертавшій на своемъ вѣку много гордыхъ словъ, въ родѣ того, напримѣръ, что «поцѣлуи поэта священны», скорбитъ поэтому, что и его статуя по прошествіи какихъ-нибудь нѣсколькихъ вѣковъ развалится. Собственно эта скорбь, въ связи со скорбію о бренности тѣла, и побуждаютъ г. Минскаго то падать ницъ, то подскакивать выше высокаго, то опускать руки, то воздымать ихъ. Изо всѣхъ этихъ граціозныхъ или величественныхъ тѣлодвиженій самое интересное—опусканіе рукъ. Достигнувъ познанія мэоновъ, мы уже можемъ спокойно заниматься чѣмъ намъ угодно, на все благословляетъ насъ г. Минскій. Но всякій, не достигшій этого познанія и остановившійся на томъ моментѣ, когда человѣкъ знаетъ, что не только онъ умретъ, а и дѣла его подлежатъ забвенію,—«поражается неизлечимымъ недугомъ. Наступаетъ нравственная асфиксія; душѣ тяжело дышать; она медленно и какъ будто безпричинно угасаетъ; въ ней каждое чувство и каждое движеніе воли внутренно поражено, обезсилено, подточено равнодушіемъ къ жизни и ужасомъ смерти». Г. Минскій знаетъ это по личному опыту, онъ самъ былъ въ такомъ положеніи, пока не придумалъ мэоновъ. Съ нимъ лично мы не будемъ и спорить, но есть-ли основаніе распространять этотъ личный опытъ на прочихъ всѣхъ людей?

Читатели «Русскаго Богатства» помнятъ, вѣроятно, тѣ страницы записокъ Нансена, гдѣ онъ обращается мыслью къ тому концу всѣхъ концовъ для всѣхъ земнородныхъ, который и г. Минскаго занимаетъ. Нансенъ не знакомъ съ мэонами, но знаетъ, что настанетъ время, и земля обратится въ трупъ, а задолго до этого будутъ забыты и норвежская полярная экспедиція, и самое имя Нансена. Онъ очень живописно говоритъ объ этомъ и, однако, не опускаетъ рукъ и продолжаетъ свое рискованное предпріятіе, не обнаруживая равнодушія къ жизни и ужаса смерти. Минутныя вспышки меланхоліи, отчаянія, страха не идутъ, разумѣется, въ счетъ. Въ общемъ, человѣкъ, твердо знающій то, что г. Минскому кажется источникомъ безсилія, апатіи, бодро доводитъ до конца трудное и рискованное предпріятіе. Но Нансенъ не составляетъ въ этомъ отношеніи какого-нибудь рѣдкаго исключенія. Его эффектная фигура не должна заслонять для насъ тѣхъ многочисленныхъ дѣятелей на поприщахъ науки, искусства, практической дѣятельности, которые отлично знаютъ пугающую г. Минскаго истину, изъ которыхъ иные даже способствовали ея открытію, утвержденію или распространенію, и которые, тѣмъ не менѣе, работаютъ до гробовой доски, не покладая рукъ. Что же даетъ этимъ людямъ силу добиваться истины, которая съ теченіемъ времени покроется, говоря словами покойнаго Ѳедора Шперка, «цѣломудріемъ тѣни», создавать «хрупкіе» образы и картины, стремиться къ осуществленію того или другого практическаго идеала, который смѣнится другимъ, имѣющимъ въ свое время также погибнуть въ пучинѣ небытія? А что даетъ намъ силу каждый день обѣдать, хотя мы твердо знаемъ, что эта поддержка бреннаго тѣла въ концѣ концовъ не предотвратитъ прекращенія жизненнаго процесса? — Инстинктъ голода, извѣстная непреоборимая потребность. Совершенно такая же непреодолимая потребность движетъ и Нансена и прочихъ людей, принимающихъ близко къ сердцу какую-нибудь задачу. Поэтому не перспектива смерти земли заставляетъ опускать руки, а, напротивъ, люди, у которыхъ почему-нибудь опустились руки, съ тревогою всматриваются въ этотъ тысячелѣтіями отдаленный отъ нихъ моментъ.

Вернемся къ предисловію г. Минскаго.

«Народолюбіе,—пишетъ г. Минскій, — составляетъ въ русской жизни такое явленіе, подобнаго которому нѣтъ и не было въ исторіи. Хотя въ другихъ странахъ народъ пользуется большими юридическими правами, чѣмъ у насъ, но истинное народовластіе существуетъ только въ Россіи, потому что только у насъ забота о судьбѣ деревни всецѣло властвуетъ надъ мыслями и чувствами интеллигенціи. За послѣдніе полвѣка у насъ или не было ни одного умственнаго теченія, которое бы не исходило изъ любви къ народу

и къ нему не возвращалось. Разныя партіи различно понимаютъ народную душу, но сердцевиной всѣхъ ихъ ученій одинаково остается народолюбіе. Славянофилы выдавали свое ученіе о церкви и государствѣ за откровеніе народной мудрости и въ знакъ своей связи съ народомъ надѣвали кафтаны и мурмолки, но другое движеніе, противоположное славянофильскому, тоже ссылалось на идеалы деревни и также привело къ переодѣванію въ крестьянское платье и хожденію въ народъ. Слѣдовавшее затѣмъ морально-религіозное движеніе опять неминуемо привело къ мужицкому платью и къ завѣту пахать землю. Наконецъ, въ послѣднее время у насъ возникло нѣчто въ родѣ философскаго движенія. Но какъ пролитая вода непремѣнно потечетъ по естественному наклону почвы и скопится въ углубленіяхъ, такъ и философскія идеи у насъ не могли не направиться въ сторону народолюбія. Вмѣсто философіи общество занялось мнимо-философскимъ споромъ о законахъ экономическаго развитія въ примѣненіи къ судьбамъ русскаго народа... Только то ученіе можетъ расчитывать у насъ на успѣхъ, которое, помимо всего прочаго, даетъ фактическія указанія, какъ лучше слиться съ народомъ и служить деревнѣ. И, ревниво оберегая свою историческую святыню, наша интеллигенція съ подозрѣніемъ смотритъ на всякую отвлеченную спорную мысль, боится философіи, эстетики и даже религіи, видитъ въ нихъ опасную помѣху, какое-то умственное баловство, способное развлечь молодые умы и сдѣлать ихъ равнодушными къ неотложному и священному дѣлу. Пусть, молъ, тамъ въ Европѣ— такъ разсуждаютъ про себя наши народолюбцы—досужіе люди занимаются этими общностями, которыя могутъ быть рѣшены и такъ, и эдакъ; намъ некогда участвовать въ хроническомъ спорѣ о добрѣ и злѣ, о красотѣ и вѣчности; съ насъ достаточно того простого пониманія добра и зла, которое вложено въ душу каждаго человѣка, была-бы лишь охота слушаться этого естественнаго голоса и дѣло дѣлать. Изъ всѣхъ философскихъ ученій ближе къ землѣ матеріализмъ, поэтому будемъ матеріалистами. Всѣ же идеалисты и эстетитки и религіозные мечтатели неправы уже тѣмъ, что они парятъ за облаками; въ худшемъ случаѣ они намъ кажутся измѣнниками общему дѣлу, а въ лучшемъ—никуда не годными калѣками».

Простите, читатель, эту длинную выписку. Я сдѣлалъ ее не для того, чтобы ловить г. Минскаго на произвольности терминологіи и сбивчивости мысли, какъ результатахъ необузданнаго краснорѣчія, не столько увлекательнаго, сколько увлекающаго самого автора. Мы посмотримъ на нарисованную имъ картину нашего умственнаго движенія «за послѣдніе полвѣка» исключительно съ фактической стороны».

Здѣсь прежде всего бросается въ глаза черта, не одному г. Минскому свойственная, а именно—узость кругозора при склонности считать его всеобъемлющимъ. У насъ очень часто маленькія личныя наблюденія обобщаются совершенно непомѣрно: человѣкъ, вли-

маніе котораго случайно остановилось на двухъ-трехъ «свѣтлыхъ явленіяхъ», не глядя по сторонамъ, жмурится, какъ отъ ослѣпительнаго солнечнаго сіянія; человѣкъ, имѣющій общеніе съ нѣсколькими десятками людей извѣстнаго настроенія или образа мыслей, увѣренъ, что таково настроеніе или таковъ образъ мыслей всего «общества». Эта умственная близорукость, соединенная съ увѣренностью въ прекрасномъ зрѣніи, есть у иныхъ, можетъ быть, и личная прирожденная черта, но въ общемъ она несомнѣнно воспитывается условіями русской жизни. Нѣкоторые оттѣнки русской мысли и русскаго настроенія или совсѣмъ не заявляютъ себя, благодаря разнымъ случайнымъ и внѣшнимъ обстоятельствамъ, или заявляютъ себя слишкомъ слабо сравнительно съ своимъ дѣйствительнымъ значеніемъ. Сплошь и рядомъ «общество» просто молчитъ,—по равнодушію или по непривычкѣ, неумѣнію, невозможности высказаться. Если прибавить къ этому обрывистый ходъ нашей исторіи, вслѣдствіе котораго мы, вообще говоря, очень мало знакомы съ нашимъ недавнимъ, чуть не вчерашнимъ прошлымъ, то получается обширное поле для разнаго рода оптическихъ обмановъ, вызывающихъ и неосновательныя ликованія, и столь же неосновательныя огорченія.

Вышеприведенная картина нашего умственнаго состоянія за послѣдніе полвѣка есть въ значительной степени плодъ оптическаго обмана. Сосредоточивъ свое вниманіе на нашемъ «народолюбіи» или даже какомъ-то «народовластіи» и усмотрѣвъ именно въ немъ причину холоднаго или враждебнаго отношенія къ его книгѣ, г. Минскій уже никакихъ другихъ умственныхъ теченій за цѣлые полвѣка не видитъ. Ихъ, говоритъ, не было и нѣтъ: и славянофилы, и западники и т. д. Другое дѣло въ Европѣ: тамъ идетъ «хроническій споръ о добрѣ и злѣ, о красотѣ и вѣчности», и никто противъ этого «паренія за облаками» ничего не имѣетъ.—«Вѣчность» —дѣло особое, но и объ ней, а тѣмъ паче о добрѣ и злѣ и красотѣ, можно вести споры не только «за облаками», а и на землѣ. Что же касается собственно заоблачныхъ споровъ, то отрицательное къ нимъ отношеніе мы не сами выдумали, а получили въ готовомъ, вполнѣ разработанномъ видѣ изъ той же Европы. Тамъ именно долгій и мучительный опытъ, послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ попытокъ вырваться за предѣлы человѣческой природы, укротилъ людей, убѣдилъ ихъ въ ограниченности нашихъ духовныхъ силъ и въ тщетѣ надеждъ проникнуть въ навѣки сокровенную сущность вещей. Правда, въ Европѣ есть «досужіе» люди, по выраженію г. Минскаго, которые продолжаютъ гордыя попытки обнять необъятное, но они есть и у насъ, хотя, конечно, въ гораздо меньшемъ числѣ, пропорціонально скудости нашей умственной производительности вообще: г. Минскій ихъ забываетъ. Но онъ забываетъ и еще кое-что, гораздо болѣе для насъ интересное...

«Пусть противники Михаила Никифоровича вспомнятъ могилу

Грознаго, а пока пусть посторонятся—Катковъ опять оживаетъ въ своихъ передовыхъ статьяхъ».

Такъ патетически восклицаетъ гр. Комаровскій въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» по поводу изданія передовыхъ статей Каткова. «Новое Время» справедливо называетъ приведенныя слова «какимъ-то болѣзненнымъ бредомъ». Причемъ, въ самомъ дѣлѣ, тутъ могила Грознаго? Но возгласъ гр. Комаровскаго долженъ напомнить г. Минскому объ одномъ еще недавно весьма сильномъ умственномъ теченіи въ нашемъ обществѣ. Не думаю, чтобы противники Каткова очень встревожились изданіемъ его передовыхъ статей. Напротивъ, они должны ему радоваться, не только какъ историческому документу, а и потому еще, что при этомъ раскроется крайняя измѣнчивость взглядовъ знаменитаго покойнаго публициста. Это цѣлый арсеналъ аргументовъ и страстной полемики за и противъ по разнымъ вопросамъ. Одно, въ чемъ Катковъ былъ всегда себѣ вѣренъ это—враждебное отношеніе и недовѣріе къ инородцамъ (за исключеніемъ евреевъ), въ особенности къ полякамъ. «Польская интрига» видѣлась ему во всемъ, что онъ не одобрялъ въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ. Но и интриги финляндскія, грузинскія, армянскія преслѣдовались имъ, если не столь часто, то съ неменьшею «настойчивостью и неотвязчивостью, которая была одною изъ самыхъ главныхъ чертъ его характера» (выраженіе апологета Каткова, нынѣ тоже покойнаго Любимова: «М. Н. Катковъ и его историческая заслуга», 124). Не смотря на то исключительное вліяніе, которымъ въ свое время пользовался Катковъ, его идеи отнюдь не всегда совпадали съ какимъ-нибудь общественнымъ теченіемъ. Достаточно вспомнить страстную пропаганду классическаго образованія. Но что касается ультранаціоналистическихъ и грубо обрусительныхъ тенденцій Каткова, то онѣ несомнѣнно, если не породили, то укрѣпили общественное теченіе, которое лишь въ самое послѣднее время начинаетъ, повидимому, ослабѣвать. А между тѣмъ ни эта и никакая другая сторона дѣятельности Каткова не «исходили» изъ «народолюбія» и не «возвращались» къ нему.

Разъ зашелъ разговоръ о Катковѣ, я позволю себѣ привести страницу изъ одной его біографіи, авторъ которой не преклоняется предъ своимъ героемъ, какъ Любимовъ, но признаетъ за нимъ большія «достоинства и заслуги: страстную любовь къ родинѣ, удивительную силу ума и блестящій литературный талантъ».

Отмѣтивъ, что «въ кругъ интересовъ Каткова не входило до 1856 г. изученіе политическихъ и юридическихъ наукъ», г. Невѣдѣнскій («Катковъ и его время», 106) продолжаетъ: «Что же касается позднѣйшаго теоретическаго знакомства Каткова съ политическимъ и юридическимъ строемъ западной Европы, предпринятаго въ ту пору, когда онъ уже сталъ издателемъ журнала, то значеніе его, конечно, опредѣляется условіями, въ которыхъ оно происходило. Нельзя ожидать самостоятельныхъ результатовъ отъ изученія,

выполняемаго при условіяхъ обремененія тяжелымъ редакторскимъ трудомъ и вдобавокъ начатаго уже въ зрѣломъ возрастѣ (около сорока лѣтъ), когда складъ личности можно считать окончательно установившимся. При всей даровитости натуры, Катковъ не могъ извлечь изъ этого изученія окончательныхъ, руководящихъ началъ... Главной причиной упомянутаго явленія въ Катковѣ была, очевидно, индифферентность къ идеямъ юридическаго и политическаго строя. Онъ признавалъ въ нихъ не руководящіе для себя принципы, а только средства. Если средство оказывалось послѣ перваго примѣненія неудачнымъ, то онъ оставлялъ его и искалъ новую почву для новой проповѣди».

Это шатаніе мысли, эта игра юридическими и политическими идеями, какъ средствами для достиженія минутной цѣли, проистекающая отсюда беззастѣнчивость аргументаціи или простая замѣна ея грозными окриками — тоже оставили на рыхлой русской почвѣ свой слѣдъ даже до сего дня и составляютъ извѣстное, по своимъ послѣдствіямъ весьма важное умственное теченіе, совершенно, однако, упущенное изъ виду г. Минскимъ.

Нельзя, конечно, назвать сплошь фантастическимъ изложеніе исторіи нашего умственнаго развитія, сдѣланное г. Минскимъ. Въ немъ есть и подлинные, несомнѣнные факты, но, благодаря точкѣ зрѣнія автора, они являются въ разныхъ странныхъ ракурсахъ. Г. Минскій можетъ быть правъ, относя начало нашего «народолюбія» примѣрно за полвѣка назадъ. Приблизительно около этого времени идея освобожденія крестьянъ не только достаточно созрѣла въ сознаніи извѣстной части общества, но и получила нѣкоторую, очень, конечно, слабую возможность выразиться въ печати. Дѣло, однако, въ томъ, что и тогда существовали въ самомъ обществѣ отнюдь не «народолюбивыя» теченія, не прекращавшіяся и послѣ того, какъ освобожденіе стало фактомъ, не прекращающіяся и по сейчасъ. Затѣмъ надо принять во вниманіе, что крѣпостное право составляло основу всей нашей дореформенной жизни, паденіе которой неизбѣжно должно было отразиться на всѣхъ сторонахъ общественной жизни. И та или другая изъ этихъ реформированныхъ сторонъ,—правильный судъ, земское самоуправленіе и проч.,—могли казаться многимъ цѣннѣе, чѣмъ основная реформа. Не то, чтобы они ея не желали; напротивъ они привѣтствовали ее съ искреннею радостію, но, главнымъ образомъ, въ виду тѣхъ дальнѣйшихъ реформъ, которыя неизбѣжно должны были за нею слѣдовать. Таковъ былъ тотъ же Катковъ, идеаломъ котораго въ первую пору его публицистической дѣятельности была тогдашняя свободная, но отнюдь не демократическая Англія (съ тѣхъ поръ и въ Англіи много воды утекло). Что касается словянофиловъ, то въ ихъ ученіи демократическіе элементы несомнѣнно были, но напрасно всетаки г. Минскій думаетъ, что они носили мурмолки и кафтаны въ качествѣ «народной» одежды,—это былъ «національный» костюмъ. Если же

г. Минскій не хочетъ признавать этого различія, то онъ долженъ, по крайней мѣрѣ, признать, что время мурмолокъ и кафтановъ было вмѣстѣ съ тѣмъ временемъ горячихъ споровъ о вопросахъ религіозныхъ, богословскихъ, философскихъ. Западники и славянофилы съ одинаковымъ увлеченіемъ отдавались этимъ спорамъ объ «общностяхъ», о «добрѣ и злѣ, красотѣ и вѣчности». Напомню только характернѣйшій разсказъ Тургенева, приводимый во всѣхъ біографіяхъ Бѣлинскаго. Разсказавъ, какъ мучили Бѣлинскаго «философическіе вопросы о значеніи жизни, объ отношеніяхъ людей другъ къ другу и къ Божеству, о происхожденіи міра, о безсмертіи души и т. п.»,—Тургеневъ продолжаетъ: «Искренность его дѣйствовала на меня; его огонь сообщался и мнѣ, важность предмета меня увлекала; но, поговоривъ часа два—три, я ослабѣвалъ, легкомысліе молодости брало свое... я думалъ о прогулкѣ, объ обѣдѣ, сама жена Бѣлинскаго умоляла и мужа, и меня хотя немножко погодить, хотя на время прервать эти пренія, напоминала ему предписаніе врача... но съ Бѣлинскимъ сладить было нелегко. — «Мы не рѣшили еще вопроса о существованіи Бога,—сказалъ онъ мнѣ однажды съ горькимъ упрекомъ, — а вы хотите ѣсть!» (Сочиненія Тургенева, I, 25).

Все умственное теченіе, сказавшееся въ этомъ трогательно наивномъ восклицаніи Бѣлинскаго, осталось внѣ кругозора г. Минскаго. И многое другое еще. Съ теченіемъ времени острота вопросовъ, такъ занимавшихъ первыхъ славянофиловъ и западниковъ, ослабѣла. Позднѣе мы уже не встрѣчаемъ этой страстности, мучительной работы ума и чувства въ этомъ направленіи, переполнявшей даже дружескую переписку того времени цѣлыми философскими диссертаціями на отвлеченнѣйшія темы. Ослабленіе это находится въ прямой связи съ тѣмъ, что «цивическія стремленія» получали нѣкоторую возможность «исхода наружу». И эти «цивическія стремленія» несомнѣнно были сильно окрашены «народолюбіемъ». Но оставимъ неуклюжіе термины г. Минскаго. (Надо, впрочемъ, замѣтить, что «цивическія стремленія» взяты изъ жаргона дѣйствующихъ лицъ романовъ г. Боборыкина, а «народолюбіе» изобрѣтено покойнымъ Юзовымъ для уязвленія нѣкоторыхъ противниковъ «народничества». Г. Минскій разумѣетъ очевидно тѣ общественныя идеи и чувства, которыя находились въ связи съ идеей и фактомъ освобожденія крестьянъ. Огромность этого событія, огромность его значенія для всей русской жизни требовала выработки широкаго, многосторонняго міросозерцанія, но и давала матеріалъ для такой выработки...

И напрасно г. Минскій думаетъ, что въ составѣ такъ называемыхъ «идей 60-хъ годовъ» не было ничего, кромѣ «народолюбія» и тѣмъ паче «идеаловъ деревни». Вопросы деревенской жизни естественно занимали выдающееся мѣсто въ литературѣ того времени, но слишкомъ многое въ ней никоимъ образомъ не могло

вмѣститься въ «идеалы деревни». Самое «народолюбіе» отнюд
ограничивалось деревней, а распространялось на всѣ трудящ
классы, среди которыхъ крестьянство составляло, конечно, гро
ное большинство. Но и множество другихъ теоретическихъ и п
тическихъ вопросовъ сплеталось съ идеей освобожденія. И не
рено, что на первыхъ порахъ люди впадали въ частыя ошибі
увлеченія, предавались неосновательнымъ надеждамъ и т. п. Но
это были частности, которыя при дальнѣйшемъ нормальномъ ходѣ
витія сами собой сгладились бы. Зерно же тогдашнихъ идей жизне
собно и доселѣ и будетъ жизнеспособно еще многіе и многіе годы
именно нормальнаго-то хода развитія судьба намъ и не дала. Пе
значительное уклоненіе отъ правильнаго пути мы встрѣча
уже во второй половинѣ 60-хъ годовъ въ видѣ эпидеміи увлеч
естествознаніемъ: то, что было дотолѣ лишь однимъ изъ элемен
міросозерцанія, стало его основою; въ частности «народолюбіе» у
на заднiй планъ, уступивъ мѣсто выработкѣ правилъ личнаго
веденія «мыслящихъ реалистовъ». При этомъ вопросы «о добрѣ и
о красотѣ и вѣчности» отнюдь не игнорировались «мыслящими
листами»: напротивъ, они ими очень много занимались, и если
рѣшенія не нравятся г. Минскому (не нравятся они и мнѣ),
изъ этого не слѣдуетъ, что ихъ не было. Мимоходомъ сказ
столь же неосновательно утверждаетъ г. Минскій будто «слѣдо
шее затѣмъ морально религіозное движеніе опять неминуемо
вело къ мужицкому платью и къ завѣту пахать землю». Здѣсь
зумѣется такъ называемое «толстовство». Но, какъ извѣстно, гр. Т
стой лишь началъ «народолюбіемъ», а кончилъ пропогандою
хической и физической гигіены, причемъ хотя до масоновъ не
думался, но всѣ вопросы, волнующіе г. Минскаго, — о верхов
цѣли жизни, о страхѣ смерти, о вѣчныхъ истинахъ,—волнуют
гр. Толстого, и его недавно еще довольно многочисленныхъ по
дователей.

Уже изъ этого видно, какъ неполна и одностороння картина
шихъ умственныхъ теченій за полвѣка, нарисованная г. Мински
Но пойдемъ дальше.

«Почему мы отказываемся отъ наслѣдства?» «Въ чемъ гл
ный недостатокъ наслѣдства 60 — 70 годовъ?» — Такъ характе
были озаглавлены двѣ статьи г. В. Розанова, напечатанныя
1891 г. въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Напоминаю эти загл
именно ради ихъ характерности, потому что до самыхъ статей н
здѣсь дѣла нѣтъ: какое «мы» включаетъ въ себѣ г. Розанова
это пусть останется безъ разсмотрѣнія. «Отказовъ отъ наслѣдст
и безъ того много. Начали «народники», еще въ 70-хъ годахъ.
койный Гайдебуровъ, покойный Юзовъ, г. П. Ч. и многіе др
объявили, что наступила пора сказать «новое слово». Отказъ
наслѣдства и провозглашеніе новаго слова были очень шумн
задорны, а состояло это новое слово въ томъ, что въ основу мі

созерцанія былъ взятъ опять таки одинъ изъ элементовъ «наслѣдства»—деревня, не только съ ея интересами, а и съ ея мнѣніями, и все это густо одобрено узкимъ націонализмомъ. Затѣмъ послѣдовалъ новый отказъ отъ наслѣдства, подъ предводительствомъ гг. Абрамова и Дистерло, во имя «свѣтлыхъ явленій», «малыхъ дѣлъ», уваженія къ «дѣйствительности» и «пантеистическаго міросозерцанія». «Идеалы отцовъ и дѣдовъ надъ нами безсильны», — писалъ одинъ изъ отказывающихся. Одновременно съ этимъ г. Волынскій началъ «тихую, робкую борьбу» во имя «новой мозговой линіи», каковую борьбу повелъ уже потомъ съ полною развязностью. Въ области поэзіи отказы слѣдуютъ одинъ за другимъ. Изъ «Обзора нашей современной поэзіи», сдѣланнаго въ двухъ предыдущихъ книжкахъ «Русскаго Богатства», читатель узналъ о двухъ самоновѣйшихъ отказахъ: г. Льдова и г. М. М. Первый; глубоко презирая Некрасова и Надсона, въ особенности за «гражданскую скорбь», требуетъ «новаго слова» въ видѣ «внѣвременнаго содержанія» поэзіи и «внушеній непостижимаго мірового начала». Г. же М. М. отрекается отъ наслѣдства собственно потому, что «быстро выросъ, окрѣпъ и властно заявилъ о своемъ существованіи капитализмъ», и оттого «дни наши стали свѣтлѣе, радостнѣе».

Г. М. М. есть поэтическій представитель цѣлой школы, доселѣ имѣвшей лишь своихъ прозаиковъ, хотя многіе изъ нихъ обнаруживаютъ большую склонность къ лиризму, — только вотъ стихами до сихъ поръ не могли. Я сейчасъ кое-что скажу объ этой школѣ, а теперь вернемся на минуту къ г. Минскому, чтобы уже совсѣмъ покончить разговоръ объ немъ. Мы видѣли, что «у насъ (и «только у насъ») забота о судьбѣ деревни всецѣло властвуетъ надъ мыслями и чувствами интеллигенціи», что «идеалы деревни», «мужицкое платье» и «завѣтъ пахать землю» проходятъ черезъ всю нашу полувѣковую исторію, совершенно затирая собою вопросы философскіе. Мы видѣли также, сколь все это несправедливо, фактически невѣрно. Г. Минскій продолжаетъ: «Наконецъ, въ послѣднее время у насъ возникло нѣчто въ родѣ философскаго движенія. Но... вмѣсто философіи общество занялось мнимо-филофскими спорами о законахъ экономическаго развитія въ примѣненіи къ судьбамъ русскаго народа». Г. Минскій разумѣетъ здѣсь «діалектическихъ матеріалистовъ» (почему я употребляю именно этотъ неуклюжій титулъ, читатель увидитъ ниже). Но ему должно быть извѣстно, что эти люди не желаютъ состоять ни въ какой преемственной связи съ прошлымъ и рѣшительно отказываются отъ наслѣдства; при этомъ не только объ «идеалахъ деревни» или «мужицкомъ платьи» не можетъ быть рѣчи, но и будто бы всегда присущая русскимъ людямъ «забота о судьбахъ деревни» отступаетъ далеко на задній планъ. А затѣмъ, я не понимаю, почему г. Минскій утверждаетъ, что эти люди занимаются законами экономическаго развитія «*вмѣсто* философіи». Не «вмѣсто», а вмѣстѣ, рядомъ съ философіей. Правда,

ихъ философскіе взгляды еще не вполнѣ выяснились: г. Струве тяготѣетъ къ новой нѣмецкой такъ называемой критической философіи, гг. Бельтовъ и Каменскій воскрешаютъ гегеліанство, г. Туганъ-Барановскій... впрочемъ, объ немъ не знаю. Во всякомъ случаѣ, г. Минскій долженъ порадоваться, по крайней мѣрѣ, рѣшительному заявленію г. Каменскаго: «Метафизика опять начинаетъ привлекать къ себѣ русскіе умы» («Новое Слово», сентябрь, 98). Такъ что напрасно г. Минскій печалится: ликовать надо, какъ ликуютъ г. Каменскій, г. М. М., г. Льдовъ, г. Волынскій, гг. Абрамовъ и Дистерло, вообще всѣ, отказывающіеся отъ наслѣдства (только народники ликовать перестали). Но—замѣчательная черта—всѣ эти разнообразные ликующіе объединяются, кромѣ ликованія, еще чрезвычайною злобностью, съ которою они накидываются на наслѣдство. У этого любопытнаго явленія есть, разумѣется, свои причины, изученіемъ которыхъ, однако, я не могу уже заняться въ настоящей статьѣ. Ниже читатель найдетъ только нѣсколько образчиковъ и ликованія, и злобности.

Къ намъ неоднократно, устно и письменно, обращались съ вопросомъ, почему мы оставляемъ безъ возраженія многочисленныя выходки журнала «Новое Слово» противъ нашего журнала или его отдѣльныхъ сотрудниковъ (главнымъ образомъ, кажется, противъ пишущаго эти строки). Дѣйствительно, «Новое Слово» не то чтобы считало почему нибудь нужнымъ представить своимъ читателямъ всестороннюю, хотя бы строгую, даже придирчивую критику нашихъ взглядовъ,—нѣтъ, но оно при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, кстати и не кстати, щиплется (болѣе подходящаго выраженія не нахожу), причемъ охотно смѣшиваетъ насъ съ «народниками» и другими лицами, къ «Русскому Богатству» непричастными. И не то, чтобы такова была вообще манера «Новаго Слова», по отношенію ко всѣмъ собратамъ, — нѣтъ, только мы пользуемся такимъ исключительнымъ вниманіемъ почтеннаго журнала. Мы доселѣ воздерживались отъ полемики съ «Новымъ Словомъ», да и впредь не думаемъ заниматься ею спеціально, и менѣе всего, конечно, въ той формѣ, которую практикуетъ нашъ неутомимый антагонистъ. Къ такому воздержанію насъ побуждали разныя соображенія. Нѣкоторыя изъ нихъ я изложу.

Во-первыхъ, сплошь и рядомъ возражать было не на что: отвѣчать на щипки щипками или доказывать, что не было резона насъ щипать,—ребячество, которымъ мы, можетъ быть, и доставили бы удовольствіе «Новому Слову», но для котораго у насъ нѣтъ ни времени, ни охоты.

Затѣмъ, «Новое Слово» теперешней редакціи есть журналъ новый, и намъ казалось, что необходимо дать ему высказаться, выяснить свои взгляды, не вставляя ему на первыхъ-же порахъ, по французской поговоркѣ, палки въ колеса. Я лично еще недавно не уклонялся отъ полемики съ теперешними столпами «Новаго Слова».

Но одно дѣло—написать статью въ чужомъ журналѣ или издать книжку, и другое дѣло—получить въ свое распоряженіе журналъ, обязанный періодически откликаться на разнообразные теоретическіе вопросы и практическія злобы дня. Естественно было подождать, чтобы журналъ выяснился, провѣрилъ свои основныя положенія на цѣломъ рядѣ явленій жизни, съ которыми ему, по необходимости, приходится имѣть дѣло. Ради этого стоило, конечно, молча протерпѣть хотя бы даже совершенно безсмысленные щипки, тѣмъ болѣе, что можно было надѣяться, что надоѣсть-же, наконецъ, людямъ заниматься этимъ нетруднымъ, но мало полезнымъ дѣломъ.

Но «Новому Слову» не надоѣдаетъ. А что касается выясненія его физіономіи, то въ этомъ отношеніи едва-ли почтенный журналъ подвинулся далеко впередъ.

Въ сентябрьской книжкѣ «Новаго Слова» напечатана статья г. Каменскаго «О матеріалистическомъ пониманіи исторіи», изъ кототорой я уже цитировалъ выше ликованіе по тому поводу, что «метафизика опять начинаетъ привлекать къ себѣ русскіе умы». Статья посвящена изложенію и разбору книги итальянскаго писателя Лабріола, озаглавленной во французскомъ переводѣ, которымъ пользуется г. Каменскій, «Essais sur la conception matérialiste de l'histoire». Повидимому, книга эта очень интересная, но отчетъ г. Каменскаго едва-ли даетъ надлежащее понятіе объ ней. Взять хоть бы слѣдующее. Г. Каменскій вездѣ говоритъ о «діалектическомъ матеріализмѣ», послѣдовательнымъ, хотя въ частностяхъ и заблуждающимся, представителемъ котораго является Лабріола. И только изъ лаконическаго подстрочнаго примѣчанія мы узнаемъ, что «Лабріола даетъ ему («діалектическому матеріализму») заимствованное у Энгельса названіе—*историческій* матеріализмъ». Изъ этого слѣдуетъ, кажется, заключить, что терминъ «діалектическій матеріализмъ» совершенно отсутствуетъ въ книгѣ Лабріола. Конечно, имя вещи не мѣняетъ, но мы сейчасъ увидимъ, что самъ г. Каменскій приводитъ примѣръ путаницы, связанной съ употребленіемъ того или другого прилагательнаго къ существительному «матеріализмъ». И для читателя совершенно неясно, почему и зачѣмъ подмѣнивается одно прилагательное другимъ. Въ упомянутомъ лаконическомъ подстрочномъ примѣчаніи говорится, что названіе «историческій матеріализмъ» *заимствовано* у Энгельса, но значитъ-ли это, что Лабріола прямо «заимствовалъ», съ указаніемъ источника, или это простое совпаденіе, а собственно «заимствованіе» есть догадка г. Каменскаго? Въ самой статьѣ г. Каменскаго ни однимъ словомъ не упоминается, есть-ли въ книгѣ Лабріола страницы, посвященныя оцѣнкѣ исторической концепціи Маркса-Энгельса. Казалось бы, объ этомъ слѣдовало хоть вскользь упомянуть. Но г. Каменскій предпочитаетъ тратить время на щипки: «Г. Карѣевъ, который, какъ извѣстно, весьма усердно» и т. д. «Спросите любого народ-

ника или субъективиста»... «Г. Михайловскій не однажды указывалъ»... «Однако, скажетъ намъ, пожалуй, г. Кудринъ»... «Г. Михайловскій сказалъ-бы»... «Гг. Карѣевъ, Н. Михайловскій, С. Кривенко и прочіе умные и ученые люди»... «Достаточно напомнить, что, по мнѣнію г. Н. Михайловскаго» и т. д... Изъ-за этихъ экскурсій книга Лабріола, такъ и остается въ туманѣ. Но за то выясняется нѣчто другое.

Щипки г. Каменскаго отнюдь не причиняютъ той боли, на которую расчитаны, но нельзя имъ всетаки отказать въ чрезвычайной злобности, доводящей автора до шутовства. Остановлюсь на одной изъ выходокъ, направленныхъ лично противъ меня, не потому, чтобы она была ярче, характернѣе или типичнѣе другихъ, а потому, что ее трудно обойти желающему вникнуть въ одно чрезвычайно важное объясненіе г. Каменскаго: «Мы, можетъ быть, подали бы нашимъ субъективнымъ старичкамъ поводъ лишній разъ похныкать на счетъ того, что между сторонниками матеріалистическаго пониманія исторіи трудно отличить «настоящихъ» отъ «ненастоящихъ». Но мы бы отвѣтили субъективнымъ старичкамъ, что они «надъ собой смѣются». Человѣку, который самъ хорошо усвоилъ смыслъ философской системы, легко отличить истинныхъ ея послѣдователей отъ ложныхъ. Еслибы гг. субъективисты дали себѣ трудъ продумать матеріалистическое объясненіе исторіи, то они знали бы, гдѣ настоящіе «ученики», а гдѣ самозванцы, всуе пріемлющіе великое имя» (стр. 97). Дальше идутъ еще разныя язвительности, но это уже повтореніе нѣкотораго язвительнаго вздора, изложеннаго еще г. Бельтовымъ.

«Субъективные старички»—это просто безсмысленное сочетаніе словъ, отнюдь не свидѣтельствующее объ томъ, что г. Каменскій «далъ себѣ трудъ продумать». Но за то оно, въ связи со всѣмъ тономъ, какъ этой, такъ и другихъ статей г. Каменскаго, свидѣтельствуетъ, что онъ очень сердится, а это ему не полагается. Мы, «субъективные старички», равно, какъ и «субъективные юноши», не противорѣча себѣ, разрѣшаемъ себѣ эту слабость. Но представители ученія, «справедливо гордаго своею неумолимою объективностью», (выраженіе одного изъ сотрудниковъ «Новаго Слова») находятся въ иномъ положеніи. Недаромъ г. М. М., пѣвецъ матеріалистическаго пониманія исторіи, говоритъ:

Съумѣемъ мы сердце тому покорить,
Что умъ неизбѣжнымъ признаетъ..
. . . .
Научимся чувство уму покорять.

Г. Бельтовъ въ своей книжкѣ даже курсивомъ напечаталъ слѣдующій тезисъ: «На извѣстной стадіи экономическаго развитія данной страны въ головахъ ея интеллигенціи необходимо выростаютъ извѣстныя благоглупости». Вотъ это послѣдовательно. Къ сожалѣнію ни г. Бельтовъ, ни г. Каменскій, ни другіе ихъ товарищи не вы-

держиваютъ этой послѣдовательности и, приглашая насъ «чувство уму (?) покорить» въ вопросахъ чрезвычайной важности и сложности, не могутъ безъ волненія отнестись даже къ такому маленькому факту, какъ существованіе «Русскаго Богатства».

«Хихикалъ»-ли я, когда допокивался, кто «настоящіе» и кто «ненастоящіе»? Нѣтъ, не хихикалъ, и теперь не собираюсь хихикать, но разъясненія г. Каменскаго повергаютъ меня (и, полагаю, не одного меня) въ вящшее смущеніе. Г. Каменскій признаетъ, что есть настоящіе и ненастоящіе, истинные и ложные или самозванцы. Онъ даетъ и признаки тѣхъ и другихъ. Признаюсь, пробираясь въ статьѣ г. Каменскаго сквозь изложеніе и критику книги Лабріола и многочисленныя его киванія по сторонамъ, я не совсѣмъ уяснилъ себѣ признаки «настоящихъ». Достовѣрно только, что они—«діалектическіе матеріалисты» или «матеріалисты діалектики». За то «ненастоящіе» или, по крайней мѣрѣ, одна ихъ группа, получаютъ вполнѣ ясное и точное опредѣленіе.

Есть анекдотъ о любителѣ танцевъ, который не могъ начать танцовать иначе, какъ отъ печки. Такъ и г. Каменскій. Объ чемъ бы онъ ни заговорилъ, онъ долженъ предварительно лягнуть «народниковъ и субъективистовъ», разумѣя подъ этими кличками довольно неопредѣленный рядъ именъ непріятныхъ ему лицъ. Поэтому на первой же страницѣ, въ первыхъ же строкахъ своего отчета о книгѣ итальянскаго ученаго, онъ, давъ сначала мимоходомъ толчекъ въ бокъ г. Карѣеву, продолжаетъ: «Спросите любого народника или субъективиста, что такое экономическій матеріалистъ? Онъ отвѣтитъ:—это человѣкъ, приписывающій экономическому фактору господствующее значеніе въ общественной жизни. Такъ понимаютъ экономическій матеріализмъ наши народники и субъективисты. И надо признать, что люди, приписывающіе экономическому фактору господствующую роль въ жизни человѣческихъ обществъ, несомнѣнно существуютъ» («Новое Слово», сентябрь, 70). Но—читаемъ далѣе—«между матеріалистами-діалектиками и людьми, которыхъ не безъ основанія можно назвать *экономическими* матеріалистами, лежитъ цѣлая пропасть» (77). «Подлинные и послѣдовательные матеріалисты не склонны всюду лѣзть съ экономическимъ факторомъ. Да и самый вопросъ о томъ, какой факторъ господствуетъ въ общественной жизни, кажется имъ неосновательнымъ вопросомъ. Неумѣстность вопроса объ томъ, какой факторъ господствуетъ въ общественной жизни, стала очень замѣтной еще со времени Гегеля». А теперь «препираться объ относительномъ значеніи различныхъ соціально историческихъ факторовъ могутъ только отсталые въ теоріи люди» (72). «Соціально историческій факторъ есть *абстракція*, представленіе о немъ возникаетъ путемъ *отвлеченія* (абстрагированія). Благодаря процессу абстрагированія, различныя *стороны* общественнаго *цѣлаго* принимаютъ видъ обособленныхъ *категорій*, а различныя проявленія и выраженія дѣятель-

ности общественнаго человѣка—мораль, право, экономическія фо мы и проч. — превращаются въ нашемъ умѣ въ особыя сил будто бы вызывающія и обусловливающія эту дѣятельность, явля щіяся ея послѣдними причинами» (74). Въ свое время точка зр нія господства того или другого историческаго фактора была п лезна; но «она не выдерживаетъ теперь критики; она расчленяе дѣятельность общественнаго человѣка, превращая различныя стороны и проявленія въ особыя силы, будто бы опредѣляющи собою историческое движеніе общества» (75).

Ничего этого «народники и субъективисты» не знали, не п нимали, а потому и не могли отличить «настоящихъ», котор суть «діалектическіе матеріалисты», отъ ненастоящихъ или сам званцевъ — «экономическихъ матеріалистовъ». Существуютъ и т и другіе, это безспорно, но—спрашиваетъ г. Каменскій — къ к кому направленію принадлежатъ тѣ «ученики», «противъ которы гг. Карѣевъ, Н. Михайловскій, С. Кривенко и прочіе умные ученые люди еще недавно выступали такъ азартно, хотя и не та счастливо? Если мы не ошибаемся, «ученики» цѣликомъ стояли точкѣ зрѣнія діалектическаго матеріализма. Почему же гг. Карѣев Н. Михайловскій, С. Кривенко и прочіе умные и ученые лю приписывали имъ взгляды *экономическихъ* матеріалистовъ и гр мили ихъ за то, что они будто бы приписываютъ экономическо фактору преувеличенное значеніе?» (77). Задавшись этимъ люб пытнымъ вопросомъ, г. Каменскій, конечно, тутъ же и рѣшает этотъ вопросъ въ смыслѣ глупости, невѣжества и недобросовѣстн сти умныхъ и ученыхъ людей. Онъ, однако, предвидитъ одно во раженіе, которое и парируетъ: «ученики» сами себя называли эк номическими матеріалистами. «Это такъ», говоритъ онъ. Но он «никогда не связывали со словами «экономическій матеріализмъ того представленія, которое связывается съ ними у нашихъ наро никовъ и субъективистовъ. Достаточно напомнить, что, по мнѣні г. Н. Михайловскаго, Луи Бланъ и г. Ю. Жуковскій были т кими же «экономическими матеріалистами», какъ и нынѣшніе наш сторонники матеріалистическаго взгляда на исторію. Дальше это смѣшеніе понятій идти не можетъ».

Итакъ, если люди называютъ себя экономическими матеріал стами, такъ изъ этого не слѣдуетъ, что они въ самомъ дѣлѣ эк номическіе матеріалисты. Надо понимать такъ, что они «діалекти ческіе матеріалисты». Вотъ, если они «приписываютъ экономиче скому фактору господствующее значеніе въ общественной жизни если они «склонны всюду лѣзть съ экономическимъ факторомъ если они видятъ въ экономическомъ факторѣ «силу, будто бы опре дѣляющую собою историческое движеніе общества», «будто бы вы зывающую и обусловливающую дѣятельность общественнаго чел вѣка, являющуюся ея послѣднею причиною»;—вотъ въ такомъ сл чаѣ это дѣйствительно экономическіе матеріалисты, между кото

рыми и «настоящими» «лежитъ цѣлая пропасть»; а если они при этомъ пристраиваются къ «великому имени», то они—«самозванцы».

Я считаю это разъясненіе г. Каменскаго чрезвычайно важнымъ. Онъ торопится заявить, что «подлинные и послѣдовательные матеріалисты пришли къ этому убѣжденію вовсе не подъ вліяніемъ гг. народниковъ и субъективистовъ», потому что, дескать, еще «со времени Гегеля» и т. д. Но это и неважно. Даже лучше, если истина столь стара, но вѣдь старыя истины часто забываются, и я увѣренъ, что для многихъ читателей «Новаго Слова» истина, провозглашенная г. Каменскимъ, окажется новостью или, по крайней мѣрѣ, неожиданностью. Правда, положительная сторона въ статьѣ г. Каменскаго нѣсколько туманна. Преслѣдуемый мыслью о необходимости ущипнуть г. Карѣева, г. Кудрина, г. Кривенко, меня, онъ не удостоилъ хотя бы даже только упомянуть о роли «способовъ производства и формъ обмѣна», этомъ достаточно, кажется, важномъ пунктѣ въ матеріалистическомъ пониманіи исторіи. Но спасибо и за то, что дается г. Каменскимъ. Остается только примѣнять указанный имъ критерій.

Г. Каменскій утверждаетъ, что, «по мнѣнію г. Н. Михайловскаго, Луи Бланъ и г. Ю. Жуковскій были такими же «экономическими матеріалистами», какъ и нынѣшніе наши сторонники матеріалистическаго взгляда на исторію». Это — *неправда*, я такого мнѣнія *не высказывалъ*. Но такъ какъ Луи Блана и г. Жуковскаго я поминалъ въ своей прошлогодней полемикѣ съ г. Тугановъ-Барановскимъ, то г. Каменскій наводитъ меня на мысль приложить указанный имъ критерій именно къ г. Тугану-Барановскому.

Г. Туганъ-Барановскій есть одинъ изъ столповъ «Новаго Слова» и, въ качествѣ таковаго, долженъ считаться «настоящимъ» «нынѣшнимъ нашимъ сторонникомъ матеріалистическаго взгляда на исторію». Но не только я его не уравнивалъ съ Луи Бланомъ и г. Жуковскимъ, а, напротивъ, указавъ, что, въ противность утвержденію г. Тугана-Барановскаго, «экономическій факторъ» былъ Луи Блану очень хорошо знакомъ, прибавилъ: «Я не хочу сказать, что Луи Бланъ былъ столь же одностороненъ и узокъ, какъ г. Туганъ-Барановскій» (Р. Б. 1896, № 1, стр. 137). Что же касается г. Жуковскаго, то я даже съ нѣкоторою подробностью указалъ на «разницу между его пониманіемъ (роли экономическаго фактора) и пониманіемъ г. Тугана-Барановскаго» (тамъ же, 151). Въ доказательство этой разницы я привелъ нѣчто изъ старыхъ статей г. Жуковскаго. А именно: указавъ на три элемента, «опредѣляющихъ въ каждое данное время гражданское сознаніе общества», — юридическій, политическій и экономическій, г. Жуковскій продолжаетъ: юристы, политики и экономисты забываютъ, что «каждый изъ нихъ изучаетъ одну *только произвольно отвлеченную сторону общества*, которая можетъ быть обособлена въ видахъ удобства самаго изученія только условно и не имѣетъ реальной самостоятельности и, слѣдовательно,

немыслима сама по себѣ, и имѣетъ этотъ смыслъ только въ общей связи съ другими». И далѣе: «Разсуждая надъ обществомъ чисто теоретически, можно *отвлекать* одну сторону отъ другой, можно выставить на видъ выводы и требованія одной какой либо *стороны*. Но было бы крайнимъ заблужденіемъ» и т. д.

Теперь, когда и г. Каменскій утверждаетъ, что «экономическій факторъ», подобно другимъ факторамъ, есть лишь *«отвлеченіе»*, лишь одна изъ *«сторонъ* общественнаго цѣлаго»,—я не знаю, куда онъ зачислитъ г. Жуковскаго,—въ экономическіе или въ діалектическіе матеріалисты. Но, когда я имѣлъ дѣло съ г. Тугановъ-Барановскимъ, я его, какъ представителя экономическаго матеріализма, не смѣшивалъ съ г. Жуковскимъ. Я говорилъ только, что значеніе экономическаго фактора совсѣмъ не такая новость въ русской литературѣ, какъ утверждалъ г. Туганъ-Барановскій,—только понималось это значеніе 30 лѣтъ тому назадъ лучше, шире.

Да, скажетъ г. Каменскій, но «самый вопросъ о томъ, какой факторъ господствуетъ въ общественной жизни кажется имъ (настоящимъ) неосновательнымъ... Препираться объ относительномъ значеніи различныхъ соціально - политическихъ факторовъ могутъ только отсталые въ теоріи люди».

Свои взгляды на значеніе различныхъ общественныхъ факторовъ я высказывалъ неоднократно, и именно въ томъ смыслѣ, что ихъ выдѣленіе допустимо лишь условно, именно какъ отвлеченіе, требующее соотвѣтственныхъ поправокъ. Позволю себѣ привести лишь нѣсколько строкъ изъ одной своей старой статьи. Воздавъ должное Ог. Конту и Миллю за ту осторожность, съ которою они принимаютъ интеллектуальный факторъ за центральную нить исторіи, я отказался, однако, слѣдовать ихъ примѣру, хотя это есть вмѣстѣ съ тѣмъ примѣръ осторожности. Я писалъ: «Мы постараемся намѣтить главные пункты соціальной динамики, не прибѣгая къ удобному, но недостаточно гарантирующему отъ ошибокъ пріему выдѣленія одного какого-либо общественнаго элемента. Если есть возможность прослѣдить законы общественнаго прогресса на развитіи всего общества въ цѣломъ, не давая слишкомъ преобладающаго значенія развитію какого бы то ни было изъ его элементовъ, то отъ этого постановка общественныхъ вопросовъ можетъ только выиграть». (Сочиненія, т. I, 77). Это писано тоже безъ малаго 30 лѣтъ тому назадъ, но съ тѣми же мыслями я приступилъ и къ бесѣдѣ съ г. Тугановъ-Барановскимъ. Я никакого спеціальнаго фактора не бралъ подъ свою защиту. Я указывалъ на многія логическія несообразности и извращенія фактовъ, въ которыя впалъ г. Туганъ-Барановскій въ своихъ статьяхъ «Значеніе экономическаго фактора въ исторіи» и «Экономическій факторъ и идеи», но, собственно, что касается «факторовъ», я утверждалъ одно, и именно то самое, что утверждаетъ теперь г. Каменскій: нельзя приписывать экономическому (какъ и всякому другому)

фактору господствующее или преобладающее значеніе; нельзя видѣть въ немъ силу, будто бы опредѣляющую собою историческое движеніе общества, являющуюся его послѣднею причиною.

Г. Туганъ-Барановскій, резюмируя свою первую статью говоритъ, что онъ хотѣлъ представить посильныя «доказательства преобладающаго значенія экономическаго фактора» («Міръ Божій», 1895, декабрь, 117). Во второй статьѣ онъ называетъ своимъ «основнымъ положеніемъ»—«господствующее значеніе въ общественной жизни экономическихъ отношеній» (тамъ же, 1896, апрѣль, 270). Къ кому же относятся поученія г. Каменскаго? Кто виноватъ, если «народники и субъективисты» на вопросъ: что такое экономическій матеріалистъ?—отвѣчаютъ: «это человѣкъ, приписывающій экономическому фактору господствующее значеніе въ общественной жизни». Или г. Туганъ-Барановскій есть «самозванецъ»?

Мнѣ хочется обратить вниманіе читателей еще на одну статью «Новаго Слова», на напечатанную въ іюльской книжкѣ корреспонденцію изъ Сибири подъ заглавіемъ «Капиталъ идетъ!» Это нынѣ одинъ изъ модныхъ кликовъ. «Идетъ царь земли, капиталъ!» еще недавно восклицалъ въ лирическомъ восторгѣ одинъ публицистъ по тому случаю, что этотъ царь земли подозрѣвается въ скверной постройкѣ Архангельской желѣзной дороги, — заслуга, едва-ли оправдывающая такой лиризмъ. Вотъ и поэтъ, г. М. М., утверждаетъ, какъ мы видѣли, что «дни наши стали свѣтлѣе, радостнѣе», собственно потому, что «быстро выросъ, окрѣпъ и властно заявилъ о своемъ существованіи капитализмъ». Сибирская корреспонденція «Новаго Слова» выгодно отличается отъ этого лиризма тѣмъ, что, не смотря на свой маленькій размѣръ, даетъ достаточно яркую и содержательную картину того, что несетъ съ собою «царь земли, капиталъ».

Авторъ корреспонденціи, г. П—въ, говоритъ, что «капиталъ», конечно, и прежде былъ въ Сибири, но это не то, что теперешній, который «идетъ!» съ восклицательнымъ знакомъ. «До крѣпкаго подчиненія себѣ мѣстныхъ жителей, до правильно организованнаго господства въ странѣ» онъ еще тогда не додумался. «Совсѣмъ не такъ начинаетъ орудовать капиталъ теперь, капиталъ, который желаетъ завоевать въ Сибири богатый рынокъ, систематично и безъ остатка исчерпать ея природныя богатства и крѣпко подчинить своему владычеству все ея населеніе». «Едва-ли, по мнѣнію г. П—ва, гдѣ можно такъ опредѣленно и ясно наблюдать всепобѣдное шествіе въ некультурную Сибирь капитала, какъ около строющейся Сибирской желѣзной дороги. Здѣсь его успѣхи и завоеванія поразительны; здѣсь онъ орудуетъ твердо и опредѣленно со всѣми неизбѣжными явленіями его господства». А именно: сибиряки расчитывали на большіе заработки при постройкѣ желѣзной дороги, но «не тутъ то было».

«Капиталъ погналъ въ Сибирь десятки тысячъ рабочихъ изъ да
Россіи. И вотъ явились къ намъ уже настоящіе покорные слуги капит
россійскіе сѣрые мужички въ лаптяхъ и рваныхъ полушубкахъ, съ
тыми, блѣдными лицами, съ готовностью идти, куда пошлетъ капи
Желѣзный законъ уравнялъ заработную плату до того предѣльнаго
mum'а, за которымъ начинается уже физическая невозможность раб
Въ этомъ отношенія работы по постройкѣ моста черезъ Енисей, пол
особенно характерны. За шестичасовую смѣну работы въ подвод
кессонахъ каждый рабочій получаетъ по 75 к. на своихъ харчахъ;
этомъ условія работы настолько тяжелы, что рѣдкій рабочій можетъ
работать сполна шесть часовъ, а за каждый недоработанный часъ
75 к. дѣлются вычеты пропорціонально общему количеству времени
тораго не могъ осилить рабочій изъ шестичасовой смѣны. Затѣмъ р
рабочій можетъ вынести работу въ кессонахъ, работая только по 6 ч
въ сутки безпрерывно въ теченіе цѣлой недѣли. Большинство за
ваетъ легочными болѣзнями и на время отбрасывается вонъ; иные ра
вовсе глохнутъ отъ разрыва барабанной перепонки подъ страшным
вленіемъ атмосферы внутри кессоновъ и остаются калѣками на всю ж
Кажется, примѣръ выразителенъ и въ коментаріяхъ не нуждается. Та
образомъ, первый и характернѣйшій признакъ господства капитата—
домные, оторванные отъ семей и готовые нести непосильный труд
ничтожную плату рабочіе—въ Сибири уже есть» (Новое Слово», іюнь,

Этимъ дѣло не кончается.

«Только что раздались первые свистки локомотива, и въ Сибирь
грянула цѣлая толпа капиталистовъ-промышленниковъ. Всюду бы
разрастается торговля, создавая по городамъ и деревнямъ массу но
магазиновъ и лавокъ. Казенныя палаты утѣшаютъ министерство финан
донесеніями, что торговыя пошлины растутъ въ Сибири непомѣрно быс
удвоиваясь въ какіе нибудь 3—4 года, и на основаніи этого поютъ от
ныя пѣсни о небываломъ подъемѣ экономическаго благосостоянія ж
лей Сибири, совершающемся подъ вліяніемъ будто бы оживленія, кот
внесла въ сибирскую жизнь желѣзная дорога, масса пришлыхъ пересе
цевъ, упорядоченіе лѣсного и земельнаго хозяйства проч. и проч...
всей линіи желѣзной дороги, во время постройки, въ каждомъ нич
номъ селеніи и даже прямо въ лѣсу понастроены были сотни трактир
ресторановъ и прочихъ хмельныхъ лавокъ, а въ придатокъ къ нимъ в
и всюду появились вертепы разврата, въ которыхъ сибирячки дере
скія уже нашли позорный заработокъ. Появились вездѣ билліарды і
чудо! грубый и неотесанный мужикъ сибирскій ловко щелкаетъ те
на зеленомъ инструментѣ красными и желтыми шарами. Не говор
уже о томъ безшабашномъ пьянствѣ, которое царитъ всюду вблизи «к
турнаго» пути. И трудно рѣшить, отчего такъ запилъ сибирякъ: отъ з
ли строительной суматохи, подъ вліяніемъ ли новыхъ людей, или про
отъ лютаго горя... Вѣрнѣе всего, что отъ послѣдняго» (тамъ же, с
147—148).

Лютое горе... Кому горе, кому радость. Вотъ діалектически-
теріалистическій поэтъ (или тоже самозванецъ?) въ виду того,
наши дни «стали отраднѣе и свѣтлѣе», рѣшительно предлагае
«Давайте веселиться!» Потому что—

Такъ люди живутъ; ихъ дѣлами
Слагается жизнь, но всегда
Идетъ она тѣми шагами,

Что сдѣлать фатально должна.
. . . .
Сумѣемъ мы сердце тому покорить,
Что умъ неизбѣжнымъ признаетъ,
А слезы оставимъ любителямъ лить
Пускай себѣ льетъ, кто желаетъ!

О да, поэтъ, не будемъ плакать. Не наши матери, жены, сестры и дочери «нашли позорный заработокъ», и не мы работаемъ въ кессонахъ. Тамъ плачутъ, конечно, но вѣдь это «любители» плакать...

Пусть не говорятъ, что все, сообщенное сибирскимъ корреспондентомъ «Новаго Слова», необходимо, неизбѣжно, какъ «характернѣйшіе признаки господства капитала», а «капиталъ идетъ!» и съ этимъ ничего не подѣлаешь. Все, что совершается, необходимо. Г. Бельтовъ справедливо говоритъ, что и «благоглупости, возникающія въ головахъ русской интеллигенціи», необходимы. Однако, онъ сердится, что, конечно, тоже необходимо. «Капиталъ идетъ!»—это, несомнѣнно, но вопросъ въ томъ,—какъ его встрѣтить. Пусть не говорятъ также о тѣхъ грядущихъ благахъ, которыя принесетъ съ собой дальнѣйшее развитіе капитализма. Не говоря о проблематичности этихъ благъ, надо же во что-нибудь цѣнить здоровье, жизнь, честь современниковъ, которые «до радостнаго утра» не доживутъ. Пусть не говорятъ, наконецъ, что и помимо капитализма у насъ много зла и тьмы,—объ этомъ никто не споритъ...

«Новому Слову» неизбѣжно предстоитъ пересмотрѣть свой багажъ, какъ относительно чисто теоретическихъ положеній отвлеченнаго характера (см. выше), такъ и относительно практическихъ выводовъ.

Въ Кіевской газетѣ «Жизнь и искусство» (№ 259, 19 сент.) напечатано слѣдующее:

«12-го сентября въ одной изъ самыхъ вмѣстительныхъ аудиторій нашего университета состоялась вступительная лекція молодого профессора богословія, доктора богословія священника Свѣтлова, назначеннаго на вакантную каѳедру послѣ смерти профессора Ѳаворова. Присутствовали многіе профессора и многочисленная толпа студентовъ. Передаемъ вкратцѣ содержаніе лекціи, замѣчательной какъ въ научномъ, такъ и въ общественномъ отношеніи.

Восемь лѣтъ назадъ въ другомъ подобномъ учрежденіи (въ Нѣжинскомъ историко-филологическомъ институтѣ) молодому профессу выпало на долю счастье читать свою вступительную лекцію, предметомъ которой онъ избралъ привлекавшее тогда всеобщее вниманіе ученіе Льва Толстого о догматѣ, причемъ, вопреки толстовскому ученію, пытался доказать нужность догмата. Въ настоящее время антихристіанская реакція пошла дальше и пошатнула основы богословской науки въ полномъ ея объемѣ, доказывая ея несостоятельность и ненужность въ средѣ университетскихъ дисциплинъ. Какъ на примѣръ того, до какой степени распространенъ въ обществѣ такой взглядъ на богословскую науку, профессоръ указалъ на книжку петербургскаго профессора Н. И. Карѣева о вы-

борѣ факультета, въ которой каждой наукѣ посвящено достаточное число страницъ, а о богословіи упомянуто только какъ о «внѣ факультетскомъ предметѣ», и упомянуто всего въ 2—3 строчкахъ, содержащихъ свѣдѣніе о томъ, что по богословію, дескать, требуется экзаменъ на первыхъ четырехъ семестрахъ.

Молодой богословъ поставилъ цѣлью своей лекціи доказать своимъ слушателямъ ложность взгляда на богословіе, какъ на внѣ факультетскій предметъ и показать, что безъ богословія университетъ потерялъ бы, такъ сказать, свой raison d'etre, переставъ быть universitas totius scientiae. Богословіе, по мнѣнію уважаемаго профессора, есть наука въ полномъ смыслѣ слова, подобно всякой другой такъ наз. точной наукѣ. Но, оставляя прочія положенія недоказанными, за неимѣніемъ времени, профессоръ въ настоящей лекціи подробно разобралъ чрезвычайно важную роль, которую, по его мнѣнію, должна взять на себя богословская наука въ университетѣ. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время среди молодежи существуетъ все усиливающееся стремленіе къ самообразованію и выработкѣ цѣльнаго міросозерцанія. Но, съ одной стороны, безъ христіанскаго богословія никакое міросозерцаніе не имѣетъ ни цѣльности, ни силы, а съ другой стороны, безъ надлежащаго руководительства трудно выработать надлежащее, требуемое нашимъ временемъ міросозерцаніе. Кто же можетъ взять на себя такое руководительство въ университетѣ? Конечно, не профессоръ какой-нибудь отдѣльной частной науки; даже, по нѣкоторымъ причинамъ, не профессоръ всеобъемлющей, оздоровляющей корни и нити психофизической метафизики. Эту роль можетъ взять на себя только профессоръ богословія. Ораторъ не скрываетъ отъ себя, что эта роль чрезвычайно трудная, въ особенности въ наше время, когда пріобрѣли такое распространеніе и такую силу ученія ново-позитивистовъ и ново-матеріалистовъ; но онъ утѣшаетъ себя мыслью, что въ стѣнахъ нашего же университета онъ нашелъ дѣятельнаго сотрудника, борящагося съ тѣмъ же врагомъ, въ лицѣ высокоталантливаго молодого профессора Георгія Ивановича Челпанова... Восторженная публика наградила оратора продолжительными рукоплесканіями.

Съ своей стороны, мы можемъ порадоваться, что въ лицѣ своихъ молодыхъ представителей профессора признаютъ фактъ и законность стремленія молодежи къ самообразованію, и что тѣ же молодые представители университетской науки, мало-по-малу вытѣсняя отжившіе, старые элементы, въ борьбѣ съ этими элементами идутъ рука-объ-руку, не смотря на различіе своихъ спеціальностей, и такъ торжественно и открыто признаютъ свою солидарность.

Сообщеніе это и сопровождающая его замѣтка очень интересны, но они вызываютъ чрезвычайно много недоразумѣній. Разумѣется, надо радоваться, что профессора признаютъ фактъ и законность стремленія молодежи къ самообразованію. Но молодые профессора Свѣтловъ и Челпановъ «вытѣсняютъ отжившіе, старые элементы» и борятся съ ними. Что это значитъ? откуда вытѣсняютъ? Кого? за что? Можно бы было подумать, что какіе-то отжившіе, старые элементы откуда-то вытѣсняются собственно за то, что не признаютъ факта и законности стремленій молодежи къ самообразованію. Но въ лекціи проф. Свѣтлова есть прямое неодобрительное указаніе только на проф. Карѣева, который, можетъ быть, усерднѣе всѣхъ русскихъ профессоровъ послужилъ идеѣ самообразованія. Значитъ, дѣло не въ этомъ. Что касается самаго указанія на проф. Карѣева,

то оно въ особенности возбуждаетъ недоумѣніе. Проф. Карѣевъ въ брошюрѣ «о выборѣ факультета» посвятилъ богословію всего нѣсколько строкъ, въ которыхъ сообщилъ, что по богословію требуется экзаменъ на первыхъ четырехъ семестрахъ. И этотъ фактъ предъявляется проф. Свѣтловымъ, какъ иллюстрація «антихристіанской реакціи». Между тѣмъ, какъ извѣстно, въ русскихъ университетахъ нѣтъ богословскаго факультета, богословіе равно обязательно для филологовъ, юристовъ, естественниковъ, медиковъ, а потому при *выборѣ факультета* о богословіи и рѣчи быть не можетъ: его нельзя ни выбирать, ни не выбирать. И если отжившіе, старые элементы столь же виновны вообще, какъ въ данномъ случаѣ проф. Карѣевъ, то право я не знаю, слѣдуетъ-ли радоваться ихъ «вытѣсненію» и замѣнѣ молодыми силами, столь легко обращающимися со словами: «антихристіанская реакція». Интересно было бы, далѣе, знать, что это за «профессоръ всеобъемлющей, оздоровляющей корни и нити психофизической метафизики», — каѳедры такой нѣтъ—и кто собственно тѣ «ново-позитивисты и ново-матеріалисты», съ которыми проф. Свѣтловъ, вспомоществуемый проф. Челпановымъ, предполагаетъ бороться. Ничего этого мы не знаемъ. Знаемъ только, что «восторженная публика наградила оратора продолжительными рукоплесканіями»...

Въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» печатался, чуть не съ начала года, рядъ статей г. Волынскаго о Лѣсковѣ. Въ пятой статьѣ, напечатанной въ майской книжкѣ журнала, авторъ дошелъ до знаменитаго романа «Некуда», по поводу котораго позволилъ себѣ неприличіе, не въ первый уже, впрочемъ, разъ встрѣчающееся на страницахъ «Сѣвернаго Вѣстника».

Какъ извѣстно, романъ «Некуда» есть въ значительной своей части просто пасквиль, въ злобно окарикатуренныхъ образахъ котораго современники безъ труда узнавали подлинныхъ лицъ. Но и для людей, далекихъ отъ тѣхъ временъ, Лѣсковъ многое раскрылъ въ статьѣ (позднѣйшей) «Загадочный человѣкъ». Въ статьѣ этой, тоже переполненной злобной неправдой, даже не особенно внимательный читатель найдетъ ключъ ко всѣмъ главнымъ псевдонимамъ романа «Некуда». Главный герой романа есть Райнеръ, въ дѣйствительности Артуръ Бенни,—онъ то и есть «загадочный человѣкъ». Подлинное имя героини романа, Лизы Бахаревой, скрыто подъ иниціалами: «дѣвица К.», «М. Н. К.», «г-жа К.» Къ обоимъ этимъ лицамъ Лѣсковъ и въ романѣ, и въ статьѣ относится съ большою почтительностью, почти только ихъ однихъ и выдѣляя изъ моря изображенной имъ грязи. Кто не зналъ уже въ то время, когда романъ «Некуда» печатался впервые, что Райнеръ списанъ съ Артура Бэнни, тотъ, во всякомъ случаѣ, узналъ это изъ статьи «Загадочный человѣкъ». Но оригиналъ Лизы Бахаревой и въ этой

статьѣ остался скрытымъ подъ иниціалами. Даже у Лѣскова, человѣка рѣдко беззастѣнчиваго, хватило деликатности на это. У г. Волынскаго ея не хватило. Говоря о «Некуда», онъ, руководясь, кромѣ статьи «Загадочный человѣкъ», еще показаніями г-жи Толивѣровой-Пѣшковой, гг. Боборыкина, Чуйко (которыхъ онъ иногда съ милою фамильярностью называетъ просто «Боборыкинъ», «Чуйко»), распространяется о Бенни, а кстати сообщаетъ, что «дѣвица К». или «М. Н. К.» есть г-жа Коптева (или опять таки просто «Коптева»).

М. Н. Коптева, живущая за границей, случайно узнала объ этомъ безцеремонномъ обращеніи съ ея именемъ, именемъ живого человѣка (а что она жива, какъ она мнѣ пишетъ, редакціи «Сѣвернаго Вѣстника» было извѣстно). Она обратилась въ редакцію съ предложеніемъ напечатать ея замѣтку по этому поводу, но редакція не пожелала исполнить эту просьбу, утѣшая г-жу Коптеву тѣмъ, что въ отдѣльномъ изданіи произведенія г. Волынскаго ея имя будетъ вычеркнуто... Г-жа Коптева нашла, что этого немножко мало, и проситъ напечатать ея объясненіе въ нашемъ журналѣ. Долгомъ считаю исполнить желаніе г-жи Коптевой.

Для людей, совсѣмъ незнакомыхъ съ дѣломъ, не лишнее можетъ быть будетъ замѣтить, что послѣ отъѣзда изъ Россіи Бенни жилъ въ Англіи, потомъ, кажется, въ Швейцаріи, затѣмъ состоялъ въ гарибальдійскомъ отрядѣ, раненъ въ битвѣ подъ Ментоной и отъ раны умеръ. Г-жа Толивѣрова, свидѣтельница его послѣднихъ дней, описала ихъ въ 1870 г. въ «Недѣлѣ»; описала, какъ утверждаетъ г-жа Коптева, во многихъ подробностяхъ невѣрно, но имя г-жи Коптевой не было ею названо, такъ что иниціатива этой безцеремонности всецѣло принадлежитъ г. Волынскому.

Вотъ записка г-жи Коптевой:

„Живя постоянно за границей съ больными глазами, я не имѣю возможности слѣдить за русской литературой и только въ концѣ іюля по новому стилю получила вырѣзанную изъ „Сѣв. Вѣстника" 5-ю статью о Лѣсковѣ г. Волынскаго. Не знаю, когда она появилась въ печати, было-ли у нея много читателей, и не погребены-ли въ ней ложныя свѣдѣнія объ Артурѣ Бенни и обо мнѣ. Только ихъ я и прочла въ статьѣ, такъ какъ всю ее одолѣть не могла. Г. Волынскій говоритъ, что общественная дѣятельность въ Россіи Артура Бенни была неудачна, литературная—незначительна, и что онъ остался загадочнымъ для своихъ русскихъ знакомыхъ. Зачѣмъ же тревожить его память и печатать о немъ статьи, полныя неточности и неправды? Г. Волынскій говоритъ, что Артуръ Бенни «съ интимной стороны ни передъ кѣмъ не открывался», и этими словами самъ признаетъ, что не имѣетъ никакого права, ни основанія говорить о личной жизни Артура Бенни, о его романѣ и о томъ, были ли „осложненія" (!) въ его сердечныхъ отношеніяхъ. Это вторженіе въ чужую личную жизнь и сужденіе о ней возмутительно своей безтактностью и нескромностью. Что касается до меня, то еще менѣе основанія занимать читателей моей личною жизнью, потому что никакою дѣятельностью я себя не заявила и почти всю жизнь провела за границей. Единственнымъ побужденіемъ у автора таскать мое имя въ печати могло быть только желаніе сплет-

нями о живомъ лицѣ придать скандальный интересъ статьѣ и тѣмъ привлечь больше читателей. Онъ могъ позволить себѣ это потому, что заступиться за меня и явиться въ редакцію требовать отчета некому.

Чтобы возстановить правду и исправить всѣ неточныя свѣдѣнія объ Артурѣ Бенни, мнѣ пришлось бы написать біографію его, чего я не сдѣлаю: для меня онъ не былъ загадкой вслѣдствіе его довѣрія, которымъ я не хочу злоупотреблять и послѣ его смерти. Ограничусь только опроверженіемъ разсказа г-жи Толивѣровой-Пѣшковой и замѣчаніемъ, что Артуръ Бенни писалъ не въ „Times'ѣ", а въ „Daily News" (разница!) и въ двухъ-недѣльномъ обозрѣніи, англійскаго названія котораго я не помню. О вкусахъ не спорятъ, но я не желала бы оставить свое имя связаннымъ съ вымысломъ, на мой взглядъ, довольно пошлымъ, хотя г. Волынскій и восхищается имъ. То, что я слышала о литературной дѣятельности г. Волынскаго, побуждаетъ меня желать, чтобы онъ почтилъ память Артура Бенни молчаніемъ, а не похвалами. Не найдетъ ли онъ, чѣмъ занимать читателей „Сѣвер. Вѣстника" помимо сплетень о сердечныхъ отношеніяхъ неизвѣстныхъ имъ лицъ?

Я совсѣмъ разучилась писать по русски, но и статья, на которую я отвѣчаю, не отличается особенно хорошимъ русскимъ языкомъ. Думаю поэтому, что русскіе читатели снисходительны, и что мой плохой слогъ также сойдетъ съ рукъ.

Осенью 1867 года я жила въ Гейдельбергѣ, куда ждала и Артура Бенни, вѣря его письмамъ, что его рана пустая, и что онъ скоро выздоровѣетъ. Его семья также не знала о его опасномъ положеніи: онъ боялся обезпокоить и огорчить насъ. Мотивъ, выставленный въ статьѣ г. Волынскаго— нежеланіе „предстать предъ любимымъ человѣкомъ въ своемъ жалкомъ безпомощномъ состояніи», этотъ мотивъ достоинъ тщеславной женщины, придумавшей его. Послѣднее письмо Артура Бенни и почеркомъ и особенными стараніями успокоить меня возбудили во мнѣ опасеніе—я телеграфировала ему и получила въ отвѣтъ депешу отъ доктора госпиталя св. Агаты: „amputation de l'avant-bras droit trouvée nécessaire, va passablement". Я депешей сообщила мое рѣшеніе пріѣхать въ Римъ и просила телеграфировать мнѣ о его состояніи въ Базель, первый этапъ этого тогда еще длиннаго пути. Эту депешу докторъ передалъ В. И. Я. и только изъ нея и онъ и г-жа Толивѣрова узнали о моемъ существованіи. Только по безпрестаннымъ вопросамъ Артура Бенни: который часъ и по просьбѣ его привезти меня прямо къ нему, когда я пріѣду, они могли заключить о томъ, какъ онъ ждалъ меня. Такъ говорили мнѣ въ Римѣ они оба и англійскій священникъ, навѣщавшій его. Я стою за эту дорогую мнѣ рѣдкую черту: этотъ человѣкъ до послѣдняго дыханія сохранилъ свою и въ то же время чужую тайну. Г-жа Толивѣрова не оцѣнила, не могла оцѣнить это молчаніе и уже въ 70-мъ году разсказывала въ „Недѣлѣ", какъ Артуръ Бенни цѣловалъ ея руки и показывалъ ей чужія письма. Клевета эта была бы возмутительна, еслибъ не была безсознательна: онъ не былъ способенъ говорить съ посторонними о тѣхъ, кто былъ дорогъ ему. Въ Римѣ же г-жа Толивѣрова проговорилась мнѣ, что Бенни почти и не говорилъ съ ней. Г. Волынскій не замѣчаетъ противорѣчія между разсказомъ г-жи Толивѣровой и всѣми характеристиками Артура Бенни, которыя приводитъ въ своей статьѣ. Чтобы вѣрно передавать случившееся и вѣрно представлять человѣка, нужна прежде всего способность заняться этимъ человѣкомъ или событіемъ, а есть личности, всегда и вездѣ занятыя только собой. Вообще разсказы г-жи Толивѣровой и въ „Недѣлѣ" и въ статьѣ г. Волынскаго напоминаютъ разсказы меценатки-помѣщицы въ повѣсти „Рудинъ", такъ мѣтко охарактеризованные Тургеневымъ.

И такъ я пріѣхала въ Римъ на другой день послѣ смерти Артура

Бенни и была принята на вокзалѣ г-жей Толивѣровой. Но могло ли ей казаться, что я теряю разсудокъ? Въ первый же вечеръ я очень внимательно играла въ шахматы, и когда мы расходились, г-жа Толивѣрова сказала мнѣ, что я все время занимала общество разсказами о петербургскихъ знакомыхъ. Такъ было и во всѣ дни, проведенные мною въ квартирѣ В. И. Я. съ г-жей Толивѣровой. Я или говорила съ ней о постороннихъ предметахъ, или, когда было не подъ силу, просила ее оставить меня одну. Ей пришлось выдумывать, чтобы говорить или писать о моемъ горѣ. Г. Волынскій восхищается тѣмъ что я будто бы собирала огарки, оставшіеся въ комнатѣ Артура Бенни, укладывала ихъ въ мѣшечекъ на день и разставляла ихъ вечеромъ. Мнѣ, кажется, что еслибы я была способна заниматься въ то время такимъ вздоромъ, то ни за мой разсудокъ, ни за силу моего горя бояться было бы нечего. Признаюсь, я даже не понимаю смысла собиранія огарковъ, которыхъ, вѣроятно, и не было, такъ какъ можно предполагать, что комнаты больныхъ даже и въ римскомъ госпиталѣ убирались. Собирать огарки мнѣ не пришлось и потому, что въ Римѣ я получила нѣсколько вещей Артура Бенни; медальонъ, которымъ В. И. Я. доказывалъ мое право на полученіе этихъ вещей, портмоне съ оставшейся мелочью, дневникъ, который Артуръ Бенни собственно для меня велъ по русски, а не по англійски, какъ прежде, и портретъ, сдѣланный для меня В. И. Я. съ мертваго лица, выраженіе котораго ясно говоритъ, какъ одиноко онъ умеръ. Г-жа Толивѣрова нашла эти предметы слишкомъ обыденными и ей показалось интереснѣе придумать огарки. Кончаю заявленіемъ, что Артуръ Бенни никогда не былъ „въ тѣсной дружбѣ“ съ Лѣсковымъ, лучшее доказательство то, что онъ остался для него „загадочнымъ человѣкомъ“. Даже и жизни Бенни Лѣсковъ не зналъ, отчего цѣлыя страницы будто бы біографіи „Загадочнаго человѣка“ заняты разсказами о томъ, какъ будто бы онъ будилъ пьянаго, или неинтересными разговорами съ Ничипоренко. Въ этой богатой событіями жизни Лѣсковъ не нашелъ другого матеріала, такъ мало онъ зналъ ее!“

На этотъ разъ журналъ не публиковалъ ничего позорящаго г-жу Коптеву. Напротивъ, г. Волынскій со свойственною ему возвышенностью стиля говоритъ о «глубокомъ и нѣжномъ романѣ изъ жизни русскихъ нигилистовъ», о томъ, что «дѣвушка съ жесткимъ характеромъ и рѣзкимъ складомъ ума, который еще въ Россіи произвелъ на Бенни такое неизгладимое впечатлѣніе, здѣсь, передъ лицомъ смерти, вдругъ смирилась и раскрылась съ неожиданной, глубоко человѣчной стороны» и т. п. Но, не касаясь вопроса о цѣнѣ похвалъ и любезностей г. Волынскаго, надо же понимать, что сплетня всетаки остается сплетней и что нельзя публично рыться въ душѣ живого человѣка и выволакивать изъ нея во всеобщее свѣдѣніе свято хранимыя интимнѣйшія подробности чисто личной, частной жизни. Оскорбленіе, полученное еще недавно г-жею Гуревичъ, до извѣстной степени какъ бы закрыло отъ вниманія общества допущенную ею, мягко говоря, безтактность. Но надо же принять во вниманіе и положеніе тѣхъ, которымъ развязность гг. Волынскихъ доставляетъ вовсе не желательную для нихъ извѣстность...

Очевидно, «Сѣверный Вѣстникъ», истощивъ, какъ говорилось въ старину, силы въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики, бьетъ на скандалъ. Оттого почтенный журналъ и свои литературныя обозрѣнія ведетъ «У Палкина», оттого въ немъ г. Льдовъ, ищущій для

своей поэзіи «внѣвременнаго содержанія», въ прозѣ усердно занимается вполнѣ временными дрязгами. Можетъ быть, оно такъ и нужно, но я не понимаю, зачѣмъ эти люди называютъ себя идеалистами, символистами и т. п., когда они просто скандалисты?

Ник. Михайловскій.

Хроника внутренней жизни.

Податное взысканіе.—Вопросы земскаго представительства.—Павловскія общественныя дѣла.—Полицейская опека.—Неудовлетворительность полицейскаго надзора.

Надвигающаяся осень предвѣщаетъ крестьянскому населенію значительной полосы Россіи мало хорошаго. Скудный сборъ хлѣба грозитъ полуголоднымъ существованіемъ съ половины зимы, распродажей скота и имущества; плохой укосъ травъ—безкормицей скота и опять же распродажей его за безцѣнокъ съ печальной перспективой къ веснѣ остаться безъ необходимой рабочей силы, безъ сѣмянъ и инвентаря. А по селамъ и деревнямъ уже стучитъ въ оконницы избъ батожекъ сборщика податей. Вотъ уже десятки лѣтъ въ Петербургѣ не переводятся коммиссіи, озабоченныя вопросомъ, какъ облегчить народу падающую на него податную тягость, и въ подлежащихъ департаментахъ идетъ непрерывная работа, направленная къ тому, чтобы, соблюдая интересы казны, распредѣлить въ то же время эту тягость равномѣрнѣе и цѣлесообразнѣе: тамъ отсрочить, здѣсь дать льготу, а то и совсѣмъ скостить.

Какъ ни тяжела бываетъ иногда уплата слѣдуемаго годового оклада, ничто не дѣйствуетъ такъ пагубно на устойчивость отдѣльнаго крестьянскаго хозяйства въ трудные, неурожайные годы, какъ взысканіе недоимки. Незамѣтно подкравшаяся, своимъ существованіемъ она обрекаетъ большинство хозяйствъ на самое эфемерное, проблематическое существованіе: вотъ проѣхалъ черезъ деревню становой съ десятскими и сотскими и къ тому времени, какъ исчезнетъ изъ виду его тройка, въ деревнѣ прибавится не одинъ разоренный дворъ, не одна семья, которой придется разбиться: кому изъ членовъ на отхожіе заработки, кому—по міру. И опять же вопросъ о крестьянской недоимочности, неизмѣнно въ теченіе послѣднихъ лѣтъ занимаетъ министерство финансовъ. Еще въ 1881 г. было объявлено общее и спеціальное пониженіе выкупныхъ платежей. Съ тѣхъ поръ принимался цѣлый рядъ мѣръ къ тому, чтобъ облегчить населенію уплату этихъ платежей, разсрочить и даровать возможныя льготы по недоимкамъ. Недавно обнародованъ новый законъ

(13 Мая 1896 г.) объ остроч҃кѣ и разсрочкѣ недоимокъ выкуп ныхъ платежей. Министру финансовъ, по соглашенію съ другими вѣдомствами, предоставляется по ходатайствамъ областныхъ и гу бернскихъ крестьянскихъ присутствій разрѣшать отсрочку ил разсрочку недоимокъ по выкупнымъ платежамъ, безъ ограничені суммы и продолжительности льготы, съ тѣмъ, чтобы ежегодны взносы на погашеніе недоимки каждаго сельскаго общества не пре восходили одного годового оклада выкупныхъ по сему обществ платежей. Ходатайства объ отсрочкѣ должны основываться н подробномъ разслѣдованіи хозяйственнаго положенія и платеж ныхъ средствъ каждаго отдѣльнаго общества. Въ случаѣ возбужде нія вышеозначеннаго ходатайства, примѣненіе понудительныхъ мѣръ взысканія пріостанавливается (Недѣля № 29). Да! такой за конъ существуетъ...

Въ одномъ изъ номеровъ газеты «Вятскій край» мы находим слѣдующее извѣстіе о состояніи урожая въ губерніи. «Урожай нын въ вятской губерніи вышелъ, какъ извѣстно, пестрымъ. Въ сѣвер ныхъ уѣздахъ хлѣбъ всюду хорошъ, особенно въ низинахъ; напро тивъ, на высокихъ мѣстахъ урожай гораздо хуже, а въ нѣкоторых мѣстностяхъ положительно плохъ; особенно пострадали отъ сильнаг недорода *сарапульскій* и *елабужскій* и отчасти *яранскій* уѣзды (№ 105 отъ 7 Сен.) А рядомъ зъ этимъ извѣстіемъ мы находим другое—циркуляръ губернатора отъ 27 августа за № 8629. Цир куляръ отмѣчаетъ полную уплату окладныхъ платежей въ 5 зем скихъ участкахъ вятскаго, слободскаго, орловскаго и котельниче скаго уѣздовъ и болѣе или менѣе удовлетворительное поступлені ихъ въ значительной части прочихъ участковъ губерніи въ особен ности въ сѣверныхъ уѣздахъ. Только въ нѣсколькихъ участкахъ преимущественно на югѣ, полугодовой окладъ до сихъ поръ по ступалъ слабо. Самыми слабыми представляются 1 участокъ сло бодскаго уѣзда, 2 участка нолинскаго у., 4 участка глазовскаго 6 участ. *яранскаго* у., 6 *елабужскаго*, 6 *сарапульскаго*, 7 уржум и 7 у. малмыжскаго уѣздовъ. «Въ виду того,—предписываетъ г губернаторъ въ циркулярѣ,—что въ земскихъ участкахъ послѣдней 4-й категоріи поступленіе текущихъ платежей настолько неудовле творительно, что требуетъ принятія особыхъ мѣръ для пополненія оклада первой половины, перешедшаго уже въ недоимку, я, на основаніи циркуляра моего гг. земскимъ начальникамъ отъ 19 Де кабря 1896 года за № 15541, предписалъ уѣзднымъ исправникам приступить ко взысканіямъ мѣрами полиціи и уполномочилъ ихъ налагать въ предѣлахъ предоставленной имъ власти наказанія на должностныхъ лицъ волостного и сельскаго управленія, виновныхъ въ небрежномъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ по наблюденію за своевременнымъ поступленіемъ съ крестьянъ окладныхъ платежей».

Мы живо представляемъ себѣ дальнѣйшее. Но, не желая прибѣ-

тать къ помощи фантазіи для иллюстраціи употребляющихся при этомъ пріемовъ «разслѣдованія хозяйственнаго положенія и платежныхъ средствъ обществъ», приведемъ примѣръ разбиравшагося недавно въ казанскомъ окружномъ судѣ дѣла «о выколачиваніи податей».

Староста села Абызова Андреевъ и сборщикъ податей того-же селенія Ивановъ привлечены были къ суду по обвиненію ихъ въ причиненіи насилія неакуратнымъ плательщикамъ налоговъ, податей и недоимокъ. Подробности этого дѣла «Казанскій Телеграфъ» передаетъ въ такомъ видѣ:

Производя взысканіе налоговъ въ концѣ прошлаго года въ своемъ селеніи, Андреевъ и Ивановъ собрали всѣхъ неаккуратныхъ плательщиковъ передъ въѣзжей избой и стали вызывать каждаго изъ нихъ въ отдѣльности къ себѣ.

— Уплатишь?..—лаконически спрашивали они явившагося и, по выслушаніи отрицательнаго отвѣта со стороны недоимщика, схватывали его за бороду или за волосы и бросали на полъ.

Когда недоимщикъ пытался что-либо говорить по поводу производимаго надъ нимъ насилія, ретивые взыскатели недоимокъ, со словами: «а, тебѣ еще мало!» толкали неисправнаго плательщика ногами, били кулаками и т. п. Хотя эти насильственныя дѣйствія и не улучшили тугое поступленіе недоимокъ съ населенія С. Абызова, но описанному выше насилію было подвергнуто болѣе 20-ти абызовскихъ домохозяевъ, которые, перенося безропотно незаконное насиліе надъ собою, довели, однако, объ этомъ до свѣдѣнія губернскаго правленія. Такъ какъ произведенное затѣмъ по поводу жалобы потерпѣвшихъ разслѣдованіе подтвердило указанные въ жалобѣ факты, то противъ Андреева и Иванова было возбуждено настоящее дѣло. Не отрицая причиненія насилія абызовскимъ недоимщикамъ, они оправдывались тѣмъ, что имѣли «строгое» предписаніе отъ начальства взыскать какъ можно больше недоимокъ.

— Но били вы зачѣмъ ихъ?—спрашивали ретивыхъ взыскателей.

— А что-же дѣлать съ ними, когда они не платятъ?...—отвѣчали Андреевъ и Ивановъ.

Окружной судъ приговорилъ обоихъ обвиняемыхъ къ аресту при полиціи на пять дней каждаго. Осужденные имѣли, однако, основаніе считать себя въ выигрышѣ: если бы они не обнаружили очевиднаго рвенія при исполненіи своихъ обязанностей, имъ могъ угрожать за бездѣйствіе арестъ, налагаемый иной, не судебной властью, и на срокъ несравненно большій. Не довернешься—попадетъ, перевернешься попадетъ, такова ужъ судьба низшей сельской администраціи.

Недавно уфимскимъ окружнымъ судомъ въ г. Мензелинскѣ разсмотрѣно было,—какъ сообщаетъ «Волжск. Вѣст.»,—дѣло по об-

виненію бывшихъ полицейскихъ урядниковъ Михаила Кенарскаго и Владиміра Курешёва въ истязаніи при взысканіи податей. Обстоятельства этого дѣла заключаются въ слѣдующемъ. 27 августа 1895 года Кенарскій и Курешовъ, пріѣхавъ въ сопровожденіи волостного старшины въ деревню Менлитамакъ, Прехтинской волости, Мензелинскаго уѣзда, стали вызывать на общественную квартиру обывателей для взноса податей. Въ числѣ другихъ сюда пришелъ башкиръ Шигабутдинъ Диньмухаметовъ и принесъ съ собою въ уплату рубль. Съ него стали требовать еще, а такъ какъ у Диньмухаметова денегъ больше не оказалось, то его стали бить, а затѣмъ бросили въ подполье (куда до него уже брошено было человѣкъ десять). Диньмухаметовъ сталъ протестовать противъ такого обращенія, говоря, что онъ былъ на военной службѣ—и тамъ его не били и что, сидя въ подпольѣ, онъ все равно денегъ не найдетъ. Тогда Кенарскій и Курешевъ велѣли ему вылѣзть изъ подполья, а такъ какъ Диньмухаметовъ, боясь новыхъ побоевъ, замедлилъ вылѣзаніемъ, то его вытащили за уши и вновь принялись бить, а затѣмъ накинули ему на шею веревку съ такою силою, что Диньмухаметовъ со стономъ упалъ на полъ. Рубецъ на шеѣ отъ стягиванія оставался у него въ теченіи цѣлаго года. Все это подтверждено свидѣтельскими показаніями. Кенарскій и Курешевъ виновными себя не признали и сваливали вину на исправника, говоря, что тотъ ихъ принуждалъ энергично взыскивать подати (этотъ исправникъ теперь уже удаленъ отъ должности). Кромѣ того, Курешовъ сознался, что раза три толкнулъ Диньмухаметова; относительно петли они объяснили, что не знаютъ, какъ она попала на шею Диньмухаметова, удушеніе-же произошло оттого, что конецъ веревки упалъ въ подполье и за него ухватились сидящіе тамъ, а они,—Кенарскій и Курешовъ,—стали вытаскивать веревку изъ подполья и вытащили на веревкѣ четырехъ человѣкъ. Показаніе это вызвало въ публикѣ смѣхъ (?) и невольно заставило улыбнуться и судей.

Судъ призналъ подсудимыхъ виновными въ истязаніи и приговорилъ къ тюремному заключенію на шесть мѣсяцевъ, сокративъ срокъ наказанія за силою манифеста до двухъ мѣсяцевъ. Товарищъ прокурора подалъ на этотъ приговоръ протестъ въ казанскую судебную палату.

«Жизнь и Искусство» сообщаетъ другой случай не менѣе оригинальнаго пріема по взысканію налоговъ, примѣненнаго въ с. Маньковцахъ, Подольской губ. Взысканіе налоговъ за усадебную землю до сихъ поръ сборщики податей производили тамъ всегда къ 29 іюня. Обыватели с. Маньковецъ до этого урочнаго дня мирно предавались своимъ занятіямъ, не ожидая никакой грозы. Но въ этомъ году надъ ними еще до 15 іюня внезапно стряслась бѣда: сборщикъ и староста за два-три дня до описываемаго происшествія потребовали отъ крестьянъ внести немедленно поземель-

ные налоги, угрожая имъ въ противномъ случаѣ «экзекуціей» или по мѣстному «закуціей». Дѣйствительно, въ весьма короткое за этимъ время, въ село явились два солдата, присланные старшиною и неизвѣстно кѣмъ прикомандированные въ распоряженіе сельскихъ властей, которые при помощи ихъ и стали взимать поземельные налоги, да при этомъ вымогать и лишнія деньги, нужныя, по ихъ словамъ, на содержаніе солдатъ и вообще всей экзекуціи. На содержаніе экзекуціи деньги собирались въ такомъ порядкѣ: кто добровольно приносилъ поземельный налогъ къ сборщику, тотъ сверхъ налога добавлялъ 20 к., или курицу и хлѣбъ, а къ кому являлась экзекуція за оборомъ, тотъ уже давалъ за труды 50 к. Если же кто не могъ дать добавочныхъ денегъ, то у того брали косу, топоръ или что нибудь другое и за эти вещи выручали требуемыя 20 или 50 к. Гораздо хуже поступали съ тѣми, кто по той или другой причинѣ не могъ внести поземельнаго налога. Въ эти злополучные дни многихъ хозяевъ не было дома—кто уѣхалъ на заработки, кто трудился на своей нивѣ, а кто просто спрятался отъ грозы. И вотъ пьяная ватага сборщиковъ ходитъ изъ дома въ домъ, наводитъ трепетъ на дѣтей, приводитъ въ отчаяніе бабъ, работающихъ въ огородахъ, а нѣкоторые дворы и усадьбы находятъ совсѣмъ пустыми. Но это ни мало не смущаетъ непрошенныхъ гостей. Они безцеремонно хозяйничаютъ въ чужихъ домахъ; вытаскиваютъ изъ печи кушанья и спокойно садятся обѣдать, чего не могутъ съѣсть, то выливаютъ на землю, насыпаютъ въ молоко сажи и съ чистою совѣстью отправляются дальше для исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей. Въ другихъ мѣстахъ они еще усерднѣе трудились: высыпали на землю зерновой хлѣбъ, разрывали подушки и выбрасывали на дворъ. Такъ же поступали они съ одеждой и другимъ домашнимъ скарбомъ. Подъ вечеръ экзекуція отдыхала отъ своихъ трудовъ. Закупивши на лишнія деньги нѣсколько бутылокъ вина, она отправлялась къ сборщику, или усаживалась на улицѣ и распивала вино, добытое столь блестящими подвигами. Только послѣ нѣсколькихъ дней такихъ подвиговъ кто-то догадался убрать солдатъ, а затѣмъ и экзекуція прекратилась.

Безъ сомнѣнія эти и подобные имъ случаи будутъ повторяться неизбѣжно, пока сохранится существующій порядокъ взиманія податей, по которому оно предоставлено исключительно органамъ мѣстной полиціи. Совершенно справедливо говоритъ авторъ статьи «Податное разслѣдованіе» въ «Недѣлѣ» (№ 30): «Пока взысканіе будетъ по прежнему въ рукахъ полиціи—до тѣхъ поръ будутъ безсильными законы объ отсрочкахъ. Ожидать исправленія этой власти въ будущемъ нѣтъ никакого основанія. Всѣ главныя обязанности ея по самому существу своему вращаются около интересовъ минуты и не имѣютъ ничего общаго съ вопросомъ охраненія платежныхъ силъ населенія, съ вопросомъ, заглядывающимъ впередъ, въ судьбу послѣдующихъ поколѣній, въ ущербъ даже современному благопо-

лучію государства. Что общаго между предусмотрительностью отдаленныхъ цѣлей и предупрежденіемъ и пресѣченіемъ проступковъ въ текущей жизни? На этомъ коренномъ несоотвѣтствіи лежитъ полная несостоятельность полиціи въ дѣлѣ взысканія повинностей, не касаясь нисколько даже личнаго состава». Насколько далека бываетъ въ своей дѣятельности полиція отъ этой разумной предусмотрительности, говорилось на съѣздѣ податныхъ инспекторовъ петербургской губерніи въ 1896 г., когда было констатировано, что дѣятельность ея по взысканію податей совпадаетъ по большей части съ порой безденежья и безработицы у крестьянъ. По свѣдѣніямъ податныхъ инспекторовъ, въ 1891 г. за недоимки было даже 768 лицъ отдано въ заработки, что главнымъ комитетомъ еще въ 1869 г. вполнѣ справедливо признавалось крайне нежелательной мѣрой, «которую желательно было-бы устранить изъ законодательства, какъ заключающую въ себѣ ограниченіе личныхъ гражданскихъ правъ крестьянъ»...

И опять же неудовлетворительность полиціи въ роли сборщиковъ податей сознана уже давно и попытокъ если не замѣнить ее въ этомъ отношеніи, то поставить ея дѣятельность подъ надзоръ компетентной власти, было не мало. Въ 1885 г. введенъ былъ институтъ податныхъ инспекторовъ; можно было думать, что это послужитъ началомъ новой организаціи податного дѣла. Ожиданія эти не оправдались. Благодаря какъ законодателей постановкѣ, института, такъ и недостаточности его персонала, дѣятельность податныхъ инспекторовъ приняла совершенно канцелярскій характеръ, ограничившись наблюденіемъ за правильностью поступленій, отчетностью и пр. Законъ 12 іюля 1889 г. возложилъ на земскаго начальника упорядоченіе экономическаго положенія деревни, а слѣдовательно и податного дѣла. Но, оставивъ наблюденіе за должностными лицами волостного и сельскаго управленія по сбору повинностей на обязанности исправниковъ, законъ этотъ ничѣмъ не измѣнилъ сущности дѣла: введеніе земскихъ начальниковъ не умалило ни правъ, ни обязанностей полиціи по наблюденію за сборомъ крестьянскихъ податей.

На почвѣ возложенной на земскихъ начальниковъ обязанности возникъ лишь рядъ конфликтовъ между ними и исправниками касательно уровня платежа, способности крестьянскаго населенія и мѣръ взысканія податей,—конфликтовъ, отъ которыхъ ни чуть не было легче ни плательщикамъ, ни тѣмъ болѣе должностнымъ лицамъ сельскаго управленія, попадавшимъ между двухъ огней. И до сихъ поръ идетъ обсужденіе, какъ упорядочить дѣло взиманія податей и тѣмъ облегчить населеніе, примѣнивъ наиболѣе удачную комбинацію этихъ трехъ властей: земскихъ начальниковъ, податныхъ инспекторовъ и полиціи. Въ самое послѣднее время сообщалось, что въ министерствѣ финансовъ разрабатывается проектъ, по которому предполагается взиманіе оклада налоговъ поручить

земскимъ начальникамъ, съ момента-же когда окладъ переходитъ въ недоимку, взиманіе послѣдней должно составлять обязанность уѣздной полиціи. Что же касается податныхъ инспекторовъ, то имъ по-прежнему не будетъ предоставлено активной роли во взиманіи налоговъ. На обязанности ихъ будетъ лежать особая инспекція этого дѣла, отчетность по нему и переписка съ казенной палатой. По разработанному на этихъ основаніяхъ проекту министерство финансовъ надѣется достигнуть соглашенія съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

Спрашивается, много-ли легче будетъ населенію, когда взысканіе недоимокъ останется по-прежнему въ рукахъ полиціи, а взиманіе оклада перейдетъ въ вѣдѣніе земскаго начальника. Вотъ, напримѣръ, характерная выдержка изъ циркуляра вятскаго губернатора отъ 24 апрѣля о ходѣ поступленія крестьянскихъ платежей первой половины текущаго года:

«Въ участкахъ, указанныхъ выше въ п. 2-мъ, земскіе начальники очевидно мало обращаютъ вниманія на правильную постановку дѣла, а земскаго начальника 4-го участка Малмыжскаго уѣзда г. Я. считаю нужнымъ предупредить, что запущеніе въ крестьянскихъ платежахъ будетъ всецѣло поставлено ему въ вину, какъ послѣдствіе бездѣйствія власти».

При такихъ условіяхъ предстательство земскихъ начальниковъ за ввѣренное ихъ попеченію населеніе врядъ-ли можетъ имѣть особую силу. Сомнительно, чтобы болѣе удачнымъ оказалось и поставленіе податныхъ инспекторовъ во главу угла по взиманію податей. Ихъ зависимое положеніе, удаленность отъ мѣстной жизни, бюрократическая постановка самого института—все это предвѣщаетъ лишь одинъ результатъ: дѣло по существу останется въ рукахъ ихъ помощниковъ по непосредственному взысканію податей: полиціи или низшей сельской администраціи. Безъ сомнѣнія, наиболѣе удачно могло бы выполнить эту функцію то учрежденіе, которое стоитъ въ непосредственной связи съ мѣстной жизнью, ея нуждами и потребностями, которому поручена забота о благосостояніи мѣстнаго населенія, поддержаніи и развитіи его хозяйства, т. е. земство. Дѣло это тѣмъ болѣе ему близко, что значительная часть оклада (губернскій и уѣздный земскіе сборы, государственный поземельный налогъ) поступаютъ сообразно установленнымъ имъ нормамъ оцѣнки, и частью поступаютъ въ его пользу. Въ его же рукахъ во всякое время сосредоточиваются или могутъ быть сосредоточены всѣ необходимыя свѣдѣнія о хозяйственномъ состояніи и платеже-способности населенія. И однако до сихъ поръ оно оказывается удаленнымъ отъ это дѣла болѣе, чѣмъ какое либо иное мѣстное учрежденіе. Неестественность этого положенія говоритъ сама за себя.

Будемъ, однако, надѣяться, что, въ виду угрожающаго признака паденія цѣнъ на скотъ, который начинаетъ уже мѣстами прода-

ваться по взысканіямъ,—уѣздныя земскія собранія прибѣгнутъ къ предоставленному имъ на основаніи п. 3 ст. 64 Полож. о зем. учрежд. праву представлять губернскому земскому собранію «предложенія о ходатайствѣ передъ правательствомъ по предметамъ, касающимся мѣстныхъ пользъ и нуждъ». Ходатайство о пріостановленіи усиленнаго взысканія податей и недоимокъ въ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностяхъ—дѣло неотложное, настоятельное.

Въ обширномъ районѣ земскихъ губерній началась усиленная лихорадочная работа очередныхъ земскихъ собраній. Періодъ земскихъ собраній—безспорно имѣетъ для нашей провинціи освѣжающее и воспитательное значеніе. Сбросивъ на время обычную сонливость и апатію, уѣздное общество пробуждается не для одной борьбы мелкихъ интересовъ и партійныхъ дрязгъ. Въ этотъ періодъ живой пульсъ общественности бьется сильнѣе, ярче выступаютъ насущныя потребности жизни, рѣзче оттѣняются недостатки въ организаціи существующихъ учрежденій.

А недостатки существующей организаціи земствъ и земскаго представительства настолько велики, что необходимость пересмотра дѣйствующаго земскаго положенія очевидна для самого правительства. Имѣя въ виду цѣлый рядъ поступившихъ къ нему ходатайствъ разныхъ земствъ, министерство внутреннихъ дѣлъ обратилось во всѣ земскія собранія настоящей очереди съ предложеніемъ обсудить и высказать свои заключенія по слѣдующимъ вопросамъ:

1) О выдѣленіи нѣкоторыхъ болѣе значительныхъ городовъ изъ состава мѣстныхъ уѣздныхъ земствъ въ самостоятельныя земскія единицы; 2) объ устраненіи волостныхъ старшинъ и писарей отъ участія, въ качествѣ земскихъ гласныхъ, въ засѣданіяхъ земскихъ собраній; 3) объ измѣненіи ст. 120 пол. о земск. учрежд. въ смыслѣ предоставленія земскимъ собраніямъ самимъ избирать заступающихъ мѣсто предсѣдателей земскихъ управъ; 4) о признаніи всѣхъ предсѣдателей земскихъ управъ членами подлежащихъ губернскихъ земскихъ собраній независимо отъ того, состоятъ-ли они гласными или нѣтъ; 5) объ измѣненіи ст. 45 пол. о зем. учр. въ смыслѣ предоставленія права лицамъ, проживающимъ внѣ предѣловъ уѣзда, вмѣсто личной явки въ избирательное собраніе, присылать письменное заявленіе о желаніи своемъ вступить въ гласные и 6) объ измѣненіи п. 3 ст. 65 пол. о зем. учр. въ смыслѣ предоставленія уѣзднымъ земствамъ права непосредственнаго (помимо губернскаго земскаго собранія) возбужденія предъ правительствомъ ходатайствъ о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ.

Въ числѣ этихъ вопросовъ мы не находимъ, однако, двухъ изъ числа тѣхъ, которые за послѣдніе годы неоднократно подняты были въ разныхъ земствахъ. Это вопросы объ измѣненіи въ порядкѣ и объемѣ крестьянскаго представительства и вопросъ объ увеличеніи вообще числа гласныхъ, сильно сокращеннаго земскимъ положе-

ніемъ 1890 г. Для губерній съ преобладаніемъ крестьянства въ составѣ населенія вопросы эти сливаются въ одинъ, объ увеличеніи числа гласныхъ изъ крестьянъ въ такой мѣрѣ, чтобы число ихъ соотвѣтствовало, болѣе или менѣе, тому мѣсту, какое крестьянство занимаетъ по отношенію къ другимъ сословіямъ въ общемъ числѣ населенія каждой губерніи. Въ этомъ именно смыслѣ ходатайствовало *Таврическое земское собраніе*, на что отъ министра внутреннихъ дѣлъ послѣдовалъ отказъ, мотивированный тѣмъ, что «правительство, въ виду первенствующаго значенія дворянства, какъ сословія служилаго, проникнутаго большимъ, чѣмъ прочіе классы населенія, сознаніемъ общественнаго долга и наиболѣе образованнаго, рѣшило привлечь къ земскому представительству лицъ дворянскаго сословія въ большемъ противъ другихъ сословій числѣ и уменьшить, по возможности, общее число гласныхъ каждаго собранія на томъ основаніи, что 25-лѣтній опытъ существованія Положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1864 года достаточно показалъ, насколько многолюдный составъ земскаго собранія является препятствіемъ къ основательному и спокойному обсужденію подлежащихъ его вѣдѣнію дѣлъ».

Въ свою очередь, *Нижегородское земство*, ходатайствовавшее объ увеличеніи состава земскихъ собраній въ виду того, что многіе изъ гласныхъ не являются на собраніе, а при нынѣшнемъ небольшомъ числѣ гласныхъ эта неявка ведетъ къ отдачѣ земскихъ дѣлъ губерніи на рѣшеніе слишкомъ незначительной кучки лицъ, получило на свое ходатайство слѣдующій отвѣтъ:

«Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ Нижегородской губернской земской управѣ, что вопросъ объ увеличенія числа гласныхъ можетъ быть разрѣшенъ лишь въ законодательномъ порядкѣ, но для этого необходимы не только обстоятельныя свѣдѣнія о причинахъ, вызывающихъ такое увеличеніе, но и цѣлый рядъ фактовъ неприбытія на собранія гласныхъ въ достаточномъ числѣ, такъ какъ единичный фактъ неявки можетъ быть простою случайностью и не даетъ достаточныхъ основаній къ возбужденію вопроса объ увеличеніи числа гласныхъ въ уѣздѣ. Независимо отъ сего министръ внутреннихъ дѣлъ, указывая еще и на обстоятельство, приведенное нами выше, о преимуществѣ дворянскаго элемента (основаніе новаго Земскаго Положенія), находитъ, что увеличеніе числа гласныхъ въ уѣздѣ могло бы состояться съ такимъ разсчетомъ, чтобы число гласныхъ отъ дворянъ было бы, во всякомъ случаѣ, не менѣе числа гласныхъ отъ сельскихъ обществъ. Въ виду изложеннаго министръ внутреннихъ дѣлъ не нашелъ возможнымъ дать ходатайству земства дальнѣйшій ходъ въ законодательномъ порядкѣ, «впредь до представленія земствомъ болѣе подробныхъ свѣдѣній по означенному вопросу».

По поводу разсматриваемаго вопроса газета «Вятскій Край» дѣлаетъ слѣдующую справку о численномъ составѣ земскаго пред-

ставительства по старому земскому положенію сравнительно съ тѣмъ, которое создано въ этой губерніи положеніемъ новымъ.

«Число уѣздныхъ земскихъ гласныхъ всѣхъ уѣздовъ по новому закону опредѣлено всего въ 100 чел. отъ сельскихъ обществъ и въ 98 отъ землевладѣльцевъ и горожанъ, а всего въ 198 чел., по прежнему же закону въ 218 чел.; губернскихъ же гласныхъ отъ всѣхъ уѣздовъ было прежде 35, нынѣ 29. Если принять во вниманіе, что прежнее полож. о зем. учрежд. издано въ 1864 году, когда населеніе губерніи было 2,124 т. чел. (1864 г.), а нынѣ дѣйствующее положеніе утверждено въ 1890 году, когда населеніе губерніи опредѣлялось уже въ 2,989 т. чел., и, наконецъ, если принять во вниманіе, что общая доходность всѣхъ имуществъ, подлежащихъ земскому сбору (напр. по губерн. раскладкѣ) въ 1864 г. опредѣлялась въ 8,155 тыс. руб., а въ 1890 г. уже въ 10,245 т. руб., то сдѣлается яснымъ, что нынѣшнее земское положеніе черезчуръ понизило число гласныхъ противъ прежняго».

Прежнимъ земскимъ собраніямъ Вятской губерніи и то относительно большее число гласныхъ, которымъ они обладали, казалось недостаточнымъ и трижды—въ 1867, 1868 и 1888 гг. губернское собраніе ходатайствовало передъ правительствомъ объ увеличеніи числа уѣздныхъ и губернскихъ гласныхъ, не говоря о ходатайствахъ по тому же предмету Сарапульскаго уѣзднаго земскаго собранія въ 1870-хъ гг. и Яранскаго въ 1880 г. И газета заключаетъ свою статью по этому поводу слѣдующими словами:

«Уже изъ этого краткаго перечня прежнихъ ходатайствъ объ увеличеніи числа какъ уѣздныхъ, такъ и губернскихъ гласныхъ, отъ каждаго уѣзда видно, что возбужденный въ прошломъ году малмыжскимъ земскимъ собраніемъ вопросъ объ увеличеніи числа гласныхъ отъ этого уѣзда какъ на уѣздномъ, такъ и на губернскомъ земскихъ собраніяхъ, является вполнѣ естественнымъ и вызываемымъ крайнею необходимостью. Ужъ если прежде, при меньшихъ, сравнительно съ нынѣшними, хозяйствахъ уѣздныхъ земствъ, а также при меньшемъ населеніи и доходности имуществъ, облагаемыхъ земскими сборами, являлась потребность въ увеличеніи числа гласныхъ, которыхъ прежде было даже больше нынѣшняго, то несомнѣнно, что нынѣшнія ходатайства вызываются настоятельною нуждою и тѣми трудностями, которыя теперь выпадаютъ на долю малочисленныхъ собраній, обязанныхъ изъ себя выдѣлять управу и нѣсколько коммиссій. Ужъ если прежде затруднялись изъ состава собранія избрать удовлетворительный составъ управы, то эти затрудненія нынѣ возрастаютъ еще въ большей степени».

Возвращаясь къ вопросамъ, предложеннымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ обсужденію земствъ и оставляя первый изъ нихъ, какъ имѣющій частное значеніе, безъ разсмотрѣнія, коснемся сущности остальныхъ вопросовъ. Особо важное значеніе имѣютъ изъ нихъ, безъ сомнѣнія, два: объ устраненіи волостныхъ писарей

и старшинъ отъ избранія ихъ гласными и о предоставленіи уѣзднымъ земствамъ права самостоятельно возбуждать ходатайства передъ правительствомъ.

Зависимое положеніе волостныхъ старшинъ и писарей отъ предсѣдателя собранія и земскихъ начальниковъ, составляющихъ во многихъ земствахъ преобладающую группу, настолько очевидно, что въ их лицѣ никакъ нельзя видѣть представительства крестьянскихъ интересовъ. Эти гласные при рѣшеніи вопросовъ слѣпо подчиняются мнѣнію своего начальства, что въ особенности очевидно при рѣшенія вопросовъ вставаніемъ. Въ практикѣ земства не разъ уже были отмѣчены случаи, что предсѣдатели собранія приподнимались, чтобы достать упавшій платокъ, и въ тоже время представители сельскаго сословія, въ лицѣ старшинъ и писарей, тоже вставали, думая, что разрѣшается вставаніемъ какой-либо вопросъ. Участіе подобныхъ представителей въ рѣшеніи земскихъ вопросовъ—одна фикція, которая, безъ сомнѣнія, должна быть устранена. А, между тѣмъ, возможность избранія въ гласные старшинъ и писарей почти совсѣмъ устраняетъ и безъ того умаленное представительство дѣйствительнаго крестьянства. При теперешнемъ порядкѣ выбора гласныхъ отъ крестьянъ, когда каждая волость избираетъ своего представителя и изъ всѣхъ избранныхъ утверждается только необходимое число, всегда какъ то случается, какъ справедливо говоритъ авторъ статьи въ «Одес. Новостяхъ» (№ 4064) И. Гросуль Толстой, что утверждаются *только* старшины и писаря, которые и являются единственными представителями крестьянства въ земскихъ собраніяхъ. Въ особенности несовмѣстимо на земскихъ собраніяхъ одновременное представительство волостной администраціи и земскихъ начальниковъ. Но даже еслибы волостные старшины и писаря и были устранены отъ избранія въ гласные, присутствіе въ собраніяхъ земскихъ начальниковъ было бы столь же неестественно. Не говоря о томъ, что оно значительно стѣсняло бы представительство крестьянъ, земскіе начальники стоятъ въ столь непосредственномъ и зависимомъ положеніи къ мѣстной администраціи, что участіе ихъ въ органахъ самоуправленія столь же мало оправдывается, какъ и участіе другихъ чиновниковъ, закономъ къ тому не призванныхъ. Въ виду этого вполнѣ понятно, что нѣкоторыя земскія собранія въ послѣднее время поднимали вопросъ о томъ, чтобы земскіе начальники не избирались въ гласные, а тверское земство на практикѣ провело эту мѣру. Однимъ изъ серьезныхъ мотивовъ къ устраненію отъ избранія въ гласные какъ волостныхъ старшинъ и писарей, такъ и земскихъ начальниковъ, должно служить еще и то соображеніе, что продолжительное отсутствіе ихъ изъ предѣловъ завѣдуемыхъ ими волостей можетъ повлечь только упущеніе въ дѣлѣ, котораго у тѣхъ и у другихъ достаточно много и безъ земской службы.

Что касается непремѣннаго участія предсѣдателей уѣздныхъ

земскихъ управъ въ составѣ губернскаго собранія, независимо (избранія ихъ въ число гласныхъ, то нельзя не признать его обще желательнымъ. Предсѣдатели управъ, по самому своему ложенію, настолько стоятъ въ корнѣ всѣхъ вопросовъ и интерес(уѣзда, что отсутствіе ихъ въ губернскомъ собраніи является оі тительнымъ. Но съ другой стороны обязательное участіе ихъ составѣ губернскихъ гласныхъ отнюдь не должно умалять и б(того малочисленное представительство; если они должны быть о(зательными представителями, то не иначе, какъ сверхъ законн числа гласныхъ.

Право возбуждать самостоятельныя ходатайства передъ пра тельствомъ по старому положенію принадлежало уѣзднымъ зе ствамъ, и нѣтъ основаній, чтобы они были лишены его и впре Но желательно, чтобы сохранено было то правило въ существующе порядкѣ, по которому ходатайства эти восходятъ къ правительст не иначе, какъ пройдя черезъ разсмотрѣніе и заключеніе губер скаго земства. Послѣднее, обладая болѣе обширными матеріала въ познаніи мѣстныхъ условій, болѣе правильною перспективою і оцѣнкѣ интересовъ отдѣльныхъ уѣздовъ и всей губерніи, може или обставить ходатайство солидною мотивировкою, или высказа по поводу его заключеніе, цѣнное съ точки зрѣнія общихъ ин ресовъ. Участіе его въ разсмотрѣніи ходатайства уѣзднаго земст не можетъ повредить дѣлу, разъ ходатайство это, во всякомъ сл чаѣ, дойдетъ до мѣста назначенія.

Въ настоящее время, по мѣрѣ появленія извѣстій о состоя шихся земскихъ собраніяхъ, доходятъ свѣдѣнія и о томъ, ка отозвались разныя земства на предложенные министерствомъ вну реннихъ дѣлъ вопросы. Такъ *саратовское земство* категорическ высказалось за устраненіе волостныхъ старшинъ и писарей о участія въ качествѣ земскихъ гласныхъ въ засѣданіяхъ земски собраній и за желательность предоставленія уѣзднымъ земства права непосредственнаго, помимо губернскаго земскаго собрані возбужденія передъ правительствомъ ходатайствъ о мѣстныхъ по заахъ и нуждахъ.

Харьковское губернское земское собраніе высказалось по всѣ предложеннымъ вопросамъ въ слѣдующемъ смыслѣ: По перво вопросу оно высказалось за оставленіе существующаго законоп ложенія о г. Харьковѣ по отношенію къ уѣздному земству. І второму затронутому министерствомъ вопросу оно нашло, что о вобожденіе отъ участія въ земскихъ собраніяхъ, въ качествѣ зе скихъ гласныхъ, можетъ быть распространено только на волос ныхъ писарей, участіе-же въ засѣданіи старшинъ не будетъ с пряжено съ нарушеніемъ интересовъ службы по прямой и обязанности. Выражено также собраніемъ желаніе объ измѣнені ст. 120 пол. о зем. учр. въ смыслѣ предоставленія земскимъ собр ніямъ самимъ избирать заступающихъ мѣсто предсѣдателей зе

скихъ управъ. Признано желательнымъ обязательное допущеніе въ число губернскихъ гласныхъ всѣхъ предсѣдателей уѣздныхъ управъ, но съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы положенное число губернскихъ гласныхъ отъ уѣздныхъ собраній осталось безъ измѣненія. Собраніе высказалось также за измѣненіе статей земскаго положенія, затронутыхъ двумя остальными вопросами министерства, т. е., во-первыхъ, въ смыслѣ предоставленія уѣзднымъ земствамъ права непосредственнаго (помимо губернскаго земскаго собранія) возбужденія предъ правительствомъ ходатайствъ о мѣстныхъ нуждахъ и пользахъ и, во-вторыхъ, въ смыслѣ предоставленія права лицамъ, проживающимъ внѣ предѣловъ уѣзда, вмѣсто личной явки въ избирательное собраніе, присылать письменныя заявленія о желаніи своемъ вступить въ число гласныхъ. Попутно съ этимъ постановлено также возбудить ходатайство и объ измѣненіи 68 ст. зем. пол. въ смыслѣ предоставленія права губернаторамъ разрѣшать созывы экстренныхъ или чрезвычайныхъ собраній безъ предварительнаго испрошенія разрѣшенія у министерства внутреннихъ дѣлъ.

Нигдѣ земство не испытываетъ въ такой мѣрѣ все неудобство принципа, на которомъ построено новое земское положеніе, т. е. преобладающаго значенія дворянскаго элемента, какъ въ крестьянскихъ губерніяхъ, напр., Вятской или Пермской. Хотя по отношенію къ нимъ въ положеніи и допущены нѣкоторыя отступленія отъ общихъ основаній, но далеко не настолько значительныя, чтобы населеніе не испытывало стѣсненій въ представительствѣ своихъ нуждъ и интересовъ. Вынужденное искать лучшихъ представителей въ узкомъ кругѣ лицъ, по закону имѣющихъ на то право, земство подчасъ очень затруднено въ созданіи желательнаго подбора въ составѣ земскихъ гласныхъ, подбора, который могъ бы достаточно энергично и сознательно продолжать ту широкую и разнообразную культурную работу, которая давно уже выдвинула эти земства изъ ряда другихъ. Здѣсь съ особой наглядностью выясняется необходимость расширенія правъ крестьянскаго представительства. По этому поводу вятская газета высказываетъ слѣдующія любопытныя соображенія.

«Исторія вятскихъ земствъ, гдѣ крестьянскій элементъ всегда преобладалъ, представляетъ любопытные и поучительные примѣры того, какъ одно и то же земство относилось особенно чутко къ народнымъ нуждамъ при одномъ составѣ гласныхъ, и совершенно иначе—при другомъ; такіе примѣры даетъ намъ исторія котельническаго, уржумскаго и въ особенности малмыжскаго земства. Правда, наибольшее вліяніе на ходъ земскихъ дѣлъ до сихъ поръ оказывали преимущественно представители частнаго землевладѣнія и городовъ, но несомнѣнно, что такое явленіе должно быть признано временнымъ: пока крестьянство не будетъ посылать отъ себя въ земскіе гласные людей, если не одинаковаго образованія съ пред-

ставителями отъ частновладѣльцевъ, то, во всякомъ случаѣ, не менѣе ихъ самостоятельныхъ, понимающихъ интересы крестьянства и всегда готовыхъ постоять за нихъ. Появленіе въ земствѣ такихъ представителей отъ крестьянства является особенно настоятельнымъ въ послѣднее время, въ виду все болѣе и болѣе возрастающихъ земскихъ сборовъ, въ виду направленія самой дѣятельности земства преимущественно на экономическую жизнь деревни. Прежде крестьяне выбирали въ гласные преимуществено богатѣевъ деревни, торговцевъ, промышленниковъ, часто содержателей питейныхъ заведеній, не справляясь о томъ, насколько эти лица заботятся въ земствѣ объ ихъ интересахъ. Нужно-ли говорить, что это не лучшіе представители крестьянства и ужъ, во всякомъ случаѣ, худшіе элементы въ земствѣ. При выборѣ этихъ лицъ сходы руководствуются больше тѣмъ соображеніемъ, что несеніе обязанностей гласнаго сопряжено съ порядочными расходами на проживаніе въ городѣ, что для заурядного крестьянина представляется не всегда по силамъ. Это препятствіе къ выбору людей бѣдныхъ, но достойныхъ и облекаемыхъ довѣріемъ волости, можетъ быть легко устраняемо назначеніемъ такимъ гласнымъ на время проживанія ихъ въ городѣ пособій изъ мірскихъ суммъ, что давно практикуется многими сельскими и волостными сходами, сознающими всю важность имѣть своихъ представителей въ земствѣ». (В. Кр. № 30).

Между тѣмъ, нигдѣ въ такой мѣрѣ деревня не имѣла возможности оцѣнить значеніе земства для всѣхъ сторонъ культурной и экономической жизни, какъ именно здѣсь. «Кажется, трудно найти хотя бы одну какую-нибудь сторону въ экономической жизни деревни, которой бы не коснулись заботы земства. Помимо обязательныхъ заботъ его относительно разнообразныхъ повинностей, какая масса совершенно новыхъ учрежденій, направленныхъ къ улучшенію матеріальнаго, умственнаго и нравственнаго развитія, дана земствомъ въ деревнѣ: школы, библіотеки и чтенія, больницы и пріемные покои, земская почта, ветеринарія, агрономія, кустарничество, деревенскія пожарныя депо, распланированіе селеній и пр. и пр.»

Заинтересованное въ томъ, чтобы найти людей достаточно способныхъ вести это постоянно прогрессирующее и сложное земское дѣло, населеніе беретъ ихъ тамъ, гдѣ находитъ. На этой-то почвѣ произошелъ въ Вятской губерніи инцидентъ, какъ нельзя лучше характеризующій ненормальность дѣйствующаго земскаго положенія въ примѣненіи къ условіямъ жизни и ея требованіямъ.

1-го іюля происходило избирательное собраніе Малмыжскаго уѣзднаго земства. На собраніе явилось почти небывалое количество землевладѣльцевъ и управляющихъ имѣніями. Для Вятской губерніи существуетъ въ законѣ изъятіе, допускающее, въ случаѣ отсутствія землевладѣльца изъ мѣста жительства, замѣну его управляющимъ, вообще лицомъ, представившимъ отъ владѣльца довѣренность на

управленіе его имѣніями. Правомъ этимъ пользовались довольно широко во многихъ уѣздахъ Вятской губерніи. И надо замѣтить, что земское дѣло отъ этого не только не страдало, но чаще выигрывало. Въ составѣ земскихъ собраній управляющіе являлись элементомъ наиболѣе образованнымъ и дѣятельнымъ; имъ въ значительной степени нѣкоторые уѣзды обязаны всѣмъ, что осуществлено въ нихъ лучшаго изъ цѣлаго ряда земскихъ мѣропріятій; они избирались въ разныя должности, даже предсѣдателей земскихъ управъ. Авторъ корреспонденціи въ «Новое время» пишетъ, что въ лицѣ этихъ гласныхъ «въ средѣ земцевъ появились бывшіе волостные писаря, чиновники, фармацевты, ветеринары, недоучившіеся семинаристы и т. п. господа, не платящіе ни копѣйки земскихъ налоговъ и не имѣющіе ничего общаго съ интересами землевладѣнія». Что образовательный уровень «управляющихъ» далеко не столь низокъ, какъ то пишетъ корреспондентъ газеты, показываетъ уже то обстоятельство, что изъ числа ихъ могли быть избираемы предсѣдатели управъ, тогда какъ въ трехъ управахъ губерніи въ послѣднее время предсѣдатели были назначенные, за отсутствіемъ въ составѣ земскихъ собраній лицъ съ правами на государственную службу. Да и съ увѣренностью можно сказать, что иной образованный ветеринаръ или даже бывшій волостной писарь можетъ оказаться болѣе на мѣстѣ, болѣе полезенъ на земской службѣ, чѣмъ уклоняющійся отъ земской службы хотя бы и родовитый землевладѣлецъ.

Какъ бы то ни было, на малмыжскомъ избирательномъ съѣздѣ въ числѣ 14 представителей отъ крупнаго землевладѣнія явилось 6 управляющихъ имѣніями по довѣренностямъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, и трое изъ нихъ были избраны въ земскіе гласные. Но этому предшествовалъ слѣдующій эпизодъ.

«Одинъ изъ гласныхъ, г. Вушковъ, заявилъ собранію, что присутствіе въ немъ нѣкоторыхъ лицъ, какъ напримѣръ, *члена земской управы* И. Н. Сырнева, онъ считаетъ незаконнымъ, потому что Сырневъ снабженъ лишь фиктивною довѣренностью, на самомъ же дѣлѣ никакимъ имѣньемъ не управляетъ; то же относится и къ П. А. Голубеву (извѣстный публицистъ и знатокъ мѣстной жизни) и нѣкоторымъ другимъ.

Предсѣдатель собранія призналъ, однако, всѣ довѣренности, кромѣ одной, имѣющими законную силу и допустилъ явившихся лицъ къ баллотировкѣ. К. А. Юшковъ, поддерживая заявленіе Вушкова, возражалъ, что допущеніе въ среду земскихъ гласныхъ неплательщиковъ, незнакомыхъ съ мѣстными условіями и владѣющихъ лишь фиктивными довѣренностями, противорѣчитъ духу законодательства и самой идеѣ земскаго самоуправленія, что земскіе налоги, благодаря вліянію такихъ земцевъ, незаинтересованныхъ въ платежахъ, растутъ прогрессивно, достигая ни съ чѣмъ несообразныхъ размѣровъ, что реклама и погоня за прогрессомъ

во что бы то ни стало—не дѣло земства». (Кам. Вол. ; Кр. № 467).

Заявленіе г. Юшкова было занесено въ журналъ, послѣ чего послѣдовали выборы, на которыхъ, однако, оказались избранными указанныя имъ лица. Самъ К. А. Юшковъ не баллотировался, нѣкоторые изъ землевладѣльцевъ были забаллотированы, а другіе, какъ напр., Л. Юшковъ, Г. Утямишевъ, А. Зайцевъ, не явились на выборы ни лично, ни черезъ управляющихъ.

Протестъ группы заболлатированныхъ, во главѣ которыхъ стоялъ К. Юшковъ, не остался безъ послѣдствій. Губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе кассировало выборы земскихъ гласныхъ по Малмыжскому уѣзду, признавъ довѣренности участвовавшихъ на съѣздѣ управляющихъ фиктивными. Какимъ образомъ это было установлено, входитъ-ли въ законныя обязанности присутствія разсмотрѣніе этого вопроса не только съ формально-юридической стороны, но и по существу, чѣмъ руководствовалось производившееся при этомъ административное дознаніе, была ли опрошена сторона въ этомъ дѣлѣ наиболѣе заинтересованная, сами управляющіе и ихъ довѣрители,—все это вопросы, имѣющіе въ дѣлѣ существенное значеніе.

5 сентября состоялись новые выборы, взамѣнъ отмѣненныхъ. Однако, забаллотированные прежде землевладѣльцы, тщетно добивающіеся вотъ уже третье трехлѣтіе вернуть свои прежнія позиціи около земскаго пирога, напрасно праздновали свою побѣду надъ «новыми людьми». Правда, на съѣздѣ не было ни одного управляющаго, баллотировались одни землевладѣльцы, но протестанты ничего не выиграли. Выбраны были старые гласные, а вмѣсто трехъ лишенныхъ этого права И. Ѳ. Сырнева, П. А. Голубева и О. А. Забудскаго, были выбраны ихъ довѣрители А. П. Сырневъ, П. А. Шкляевъ и И. А. Батуевъ. Выборы дали тѣ же результаты, только, вслѣдствіе лишенія права управляющихъ, явились сами землевладѣльцы (В. Кр. № 107).

Однако, описанный случай въ Малмыжскомъ земствѣ произвелъ сильное и удручающее впечатлѣніе на прочія уѣздныя земства губерніи, гдѣ контингентъ управляющихъ въ составѣ земскихъ собраній значителенъ. Явленіе это—отчасти неизбѣжное въ виду абсентеизма мѣстныхъ землевладѣльцевъ и большею частью приносящее дѣлу одну пользу, такъ какъ именно изъ среды этихъ управляющихъ почерпаются интеллигентныя силы земства. Участіе этихъ «новыхъ людей» въ земскомъ дѣлѣ создало тѣ блестящіе результаты, которые были признаны самимъ правительствомъ въ лицѣ министерства земледѣлія, и рекомендуются въ примѣръ земствамъ другихъ губерній. Можно-ли пожелать, чтобы на смѣну этой живой и плодотворной дѣятельности возвратились времена прежняго земскаго хозяйствованія, ознаменованныя самымъ безце-

ремонинымъ расхищеніемъ земскаго имущества и полнымъ небреженіемъ общественнаго интереса. (см. Кам. Волжск, Кр. № 472).

Само по себѣ возрастающее вліяніе и участіе этихъ новыхъ людей въ земствѣ, какимъ бы путемъ они труда ни проникали, знаменуетъ лишь неудовлетворительность существующихъ основаній земской организаціи, при которой наиболѣе полезныя и дѣятельныя силы могутъ находить доступъ къ общественному дѣлу лишь путями окольными и спорными. И, безъ сомнѣнія, бороться здѣсь съ злоупотребленіями слѣдуетъ не съ помощью таинственно производимыхъ дознаній, а путемъ преобразованія самой земской организаціи съ тѣмъ, чтобы приблизить ее къ потребностямъ жизни и включить на законномъ основаніи въ кругъ земской дѣятельности всѣ способныя и ищущія примѣненія мѣстныя силы.

Есть въ нашемъ отечествѣ такіе благодатные уголки, гдѣ вы, какъ въ фокусѣ, можете наблюдать всѣ характерныя особенности нашей современной общественной жизни. Однимъ изъ такихъ уголковъ является село Павлово, этотъ «Русскій Шеффильдъ», какъ назвалъ его еще въ 70-хъ годахъ П. Д. Боборыкинъ, центръ сталеслесарнаго производства обширной округи на границѣ Нижегородской и Владимірской губерній, старинное, большое кустарное село, гдѣ и въ настоящее время, подъ непрерывный стукъ молотковъ и визжаніе пилъ, кустарное—преимущественно замочное—производство борется съ надвигающейся на него конкурренціей фабрики, проникшей и въ эту отрасль промышленности. На этотъ разъ, однако, мы будемъ говорить не о типичной молчаливой и упорной борьбѣ, издавна разрывающей его населеніе на двѣ неравныя по численности и силѣ группы: закабаленныхъ кустарей и обладателей рынка и регуляторовъ производства—скупщиковъ,—не о вопіющей нищетѣ большинства этого люда, сжатаго въ когтяхъ жадной эксплуатаціи. Наше вниманіе привлекаетъ общественная жизнь этого—скорѣе похожаго на городъ — села, кипучая общественная жизнь, включенная, однако, до сихъ поръ въ рамки сельскаго самоуправленія.

Павловскія общественныя дѣла уже не въ первый разъ обращаютъ на себя вниманіе печати. Въ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ вся читающая газеты Россія слѣдила за перипетіями ожесточенной борьбы, которая шла между старшиной кустарей, Ворыпаевымъ, человѣкомъ суровымъ и энергичнымъ, опиравшимся на симпатіи павловской голытьбы, и партіею мѣстныхъ богачей и ихъ сторонниковъ. Взаимнымъ ожесточеніемъ и многими несправедливостями отмѣчена эта борьба, затихшая не ранѣе того, какъ общество сознало, наконецъ, весь вредъ, причиненный его интересамъ продолжительной неурядицей, и съ устраненіемъ Ворыпаева отъ старшинства ослабѣлъ режимъ личнаго усмотрѣнія и фактической безотчетности въ общественныхъ дѣлахъ. Съ этихъ поръ—съ 1883 г.—въ

обществѣ установилось обыкновеніе избирать въ помощь и д
неніе волостному начальству особыхъ уполномоченныхъ для н
денія за ходомъ общественнаго дѣла и для завѣдыванія раз
сторонами общественнаго хозяйства. Мѣра эта не только п
лась, но и оказалась весьма благотворной: общественное хозя
было приведено въ относительный порядокъ, доходы стали б
увеличиваться, достигши въ 1896 г. 30,000 руб., иниціатива у
номоченныхъ проводила съ согласія схода одну общеполезную
за другой. И въ настоящее время село Павлово имѣетъ чѣмъ
диться: это село, въ которомъ каждый годъ приноситъ что-
капитальное въ общественномъ благоустройствѣ, которое содер
своего общественнаго врача, гдѣ существуютъ два общества—
тарное попечительство и общество трезвости, открыта общест
ная безплатная библіотека-читальня, наконецъ издается, хотя
скромномъ видѣ, мѣстный органъ: «Дѣйствія органовъ павлов
крестьянскаго общества», предающій гласности всѣ постановле
и матеріалы по общественному управленію. Наконецъ, постоян
вниманіе привлекаетъ къ себѣ кустарная артель с. Павлова, с
занная съ именемъ ея основателя А. Г. Штанге, какъ поучите
ный опытъ введенія артельнаго начала въ кустарное производс
и характерный примѣръ дѣятельности одного изъ числа такъ н
«культурныхъ одиночекъ».

И вотъ, не смотря на всѣ эти наглядныя проявленія живой
прогрессирующей общественности, послѣднія событія въ жи
с. Павлова обнаружили какое-то странное недовольство тѣми
мыми нововведеніями, которыми Павлово выдѣлилось изъ р
другихъ селъ, и дѣятелями, стоящими во главѣ этихъ нововве
ній; какое-то обидное непониманіе со стороны не только отдѣ
ныхъ лицъ, но нѣкоторой группы населенія, дѣйствительны
общественныхъ интересовъ. На 22 іюня въ Павловѣ бы
созванъ сельскій сходъ. Сходы въ Павловѣ по ихъ многочисле
ности созываются не болѣе двухъ—трехъ разъ въ годъ. Представь
себѣ тысячную толпу, которая тѣснится у крыльца воло
ного правленія, съ высоты котораго волостное начальство читае
общественникамъ свои указы и постановленія и ставитъ вопрос
разрѣшаемые шумнымъ голосованіемъ. Здѣсь же даютъ свои об
ясненія всѣ лица, уполномоченныя обществомъ или имѣющія
нему какое-либо отношеніе. По отсутствію достаточно обширна
помѣщенія сходъ не можетъ собираться въ зимнее время, лѣто
ему мѣшаетъ ярмарка, куда уѣзжаютъ многіе домохозяева куста
и торговцы, и поэтому сходы чаще всего созываются въ маѣ, ію
и сентябрѣ. До схода 22 іюня общество не созывалось съ сентяб
прошлаго года, важныхъ вопросовъ накопилось много, и естестве
но, что общество съ большимъ нетерпѣніемъ ожидало созыва сход
И сходъ оказался крайне многолюднымъ: явилось 979 домохозяе
(для дѣйствительности схода требуется $^2/_3$ всѣхъ домохозяев

общества). Къ назначенному времени къ двумъ часамъ дня—народъ потянулся со всѣхъ концовъ села на волостной дворъ, куда, кромѣ волостнаго начальства и уполномоченныхъ общества, явились мѣстный земскій начальникъ В. Д. Обтяжновъ, исправникъ, представители губернскаго земства, осуществляющаго въ настоящее время въ Павловѣ рядъ мѣропріятій, направленныхъ къ поддержанію и развитію мѣстныхъ промысловъ. Сходъ, открывшійся въ 2 часа окончился не раньше 8½ час. вечера и прошелъ такъ бурно и безпорядочно, какъ давно уже не бывало въ Павловѣ. Появившаяся вскорѣ послѣ схода корреспонденція въ «Нижегородскомъ Листкѣ» (№ 176) приписываетъ безпорядочное поведеніе и неожиданныя постановленія схода вліянію сплотившейся вокругъ крыльца волостного правленія группы крикуновъ, которая оглушающимъ крикомъ рѣшала всѣ дѣла, тогда какъ остальные участвующіе отошли въ сторону и мнѣніемъ ихъ не интересовались. Такъ это или нѣтъ, но, очевидно, что предсѣдатель схода—волостной старшина не съумѣлъ ввести должный порядокъ въ многолюдное собраніе, хотя звонокъ его—«большой поддужный колокольчикъ», какъ говоритъ одна изъ корреспонденцій, не переставалъ звонить, призывая къ порядку возбужденную толпу. При рѣшеніи одного изъ вопросовъ,—о постройкѣ дома Ворыпаева (однофамилецъ бывшаго старшины) на общественной землѣ, по которому возникло на сходѣ разногласіе, сходъ нѣсколько разъ дѣлили на двѣ части протянутой веревкой, мѣняя постановку вопроса и тѣмъ внося, очевидно, еще большее смущеніе въ толпу. Сходъ высказался подавляющимъ большинствомъ въ пользу Ворыпаевыхъ. Но если-бы дѣло ограничилось фактомъ безпорядка, господствовавшаго на сходѣ, въ этомъ не заключалось бы еще особой бѣды: мало-ли у насъ происходитъ думскихъ и земскихъ засѣданій, въ составѣ, гораздо менѣе многочисленномъ, притомъ изъ людей болѣе образованныхъ и обладающихъ, повидимому, навыкомъ вести себя въ обществѣ, и, однако, эти засѣданія не уступаютъ павловскому сходу по своей безпорядочности. Удручающее впечатлѣніе произвело на присутствующихъ отрицательное отношеніе схода къ такимъ предпріятіямъ, проводимымъ по иниціативѣ уполномоченныхъ, которыми, они считали, общество можетъ только гордиться, оскорбительныя выходки по ихъ собственному адресу, постановленія, въ которыхъ сказывалось какъ бы недовѣріе и недовольство ихъ дѣятельностью. Сходъ отказалъ въ испрашиваемой ассигновкѣ на покупку книгъ для библіотеки-читальни, на содержаніе особаго писца при уполномоченныхъ, неодобрительно отнесся къ организаціи контроля, введеннаго уполномоченными по сборамъ съ базарной площади, и когда шестеро уполномоченныхъ, видя въ отношеніи схода признаки недовѣрія къ ихъ дѣятельности, заявили просьбу уволить ихъ отъ общественной службы, сходъ принялъ ихъ отказъ среди шутокъ и оскорбительныхъ замѣчаній. Въ ходатайствѣ

А. Г. Штанге считаться представителемъ общества по кустарнымъ дѣламъ передъ земствомъ и прочими учрежденіями ему было не только отказано, но сходъ, выражая недовольство прежней дѣятельностью г. Штанге, потребовалъ уничтоженія и тѣхъ приговоровъ на ходатайства въ разныхъ учрежденіяхъ о нуждахъ кустарей, которые даны были г. Штанге въ 1890 и 1891 гг. Только послѣ увѣщанія земскаго начальника сходъ призналъ необходимымъ оставить за г. Штанге довѣренность на окончаніе ходатайства о клейменіи въ Павловѣ вѣсовыхъ коромыслъ. Ни г. Штанге, ни находившіеся на сходѣ представители земства не имѣли возможности за общимъ шумомъ высказаться по поводу касавшихся ихъ вопросовъ. Сходъ окончился, какъ мы уже упоминали раньше, въ девятомъ часу въ виду общаго утомленія, но все же половина дѣлъ, подлежавшихъ его разсмотрѣнію, осталась нерѣшенною.

Тягостное впечатлѣніе унесли многіе, уходя со схода. Однако, слѣдующій же сходъ, назначенный 6 іюля, показалъ, что общество и среди внѣшняго безпорядка и крайняго возбужденія предыдущаго схода поступало не такъ ужъ необдуманно и слѣпо. Вопросы, возбудившіе на сходѣ 22 іюня такое разногласіе, были пересмотрѣны, причемъ шума и безпорядка уже не было, и, однако, мнѣніе общества по нѣкоторымъ существеннѣйшимъ изъ нихъ осталось то же; уполномоченныхъ просили остаться, на что они и изъявили согласіе, въ дополненіе къ нимъ избрано еще 5 уполномоченныхъ, но дѣло о постройкѣ дома Ворыпаевыхъ, прошедшее, повидимому, среди общаго смятенія и возбужденія, было рѣшено подавляющимъ большинствомъ въ прежнемъ смыслѣ, а по поводу заявленія г. Штанге, большинствомъ 481 противъ 269 голосовъ было рѣшено подтвердить постановленіе объ уничтоженіи силы данныхъ ранѣе г. Штанге приговоровъ на ходатайство по кустарнымъ дѣламъ, и поручить это дѣло тремъ уполномоченнымъ членамъ общества. Затѣмъ сходъ послѣ преній принялъ безъ измѣненій почти всѣ доклады уполномоченныхъ объ общественныхъ дѣлахъ, напечатанные и разосланные къ сходу 22 іюня. Постановленіе объ организаціи базарныхъ сборовъ было отмѣнено.

Такъ или иначе, общественныя дѣла с. Павлова получили свое разрѣшеніе. Но отголоски поднятаго возбужденія еще даютъ себя знать, перейдя на страницы мѣстной нижегородской печати. Корреспонденція о сходѣ 22 іюня вызвала цѣлый рядъ писемъ въ редакцію «Ниж. Листка» и «Волгаря», выяснившихъ много интересныхъ сторонъ въ общественной жизни Павлова. Въ «Ниж. Листкѣ» (№ 187) появилось, переданное г. Штанге, письмо за подписью 11 кустарей домохозяевъ, пытавшееся съ одной стороны объяснить происхожденіе безпорядковъ и шума на сходѣ 22 іюня интригою сторонниковъ введенія въ с. Павловѣ городового положенія, поставившихъ себѣ цѣлью дискредитировать существующее сельское самоуправленіе; съ другой—выдвинувшее рядъ обвиненій

противъ коммиссіи уполномоченныхъ. Письмо это вызвало рядъ возраженій. Мы не имѣемъ ни возможности, ни нужды входить во всѣ частности, имѣющія чисто мѣстный интересъ. Можемъ сказать только, что въ своихъ разъясненіяхъ коммиссія уполномоченныхъ съ успѣхомъ удалось снять съ себя всѣ существенныя обвиненія, направленныя противъ нея. Вопросъ о введеніи городового положенія дѣйствительно волновалъ общество въ серединѣ семидесятыхъ годовъ, когда значительная часть домохозяевъ, чтобы избавиться отъ ожесточенной борьбы партій и господствовавшей неурядицы, просила министерство отдѣлить ихъ въ особое посадское управленіе, но получила отказъ. Съ тѣхъ поръ вопросъ этотъ пересталъ сосредочивать на себѣ вниманіе общества. Да и что выиграла бы масса павловскаго населенія, еслибы его самоуправленіе было облечено въ формы теперешняго городового положенія, съ его высокимъ имущественнымъ цензомъ, узкимъ представительствомъ и стѣснительной формалистикой? Однако, отказавшись отъ мысли о городскомъ управленіи, общество с. Павлова въ виду сложности его хозяйства и общественныхъ интересовъ, не сочло возможнымъ ограничиться рутиною существующаго волостного и сельскаго управленія. Опытъ указалъ, что необходимо было создать между тысячнымъ сходомъ и волостнымъ правленіемъ для объединенія ихъ работы особыхъ выборныхъ, съ полномочіемъ рѣшать мелкія дѣла окончательно, а крупныя дѣла въ разработанномъ видѣ представлять на разрѣшеніе и утвержденіе схода; это вызвано еще тѣмъ обстоятельствомъ, что волостное правленіе завалено множествомъ дѣлъ бумажныхъ, денежныхъ, помимо хозяйственныхъ. Мѣра эта—избраніе уполномоченныхъ—выдвинута жизнью и привилась въ Павловѣ, среди нихъ постоянно проявляется живая инниціатива, примѣры которой въ Павловѣ всѣмъ извѣстны.

Въ своемъ объясненіи по поводу обращенныхъ противъ нихъ обвиненій уполномоченые слѣдующимъ образомъ характеризуютъ свое положеніе. «Уполномоченные въ своихъ дѣйствіяхъ руководствуются приговоромъ 11 октября 1895 года, который былъ напечатанъ въ первомъ выпускѣ «Дѣйствій Общества» за октябрь 1895 г.; въ немъ указанъ кругъ вѣдѣнія уполномоченныхъ, и, по его смыслу, они не входятъ въ составъ волостного правленія и не подчинены ему, составляя особый органъ съ предсѣдателемъ. Постановленія уполномоченныхъ записываются въ книгу и затѣмъ печатаются къ свѣдѣнію всѣхъ домохозяевъ; поэтому общество знаетъ, что они дѣлаютъ и вовсе не является «неправильнаго раздѣленія отвѣтственности» между уполномоченными и правленіемъ. Часть дѣлъ (сдача арендныхъ статей, необходимые расходы, судебныя дѣла и пр.) предоставлено приговоромъ 1895 г. уполномоченнымъ рѣшать окончательно; крупные же вопросы всегда представляются на утвержденіе схода. «Дѣйствія Общества» выходятъ ежемѣсячно и раздаются всѣмъ домохозяевамъ села Павлова; это первый въ Россіи

органъ сельскаго управленія, основавшійся по иниціативѣ уполномоченныхъ, одобренный сходомъ и надзирающими за крестьянскимъ самоуправленіемъ лицами и учрежденіями; онъ существуетъ съ октября 1895 года до сихъ поръ».

Сторонники упраздненія уполномоченныхъ въ Павловѣ предлагаютъ замѣнить ихъ выборными отъ десятковъ, на которые дѣлится Павлово, съ тѣмъ, чтобы поручить имъ разсматривать всѣ подлежащіе рѣшенію схода вопросы и докладывать ихъ сходу. Но оказывается, что Павлово въ своихъ поискахъ за болѣе усовершенствованными пріемами веденія общественныхъ дѣлъ прибѣгало и къ этой мѣрѣ. «Выборные отъ десятковъ, говоритъ авторъ «Павловскихъ писемъ» въ «Волгарѣ» уже давно знакомы павловскому обществу; они избирались въ 1887, 1890 и 1891 гг. въ числѣ 65 человѣкъ, по одному отъ двухъ десятковъ, для обложенія проживающихъ въ Павловѣ лицъ, провѣрки отчета и др. дѣлъ; по своей многочисленности они едва справлялись съ своей задачей. И теперь существуютъ по приговору 8 мая 1896 г. выборные по одному отъ десятка для составленія инструкцій выборнымъ лицамъ общества; они собирались только одинъ разъ 9 іюня 1896 г. и далеко еще не выполнили свою задачу». Что же касается ознакомленія общественниковъ съ текущими дѣлами, то, какъ справедливо указываютъ, эта задача вполнѣ успѣшно достигается изданіемъ «Дѣйствій органовъ Павловскаго управленія».

На общемъ фонѣ павловской жизни есть еще нѣкоторыя частности, не менѣе поучительныя, и которыя мы не можемъ обойти молчаніемъ. Многихъ изъ нашихъ читателей долженъ поразить неожиданностью фактъ отмѣны вѣрительныхъ приговоровъ, выданныхъ павловскимъ обществомъ А. Г. Штанге на веденіе имъ общественныхъ ходатайствъ по кустарнымъ дѣламъ. Дѣятельность А. Г. Штанге, созданіе и ростъ основанной по его иниціативѣ «павловской кустарной артели», не разъ отмѣчались на страницахъ печати. Въ объясненіе причинъ того отношенія общества къ дѣятельности г. Штанге, которое выразилось въ постановленіяхъ схода, корреспондентъ «Волгаря» пишетъ, что г. Штанге сдѣлалъ большую ошибку, избравши спеціальностью устроенной имъ артели ножевое производство и давъ заработокъ ножевщикамъ муромскаго уѣзда, заработокъ которыхъ выше замочниковъ. Павловскіе кустари замочники остались въ сторонѣ. Тогда же по предложенію г. Штанге павловскій сходъ далъ ему приговоры для «ходатайства о нуждахъ павловскихъ кустарей»; намѣчались ходатайства о казенномъ складѣ желѣза, о ломбардѣ, торгово-коммиссіонномъ агентствѣ, клейменіи вѣсовыхъ коромысловъ въ пользу общества и проч. Прошло 7 лѣтъ. Кромѣ училища, на помощь павловскому кустарному району пришло губернское земство и устроило въ Павловѣ складъ желѣза и образцовую замочную мастерскую, а въ сосѣднемъ Тумботинѣ—образцовую личильню. А «уполномочен-

ный по кустарнымъ дѣламъ» г. Штанге не потрудился въ теченіе этого времени сообщить сходу, гдѣ и кѣмъ возбуждены порученныя ему ходатайства, на что можно расчитывать кустарямъ; когда въ 1892 г. въ печати былъ высказанъ упрекъ, что уполномоченные по кустарнымъ дѣламъ за два года никакого доклада сходу не представили, то г. Штанге промолчалъ; онъ не воспользовался почему-то для извѣщенія общественниковъ «Дѣйствіями общества», издающимся съ 1895 года, даже послѣ приговора схода 26 сентября 1896 года, которымъ вмѣнялось въ обязанность всѣмъ выборнымъ общества давать свѣдѣнія для напечатанія въ «Дѣйствіяхъ».

Если все это справедливо, то павловскій сходъ имѣлъ основаніе выбрать другихъ уполномоченныхъ изъ своей среды. Что г. Штанге, дѣйствительно, не считаетъ общество вполнѣ компетентнымъ въ вопросахъ, повидимому, непосредственно его касающихся, указываетъ фактъ, имѣвшій мѣсто уже послѣ схода 22 іюня. 27 іюля г-мъ Штанге было подано въ мѣстное кустарное попечительство, состоящее подъ предсѣдательствомъ земскаго начальника, заявленіе 23 «кустарей-домохозяевъ», въ которомъ они предлагаютъ попечительству просить губернское земство сообщить о своихъ мѣропріятіяхъ въ Павловѣ *не сходу*, а попечительству.

Г. Штанге-замѣтный представитель личной иниціативы въ общественномъ дѣлѣ. Личная иниціатива—дѣло хорошее, но плодотворность ея примѣненія всегда обусловливается отношеніемъ къ окружающей средѣ, степенью признанія правъ самого общества. Считался-ли г. Штанге, основовывая въ с. Павловѣ ножевую артель, съ дѣйствительными интересами общества; считался-ли съ вполнѣ законнымъ желаніемъ его знать о судьбѣ порученныхъ ему ходатайствъ; сосредоточивъ свое главное вниманіе на развитіи и процвѣтаніи кустарной артели, въ значительной степени чуждой павловскимъ интересамъ, замѣтилъ-ли онъ ростъ общественнаго сознанія въ окружающей средѣ, ея болѣе широкіе запросы и требованія? Если нѣтъ, то онъ пожинаетъ въ постановленіяхъ павловскаго схода плоды преувеличеннаго мнѣнія объ исключительномъ значеніи «личныхъ усилій».

Не далѣе, какъ въ прошломъ мѣсяцѣ мы приводили случай, какъ въ Малмыжскомъ уѣздѣ становой приставъ занимался разборомъ книгъ въ сельскихъ библіотекахъ-читальняхъ со стороны возможности разрѣшить ихъ къ обращенію. При этомъ къ числу книгъ, признанныхъ запрещенными для сельскихъ библіотекъ-читаленъ, имъ были отнесены, между прочимъ, слѣдующія: Д. Соколова—«Священная исторія ветхаго и новаго завѣта» и «Ученіе о богослуженіи православной церкви», Невскаго—«Избранныя мѣста изъ твореній св. І. Златоуста» 2 выпуска, Фаррара—«Жизнь І. Христа», «Сокровище духовное св. Тихона Задонскаго», Пушкина—«Русланъ и Людмила» и «Сказка о мертвой царевнѣ», Гоголя—«Старосвѣтскіе

помѣщики», Лубенца — «Сборникъ ариѳметическихъ задачъ», Малинина и Буренина — «Руководство алгебры» и друг. (Рус. Вѣд.).

А въ сосѣдней Пермской губерніи цензура простирается не только на книги, но и на пѣсни и прочія увеселенія. Такъ, по сообщенію корреспондента «Биржевыхъ Вѣдомостей», въ с. Березовскомъ Пермской губерніи мужикамъ строго «воспрещается пѣть не только по улицамъ, а и въ комнатахъ, во дворахъ. Чуть кто запѣлъ, сейчасъ же уголовная отвѣтственность и штрафы, штрафы. Но при этомъ штрафуютъ не только поющихъ, но и отъ роду не пѣвшихъ и неумѣющихъ пѣть — только по подозрѣнію! И вотъ на почвѣ этого запрещенія разыгрываются слѣдующія происшествія: Разъ вечеромъ попечитель училища, мѣстный крестьянинъ, человѣкъ трезвый, тихій, никогда нигдѣ не судившійся, отправился со своей женой (вовсе неспособной къ пѣнію) къ знакомымъ въ гости. Знакомые были навеселѣ и затянули пѣсни въ концѣ села. Попечитель уговаривалъ ихъ не пѣть. Гости его не послушали и продолжали пѣть. Встрѣчается урядникъ со стражниками и останавливаетъ ихъ. Пѣвцы извиняются, заявляютъ, что пѣли не всѣ, и ихъ отпускаетъ урядникъ. Прошло довольно много времени послѣ этого событія, какъ вдругъ урядникъ, должно быть, получившій внушеніе, призываетъ одного изъ пѣвшихъ и спрашиваетъ, кто съ нимъ тогда ѣхалъ. Обвиняемый называетъ, но не всѣхъ. Урядникъ—въ волостной судъ. На судѣ заявленіе, что не всѣ пѣли и не всѣ умѣютъ пѣть, — въ разсчетъ не принято. Постановлено взыскать со всѣхъ по 3 рубля. Попечитель тоже оштрафованъ».

На ряду съ пѣснями въ Березовскомъ запрещены были и народныя гулянія, по мѣстному игрища, по мнѣнію начальства только развращающія народъ.

Та же газета, откуда почерпаемъ мы приведенный фактъ, считая его не единичнымъ, находитъ не лишнимъ сообщить, что подобныя воспрещенія полицейскими урядниками пѣть на улицахъ селеній пѣсни вполнѣ беззаконны. Еще въ 1879 году до министерства внутреннихъ дѣлъ стали доходить свѣдѣнія о воспрещеніи урядниками изстари установившихся игрищъ, сопровождаемыхъ музыкою, пѣніемъ или танцами молодыхъ людей крестьянскаго сословія. Вслѣдствіе этого, г. министръ циркуляромъ по департаменту полиціи отъ 23 октября 1879 г. за № 105 предложилъ гг. губернаторамъ сдѣлать чинамъ полиціи соотвѣтствующія указанія, такъ какъ такое воспрещеніе, не принося никакой пользы, можетъ лишь возбудить неудовольствіе и справедливыя жалобы со стороны сельскаго населенія. Распоряженіе это напечатано въ «Сборникѣ циркуляровъ и инструкцій министерства внутреннихъ дѣлъ» за 1879 годъ, стр. 277.

Благожелательная опека простирается не только на жизнь однихъ сельскихъ обывателей, ея не минуютъ и обыватели городскіе.

Такъ, изъ Ардатова Нижегородской губерніи пишутъ въ «Рус. Вѣд.», «что уѣздный исправникъ, «заботясь о благоустройствѣ города и желая придать ему болѣе красивый видъ», предложилъ домовладѣльцамъ «въ мѣсячный срокъ окрасить свои дома, заборы, выходящіе на улицу, и тумбы въ какую бы ни было краску». Тѣ дома, владѣльцы которыхъ добровольно не выкрасятъ ихъ, будутъ выкрашены за счетъ владѣльцевъ. Въ полученіи этого распоряженія съ домовладѣльцевъ взята росписка».

Не слѣдуетъ, однако, думать, что полицейская власть оказывается достаточно компетентной только въ области народной нравственности или городского благоустройства. Ей приходится подчасъ принимать на себя цензорскія обязанности даже въ такихъ тонкихъ вопросахъ, гдѣ недостаточно заурядваго знакомства съ исторіей искусства. «Такъ, послѣ того, какъ было воспрещено въ сценическихъ представленіяхъ изображать священные предметы и употреблять духовныя одѣянія, исправляющій должность рижскаго полиційместера предписалъ приставамъ, въ участкахъ которыхъ имѣются помѣщенія для театральныхъ представленій, немедленно лично осмотрѣть, совмѣстно съ завѣдующимъ декоративною частью театровъ, всѣ декораціи, изображающія внутренность храмовъ или наружные фасады, двери и портики оныхъ, и обязать театральныя администраціи подпиской о немедленномъ изъятіи изъ употребленія всѣхъ декорацій, изображающихъ священные лики, встрѣчающіеся, напримѣръ, въ операхъ «Фаустъ», «Лукреція Борджія» и др.» (Нов. Вр. № 7749).

Газета не безъ основанія замѣчаетъ, что запрещеніе, о которомъ говорится, относится только до предметовъ и изображеній православной религіи. Но поистинѣ не лишено интереса, что должна представлять собою постановка какой-нибудь оперы, въ родѣ напр. «Лукреція Борджія», послѣ строгой ревизіи, произведенной по отношенію къ ея декоративной части чинами рижской полиціи?

Съ другой стороны, чѣмъ болѣе, повидимому, усложняются обязанности полиціи по надзору и попечительству надъ разными сторонами обывательской жизни, тѣмъ чаще встрѣчаемъ мы извѣстія о неудовлетворительномъ выполненіи ею непосредственной ея задачи—предупрежденія и пресѣченія дѣйствительныхъ преступленій. Особенно страдаютъ отъ того окраины. Такъ, въ газетѣ «Сибирь» писали: «Изъ всѣхъ городовъ и селеній несутся вопли объ осадѣ ихъ ворами, грабителями и убійцами и о безсиліи администраціи въ должной мѣрѣ гарантировать безопасность жителей. Въ Канскѣ разбои стали обычнымъ явленіемъ, въ Енисейскѣ невозможно выйти на улицы вечеромъ безъ оружія. Въ Омскѣ проникаютъ въ дома, грабятъ, убиваютъ одинокихъ женщинъ въ ихъ домахъ и на пути къ вокзалу. Въ Томскѣ и Енисейскѣ шайки изъ 6 — 7 человѣкъ дѣлаютъ вооруженныя нападенія на дома, въ Иркутскѣ кражи и грабежи—хроническое явленіе, какъ и въ Красноярскѣ. Почти

въ каждой корреспонденціи отмѣчаются случаи возмутительнаго насилія. Трупы убитыхъ покрываютъ дороги. Въ Тельмѣ, напр., съ 2 іюля по 10 августа поднято 13 труповъ, а сколько еще не открытыхъ?.. Перевозка золота стала очень рискована: недавно, напр., убили 3 лицъ, сопровождавшихъ 3 пуда золота Витимско-Міуйскаго товарищества. Сибирь всегда отличалась небезопасностью жизни и имущества, но въ послѣднее время это явленіе приняло необычайные размѣры и, вѣроятно, еще не достигло своего полнаго развитія».

Вооруженные разбои и грабежи на Кавказѣ, совершаемые организованными шайками, достигли такихъ предѣловъ, что вызываютъ къ принятію исключительныхъ мѣръ. Недавно въ «Бирж. Вѣд.» появилось сообщеніе, что «въ виду развитія разбойничества въ Закавказьѣ *до размѣровъ эпохи мюридитовъ*, въ скоромъ времени предстоитъ въ Тифлисѣ съѣздъ губернаторовъ Закавказскаго края, съ цѣлью выработки мѣръ для искорененія разбойничества. Многіе одною изъ главныхъ причинъ указаннаго явленія считаютъ снятіе съ персидской и турецкой границъ казачьихъ постовъ и замѣну ихъ кордономъ пограничной стражи. Неудовлетворительность личнаго состава уѣздной полиціи также является установившимся фактомъ. Что развитію разбойничества на Кавказѣ, между прочимъ, способствуетъ и самая земская стража, на которой лежитъ преслѣдованіе грабителей, объ этомъ не разъ говорилось въ мѣстной прессѣ. Авторъ статьи, помѣщенной въ «Тифлисскомъ Листкѣ», подтверждаетъ, что матеріальное положеніе всадниковъ земской стражи до того плохо, что имъ приходится искать заработковъ на сторонѣ, чтобы кормить свою семью; въ виду-же того, что наиболѣе легкимъ заработкомъ является замалчиваніе и укрывательство преступниковъ, почти всѣ чины земской стражи прибѣгаютъ къ этому средству. Живущимъ въ Закавказьѣ извѣстно, что земская стража на воровство, пристанодержательство и другія преступленія смотритъ сквозь пальцы и считаетъ, что преслѣдованіе преступленія и преступниковъ въ кругъ ея обязанностей не входитъ, и каждый, поступая на мизерное жалованье въ земскую стражу, стремится обезпечить себя за счетъ населенія. Болѣе всѣхъ страдаютъ бѣдняки и мирное населеніе, которое, боясь административной волокиты, платитъ стражнику все, что можетъ, лишь-бы не подпасть подъ опалу урядника и подчиненныхъ ему всадниковъ.

Въ ту же газету пишутъ изъ Екатеринослава: «Новый екатеринославскій губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Баторскій, является первымъ лицомъ, обратившимъ свое вниманіе на тѣ безобразія, которыя творились у насъ. Первое, весьма важное и самое пріятное для жителей это, безъ сомнѣнія, замѣна прежняго екатеринославскаго полиціймейстера г. Сакса новымъ лицомъ. Обстоятельства, послужившія причиной отставки г. Сакса, крайне щекотливыя по своей сущности, хорошо извѣстны всѣмъ жителямъ Екатеринослава

и передаются изъ устъ въ уста. Полиція въ бытность г. Сакса полиціймейстеромъ представляла изъ себя что-то невозможное, поражающее и неподдающееся описанію. Простой людъ, возмущенный дѣйствіями городовыхъ, расправлялся съ ними кулакомъ: подобныя сцены можно было видѣть въ такомъ, напр. пунктѣ, какъ Озерной базаръ, почти каждое воскресеніе. Въ 8 и 9 часовъ вечера на Острожной и Александро-Невской площадяхъ непремѣнно что-нибудь да случалось въ родѣ грабежей, нападенія и пр.; сколько бы пострадавшій ни звалъ полицію, таковая не являлась, почему оставалось одно: и не звать и не обращаться къ ней въ этихъ случаяхъ». (№ 259)

Не лучше обстоитъ дѣло въ такомъ крупномъ и близкомъ къ административнымъ центрамъ пунктѣ, какъ Рига: «Драки, нападенія, грабежи и кражи, по словамъ кореспондента «Новаго Времени» (№ 7655), составляютъ столь же необходимую принадлежность рижскихъ предмѣстій, какъ невозможное антисанитарное состояніе ихъ.

«Едва ли кто повѣритъ, что въ иныхъ мѣстахъ рижскихъ окраинъ можно появляться только вооруженнымъ или въ обществѣ многихъ лицъ. Эти окраины кишатъ безшабашнымъ, пьянымъ людомъ, воровскими притонами, шайками бродягъ и грабителей. Спросятъ: а полиція что же дѣлаетъ? Дѣло въ томъ, что въ послѣдніе годы полиція больше всего заботилась о томъ, чтобы «происшествія» не становились достояніемъ гласности, «волнующей населеніе» и т. д. Лишь изъ ряда выходящіе случаи, какъ убійства въ самыхъ бойкихъ мѣстахъ, становились общеизвѣстными. Въ оправданіе рижской полиціи слѣдуетъ сказать, впрочемъ, что она очень малочисленна. Однако, дополняя фактъ крайней необезпеченности личности и имущества въ Ригѣ новыми данными, «Бирж. Вѣдомости» не видятъ въ этомъ достаточнаго оправданія. «Очень можетъ быть, пишетъ газета, что при большемъ штатѣ полиція успѣшнѣе боролась бы съ нарушителями общественной безопасности; но и при нынѣшнихъ условіяхъ, мнѣ кажется. дѣло могло-бы обстоять иначе. Вѣдь не мѣшаетъ же полиціи малочисленность ея штата дѣятельно заниматься ловлей по ночамъ евреевъ, вся вина которыхъ часто состоитъ лишь въ томъ, что они проводятъ ночь въ какомъ-либо домѣ, а не на берегу, гдѣ портовое начальство разрѣшаетъ евреямъ проживать лѣтомъ въ качествѣ сторожей, приказчиковъ и т. д. Облавы на евреевъ здѣсь производятся чуть-ли не каждую ночь, причемъ низшіе чины полиціи иногда довольно безцеремонно врываются въ спальни. Еслибы полиція съ такой же энергіей преслѣдовала убійцъ и грабителей, тогда, быть можетъ, не случалось бы такихъ несчастныхъ фактовъ, какъ дѣло о трехъ убійствахъ, разбиравшееся на-дняхъ въ рижскомъ окружномъ судѣ»

Недавно берлинская газета «Berliner Tageblatt» перепечатала слѣдующій приказъ и. д. рижскаго полиціймейстера: «Освѣдо-

мившись, что нѣкоторые постовые городовые отказываются отъ подачи помощи обывателямъ противъ злоумышленниковъ, въ чужихъ участкахъ, предписываю гг. приставамъ разъяснить лично подвѣдомственнымъ имъ нижнимъ чинамъ полиціи, что во всѣхъ случаяхъ опасныхъ и экстренныхъ (напримѣръ, грабежъ, убійство, нападеніе, кража, буйство) они обязаны оказывать содѣйствіе заявителямъ и внѣ своихъ участковъ» («Риж. В.»)

Приказъ рижскаго полиціймейстера является не лишнимъ для многихъ уголковъ нашего отечества. Оказывается, что типичными чертами будочника Мымрецова обладаютъ не только отдѣльныя личности, но и цѣлыя вѣдомства и управленія. Что имъ за дѣло до отчаяннаго зова человѣка, попавшаго въ руки грабителей на участкѣ имъ не подвѣдомственномъ: ихъ дѣло «блюсти порядокъ» лишь тамъ, куда они приставлены. А что такое понимается подъ «порядкомъ», примѣры тому мы видѣли раньше.

О. Б. А.

P. S. Въ сентябрьской книгѣ нашего журнала, въ хроникѣ (стр. 222), въ числѣ фактовъ, иллюстрирующихъ положеніе сельскихъ учителей, упомянутъ былъ случай съ учителемъ при станціи Брянскъ, который былъ выселенъ изъ учительской квартиры при обстоятельствахъ, описанныхъ корреспондентомъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», откуда мы заимствовали это извѣстіе. Считаемъ нужнымъ сообщить, что въ одномъ изъ послѣдующихъ №№ той-же газеты извѣстіе это было въ главнѣйшихъ чертахъ опровергнуто.

Два рабочихъ закона.

I.

Когда крѣпостной строй хозяйственной жизни падаетъ и трудъ дѣлается формально свободнымъ, превращаясь вмѣстѣ съ тѣмъ въ товаръ, продающійся и покупающійся на рынкѣ, отношенія между продавцами и покупателями этого товара, рабочими и хозяевами, опредѣляются ихъ взаимнымъ соглашеніемъ. Экономическая необходимость для рабочаго продавать свой трудъ заступаетъ мѣсто насилія крѣпостной эпохи. Обладаніе средствами производства, дѣлающее собственника распорядителемъ труда, замѣняетъ для него ту власть надъ личностью работника, которою онъ облеченъ при гос-

подствѣ несвободныхъ отношеній. Борьба интересовъ и соотношеніе силъ вступающихъ въ договоръ сторонъ опредѣляетъ содержаніе этого договора.

Однако, и при господствѣ «свободнаго договора» въ отношеніяхъ между нанимателями и нанимающимися, государство не остается обыкновенно безстрастнымъ зрителемъ того, какъ складываются эти отношенія. Разныя причины вызываютъ это вмѣшательство. Прежде всего надо замѣтить, что крѣпостной порядокъ никогда не ликвидируется сразу. Слѣды его остаются еще долго и при другомъ строѣ отношеній. Извѣстныя стороны этихъ отношеній попрежнему регулируются принудительными предписаніями власти наряду съ требованіями экономической необходимости. Затѣмъ къ авторитету и помощи этой власти аппелируютъ и обѣ заинтересованныя стороны. Ранѣе и настойчивѣе всего эти призывы къ власти идутъ отъ той стороны, которая, повидимому, должна бы считаться достаточно вооруженною и собственными силами. Только тогда, когда промышленность—городская или сельская—достигаетъ извѣстной степени развитія и твердо становится на ноги, только тогда представители капитала и землевладѣнія выдвигаютъ впередъ принципъ государственнаго невмѣшательства. До тѣхъ поръ они очень охотно прибѣгаютъ къ помощи властной руки для регулированія тѣхъ отношеній, которыя оказываются не состоятельными устроить сами. Особенно часто и долго мы встрѣчаемся съ этою тенденціею въ области промышленности сельской, гдѣ дольше сохраняются и остатки крѣпостныхъ порядковъ.

Такъ какъ имущіе классы вмѣстѣ съ тѣмъ обыкновенно и «правящіе классы», то ихъ домогательства не могутъ оставаться безъ вліянія на законодательство. Но и помимо поддержки тѣхъ или иныхъ классовыхъ интересовъ вмѣшательство государства въ область труда вызывается также потребностями другого характера—прежде всего интересами поддержанія порядка и общественнаго спокойствія. И здѣсь — особенно въ раннихъ періодахъ общественнаго и экономическаго развитія — чашка вѣсовъ склоняется естественно въ пользу болѣе сильной стороны: поддержаніе авторитета и дисциплины въ мастерской и въ частномъ хозяйствѣ считается однимъ изъ оплотовъ этихъ началъ и въ общественномъ строѣ. Въ извѣстныхъ случаяхъ, однако, тѣ же соображенія общественнаго порядка и безопасности подсказываютъ государству другое направленіе его вмѣшательства. Рядомъ съ мѣрами, такъ сказать, дисциплинарнаго свойства возникаютъ и мѣры, направленныя къ охранѣ труда и къ огражденію законныхъ интересовъ трудящагося класса. Эта позднѣйшая стадія рабочаго законодательства развивается и крѣпнетъ параллельно съ ростомъ тѣхъ общественныхъ группъ, въ пользу которыхъ оно направляется. Не одни интересы общественнаго спокойствія его поддерживаютъ. Здѣсь неизбѣжно отражаются и многія другія вліянія.

Все то, что ведетъ къ расширенію культурныхъ и правовыхъ задачъ государства, должно вести и къ расширенію его дѣятельности въ области охраны труда. Рабочее законодательство каждой страны выростаетъ, такимъ образомъ, подъ сложнымъ переплетомъ разныхъ воздѣйствій, въ которыхъ не всегда легко разобраться. Только въ первыхъ стадіяхъ его развитія рѣзко, а иногда и совсѣмъ голо выступаютъ наружу главные факторы, вызывающіе къ жизни тѣ или иныя мѣропріятія.

И въ нашемъ отечествѣ, не смотря на короткій еще періодъ времени, протекшій съ момента прекращенія крѣпостныхъ отношеній, мы встрѣчаемся уже съ разными типами рабочихъ законовъ. Въ настоящей замѣткѣ мы не имѣемъ, однако, въ виду слѣдить за развитіемъ русскаго рабочаго законодательства въ его цѣломъ; ея предметъ ограничивается только двумя послѣдними законодательными мѣропріятіями въ этой области. Оба они имѣютъ довольно типичный характеръ, и мы полагаемъ не безъинтереснымъ остановить на нихъ нѣсколько вниманіе нашихъ читателей. Одно изъ этихъ мѣропріятій составляетъ уже законъ, имѣющій вступить въ дѣйствіе съ начала будущаго года; другое—еще законопроектъ, разрабатываемый въ подлежащихъ инстанціяхъ. Мы говоримъ о законѣ 2 іюня 1897 г. «о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени въ заведеніяхъ фабрично-заводской промышленности» (дополненномъ «Правилами» утвержденными министромъ финансовъ 20 сентября и «Инструкціею чинамъ фабричной инспекціи») и о составленномъ особою коммиссіею при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ проектѣ новаго «Положенія о наймѣ на сельскія работы».

Остановимся сначала на первомъ изъ названныхъ законодательныхъ актовъ.

Законъ 2 іюня принадлежитъ къ той категоріи рабочихъ законовъ, которые имѣютъ въ виду *охрану труда;* при этомъ онъ касается одного изъ центральныхъ пунктовъ въ вопросѣ объ условіяхъ наемнаго труда, такъ что принципіальное его значеніе не подлежитъ сомнѣнію.

Какъ показываетъ исторія фабричнаго дѣла, удлиненіе рабочаго времени, вмѣстѣ съ замѣною труда взрослыхъ мужчинъ болѣе дешевою работою женщинъ и подростковъ, являлось однимъ изъ первыхъ и широко распространенныхъ пріемовъ эксплуатаціи наемнаго рабочаго для повышенія нормы прибавочной цѣнности. Съ другой стороны, именно вопросъ о рабочемъ времени являлся однимъ изъ главныхъ пунктовъ борьбы рабочихъ классовъ за улучшеніе своего положенія. Въ извѣстный моментъ на помощь самостоятельнымъ усиліямъ рабочихъ въ этомъ направленіи явилось государство съ фабричнымъ законодательствомъ. Первые фабричные законы, относящіеся къ рабочему времени, имѣли въ виду

собственно работу дѣтей и женщинъ, лишь косвенно регулируя вмѣстѣ съ этимъ и рабочее время взрослыхъ мужчинъ. Только много позже и далеко не вездѣ фабричное законодательство стало на путь прямого нормированія продолжительности рабочаго времени взрослыхъ работниковъ.

Въ Россіи начало фабричнаго законодательства, регулирующаго рабочее время (если мы оставимъ въ сторонѣ давно потерявшіе всякое значеніе узаконенія прошлаго столѣтія, въ родѣ «Работныхъ Регулъ» временъ Анны Леопольдовны и т. п.) относится къ 1882 г., когда изданъ былъ законъ о работѣ малолѣтнихъ на фабрикахъ и мануфактурахъ, дополненный впослѣдствіи (1885 и 1886 г.) узаконеніями о работѣ подростковъ и женщинъ. Позднѣйшія законодательныя опредѣленія имѣли въ виду, съ одной стороны, обезпеченіе порядка на заводахъ и фабрикахъ, подкрѣпленіе авторитета распоряжающагося персонала и усиленіе отвѣтственности рабочихъ за нарушенія порядка и условій найма; а съ другой—организацію надзора за исполненіемъ законовъ о фабричной промышленности, возложеннаго на спеціальную фабричную инспекцію.

Дальнѣйшимъ развитіемъ и продолженіемъ первыхъ фабричныхъ законовъ, явился законъ 2 іюня,—задающійся цѣлью нормировать продолжительность и распредѣленіе рабочаго времени для всѣхъ вообще рабочихъ въ заведеніяхъ фабрично-заводской промышленности.

На нашихъ фабрикахъ и заводахъ продолжительность рабочаго времени вообще значительно выше, чѣмъ въ промышленно развитыхъ странахъ запада...

Говоря о продолжительности рабочаго времени, нужно различать продолжительность суточной работы *рабочихъ* и продолжительность работы *машинъ*, рабочій день *рабочаго* и рабочій день самой *фабрики*. Сокращеніе того и другого становится возможнымъ по мѣрѣ развитія промышленности. Наоборотъ, высокіе ихъ размѣры служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ признакомъ промышленной отсталости данной страны.

И удлиненіе, и сокращеніе дня рабочаго имѣетъ свои предѣлы, нарушить которые нельзя безъ ущерба для производительности труда. Слишкомъ протяженный рабочій день, вызывая крайнее утомленіе рабочаго, можетъ такъ неблагопріятно отзываться на качествѣ труда, что «излишніе часы» окажутся совсѣмъ невыгодными. Съ другой стороны, есть предѣлъ и для возрастанія напряженности труда. Съ сокращеніемъ продолжительности рабочаго времени эта напряженность увеличивается, повышеніе качества труда возмѣщаетъ потери на его количествѣ,—но только въ извѣстныхъ границахъ. Человѣческій организмъ не допускаетъ напряженія безъ предѣла, есть также границы и для возрастанія ловкости и умѣлости рабочаго. Такимъ образомъ, долженъ наступить моментъ, когда сокращеніе рабочаго дня становится возможнымъ только на счетъ

сокращенія самой выработки. На помощь здѣсь приходитъ усиленіе интенсивности работы не живого организма, а машины: усовершенствованіе рабочихъ механизмовъ можетъ поднять производительность труда и за тѣми предѣлами сокращенія рабочаго дня, за которыми становится недоступнымъ дальнѣйшее повышеніе его напряженности. Но и по отношенію къ машинѣ, такъ же какъ и по отношенію къ живому рабочему организму, первоначальныя усилія распорядителей производства направляются не столько къ повышенію интенсивности, сколько къ увеличенію протензивности ея работы. Удлиненіе рабочаго дня *фабрики* разсматривается какъ коррективъ невозможности удлиненія далѣе извѣстныхъ предѣловъ рабочаго дня работника. Механизмъ не знаетъ усталости и при условіи двухъ или болѣе комплектовъ смѣняющихся рабочихъ при одномъ комплектѣ машинъ фабрика можетъ работать непрерывно въ теченіе цѣлыхъ сутокъ. Но если, такимъ образомъ, удлиненіе рабочаго дня фабрики совмѣстимо съ укороченіемъ рабочаго дня рабочихъ, то, съ другой стороны, оно неизбѣжно связано съ *ночными* работами, которыя приходится выполнять рабочимъ или поочередно или постоянно однимъ и тѣмъ же, смотря по организаціи смѣнъ или по составу рабочаго контингента. Такъ какъ ночная работа составляетъ крупное зло въ фабричной жизни, отражаясь въ высшей степени вредно на здоровьи рабочихъ и на всемъ ихъ обиходѣ,—то усилія рабочихъ направляются и на борьбу съ удлиненнымъ рабочимъ днемъ *фабрики*, такъ же какъ и съ удлиненнымъ рабочимъ днемъ самихъ рабочихъ. И для рабочаго механизма, такъ же какъ и для рабочаго организма, прогрессъ долженъ заключаться въ усиленіи интенсивности и эффективности работы, а не въ протяженности ея во времени. Только для машины предѣлы прогрессированія гораздо шире и растяжимѣе, чѣмъ для человѣка.

Увеличеніе рабочаго времени *фабрики* достигается не только увеличеніемъ числа рабочихъ часовъ въ теченіе сутокъ, но и непрерывностью работы изъ одного дня въ другой. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такая непрерывность диктуется самыми требованіями производства. Рабочій процессъ, разъ начатый, не всегда можетъ быть произвольно прерванъ,—работы при доменныхъ печахъ, напр., не могутъ быть прекращены иногда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Многіе другіе процессы требуютъ хотя и значительно болѣе короткихъ, но сплошныхъ промежутковъ времени. Очень часто, однако, непрерывная работа имѣетъ мѣсто и въ такихъ производствахъ, гдѣ она совсѣмъ не требуется техническими условіями. Здѣсь она вызвана расчетомъ фабриканта, желающаго наивозможно полнѣе использовать работу фабричныхъ механизмовъ. Непрерывная работа дѣлаетъ невозможнымъ правильный *праздничный отдыхъ* для всѣхъ рабочихъ, ею занятыхъ; поэтому ограниченіе такой работы пре-

дѣлами дѣйствительной необходимости тоже является одною изъ цѣлей, къ которой направлены усилія рабочихъ.

Такимъ образомъ, общій вопросъ о нормировкѣ рабочаго времени включаетъ въ себя вопросы· 1) о продолжительности рабочаго дня *фабрики* и о *ночной* работѣ рабочихъ, 2) о размѣрахъ рабочаго дня *рабочихъ* и 3) о непрерывности фабричной работы и *праздничномъ отдыхѣ* рабочихъ. Условія русской фабричной дѣйствительности во всѣхъ этихъ отношеніяхъ представляются мало благопріятными для рабочаго. Намъ уже доводилось въ одной изъ нашихъ прошлогоднихъ хроникъ *) приводить по этому поводу свидѣтельства людей близко стоящихъ къ фабричному дѣлу, извлеченныя изъ докладовъ, представленныхъ по вопросамъ о фабричномъ трудѣ нижегородскому торгово-промышленному съѣзду. Затѣмъ въ этой же книжкѣ нашего журнала читатели найдутъ статью Н. А. Карышева, въ которой сгруппированы новыя данныя по настоящему вопросу, заключающіяся въ недавно изданномъ министерствомъ финансовъ сборникѣ «Продолжительность рабочаго дня и заработная плата рабочихъ въ 20 наиболѣе промышленныхъ губерніяхъ Европейской Россіи» (Спб. 1896). Не останавливаясь поэтому на подробностяхъ, ограничимся здѣсь только нѣсколькими самыми общими и бѣглыми указаніями по занимающимъ насъ вопросамъ.

Рабочій день фабрики у насъ продолжителенъ и въ среднемъ, и въ нѣкоторыхъ крупныхъ категоріяхъ производства и большихъ промышленныхъ районахъ въ особенности. Въ зависимости отъ этого ночная работа широко распространена у насъ и въ такихъ видахъ производства, гдѣ непрерывность дѣйствія механизмовъ вовсе не вызывается техническими требованіями. Объясняется это въ самой значительной степени технической отсталостью нашей промышленности, а эта послѣдняя, въ свою очередь, поддерживается высокими покровительственными пошлинами. Эти пошлины обезпечиваютъ фабрикантамъ крупные барыши во всякомъ случаѣ и избавляютъ ихъ отъ подстегивающаго бича конкурренціи съ развитою и быстро прогрессирующею техникой запада.

Фабричные законы 1882—86 гг. ограничили примѣненіе ночной работы только для малолѣтковъ, подростковъ и женщинъ. Малолѣтніе отъ 12 до 15 лѣтъ (дѣти моложе 12 лѣтъ совсѣмъ не допускаются къ работамъ на фабрикахъ и заводахъ) не могутъ быть по закону занимаемы работою между 9 часами вечера и 5 утра. То же правило для производствъ: хлопчатобумажнаго, полот-

---

*) Р. Б. 1896, X. „Вопросы труда на торгово-промышленномъ съѣздѣ". См. также замѣтку г. Тимковскаго „Новые матеріалы по вопросу о нормировкѣ рабочаго времени", въ XII кн. Р. Б. 1896 г.

няного, шерстяного, льнопрядильнаго, льнотрепальнаго и смѣ ныхъ тканей распространено впослѣдствіи и на подрост (15—17 лѣтъ) и женщинъ. Вмѣстѣ съ этимъ законъ 18 съузилъ на 2 часа и безъ того тѣсно поставленные оффиціал предѣлы ночи; именно, для фабрикъ, работающихъ 2 смѣ 18 часовъ въ сутки, ночнымъ считается время только между 1 сами вечера и 4 часами утра (т. е. всего 6 часовъ); во всѣ ос ные часы сутокъ работою могутъ быть заняты рабочіе обоего и всѣхъ возрастовъ (начиная съ 12-лѣтняго).

Разные районы промышленной Россіи по отношенію къ рас страненію ночной работы находятся въ различныхъ услові Всего рѣже встрѣчается ночная работа въ губерніяхъ приба скихъ (Эстляндской и Лифляндской) и сѣверо-западныхъ (Грод ской, Ковенской, Виленской), притомъ здѣсь она примѣняется чти исключительно въ такихъ производствахъ, которыя требу непрерывности, а также на лѣсопильняхъ, мукомольняхъ, въ карняхъ и въ нѣсколькихъ механическихъ заведеніяхъ. Др районъ слабаго развитія ночныхъ работъ составляютъ губе Царства Польскаго (Варшавская и Петроковская), однако, промышленныя заведенія, работающія ночью, встрѣчаются сколько чаще; среди нихъ при этомъ находится и извѣстное ч мануфактуръ и вообще такихъ фабрикъ, гдѣ непрерывная ра не составляетъ непремѣннаго условія производства. То же слѣд замѣтить и о третьемъ районѣ, гдѣ дневныя работы рѣшите преобладаютъ надъ ночными, — петербургскомъ. Въ общемъ, сѣверо-западъ промышленной Россіи можетъ быть названъ р номъ малой относительно распространенности ночныхъ фабри заводскихъ работъ. Наоборотъ, юго-западъ и центръ явля областью наибольшаго ихъ развитія. Въ юго-западныхъ губерн (Кіевской, Подольской, Волынской, къ которымъ нужно присо нить и сосѣднюю съ ними Харьковскую) главною обусловли щею это явленіе причиною нужно считать нахожденіе здѣсь б шого числа сахарныхъ заводовъ, работающихъ круглыя сутки с ными рабочими. Въ московскомъ, центральномъ районѣ (обни щемъ собою губерніи: Московскую, Владимірскую, Костромс Тверскую, Ярославскую, Рязанскую) распространенность ночной боты составляетъ бытовой фактъ, зависящій болѣе отъ установивш здѣсь обычаевъ (и частію отъ технической отсталости московс мануфактуръ), чѣмъ отъ условій производства—чаще всего ноч работы встрѣчаются въ производствѣ хлопчато-бумажномъ, кот въ другихъ районахъ, а также и въ извѣстной части московск фабрикъ обходится легко дневными рабочими.

Нѣкоторыя цифровыя иллюстраціи объ относительной рас страненности ночной работы въ разныхъ промышленныхъ р нахъ Россіи даютъ намъ таблицы, приложенныя къ цитирован уже сборнику министерства финансовъ «Продолжительность р

чаго дня и заработная плата рабочихъ въ 20 наиболѣе промышленныхъ губерніяхъ Европейской Россіи». Въ этихъ таблицахъ вычислена продолжительность работы въ теченіе сутокъ на бумаго-шерсто- и льно-прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ. Заимствуемъ изъ этихъ таблицъ нѣсколько цифръ, относящихся къ двумъ главнымъ отраслямъ текстильной промышленности — бумаго-прядению и бумаго-ткачеству.

Въ 15 губерніяхъ Европейской Россіи съ наиболѣе развитымъ *бумаго-пряденіемъ* въ 1894—95 гг. дѣйствовало всего 3,355,436 бумаго-прядильныхъ веретенъ. Средняя суточная работа 1 веретена составляла 17,8 часа. Изъ общаго числа всѣхъ веретенъ работали только днемъ, менѣе 18 часовъ, 48,2%; двумя смѣнами рабочихъ 18 часовъ въ сутки—12,4%, отъ 21 до 24 часовъ—4% и круглыя сутки (24 часа)—35,4%. Значитъ, въ предѣлахъ оффиціально признаваемой ночи работало около $^2/_5$ всѣхъ бумаго-прядильныхъ веретенъ. Это среднія цифры, для всей промышленной области. По отдѣльнымъ ея районамъ отъ этихъ среднихъ обнаруживаются значительныя отклоненія въ обѣ стороны. Такъ, въ губерніяхъ Петербургской и Эстляндской смѣнной ночной работы бумагопрядилевъ совсѣмъ не существуетъ. Весь милліонъ съ небольшимъ веретенъ, приходящихся на эти двѣ губерніи, работаетъ только днемъ, въ среднемъ по 13 часовъ въ сутки. Въ Петроковской губ. (лодзинскій районъ) ночная работа уже встрѣчается, но она занимаетъ только $^1/_6$ всѣхъ веретенъ; въ зависимости отъ этого рабочій день фабрики въ среднемъ здѣсь нѣсколько выше, чѣмъ въ районѣ петербургскомъ и достигаетъ почти 14 часовъ (13,94). Въ губерніяхъ московскаго района средняя работа веретена (мы беремъ данныя только по тѣмъ губерніямъ, гдѣ бумаго-пряденіе особенно развито) составляла въ сутки: 18,23 часа въ Московской губ., 22,97—во Владимірской и 23,97—въ Ярославской; причемъ въ Московской губерніи около 36% всѣхъ веретенъ (270,000 изъ 728,000) работаетъ болѣе 20 часовъ (большею частію круглыя сутки) около $^1/_3$—по 18 часовъ въ сутки и только 29%—исключительно днемъ, по $13^1/_2$ часовъ въ среднемъ; во Владимірской губерніи круглыя сутки работаетъ 382,000 веретенъ изъ 562,000, и односмѣнная работа встрѣчается какъ исключеніе только на 1 фабрикѣ; наконецъ въ губ. Ярославской *всѣ* бумагопрядильни работаютъ по $23^1/_2$—24 часа въ сутки. Подобныя же отношенія встрѣчаемъ мы и въ другой отрасли хлопчатобумажной промышленности именно въ бумаго-ткацкомъ производствѣ. Средняя суточная работа всѣхъ 106,924 механическихъ ткацкихъ станковъ составляетъ 17,05 часа. Въ губерніяхъ московскаго района, съ развитымъ ткачествомъ, такія среднія будутъ: 17,74 часа въ Владимірской и Московской и 21,74—въ Костромской, тогда какъ въ Петербургской губ. продолжительность рабочаго дня фабрики спускается до 14,31 часа, а въ Петроковской до 11,76. Въ Петроковской губерніи ночная работа встрѣчается только на одной фабрикѣ, гдѣ работаетъ 136 станковъ (изъ 14,345 приходя-

щихся на эту губернію), въ Петербургской—въ 2 заведеніяхъ, в которыхъ сосредоточено 12% всѣхъ ткацкихъ станковъ (1,183 изъ 9,006); въ Московской губ. 36% всѣхъ станковъ (6,800 изъ 26½ тысячъ) работаютъ отъ 20 до 24 часовъ, 30%—18 часовъ и только 44%—исключительно днемъ въ одну смѣну, въ среднемъ по 13¼ часовъ въ сутки; во Владимірской—круглые сутки или почти круглые сутки, отъ 22 до 24 часовъ, занято 8½ т. ткацкихъ станковъ изъ 31½ тыс. (т. е. около 27%), по 18 часовъ работаютъ 41% всѣхъ станковъ (13 тыс.), на дневную, односмѣнную работу приходится менѣе ⅓ всѣхъ станковъ (немного болѣе 10,000). Въ среднемъ для всѣхъ бумаго-ткацкихъ заведеній (въ 14 губерніяхъ съ развитымъ ткачествомъ) приходилось: ткацкихъ станковъ, работающихъ только днемъ, въ одну смѣну 51,225, т. е. 47,9%, работающихъ въ двѣ смѣны по 18 часовъ—22,318 (20,9%), а работающихъ 20—24 часа—33,381, т. е. 31,2%. Въ общемъ условія бумаго-ткачества оказываются, такимъ образомъ, по отношенію къ ночной работѣ нѣсколько менѣе неблагопріятными, чѣмъ условія, сложившіяся для бумаго-пряденія.

Каковы бы ни были причины, которыми поддерживается указанное неравенство въ средней продолжительности рабочаго дня въ разныхъ промышленныхъ районахъ, оно во всякомъ случаѣ ставитъ фабрики съ болѣе длиннымъ рабочимъ днемъ въ условія болѣе выгодныя, нежели тѣ, съ какими приходится считаться промышленнымъ заведеніямъ, вольно или невольно перешедшимъ къ односмѣнной денной работѣ. Вотъ почему противъ ночной работы въ такихъ производствахъ, гдѣ она не требуется техническими условіями, не разъ энергично высказывались и многіе фабриканты. Помимо интересовъ народнаго здравія и интересовъ нормальнаго распредѣленія времени рабочихъ, существующія условія затрогивали непосредственно и интересы извѣстной части фабричныхъ предпринимателей. Проектъ законодательнаго воспрещенія ночной работы для рабочихъ всѣхъ категорій и во всѣхъ фабричныхъ производствахъ, за исключеніемъ лишь тѣхъ, которыя по свойству своему не допускаютъ перерыва въ работѣ, возникъ еще въ 1884 г. по иниціативѣ петербургскихъ фабрикантовъ. Проектъ этотъ не получилъ осуществленія, вслѣдствіе сильныхъ протестовъ фабрикантовъ центральной Россіи. Черезъ 10 лѣтъ петебургскій проектъ вновь поднятъ былъ лодзинскимъ отдѣленіемъ общества для содѣйствія русской промышленности и торговли. Лодзинскія предположенія (теперь вопросъ ставился уже шире—объ общей нормировкѣ рабочаго времени) были разосланы въ прочія техническія и торгово-промышленныя общества и вызвали подробное обсужденіе затронутыхъ ими вопросовъ. Сохраненіе ночныхъ работъ нигдѣ не встрѣтило при этомъ сторонниковъ. Коммиссія, образованная при московскомъ «обществѣ для содѣйствія улучшенію и развитію фабричной промышленности» находила только необходимымъ установленіе извѣст-

наго переходнаго періода—до 4 лѣтъ—въ теченіе котораго фабрики, работающія теперь днемъ и ночью, могли бы приготовиться къ отмѣнѣ ночныхъ работъ.

Обращаясь къ закону 2 іюня, мы видимъ, что ночныя работы закономъ этимъ, къ сожалѣнію, почти совсѣмъ не затрогиваются. Единственное вводимое имъ измѣненіе въ существующихъ порядкахъ, это—установленіе нѣсколько болѣе короткаго рабочаго времени для рабочихъ, занятыхъ ночью. Именно, на основаніи ст. 5, упомянутаго закона «для рабочихъ, занятыхъ, хотя бы отчасти, въ ночное время, рабочее время не должно превышать 10 часовъ въ сутки», тогда какъ для рабочихъ, занятыхъ исключительно днемъ, maximum рабочихъ часовъ въ сутки опредѣленъ въ 11½ и только по субботамъ и въ кануны большихъ праздниковъ понижается до 10. Такимъ образомъ, предѣльный рабочій день *фабрики*, при работѣ двумя смѣнами, можетъ достигать (въ производствахъ, не требующихъ непрерывности—для этихъ послѣднихъ сохраняется суточная работа) 21½ часа въ 5 буднихъ дней, кромѣ субботы и 20 часовъ въ субботу. Всего въ 6 рабочихъ дней недѣли фабрика можетъ работать 127½ часовъ; при суточной, 24-часовой работѣ число часовъ въ недѣлю составляло 144 часа, недѣльное рабочее время сокращается, слѣдовательно, на 16½ часовъ или на 11,4%.

Болѣе рѣшительное сокращеніе рабочаго дня фабрики признано было невозможнымъ при русскихъ условіяхъ. «При существующей у насъ трудности привлеченія капиталовъ въ промышленность, высокомъ учетномъ процентѣ и дороговизнѣ двигателей, машинъ и орудій—читаемъ мы въ статьѣ оффиціальнаго органа министерства финансовъ, комментирующей вновь изданный законъ*)—продолжительная работа заведенія въ теченіе сутокъ представляется до нѣкоторой степени однимъ изъ необходимыхъ условій успѣшности конкурренціи отечественной промышленности съ иностранною». Во всякомъ случаѣ — замѣчаетъ далѣе министерскій органъ — рѣзкое сокращеніе того времени, въ теченіе котораго дозволялась работа на фабрикахъ и заводахъ въ нѣкоторыхъ наиболѣе развитыхъ у насъ отрасляхъ промышленности имѣло бы своимъ непосредственнымъ послѣдствіемъ значительное сокращеніе производства предметовъ первой необходимости къ явному ущербу потребителей и уменьшенію заработной платы рабочимъ». Съ другой стороны, полное устраненіе ночной работы не требуется, — по мнѣнію органа министерства финансовъ—и непосредственными интересами рабочихъ. «Ночныя работы,—разсуждаетъ онъ,—безспорно, болѣе утомительны, вредны для здоровья и вообще менѣе естественны, нежели работы при дневномъ свѣтѣ; вредъ этой работы для здоровья

---

*) См. «Вѣстникъ финансовъ торговли и промышленности», 1897, № 26, «Продолжительность и распредѣленіе рабочаго времени въ заведеніяхъ фабрично-заводской промышленности».

тѣмъ больше, чѣмъ она продолжительнѣе и постояннѣе. Казалось бы, что въ виду вредности ночныхъ работъ, лучше всего запретить ихъ и взрослымъ рабочимъ, какъ это воспрещается женщинамъ и подросткамъ обоего пола въ нѣкоторыхъ производствахъ, а малолѣтнимъ безусловно, но для этого нѣтъ никакихъ основаній даже съ точки зрѣнія общаго благосостоянія рабочаго; умѣренный ночной трудъ безвреднѣе для него, нежели слишкомъ продолжительная, но одинаково оплачиваемая дневная работа. Вотъ почему, собственно, новый законъ призналъ достаточнымъ лишь ограничить пользованіе ночными работами извѣстными предѣлами».

Вся эта аргументація въ защиту существующихъ порядковъ едва-ли можетъ быть признана убѣдительною. Особенно поражаетъ внутреннимъ противорѣчіемъ вторая часть приведенныхъ разсужденій. Если ночныя работы «безспорно» вредны для здоровья рабочаго, «менѣе естественны» чѣмъ денныя, и если вредъ отъ этихъ работъ особенно великъ, когда онѣ являются не случайными, а постоянными, (а такой именно случай и представляетъ смѣнная фабричная работа),—можно-ли утверждать, что для законодательнаго устраненія ночныхъ работъ «*нѣтъ никакихъ основаній*» даже съ точки зрѣнія общаго благосостоянія рабочаго, какъ будто охраненіе здоровья рабочаго не является интегральною частью его «общаго благосостоянія». «Слишкомъ продолжительная»дневная работа, дѣйствительно, можетъ быть еще утомительнѣе умѣренной ночной, но развѣ чрезмѣрная продолжительность составляетъ conditio sine qua non дневныхъ работъ и необходимо выбирать только между «слишкомъ продолжительною» и «ночною работою»? Кажется такой дилеммы рабочему законодательству никто не предлагалъ. Далѣе, едва-ли точно указаніе на значеніе продолжительнаго рабочаго дня фабрики какъ на одно изъ необходимыхъ условій успѣшной конкуренціи «отечественной» промышленности съ иностранной, такъ какъ значительная часть русскихъ фабрикъ нашла возможность освободиться отъ ночныхъ работъ, и въ данномъ случаѣ дѣло идетъ только объ одной группѣ фабрикантовъ наиболѣе отсталаго въ техническомъ отношеніи промышленнаго района...

Послѣдующія инструкціонныя разъясненія къ закону 2 іюня пополняютъ постановленія его о ночной работѣ только перечисленіемъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ допускаются отступленія отъ правилъ о сокращеніи ночной работы до 10 часовъ. Самое существенное изъ этихъ отступленій касается рабочихъ, занятыхъ работами «*непрерывными*, т. е. такими, которыя не могутъ быть прерываемы въ произвольное время безъ порчи приборовъ, обрабатываемыхъ матеріаловъ или изготовляемыхъ издѣлій». Для этой категоріи рабочихъ допускается по прежнему 12-часовой рабочій день, безразлично къ дневной или ночной работѣ, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы общее число рабочихъ часовъ въ теченіе двухъ послѣдовательныхъ сутокъ не превосходило для каждаго рабочаго

вообще 24, въ теченіе же тѣхъ двухъ сутокъ, на которыя приходится ломка смѣнъ—30. («Правила», утвержден. 20 сент. 1897 г. министр. финансовъ, ст. 13).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что новый законъ не подвигаетъ насъ ни на одинъ шагъ впередъ въ рѣшеніи давно уже назрѣвшаго вопроса о совершенномъ устраненіи или объ ограниченіи предѣлами дѣйствительной необходимости ночныхъ работъ на фабрикахъ и заводахъ. Напротивъ того, въ нѣкоторыхъ опредѣленіяхъ этого закона можно найти черты (уже отмѣчавшіяся органами печати обсуждавшими его значеніе), могущія благопріятствовать скорѣе расширенію чѣмъ сокращенію ночныхъ работъ.

Такъ, ограничительныя постановленія о предѣльныхъ нормахъ рабочаго времени должны невполнѣ одинаково отразиться на промышленныхъ заведеніяхъ, пользующихся и не пользующихся ночнымъ трудомъ. Сопоставлять въ этомъ отношеніи можно, конечно, только болѣе отсталыя заведенія той и другой категоріи. На условіяхъ тѣхъ фабрикъ, работающихъ въ одну или въ двѣ смѣны, гдѣ дѣйствительное рабочее время не превышаетъ законной нормы ($11^{1}/_{2}$ часовъ дневной и 10 часовъ ночной работы) постановленія закона 2 іюня не отразятся вовсе, по крайней мѣрѣ, непосредственно, но тамъ, гдѣ рабочіе заняты были въ сутки болѣе этихъ нормъ, неизбѣжно должно сократится и рабочее время *самой фабрики*. Какъ мы видѣли выше, фабрики, работавшія 24 часа въ сутки, теперь будутъ работать только $21^{1}/_{2}$ часъ; по среднему расчету за недѣлю такое сокращеніе составляетъ 11,4%. Для фабрикъ съ продолжительнымъ дневнымъ трудомъ такое сокращеніе будетъ значительнѣе. Такъ, на крупныхъ мануфактурахъ очень распространенъ былъ 13—часовой и даже 14—часовой рабочій день. Послѣ вступленія въ дѣйствіе закона 2 іюня эти фабрики будутъ работать по $67^{1}/_{2}$ часовъ въ недѣлю вмѣсто 78 и 84 (не считая воскресеній). Сокращеніе рабочаго времени *фабрики* составитъ въ первомъ случаѣ 13,5% процентовъ, а во второмъ 19,6%,—значительно болѣе чѣмъ при переходѣ отъ 24 часовой въ $21^{1}/_{2}$—часовой работѣ. Это неравенство условій можетъ создать среди заинтересованныхъ фабрикантовъ извѣстную тенденцію къ переходу отъ «слишкомъ продолжительной» дневной работы къ работѣ ночной. Такую перемѣну никакъ нельзя считать желательною.

Гораздо большее значеніе принадлежитъ закону 2 іюня, какъ регулятору продолжительности рабочаго времени *рабочихъ*. Прежде всего огромную принципіальную важность имѣетъ самый фактъ законодательной нормировки рабочаго дня для всѣхъ вообще рабочихъ, независимо отъ пола и возраста. Затѣмъ, не смотря на довольно широкіе предѣлы законнаго рабочаго дня, всетаки во многихъ случаяхъ дѣйствительность далеко ихъ переступаетъ, такъ что

примѣненіе законныхъ нормъ должно будетъ вести къ сокращенію часовъ работы для значительнаго контингента рабочихъ.

Статьи 4 и 5 закона 2 іюня опредѣляютъ продолжительность рабочаго дня такимъ образомъ: для рабочихъ, занятыхъ исключительно въ дневное время, рабочее время не должно превышать 11½ часовъ въ сутки, а по субботамъ и въ кануны двунадесятыхъ праздниковъ—10 часовъ. Въ канунъ Рождества Христова работы должны быть окончены не позже полудня (ст. 4). Для рабочихъ занятыхъ, хотя бы отчасти, въ ночное время, рабочее время не должно превышать 10 часовъ въ сутки (ст. 5). Рабочимъ временемъ или числомъ часовъ въ сутки для каждаго рабочаго, по опредѣленію ст. 2 закона, должно считаться то время, «въ теченіе котораго, согласно договору найма, рабочій обязанъ находиться въ промышленномъ заведеніи и въ распоряженіи завѣдующаго онымъ для исполненія работы». Въ «Правилахъ о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени въ заведеніяхъ фабрично-заводской промышленности», изданныхъ 20 сентября настоящаго года министромъ финансовъ, въ развитіе постановленій закона 2 іюня, опредѣленіе рабочаго времени дополнено разъясненіемъ, что «въ счетъ рабочихъ часовъ не входятъ *свободные перерывы*, т. е. перерывы въ работѣ, которые обозначены въ росписаніи рабочаго времени, и въ теченіе коихъ рабочій, согласно правиламъ внутренняго распорядка, воленъ отлучаться изъ промышленнаго заведенія и вообще располагать своимъ временемъ» (ст. 3). Наоборотъ, такіе промежутки между работами, когда рабочій, хотя и не занятый, обязанъ, въ ожиданіи работы, оставаться въ заведеніи, должны быть засчитываемы въ число рабочихъ часовъ.

Размѣры рабочаго дня, такъ, какъ они сложились въ русской фабричной жизни, очень разнообразны. Различаются они и по мѣстностямъ и по родамъ производствъ и, наконецъ, по отдѣльнымъ фабрикамъ той же категоріи и находящимся въ томъ же районѣ. Какъ велико это разнообразіе, и какъ трудно при такихъ условіяхъ вывести, при имѣющемся довольно скудномъ и неоднородномъ матеріалѣ, какія-нибудь среднія нормы дѣйствительной продолжительности рабочаго дня, можно судить по тѣмъ даннымъ, которыя сгруппированы въ статьѣ профессора Карышева (въ этой же книжкѣ нашего журнала). Мы можемъ, однако, намѣтить хотя бы для нѣкоторыхъ главнѣйшихъ видовъ фабрично-заводскаго производства размѣры рабочаго дня, чаще встрѣчающіеся.

Для работъ смѣнныхъ *типичными* являются двѣ нормы рабочаго дня: 12-часовая (при работѣ идущей круглыя сутки, день и ночь) и 9 часовая—при рабочемъ днѣ фабрики въ 18 часовъ, между 4 утра и 10 вечера. При 24 часовомъ рабочемъ днѣ фабрики, рабочіе заняты обыкновенно по 12 часовъ въ двѣ смѣны; работа 3 смѣнами, по 8 часовъ каждая, составляетъ только рѣдкое относительно исключеніе. Двѣнадцать часовъ работы приходится на каждаго рабочаго (при 24

час. днѣ фабрики) по среднему расчету за 1 или 2 недѣли, въ нѣкоторые дни рабочее время можетъ быть болѣе или менѣе этой средней. Такъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ работа идетъ по 8 и по 16 часовъ, попеременно, затѣмъ, бываютъ случаи, когда рабочему приходится работать 18 часовъ въ одни сутки и только 6 въ другіе и т. д. Чаще всего смѣны устраиваются 6-часовыя, съ промежутками между ними тоже по 6 часовъ. Весь день рабочаго разбивается при этомъ на куски, не оставляя ему достаточнаго времени ни для сна, ни для досуга. Не легче, однако, и то положеніе, когда рабочему доводится работать 12 часовъ подъ рядъ, иногда даже безъ правильныхъ промежутковъ для принятія пищи. Въ такихъ условіяхъ находятся, напр., рабочіе (какъ мужчины, такъ и женщины и подростки) на большей части свекло-сахарныхъ заводовъ. По отношенію къ дневной и ночной работѣ рабочіе или чередуются, или одна смѣна всегда работаетъ днемъ, а другая—всегда ночью. Такъ обстоитъ дѣло на нѣкоторыхъ изъ прядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ, пользующихся трудомъ женщинъ и подростковъ, которые по закону не могутъ работать ночью; поэтому ночь всегда достается на долю мужской смѣны. При чередованіи ночной и дневной работы, чрезъ извѣстные промежутки времени порядокъ смѣнъ ломается, т. е. тѣ рабочіе, которые, напр., работали первые и третьи шесть часовъ сутокъ, начинаютъ работать вторые и четвертые и наоборотъ; при такихъ ломкахъ и происходитъ, по очереди для каждой смѣны, удлиненіе рабочаго дня до 18 часовъ (другая при этомъ работаетъ только 6), такъ что въ два дня, когда происходитъ ломка, одной смѣнѣ рабочихъ приходится проработать 30 часовъ (18 и 12). Мы видимъ, что при всякихъ комбинаціяхъ, 12 часовой день при смѣнной работѣ оказывается крайне тяжелымъ для рабочаго. Между тѣмъ, именно этотъ день всего болѣе распространенъ при ночной работѣ. Онъ является *общимъ правиломъ* при непрерывныхъ производствахъ; точно также и въ остальныхъ производствахъ, гдѣ существуетъ смѣнная работа, всего чаще рабочій день фабрики опредѣляется въ 24 часа, или нѣсколько менѣе, но всетаки захватывая оффиціальные 6 часовъ ночи. Только меньшее относительно число случаевъ падаетъ на работу двумя смѣнами, въ предѣлахъ 18 часового времени, признаваемаго закономъ «дневнымъ», т. е. отъ 4 часовъ утра до 10 часовъ вечера.

Нѣкоторыя цифровыя иллюстраціи распространенности рабочаго дня разныхъ размѣровъ, при смѣнной работѣ, мы можемъ найти въ тѣхъ же таблицахъ министерскаго сборника «Продолжительность рабочаго дня», которыя мы уже имѣли случай цитировать выше. Если мы возьмемъ изъ этихъ таблицъ общія числа всѣхъ прядильныхъ веретенъ и ткацкихъ станковъ, работавшихъ при двухъ комплектахъ рабочихъ, въ 20 наиболѣе промышленныхъ губерніяхъ Россіи и разобьемъ ихъ на 3 группы, относящіяся къ періодамъ работы: въ 24 часа, 20—23 часа и 18 часовъ, то по-

лучимъ слѣдующія отношенія. 24 часа въ сутки (причемъ на рабочаго приходится 12 часовъ) работало: 68% всѣхъ бумаго-прядильныхъ веретенъ (работавшихъ въ 2 смѣны), 58%—веретенъ шерстопрядильныхъ (кардной шерсти), 70% веретенъ льно-прядильныхъ, 46% механическихъ ткацкихъ станковъ, 74% шерсто-ткацкихъ станковъ и 20% механическихъ льно-ткацкихъ станковъ. Для 18 часового дня (при 9 часовой работѣ рабочихъ) тѣ же отношенія будутъ: 24% въ бумагопряденіи, 3% въ шерстопряденіи (кардномъ), 21% въ льнопряденіи, 40% въ механическомъ бумаго-ткачествѣ, 0%—въ шерсто-ткачествѣ и 80% въ механическомъ льно-ткачествѣ. Такимъ образомъ, болѣе значительное распространеніе 18 часовой день получилъ только въ механическомъ ткачествѣ, хлопчатобумажномъ и льняномъ. Нужно заключить при этомъ, что смѣнная работа всякая (18 часовая и 24 часовая) мало примѣняется въ послѣднемъ производствѣ, въ льно-ткачествѣ 94% всѣхъ станковъ работаетъ только днемъ.

Во всѣхъ остальныхъ категоріяхъ текстильнаго производства 24-часовой день преобладаетъ при смѣнныхъ работахъ. Въ производствахъ непрерывныхъ, какъ мы уже говорили, онъ составляетъ общее правило, за очень небольшими исключеніями. Мы вправѣ поэтому признать его наиболѣе типичнымъ для смѣнныхъ работъ вообще.

Размѣры рабочаго времени, при работахъ односмѣнныхъ, исключительно дневныхъ, представляетъ крайнее разнообразіе и пестроту, въ которой трудно увидѣть какую-нибудь правильность. Мы встрѣчаемся съ 6—7 часовымъ рабочимъ днемъ и съ 18 и даже 20-часовою односмѣнною работою въ сутки! Во всякомъ случаѣ, однако, и слишкомъ короткій, и слишкомъ длинный рабочій день являются скорѣе исключеніями, чѣмъ общимъ правиломъ. Большинство показаній, имѣющихся по настоящему предмету и въ литературѣ, и въ оффиціальныхъ публикаціяхъ, падаетъ на нормы дневной работы отъ 10 до 14 часовъ, причемъ и здѣсь упоминанія о днѣ въ 11—13 часовъ чаще чѣмъ о 10-часовомъ и 14-часовомъ. Крайнія колебанія встрѣчаются нерѣдко и въ одинаковыхъ производствахъ, и въ однихъ и тѣхъ же промышленныхъ районахъ. Однако, нѣкоторую правильность можно подмѣтить и въ этомъ отношеніи. Изъ крупныхъ и наиболѣе распространенныхъ отраслей фабричной промышленности большею относительно продолжительностью рабочаго дня отличается промышленность *мануфактурная*; наоборотъ, болѣе короткій день встрѣчается въ большинствѣ случаевъ (за очень рѣзкими, впрочемъ, исключеніями) въ производствахъ по обработкѣ металловъ, въ нѣкоторыхъ видахъ химическихъ производствъ и т. п. Изъ мануфактурныхъ производствъ рабочій день вообще длиннѣе въ прядѣніи, чѣмъ въ ткачествѣ, особенно механическомъ, требующемъ большаго напряженія отъ рабочаго; всего больше часовъ изъ группы мануфактурныхъ рабочихъ заняты бумаго-

прядильщики, рабочій день которыхъ въ среднемъ для всей промышленной Россіи составляетъ около 13 часовъ *).

По отношенію къ территоріальному распредѣленію высокихъ и низкихъ нормъ дневной работы можно подмѣтить въ общемъ ту же правильность, какая указана была выше по отношенію къ степени распространенности ночныхъ работъ. Оба эти явленія идутъ къ извѣстной степени параллельно. Продолжительность дневной работы болѣе тамъ, гдѣ шире практикуется работа ночная и наоборотъ. Самый длинный рабочій день въ центрѣ Россіи, самый короткій—на сѣверозападной окраинѣ. Средняя суточная работа бумагопрядильнаго веретена составляла (въ 94—95 гг.) 11,38 часа въ Варшавской губ. и 13,50 въ Московской, шерстопрядильное веретено работало въ среднемъ 11, 83 часа въ Лифляндской губ., 13,08 въ Московской и 13,55 въ Кіевской; средняя работа механическаго ткацкаго станка въ Лифляндской губ. измѣрялась 11 часами въ день, въ Петроковской 11,66 часами, въ Московской 13,21 час. и т. д.

При совершенномъ отсутствіи однородныхъ массовыхъ данныхъ о распространенности ночной и дневной фабрично-заводской работы разной продолжительности **), нѣтъ никакой возможности опредѣлить сколько-нибудь точно, какъ должны отразиться въ окончательномъ результатѣ установленныя закономъ 2 іюня нормы рабочаго дня на сокращеніи общей суммы рабочаго времени, затрачиваемаго рабочими въ нашей фабрично-заводской промышленности. И здѣсь вмѣсто общихъ итоговъ и среднихъ намъ приходится довольствоваться числовыми примѣрами и иллюстраціями. Такія иллюстраціи мы можемъ сдѣлать въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны, мы располагаемъ сплошными данными относящимися къ большому числу промышленныхъ заведеній 20 наиболѣе промышленныхъ губерній,—но только *для одной группы производствъ*; съ другой стороны, у насъ есть данныя о средней продолжительности суточной работы рабочихъ, занятыхъ во всѣхъ производствахъ, но только *для нѣсколькихъ, немногихъ губерній*. Воспользуемся и тѣми и другими.

---

*) Вотъ цифры средняго рабочаго дня, при дневной работѣ, по 20 промышленнымъ губерніямъ, для разныхъ видовъ текстильной промышленности: бумагопряденіе — 13 часовъ (точнѣе 12,88), шерстопряденіе — $12^1/_2$, льнопряденіе — 12 (точнѣе 11,95); механическое бумаготкачество — $12^1/_2$ часовъ, шерстоткачество — 12 часовъ (11.93) и механическое льноткачество $11^1/_2$ (11,67) часовъ. Эти цифры показываютъ собственно суточную работу веретенъ и станковъ, но при односмѣнной работѣ тѣ же соотношенія могутъ быть приняты безъ большой погрѣшности и для сравненія продолжительности дня разныхъ категорій рабочихъ. См. „Продолжительность рабочаго дня“ и пр., стр. 4—41 приложеній.

**) Подробный анализъ имѣющихся въ этомъ отношеніи матеріаловъ сдѣланъ въ упомянутой уже статьѣ г. Карышева (въ настоящей книжкѣ нашего журнала), къ которой мы и отсылаемъ читателя, интересующагося детальными сторонами вопроса.

Сплошной матеріалъ объ одной группѣ производствъ даютъ намъ таблицы о числѣ прядильныхъ веретенъ и ткацкихъ станковъ съ разною продолжительностью суточной работы, по 20 промышленнымъ губерніямъ, помѣщенныя въ приложеніи къ сборнику министерства финансовъ «Продолжительность рабочаго дня», не разъ уже цитированному нами. Выберемъ оттуда нѣсколько среднихъ въ особую табличку.

Изъ каждыхъ 100 веретенъ и станковъ работали въ сутки часовъ:

	менѣе 10.	10—11½.	12—13.	13—14.	14—15.	18.	20—21½.	21½, 23½.	24.
бумагопряденіе	—	1,1	13,6	32,3	1,2	12,4	2,2	1,8	35,4
шерстопряденіе	0,5	8,7	31,3	30,6	6,8	1,0	2,7	5,6	12,8
льнопряденіе	—	14,4	35,8	12,3	—	8,0	—	3,2	26,3
бумаготкачество (механ.)	—	5,3	20,5	20,4	1,7	20,9	4,0	2,9	24,3
шерстоткачество	0,2	32,3	42,8	11,3	6,5	—	0,5	1,3	5,1
льноткачество (механич.)	3,0	34,4	39,7	16,8	—	4,9	—	—	1,2

По закону 2 іюня дневная работа можетъ продолжаться до 11½ часовъ, а двухсмѣнная—до 21½ часа (11½ днемъ и 10 ночью). Складывая цифры каждой строки нашей таблички, относящіяся къ періодамъ работы до 11½ часовъ (первыя двѣ колонны) и отъ 18 до 21½ (6 и 7 колонны), мы получимъ процентъ веретенъ и станковъ, рабочее время которыхъ стоитъ *ниже* законныхъ нормъ, и на которые слѣдовательно ограниченія, создаваемыя этими нормами, не могутъ распространяться. Суммы остальныхъ цифръ покажутъ тотъ процентъ веретенъ и станковъ, рабочее время которыхъ должно сократиться съ вступленіемъ въ дѣйствіе закона 2 іюня. Эти отношенія опредѣлятся такъ. Въ бумагопряденіи *ниже* нормы стоитъ работа 15,7% всѣхъ веретенъ и *выше* нормы—84,3%; для шерстопряденія эти цифры будутъ—12,9 (ниже нормы) и 87,1 (выше); для льнопряденія 22,4% и 77,6%; для механическаго бумаготкачества 30,2% и 69,8%; для шерстоткачества—34,2% и 65,8% и наконецъ для механическаго льноткачества—42,3% и 57,7%. Такимъ образомъ, мы вправѣ ожидать, что для всѣхъ названныхъ видовъ производства введеніе установленныхъ закономъ 2 іюня нормъ должно имѣть своимъ послѣдствіемъ сокращеніе во многихъ случаяхъ рабочаго дня рабочихъ, а также и рабочаго дня фабрики—если только нѣкоторыя изъ заведеній съ продолжительною дневною работою не перейдутъ, какъ это можно предвидѣть, къ двухсмѣнной, ночной работѣ.

Данныя о численности рабочихъ, занятыхъ то или иное количество рабочихъ часовъ въ сутки, имѣются въ опубликованныхъ министерствомъ финансовъ матеріалахъ для трехъ губерній— Лифляндской, Петербургской и Московской. Эти губерніи въ извѣстной мѣрѣ типичны для цѣлыхъ районовъ промышленной Рос-

сіи. По Лифляндской губерніи детальныя данныя относятся къ 145 фабрикамъ, на которыхъ было занято въ моментъ собранія свѣдѣній 24,983 рабочихъ. Изъ этого числа 11.486 или 46% работали по 10 часовъ въ сутки, 9.716 (38,8%) по 11 часовъ и только 3.781 рабочій, т. е. 15,2% общаго ихъ числа, имѣли рабочій день въ 12 и 13 часовъ. Такимъ образомъ, здѣсь только для очень небольшого относительно числа рабочихъ, дѣйствительный рабочій день оказывается выше установленной закономъ 2 іюня нормы. Менѣе благопріятными представляются въ этомъ отношеніи условія губерніи Петербургской. Здѣсь съ небольшимъ половина (51,8%) изъ общаго числа 81,580 рабочихъ, занятыхъ на 759 фабрикахъ и заводахъ, имѣютъ рабочій день въ 12 часовъ и выше; именно: 5.527 человѣкъ (6,8%), работаютъ по 13—14 часовъ въ сутки, 13.606 (16,7%) по $12^1/_2$—14 часовъ; для 12.244 человѣкъ (15%) рабочій день опредѣленъ въ 12—13 часовъ и для 10.826 (13,3%) въ 12 часовъ. Но и изъ остальныхъ 48,2% рабочихъ нѣкоторая по крайней мѣрѣ, часть работаетъ тоже болѣе $11^1/_2$ часовъ; данныя нашей таблицы не позволяютъ, однако, точно выдѣлить эту часть, такъ какъ предѣлы группъ намѣчены нѣсколько широко и ихъ maximum'ы и minimum'ы ложатся по обѣ стороны законной нормы. Такъ для 7.531 рабочихъ (9,2% общаго числа), рабочій день указанъ отъ 10—14 часовъ, для 3.033 (3,7%) отъ 11 до 13; для 10.451 (12,8%) отъ 11 до 12 и для 13.849 (16,9%) отъ $10^1/_2$ до 12 часовъ; только 4.513 рабочихъ (5,5%) работаютъ по 11 часовъ въ сутки. Если мы, для упрощенія нашихъ вычисленій, отнесемъ къ первой категоріи (съ рабочимъ временемъ *выше* законной нормы) только 10% рабочихъ, вошедшихъ въ смѣшанныя группы съ продолжительностью рабочаго дня выше и ниже нормы, то общее число всѣхъ рабочихъ въ Петербургской губерніи, работающихъ *болѣе* $11^1/_2$ часовъ въ сутки, опредѣлится въ 45.690 человѣкъ, а общее число рабочихъ съ рабочимъ днемъ *менѣе* $11^1/_2$ часовъ—въ 35.890 человѣкъ. На первую категорію приходится 56, а на вторую 44% общаго количества всѣхъ занятыхъ на фабрикахъ и заводахъ губерніи рабочихъ. Въ «сердцѣ Россіи» съ длинною рабочаго дня обстоитъ еще неблагополучнѣе. Въ Московской губерніи насчитывается 214.570 фабричныхъ рабочихъ; изъ нихъ 125.760 занято на фабрикахъ и заводахъ, работающихъ только днемъ, 88.860—на фабрикахъ, гдѣ существуетъ и дневная, и смѣнная работа (днемъ и ночью). Изъ числа рабочихъ дневныхъ 14.913 работаютъ по 11 и менѣе часовъ въ сутки и 20.215 отъ 11 до 12 часовъ; на обѣ эти группы вмѣстѣ приходится 16,4% общаго количества рабочихъ на всѣхъ фабрикахъ. Рабочій день отъ 12 до 13 часовъ имѣетъ 50.037 рабочихъ и отъ 13 до 14 часовъ—30.080 рабочихъ, обѣ группы составляютъ 37,3% всего контингента рабочихъ; наконецъ, 10.464 рабочихъ (или 4,9% общаго ихъ числа) работаютъ болѣе 14 часовъ въ сутки, причемъ для 8.754 рабочій

день составляетъ 14—15 часовъ, а для 1.708—отъ 15 до 18 часовъ чистой работы! 88.860 рабочихъ, занятыхъ на фабрикахъ и заводахъ со смѣнною работою, распредѣляются по продолжительности рабочаго дня на такія группы: на фабрикахъ съ 18-часовымъ днемъ (т. е. по 9 часовъ на смѣну) работаетъ 13.298 человѣкъ и на фабрикахъ съ рабочимъ днемъ въ 19—21½ часъ—3497 человѣкъ; на обѣ эти группы съ размѣрами рабочаго дня, не превышающими законныя нормы, приходится 7,8% общаго числа всѣхъ рабочихъ. Рабочій день въ 22—23 часа (въ двѣ смѣны) существуетъ на фабрикахъ съ 1.116 рабочими и въ 24 часа—съ 34.344 рабочими; на ту и другую группу вмѣстѣ падаетъ 16,6% всего числа рабочихъ; наконецъ, 36.606 рабочихъ (или 17%) заняты на такихъ фабрикахъ, гдѣ существуетъ частію 18-часовой, частію 24-часовой рабочій день. Раздѣляя это число поровну между обѣими категоріями рабочихъ (съ высшими и низшими противъ законной нормы размѣрами рабочаго времени) получимъ, что въ московской губерніи къ первой категоріи (съ дѣйствительнымъ рабочимъ днемъ, превышающимъ нормальный) отойдетъ 144.368 рабочихъ, т. е. 67,3% общаго ихъ числа, а ко второй (съ продолжительностью рабочаго дня ниже законной нормы) 70.182 человѣка или 32,7%. Такимъ образомъ, для 3 губерній, взятыхъ нами, для примѣра, мы имѣемъ такія соотношенія между численностью рабочихъ, съ рабочимъ днемъ *выше* и *ниже* нормъ, устанавливаемыхъ закономъ 2 іюня 1897 года: для Лифляндской—15,2 и 84,8%, для Петербургской—56 и 44% и для Московской 67,3 и 32,7%.

Мы не пойдемъ далѣе въ нашихъ цифровыхъ выкладкахъ. И такъ уже мы утомили ими читателя. Но вопросъ объ отношеніи *дѣйствительныхъ* размѣровъ рабочаго дня, какъ они сложились въ настоящее время, къ тѣмъ нормамъ, которыя вводятся закономъ 2 іюня, настолько важенъ, что это, надѣемся, оправдываетъ нашу попытку поискать какихъ нибудь фактическихъ опорныхъ данныхъ для отвѣта на этотъ вопросъ, а за отсутствіемъ категорическихъ указаній въ нашемъ матеріалѣ пришлось поневолѣ идти окольнымъ и скучнымъ путемъ. Приведенныя сближенія очень отрывочны и неполны, но они всетаки позволяютъ, какъ намъ кажется, придти къ заключенію, что законъ 2 іюня—будетъ имѣть не одно лишь принципіальное значеніе. Примѣненіе нормъ, имъ установленныхъ, должно значительно сократить тяжесть чрезмѣрнаго труда, лежащаго теперь на фабричныхъ рабочихъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни скромны требованія новаго закона, дѣйствительныя условія фабричной жизни сложились такъ невыгодно для рабочаго, что даже и эти скромныя требованія вносятъ въ нихъ замѣтное улучшеніе. А требованія закона дѣйствительно, скромны, даже слишкомъ скромны. Одиннадцати съ половиною часовой рабочій день очень далекъ отъ тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ затрата физической энергіи считается гигіенистами безвредною для человѣческаго организ-

ма. Въ нѣкоторыхъ производствахъ, требующихъ усиленнаго напряженія отъ рабочаго, такая продолжительность работы является совершенно непосильною для средняго рабочаго. О какомъ-нибудь досугѣ рабочаго едва-ли можно и говорить при такихъ условіяхъ. Одиннадцать съ половиною часовъ чистой работы означаютъ не менѣе 13 часовъ пребыванія на фабрикѣ, прибавляя проходъ туда и назадъ, если рабочій живетъ не въ фабричномъ зданіи, получимъ и всѣ 14. Остается не болѣе 10 часовъ въ сутки, которые рабочій свободенъ отъ фабрики. Это едва хватитъ на сонъ, ѣду и отдыхъ, послѣ тяжелаго напряженія. Если рабочій занятъ въ ночной смѣнѣ, онъ выигрываетъ 1½ часа рабочаго времени, но за то осужденъ никогда не досыпать, вяло работать ночью и чувствовать себя полуразбитымъ днемъ и отъ усиленной работы, и отъ недостаточнаго сна. Къ ночной работѣ, какъ говорятъ люди практики, ее наблюдавшіе и испытавшіе, никогда нельзя привыкнуть, она всегда будетъ тяжела.

Другою положительною чертою новаго закона,—помимо сокращенія, въ указанныхъ выше предѣлахъ, продолжительности рабочаго дня—является обезпеченіе рабочему извѣстнаго количества свободныхъ отъ работы дней въ году. До сихъ поръ наше фабричное законодательство не заключало въ себѣ постановленія объ обязательномъ праздничномъ отдыхѣ. Точно также и практика фабричной жизни не выработала въ этомъ отношеніи ничего опредѣленнаго. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ число нерабочихъ дней на нашихъ фабрикахъ значительно выше, чѣмъ, напр., въ Англіи, гдѣ строго чтится воскресный день; но есть и такія промышленныя заведенія и даже цѣлыя большія ихъ группы, въ которыхъ рабочіе *никогда* не пользуются воскреснымъ отдыхомъ (таковы, напр., условія большинства свекло-сахарныхъ заводовъ и писчебумажныхъ фабрикъ). Законъ 2 іюня обязательно устанавливаетъ включеніе въ число праздниковъ, въ которые не полагается работы, всѣхъ воскресеній и еще 14 праздничныхъ дней въ году, перечисленныхъ въ законѣ; считая въ году 52 недѣли, получимъ всего 66 нерабочихъ дней.

Менѣе благопріятны для рабочаго постановленія о числѣ часовъ обязательнаго перерыва работъ въ воскресные и праздничные дни. Чтобы рабочій могъ въ дѣйствительной мѣрѣ воспользоваться праздничнымъ отдыхомъ, ему необходимо имѣть свободной и ночь подъ праздникъ, только тогда онъ можетъ начать свободный день со свѣжими силами. Для этого свободный перерывъ работы въ праздникъ долженъ заключать въ себѣ не менѣе 36 часовъ. Въ Англіи рабочій день въ субботу составляетъ только 6 часовъ, и затѣмъ работы прекращаются до понедѣльника, рабочій имѣетъ такимъ образомъ въ своемъ распоряженіи каждую недѣлю сплошной промежутокъ времени въ 40—41

часъ. У насъ, при широкомъ распространеніи ночныхъ работъ, воскресный отдыхъ—гдѣ онъ есть—гораздо короче и не превышаетъ обыкновенно 24 часовъ. Эта же норма узаконяется и «Правилами», изданными министромъ финансовъ, въ дополненіе къ закону 2 іюня. Мы опять наталкиваемся здѣсь на тотъ же вопросъ о ночной работѣ, о которомъ уже говорили выше. Въ районахъ распространенія этихъ работъ нерѣдки случаи, когда рабочій, окончивъ ночную смѣну только къ 4 — 5 часамъ утра въ воскресенье, проработавъ всю ночь подъ праздникъ, долженъ опять становиться на работу раннимъ утромъ въ понедѣльникъ. Возможность такихъ случаевъ не устраняется и по вступленіи въ силу закона 2 іюня, такъ какъ существованіе ночныхъ работъ этотъ законъ, какъ мы уже видѣли, совсѣмъ не затрогиваетъ.

До сихъ поръ мы говорили объ общихъ постановленіяхъ закона 2 іюня 1897 г. Но отъ дѣйствія этихъ постановленій допускается цѣлый рядъ исключеній. Главнѣйшимъ изъ такихъ исключеній является разрѣшеніе *сверхурочныхъ работъ*.

Сверхурочною—по опредѣленію 8 ст. закона 2 іюня—считается работа, «производимая рабочимъ въ промышленномъ заведеніи въ такое время, когда по правиламъ внутренняго распорядка ему не полагается работы». Въ договоръ найма названная статья дозволяетъ включать условія «только о такихъ сверхурочныхъ работахъ, которыя оказываются необходимыми по техническимъ условіямъ производства». Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ сверхурочныя работы «допускаются не иначе, какъ по особому соглашенію завѣдывающаго промышленнымъ заведеніемъ съ рабочимъ».

Самый текстъ закона ограничивался только этими общими указаніями о сверхурочныхъ работахъ. Изданіе въ развитіе ихъ подробныхъ правилъ и инструкцій о производствѣ, распредѣленіи и учетѣ сверхурочныхъ работъ предоставлялось подлежащимъ министрамъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Въ приведенномъ общемъ своемъ видѣ постановленія о сверхурочныхъ работахъ не могли не вызывать серьезныхъ недоумѣній. Въ самомъ дѣлѣ, разъ удлиненіе законнаго предѣла рабочаго дня ставилось въ зависимость отъ одного лишь «соглашенія» между фабричною администраціею и рабочими, все значенія законныхъ нормъ могло быть сведено на практикѣ къ нулю. Ограниченіе права фабричной администраціи ставить въ договорѣ найма общія, огульныя требованія о сверхурочныхъ работахъ не могло еще гарантировать, что, поставленныя «въ раздробь», такія требованія не окажутся de facto столь же обязательными для рабочихъ, и «особыя соглашенія» не явятся въ сущности лишь одной изъ замаскированныхъ формъ для обхода закона.

По счастію дальнѣйшія инструкціонныя указанія относительно

порядка сверхурочныхъ работъ сошли съ той почвы, на которой стояло первоначальное опредѣленіе закона. Преслѣдованіе неосуществимой задачи—достигнуть устраненія чрезмѣрной продолжительности рабочаго времени «безъ всякихъ стѣсненій для промышленности», т. е. «и безъ лишенія фабриканта возможности вести свое производство непрерывно и безъ воспрещенія рабочему работать въ любое время дня и ночи»—было хотя въ одной своей части оставлено въ сторонѣ, и 18-ою статьею дополнительныхъ «Правилъ» число сверхурочныхъ часовъ каждаго рабочаго ограничено 120 въ годъ.

Это ограниченіе относится, впрочемъ, только къ сверхурочнымъ часамъ, отрабатываемымъ «по соглашенію» рабочаго съ фабричною администраціею. Затѣмъ существуютъ еще сверхурочныя работы, *обязательныя* для рабочаго,не входящія въ указанную норму. Сюда относятся,—помимо случайныхъ работъ, вызываемыхъ внезапными поломками и порчами механизмовъ, или пожаромъ, остановившимъ на время дѣятельность всей фабрики или какого либо ея отдѣленія,—также и всѣ такія работы, которыя оказываются необходимыми по техническимъ условіямъ производства. Эти работы могутъ по закону включаться и въ самый договоръ о наймѣ. Преподанная министромъ финансовъ «Инструкція чинамъ фабричной инспекціи» (отъ 20 сентября 1897 г.) ставитъ довольно широкія рамки для сверхурочныхъ работъ этой категоріи, причемъ нѣкоторые изъ перечисленныхъ въ инструкціи примѣровъ выходятъ уже изъ сферы *техническихъ* условій производства въ тѣсномъ смыслѣ. Такъ, на ряду съ химическими процессами, срочное окончаніе которыхъ находится внѣ воли работающихъ, здѣсь упоминается о производствахъ, «пріуроченныхъ къ опредѣленнымъ, краткимъ періодамъ времени», каковы, напр. «всѣ сезонныя работы (по приготовленію всякаго рода фруктовыхъ, ягодныхъ, рыбныхъ и др. консервовъ)»; въ подобныхъ случаяхъ сверхурочныя работы признаются необходимыми, «если для владѣльца заведенія невозможно или *затруднительно* увеличить число рабочихъ». Далѣе, сверхурочныя работы признаются необходимыми въ типографіяхъ, «которыя вынуждены къ нимъ прибѣгать для удовлетворенія потребности общества въ изданіяхъ періодической печати, какъ ежедневной, такъ и еженедѣльной и ежемѣсячной, для которыхъ сверхурочныя работы требуются въ теченіе очень краткаго періода, предшествующаго выходу въ свѣтъ еженедѣльнаго или ежемѣсячнаго номера» (а ежедневнаго?). Очевидно, всѣ приведенныя соображенія касаются не техники, а экономики производства, и притомъ они крайне растяжимы, ихъ очень можно распространить безъ большой натяжки чуть не на всѣ виды производства. Необходимо ожидать поэтому, что въ зависимости отъ взглядовъ фабричной инспекціи область примѣненія обязательныхъ сверхурочныхъ работъ получитъ крайне разнообразные предѣлы въ разныхъ мѣстностяхъ фабричной Россіи.

Другое крупное исключеніе изъ правилъ о нормировкѣ рабочаго дня касается работъ *«непрерывныхъ»*, т. е. такихъ «которыя не могутъ быть прерываемы въ произвольное время безъ порчи приборовъ, обрабатываемыхъ матеріаловъ или приготовляемыхъ издѣлій». По отношенію къ этимъ работамъ (перечень ихъ приложенъ къ «Инструкціи» министра финансовъ) дозволяются отступленія, въ предѣлахъ дѣйствительной необходимости, отъ постановленій закона: о нормальномъ числѣ рабочихъ часовъ днемъ и ночью, объ обязательности свободныхъ перерывовъ не менѣе часа, при десятичасовой и болѣе работѣ въ сутки *) и о воскресномъ и праздничномъ отдыхѣ. Опредѣленіе предѣловъ такихъ изъятія предоставляется въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ чинамъ фабричной инспекціи. Значитъ, и здѣсь очень многое будетъ зависѣть отъ различія въ «усмотрѣніи» на мѣстахъ. Какъ общую норму «Правила» министерства финансовъ выдвигаютъ только требованіе о томъ, чтобы: а) общее число рабочихъ часовъ въ теченіе двухъ сутокъ не превосходило «для каждаго рабочаго вообще *двадцати четырехъ*, въ теченіе же тѣхъ двухъ сутокъ, на которыя приходится ломка смѣны, *тридцати*» и б) чтобы каждый рабочій былъ «освобождаемъ отъ работы на 24 часа сряду не менѣе 3 разъ въ мѣсяцъ, если число его рабочихъ часовъ въ сутки (не считая дней ломки смѣны) не превосходитъ 8, и не менѣе 4 разъ въ мѣсяцъ, если упомянутое число болѣе 8».

Такимъ образомъ, въ области непрерывныхъ работъ всѣ порядки остаются по старому, за исключеніемъ лишь правила о періодическихъ перерывахъ, замѣняющихъ воскресный отдыхъ.

Тѣ же правила, которыя установлены для извѣстныхъ видовъ производства требующихъ непрерывности, распространяются и на нѣкоторыя отдѣльныя категоріи рабочихъ во всѣхъ производствахъ. «Правила», утвержденныя министромъ финансовъ относятъ сюда рабочихъ, занятыхъ работами вспомогательными при различныхъ производствахъ (текущимъ ремонтомъ, уходомъ за котлами, двигателями и проводами, водоснабженіемъ и освѣщеніемъ фабрично-заводскихъ зданій, сторожевой и пожарной службой) и «вообще какъ такими работами, безъ предварительнаго выполненія которыхъ промышленное заведеніе не можетъ быть въ опредѣленное для того время пущено въ дѣйствіе, такъ и такими, которыя должны быть производимы по необходимости послѣ остановки заведенія». Для всѣхъ подобныхъ рабочихъ (вѣроятную численность которыхъ органъ министерства финансовъ предполагаетъ въ $1/2$—1% общаго числа всѣхъ фабрично-заводскихъ рабочихъ) соблюденіе постановленій о

*) Такія перерывы устанавливаются 10 п. «Правилъ о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени» какъ общая норма, отъ которой, впрочемъ, допускаются отступленія «въ случаяхъ значительныхъ препятствій» къ ея выполненію.

предѣлахъ рабочаго дня и перерывахъ въ работѣ является обязательнымъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой это будетъ найдено необходимымъ фабричною инспекціею.

Всѣ перечисленныя случаи изъятій направлены къ ослабленію обязательныхъ требованій, нормирующихъ рабочее время; законъ предвидитъ, однако, необходимость изъятій и въ другую сторону. Именно пунктомъ 3 ст. 8. закона 2 іюня подлежащимъ министрамъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, предоставляется «издавать правила о продолжительности и распредѣленія рабочаго времени въ производствахъ и работахъ, особенно вредныхъ для здоровья рабочихъ, съ уменьшеніемъ установленной въ ст. 4 и 5 наибольшей продолжительности рабочаго времени въ зависимости отъ свойственнаго этимъ производствамъ и работамъ вреда и отъ тѣхъ мѣръ предосторожности, которыя приняты къ ослабленію онаго».

Въ изданныхъ министромъ финансовъ «Правилахъ о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени въ заведеніяхъ фабрично-заводской промышленности» никакихъ поставленій въ развитіе этого указанія закона мы, однако, не находимъ. Только въ «Инструкціи» чинамъ фабричной инспекціи рекомендуется, въ случаѣ, если «они усмотрятъ, что какія либо работы по свойству самого производства и по обстановкѣ, въ которой онѣ производятся, особенно вредны для здоровья рабочихъ», «представлять о семъ департаменту торговли и мануфактуръ, вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ о томъ: «какія требованія, по ихъ мнѣнія, необходимо предъявить по отношенію къ продолжительности и распредѣленію рабочаго времени въ такихъ случаяхъ, въ зависимости отъ способовъ производства и принятыхъ мѣръ предосторожности для устраненія вреднаго вліянія вышеозначенныхъ работъ на здоровье рабочихъ». Такимъ образомъ, и здѣсь принятіе мѣръ, необходимыхъ для огражденія здоровья и жизни рабочаго, ставятся въ зависимость отъ того, что «усмотрятъ» чины мѣстной инспекціи.

Рядъ постановленій, перечисляющихъ разныя категоріи изъятій изъ дѣйствія тѣхъ или другихъ статей закона 2 іюня, завершается въ «Правилахъ», изданныхъ министромъ финансовъ, общимъ указаніемъ о томъ, что отступленія отъ постановленій о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени могутъ быть допускаемы, съ особаго каждый разъ разрѣшенія министра финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ—«и въ другихъ особо важныхъ, исключительныхъ случаяхъ—для отдѣльныхъ отраслей промышленности или отдѣльныхъ заведеній и разрядовъ рабочихъ» (ст. 16).

Многочисленность и неопредѣленность изъятій отъ постановленій закона дѣлаетъ нѣсколько зыбкою ту почву, на которую опирается воздѣйствіе этихъ постановленій на дѣйствительную жизнь. Еще большее значеніе въ этомъ отношеніи имѣетъ отсутствіе до-

статочной гарантіи въ томъ, что требованія закона получать реальную принудительную силу даже и въ томъ объемѣ, въ какой они отольются окончательно, послѣ всѣхъ частичныхъ исключеній и урѣзокъ. Прежде всего является вопросъ объ органахъ надзора за исполненіемъ закона.

Правила о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени, устанавливаемыя закономъ 2 іюня 1897 г., распространяются на заведенія фабрично заводской промышленности во всѣхъ губерніяхъ Европейской Россіи, управляемыхъ по общему положенію и въ землѣ войска Донского, на заведенія горной и горно-заводской промышленности, золотые и платиновые промыслы, желѣзнодорожныя мастерскія, а также фабричныя заведенія, принадлежащія кабинету Е. И. В., главному управленію удѣловъ, казнѣ и правительственнымъ установленіямъ. Надзоръ за исполненіемъ узаконеній о нормировкѣ рабочаго времени по отношенію къ казеннымъ, кабинетскимъ и удѣльнымъ фабрикамъ и заводамъ возложенъ на административныя учрежденія этихъ вѣдомствъ *) Главнымъ органомъ надзора за частными промышленными заведеніями является институтъ фабричной инспекціи, а также инспекціи горной и желѣзнодорожной для соотвѣтственныхъ спеціальныхъ отраслей промышленности.

Составъ фабричной инспекціи одновременно съ изданіемъ закона 2 іюня и съ распространеніемъ фабричнаго надзора на губерніи, ранѣе ему не подчиненныя, нѣсколько усиленъ, такъ что въ настоящее время старшихъ и младшихъ инспекторовъ числится 171. Но это на нѣсколько тысячъ фабрикъ и заводовъ, разсѣянныхъ на огромной территоріи. Въ печати не разъ уже приводились подробные расчеты, доказывающіе что въ большинствѣ случаевъ фабричный инспекторъ можетъ посѣтить порученныя его надзору фабрики не болѣе раза или двухъ въ годъ. Со введеніемъ въ дѣйствіе закона 2 іюня работа фабричныхъ инспекторовъ должна во много разъ увеличиться. Съ другой стороны нѣтъ сомнѣнія, что въ очень значительной степени должны возрасти и стремленія обойти или нарушить постановленія объ обязательныхъ распорядкахъ на фабрикѣ, разъ эти постановленія могутъ стѣснять фабриканта. Одна борьба изъ за сверхурочныхъ работъ неизбѣжно должна поглотить массу энергіи и времени фабричной инспекціи. Можно ли считать сколько нибудь вѣроятнымъ, что при наличныхъ силахъ надзора эта борьба во всѣхъ случаяхъ окажется удачною.

Но допустимъ, что это будетъ такъ, что надзоръ инспекціи будетъ совершенно дѣйствителенъ, и что всѣ случаи нарушенія закона 2 іюня будутъ своевременно обнаруживаться. Значитъ-ли это, что вмѣстѣ съ обнаруженіемъ они будутъ и устранятся? Этого никакъ

*) Техническія заведенія, состоящія въ вѣдѣніи военнаго и морского министерствъ, не подчиняются закону 2 іюня.

нельзя сказать, такъ какъ фабричный надзоръ очень мало вооруженъ для того, чтобы *заставить* фабричную администрацію исполнять свои требованія.

До сихъ поръ законъ устанавляетъ только одну мѣру понужденія въ этомъ случаѣ—денежный штрафъ, въ довольно ограниченныхъ размѣрахъ, не переходящихъ 300 р., а въ большей части случаевъ нарушеній—даже 100 р. Единственный предусматриваемый закономъ случай уголовной отвѣтственности (арестъ и временное лишеніе права завѣдыванія фабрикою) относится къ такимъ проступкамъ фабричной администраціи, которые «вызвали на фабрикѣ или на заводѣ волненіе, сопровождавшееся нарушеніемъ тишины или порядка и повлекли принятіе чрезвычайныхъ мѣръ для подавленія безпорядковъ» (ул. о нак., ст. 1359[1]).

Законъ 2 іюня никакихъ особыхъ правилъ объ отвѣтственности за его нарушенія не установляетъ. Эта особенность даннаго закона—отсутствіе спеціальной карательной санкціи его постановленій — была уже не разъ отмѣчена печатью.

Однимъ изъ слабыхъ пунктовъ закона 2 іюня—замѣчаютъ справедливо «Русскія Вѣдомости» въ замѣткѣ, напечатанной въ № 187—является «отсутствіе особыхъ каръ за его нарушеніе. При тѣхъ громадныхъ выгодахъ, которыя въ извѣстныхъ случаяхъ могли бы получить его нарушители, было бы желательно привлекать виновныхъ къ дѣйствительно серьезной *судебной* отвѣтственности, а между тѣмъ никакихъ *спеціальныхъ* наказаній за нарушенія этого, совершенно *спеціальнаго* по своимъ особенностямъ закона не имѣется. Такимъ образомъ, неисполненіе этого закона можно будетъ подвести лишь подъ «нарушеніе правилъ внутренняго распорядка», которое карается по уставу о промышленности въ административномъ порядкѣ (фабричными присутствіями) наложеніемъ штрафа отъ 25 до 100 рублей, т. е. такимъ наказаніемъ, которое налагается за какую-нибудь неправильность въ веденіи книги «именной списокъ рабочихъ» и за тому подобные неособенно важные проступки. Несоотвѣтствіе очевидное».

Каковы бы ни были, однако, всѣ крупные и мелкіе недостатки и недочеты въ законѣ о нормировкѣ рабочаго времени,—во всякомъ случаѣ это несомнѣнный шагъ впередъ въ дѣлѣ охраны народнаго труда.

Никакъ нельзя сказать того же о другомъ мѣропріятіи въ области рабочаго законодательства, выдвинутомъ въ настоящее время на очередь, именно о проектѣ новаго «Положенія о наймѣ на сельско-хозяйственныя работы». На разсмотрѣніи основныхъ особенностей этого законопроекта мы не можемъ, однако, остановиться теперь же, такъ какъ наша замѣтка и безъ того уже слишкомъ растянулась. Приходится отложить это до слѣдующей книжки.

Н. Анненскій.

Издатели: Вл. Короленко. Н. К. Михайловскій.
Редакторы: П. Быковъ. С. Поповъ.

